

Здесь, под небом своим...

Здесь, под небом своим . . .

Унесенные в бессмертие

Наука в России и её окрестностях

Библиохроника

1564–2014 гг.

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

Русский раритет
Москва, 2017

Посвящается самым близким людям, никогда и ни при каких обстоятельствах не оставлявших нас наедине с возникавшими проблемами.

Замысел
Алексей и Сергей Венгеровы

Авторы-составители
Андрей Ваганов, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров

Художественное оформление
Мария Титушкина, Эдуард Козлов

Издательское руководство
Николай Гандрабур

Первая часть проекта «Библиохроника» под общим названием «В некотором царстве...» удостоена Премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2011 год.

Фото из личных архивов и архива ТАСС

Напечатано 300 нумерованных экземпляров

Экземпляр №

ISBN 978-5-7034-0341-9

«Наука – это то, чего не может быть…»
Академик П. Капица

*«Как веруем и мы сами,
Не ведая, что творим».*
Б. Окуджава. «Молитва»

«Мудролюбивы российские отроки…»
Л. Магницкий

Что имеем – не храним…

В этом выпуске «Библиохроники» авторами-составителями делается попытка обратиться, естественно, фрагментарно, но тем не менее последовательно-хронологически, к истории России, заглянув в сферы науки, технологии, производства.

Это «заглядывание» никоим образом не претендует на научное исследование. Тем более, что отдельные очерки затрагивают и некоторых титанов научной мысли за рубежом. Но их судьбы, так или иначе, в той или иной степени, сказывались, и продолжают сказываться, на наших с Вами судьбах. И потому они – здесь.

Тональность выпуска, прямо скажем, не отличается ни высоким пафосом, ни жизнерадостностью. И все же определенным героям наших очерков – Смотрицкому, автору первой кириллической грамматики; Поликарпову-Орлову, автору знаменитого «Букваря»; академику А. Крылову, теоретику кораблестроения, автору первого перевода на русский язык «Математических начал натуральной философии» Ньютона, и другим, – удалось избежать резких изгибов и оголтелых ударов на жизненных (профессиональных) траекториях.

Разумеется, авторы-составители хорошо представляют, что многие и многие перворядные деятели отечественной науки и техники не попали на страницы настоящего выпуска (к примеру, Н.В. Тимофеев-Ресовский, П.П. Лазарев и другие).

Но в этом, по нашему мнению, тоже есть своя правда: помимо ограничения в объеме издания, что само по себе наводит на мысль о выпуске следующих томов, здесь проявляется желание обратить внимание Читателя на персонажей не очень известных современникам. В какой-то степени – избавить их от забвения.

Что было, то было…

Баланса, конечно, нет. Но «истина дороже».

Вот уж воистину непреходящие вопросы наши… «За что?», «Почему?», «С какой целью?» – некий набор, с одной стороны, риторических, а с другой – совершенно конкретных, не имеющих и по сей день внятных и однозначных ответов. Да их, этих ответов, и быть, вероятно, не может…

Трудно себе представить живое существо без осознанной либо рефлекторной памяти. В различных воспоминаниях, будь то канонически устоявшиеся или отрывочно-лоскутные, кроется не только ощущение прошедших времен и событий, здесь же – истоки указания в будущее…

Наука в России, причем в любой сфере – будь то естествознание, техническая либо гуманитарная, – за почти четырехсотлетний период развивалась по законам, трудно поддающимся обобщениям.

С одной стороны – безусловное обилие в наших пенатах «интеллектуальной массы» и ее достижений, замечательных ее представителей, на уровне «топового» ряда в мировом масштабе. С другой – зачастую необъяснимо пренебрежительное, подчас – жестокое отношение к выдающимся проектам, делам и умам современников.

Истории известны многочисленные примеры равнодушия или халатности, переходившие в небрежение к научным гениям. Более того, это «небрежение», как общественное, так и личное, нередко переплавлялось в зависть, ненависть. Прямым следствием последних нередко становилось физическое исчезновение объектов этой самой «ненависти». Чем это было продиктовано: изначальной озлобленностью «на всех и вся» или безумием, позволяющим себе не просчитывать последствия содеянного? Не ведаем, что творим?..

Как бы то ни было, такое отношение к науке и ученым, к истории науки, в конце концов, – это удар (иногда смертельный) по нашей памяти. А удар по памяти – это удар по всему общественному организму, потому что наносится в критически важную область, требующую защиты, то есть именно в «причинное место» социума. (См. В. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка». Т. 3, М., 1912 г.)

Когда академик Петр Капица, выдающийся российский физик, безусловно ученый мирового масштаба, возможно, походя бросил свое замечательное изречение, вынесенное в один из эпиграфов этого выпуска «Библиохроники», он и ведать не ведал, какой нелицеприятный смысл могут извлечь из этого высказывания его натренированные в «испорченности» современники и потомки. Помимо прямого указания на непредсказуемость научных открытий и их прагматических последствий в виде конкретных технологий, Петр Леонидович вряд ли предполагал, что «не может быть» осуществится в реальной жизни не только в научном плане.

Позитивно настроенному Читателю трудно смириться с тем, что в Российском государстве, с одной стороны, на протяжении веков (наиболее активно во времена Петра I, дочери его, Елизаветы Петровны, а также в советское время) создавалась фундаментальная научная

база – была организована и становилась на мощные, устойчивые «ноги» Российская Академия наук, за которой «прицепом» следовали технологическая наука и практическое производство. А с другой – то же государство, обстоятельства, время (можно привести еще много бессмысленных по сути объяснений – иными словами, в самом широком смысле слова, мы с вами) зачастую делали все возможное и невозможное, включая как минимум безразличие, а как максимум – содействие произволу в отношении персонажей, чтобы воспрепятствовать появлению и развитию научных замыслов мирового значения. Замыслов, на которые так горазд народ, испокон века населяющий нашу землю.

Невольно хочется сделать отступление.

В стране, где жили наши предки, родились мы, появились на свет потомки и где, если повезет, удастся закончить свое бренное существование, – было, есть и, видимо, будет немало удивительных, но трудно так просто, «на пальцах», объяснимых проблем и явлений. На одном из них – судьбе молодых талантов и так называемой «утечки мозгов», хотелось бы сделать небольшую остановку.

В силу личного преподавательского опыта одного из авторов (в вузах аж с 1965 года, а в «профессорстве» без отрыва от производства – с 1983 г.) сложилось устойчивое впечатление, что у нас есть «в наличии» огромное количество талантливой, мускулисто-нравственной и действующей молодежи. Это не панегерическая предвзятость и не квасной патриотизм, а просто онегинское «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

Юношеская и молодежная публика эта – многочисленна, незаурядна и способна блестяще проявлять себя буквально во всех областях знаний. Причем не без прагматического уклона: неразрывная цепочка четырех составляющих «информация – знания – умение – высокий профессионализм», реализация которой ведет непосредственно к жизненному успеху с его двумя итогами – творческим удовлетворением своей деятельностью и карьерой, – зачастую становится их формулой поведения. От природы они обладают высоким IQ, способны легко и внешне непринужденно принимать неординарные, но правильные решения, доводить их до реализации, аргументированно и спокойно доказывать свою правоту.

Откуда это берется? Однозначно определить трудно, но попытаемся…

Возможно, корни лежат на поверхности. Они – в столетиях предыдущих историко-социально-экономических условиях, неизбежно приводящих к пассионарной ментальности. А быть может, они – в огромном количестве «микстовых» браков, физиологически связан-

ных с сильными, высокими чувствами и необходимостью, для пылкого союза, преодоления социальных или клановых барьеров?

Так или иначе, талантливой молодежи нам не занимать. А что дальше? В зрелой жизни? И, пытаясь ответить на эти вопросы, мы сразу же попадаем в непроходимую чащу, в бурелом…

Выясняется, что весь этот бесценный человеческий и интеллектуальный потенциал растекается сразу же, по выходе в большую жизнь в четырех слабо пересекающихся направлениях:

– успешная исследовательская работа на выбранных «фронтах» научной деятельности;

– «тихий» уход в тень, часто сопровождающийся разочарованием, обильным употреблением горячительных напитков и довольно быстрым сходом с жизненной арены;

– перемещение «в дали светлые» с целью возможно более полной реализации своих талантов и подкрепления этой реализации финансово-экономическими и социальными эквивалентами;

– активное конформирование (приспособление) – за счет связей, протежирования, случая – к текущей конъюнктуре, как правило, имеющей устойчивые государственные или финансовые преференции. Это, четвертое, направление, к сожалению, выбирает значительная по численности, часть талантливой поросли.

Вывод прост: если мы хотим (а мы очень хотим!) быть спокойными за наших (и Ваших!) детей, внуков и правнуков – нельзя ни в коем случае допустить преобладания последних трех направлений «утечки мозгов». Все должно быть с точностью до наоборот. Всенепременно!

Вернемся, однако, к тематике выпуска.

Напомним заинтересованному Читателю, о чем идет речь непосредственно в этом томе «Библиохроники».

Недружелюбно, мягко говоря, встреченный научным сообществом Петербургской Академии наук после возвращения на родину из Марбурга (Германия) Михайло Ломоносов; оговоренный недругами честнейший архитектор шведского происхождения Александр Витберг (автор проекта Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве, 1818 г.); незаслуженно забытые, особенно с экономической точки зрения, другие многочисленные изобретатели, выдающиеся инженеры и ученые в самых различных отраслях науки и техники. Прочтите, к примеру, в этом выпуске «Библиохроники» очерк о судьбах многих Главных Конструкторов отечественного ракетного вооружения.

Читатель, конечно, может задаться риторическим вопросом: «Ну и зачем это все вспоминать? Это не улучшает настроения!» При этом у такого субъекта будет только один убийственный аргумент: «Кто старое помянет, тому…» Ну и так далее.

Нет, господа-товарищи! Забывчивость – вещь, конечно, полезная для сохранения нервной системы и вообще здоровья. Но не в этом случае. Ибо ущерб, наносившийся в течение трех столетий интеллектуальной сфере, означает ни больше ни меньше как урон нашему генофонду, а стало быть, государству. Вспомните луспекаевское – «За державу обидно!».

Память – это неосязаемая субстанция, предохраняющая нас (к сожалению, не всегда и не везде) от повторения пройденного и, в частности, от постоянной реализации на практике известной притчи о «граблях». Хорошо известно, что история «учит тому, что ничему не учит». Но этот эмпирический закон, как нам представляется, все же поддается коррекции…

Что же мы с Вами, российский Читатель, имеем в «сухом остатке»?

Отправленные из страны в начале 20-х годов XX века «философские пароходы»; физическое уничтожение ученых с мировыми именами – Н.И. Вавилов, Л.В. Шубников, Б.М. Гессен, П. Флоренский и многих других; ГУЛАГ для сотен и тысяч научных работников и университетских профессоров (некоторым «повезло»: А.Н. Туполев, С.П. Королев, А.Л. Чижевский после тюремного заключения попадали в так называемые «шараги»); бесчисленные судебные процессы в 1930-х, когда в застенках бесследно исчезали не только самые выдающиеся, в научном плане личности, но и их многочисленные сотрудники, коллеги и просто родственники (позволим себе напомнить расхожую в те времена аббревиатуру – ЧСВН, «член семьи врага народа»). А бесчисленные «дела» различных «вредителей» (на электростанциях, на транспорте, в сельском хозяйстве, в генетике, кибернетике и даже квантовой механике и т.п.) 30–40-х годов почти во всех сферах научной и практической деятельности народа. Не говоря уже о почти поголовном истреблении военной и экономической элиты общества – маршалы, комбриги, комдивы, наркомы, их заместители, главные конструкторы и т.д., и т.п.

Можно легко предположить, что при ином «подходе к кадрам» – во всех сферах, в том числе в гуманитарной и общественной, – наше Отечество, вступив в смертельную схватку с неоварварством нацистского толка, победив его и избавив человечество от «чумной напасти» (война 1941–45 гг.), обошлось бы куда меньшими, чем известно из официальных источников, утратами и кровью.

Частичка «бы», разумеется, в русском языке относится к сослагательному наклонению, которое историей не воспринимается. Но все же, все же...

Напомним, что тематика очерков этого выпуска «Библиохроники» была акцентирована в основном на естественнонаучный сектор зна-

ний. Стоит ли говорить о том, что и огромная гуманитарная и общественная сфера – литература, театр, живопись, кинематограф, архитектура – также достойна пристального внимания и памяти потомков. Авторы-составители выпуска «Библиохроники» рискуют утверждать, что в истории русской интеллектуальной жизни есть еще огромное количество «белых пятен».

Сохраняя преемственность, мы придерживались методологического правила, на котором строится вся «Библиохроника» – показывать невероятную, порой драматическую, историю России, базируясь на уже опубликованных источниках. В данном случае – книгах самих ученых и об ученых, книгах научных и о судьбах науки, научно-популярных и беллетристических, авторами которых нередко становились люди науки и практики. Чего стоит, например, сборник повестей одного из коллег академика Л.Д. Ландау, вместе с ним попавшим в тюрьму по так называемому делу «харьковского Физико-технического института», Георгия Демидова.

Науку, научные исследования и результаты зачастую очень сложно иллюстрировать. Но при этом, как это ни парадоксально, на протяжении всей своей истории Наука (с большой буквы!) стремилась к тому, чтобы наглядно представить объекты и результаты своих исследований. Недаром эллины не различали понятий «видеть» и «знать». Поэтому неслучайно, что в сознание обычного читателя наиболее глубоко вошли научные представления, которым был найден какой-либо образный эквивалент: яблоко Ньютона как иллюстрация закона всемирного тяготения; дергающиеся под воздействием электрических разрядов лягушачьи лапки в опытах Луиджи Гальвани; змея, кусающая себя за хвост, как образ бензольного кольца, открытого Кеккуле; периодическая таблица химических элементов Менделеева; собаки академика Ивана Павлова; двойная спираль ДНК Уотсона и Крика; шотландская «овечка Долли» Яна Вилмута как символ клонирования; астрофизическая «черная дыра» Стивена Хокинга…

Мы попытались способствовать этому *парадоксу (не)наглядной Науки* через воспроизведение иллюстративного ряда, заимствованного из отечественных научных и научно-популярных изданий.

И в заключение. Как заметил физик-теоретик Ювал Нееман, «Наука – это ДНК социального вида». Уже подсчитано, что после 2000 года до 70% всей продукции в мире производится за счет наукоемких отраслей. Увы, в современной России эта «социальная ДНК» пока находится в явно далеком от совершенства виде. Как тут не вспомнить классика:

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.
(И. Бродский. «Письма римскому другу»).

И все-таки оглядываться надо. Необходимо!

Именно потому, что, как и все предыдущие выпуски «Библиохроники», нынешний носит, прежде всего, просветительский характер.

Выдающийся историк, страстный библиофил Умберто Эко отмечал: «Просветитель – это тот, кто имеет представление о том, "как устроен мир", кто верит, что возможна этика на основе разумных договоренностей, и, наконец, это тот, кому известно, что у людей есть пять первостепенных потребностей. Это еда, сон, любовь, игра и установление причин явлений».

Стало быть, просветительство – как воздух: без него ни охнуть, ни вздохнуть. Иначе, даже после патетически позитивного прогноза еще одного великана – Владимира Маяковского: «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвесть!..», придется поставить не восклицательный, а вопросительный знак. При этом размер этого знака уже не будет иметь значения...

Так что в данном случае разговор идет о выборе общества, в котором мы и Вы, Читатель, хотим жить. Или – не хотим?!

С глубоким уважением, Алексей Венгеров,
руководитель проекта, доктор технических наук (1973 г.),
профессор (1983 г.)

Андрей Ваганов,
ответственный редактор приложения «НГ-наука»
«Независимой газеты» (Москва), научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН

P.S. Отдельные очерки выпуска, отмеченные знаком (*), заимствованы из ранее изданных томов «Библиохроники». Объясняется это тематикой и направленностью настоящего издания.

Эпилог, он же – напутствие

Известен совет: «Никогда не говори "никогда"». Однако, настоящим выпуском завершается некий этап нашего проекта – выпущено (2004–2017) четырнадцать томов «Библиохроники» в различных сериях: «В некотором царстве...» (3 тома), «Здесь, под небом своим» (7 томов), «Между нами» (3 тома) и немецкий вариант 1-го тома «В некотором царстве...» в другом оформлении.

Во всех выпусках строго сохраняется хронологическая последовательность – по выходу в свет книжных (альбомных) источников и иллюстраций.

Огромная благодарность не только непосредственным участникам проекта, но и всем тем, кто своим благорасположением и сочувствием способствовал его появлению.

Список этих, позитивно настроенных к проекту, людей обширен и постоянно пополняется, в том числе и в результате появления (в конце 2016 года) во Всемирной паутине демонстрационных сайтов «Antik-tv.com» и «Библиохроника.рф», которые позволяют познакомиться в легкодоступной форме с каждым выпущенным томом, перелистывая страницы.

Особая признательность всем непосредственным исполнителям: авторам-составителям, художникам, участникам верстки, корректуры, редактуры, всему издательскому и техническому персоналу.

Но самая высокая степень благодарности – тем близким людям, в первую очередь уже ушедшим, в которых без всяких сомнений скрыты подлинные истоки наших замыслов и реально сделанного. Бесконечно жаль, что не всем из них удалось узреть плоды этого коллективного труда.

В завершение: проект «Библиохроника», на наш взгляд, не имеет ни «временны́х», ни «тематических» ограничений. Просветительство – стезя благодатная, благородная и неисчерпаемая.

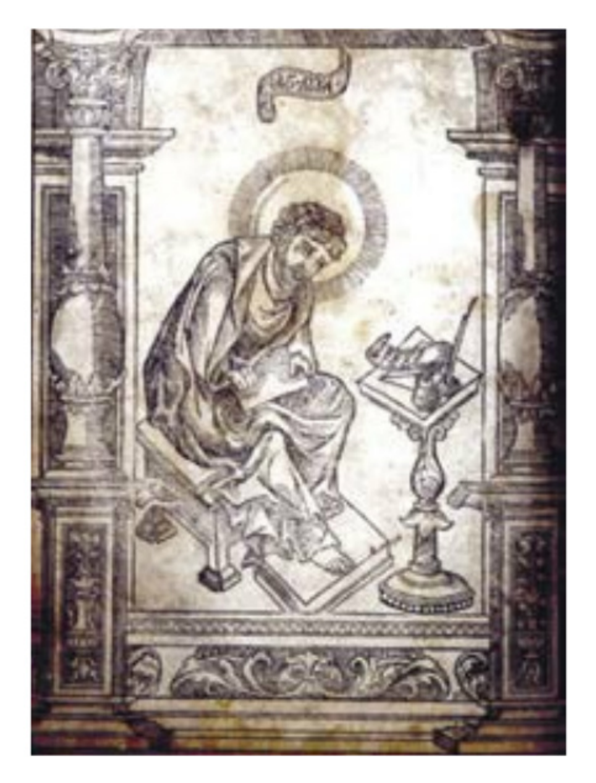
Еще раз с уважением
и наилучшими пожелаиями

Библиохроника

1

Апостол (1564)*

Апостол (от греческого apostolos – посланник) – часть Нового Завета, богослужебная книга Православной Церкви, которая включает в себя написанные евангелистом Лукой деяния апостолов, соборные послания апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды, 14 посланий апостола Павла и Апокалипсис. Считается, что славянский перевод Апостола выполнен Кириллом, Мефодием и их учениками.

В 1564 году Апостол был напечатан в Москве, став первой точно датированной русской печатной книгой. По европейским меркам она увидела свет довольно поздно – через 124 года после изобретения Иоганном Гутенбергом печатного станка и устройства для отливки литер. К середине XVI столетия типографии существовали уже во многих крупных городах по всей Европе. Сам Иван Фёдоров в послесловии Апостола писал: «Начат помышляти, како бы изложите печатные книги, якоже в грекех, и в Венецыи, и во Фригии, и в прочих языцех».

Это вовсе не означает, что попытки перенести типографское искусство Запада на российскую почву не предпринимались раньше. Документы сохранили несколько полных драматизма свидетельств о судьбах пионеров книгоиздания в России. В любекской хронике Реймара Кока 1556 года рассказывается о выходце из Магдебурга Бартоломее Готане, отправившемся в Москву печатать книги на русском и латинском языках, но не сумевшем осуществить свой замысел, так как «русские у него всё отобрали, бросили его в воду и утопили». О другом иностранце, немце Гансе Шлитте, известно, что в 1547 году он был послан царём Иваном IV «искать в Германии художников для книжного дела». Среди завербованных предприимчивым саксонцем мастеров имелись печатник, переплётчик и гравёр, но никто из них в Россию не попал, так как на обратном пути Шлитте задержали в Любеке и посадили в тюрьму. Однако сама повторяемость подобных неудач демонстрировала, что проблема назрела и требовала решения. Тому было много причин.

Присоединение к Москве новгородских, тверских, псковских и рязанских земель, укрепление централизованного русского государства, расширение его торговых связей с европейскими странами способствовали заметному культурному подъёму на Руси в XVI веке. В окружение Ивана Грозного, о котором современники говорили, что он «словесной премудростью богат», в разные годы входили высоко ценивший книги царский любимец Алексей Адашев, псковский монах старец Филофей, впервые выдвинувший и обосновавший идею «третьего Рима», Максим Грек, в молодости изучавший книжное дело в Венеции, просвещённый протопоп Сильвестр, которому приписывают составление «Домостроя». Именно Сильвестра историки-книговеды называют организатором и владельцем первой московской так называемой «Анонимной» типографии, работавшей в 1553–1565 годах и выпустившей как минимум семь книг без указания выходных данных, места и года издания. Совершенно очевидно, что в Москве у Ивана Фёдорова были пред-

---

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

шественники, но прорвать завесу анонимности, первым обрести профессиональное имя, а вместе с ним и благодарность потомков было суждено именно ему – дьякону церкви Николы Гостунского в Кремле.

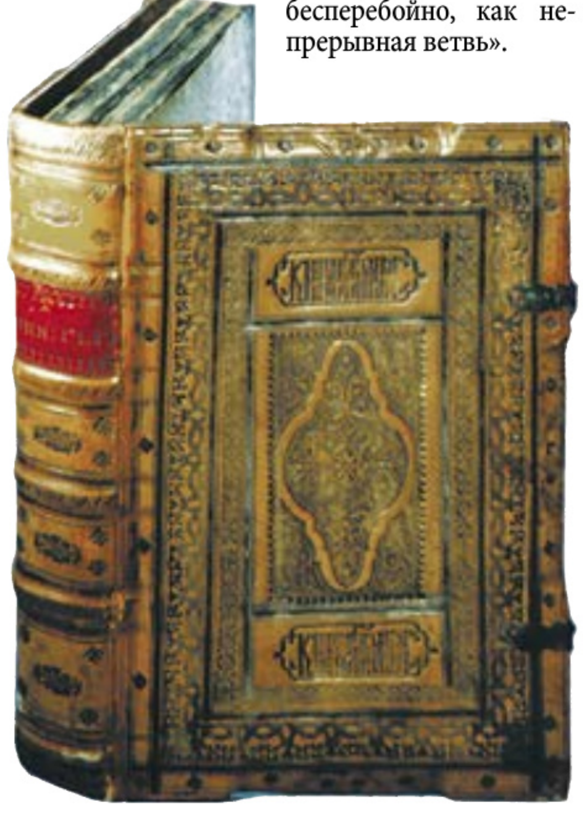
О начале жизни Ивана Фёдорова знают немного. Предполагают, что родился он около 1510 года. Известно, что в 1532 году человек с таким именем получил в Краковском университете учёное звание бакалавра. Установлено также, что в 1550-х годах Иван Фёдоров уже находился в Москве. Достоверная его биография прослеживается лишь с момента появления на свет Апостола 1564 года.

История этого издания подробнейшим образом изучена и описана: над книгой работали сам Иван Фёдоров и его ближайший помощник Пётр Мстиславец. Руководящая роль принадлежала Ивану Фёдорову: он организовывал весь издательский процесс, редактировал текст, писал послесловие, держал корректуры. Пётр Мстиславец был, скорее всего, техническим редактором, гравёром и типографом.

Уровень оформления и полиграфического исполнения Апостола специалисты единодушно оценивают как высокий для своего времени. Текст расположен обдуманно, систематично, в начале каждого раздела даны оглавления подразделов и краткое их содержание. Завершающее Апостол послесловие Ивана Фёдорова учёные называют первым печатным публицистическим произведением в истории русской литературы. Новаторской явилась и применённая в процессе работы технология двухпрогонной раздельной печати текста киноварью и чёрной краской. Фронтиспис книги украшает изображение легендарного автора «Деяний апостолов» – евангелиста Луки. Гравюра искусно отпечатана с двух досок. Так что Апостол 1564 года важен не только как первая датированная книга в истории русского книгопечатания, но и как памятник полиграфического искусства, которому следовали и подражали в XVI и XVII веках и на Руси, и далеко за её пределами.

Исследователи определяют тираж Апостола 1564 года по-разному – от 600 до 2000 экземпляров. В настоящее время в библиотеках и музеях разных стран хранится свыше 60 его экземпляров. Сведения эти не охватывают частные коллекции, однако можно смело утверждать, что и здесь речь может идти лишь о нескольких книгах.

Судьба новаторов и первопроходцев редко бывает лёгкой: через год после издания Апостола Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец вынуждены были уехать из Москвы в Литву. Как писал об этом сам Иван Фёдоров, такое решение они приняли «по причине великих преследований, но не от самого государя, а от многих начальников и духовных властей, и учителей, которые по зависти возводили на нас многие обвинения в ереси, желая добро обратить во зло и дело Божие вконец погубить, как это обычно для злонравных, невежественных и неразвитых людей, которые ни в грамматических тонкостях навыка не имеют и духовным разумом не наделены». Но труды русских первопечатников не пропали даром. В «Сказании достоверном об изобретении печатного дела» говорится: «А после тех мастеров иные мастера были, и от того времени пошло это дело крепко и без помех бесперебойно, как непрерывная ветвь».

Апостол 1564 года. (Первопечатный.) Издан в Москве диаконом Иоанном Фёдоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем. Начат печатанием в 1563 году 19 апреля, окончен в 1564 году 1 марта. [6], 261 л. кириллицей, фронтиспис, гравированный на доске, 48 гравированных заставок, 22 инициала и 24 строки заголовочной вязи, исполненной красным цветом. В цельнокожаном переплёте на дереве 1840-х годов. Бронзовые застёжки. Стилизация под переплёт XVI века. Формат блока 26x17,3 см. Формат переплёта 29,9x19,2 см. В тексте многочисленные пометы известного историка и археографа, владельца знаменитой коллекции древнерусских рукописей Павла Михайловича Строева (1796–1876).

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ЖУРНАЛЪ

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ, ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ, ИЗОБРѢТЕНІЙ И НАБЛЮДЕНІЙ,

издаваемый подъ редакціею П. ОЛЬХИНА.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1868.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
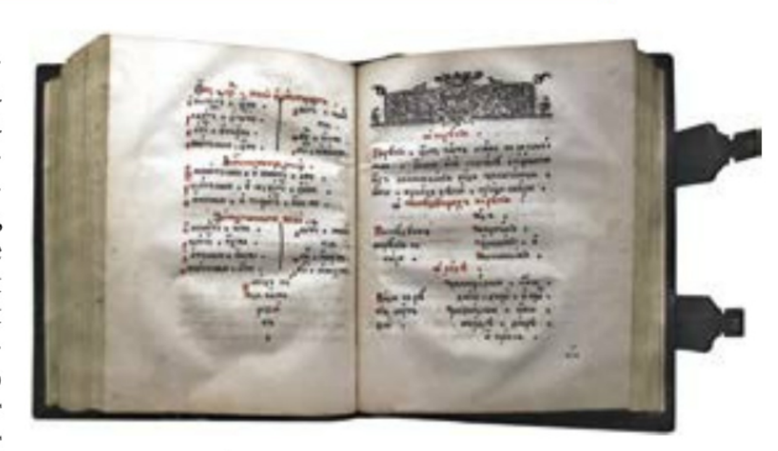
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1868.

Мелетий Смотрицкий. Грамматика Славенския (1619; 1648)*

Одна из самых популярных русских учебных книг XVII–XVIII столетий «Грамматика Славенския правильное синтагма» увидела свет в 1618–1619 годах в предместье Вильны – Евью (в различных источниках встречаются также написания Евю и Евье). Там, на берегу озера с тем же названием, в начале XVII века располагалось имение князей Огинских, где в 1618 году Богдан Огинский основал типографию, печатавшую славянские и польские книги. Оборот заглавного листа «Грамматики» 1619 года украшает герб Богдана Огинского, а сама книга имеет посвящение патриарху константинопольскому Тимофею и архимандриту Виленского монастыря Леонтию Карповичу.

Московское издание 1648 года – третье по счёту (второе вышло в 1629 году в Вильне). Напечатанное по повелению царя Алексея Михайловича и с благословения его духовного отца московского патриарха Иосифа, оно появилось анонимно, в «отредактированном» виде, дополненное лингвистическими рассуждениями, авторство которых приписывают Максиму Греку.

Автор «Грамматики» Мелетий (Максим) Смотрицкий – учёный монах, получивший европейское образование, член виленского православного братства, ставший активным церковным политиком, занимавшимся вопросами противостояния восточной и западной церквей. Какое-то время он преподавал в школе Виленского монастыря славянский язык и по этому случаю составил свою «Грамматику».

Она разделена на четыре части: орфографию, этимологию, синтаксис и просодию, представлявшую новую систему ударений в стихосложении. «Чесому учат сия четыре части. Орфографиа учит право писати, и гласом в речениих прямо ударяти. Этимоло-

Что есть грамматика;
Есть известное художество, благо и глаголати и писати учащее.
Колико есть частии грамматики;
Четыри. Орфографиа. Етумологиа. Сунтаксис. Просодиа.
Чесому учат сиа четыри части;
Орфографиа учит право писати, и гласом в речениих прямо ударяти.
Етимологиа учит речениа в слова имя части точне познати.
Сунтаксис учит словеса сложне сочинати.
Просодиа учит метром, или мерою

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

гиа учит речения в своя им части точне возносит. Синтаксис учит словеса сложне сычиняти. Просодиа учит метром, или мерою количества стихи слагати».

Изначально призванная противостоять усилению полонизации западного края, книга Смотрицкого сыграла важную роль в культурном развитии России. До появления в 1755 году «Российской грамматики» М.В. Ломоносова она являлась основным учебником церковно-славянского языка. На протяжении нескольких десятилетий грамотные люди учились по «Грамматике славенской» «благо глаголати и писати».

Не вызывала сочувствия современников и ближайших потомков лишь просодия филолога-новатора. Известный поэт XVIII века В.К. Тредиаковский в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» писал по этому поводу: «Неизвестно, способ ли ему рифмический не полюбился или так он был влюблён в греческий древний и латинский способ стихосложения, что составил свой, для наших стихов, совсем греческий и потому ж латинский. Но коль ни достохвальное сие тщание Смотрицкого, однако учёные наши духовные люди не приняли сего состава его стихов, остался он только в его грамматике на показание потомкам примера, а те утверждались отчасу более на рифмических стихах среднего состава, приводя их в некоторую исправность и образца польских стихов».

Московское издание «Грамматики славенской» 1648 года появилось через 11 лет после смерти автора. Незадолго до кончины в мировоззрении Смотрицкого произошёл резкий поворот. Если прежде, в пору составления «Грамматики», учёный-проповедник неутомимо боролся с идеей подчинения Православной церкви униатской, то к моменту выхода второго издания учебника, побывав в Италии и на Ближнем Востоке, он принял унию и в последних своих работах выступал с резкой критикой догматов православия.

Мелетий Смотрицкий (около 1578–1633)

Грамматика Славенския правильное синтагма. Потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотриского, в коиновии братства церковнаго Виленскаго, при храме Сошествиа пресвятого и животворящего Духа назданном, странствующаго, снисканное и прижитое, лета от воплощения Бога Слова 1619. Правящу апостолский престол великия Божия Константинополския церкве виленскому патриарсе г. отцу Тимофею, Виленскому же коиновию предстателствующу г. отцу Леонтию Карповичу, архимандриту. В Евью, 1619. 252 л. (504 с.) В цельнокожаном переплёте XVII века. 14,4х9,1 см. На обороте титульного л. владельческая надпись орешковыми чернилами: «Сия грамматика Ивана Умова». Уже в «Описании старопечатных книг славянских и российских графа Ф.А. Толстого» (Москва, 1829) издание относится к «очень редким».

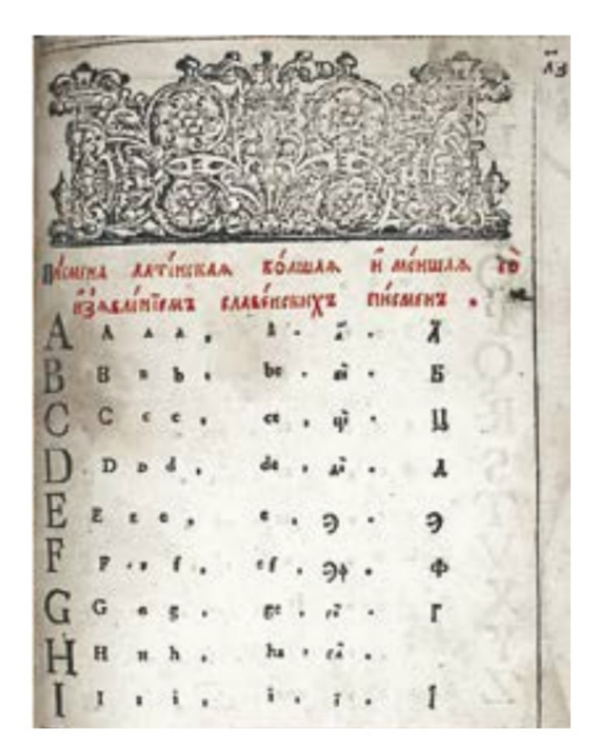
Грамматика славенская Мелетия Смотрицкого, изданная в Москве в 1648 году. 388 л. (776 с.) В цельнокожаном переплёте XVIII века на деревянных досках с застёжками. 21,5х17 см.

Art.Anst v. E.Hochlanz
Орелъ – могильникъ.

Поликарпов-Орлов Федор. Букварь славенскими, греческими, римскими писмены (1701)*

Фёдор Поликарпов-Орлов отличался рвением к наукам, обладал неимоверной работоспособностью и был крепко нечист на руку. Долгое время занимая пост директора Московского Печатного двора, он неоднократно увольнялся от должности и предавался суду за взятки, поборы и использование казённых сумм, однако каждый раз получал прощение, так как начальство никак не могло сыскать ему достойной замены.

Происходил Фёдор Поликарпов из «простых» людей. Отданный десяти лет от роду в типографскую школу, он в числе пяти лучших учеников был переведён в московскую Славяно-греко-латинскую академию. Его учение там продолжалось девять лет, но курса молодому человеку закончить так и не удалось: после увольнения нескольких преподавателей он занял место одного из них.

В 1698 году Поликарпов покинул Академию и был назначен справщиком Печатного двора, во главе которого стоял тогда иеромонах Чудова монастыря, автор знаменитого букваря Карион Истомин. Два года спустя, согласно указу Петра Великого, должность начальника «Приказа книг Печатного двора» стал исправлять Поликарпов. В том же году увидел свет его «Букварь славен-

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1647–1977 гг. Книга вторая. – М., Русский раритет, 2006.

скими, греческими, римскими писмены», которому было суждено стать одним из наиболее знаменитых учебных пособий в истории Петровской России.

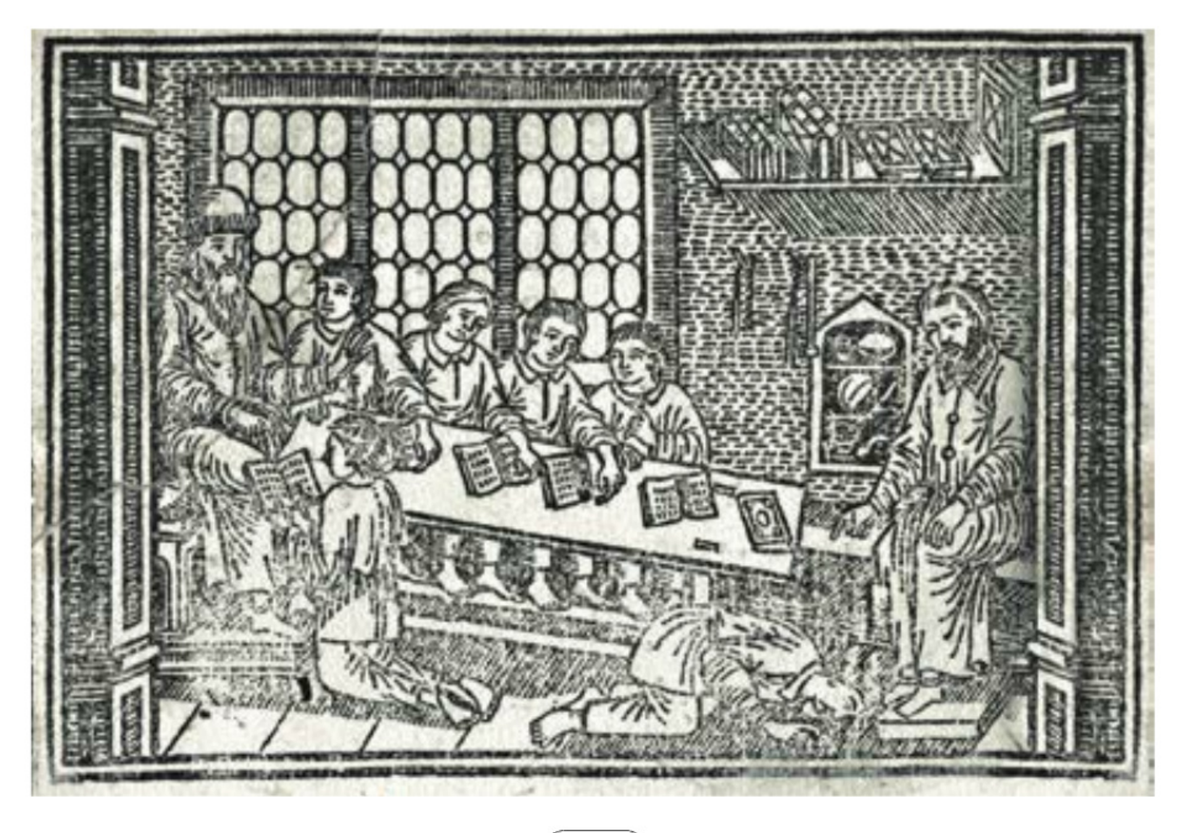
Действуя вполне в духе того времени, Поликарпов широко использовал для своего труда уже опробованные и получившие широкое хождение буквари Симеона Полоцкого, Кариона Истомина и Лаврентия Зазия. Пригодились также собственные педагогический опыт и навыки типографского справщика: «Букварь славенскими, греческими, римскими писмены» по составу и оформлению разительно отличался от предшествующих учебных изданий. Предназначенный для первоначального обучения в «приумноженных» Петром «латинских школах» для будущих переводчиков, он рассматривался составителем «яко первоначалное детскому воскоподобному уму руководство» и позволял изучать сразу три языка: старославянский, греческий и латинский. Начинался «Букварь» с оглавления, чего раньше в школьных пособиях не встречалось. Далее следовало предисловие, в котором рассказывалось «благочестивому читателю о правильном обучениии чинного чтения и писания», говорилось, почему «учащемуся, и чтущему, и пишущему, должно свойство произношения, ударения, препинаний и правописания в книгах знати». При этом особо подчёркивалось, что латинская грамота никак не помешает православным ученикам, ибо «не римския, но греческия сими твердятся зде догматы», и «стихи ни Овидиевы, ниже Вергилиевы … не Есопа фригийскаго зде смехотворные басни узрите», но тексты Григория Богослова, патриарха Геннадия, Василия Великого и прочих христианских «всемирных светилников мудростихотворныя плоды». Непосредственно учебная часть открывалась главой «Изображение славенских писмен началных», далее следовали «Азбуки славенския разных начертаний», потом – «О разделении славенских писмен» и т.д. В книге имелся также славяно-греко-латинский словарь имён существительных, сгруппированных по различным темам. В «трёхъязычном букваре» особое место занимали слова «о училище и книгах» с пояснением и переводом их на греческий и латинский языки, вводились понятия «академия», «школа», «учитель», «книга», «летописец», «хроника».

«Букварь» Поликарпова отличался изяществом и богатством оформления: шрифты были подобраны специально для детского глаза – крупные, чёткие. При печати буквицы основные правила и названия частей выделили красным цветом, а сами тексты убрали в линейные рамки.

Среди иллюстраций на сюжеты Ветхого и Нового Заветов поместили две сценки школьного быта: «Училище внутри» и «Учитель наказывает ученика». Картинки сопровождались назидательными стихами. Так, гравюру, изображающую экзекуцию, комментировал текст:

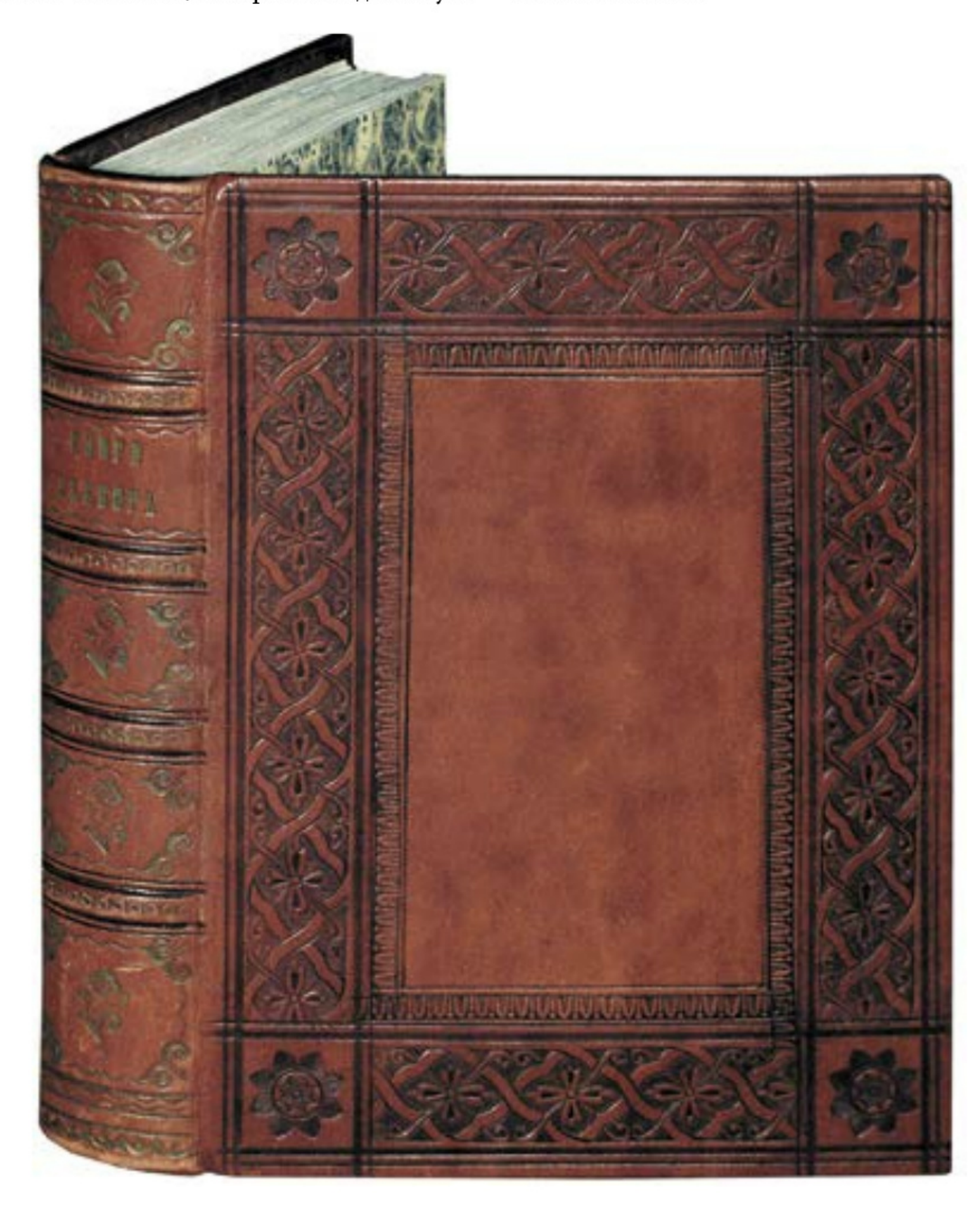
Всякий человек в писме поучайся,
Во службу Богу измлада отдайся,
Кто бо учится слогим с охотою,
Языки ины речет добротою,
Кто угодство людям в мудрости содеет,
Приятство оный везде возымеет,

Ленивые же за праздность биются,
Грехов творити всегда да блюдутся.

Выпустив своё учебное пособие в свет, Ф.П. Поликарпов-Орлов ещё три десятилетия писал, переводил и издавал книги. Однако в памяти последующих поколений его имя оказалось связанным прежде всего с «Букварём славенскими, греческими, римскими писмены», который сегодня и учёные, и библиофилы знают просто как «Букварь Поликарпова».

Но если историки видят в нём первый российский букварь Века Просвещения, передающий дух и направленность образовательных реформ Петровской эпохи, то коллекционеры-книжники ценят его как один из памятников русской полиграфии «грани веков», связующей книжную культуру XVII и XVIII столетий.

Поликарпов-Орлов Фёдор Поликарпович (конец 1660-х – начало 1670-х – 1731 гг.)
Букварь славенскими, греческими, римскими писмены, учитися хотящым, и любомудрие в ползу душеспасительную обрести тщащымся, в царствующем великом граде Москве, Лето Мироздания 7209, Рождества же Бога Слова 1701 месяца иуниа. 160 л., включая заглавный, 12 л. иллюстраций. В цельнокожаном переплёте конца XX века с «немым» тиснением заглавия и растительного орнамента на корешке, с тиснёными орнаментальными рамками на крышках. Форзацы «мраморной» бумаги. 18,5х13 см.

Ящерица – легуана

Леонтий Магницкий. Арифметика (1703)*

4

В августе 1701 года Пётр I издал указ об открытии в Москве Школы навигацких наук: нарождавшаяся морская держава нуждалась в грамотных корабелах и мореходах. Преподавать в новой школе, расположившейся в Сухаревой башне («ради смотрения в совершенстве горизонта на месте высоком»), были приглашены профессор А.Д. Фарварсон, учителя С. Гвин, Р. Грейс и «помоществователь» Леонтий Филиппович Магницкий.

Один из первых выпускников Славяно-греко-латинской академии, изучивший, помимо академических предметов, немецкий, голландский и итальянский языки, Магницкий вскоре заявил о себе как об образованнейшем человеке и хорошем преподавателе точных наук. Дьяк Оружейной палаты А.А. Курбатов, присматривавший за школой, докладывал царю, что «рыцари» Гвин и Грейс, «хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтия наукою не дошли». Не случайно именно Магницкому было велено «через труд свой издать на словенском диалекте, избрав от арифметики, и геометрии, и навигации, поелико возможно, годную к тиснению книгу». Так в январе 1703 года появилась «Арифметика, сиречь наука числительная».

АРИѲМЕТИКА ПРАКТИКА

или дѣятелнаѧ.

По содержанию она представляла собой своеобразную энциклопедию, включавшую сведения об арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, астрономии, геодезии, навигации. О форме изложения материала свидетельствовало уже начало книги: «Что есть арифметика? – Арифметика, или числительница, есть художество честное, независтное и всем удобопонятное, многополезнейшее».

Учебник Магницкого впервые вводил в широкий обиход арабские цифры вместо прежних буквенных обозначений чисел. «Что есть нумерацио?» – вопрошалось в одном из начальных параграфов «Арифметики». «Нумерацио есть счисление, еже совершенно вся числа речию именовати, яже в десяти знаменованиях или изображениях содержатся и изображаются сице: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0, – из них же девять незнаменательны суть, последнее же 0 (еже цифрою или ничем именуется), егда убо оно едино стоит, тогда само о себе ничто же значит; егда же коему оних знаменований приложено будет, тогда умножает вдесятеро».

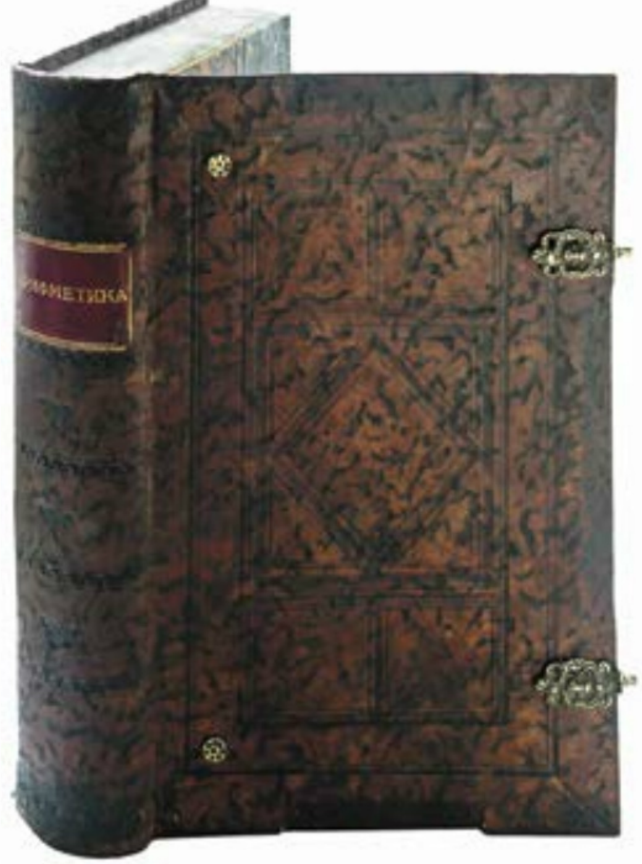
В издании «Арифметики» принимал участие гравёр Московского типографского двора Михаил Карновский, с большим искусством выполнивший фигуры Пифагора

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

и Архимеда на фронтисписе, изображения небесной сферы и «розы ветров» в тексте. «Сущий христианин, добросовестный человек, и в нём же лести не было», – говорил о Магницком его современник поэт В.К. Тредиаковский. Автор самой знаменитой книги петровского времени, в течение почти полувека являвшейся основным учебным пособием, вполне мог претендовать на должность профессора Морской академии, открывшейся в Петербурге в 1715 году. Но Магницкий остался в Москве скромным преподавателем навигацкой школы, всю жизнь обучавшим «мудролюбивых российских отроков».

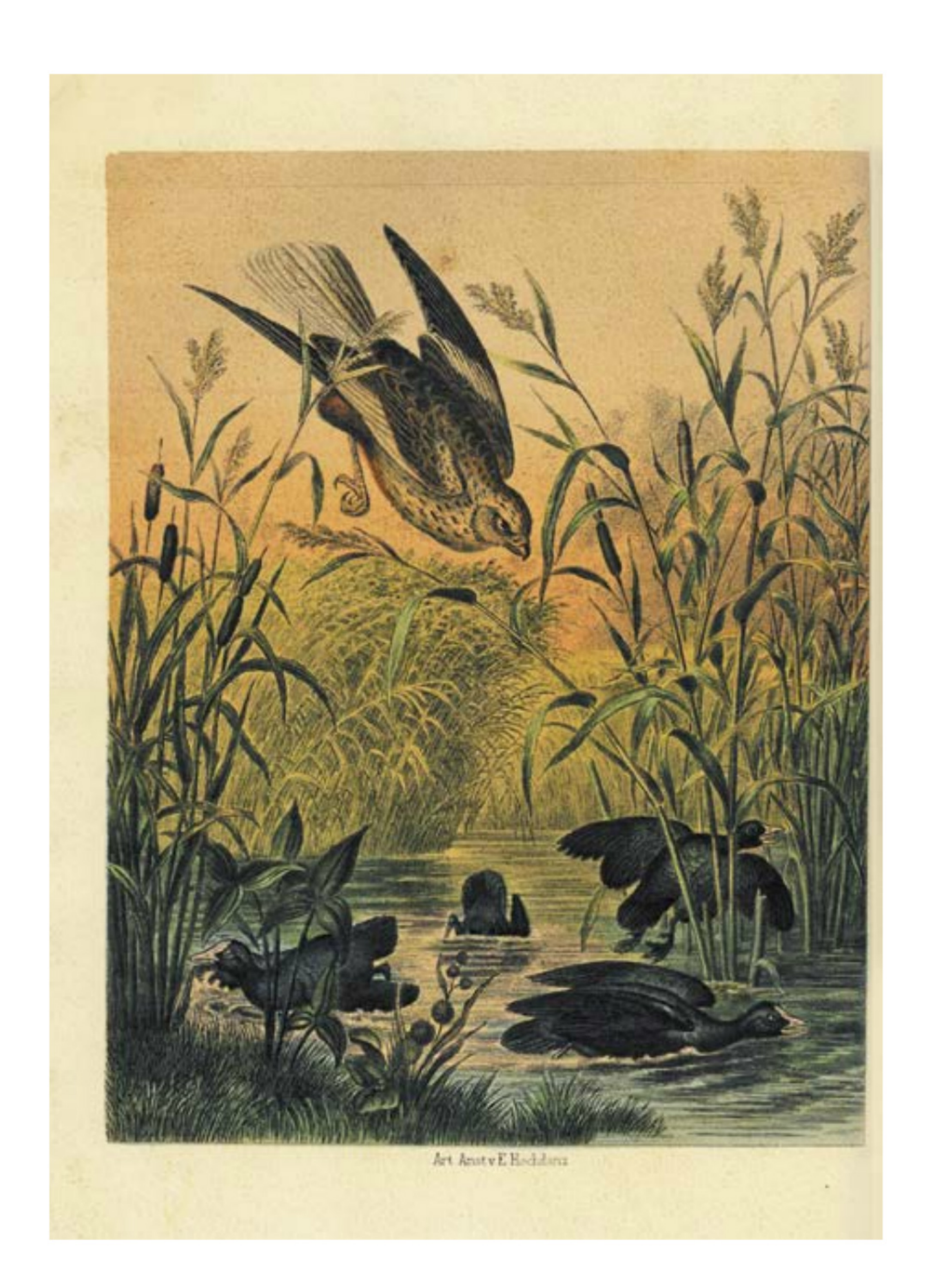
Описываемый экземпляр происходит из знаменитой усадебной библиотеки Михалковых в селе Петровском на реке Шексне Рыбинского уезда. Собирать её начал действительный тайный советник Владимир Сергеевич Михалков (1817–1900). Страстный библиофил, Владимир Сергеевич сумел составить колоссальную книжную коллекцию, из которой 50 000 томов были переданы им в Санкт-Петербург, в библиотеку Академии наук. Его сын, Сергей Владимирович (1858–1905), продолжил семейную традицию: как отец, он был уездным и губернским предводителем дворянства, как отец, собирал книги. После 1917 года усадьба в Петровском была национализирована, а находившиеся там замечательные коллекции картин, мебели, книг частично оказались переданными в Рыбинский музей, частично были пущены в продажу. Семья же Михалковых, пережив бурные годы, уже в советской и постсоветской России стала известна благодаря знаменитому автору детских стихов, басен и государственных гимнов, а также двум его сыновьям – крупным кинорежиссёрам.

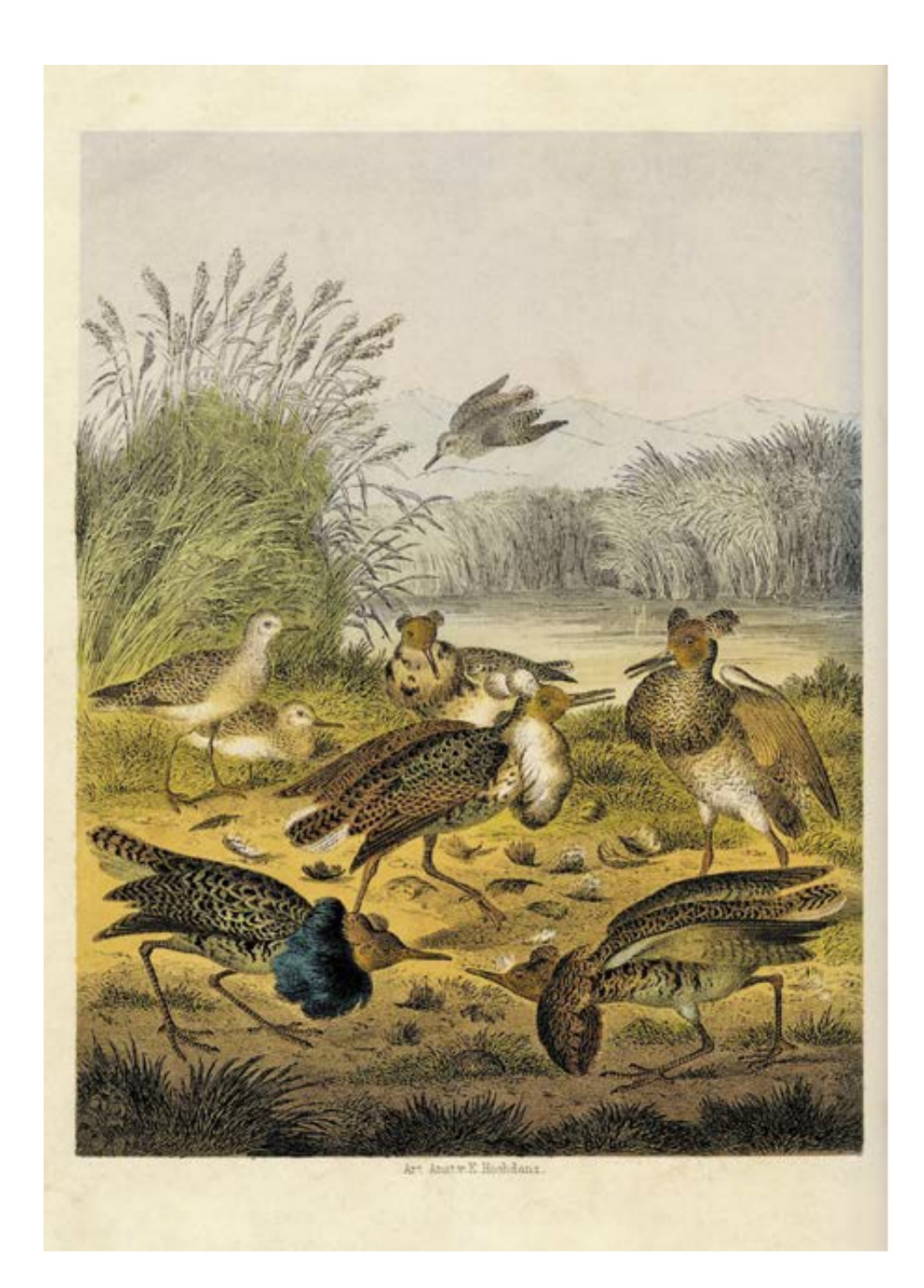

Магницкий Леонтий Филиппович (1669–1739)

Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык переведёная, и во едино собрана и на две книги разделена. Ныне же повелением благочестивейшего великого государя нашего царя и великого князя Петра Алексиевича всея Великия и Малые и Белыя России самодержца. При благороднейшем великом государе нашем царевиче и великом князе Алексии Петровиче, в богоспасаемом царствующем великом граде Москве типографским тиснением ради обучения мудролюбивых российских отроков, и всякого чина и возраста людей на свет произведена первое, в лето от сотворения мира 7211, от рождества же по плоти бога слова 1703, индикта 11 месяца иannуария. Сочинися сия книга чрез труды Леонтия Магницкого. [Москва, 1703.] 326 л. (включая заглавный л.), 3 л. иллюстраций. В цельнокожаном переплёте на деревянных досках, с застёжками, на корешке кожаная наклейка. 33,7х20,7 см. На переднем форзаце экслибрис: «Из библиотеки села Петровского. Рода Михалковых».

Art Anst v E Hochdanz

5

Фонтенель. Разговоры о множестве миров (1740)*

Писатель, племянник знаменитого драматурга Корнеля, Бернар Ле Бовье де Фонтенель, прожив почти сто лет, оставил значительное по объёму и разнообразное в жанровом отношении творческое наследие. Полное собрание его сочинений, выпущенное в Париже в 1758 году, насчитывало одиннадцать томов. Среди его призведений – трагедии «Брут» и «Психея», «История французского театра», «Жизнь Вольтера», «Размышления о поэтике», «Свободное рассуждение по поводу древних и новых авторов». Подлинную славу принесла Фонтенелю его книга «Разговоры о множестве миров» («Entretiens sur la pluralite des mondes»), впервые изданная в 1688 году. Выступив популяризатором гелиоцентрической системы Коперника, Фонтенель включил в свою книгу также сведения об устройстве Вселенной, почерпнутые из мифологии и художественной литературы. Занимательность повествования и элегантность стиля, сохранявшего в научно-популярном сочинении признаки салонной культуры, обеспечили «Разговорам» широкую читательскую аудиторию. За короткое время переведённый на многие языки труд Фонтенеля на протяжении всего XVIII века входил в число самых читаемых книг в Европе.

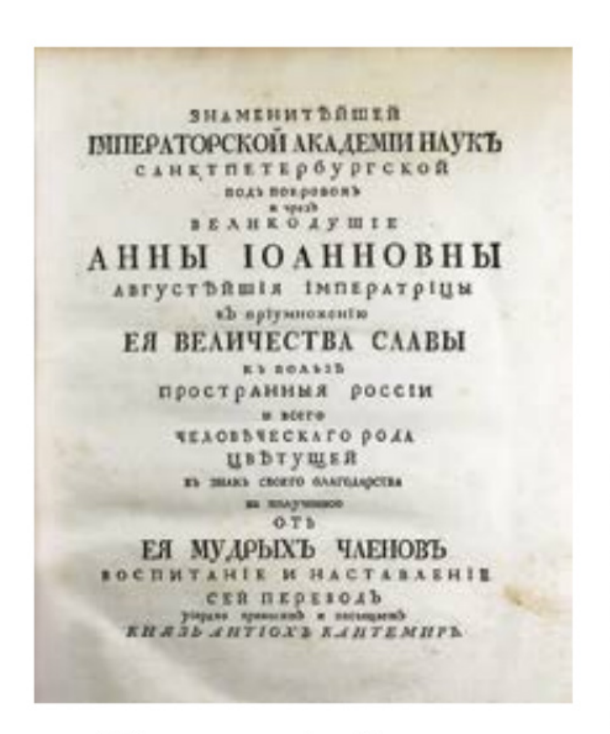

РАЗГОВОРЫ
О
МНОЖЕСТВѢ МІРОВЪ
ГОСПОДИНА
ФОНТЕНЕЛЛА
ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
СЕКРЕТАРЯ.
КНЯЗЬ АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ
ВЪ МОСКВѢ 1730 ГОДУ.

В России «Разговоры о множестве миров» стали известны во многом благодаря Антиоху Дмитриевичу Кантемиру, в 1730 году (дата указана на титуле издания) выполнившему их перевод на русский язык. В ту пору блестяще образованному поручику Преображенского полка, автору распространившихся в списках сатир «На хулящих уче-

РАЗГОВОРЫ
О
МНОЖЕСТВѢ МІРОВЪ

---

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1725–1980 гг. Книга третья. – М., Русский раритет, 2010.

ЗНАМЕНИТѢЙШЕЙ
ІМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
подъ покровомъ
[illegible]
ВЕЛИКОДУШІЕ
АННЫ ІОАННОВНЫ
АВГУСТѢЙШІЯ ІМПЕРАТРІЦЫ
въ приумноженію
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА СЛАВЫ
къ пользѣ
ПРОСТРАННЫЯ РОССІИ
и всего
ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА
ЦВѢТУЩЕЙ
[illegible]
[illegible]
ОТЪ
ЕЯ МУДРЫХЪ ЧЛЕНОВЪ
ВОСПИТАНІЕ И НАСТАВЛЕНІЕ
СЕЙ ПЕРЕВОДЪ
[illegible]
КНЯЗЬ АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ

ние» («К уму своему») и «На зависть и гордость дворян злонравных» было чуть более двадцати лет. Интерес к философии и естественным наукам побудил Кантемира в 1724 году обратиться к Петру I с просьбой разрешить ему пройти курс обучения за границей. Получив отказ, он постарался воспользоваться присутствием в Петербургской Академии наук иностранных учёных. Известно, что в 1724–1725 годах Кантемир брал уроки у швейцарского математика Иоганна Бернулли и немецкого философа, преподававшего в России логику и метафизику, Георга Бернгарда Бильфингера.

Исследователи творчества Кантемира, не слишком доверяя указанию на титуле книги, датируют перевод «Разговоров» началом 1730-х годов, т.е. временем, когда Кантемир по указу императрицы Анны Иоанновны исполнял обязанности русского «резидента» в Лондоне. Вместе с тем в некоторых справочниках указывается, что именно в 1730 году рукопись перевода была передана на рассмотрение Петербургской Академии наук. В любом случае «Разговоры о множестве миров» переводились Кантемиром до его личного общения с Фонтенелем.

В 1737 году Кантемир был пожалован камергером и назначен русским посланником во Францию. Стремясь наладить более тесные научные контакты между Петербургской и Парижской академиями наук, русский посол познакомился со многими учёными и писателями. В число его постоянных собеседников вошли математик, астроном и геодезист Пьер-Луи Мопертюи, чей трактат «Начальные географические основания» был переведён в России и опубликован в учебнике «Введение в географию» в 1771 году (об этом издании см. второй выпуск Библиохроники), и Фонтенель, с 1699 года состоявший секретарём Парижской Академии. В 1740 году, когда Петербургская Академия наук издала выполненный Кантемиром перевод «Разговоров», автор перевода по-прежнему всё ещё пребывал на дипломатической службе во Франции.

Для своей книги Фонтенель избрал форму диалога с вымышленной маркизой Д... Г..., пригласившей автора к себе в имение. Каждый вечер (всего их было шесть) они уединялись в зверинце, чтобы побеседовать о тайнах мироздания, о том, что «земля есть планета, которая вкруг себя самой и около солнца ворочается», что «луна есть земля обитанна», что «звёзды неподвижные суть солнца, из которых всякое целому миру светит». Желая насладиться «утехами разума», очаровательная дама галантного века постигала причины солнечных и лунных затмений, строение «кометных хвостов» и «молочной дороги на небе». Заставив героиню поверить в жизнь на других планетах, Фонтенель затем приводил столь же убедительные контраргументы, попутно обучая маркизу основам научной методологии: «Надобно одною ума своего половиною верить таким делам, а другую оставлять свободну, чтоб тою можно было противное тому принять, если нужда позовётся». Любопытно, что, воображая лунных жителей, автор «Разговоров» представлял их не существами с гораздо более, чем у землян, развитым интеллектом, а такими же, как люди, несовершенными, потому что «ни по какому виду статься тому нельзя, чтоб мы одни были глупейшая тварь во всём свете». Диалоги героев наполнены тем тонким салонным остроумием, которое культивировал русский XVIII век и которое казалось уже смешным веку XIX. Например, в первый же вечер поразив маркизу известием, что Земля крутится вокруг Солнца и своей оси, автор утром послал узнать, «могла ли она спать оборачиваяся». В ответ героиня велела сказать, что «уже гораздо привыкла к ходу сему земли и что так покойно ночь проводила, как бы и сам Коперник».

Придумав «подговорить маркизу в ватагу философскую», Фонтенель в авторском предисловии так прокомментировал свою идею: «Вымысел тот показался мне способен не только для придачи украшения моей книге,

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ КОТОРОМЪ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ЗЕМЛЯ ЕСТЬ ПЛАНЕТА, КОТОРАЯ КРУГЪ СЕБЯ САМОЙ, И ОКОЛО СОЛНЦА ВОРОЧАЕТСЯ.

Въ нѣкоторой вечеръ послѣ ужины пошли мы въ звѣринецъ проходиться. Время было очень прiятно, холодокъ весьма усладительной утѣшалъ насъ по дни зѣло тепломъ, каковъ мы тогда

но и для ободрения госпож чрез образец одной жены, которая, не выходя из пределов особы, не имеющей ни малого знания наук, однако ж разумеет то, что говорится, и изрядно распоряжает в голове своей без помешательства все вихри и миры». Присутствие дамы в качестве собеседницы научных «разговоров» у Фонтенеля – дань литературной традиции. В России похожую форму использовал П.Я. Чаадаев, адресуя неназванной «сударыне» свои философические письма.

Кантемир не только перевёл «Разговоры» на русский язык, но и «изъяснил» их настолько обширными и обстоятельными «потребными примечаниями», что его можно считать полноправным соавтором Фонтенеля. Благодаря этим примечаниям, где объяснялись термины и иностранные слова, комментировались имена, географические названия, упоминаемые в тексте литературные произведения, совершенно неподготовленный русский читатель получал возможность лучше понять и оценить сочинение французского писателя. Популярности книги в России способствовало, возможно, и то обстоятельство, что в 1756 году Священный Синод по доносу М.П. Абрамова пытался запретить «Разговоры», увидев в них «сатанинское коварство», сочинение, «противное святой вере и с честными правилами не согласное». Понимая, что к этому времени тираж книги почти разошёлся и изъять её у владельцев вряд ли возможно, Синод просил императрицу Елизавету Петровну впредь печатание таких книг расценивать как преступление, достойное жесточайшего наказания. Судя по тому, что в 1761 году Петербургская Академия наук, предположительно по инициативе М.В. Ломоносова, выпустила второе, а в 1802 году третье издание «Разговоров», данный протест карательных последствий не имел. Если церковь заподозрила в «Разговорах о множестве миров» религиозную крамолу, то русская поэзия XVIII века

№ 423 Д. В. П

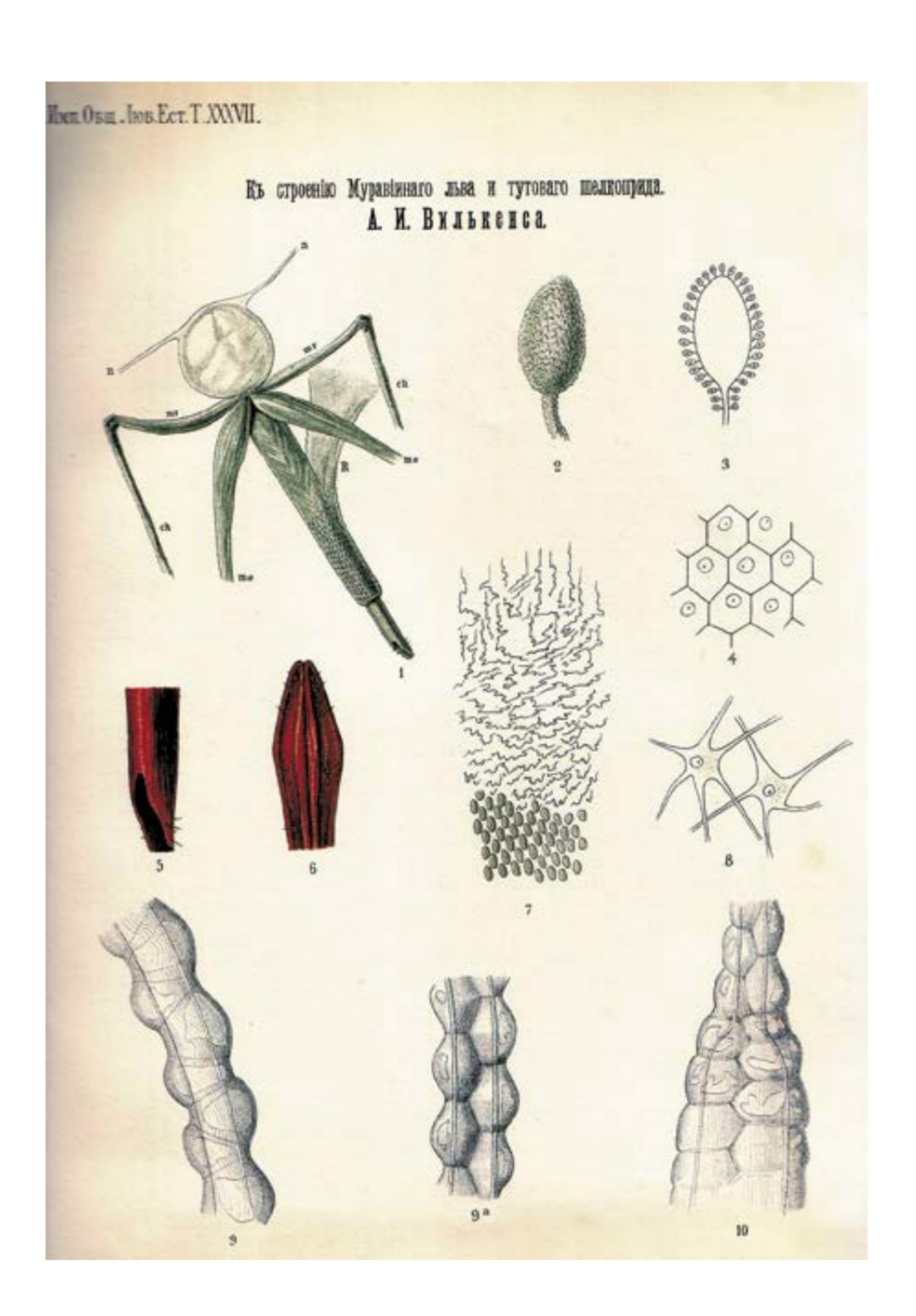
(М.М. Херасков, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин), напротив, увидела в них утверждение величия Бога как творца всего сущего. Один из самых эмоциональных откликов на книгу Фонтенеля – ода Хераскова «Мир»:

Отверзлась мне завеса мира!
В восторге дух, трепещет лира!
Молчу, дивлюся и пою.
О коль видения любезны!
Звездами полны вижу бездны;
Над тысячью миров стою;
На небо возвергаю взгляды,
Висят горящие лампады,
Струями разливают свет –
Се град, где Царь миров живет!

Фонтенель Бернар Ле Бовье де (Fontenell Bernard le Bovier de; 1657–1757)
Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла, Парижской Академии наук секретаря. С французского перевёл и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве в 1730 году. В Санкт-Петербурге: При Императорской Академии наук, 1740. [18] с., 1 л. иллюстрация (гравюра меди), 200 с. В цельнокожаном переплёте середины XVIII века. На корешке тиснёный растительный орнамент, в верхней части корешка тиснёное заглавие: «Разговоры». 19,5x26,5 см. На свободном л. переднего форзаца надпись коричневыми чернилами: «№423 Д.В.П». В нижней части титульного л. зачёркнутая владельческая надпись: «<Нрзб.> А. Ступина». Гравированный л., обычно использовавшийся как фронтиспис, в части тиража, как в описываемом экземпляре, вплетён после «Авторова предисловия», перед текстом. Надпись на переднем форзаце свидетельствует, что книга входила в состав библиотеки археолога, писателя и библиографа Дмитрия Васильевича Поленова (1806–1878). Велика вероятность, что она досталась ему от отца – Василия Алексеевича Поленова (1776–1851), литератора, директора департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел, директора Государственного архива в Петербурге, председателя Отделения русского языка и словесности Академии наук. В.А. Поленов владел обширным собранием редких русских изданий XVIII века. После смерти Д.В. Поленова его книги перешли по наследству к сыну – известному художнику В.Д. Поленову.

ПРОЕКТЪ АКВАРІУМА

Имп. Общ. Люб. Ест. Т. XXXVII.
Къ строенію Муравьинаго льва и тутоваго шелкопряда.
А. И. Вилькенса.
1
2
3
4
5
6
7
8
9
9a
10

Готфрид Гейнсиус. Описание в начале 1744 года явившейся кометы (1744)*

Автор «Описания в начале 1744 года явившейся кометы» – немецкий учёный Готфрид Гейнсиус, приглашённый в 1736 году в Петербург, в Императорскую Академию наук, для занятий математикой и астрономией. К этому времени Петербургская Академия располагала уже оборудованной в здании Кунсткамеры обсерваторией, во главе которой стоял её создатель – французский астроном и картограф Жозеф Николя Делиль (1688–1768). Именно ему европейские коллеги рекомендовали взять в помощники приват-доцента Лейпцигского университета Готфрида Гейнсиуса. Несмотря на широкое поле деятельности и большие возможности, предоставлявшиеся в России иностранным учёным, карьера молодого немецкого астронома сложилась не слишком благополучно. Получив в короткий срок звание и должность сначала экстраординарного, а затем ординарного профессора, он в 1743 году поссорился с Делилем и в конце мая 1744 года, когда была удовлетворена его просьба об отставке, вернулся в Лейпциг. Таким образом, наблюдение за кометой, впервые им замеченной 5 января 1744 года, явилось, по сути, последним научным занятием Гейнсиуса в качестве действительного члена Императорской Академии наук.

ОПИСАНІЕ

КОМЕТЫ

РАССУЖДЕНІЯМИ

сокращенное рассужденіе

«Учинив» описание кометы вскоре после её исчезновения, Гейнсиус не имел достаточно времени для обстоятельного анализа полученных данных, да и задача его была другая – не исключительно научная, а в большей степени популяризаторская. Он откровенно признавался, что готовил материалы к публикации, «не смотря излишно на астрологическую строгость». К такой поспешности автора могли призывать разные обстоятельства. Не последнюю роль здесь, очевидно, играла сама комета. Видимая в хорошую погоду даже днём, она поражала наблюдателей яркостью, величиной и, самое главное, веерообразным хвостом, раскрывавшимся над линией горизонта шестью широкими лучами. Любуясь этим необыкновенным небесным явлением, современники в то же время не могли не тревожиться: ведь издавна появление комет связывали с грядущими катастрофами. С этой точки зрения публикация описания кометы, с присовокуплением рассуждений о её строении и свойствах, призвана была успокоить возбуждённые умы и перевести тему досужих разговоров о дурных предзнаменованиях в область научного познания Вселенной.

Собственно «описание» кометы представляет собой дневниковые записи, которые

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1725–1980 гг. Книга третья. – М., Русский раритет, 2010.

Гейнсиус делал ежедневно с 5 января, когда он заметил комету «чрез изрядную Григорианскую зрительную трубу», до 25 февраля, когда она покинула околоземную орбиту и стала невидима. Учёным фиксировались изменения размера, формы и цвета кометы, скорость её движения и траектория. Сначала, как писал Гейнсиус, «комета показалась как звезда второй величины, свет её и видимая величина прибывала. Она после того стала равна звезде первой величины, потом Пёсией звезде и, наконец, Венере, которую она напоследок светом и величиною превзошла, однако не живостию света».

Одна из самых подробных записей относится к 9 февраля, времени достижения кометой наибольшей величины и яркости: «В 6 часов в вечеру смотрели мы на комету сквозь Григорианскую зрительную трубу. Тело, которое сего дни много явственнее нежели вчера показалось, было, как и прежде, овальной фигуры, и свет его был почти таков же ясен, как свет Сатурна сквозь ту же трубу кажется, когда на него в тёмную ночь смотрят. Комета, напротив того, при светлой заре такова показалась. Светлый пар кометной атмосферы после вчерашнего очень переменился и показал себя много великолепнее, нежели когда прежде… Сию атмосферу окружал другой пар, который меньше света имел и фигурою был подобен ошейнику, однако так, что восточный конец выше стоял, нежели западный. Сему последовал третий пар, который имел слабейший свет, нежели второй, и по обеим сторонам наподобие столпов кверху подымался… При нарочито ясном лунном сиянии хвост кометы очень явственно видеть можно было. Он простирался в длину на 11 градусов и был внизу, у головы, очень светел, вверху, где он распространялся, имел слабейшее сияние. Он не протягивался больше по прямой линии, но казался крив так, что его выпуклистая сторона обращена была к Северному полюсу».

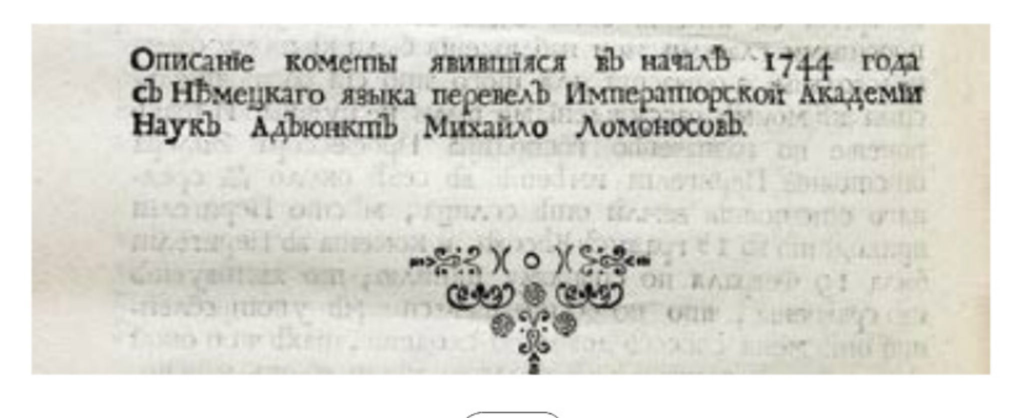

Следом за дневниковыми записями шли «некоторые рассуждения» о комете 1744 года, включавшие также общие положения о строении и законах движения комет. Кроме того, «на переди» книги было предложено «Сокращённое рассуждение о состоянии и свойствах всех комет, переведённое из Шамберовой циклопедии», то есть выдержки из подготовленного английским лексикографом и издателем Эфраимом Чемберсом двухтомного энциклопедического словаря, впервые увидевшего свет в Лондоне в 1728 году. Все эти сопутствовавшие основному тексту материалы позволяли использовать «Описание в начале 1744 года явившейся кометы» как учебное пособие по астрономии. Здесь также были помещены схемы и таблицы, наглядно представлявшие звёздный путь кометы, а также рисунки с её изображениями, выполненные по заданию Гейнсиуса искусным живописцем. Впрочем, самый известный рисунок кометы 1744 года сделал не художник, а швейцарский астроном и физик Жан Филипп Шезо (1718–1751), именем которого шестихвостая комета и была названа.

Своё сочинение Готфрид Гейнсиус написал на немецком языке, и только потом его перевели на русский язык, и хотя имя переводчика в изданиях XVIII века указывалось не всегда, здесь оно значилось – только не в титуле, а в конце книги: «Описание кометы, явившейся в начале 1744 года, с немецкого языка перевёл Императорской Академии Наук адъюнкт Михайло Ломоносов». Вероятно, для Ломоносова эта работа входила в круг его служебных поручений: как член Академии, он должен был заниматься переводами трудов иностранных коллег, держать редактуру и корректуру научных сборников. Вместе с тем именно с перевода сочинения Гейнсиуса началось астрономическое направление деятельности великого русского учёного, получившее наивысшее развитие в 1750-е годы.

Мальтийский крест под гербом графского рода Буксгевденов на суперэкслибрисе представляемого Библиохроникой экземпляра позволяет с большой долей вероятности предположить, что книга принадлежала Фёдору Фёдоровичу Буксгевдену (1750–1811). Получивший боевое крещение в турецком походе ещё кадетом, Буксгевден отличился при Бендерах и штурме Браилова, был приглашён адъютантом к генерал-фельдцейхмейстеру князю Г.Г. Орлову. В Польской кампании 1793–1794 годов командовал дивизией. После взятия Варшавы А.В. Суворов назначил его комендантом города и, по сути дела, поручил управление всей Польшей. После восшествия на престол Павла I стал петербургским военным губернатором, был возведён в графское достоинство, но в 1798 году уволен от службы и удалился в Германию. Призванный в Россию Александром I, стал председателем учрежденного в 1802 году комитета для уравнения городских повинностей. С 1809 года – вновь на военной службе с чином генерала от инфантерии, исполнял обязанности рижского военного губернатора. В 1805 году, находясь в армии М.И. Кутузова, принимал участие в Аустерлицком сражении. В начале кампании 1806–1807 годов командовал корпусом, но по открытии военных действий был отозван из армии. После Тильзитского мира принял на себя главное начальство над армией и быстро укомплектовал её ратниками ополчения. В шведскую войну 1808 года являлся главнокомандующим: при нём кре-

Описаніе кометы явившіяся въ началѣ 1744 года съ Нѣмецкаго языка перевелъ Императорской Академіи Наукъ Адъюнктъ Михайло Ломоносовъ.

пость Свеаборг сдалась русским, а затем и вся Финляндия была очищена от шведских войск. Учитывая, что книга имеет экслибрис библиотеки I Кадетского корпуса, можно высказать предположение, что редкое издание по астрономии было передано туда Ф.Ф. Буксгевденом в 1798 году, вскоре после посвящения в рыцари мальтийского ордена, незадолго перед отъездом из России.

Впрочем, этот дар корпусной библиотеке мог быть сделан другим владельцем – бывшим кадетом Н.А. Всеволожским, чей экслибрис украшает оборотную сторону свободного листа переднего форзаца.

Гейнсиус [Гейнзиус] Готфрид (Heinsius Gottfried; 1709–1769)

Описание в начале 1744 года явившейся кометы купно с некоторыми учинёнными об ней рассуждениями чрез Готфрида Гейнсиуса, Императорской Академии Наук члена и профессора астрономии, при чём напереди предложено сокращённое рассуждение о состоянии и свойствах всех комет, переведённое из Шамберовой Циклопедии. [Перевод М.В. Ломоносова.] Санкт-Петербург: При Императорской Академии Наук. 1744, [2], 142 с. 4 л. иллюстраций, чертежей. В цельнокожаном переплёте конца XVIII века. На крышках переплёта тиснённый золотом суперэкслибрис с гербом рода Буксгевденов, графской короной и восьмиконечным мальтийским крестом. На корешке золототиснёный орнамент, в верхней части ярлык зелёной кожи с тиснённым золотом заглавием. Форзацы бумаги «павлинье перо». Тройной обрез красного накрапа. 25x19 см. На переднем форзаце экслибрис: «Библиотека I Кадетского Корпуса». На обороте свободного л. переднего форзаца экслибрис Н.А. Всеволожского – герб Всеволожских и надпись «Сельцо Молодое». Тираж 645 экземпляров. Экземпляр в прекрасной сохранности. Исключительная редкость.

Всеволожский Николай Алексеевич – отставной уланский офицер. После выхода в отставку в 1819 году, попытался провести реформу в одном из своих имений – селе Николо-Райское (Райское) Пензенской губернии, где построил «каменную деревню», в которой крестьяне отказались жить. История описана Н.С. Лесковым в статье «Загон» (1893).

Библиотека Первого кадетского корпуса существует с момента основания корпуса –1732 года. В ведомости о наличии книг за 1750 год значилось 2578 наименований. В 1909 году библиотека насчитывала 15 тысяч томов. Собиралась особая библиотека из печатных сочинений бывших кадетов. После революции 1917 года библиотека была переведена в Генеральный Штаб, а в дальнейшем разрознена: часть её, главным образом книги на русском языке и некоторые книги на иностранных языках, попала в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина (ныне – РГБ), многие ценные издания были отправлены в Военную академию им. М.В. Фрунзе, имеются экземпляры в Библиотеке Академии наук.

ИНДІЙСКІЙ НОСОРОГЪ.

Секретарь (Gypogeranus Serpentarius)

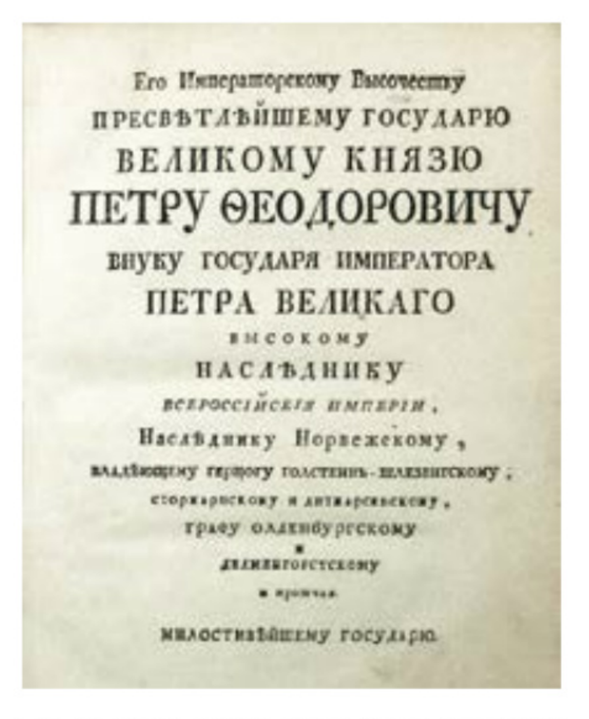
7 Михаил Ломоносов. Краткое руководство к красноречию, или Риторика (1748)*

История этой книги началась не в 1748 году, когда вышло её первое издание, а на несколько лет раньше. В Марбургском университете, где М.В. Ломоносов с 1736 по 1740 годы слушал лекции на философском факультете, он среди прочих дисциплин должен был изучить курс красноречия. Осенью 1742 года Ломоносов, назначенный по возвращении из-за границы адъюнктом Академии наук, сам приступил к чтению лекций о «стихотворстве и штиле российского языка».

В 1743 году борьба Ломоносова с иностранными коллегами по Академии наук обострилась настолько, что почти на полгода он был заключён под стражу. Поводом послужила жалоба одиннадцати академиков, поданная после выходки Ломоносова 26 апреля 1743 года, когда он явился в зал заседаний, подошёл к одному из профессоров, «весьма неприличным образом обесчестил» его и показал ему «крайне поносный знак самым подлым и бесстыдным образом», «поносил всех прочих профессоров многими бранными и ругательными словами», а закончил тем, что пообещал своему оппоненту «поправить зубы». У такого поведения Ломоносова, разумеется, были свои причины, касавшиеся его позиции в деле о казнокрадстве секретаря академической канцелярии И.Д. Шумахера, незадолго перед тем оправданного.

Время, проведённое в тюрьме, Ломоносов использовал для научной работы. Считается, что именно тогда был написан первый вариант его «Риторики».

В январе 1744 года выпущенный из заточения Ломоносов отправил рукопись «Риторики» в Москву великому князю Петру Фёдоровичу, будущему императору Петру III, надеясь таким образом добиться скорейшего её напечатания, однако ответа не получил. Затем текст книги был представлен в Академию наук. Назначенный Шумахером рецензент, академик Г.Ф. Миллер, продержал её у себя три недели и вынес следующее суждение: «Написанное по-русски “Краткое руководство по риторике” адъюнкта Академии Михаила Ломоносова я просмотрел. <...> я полагаю, что следует написать автору свою книгу на латинском языке, расширить и украсить её материалом из учения новых риторов и, присоединив русский перевод,

Его Императорскому Высочеству
ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПЕТРУ ѲЕОДОРОВИЧУ
ВНУКУ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
высокому
НАСЛѢДНИКУ
всероссійскія имперіи,
Наслѣднику Норвежскому,
владѣющему герцогу Голстеинъ-Шлезвигскому,
сторнарнскому и дитмарсенскому,
графу Олденбургскому
и
Делменгорстскому
и прочая
милостивѣйшему государю

предоставить её Академии. Благодаря этому и прочие славнейшие академики получат возможность вынести заключение о том, следует ли напечатать его для нужд Гимназии. Ведь если пренебречь этой целью и напечатать книгу для людей, занимающихся риторикой вне Академии, то едва ли можно надеяться на достаточное количество покупателей».

19 января 1747 года Канцелярия Академии наук распорядилась сдать в набор семь книг, в том числе второй, основательно изменённый, отредактированный и дополненный вариант «Риторики». Книгу набрали и отпечатали в количестве 606 экземпляров к концу 1747 года, но злоключения, преследовавшие труд Ломоносова, не закончились.

5 декабря 1747 года в здании Кунсткамеры, где помещалась типография, произошёл пожар. Ещё не сброшюрованные к тому времени листы «Риторики», сложенные «в верхнем академическом магазейне, у башни», были скинуты на землю из окошек и с кровли, причём «многие листы разлетелись, иные замараны, затоптаны и подраны». Почти полгода потребовалось на их допечатку. Ломоносов воспользовался этим временем, чтобы внести исправления в текст первых листов. Наконец, к июню 1748 года все типографские работы закончились, книга поступила в

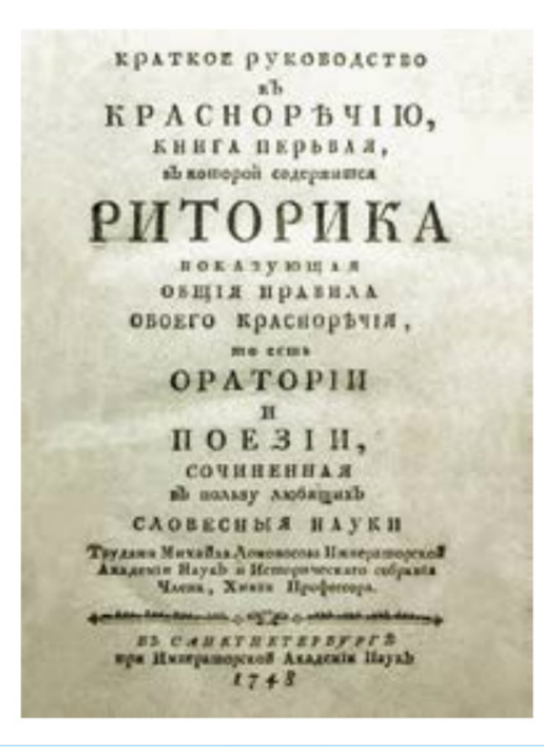
* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1647–1977 гг. Книга вторая. – М., Русский раритет, 2006.

Книжную лавку, а автор получил скромный гонорар в размере 50 экземпляров «Риторики», в переводе на деньги – 25 рублей. Общий тираж составили 527 экземпляров.

Книга открывалась посвящением Петру III, самому недолговечному российскому самодержцу. В нём Ломоносов так объяснял цель своего труда: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по её могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сумнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся».

Опасения Миллера, предрекавшего, что «Риторика» на русском языке не найдёт читателей, не оправдались. Через два года после выхода её из печати академический комиссар по книжным делам Збоормирский уведомил Канцелярию, что «купцы беспрестанно спрашивают» «Риторику» Ломоносова и что её экземпляров «в наличности за продажею мало остаётся». Спустя ещё два года Ломоносов подал в Канцелярию рапорт: «Понеже многие охотники почти ежедневно спрашивают и желают иметь у себя… “Риторики” на российском языке первого тома, которой ныне в Академической книжной лавке за употреблением в продажу уже давно не имеется, того ради сим представляю, дабы Канцелярия Академии наук благоволила приказать “Риторики” ещё потребное число для удовольствия охотников вновь напечатать». Ломоносову было отказано, и только около 1759 года из типографии новоучреждённого Московского университета вышло второе её издание, также быстро разошедшееся. В 1765 году Академия выпустила третье издание, на этот раз без посвящения давно уже свергнутому и убитому Петру III, без стихов на Петров день 1759 года и с дополнительными авторскими исправлениями. Это издание «Риторики» было последним, увидевшим свет при жизни самого Ломоносова.

По замыслу Ломоносова, весь его труд о красноречии в окончательном виде должен был состоять из трёх книг: первая посвящалась собственно риторике, или «учению о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается»; предметом второй должна была стать «Оратория», или «наставление к сочинению речей в прозе»; в третьей предполагалось исследовать поэзию, или «о стихотворстве учение». Напечатана была только «Риторика».

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
КЪ
КРАСНОРѢЧІЮ,
КНИГА ПЕРЬВАЯ,
въ которой содержится
РИТОРИКА
ПОКАЗУЮЩАЯ
ОБЩІЯ ПРАВИЛА
ОБОЕГО КРАСНОРѢЧІЯ,
то есть
ОРАТОРІИ
И
ПОЭЗІИ,
СОЧИНЕННАЯ
въ пользу любящихъ
СЛОВЕСНЫЯ НАУКИ
Трудами Михайла Ломоносова Императорской Академіи Наукъ и Историческаго собранія Члена, Химіи Профессора.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1748

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765)
Краткое руководство к красноречию, книга перьвая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочинённая в пользу любящих словесные науки трудами Михайла Ломоносова Имп.<ераторской> Академии наук и Исторического собрания члена, химии профессора. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук,1748. [10], 315, [2]с. В цельнокожаном переплёте времени издания. На корешке – тиснёные имя автора и заглавие. 19,5х11 см.

СЕМЬЯ СИВАТЕРІЕВЪ, ПО МÖРИ

ОРЕЛЪ-СКОМОРОХЪ

Helotarsus ecandatus.

8

Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие (1755)

«На всем протяжении истории книгопечатания в России до 1700 г. было выпущено около тысячи изданий. Среди них не было ни одной книги по технике, отмечал в своей работе «Русская техническая литература первой четверти XVIII века» (1954) советский историк науки, книговед, академик Виктор Васильевич Данилевский. Естественно, что и никакого, даже протожанра научно-популярной литературы в стране не существовало. И вдруг – самый настоящий взрыв технического и научного книгопечатания! В первой четверти XVIII века в России выпускалось беспрецедентно много технической литературы. В общем объеме книжной продукции ее доля достигала 23% (если учитывать только книги гражданской печати). Таких показателей никогда больше в дореволюционной России не было достигнуто!

Россия на всех парах въезжала в эпоху промышленного просвещения.

В 18-м веке в России можно отметить несколько попыток выпуска периодических изданий, которые, по сегодняшним меркам, можно было бы отнести к научно-популярным. Но первым полноценным русским научно-популярным журналом можно с полным основанием считать «Ежемесячныя сочинения, к пользе и увеселению служащия», который издавался в Санкт-Петербурге Императорской Академией наук с 1755 по 1764 г. Журнал не просто стал научно-популярным де-факто, он и задумывался именно как научно-популярный. Девиз журнала на заставке титульного листа первого, январского за 1755 год номера краток и однозначен: «Для Всех».

Издание «Сочинений…» было предложено академиком и непременным секретарем Академии Герардом Фридрихом Миллером (1705–1783).

«С 1755 г. Миллер издавал в Санкт-Петербурге журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», ставший первым и лучшим на протяжении всего XVIII в. в России научно-популярным и литературным журналом, – отмечает российский историк науки Симон Семенович Илизаров. – Журнал имел исключительно широкий профиль. Кроме собственно научных произведений, здесь публиковались оригинальные и переводные произведения, в том числе чисто литературные, а также рецензии и обзоры книжных новинок. Автором большинства исторических и географических

материалов, помещенных в журнале, был сам Миллер. Но на страницах «Ежемесячных сочинений» публиковались и сочинения большинства современных литераторов, членов Академии наук; впервые на русском языке здесь были изданы важнейшие труды античных авторов, произведения европейских философов, ученых и просветителей. «Ежемесячные сочинения» оказали существенное влияние на просвещение и образование в России, развитие русской литературы, науки и становление журналистики».

И в этих словах нет никакого преувеличения. Хотя фигура Миллера до сих пор остается не до конца оцененной в российской истории. Собственно, это именно он, уроженец старинного ганзейского города Херфорда, в 20 лет (!) приехавший в Россию с первым призывом ученых в создававшуюся Санкт-Петербургскую Академию наук, предложил Академии в 1732 г. общий план работ по русской истории – первую в истории русской науки оригинальную научно-исследовательскую программу комплексного изучения России, рассчитанную на несколько десятилетий.

Но этот ганзейский немец был не только книжным червем (академический библиоте-

карь, знал более десятка языков; о себе говорил, что был склонен «к истории учености, к сведениям, требуемым от библиотекаря. Обширная библиотека моего отца воспитала во мне эту склонность»). С августа 1733 г. по февраль 1743 г. Миллер в качестве руководителя сухопутного отряда по изучению Сибири был участником Второй Камчатской экспедиции под командой капитан-командора Витуса Беринга.

По результатам этой экспедиции, в 1750 г. вышел на русском языке первый том его истории Сибири – «Описание Сибирского царства». Как отмечает С.С. Илизаров, это «первое в мировой литературе фундаментальное исследование, основанное на максимально возможной источниковой базе (в полном виде на русском языке не издано). Классический труд Миллера составил эпоху в развитии русской исторической науки и служил образцом для других региональных исследований. «История Сибири» Миллера – выдающийся памятник научной исторической литературы – до настоящего времени сохраняет научное значение».

И вот, 22 ноября 1754 года Миллер изложил на заседании Академии предложение президента Академии графа К.Г. Разумовского издавать, начиная с 1755 года, «ученый периодический журнал» на русском языке. Академики единогласно признали полезность предлагаемого издания и решили, что журнал должен быть ежемесячным. Также было постановлено: допустить к сотрудничеству в журнале профессиональных литераторов не из числа академиков; исключить из журнала статьи по богословию и вообще все «касающиеся до веры»; не публиковать «статьи критические или такие, которыми мог бы кто-нибудь оскорбиться». Журнал отдавался «под смотрение» Миллера.

258

VIII.

СПОСОБЪ КАКЪ ПРЕДОСТЕрегаться, чтобъ лице отъ воспы не было испорчено.

Между всѣми человѣкамъ опасными болѣзнями есть мало такихъ, которыя бы по себѣ оставляли знаки толь глубокіе, и толь непріятные, какъ воспа. Счастливъ мужеской полъ, что у онаго лице рябинами хотя и нарочито испорчено, но за безобразное не почитается. А колми паче о женскомъ полѣ сожалѣть должно, когда у молодой красавицы пріятнѣйшее лице отъ щадринъ всѣхъ своихъ красотъ вдругъ лишается. Уповаемъ мы, что тѣмъ, которые еще въ воспѣ не были, окажемъ нѣкоторую услугу, ежели имъ объявимъ способъ, какъ бы у сей непріятельницы унять силу, дабы не могла оставлять на лицѣ слѣдовъ своего посѣщенія. Все дѣло въ томъ состоитъ: надобно остерегаться, чтобъ воспиной гной въ тѣло глубоко не проѣлся, но подсохъ бы въ незрѣлыхъ еще воспинахъ въ скорѣйшемъ времени. А сіе учинится слѣдующимъ образомъ:

Когда воспины станутъ наливаться гноемъ, то надлежитъ взять мѣлу въ пыль истолченнаго

СПОСОБЪ ОТЪ ВОСПЫ 259

и смѣшать съ свѣжею сметаною. Сею смѣсью, якобы жидкою помадою, мажется все лице, а паче воспины, перомъ или кисточкою, такъ часто, какъ она на лицѣ засыхать станетъ. Прохлаждающая сила сметаны предостерегаетъ отъ сверботы. Слѣдовательно и больные чесаться не будутъ, что у малыхъ дѣтей связываніемъ рукъ отвращается. А отъ мѣлу въ скорости засыхаетъ находящаяся въ воспинахъ матерія, и тѣмъ не можетъ проѣсться въ тѣло, и оставить глубокія рябины. Пользующіеся симъ способомъ такъ мало бываютъ щадровиты, что кажется, будто воспа на нихъ еще и не бывала: Того ради и не хотѣли мы преминуть, объ ономъ, хотя не новомъ, однако не всякому еще извѣстномъ средствѣ, сообщить нашимъ читателямъ, которые по крайней мѣрѣ увѣрены быть могутъ, что отъ употребленія онаго не должно опасаться никакихъ худыхъ слѣдствій.

р 2 IX. О ДО-

Совершенно замечательный документ – «Предуведомление» (редакционная статья) в первом номере издания. Фактически это первая в русской литературе четко обозначенная концепция научно-популярного журнала (и научной популяризации вообще). Начинается «Предуведомление» с весьма важной констатации: «Пользу ученых журналов и подобных тому записок, издаваемых в почтовые дни, понедельно и помесячно, выхвалять, кажется, нет нужды. Все Европейские народы в том согласны, и доказывают сие бесчисленными примерами». То есть к середине XVIII в. Европа уже была вполне приохочена к научно-популярному жанру.

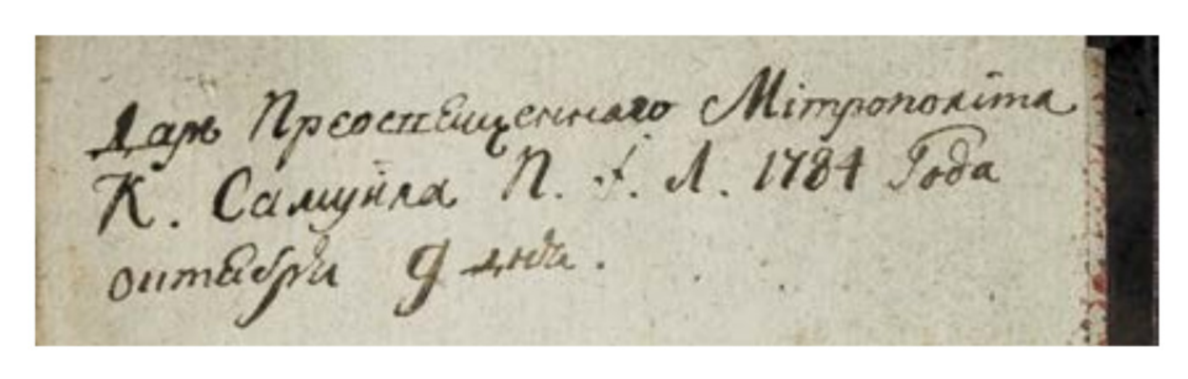
Заявленная миссия и программа «Ежемесячных сочинений…» впечатляет и сегодня: «И так предлагаемы будут здесь всякие сочинения, какие только обществу полезны быть могут, а именно: не одни только рассуждения о собственно так называемых Науках, но и такие, которыя в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в манифактурах, в механических рукоделиях, в архитектуре, в музыке, в живописном и разном художествах, и в прочих, какое ни есть новое изобретение показывают, или к поправлению чего-нибудь повод подать могут». Произведения «кои ради глубокого их смысла не всем ясны и вразумительны бывают» в журнал не включаются.

Это уже действительно научная популяризация в чистом виде.

Первые два года «Сочинения…» выходили очень приличным по тем временам тиражом – 2000 экземпляров. С 1758 г. тираж сокращен до 1250 экземпляров. С этого же года название журнала было изменено на «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», а в 1763–1764 гг. он назывался «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах». Интерес читающей публики к «Сочинениям…» был настолько стабильным, что пришлось выпустить второе издание комплекта журнала за 1758–1761 гг. Существует также переиздание на бумаге с водяными знаками 1801–1803 гг. Всего же было выпущено 120 номеров журнала (20 томов).

В представленный в «Библиохронике» первый полугодовой комплект журнала, вошла прижизненная публикации стихотворения М.В. Ломоносова «Правда ненависть раждает» (январь). Надо сказать, что Михаил Васильевич был идейным противником Миллера прежде всего в том, что касается концепции русской истории. Вот что Ломоносов писал в «Репорте в Канцелярию Академии Наук 16 сентября 1749 г.» на «сочиненную господином профессором Миллером речь о происхождении имени и народа российского…»: «Имя российское почитает господин Миллер за новое, которое началось при Рурике, а сие из того заключает, что об нем иностранные не знали; но как из того заключить, что варяги сами себя русью не называли? Германцы дивно себя называют дейчен, хотя их ни русские, ни французы тем именем и поныне не пишут; так и варяги, происходя от роксолян, всегда себя русью называли, хотя другие народы их инако именовали, и самые слова Несторовы показывают, что варяги назывались русью, а по ним и новогородские славяне и прочие назвались русью. Но едва можно чуднее что представить, как то, что господин Миллер думает, якобы чухонцы варягам и славянам имя дали».

Известный русский библиограф Иван Михайлович Остроглазов в своем фундаментальном труде «Библиографические заметки» (1890) отмечал: «…Академическая

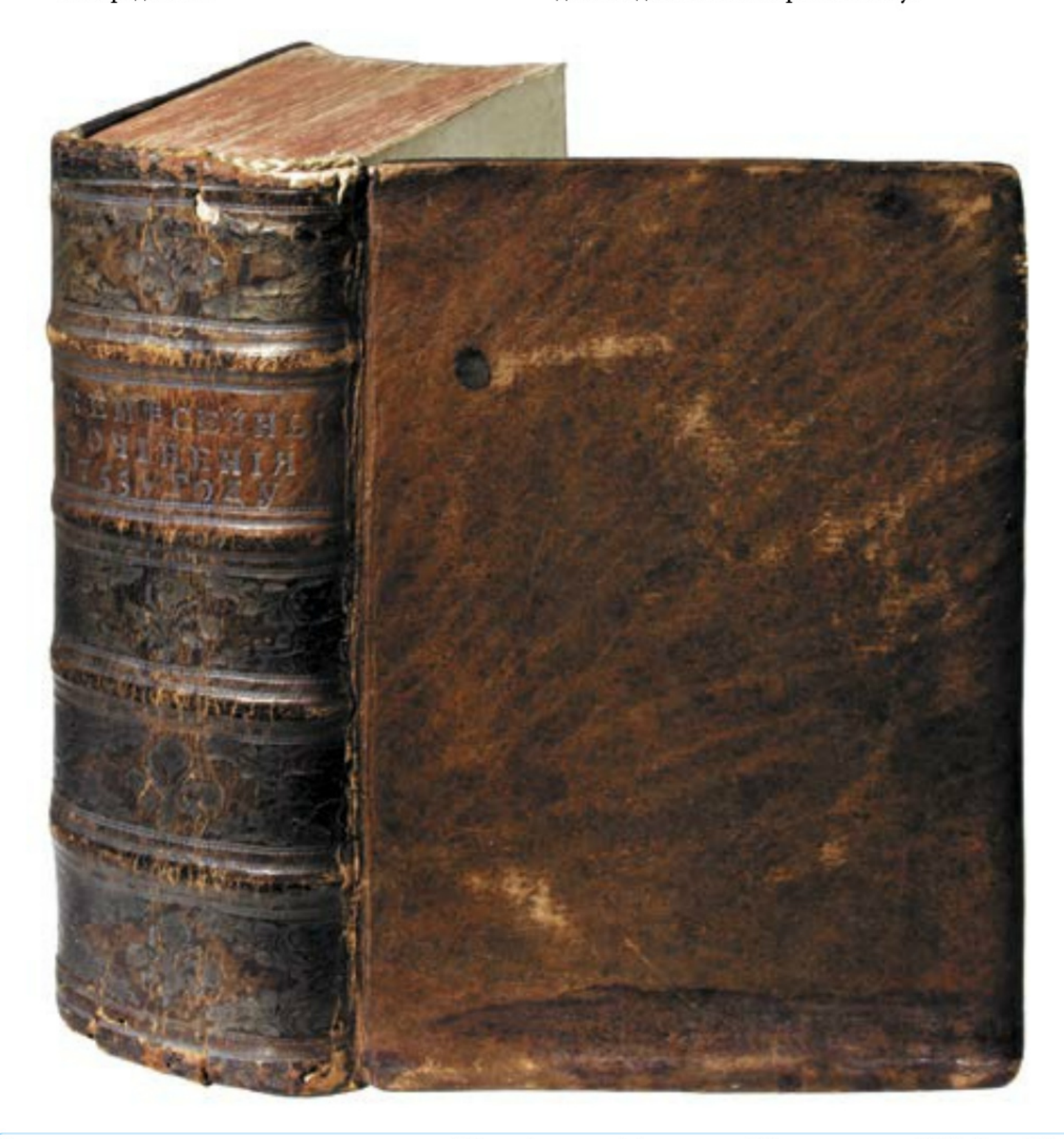

Канцелярия, приняв в основание отзывы Ломоносова, Крашенинникова и Попова, постановила речь Миллера уничтожить, а «так как она предосудительна России», то Миллеру за эту речь угрожали наказанием, и он долго не мог оправиться от страха».

Ничего удивительного, что двум выдающимся историкам тесно было бы под одной обложкой. Поэтому Ломоносов в миллеровском журнале почти не участвовал. Так что его стихотворение в этом издании – большая редкость.

Вообще же, в журнале печатались отрывки из сочинений выдающихся западноевропейских ученых – Бюффона, Линнея, Ньютона… Известный библиограф XIX в. Евгений Болховитинов писал в «Словаре российских писателей» о том, что «Вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый ежемесячник».

Закрыт журнал был по непонятным до сих пор причинам в 1764 г. Возможно, что издание журнала прекратилось в связи с отъездом академика Миллера в Москву.

Ежемесячныя сочинения к пользе и увеселению служащия / СПб., при Императорской Академии наук, 1755, генварь – июнь. – 16; 576 с. Тираж 2000 экз. 19,9 х 13,5 см. Гравированная виньетка на титульном листе. В составном индивидуальном переплете конца XVIII века. Владельческая запись орешковыми чернилами на свободном листе заднего форзаца: «Дар Преосвещенного Митрополита / К. Самуила П.И.Л. 1784 года / октября 9 дня».

К. 1
Природа.
Съ фотогр. рис. на кам. Н. Мартыновъ.

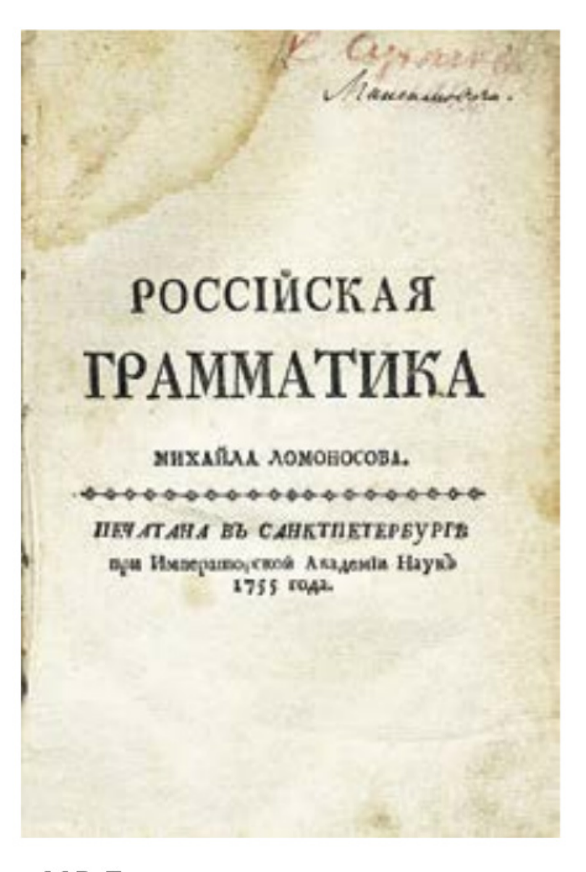

СЫРТОВОЙ БАРАНЪ (OVIS POLII)

Михаил Ломоносов. Российская грамматика (1755)*

«В царствование Петра I, – рассуждал А.С. Пушкин о судьбах русского языка, – начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов… Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка».

РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.
ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1755 года.

Оглавленіе.

НАСТАВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

о человѣческомъ словѣ вообще.

НАСТАВЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

о чтеніи и правописаніи Россійскомъ.

НАСТАВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ,

о имени.

Н Глава

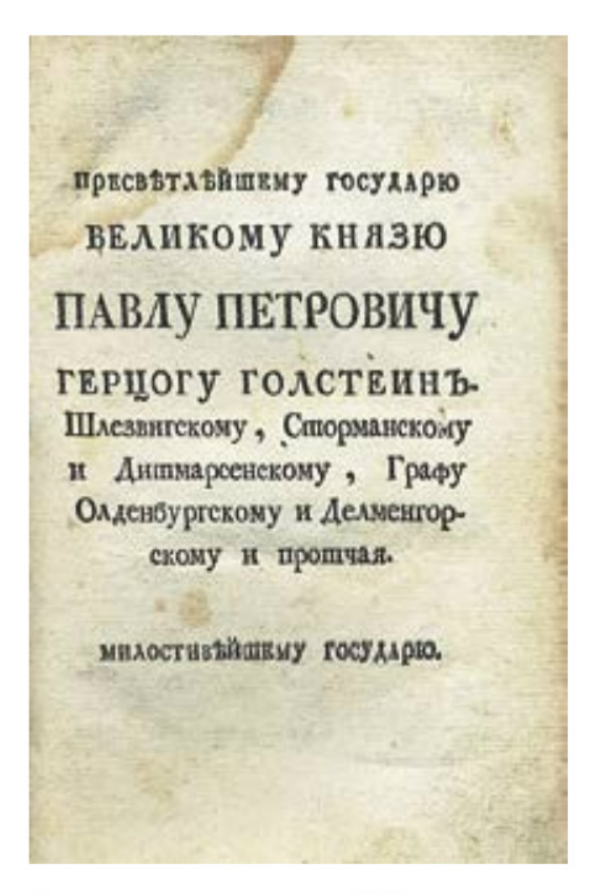
М.В. Ломоносов выучился грамоте у крестьянина-земляка Федора Шубного. В 1731 г. он поступил в Заиконоспасскую школу. Первой научной книгой, попавшей ему в руки, стала выпущенная более чем за сто лет до этого «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (см.: Библиохроника, «В некотором царстве…», Т. 1). В ней излагались вопросы орфографии, морфологии, синтаксиса, стилистики и стихосложения и устанавливались нормы старославянского языка. Наряду с «Арифметикой» Л.Ф. Магницкого (см.: Библиохроника, «В некотором царстве…», Т. 1), «Грамматика» М. Смотрицкого стала «вратами учености» Ломоносова.

Во время обучения в Академии Ломоносов остро нуждался и испытывал «со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели».

Несмотря на это Ломоносов за год прошел программу трех классов. К 1735 г. обучение успешно завершилось. Помимо изучения в школе латыни, Ломоносов самостоятельно овладел греческим. В 1735 г. он был зачислен в высший, философский класс

---

* См.: Мария Богданович, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Ирина Насонова, Мария Чапкина. Здесь, под небом своим… Выпуск третий: Прекрасная пора. Библиохроника. 1737–1998 гг. – М., Русский раритет, 2013.

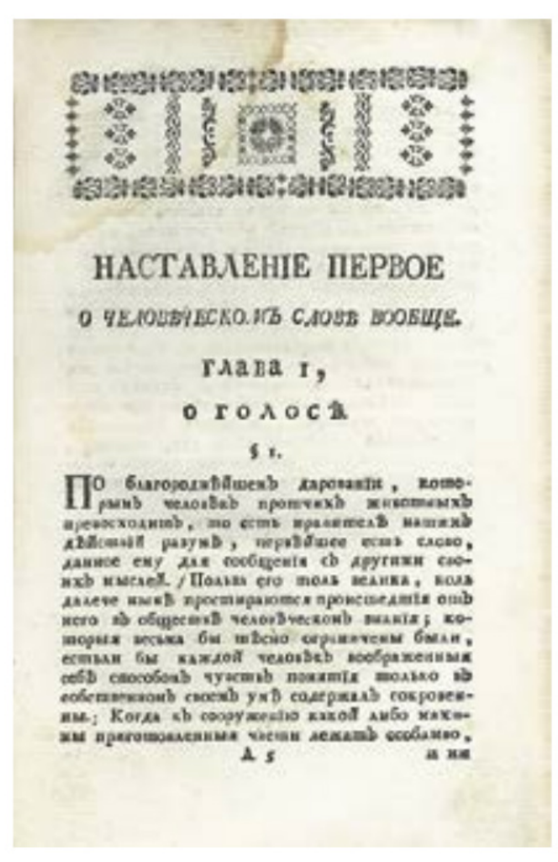
ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

ГЕРЦОГУ ГОЛСТЕИНЪ-Шлезвигскому, Сторманскому и Дитмарсенскому, Графу Олденбургскому и Делменгорскому и прочая.

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

НАСТАВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

О ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ СЛОВѢ ВООБЩЕ.

ГЛАВА I,

О ГОЛОСѢ.

§ 1.

По благороднѣйшемъ дарованіи, которымъ человѣкъ прочихъ животныхъ превосходитъ, то есть правителѣ нашихъ дѣйствій разумѣ, первѣйшее есть слово, данное ему для сообщенія съ другими своихъ мыслей. Польза его толь велика, коль далече нынѣ простираются происшедшія отъ него въ обществѣ человѣческомъ знанія; которыя весьма бы тѣсно ограничены были, естьли бы каждой человѣкъ воображенныя себѣ способомъ чувствъ понятія только въ собственномъ своемъ умѣ содержалъ сокровенны. Когда къ сооруженію какой либо махины приготовленныя части лежатъ особливо,

А 5 и ни

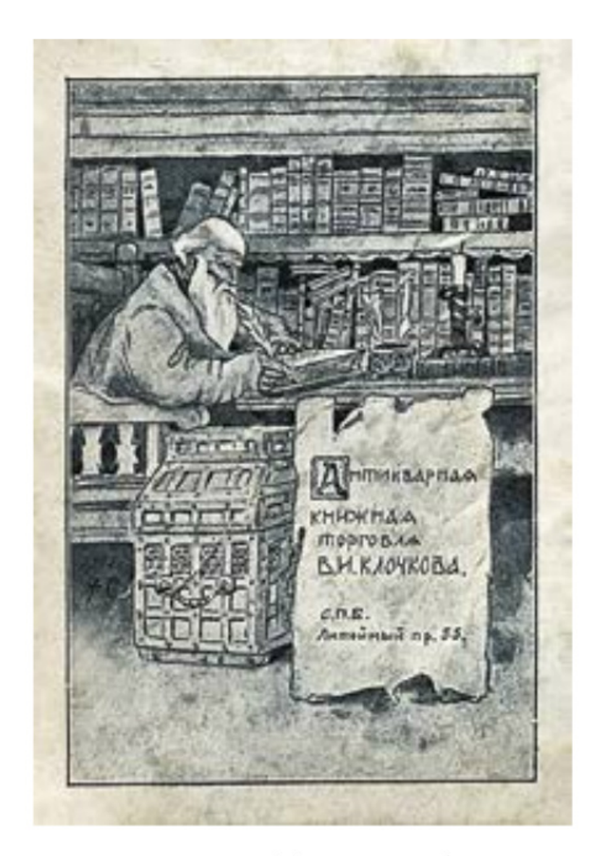
Спасских школ, а в конце 1735 г. с двенадцатью другими воспитанниками «не последнего разумения» был направлен в Петербург для продолжения образования в Академической гимназии. Вскоре был отправлен в Германию, так как Академии требовался «опытный в горном деле химик». В 1736 г. Ломоносов вместе с другими «петербургскими руссами» был зачислен в число студентов Марбургского университета. В 1741 г. Ломоносов вернулся в Петербург и приступил к изучению естествознания под руководством профессора И. Аммана. В 1749 г., в торжественном собрании Академии наук, Ломоносов выступил со «Словом похвальным императрице Елизавете Петровне» и с этого времени начал пользоваться большим вниманием при дворе, приобретя врага в лице И.Д. Шумахера.

Знакомство с И.И. Шуваловым, любимцем Елизаветы, игравшим значительную роль при дворе, стало обоюдно выгодным. С одной стороны, покровительство Шувалова смягчало постоянные нападки на Ломоносова чиновников из Академии наук во главе с И.Д. Шумахером и облегчало литературные битвы с В.К. Тредиаковским. С другой стороны, Шувалов с Ломоносовым разработали учебный план и устав первого русского университета для всех сословий и двумя гимназиями при нем, открытого в Москве в 1755 г.

В 1743 г. написано «Краткое руководство к риторике» на русском языке. Основной труд «Риторика» (см.: Библиохроника, «В некотором царстве…», Т. 2) появился в 1748 г. и стал первой в России хрестоматией мировой литературы, включавшей также лучшие произведения отечественной словесности.

«Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики», – писал Ломоносов и отмечал в «Риторике», что «чистота штиля» зависит прежде всего «от основательного знания языка», чему «способствует прилежное изучение правил грамматических». Предположительно во время создания «Риторики» (1744–1746 гг.) возникла у Ломоносова идея создания российской грамматики.

В мае 1749 г. Ломоносов пишет математику Л. Эйлеру (1707–1783), что в течение последнего года «был занят совершенствованием родного языка». В отчете президенту Академии наук за 1751–1756 гг. Ломоносов сообщает, что в 1753 г. «приводил в порядок» собранные для Грамматики материалы, а в 1755 г., «сочинив, большую часть Грамматики привел к концу». Следовательно, пер-

вая, меньшая часть Грамматики была написана в 1754 г.

Ломоносов использовал латинские грамматики (Доната, Присциана), ему была хорошо известна грамматика М. Смотрицкого, а также европейские грамматики того времени: в его библиотеке находилась «Nouvelle et parfaite grammaire royale francaise et allemande», изданная в 1736 г. в Берлине, он был знаком и с грамматикой Б. Бюффье.

Вместе с тем Ломоносов видел и недостатки своего труда: «Сию грамматику не выдаю за полную, но только опыт, ибо еще никакой нет, кроме славенской [М. Смотрицкого] и маленькой [В.Е. Адодурова – Anfangs-Grunde der Russischen Sprache…] в лексиконе [Э. Вейсманна, 1731 г.], весьма несовершенной и во многих местах неисправной»; «сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности – Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую».

«Грамматика» Ломоносова стала ответом на потребность русского общества в анализе и описании реальной языковой ситуации, способствовала «устроению» языка, сформулировав языковые нормы. Например, в круг обязанностей В.К. Тредиаковского, поступившего на службу в Академию наук в 1733 г., входило: «вычищать язык руской как стихами, так и не стихами <…> окончить Грамматику, которую он начал, и трудиться совокупно с прочими над Дикционарием руским».

В те времена немецкие ученые в России не только считали необходимым читать лекции на немецком языке, но и пытались заменить устойчивую в русском языке научную терминологию на немецкую. Русское дворянство в бытовой речи коверкало и мешало русские слова с французскими. Ломоносов боролся за права признания красоты и силы русского языка. «Повелитель многих языков, язык Российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему трудов прилагали…» – писал М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1755 г.

20 сентября 1755 г. при содействии И.И. Шувалова перебеленную рукопись поднесли годовалому великому князю Павлу Петровичу. На титульных листах пяти изданий «Российский грамматики» указано, что печатана она в Петербурге при Императорской Академии наук в 1755 г. На самом деле это год сдачи книги в набор. Первое издание вышло в январе 1757 г. тиражом 1200 экземпляров, украшенное фронтисписом, гравированным И.А. Соколовым (1717–1757) по рисунку И. Гриммеля, аллегорический сюжет для которого был подробно разработан Ломоносовым.

Второе издание увидело свет в 1765 г. тиражом 1200 экземпляров. Третье появилось в 1772 г. тиражом 600 экземпляров. Четвертое – в 1777 г. (1000 экземпляров). Пятое, напечатанное на бумаге с водяным знаком 1784 г., вышло в январе 1785 г. (612 экземпляров). Шестое и седьмое издания имели на титульных листах указание реальных годов выпуска – 1788 и 1799. В 1764 г. в Петербурге

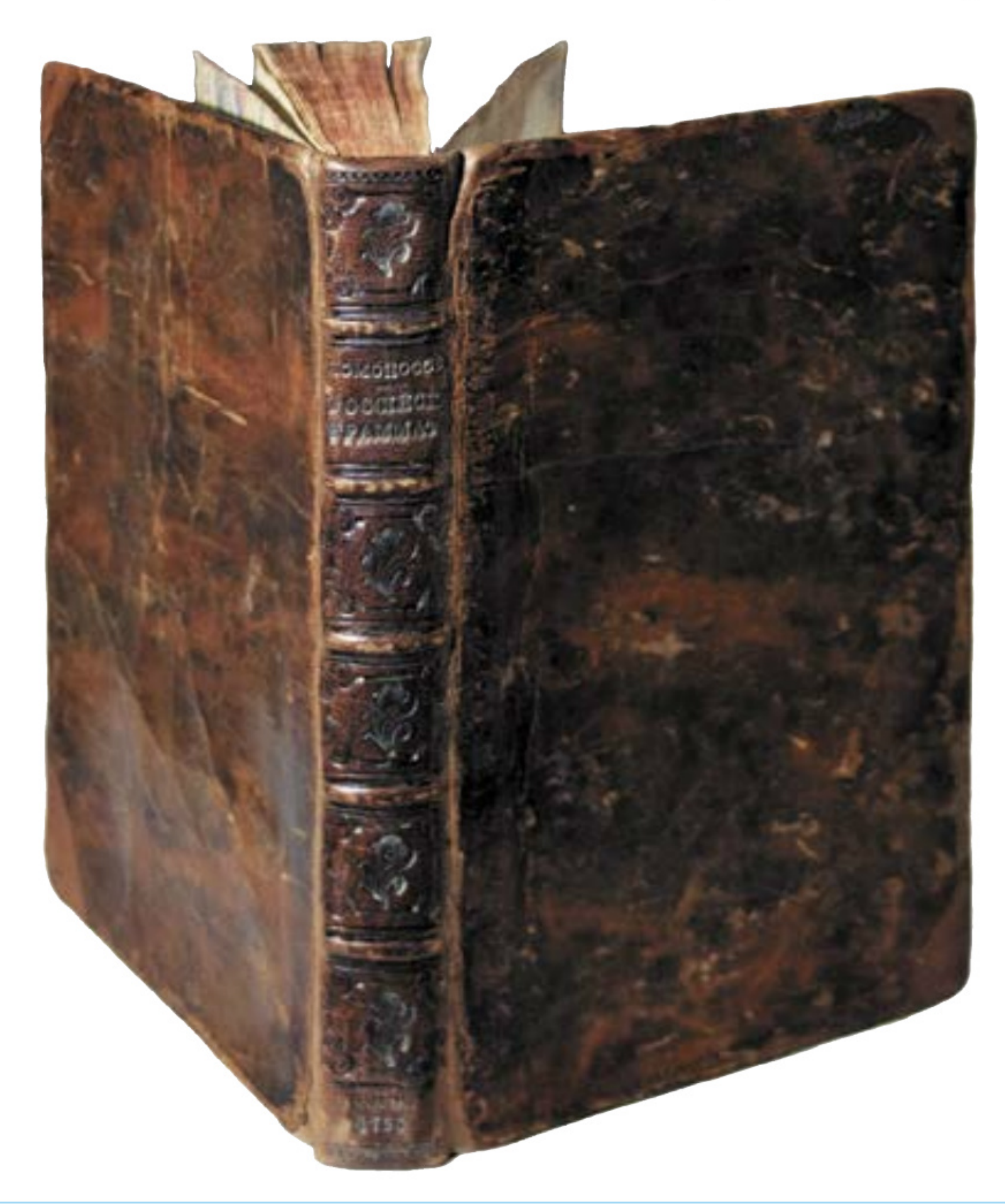

«Российская грамматика» вышла в переводе на немецкий язык.

«Российская грамматика» была встречена обществом с энтузиазмом и принесла Ломоносову славу «первейшего российского грамматиста». Последующие грамматики опирались на труд Ломоносова, принцип лексикографии Ломоносова стал руководящим при составлении «Словаря Академии Российской» (1789–1794).

До Ломоносова «существовала только русская азбука, но не было русского языка, и только после него стал возможен в России раздел ученых и литературных трудов, – писал В.Г. Белинский (1811–1848). – И вот он пишет грамматику, которая уже не годится для нашего времени, но лучше которой еще не являлось у нас; дает законы языку и утверждает их образцами».

На форзацах запись красными чернилами XIX в.: «Первое издание», ярлык «Антикварной книжной торговли В.И. Клочкова». На титульном листе фрагменты росписей прежних владельцев. В действительности данное издание является четвертым. Вышло в свет в 1777 г. тиражом 1000 экземпляров.

Ломоносов, Михаил Васильевич (1711–1765)

Российская грамматика Михайла Ломоносова. Санктпетербург: печатано при Императорской Академии Наук, 1755. [2], 208, [2] с. 18,9х11,9 см. 1000 экз. В цельнокожаном переплете своего времени, корешок с бинтами, тисненым цветочным орнаментом и тисненным золотом шрифтом.

№ 105. III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 1. 2 Января 1871 года.

Подписная цѣна на годъ въ Россіи:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . 12 р.
» съ доставкою . . 13 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . . 15 р.

Журналъ ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ выходитъ еженедѣльно, въ форматѣ большого двойного листа въ 16 страницъ.

Подписная цѣна на годъ заграницею.

Главная контора редакціи „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ" находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, № 16.

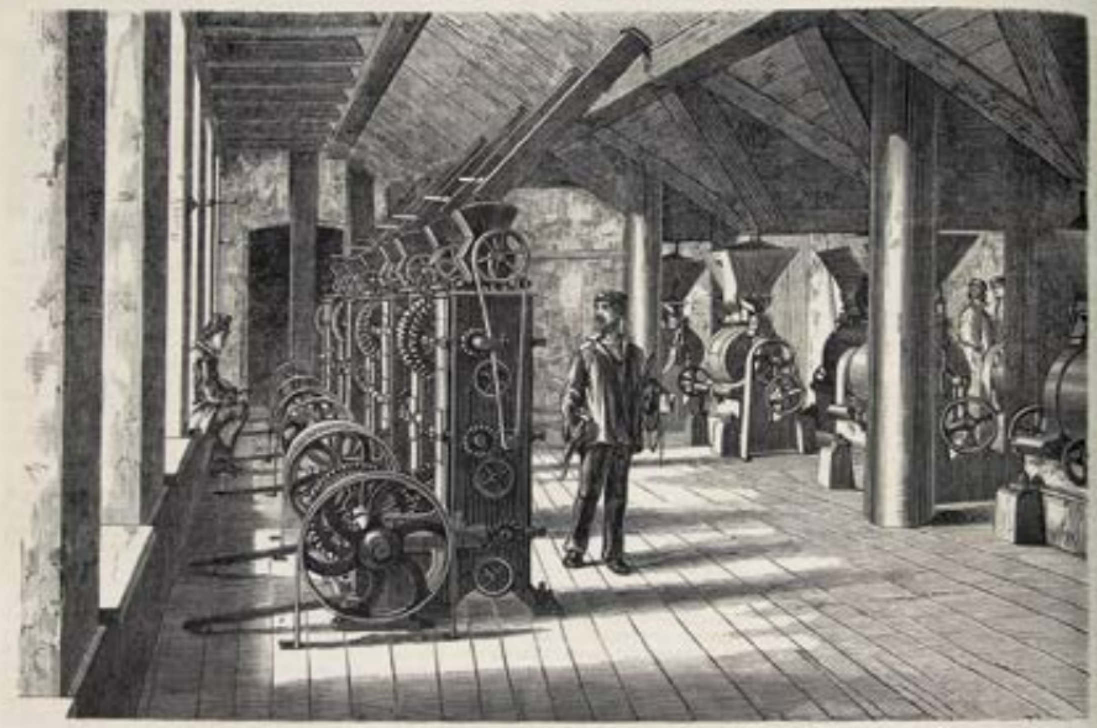
СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи. — Политическое обозрѣніе 1870 г. — ...

РИСУНКИ: Зданіе публичнаго музея, въ Москвѣ. — ...

Москва: Зданіе публичнаго музея.

(Съ фотогр. «Русская фотографія», рисов. на дер. Л. П. Линсбергъ, грав. Л. А. Сѣряковъ).

Наши заводы и мастерскія: Паровая мельница Фейгина, въ С.-Петербургѣ. III.

(Рисов. на дер. А. К. Беггровъ, грав. Э. Даммюллеръ).

Наши заводы и мастерскія: Паровая мельница Фейгина, въ С.-Петербургѣ. IV.

(Рисов. на дер. А. К. Беггровъ, грав. Э. Даммюллеръ).

10

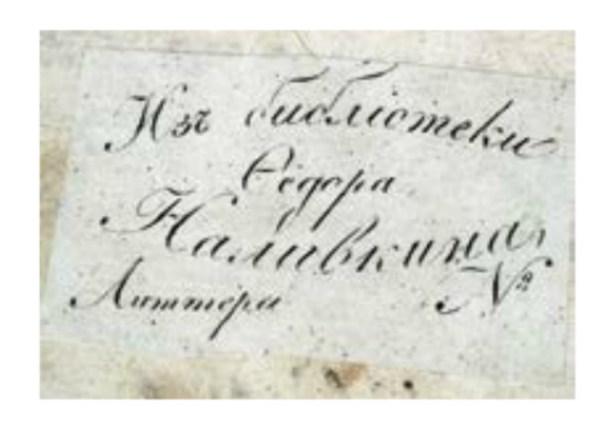
Михаил Ломоносов. Краткой российской летописец (1760)*

Известны три значительные исторические работы Ломоносова. Первая из них – «Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера “Происхождение имени и народа российского”» – появилась в 1749 году в качестве официальной рецензии, подвергшей острой и пространной критике исследование профессора истории и члена Академии наук Герарда Фридриха Миллера. К начертанию второй – «Древней российской истории», оставшейся незавершённой, учёный приступил в 1753 году по желанию императрицы Елизаветы Петровны. Параллельно с «Историей» создавался «Краткий российский летописец», вышедший первым изданием в 1760 году.

В своих сочинениях Ломоносов-историограф ориентировался прежде всего на греческих и римских писателей, которые «своих героев в полной славе предали вечности». Из бывших в его распоряжении письменных и печатных источников он старался заимствовать как можно больше примеров смелости ума и геройства древних славян и показать тем самым, что российская история ничем не уступает историческому прошлому других народов. Оспаривая норманнскую теорию, из которой следовало, что «шведы нам дали князей, а чухна имя», Ломоносов выводил первых русских князей – братьев Рюрика, Синеуса и Трувора – с юго-восточного берега Варяжского (Балтийского) моря, где обитало славянское племя русь, призванное в 862 году в Новгород.

Патриотический пафос исследовательских штудий Ломоносова явно преобладал над стремлением к научной истине. Не случайно Миллер жаловался, что его оппонент не видел различия «между исторической диссертацией и панегирической речью».

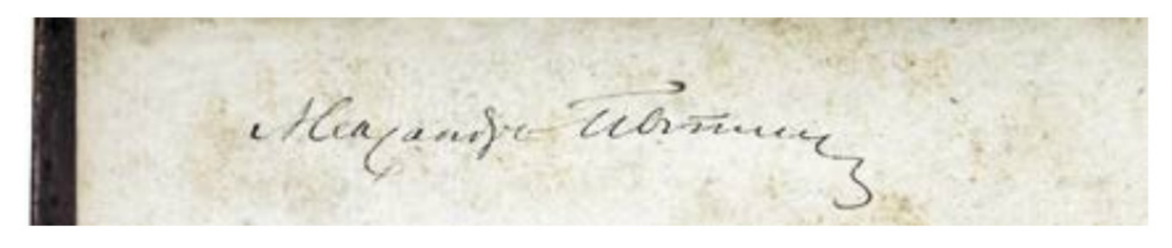
«Краткий российский летописец», отразивший исторические взгляды Ломоносова, состоял из следующих разделов: «Показания российской древности», где излагалось происхождение россиян; «Летописца», содержавшего хронологический перечень новгородских, киевских, московских, владимирских и всероссийских князей до Петра I, и «Родословия российских государей» с указанием их брачных союзов и потомства.

Краткость биографических справок и отсутствие ссылок на источники свидетельствовали о том, что готовился «Летописец» не как научный трактат, а как учебное пособие, дополнившее список подготовленных Ломоносовым «руководств» к риторике, красноречию и изучению российской грамматики.

Рассчитанный на широкую читательскую аудиторию, «Летописец» имел и конкретного адресата – великого князя Павла Петровича. В предварявшем книгу стихотворном обращении Ломоносов призывал шестилетнего наследника российского престола быть достойным славы предков:

Гряди по их стопам, вослед Елизавете:
Ты будешь, как они, велик, возлюблен в свете,
Доброты вкоренишь, исторгнув смертных зло,
Умножишь истинных российских хвал число,
Достигнешь чрез моря богатого Офира,
Откроешь Россам путь кругом земного мира,
Поставишь всем странам недвижимый закон,
Науки лишь пройди и будь наш Соломон.

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1647–1977 гг. Книга вторая. – М., Русский раритет, 2006.

В екатерининское царствование «Летописец» служил одним из самых популярных учебников истории. В 1765 году Я.Я. Штелин перевёл его на немецкий язык, в 1767 году он появился в английском переводе. Достаточно большой тираж издания 1760 года (2406 экземпляров) оказался недостаточным, и в 1766–1767 годах, уже после смерти Ломоносова, было напечатано 600 экземпляров, а в 1775-м – ещё 1 200 экземпляров. Все три издания датированы 1760 годом.

Одно из немногих отличий, позволяющих атрибутировать тот или иной экземпляр «Летописца», связан с 11-й ненумерованной страницей, где Ломоносов комментировал Несторову летопись: «И хотя в оном летописце с начала много есть известий невероятных, однако всего откинуть невозможно. Басня о претворении Славенова сына в крокодила сходствует весьма с тогдашними обыкновениями, ибо по морю Варяжскому и по втекающим в него судоходным рекам чинились великие разбои, на которые выходили часто княжеские и королевские дети. И так не дивно, что Волхв, разбойничая по реке Мутной, почитался за крокодила и дал ей своё имя от волшебства».

В каждом из трёх изданий присутствовало своё, отличное от других, расположение слов «басня о претворении». Описываемый экземпляр принадлежит к первому изданию.

КРАТКОЙ
РОССІЙСКОЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ
СЪ
РОДОСЛОВІЕМЪ.
Сочиненіе
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

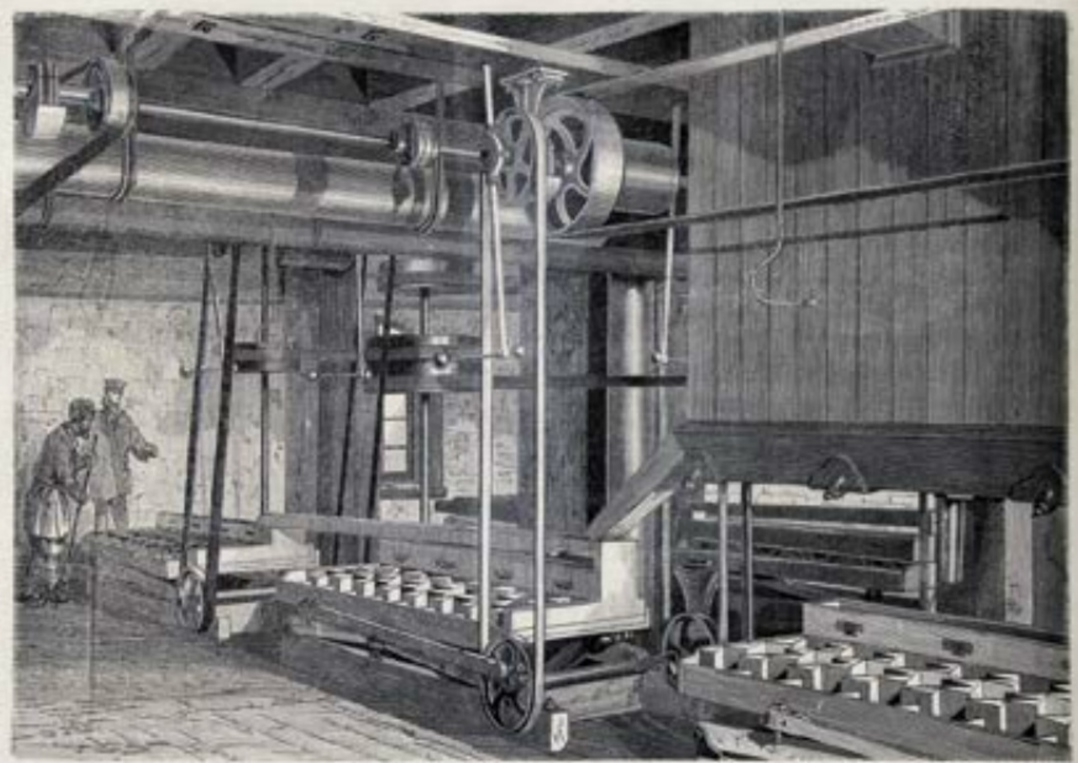
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1760 года.

Anno Domino 1762 Martio 20 die
praetii 25 hasti: Proprie Michael: Holosnicky

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765)

Краткой российской летописец. Сочинение Михайла Ломоносова. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1760. [12], 75 с. В цельнокожаном переплёте второй половины XVIII века. На корешке тиснённые золотом имя автора, заглавие и дата издания, золототиснёный растительный орнамент. Форзацы бумаги «павлиний хвост». 19,5x12 см. На внешней стороне свободного л. перед титулом надпись «орешковыми» чернилами на латыни: «Prolabore trium librorum 50 hastula» («За 3 книги заплачено 50 копеек»). В нижней части титульного л. владельческая надпись «орешковыми» чернилами на латыни: «Anno Domini 1762 Martio 20 die praetii 25 hasti: Proprie Michael Holosnicky» («Лета Господня 1762 Марта 20 дня плачено 25 копеек. Собственность Михаила Колосницкого»). На оборотной стороне титульного л. экслибрис: «Из библиотеки Фёдора Наливкина». На оборотной стороне свободного л. переднего форзаца владельческая надпись чёрными чернилами: «Александр Пыпин». Наливкин Фёдор Никитич (1810–1868) – присяжный поверенный, секретарь Московской уголовной палаты, детский писатель и переводчик. Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – известный литературовед; двоюродный брат Н.Г. Чернышевского; профессор Санкт-Петербургского университета; академик Императорской Академии наук; автор около 1 200 работ по истории русской литературы, палеографии, этнографии, фольклору.

Наши заводы и мастерскія: Паровая мельница Фейгина, въ С.-Петербургѣ. V. Зерноочистительные снаряды. (Рисов. съ нат. А. К. Беггровъ, грав. Ф. [illegible]).

Наши заводы и мастерскія: Паровая мельница Фейгина, въ С.-Петербургѣ. VI. Вѣялки. (Рисов. [illegible] А. К. Беггровъ, грав. К. Вейерманъ).

№ 114. III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 10. 6 Марта 1871 года.

Карантинная обсервація пріѣзжихъ на франко-бельгійской границѣ.
(Грав. Ф. [illegible]).

11

Михаил Ломоносов. Древняя Российская история (1766)*

Оставшаяся незавершённой работа М.В. Ломоносова. Стимулом к её появлению послужило высказанное весной 1753 года пожелание императрицы Елизаветы Петровны видеть российскую историю, написанную «штилем» Ломоносова. После полугодового изучения источников учёный приступил к работе над текстом. В 1758 году начало рукописи было отдано в типографию. Там успели набрать три листа будущей книги, но Ломоносов, не удовлетворённый избранной формой примечаний, приостановил печатание. К апрелю 1764 года было напечатано уже 17,5 листов, но смерть Ломоносова прервала дальнейшую работу.

Незаконченная, лишённая научного аппарата книга вышла с кратким предисловием известного немецкого историка Августа Шлёцера, в 1762–1769 годах работавшего в Петербурге: «Статский советник Михайло Васильевич Ломоносов, положив намерение сочинить пространную историю российского народа, собрал с великим прилежанием из иностранных писателей всё, что ему полезно казалось к познанию состояния России прежде Рюрика, и притом описал жития первых великих князей, сидевших на российском престоле от 862 до 1054 года. Полезный сей труд содержит в себе древние, тёмные и самые к изъяснению трудные российской истории части. С очи-

РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ
КНИГИ ПЕРВЫЯ
ЧАСТЬ II.
отъ начала княженія Рурикова до кончины Ярослава перваго.

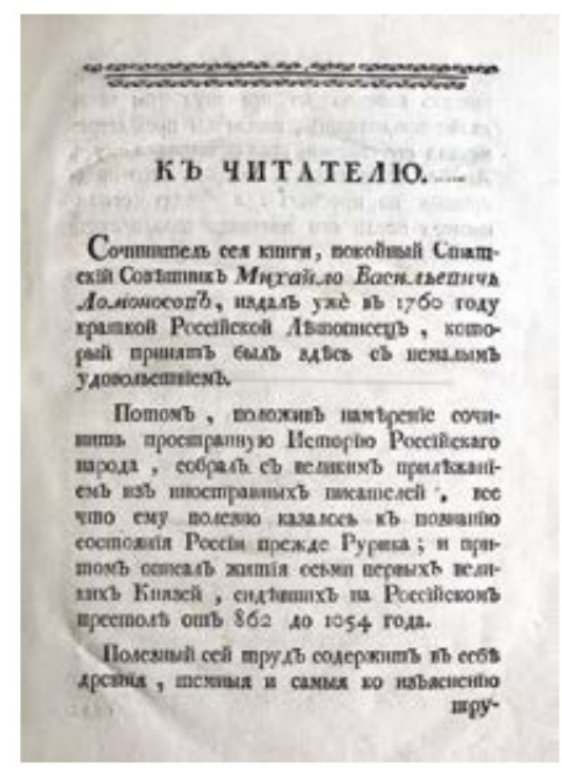
ГЛАВА I.
о княженіи Руриковѣ и о прочихъ Князьяхъ и Владѣтеляхъ, призванныхъ изъ Варягъ Россовъ.

3

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ I.
о Россіи прежде Рурика.

ЧАСТЬ II.
отъ начала Княженія Рурикова до кончины Ярослава перваго.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Сочинитель сея книги, покойный Статскій Совѣтникъ *Михайло Васильевичъ Ломоносовъ*, издалъ уже въ 1760 году краткой Россійской Лѣтописецъ, который принятъ былъ здѣсь съ немалымъ удовольствіемъ.

Потомъ, положивъ намѣреніе сочинить пространную Исторію Россійскаго народа, собралъ съ великимъ прилѣжаніемъ изъ иностранныхъ писателей, все что ему полезно казалось къ познанію состоянія Россіи прежде Рурика; и притомъ описалъ житія осьми первыхъ великихъ Князей, сидѣвшихъ на Россійскомъ престолѣ отъ 862 до 1054 года.

Полезный сей трудъ содержитъ въ себѣ древнія, темныя и самыя ко изъясненію тру-

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

нитель, конечно же, не преминул бы оную далее продолжать, ежели бы преждевременная его смерть, приключившаяся ему 4 апреля 1765 года, доброго сего предприятия не пресекла. А между оставшимися после его письмами продолжения не найдено».

Уже первая фраза вступления раскрывает одну из главных идей автора – в российской истории не было лёгких эпох: «Народ российский от времён, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своём перемены, что ежели кто междоусобные и отвне нанесённые войны рассудит, в великое удивление придёт, что оный народ в толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайшую степень величества, могущества и славы достигнул». Исторические свидетельства, собранные и опубликованные Ломоносовым, убедительно подтверждают эту мысль.

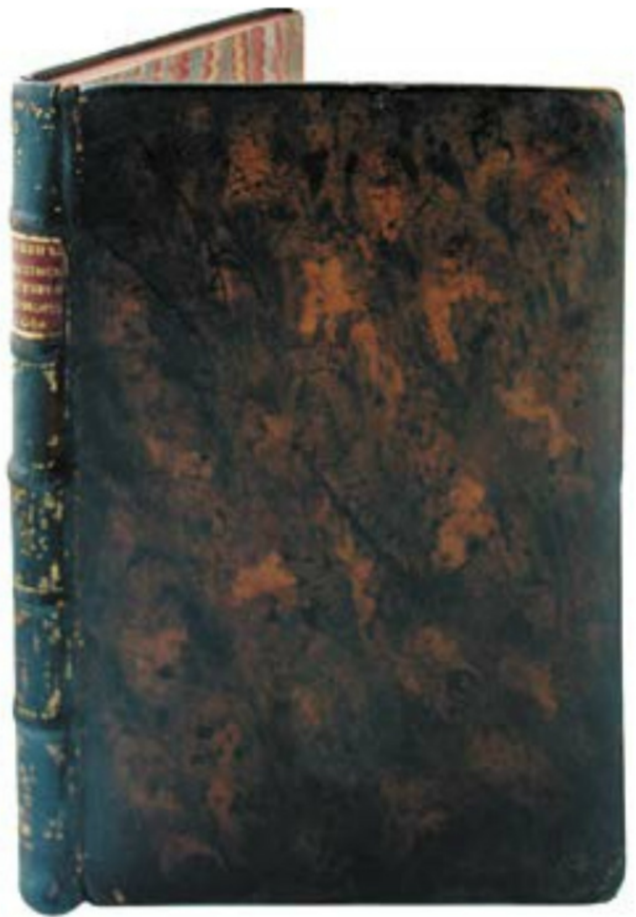
Тираж книги составил 2425 экземпляров. В ближайшие два года после выхода в свет она была переведена на немецкий и французский языки.

Несмотря на то, что «Древняя Российская история» увидела свет уже после смерти автора, она в значительной её части может рассматриваться как издание прижизненное, так как набиралась и редактировалась под непосредственным присмотром самого Ломоносова.

«Древняя Российская история» интересна не только как один из ранних научных трактатов о русском Средневековье, но и как литературное произведение «позднего» Ломоносова, считавшего, что история «даёт государям примеры правления, подданным – повиновение, воинам – мужество, судиям – правосудие, молодым – старых разум, престарелым – сугубую твёрдость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное».

ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ИСТОРІЯ
отъ начала
РОССІЙСКАГО НАРОДА
до кончины
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО
или до 1054 года,
сочиненная
МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академии Наукъ 1766.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765)
Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочинённая Михайлом Ломоносовым статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской академий наук. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии Наук, 1766. [6], 140 с. В цельнокожаном переплёте второй половины XVIII века. На титульном л. неразборчивая владельческая роспись орешковыми чернилами. 25,4х19 см.

Нью-Іоркъ: Проэктъ пневматической желѣзной дороги.

(Грав. А. Даугель).

не видно. И какъ это красиво смотрѣть, красные платки по сѣрому полю.

Женщины у насъ вообще любятъ гадать. Это, пожалуй, и объяснить можно. Вѣдь если ребятишкамъ ѣсть нечего будетъ, такъ вѣдь самыя-то печальныя картины видятъ онѣ, и будутъ смотрѣть на нихъ и днемъ и ночью. Мужику что: поругался, выпилъ — да и со двора, тоже съ тѣмъ, что-бы поругаться и выпить. А женщинѣ сиди, сиди и смотри. Вотъ онѣ и гадаютъ.

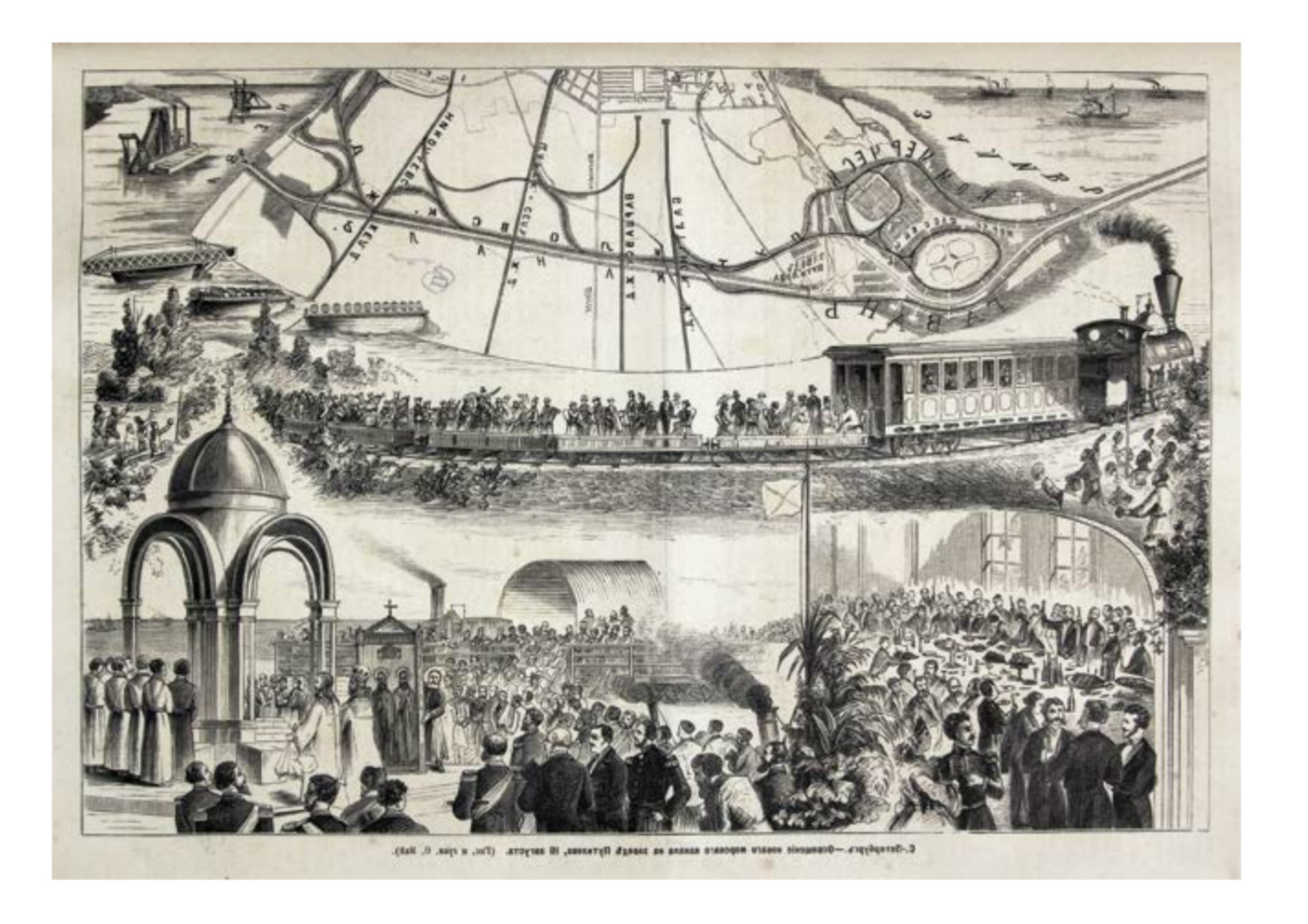
Судя по всходамъ, если лѣто будетъ счастливое, у

Очерки Исландіи.

Путешествіе на этотъ отдаленный сѣверный островъ Европы, сосѣдній съ Гренландіею, представляетъ большой интересъ какъ для любителей природы, такъ и для людей, спеціально занимающихся изученіемъ нравовъ и образа жизни народовъ.

Въ сѣверномъ океанѣ, непосредственно подъ полярнымъ кругомъ, изъ пѣнящихся грозныхъ волнъ возвышается кусокъ земли, изолированный со всѣхъ

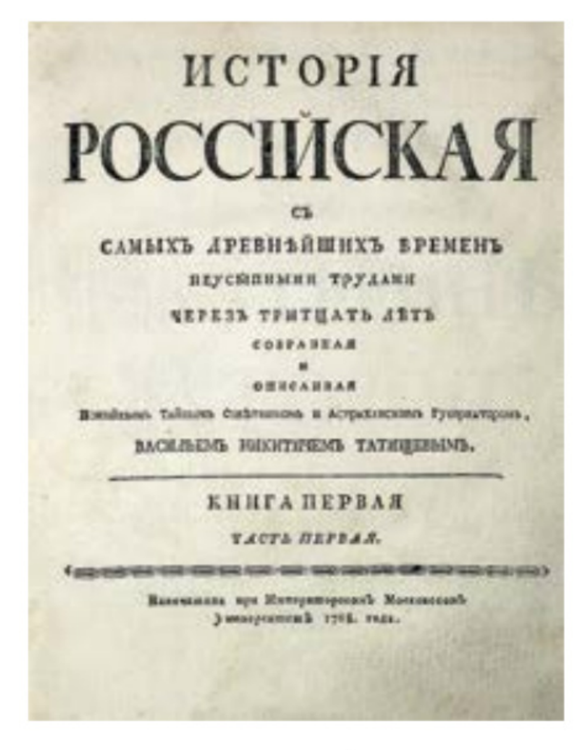
дые мореплаватели и въ средніе вѣка суда ихъ доплывали до береговъ Палестины. Въ настоящее время жители Исландіи народъ совершенно миролюбивый и преимущественно занимающійся рыболовствомъ. Островъ Исландія, въ послѣднее время все чаще и чаще посѣщается иностранцами; туда заѣзжаютъ рыбаки, ежегодно снаряжаются изъ Европы научныя экспедиціи для изслѣдованія внутренности страны и даже путешественники, прельщенные картинами природы и благорастворенным климатомъ средней и

С.-Петербургъ.—Освященіе новаго морского канала на заводѣ Путилова, 10 августа. (Рис. и грав. О. Майр).

Василий Татищев. История Российская с самых древнейших времён (1768–1784)*

Правнучка В.Н. Татищева Е.П. Янькова, со слов которой её внуком Д.Д. Благово были составлены известные мемуары «Рассказы бабушки», вспоминала, что, когда Н.М. Карамзин задумал писать русскую историю, многие над ним подшучивали и говорили: «Ну где какому-нибудь Карамзину тягаться с Татищевым и Щербатовым». Будущий же автор «Истории Государства Российского» к этому времени не только внимательно изучил татищевский труд, но и дал ему не вполне лестную оценку (Пантеон российских авторов // Вестник Европы. 1802. № 20), оказавшую значительное влияние на научную репутацию Татищева. Признавая неутомимую энергию своего предшественника в поисках рукописных и печатных источников, его деятельный ум и страстную охоту к историческим наукам, Карамзин тем не менее отметил, что «сей трудолюбивый муж» не смог «обделать всё в голове своей» и вместо истории оставил потомкам только материалы к ней, снабдив подготовленный им летописный свод не всегда убедительными комментариями.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ

СЪ САМЫХЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

НЕУСЫПНЫМИ ТРУДАМИ

ЧЕРЕЗЪ ТРИТЦАТЬ ЛѢТЪ

СОБРАННАЯ И ОПИСАННАЯ

[illegible]

ВАСИЛЬЕМЪ НИКИТИЧЕМЪ ТАТИЩЕВЫМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

[illegible]

На отсутствие «порядка и склада» в «Истории российской» жаловались ещё современники, читавшие её в рукописи. Сам Татищев в предисловии к труду объяснял свою позицию так: «Я не новое и не для увеселения читающих красноречивое сложение сочиняю, но от старых писателей самым их порядком и наречием собирал, как они положили, а о сладкоречии и критике не прилежал».

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

И

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

ЕКАТЕРИНѢ

ВТОРОЙ,

ВЕЛИКОЙ, ПРЕМУДРОЙ,

МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА,

ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ

и проч. и проч. и проч.

Позднее историк С.М. Соловьёв, с большим уважением относившийся к Татищеву, именно в том и увидит его заслугу, что подготовленный им летописный свод, снабжённый географическими, этнографическими, хронологическими примечаниями, «указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься русской историей». Современные учёные, возведя Татищева в ранг «отца русской историографии», продолжают задавать вопрос: кто написал «Историю российскую» – первый русский историк или последний летописец?

Василий Никитич Татищев собирал материалы к «Истории» в течение тридцати лет. И почти всё это время он находился на службе. В 1693 году, семи лет от роду, Василий Татищев был взят стольником ко двору Прасковьи Фёдоровны, жены царя Ивана Алексеевича и дальней родственницы Татищевых. Шестнадцать лет он прослужит в армии, главным образом в артиллерии, примет участие в сражении под Нарвой, в Полтавской битве, в Прутском походе. Инспектор Уральских металлургических заводов (1720–1722), член Московской монетной

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1725–1980 гг. Книга третья. – М., Русский раритет, 2010.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О

ДРЕВНОСТИ ПИСЬМА СЛАВЯНОВЪ.

* * *

I.

Первое, что къ повѣстямъ принадлежитъ, есть письмо, ибо безъ того ничего въ долгое время сохранить не можно, и хотя устныя преданія отъ памяти долго сохранены быть могутъ, но не всѣ цѣлы. Зане память не всѣхъ человѣкъ такъ тверда, чтобъ слышанное единою, или дважды правильно и порядочно безъ ущерба, или прибавки могъ пересказать, слѣдственно всѣ дѣянія тогда, какъ учинилось, писанныя гораздо вѣроятнѣе чрезъ роды преданы; когда же, кѣмъ, и которыя буквы первѣе изобрѣтены, о томъ между учеными распря неоконченная: прежде буквъ употребляли *Іероглифію*, или образами знаменованіе, и о томъ намъ не касается.

Часть I. А II.

конторы (1727–1733), управитель Уральского края (1734–1737), глава Оренбургской экспедиции (1737–1739) и Калмыцкой коллегии (1739 –1741), губернатор Астраханского края (1741–1745) – таков неполный перечень должностей Татищева. И хотя во время заграничных поездок в Пруссию, Саксонию, Швецию и Англию он имел возможность поучиться фортификации, горному делу и монетному производству, чаще всего

ему приходилось на месте приобретать новые профессиональные навыки. Впрочем, для XVIII века, полагавшего, что просвещённый человек, приложив старание, может справиться с любым делом, это было обычным явлением.

«Начатие» исторических изысканий Татищева также было связано с его служебной деятельностью – в качестве помощника генерал-фельдмаршала графа Я.В. Брюса, в 1716 году задумавшего сочинить обстоятельную географию Российского государства с ландкартами всех уделов и сведениями обо всех городах. За неимением времени для кабинетных занятий Брюс основные обязанности по составлению географии возложил на своего помощника. Приступив к работе, Татищев сразу понял, что без древней истории сочинить географию «не можно», и поэтому он вскоре оставил географию и начал «наиболее о собрании сей истории прилежать».

В Москве, Петербурге, Казани, Сибири, Астрахани – везде, где оказывался Татищев по служебным делам, он не упускал случая порыться в архивах. Ему были известны многие личные библиотеки, в частности книжное собрание лидера «верховников» Д.М. Голицына. Покупая книги в России и за рубежом, Татищев составил и свою обширную библиотеку, насчитывавшую около тысячи томов.

В 1745 году, за пять лет до смерти, Василий Никитич указом императрицы Елизаветы Петровны был отставлен от службы и сослан в своё имение Болдино Дмитровского уезда Московской губернии. Последние годы опального астраханского губернатора были посвящены приведению в порядок «Истории российской».

Напечатать свой труд Татищев пытался ещё в 1739 году, познакомив с рукописью членов Петербургской Академии наук и знакомых, в число которых входил новгородский архиепископ Амвросий. Суд современников оказался строг, но не единодушен. Одни находили, что сочинение Татищева слишком кратко, другие – что оно слишком пространно, третьи даже обвиняли автора в предательстве православной веры. Не добившись положительного решения в России, Татищев предпринимал попытки опубликовать «Историю» в Англии. Именно для этого, как полагают исследователи, он подарил в английское королевское собрание рукопись Ростовской летописи. Однако, несмотря на все усилия, увидеть свой труд изданным Татищеву не довелось.

Выход в свет «Истории Российской», разделённой автором на четыре книги, растянулся на восемьдесят лет. Первые три книги издал Московский университет по спискам, предоставленным сыном Татищева – Евграфом Васильевичем. Работа по подготовке рукописи к печати велась под наблюдением историка Г.Ф. Миллера, исправившего, в частности, погрешности переписчиков в написании географических названий и этногра-

ГЛАВА ТРИДЕСЯТЬТРЕТІЯ.

СЛАВЯНЕ ОТЪ ЧЕГО, ГДѢ И КОГДА НАЗВАНЫ.

I.

Званіе *Славяне* хотя по сказаніямъ Прокопія и Іорнанда давно знаемо быть стало, однакожъ у разныхъ разно выговаривано, и разныя знаменованія произносили. Прокопій именуетъ Славаки и Славіи, равно же и Іорнандъ называетъ Слави и Славиніи, нѣкоторые Словаки или Словяни, а Италіанцы по ихъ наречію прибавили к, и выговариваютъ Склави и Склавоніи; и сіи все трояко знаменуютъ, первое яко Слави, Славини и Славаки отъ славы прос-

фических реалий. Решив как можно быстрее начать публикацию, Миллер по просьбе Московского университета первую книгу Татищева разделил на две части, вышедшие в 1768 и 1769 годах. Следующие две книги появились в 1773 и 1774 годах. Четвёртая книга, печатавшаяся в Петербурге, появилась только в 1784 году, а последняя, пятая, часть «Истории» (или четвёртая, согласно хронологическому делению Татищева) была выпущена Императорским обществом истории и древностей российских в 1848 году по рукописи, обнаруженной М.П. Погодиным.

«История Российская с самых древнейших времён» – произведение в некоторой степени публицистическое. И в обширном предисловии, и в тексте сочинения автор ставил перед собой задачу защитить отечественную историю от нападок «европских» учёных, утверждавших, что Древняя Русь не оставила после себя собственных письменных памятников. «История» доведена только до царствования Ивана Грозного, хотя материалов позднейшего времени, включая Петровскую эпоху, у Татищева хватало. В предисловии историк объяснил, почему он не отважился хронологически продолжить свой труд: «В настоящей истории явятся многих знатных родов великие пороки, которые если писать, то их самих или их наследников подвигнуть на злобу, а обойти оные – погубить истину и ясность истории или вину ту на судивших обратить, еже было с совестию несогласно; того ради оное оставляю иным для сочинения».

Татищев Василий Никитич (1686–1750)
История Российская с самых древнейших времён неусыпными трудами через тритцать лет собранная и описанная покойным Тайным советником и Астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 1–4. [Москва]: Напечатана при Императорском Московском Университете, 1768–1784. Кн. 1. Ч. 1. 1768. [12], XXVIII, 224 с. Кн. 2. Ч.1. 1769. [4], с. 225–600. Кн. 2. 1773. [8], 536 с. Кн. 3. 1774. [6], 530 с. Кн. 4. 1784. [2], 595 с. В четырёх цельнокожаных переплётах конца XVIII века. В верхней части корешка ярлыки: красной кожи с золототиснёным заглавием, зелёной с номером части. По корешку золототиснёный растительный орнамент. Форзацы бумаги цветной печати с геометрическим рисунком. Тройной красный обрез. 24,5x18,5 см.

№ 133. III ГОДЪ, ТОМЪ VI. № 3. 17 Іюля 1871 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

РИСУНКИ:

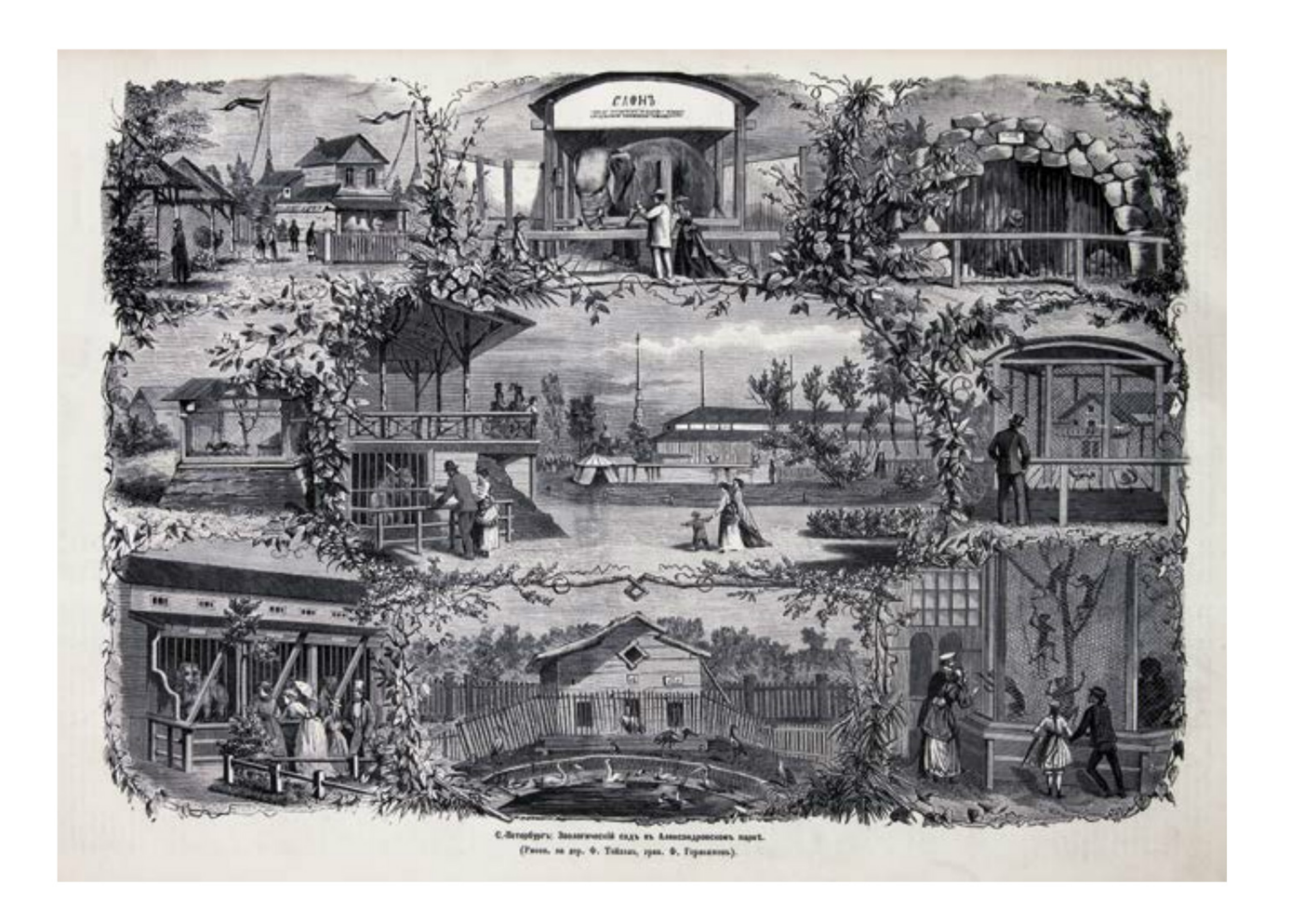
ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

13 іюля 1871 г.

С.-Петербургъ: Анатомическая аудиторія въ новомъ анатомо-физіологическомъ институтѣ.

(Рисов. съ натуры Г. Броллингъ, грав. Л. А. Серяковъ).

С.-Петербургъ: Зоологическій садъ въ Александровскомъ паркѣ.
(Рисов. съ нат. Ф. Тейхель, грав. Ф. Германсонъ).

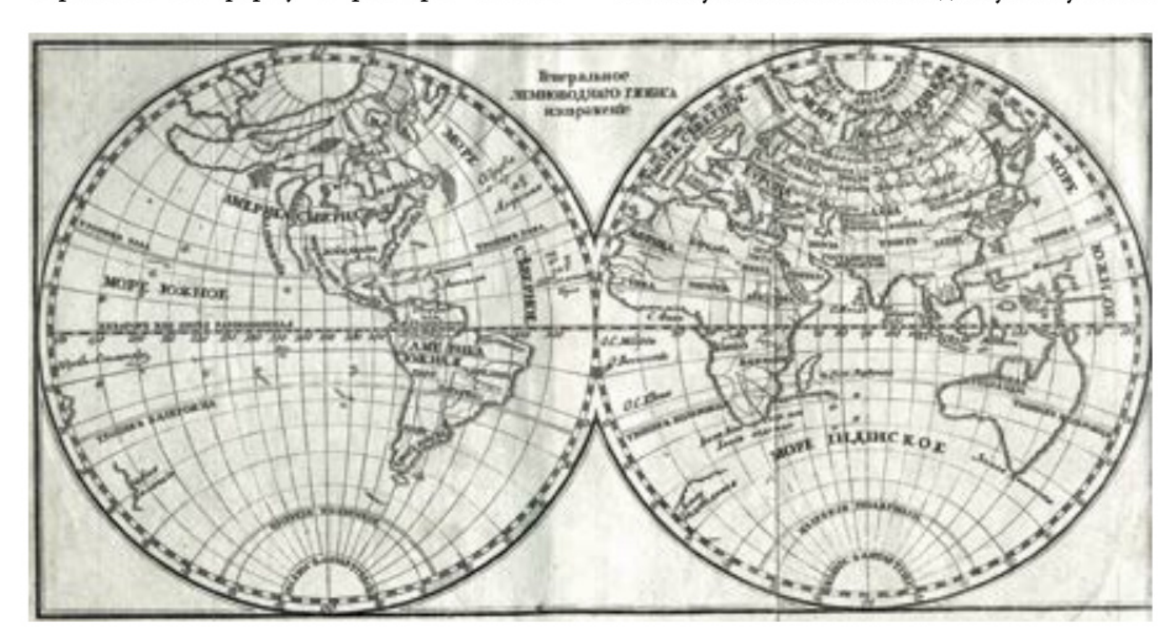
Введение в географию (1771)*

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
ГЕОГРАФІЮ,
СЛУЖАЩЕЕ КО ИЗЪЯСНЕНІЮ
ВСѢХЪ
ЛАНДКАРТЪ
ЗЕМНАГО
ШАРА
СЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ
ГЕРБАМИ,
И
ОПИСАНІЕ
СФЕРЫ
СЪ
ТОЛКОВАНІЕМЪ ОНОЙ, ЕЯ КРУГОВЪ,
ДВИЖЕНІЯ ЗВѢЗДЪ,
ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ СИСТЕМЪ
СВѢТА
И
УПОТРЕБЛЕНІЯ
ГЛОБУСОВЪ И МѢРЪ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ
СЪ ФИГУРАМИ.

Известный просветитель Петровской эпохи Феофан Прокопович в трактате «Духовный регламент» (1721) утверждал, что изучать другие науки, особенно историю, «без ведения географского есть как бы с завязанными глазами по улицам ходить». Не менее важна была география и как «навигацкая» дисциплина: ведь неточное представление о географических координатах могло стать причиной «большого в дороге заблуждения».

Несмотря на высокий статус географии, книг на русском языке, «рассуждавших» о строении мира, к середине XVIII века насчитывалось немного. Первый (по мнению библиографа Л.П. Весина) такого рода учебник – «Краткое руководство к географии», предназначавшийся для гимназии при Санкт-Петербургской Академии наук, появился только с воцарением Елизаветы Петровны, в 1742 году. В течение следующих тридцати лет вышло не более пяти «кратких руководств», повествовавших в основном о «всех на свете государствах», их климате и этнографических особенностях. «Введение в географию», изданное в 1771 году при Императорском Московском университете, явилось одним из первых учебников, объединивших под одной обложкой три части общей географии, а именно: «математическую», «естественную» (физическую) и «историческую» (политическую).

Начинает книгу математическая география, определявшая форму и размеры земного шара. Анонимный составитель обращал внимание читателей не только на способы измерения земной поверхности, но и на спорность некоторых вычислительных «изобретений». В частности, к началу 70-х годов XVIII столетия актуальной оставалась дискуссия учёных

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1647–1977 гг. Книга вторая. – М., Русский раритет, 2006.

о самой «фигуре» земли: является ли она «продолговатой» к полюсам или, наоборот, у полюсов она «несколько сжата». Точки зрения о «сжатости» земной сферы придерживался «господин Маупертуис», чей трактат «Начальные географические основания», собственно, и составил первую часть «Введения».

«Господин Маупертуис» (Maupertuis) – это французский механик, астроном и геодезист Пьер Мопертюи (1698–1759). В молодости он служил в драгунах, но в 1720 году вышел в отставку, чтобы посвятить себя точным наукам. Круг его научных поисков и исследовательских методов во многом определило знакомство с трудами Ньютона. Более десяти лет Мопертюи прожил в Пруссии (1741–1753), возглавляя физико-математическое отделение Берлинской Академии наук. В 1731 году он был избран в члены Парижской Академии наук и вскоре стал участником геодезической экспедиции, назначенной для измерения меридиана в Лапландии. Коллеги неоднократно оспаривали научные гипотезы Мопертюи, особенно в области механики. Репутации учёного немало повредило его безмерное честолюбие, «увековеченное» острыми эпиграммами Вольтера. Тем не менее в 1768 году в Лионе вышло полное собрание его сочинений, включая «Отчёты о градусном измерении». Перевод «Начальных географических оснований», помещённый во «Введении», красноречиво свидетельствовал, что в России небесспорные идеи Мопертюи также находили своих сторонников.

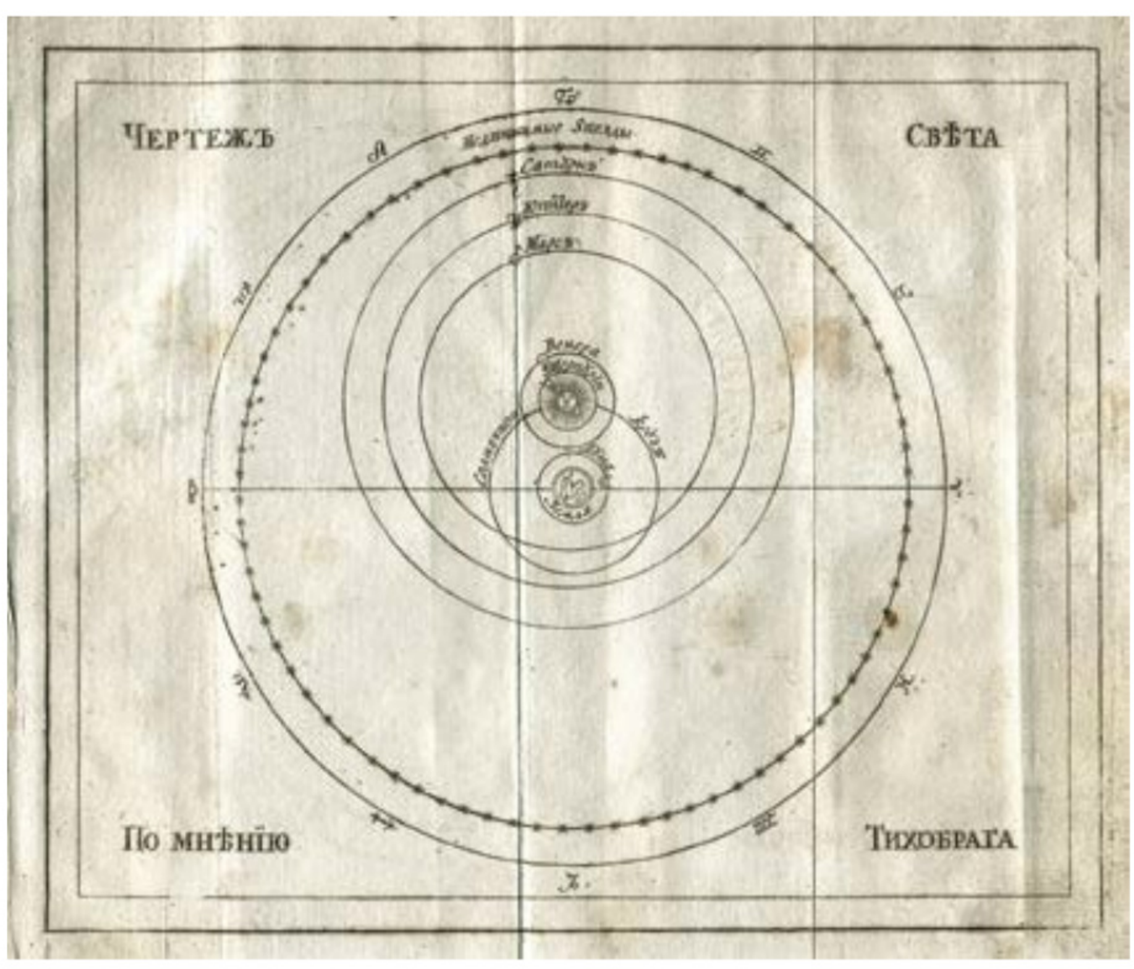
Самая обширная часть «Введения» – «Историческая география», вобравшая в себя сведения о государствах и «знатнейших областях» Европы, Азии, Африки и Америки. В этом своеобразном справочнике содержатся данные о местоположении, климате, полезных ископаемых той или иной страны, о религии, нравах и обычаях жителей, о достопримечательностях городов: замках, крепостях, соборах, промышленных заведениях. Составитель учебника старался о каждом государстве сообщить что-либо «примечания достойное». Например, об Англии говорилось следующее: «Земля сего королевства имеет особливо изрядные паствы, однако и на хлеб також и овощь достаточна; реки там весьма рыбные, а наипаче лососей много водится. Сие примечания достойно, что в лесах сего королевства ни червей, ни пауков нет, также и дерево, из которого домы строят, никаких насекомых в оных не допускает. Волков там весьма мало, понеже прежние обыватели, претерпевая от множества их великие обиды, совсем их истребить старались».

В описании России, напротив, акцент ставится не на её флоре и фауне, но на политическом и общественном процветании: «Что науки в Российской Империи находятся в

КОРОЛЕВСКІЙ Великобританскій
гербъ
ET · MON

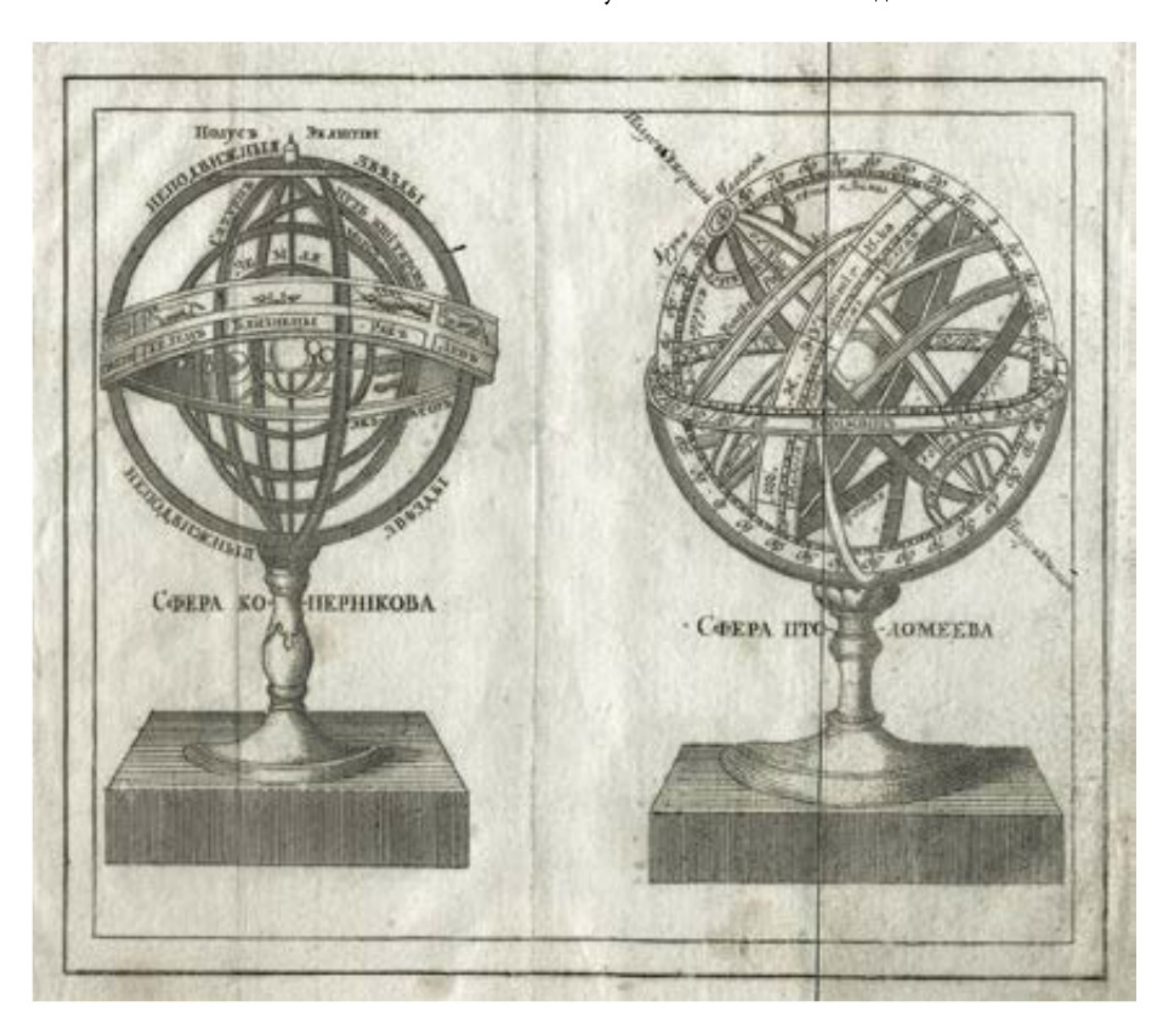

Гербъ нынѣшняго ПАПЫ

ЧЕРТЕЖЪ
СВѢТА
По мнѣнію
ТИХОБРАГА

цветущем состоянии и час от часу получают приращение, то Академия наук, Адмиралтейство, кадетские корпусы и проч., а в Москве Университет довольно доказывают. Народ под правительством Петра Первого весьма стал быть отменен, и не только воинские дела по самому лучшему в Европе примеру установлены, но и обычаи и обращения на нынешний вкус введены, и все европейские церемонии при российском дворе приняты… Изрядные порядки имеет Россия для возбуждения людей к работе, и между прочим сие похвально, что никто по своей собственной воле ничего сделать не может: так как и всякий дворянин, когда сыновья его до известных лет дойдут, должен их в Герольдию представить, к статским ли делам или к военным определить он хочет».

Помимо математической, «естественной» и «исторической» географии, «Введение» знакомило читателей с положением земли в космическом пространстве. В главе «Новое описание сферы» излагались геоцентрическая система мира Птолемея и гелиоцентрическая – Коперника.

Первые учебные пособия по географии зачастую содержали или «ландкарты» без их «объяснений», или «объяснения» без самих «ландкарт». Разнообразный иллюстративный материал «Введения в географию» («Генеральное земноводного глобуса изображение», государственные гербы, «чертежи света», «Сфера Коперникова» и «Сфера Птолемеева») значительно увеличивает ценность этого издания, являющегося одновременно и библиографическим раритетом, и увлекательной книгой для чтения.

Введение в географию, служащее к изъяснению всех ландкарт земного шара с государственными гербами и описание сферы с толкованием оной, ея кругов, движения звёзд, древних и новых систем света и употребления глобусов и мер географических с фигурами. [Москва]: Печатано при Императорском Московском университете, 1771. [16], 352 с., 26 л. иллюстраций (гравюры резцом), 1 л. – карта, 3 л. таблиц. В цельнокожаном переплёте конца XVIII века. В верхней части корешка – ярлык красной кожи с тиснёным заглавием, по корешку тиснёный растительный орнамент. Тройной красный обрез. 21х13 см; 20х29,5 см – карта «Генеральное земноводного глобуса изображение»; 20х23,5 см – таблицы.

Новая желѣзная дорога на гору Риги, въ Швейцаріи.

(Грав. Э. Доммартръ).

С.-Петербургъ: Гулянье и фейерверкъ на островахъ, въ день рожденія Е. И. В. Государыни Императрицы.

(Рисов. съ натуры Г. Броллингъ, грав. К. Вейерманъ).

14 Труды Вольного экономического общества. Часть XXV (1773)*

Журнал «Труды Вольного экономического общества» выходил с 1765 года и долгое время оставался единственным российским специализированным изданием в области экономики и сельского хозяйства. Созданный по инициативе и при поддержке Екатерины II, он был призван рассказывать о научных и практических достижениях в сферах, жизненно важных для страны: от того, насколько рационально государство, церковь и дворянство могли управлять принадлежавшими им землями и крепостными крестьянами, зависели настоящее и будущее империи. Вот почему с самого начала его подписчиками и читателями оказывались люди из самых разных слоёв общества: крупные сановники и небогатые помещики, учёные, литераторы, военные, священнослужители. В первом выпуске Библиохроники уже говорилось о комплекте журнала, принадлежавшем известному вельможе – графу А.Г. Орлову. Теперь же в руках составителей оказался номер «Трудов» из библиотеки видного иерарха русской православной церкви XVIII столетия – архиепископа Ростовского и Ярославского Арсения (1736–1799).

ТРУДЫ
ВОЛЬНАГО ЕКОНОМИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА
КЪ ПООЩРЕНІЮ
ВЪ РОССІИ
ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
И
ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА,
1773 года.
Часть XXV.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ.

В биографической статье, ему посвящённой, говорится: «Архиепископ Арсений (до пострижения Василий Иванович Верещагин), – сын священника. Родился в городе Кашине Тверской губернии. Получил образование в Тверской и Троицкой семинариях, затем – в Московской славяно-греко-латинской академии. В 1761 году был определён учителем риторики в Тверскую семинарию, а в декабре 1766 года здесь же назначен префектом. 19 февраля 1767 года принял монашество с именем Арсения, на другой день рукоположен во иеродиакона, а 21 апреля – во иеромонаха и назначен настоятелем Николомалицкого монастыря Тверской епархии. 15 октября 1768 года утверждён в звании ректора и учителя богословия и посвящён в сан архимандрита Тверского Отроча монастыря, откуда переведён в Троицкий Калязин монастырь с оставлением в должности ректора. Во всё время управления семинарией архимандрит Арсений отличался любовью к ученикам и заботливостью об их материальном благосостоянии и умственном развитии. 22 декабря архимандрит Арсений рукоположен во епископа Архангелогородского: чин посвящения был совершён в Санкт-Петербурге, в Зимнем дворце, в присутствии императрицы Екатерины II. Архангелогородскую кафедру Арсений занимал с год небольшим. 1 апреля 1775 года он был переведён в Тверскую епархию, которою и управлял восемь лет. Его назначение на тверскую кафедру было встречено в Твери с глубокою радостью, особенно в среде учащих и учащихся Тверской семинарии, где ещё свежо было в памяти время его ректорства. Он вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды и сделал для семинарии больше, чем кто-либо из его предшественников. При нём был, между прочим, выстроен и открыт новый дом для семинарии в центре старого тверского кремля. Так как число учащихся в это время значительно возросло, а денежные средства остались те же, то епископ Арсений, насколько мог, восполнял недостаток из своих личных средств. 22 сентября 1783 года преосвященный Арсений перемещён был в Ростов и здесь возведён в сан архиепископа. С открытием в 1788 году архиерейской кафедры в Ярославле архиепископ Арсений и его преемники стали

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1725–1980 гг. Книга третья. – М., Русский раритет, 2010.

именоваться архиепископами ярославскими и ростовскими. 8 ноября 1797 года был назначен членом Священного Синода. Скончался 23 декабря 1799 года в Санкт-Петербурге. Погребён согласно завещанию в Троицком Калязинском монастыре».

Владельческая надпись на титульном листе XXV части «Трудов Вольного экономического общества» свидетельствует, что книга поступила в библиотеку архиепископа Ростовского и Ярославского через девятнадцать лет после выхода из печати – 2 марта 1792 года. Был ли это отдельный том, или же он входил в состав комплекта за год или за несколько лет, сегодня сказать уже не представляется возможным.

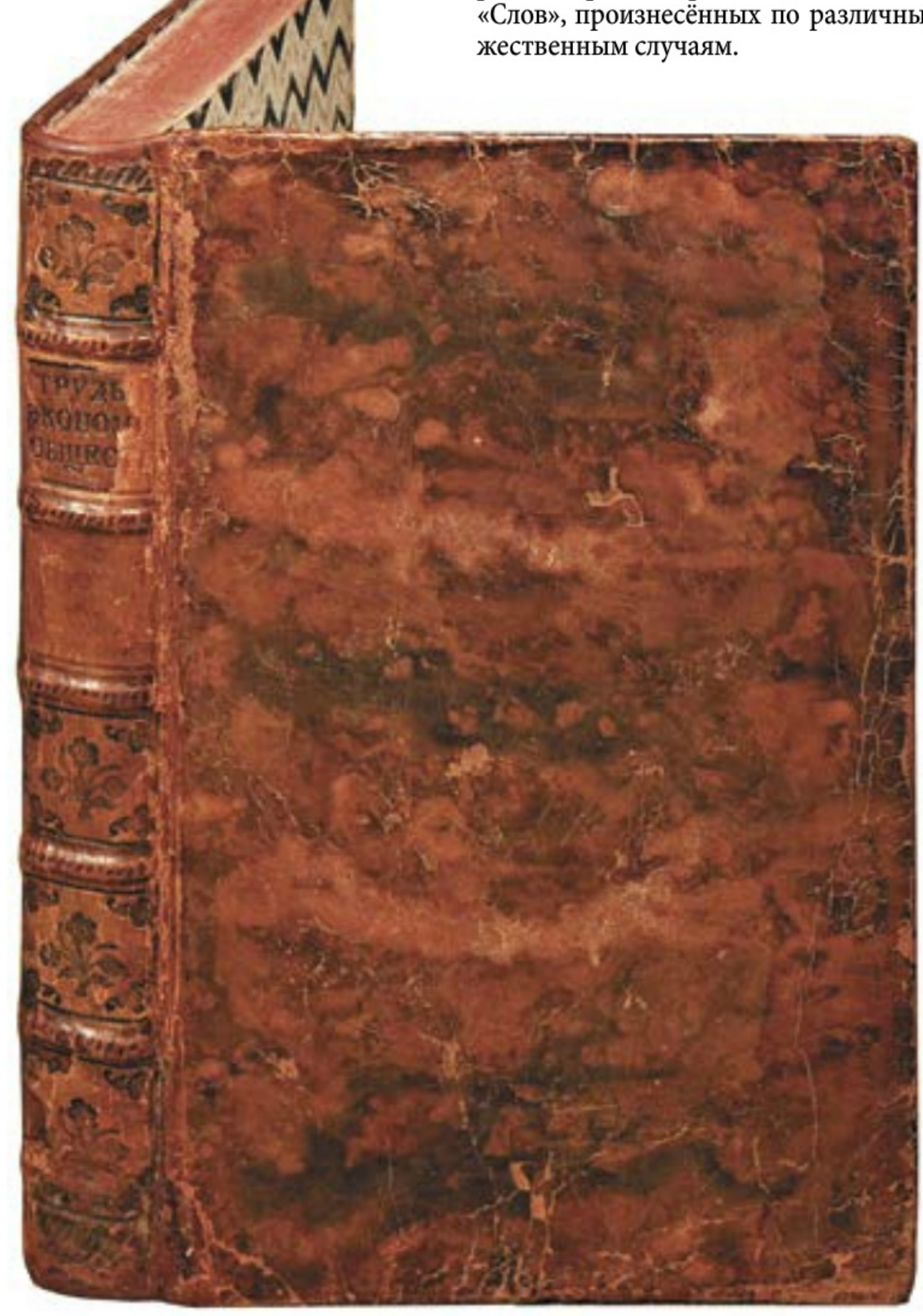
Отсутствие помет в тексте не позволяет судить и о том, какая именно публикация могла привлечь внимание архиепископа Арсения. Обременённый заботами о церквах и монастырях обширной епархии, он мог заинтересоваться составленным лифляндским пастором Иоганном Георгом Эйзеном «Наставлением, каким образом

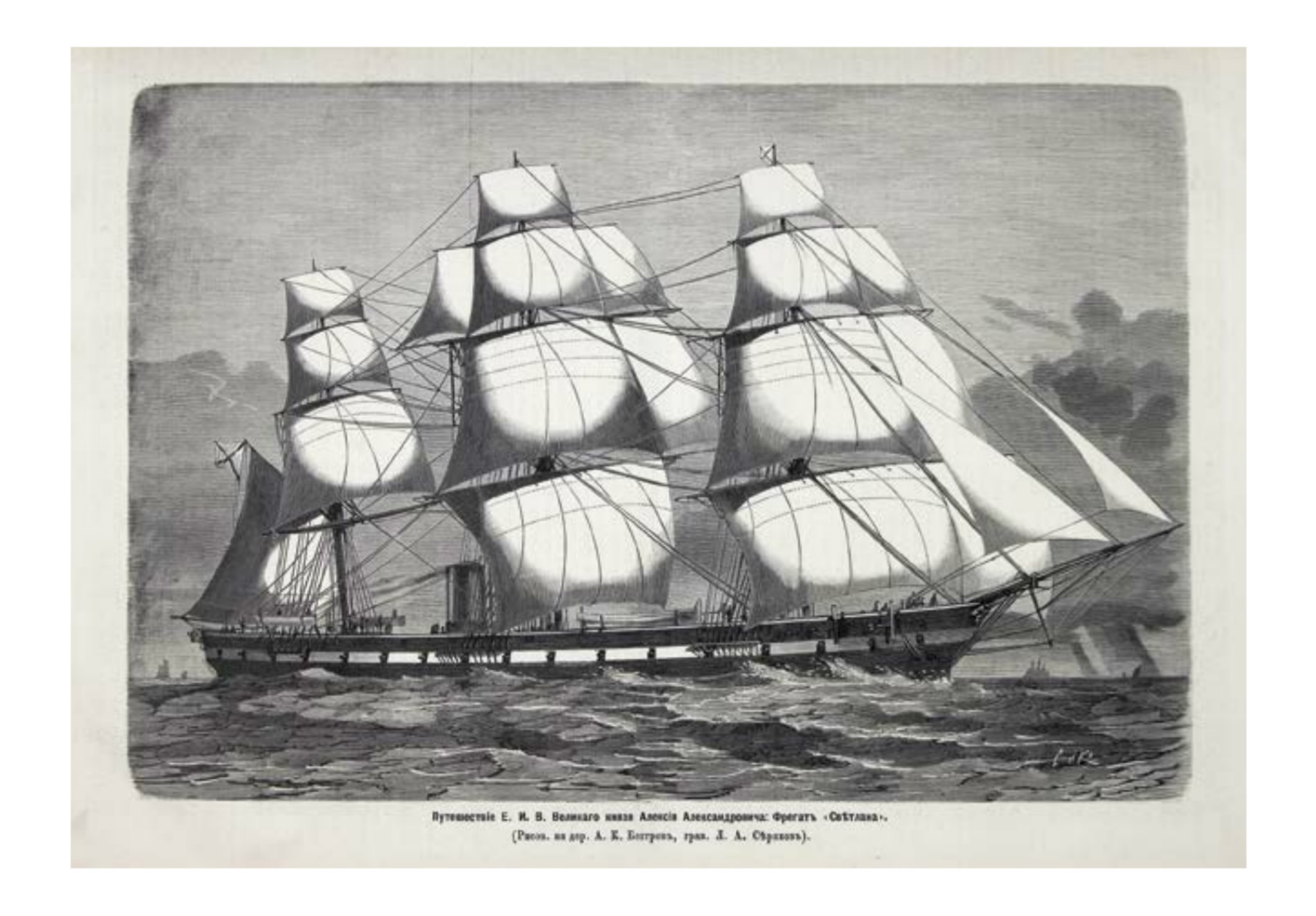
всякие поваренные травы и коренья сушить в запас на зимнее время». Может быть, ему показался любопытным «Разговор у отца с сыном о пчёлах» – пасеки имелись во многих монастырских хозяйствах. И уж почти наверняка он прочёл статью «О делании вологодских свеч». Её автор, Алексей Олешев, постарался облечь набор практических советов в изящную литературную форму. Так, уже в первых строках своего сочинения он заявлял: «Мне кажется, что нигде так свечи не нужны, как в нашей северной части света, где обыкновенно одну половину года мы в темноте пребываем.

Сии маленькие светила, столь счастливо из древних лет вымышленные, бледным своим светом дают нам способ и в самой темноте исправлять наши дела. Следовательно, чем они сделаны чище и горят светлее, тем мы счастливее».

Думается, эти строки могли понравиться архиепископу Арсению. Напряжённую пастырскую, преподавательскую и хозяйственную деятельность он счастливым образом сочетал с занятиями литературой: им были опубликованы сборник «Оды, разговоры, надписи, канты, сочинённые и говоренные в разные времена», а также несколько «Слов», произнесённых по различным торжественным случаям.

Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства, 1773 года. Часть XXV. В Санкт-Петербурге: При Морском шляхетном кадетском корпусе, [1773]. 197, [1] с., 8 л. рисунки, чертежи (гравюры резцом). В издательском цельнокожаном переплёте. На корешке тиснёные заглавие, номер части и растительный орнамент. Форзацы цветной печати с геометрическим орнаментом. Тройной красный обрез. 19,5x11,5 см. На титульном л. владельческая надпись орешковыми чернилами: «Из книг Арсения, Архиепископа Ростовского и Ярославского. 2 марта 1792. №764». В распоряжении составителей имеется публикуемый здесь портрет Арсения, архиепископа Ростовского и Ярославского (конец XVIII века; холст, масло) работы неизвестного художника.

Путешествіе Е. И. В. Великаго князя Алексія Александровича: Фрегатъ «Свѣтлана».
(Рисов. на дер. А. К. Беггровъ, грав. Л. А. Сѣряковъ).

[illegible]

ПОДПИСКА НА 1871 ГОДЪ

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ

НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

МОДНЫЙ СВѢТЪ.

Цѣна 1-му изданію, съ 12 раскрашен. картинами: съ доставкою въ С.-Петербургѣ 3 р. 25 к.; съ пересылкою 3 р. 50 к.
Цѣна II-му изданію, съ 24 раскрашен. картинами: » » » » 3 » 75 » » » 4 р.

Годовая цѣна II изданію съ 24 картинами: безъ доставки 5 руб., съ доставкою въ Спб. 6 р. 50 к.; съ пересылкою 7 руб.

Главная контора редакціи (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., д. Коровина, № 16.

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ

НА 1872 ГОДЪ.

(ВЪ КРАСНОЙ ОБЕРТКѢ СЪ ЧАСАМИ).

[illegible]

ЧАСТНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ ВСЯКАГО РОДА.

[illegible]

Цѣна за страницу объявленія 30 руб.
за ½ страницы » 17 »

[illegible]

Издатель «Всеобщаго Календаря» ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ

МЕБЕЛИ,

DESSINS DE MEUBLES

MODERNES.

[illegible]

[illegible]

Иллюстрированная исторія войны 1870—1871 годовъ.

Журналъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

[illegible]

Цѣна первыхъ 6 томовъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ":

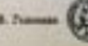
[illegible]

Издатель «Всемірной Иллюстраціи» Германъ Гоппе.

Иллюстрированная исторія французской революціи 1870 года.

[illegible]

[illegible]

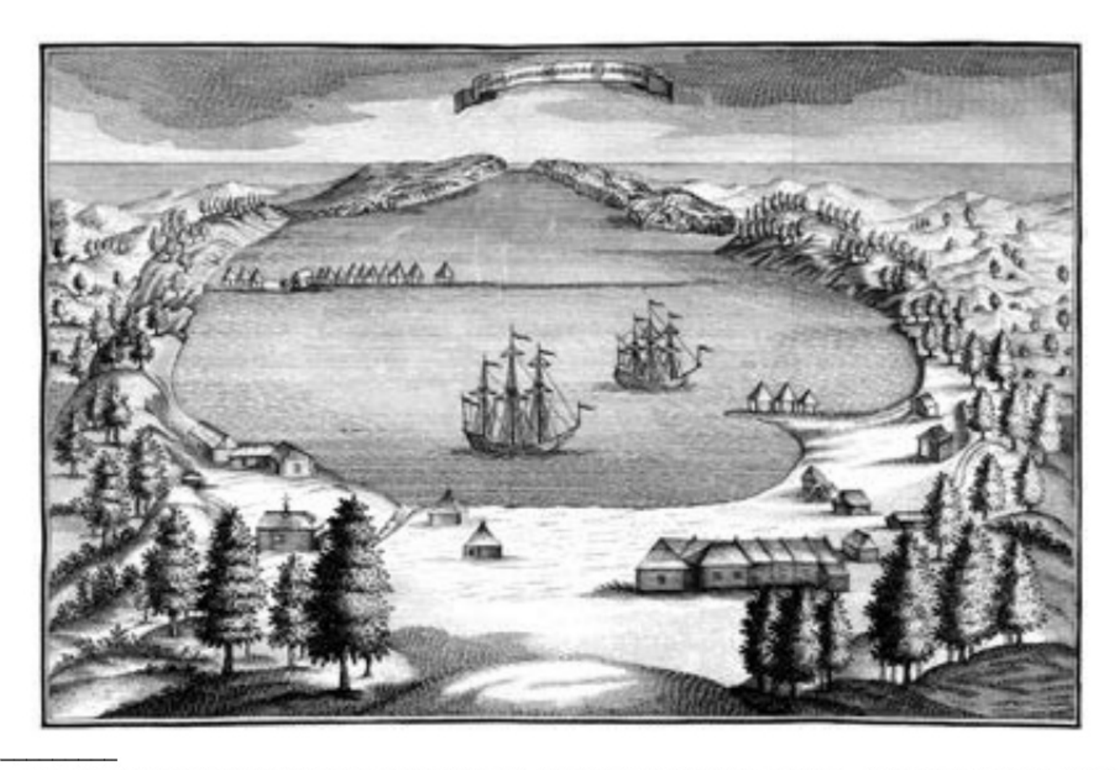
Степан Крашенинников. Описание Земли Камчатки (1775)*

На самом деле исследование о Камчатке русского путешественника академика Петербургской Академии наук С.П. Крашенинникова увидело свет не в 1775 году, как указано на титуле, а годом позже, когда закончилось гравирование карт и других иллюстративных материалов. Крашенинников, уже тяжело больной, успел просмотреть корректуры своей книги, но не дождался её выхода. Историк Г.Ф. Миллер, наблюдавший за подготовкой издания, оказался вынужден предварить его следующим «уведомлением»: «Из найденных после смерти авторовой разных записок усмотрено, что намерен он был в начале своего описания земли Камчатки положить пространное предызвещение и во оном, между прочим, уведомить читателя, по какому случаю отправлен он был на Камчатку, что он во время своего там пребывания учинил, какие собраны были им в разных местах известия и проч. Но понеже смерть постигла автора прежде, нежели книга его печатанием совершенно окончилась, то как помянутое предызвещение, которое уже начато было им писать, так и сочиняемая по его указанию генеральная карта земли Камчатки остались недоделанные. И хотя нетрудно бы было докончить как одно, так и

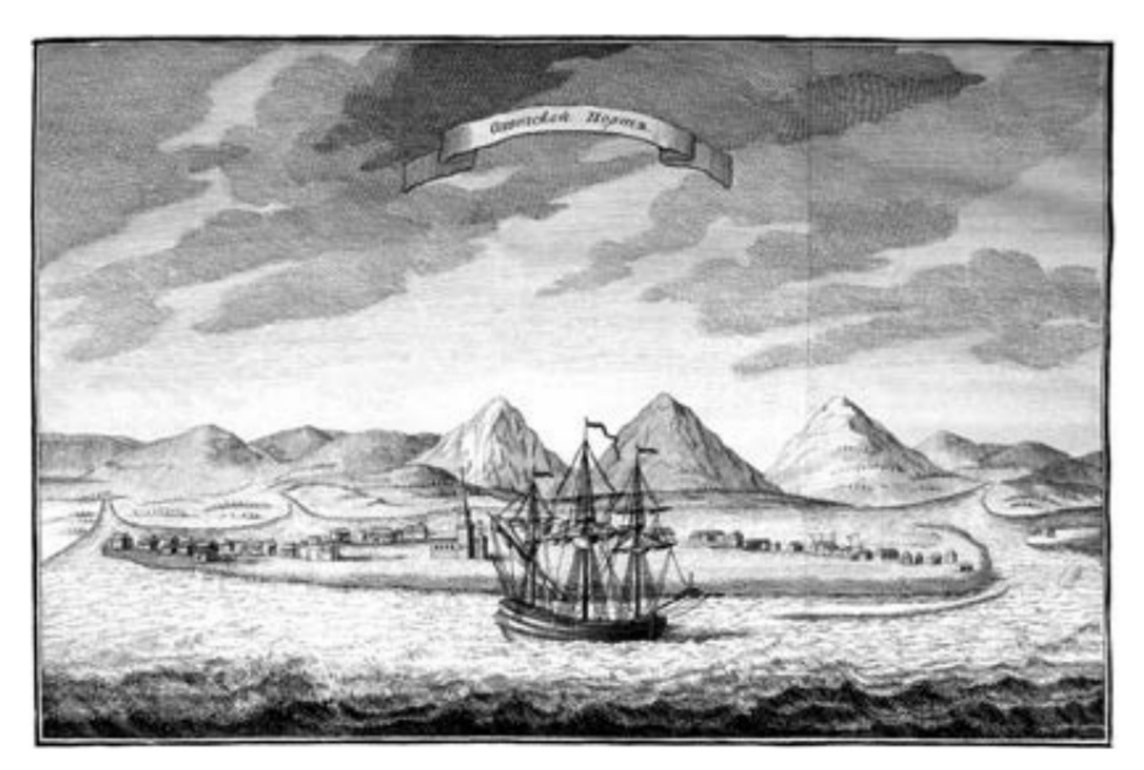

ОПИСАНІЕ
ЗЕМЛИ
КАМЧАТКИ
сочиненное
Степаномъ Крашенинниковымъ,
Академіи Наукъ Профессоромъ.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ

другое, однако за лучшее рассуждено оставить сию книгу так, как она есть, нежели понаслышке или чужими мыслями и догадками то, что после автора осталось недоконченное, пополнить».

Миллер действительно мог бы закончить или, по крайней мере, достаточно компе-

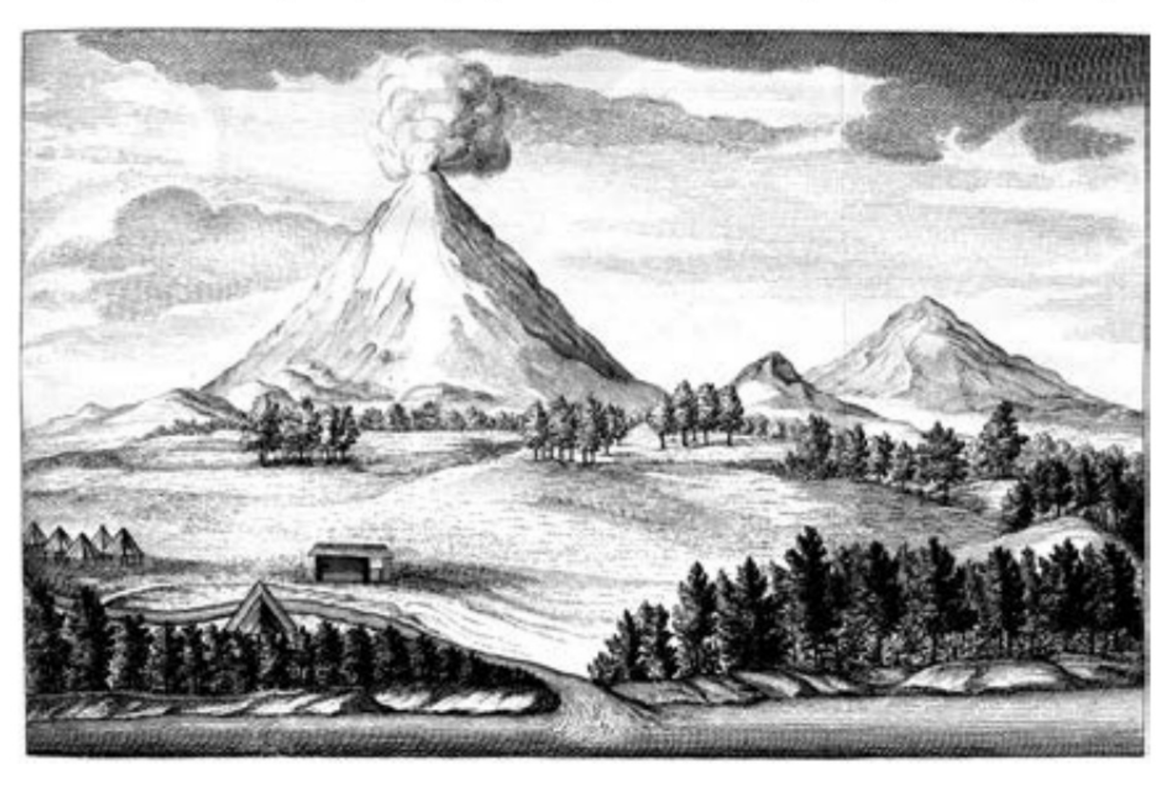

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1725–1980 гг. Книга третья. – М., Русский раритет, 2010.

тентно прокомментировать незавершённое авторское предисловие. Ведь он сам принимал участие во второй Камчатской экспедиции В. Беринга, в которую был включён и «академии студент» Степан Крашенинников. Если первая экспедиция на Камчатку, снаряжённая по приказу Петра I в начале 1725 года, ставила целью выяснить, соединяется ли Азия с Америкой, то в задачу второй экспедиции входило более подробное исследование самой Камчатки и северо-восточных берегов Америки.

Выехав из Петербурга в августе 1733 года, «камчатский» отряд весной 1735 года прибыл в Иркутск. Задержка кораблей, не подготовленных в срок Берингом, и другие причины привели к тому, что в 1736 году исследовать Камчатку отправился один Кра-

шенинников. Остальные члены отряда, в том числе академик Миллер, сочли за благо остаться в Иркутске, чтобы изучить близлежащие сибирские земли.

Почти четыре года прожил Крашенинников на Камчатке. За это время он несколько раз объехал малоизвестный полуостров, выучил язык камчадалов, сделал множество геологических, ботанических, зоологических, этнографических и других записей. Результатом его титанической работы явился труд «Описание земли Камчатки», долгое время остававшийся основным источником сведений об этой отдалённой части Российской империи. По возвращении из экспедиции Крашенинников получил звание адъюнкта академии, затем должность профессора ботаники и ректора академической гимназии, а после выхода книги – славу одного из первооткрывателей Камчатки.

Крашенинников не оставлял без внимания народные обычаи, поверия и легенды. Например, его поразило отношение местного населения к ящерицам: «Сие достойно примечания, что во всей Камчатке нет ни лягушек, ни жаб, ни змей; одних только ящериц довольно, которых камчадалы почитают шпионами, посылаемыми от подземного владельца для подсмотру их и для предсказания смерти. Чего ради они прилежно наблюдают ящериц и, где завидят, терзают их в мелкие части, чтоб не могли дать известия пославшему их. Ежели же случится уйти от них помянутому животному, то в великую печаль и отчаяние впадают, ежечасно ожидая смерти, которая иногда от уныния их и последует к вящему утверждению прочих в суеверии».

Пробыв на Камчатке весьма долго, Крашенинников тем не менее не мог однозначно ответить на вопрос, пригодна ли эта суровая земля для жизни человека. С одной стороны, он видел частые землетрясения и наводнения, невозможность выращивать хлеб и разводить домашний скот, а также полное отсутствие других «увеселений», кроме как смотреть на покрытые нетающим снегом горы, слушать шум моря или наблюдать за морскими животными, примечая их нравы и «взаимную дружбу». Если учитывать только очевидные недостатки Камчатки, размышлял учёный, то «кажется, что оная страна больше к обитанию зверей, нежели людей способна». Но если, напротив, «взять в рассуждение» здоровый воздух, отсутствие «неспокойства» от летнего жара и зимнего холода, от опасных болезней и ядовитых животных, то, делал вывод Крашенинников, «должно признаться, что она к житию человеческому не меньше удобна, как и страны, всем изобильные».

«Описание земли Камчатки» вышло тиражом 1350 экземпляров. Комплект издания, оказавшийся в руках составителей Библиох-

роники, в разное время принадлежал военному географу полковнику Ивану Карловичу Вислоуху и известному криминалисту, магистру уголовного права, юрисконсульту Министерства юстиции, профессору Психоневрологического института Дмитрию Андреевичу Дрилю (1846–1910). Если присутствие труда Крашенинникова в библиотеке профессионального географа вполне закономерно, то и для книжного собрания Д.А. Дриля это издание явно не случайно. В качестве чиновника особых поручений при Министерстве юстиции он совершил поездку в Новую Каледонию, на Сахалин и в Сибирь с целью ознакомления на местах с организацией ссыльных поселений и каторжных тюрем. В 1899 году вышла его книга «Ссылка во Франции и в России». Определённую роль в её подготовке сыграло и «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова.

Крашенинников Степан Петрович (1711–1755)

Описание Земли Камчатки сочинённое Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. [В 2-х томах.] Санкт-Петербург: При Императорской Академии Наук, 1755. Т.1: [22] , 438 с., 13 л. иллюстраций, карт. Т. 2: [4] , 319 с., 12 л. иллюстраций. Иллюстрации – гравюры И.А. Соколова с рисунков И.Э. Гриммеля по оригинальным зарисовкам И.Х. Беркана. Комплект в двух цельнокожаных переплётах времени издания. На крышках переплёта золототиснёные геометрические рамки, в верхней части корешков ярлыки красной кожи с золототиснёным заглавием и ярлыки зелёной кожи с номером тома. Форзацы «мраморной» бумаги». Тройной красный обрез. 25х18 см. На титульных л. владельческие штемпели Л.А. Дриля чёрными чернилами и И.К. Вислоуха зелёными чернилами. В средней и нижней части титульных л. штемпели зелёными чернилами с номером личной библиотеки И.К. Вислоуха – «2156» и датой – «5 июл. – 18 июл. 1922». В верхней правой части л. штемпели зелёными чернилами: «К-2156». В тексте многочисленные читательские пометы синими, зелёными и красными чернилами. Редкое издание в хорошей сохранности.

Кременчугъ: Постройка желѣзно-дорожнаго моста чрезъ Днѣпръ.
(Съ наброска Шрейдера, рисов. на дер. Н. Н. Соколовъ, грав. Ф. Герасимовъ).

№ 144. III ГОДЪ. ТОМЪ VI. № 14. 2 Октября 1871 года.

Открытіе туннеля Монъ-Сени. Первый поѣздъ на ходу въ туннелѣ. (См. Всемір. Иллюстр. № 142).
(Грав. А. Даугель).

Герхард Миллер. Описание Сибирского царства (1787)*

Образ Сибири – понятие обширное как в историческом, так и в географическом отношении. Временные и пространственные параметры Сибири исследовали с XVII века. Но именно с описания Миллера началась традиция изучения этого необъятного края.

Герхард Фридрих Миллер родился 18 октября 1705 года в вестфальском городке Герфорд в семье профессора. Закончив местную гимназию, он продолжил учебу в Ринтельнском и Лейпцигском университетах. В ноябре 1725 года юный Герхард прибыл в Санкт-Петербургскую Академию наук.

Активно занимаясь научной деятельностью, Г.Ф. Миллер хотел учредить при Академии наук исторический департамент для сочинения истории и географии Российской империи. По его мнению, его необходимо было поместить в каменном, безопасном от пожара доме и обязательно в Москве, «ибо сей город за центр всего государства почесть можно, где всякия известия способнее и скорее получены быть могут, также и в рассуждении того, что тамошние архивы сам историограф пересматривать имеет». Проживая в Петербурге, Г.Ф. Миллер летом 1748 года предлагал руководству Академии командировать его в Москву для осмотра и сохранения рукописного и книжного собрания В.Н. Татищева. Но просьба учёного осталась неуслышанной, и, вскоре после кончины знаменитого историка, весь его бесценный архив и библиотека погибли во время пожара в подмосковной усадьбе Болдино.

В 1747 году Миллер принял русское подданство и тогда же получил должность историографа Российского государства. В 1749 году он выступил на торжественном заседании Академии наук со своей «знаменитой» речью «Происхождение народа и имени российского», которую большинство академиков, в том числе Ломоносов и Крашенинников, нашли «предосудительной России». Миллера обвинили в том, что «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнём и мечом пустошили и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили».

ОПИСАНІЕ
СИБИРСКАГО ЦАРСТВА
И ВСѢХЪ
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ
ОТЪ НАЧАЛА,
А ОСОБЛИВО
ОТЪ ПОКОРЕНІЯ ЕГО
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ
ПО СІИ ВРЕМЕНА;
СОЧИНЕНО
Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ,
КНИГА ПЕРВАЯ.
Вторымъ тисненіемъ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1787 года.

Выступление не прошло даром для Миллера, и через год за ссору с Ломоносовым он был разжалован президентом Академии наук и художеств графом К.Г. Разумовским из профессоров в адъюнкты с понижением жалованья. Ещё через год учёный был прощён, но с одним условием – подать прошение о прощении.

И только в 1766 году Миллера пожаловали членом Государственной Коллегии иностранных дел при Московском её архиве. С назначением на эту должность историограф «вступил в настоящую свою стихию». Г.Ф. Миллер стал первым, живущим и работающим в Москве, русским академиком. Последние двадцать лет своей жизни Миллер посвятил любимому городу. Фактически созданный им Архив Коллегии иностранных дел стал научным и учебным центром древней столицы.

Зимой 1767 года Екатерина II вместе со двором проживала в первопрестольной, и учёный семь раз призывался к императрице для обсуждения различных научных проблем, после чего она приказала выдать ему 6 тысяч рублей на покупку каменного дома. Московский каменный дом Миллера

---

* См.: Елена Горская, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. Здесь, под небом своим… Выпуск второй: Города и веси. Библиохроника. 1718–2004 гг. – М., Русский раритет, 2013.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ СИБИРСКОЙ ИСТОРІИ.

	Годы отъ рождества Христова.
Первые походы Россіянъ въ сѣверную страну Сибири. Глава 2 §. 3 и далѣе	1499 1501
Титулъ Обдорскій, Кондинскій принятъ сперва Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ. Глава 2 §. 8.	1516
Сибирской Князь Едигеръ дань платилъ Россійскому государству. Глава 2. §. 13.	1556
Ханъ Кучумъ пришолъ изъ Бухарской земли, и овладѣлъ Сибирскимъ царствомъ. Тамже и Глава 1 §. 72 и 75.	
Ахметъ Гирѣй братъ Кучумовъ пришолъ въ Сибирь, чинилъ вспоможеніе во обращеніи Татаръ въ Махометанской законъ, убитъ коварнымъ образомъ. Глава 1 §. 80 и 85.	
Дань изъ Сибири отъ Князя Певгѣя, котораго земля неизвѣстна. Глава 2. §. 12.	1557
Слова всея Сибири приняты въ Царской титулъ. Глава 2 §. 11.	1563
Остяки и Вогуличи чинили разбои при рѣкѣ Камѣ. Глава 2. §. 15.	1572
Мекеткулъ братъ Хана Кучума ходилъ войною на Пермскую землю. Глава 2 §. 19.	1573
Мѣста по рѣкѣ Тоболу пожалованы Строгоновымъ. Глава 2. §. 20.	1574
Шесть тысячь человѣкъ Донскихъ Казаковъ ушло подъ предводительствомъ Атамана Ермака Тимоѳеева съ Волги на Каму къ Строгоновымъ. Глава 2. §. 22 и далѣе.	1577
Первой походъ Атамана Ермака для взятія Сибири, въ которомъ онъ зимовалъ при рѣкѣ Сылвѣ. Глава 2. §. 28 и далѣе.	1578
Второй его походъ въ Сибирь, зимовалъ на Тагильскомъ волоку. Глава 2. §. 33 и далѣе.	1579
Ермакъ пришолъ къ Тюмени, и тутъ зимовалъ. Глава 2. §. 47 и далѣе	1580
Отъѣздъ его изъ Тюмени, и по томъ происходившее съ Татарами сраженіе при устьѣ рѣки Туры. Глава 2. §. 51.	1581 9 Мая
Сраженіе у Березоваго яру. Гл. 2. §. 52.	8 Іюня
Сраженіе у Карaульнаго яру, и по томъ пріѣздъ къ устью рѣки Тавды. Глава 2. §. 53 и далѣе.	29 Іюня
Отъѣздъ отъ устья рѣки Тавды. Глава 2 §. 56.	8 Іюля
Сраженіе съ Царевичемъ Мекеткуломъ. Глава 2. §. 58	21 Іюля

Л А Сра-

находился за Яузою «на большой улице, едучи к Таганке, в приходе церкви Симеона Столпника … “что на Вшивой горке”, где прежде была аптека». В том же году Г.Ф. Миллера, как старейшего члена Академии наук, избрали депутатом знаменитой законодательной комиссии – Комиссии о составлении нового Уложения.

Ещё до переезда в Москву, в 1750 году, учёный выпустил в свет первый том «Истории Сибири» под не принадлежащим ему заглавием «Описание Сибирского Царства» – «первый правильный учёный труд по сибирской истории», как сказал об этом исследовании век спустя другой русский учёный-этнограф А.Н. Пыпин. Эта книга была издана в атмосфере величайшего недоброжелательства и «до мелочей» подвержена «немалой критике и роптанию». Второй том увидел свет лишь в отрывках, напечатанных в «Sammlung russischen Geschichte» и «Ежемесячных сочинениях и известиях о учёных делах».

Книга Г.Ф. Миллера явилась результатом поездки историка в экспедиции под начальством Беринга, снаряжённой Правительствующим сенатом для ознакомления с Сибирским царством. В её состав входили также астроном Людовик Делиль де ля Кроейер и натуралист Иоганн-Георг Гмелин. Не добравшись до Камчатки, Миллер проехал 31 362 версты пути по западной и восточной Сибири, где тщательно изучил местные архивы,

открыв, между прочим, сибирскую летопись Ремезова. За десять лет своего путешествия из Петербурга до Якутска (1733–1743) учёный посетил Казань, Тобольск, Тюмень, Колывань, Красноярск, Усть-Каменогорск, Нерчинск, Иркутск, Кузнецк, Томск и другие города.

Так, приехав в Тюмень, учёный восхитился красотою города, о чём «не мог не преминуть». Тюмень расположилась на «полуденном берегу» реки Туры. Когда-то здесь находилось татарское поселение, название которого и сохранилось по сей день. Жил здесь знатный татарский князь, который имел у себя в подданстве до 10 000 человек. Это число и переводилось на татарский как «тумен». (Любопытно, что такое название было характерно для татарских поселений. Так, проток реки Терека назывался Тюменькою, «в устье которого стоял город Тюменской».) Тюмень стала первым русским городом в Сибири и свою историю в этом качестве ведет с 1586 года.

Через год воевода Тюмени Чулков «отправил людей водою, и строил город на высоком восточном берегу реки Иртыша против устья реки Тобол». Так началась история другого русского города – Тобольска, ставшего в 1708 году столицей Сибирской губернии.

Царская власть понимала, что в Сибири «ещё много полезного учинить можно, чего ради паче всего было нужно, чтоб тамошние места более российскими жителями наполнить, дабы завоеванных народов содержать в послушании, и впредь бы оных от часу более присовокуплять к Российской державе». И в 1592 году заложили три новых города – Пелым, Берёзов, Сургут. Пелым и Берёзов, будучи в своё время уездными городами Тобольской губернии, в настоящее время превратились в посёлки городского типа, которые не так-то легко найти на карте. А ведь, например, Берёзов был местом ссылки Александра Меншикова, князя Алексея Долгорукова, Генриха Остермана, декабристов, Льва Троцкого. Больше повезло Сургуту, современной нефтедобывающей столице России, который был основан близ остяцкой крепости князя Бардака «4 людьми»: воеводой, священником, купцом и охотником. Начиная с XVII века город также стал местом политической ссылки: сюда были сосланы участники восстания Степана Разина, а несколькими десятилетиями позже здесь жили декабристы В.К. Тизенгаузен и А.И. Шахирев.

И как только крепость Сургут была построена, сургутские казаки двинулись дальше вверх по Оби. Они заложили город Нарым, что на языке сургутских остяков значит «болотная страна». Потом начали строить город Верхотурье, где в 1600 году открыли таможню «для взятия пошлин с привозу и отвозу купецких товаров». Но из-за закрытия в 1763 году Верхотурского тракта город потерял значение торгового центра, и жизнь здесь постепенно стала замирать.

С XVII века началось широкое освоение Сибири: на карте Российской империи появляются Томск, Кузнецк (современный Новокузнецк), Красноярск, Иркутск и множество других поселений.

Предварительное географическое изучение Сибири было необходимо для Миллера, взявшегося за написание истории освоения этой земли. Десятилетнее пребывание в Сибири обогатило исследователя массой ценных сведений по этнографии инородцев, местной археологии и современному состоянию края. Особенно важна была вывезенная Миллером громадная коллекция архивных документов. В «портфелях» Миллера сохранилось очень большое число описаний отдельных уездов, городов и рек Сибири, на основании которых он составил два сочинения, находящиеся до сих пор в рукописях: «Географическое описание Сибири по губерниям, разделённым в провинции, уезды, дистрикты» и «Особливое описание Сибири». Также учёный намеревался составить статистическое «Описание нынешнего состояния Сибири».

Когда встал вопрос об «устройстве» этих богатейших материалов, то императрица Екатерина II приобрела для Москвы знаменитое собрание, а также постановила ежегодно выделять из казны до двухсот рублей на пополнение библиотеки. В благодарственном письме к императрице Миллер писал: «Не меньше же Ваше Императорское Величество к вечной славе соизволили обязать и всю публику, снабдением Москву библиотекою, которыя главный предмет есть Россия и все окрестныя как Европейския так и Азиатския государства». Архив и коллекция учёного, так называемые «Портфели Миллера», хранятся в настоящее время в Российском государственном архиве древних актов.

Герхард Миллер работал денно и нощно, ни разу не брал отпуск. И, естественно, годы брали своё. Когда ему перевалило за семьдесят – возраст весьма почтенный, а по тем временам и вообще редкий, то, по совету «искусных врачей», он решил отправиться

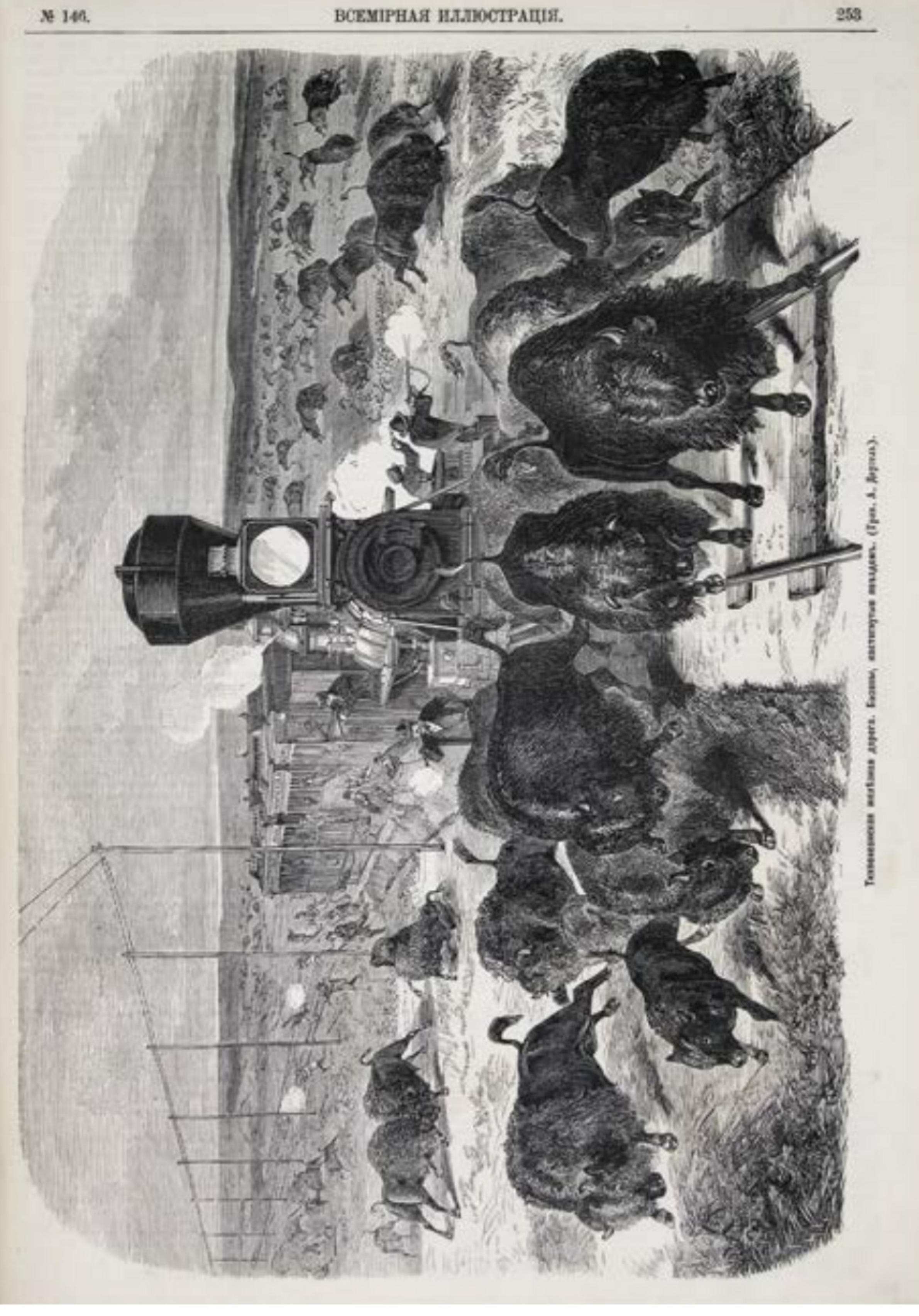
в небольшое путешествие «для поправления своего здоровья», а также для того, чтобы «учинить Московской провинции географическое описание»! Это последнее путешествие Г.Ф. Миллера явилось первой научной экспедицией по Московской провинции.

К сожалению, современники не смогли по достоинству оценить научную деятельность первого «историографа». Его упрекали даже в том, что он из Сибири «ничего иного не привез, кроме собранных из сибирских архивов по большей части копий, что тамошними служителями учинено». «А оное, – сетовала канцелярия Академии наук, – самым малым иждивеньем можно было получить чрез указы Правительствующего сената, не посылая его, Миллера, на толь великом жалованьи содержащегося». И по сей день большая часть сибирского архива Герхарда Миллера так и не опубликована.

Миллер Герхард Фридрих (1705–1783)

Описание Сибирского царства и всех произшедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Сочинено Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором Университета Академии наук и Социетета аглинского членом; [Пер. Василий Лебедев и Иван Голубцов]. 2-м тиснением. Кн. 1 (и единственная). С.-Петербург: При Императорской Академии наук, 1787. [12], 368, [30] с. Тираж 612 экземпляров. Цельнокожаный переплёт эпохи с бинтами по корешку и тиснёной наклейкой, тиснёный суперэкслибрис (двуглавый орёл) на верхней крышке, форзацы из бумаги «павлинье перо», тройной тонированный обрез, ляссе. На первом форзаце дореволюционная владельческая наклейка. 25х20,2 см. Редкость.

Тихоокеанская желѣзная дорога. Бизоны, остановившіе поѣздъ. (Грав. А. Дюрана).

№ 149. III ГОДЪ, ТОМЪ VI. № 10. 6 Января 1871 года.

Алоизій Сенефельдеръ, изобрѣтатель литографіи.
(Грав. К. Вейерманъ).

Лев Максимович. Новый и полный географический словарь Российского государства (1788)*

Известный историк, географ, первый русский статистик Константин Иванович Арсеньев характеризовал XVIII век как «блистательную эпоху в рассуждении познания России». В это время, особенно во второй половине XVIII века, снаряжались исключительные по своему масштабу русские академические экспедиции. В 1760 году М.В. Ломоносов впервые употребил термин «экономическая география», и её цель видел в том, что она «всея вселенной обширность единому взгляду подвергает». Издавались замечательные географические труды Кириллова, Ломоносова, Крашенинникова, Рычкова, Лепехина, Георги, Палласа, которые содержали новые географические сведения или их обобщения.

Вообще, в XVIII веке у книг было много любопытных названий, но у данного издания его невозможно было не привести полностью – так оно подробно описывает состояние Российской империи на тот период. Это «Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком, географически, топографически, идрографически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясашные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежние и новые иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной Империи Российской в нынешнем её состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великой новоустроенном; с объяснением и тех мест, которые в прежние войны и прошедшую Турецкую; а некоторые прежде того и от Персии храбростию Российскою или обладаемы были, или и ныне находятся ещё

НОВЫЙ и ПОЛНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ
СЛОВАРЬ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,
или
ЛЕКСИКОНЪ,
ОБШИРНОЙ
ИМПЕРІИ РОССІЙСКОЙ
ІМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ
СОБРАННЫЙ.
Часть I. А-Ж.
МОСКВА,
1788.

во владении, также и тех, которые в преславное настоящее Царствование с Белоруссией и с полуостровом Крымом к России присоединены; из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный».

Перед нами второе подобного рода издание, а первый географический словарь о России был издан в 1773 году бывшим воеводой Вереи Федором Афанасьевичем Полуниным, «описующийсея пространные Империи все достопамятные места». Но прошло 14 лет после выхода в свет первого географического словаря, и «известия и описания во многих местах требовали поправления и пополнения… многие статьи вновь прибавить, приноровить к теперешним обстоятельствам и разделению России на Наместничества и Губернии». Этот труд взял на себя воспитанник новиковского «Дружеского учёного общества» Лев Максимович Максимович, который расширил географическое и экономическое описание России до шести томов.

Так, в «Словаре» можно было встретить одно из первых описаний на русском языке города Баку: «Баку город, в Персидской провинции Ширване, на берегу Каспийского моря, взят в 1723 году июля 28 Российским оружием, а в 1736 году мирным трактатом назад отдан. Недалеко от сего города, на Апшеронском мысу, находятся славные нефтяные колодези, из коих сия жидкость в вели-

* См.: Елена Горская, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. Здесь, под небом своим… Выпуск второй: Города и веси. Библиохроника. 1718–2004 гг. – М., Русский раритет, 2013.

ком изобилии черпается. Сверх того сей стенами в округе укреплённый город более тем достоин примечания, что при нём находится преизрядная, и сколько по ныне известно, наилучшая при Каспийском море Гавань». А вот что сообщил Л. Максимович об озере Арал, «в некоторых российских известиях называемое Синим морем, отчего и Синяя Орда татарская за Яиком упоминается; татары же называют оное Арал дингис, что значит островитое море, ибо на нём есть множество островов, на которых аральский народ жительствует». Или город Абаканск (современный Абакан) Колыванского наместничества, «прежде бывший Абаканский острог Сибирской губернии, Енисейской провинции, принадлежащий к городу Красноярску, на левом берегу реки Енисея, расстоянием от оного города 827 верст, который застроен в 1707 году, и в 1725 году вновь укреплён».

Не обошёл вниманием автор и новоприсоединённые к Российской империи города. «Евпатория, город с гаванью в Таврической области, сколь древностию своей, столь и приходящими из Турции и Бессарабии по Дунаю судами славной, прежде сего называвшийся Кезлев или Козлов, по-турецки Гезлеве, а в древние времена Херсон, по-русски Корсун, в котором прежде Ески-Крыма была, крымских ханов резиденция, стоит на западной стороне полуострова Крыма, при заливе Черного моря, окружён каменною с башнями по обоим флангам стеною».

Но встречались в «Лексиконе» и такие географические названия, которые мало что говорили бы современному читателю. Кто из нас знал о соленом озере Ебелей, расположившемся между реками Уралом и Иртышом с правой стороны Тобола, производившем «толстые соленые слои, которые ломали для снабдения Уйской линии»? А кто слышал о городке семейных казаков Дубовка в Кавказском наместничестве, при реке Тереке, выше Кизляра? Или о речке Арчада Пензенского уезда? Многие из упоминаемых в «Географическом словаре» поселений уже давно не существуют, речушки пересохли, некоторые города были переименованы. Тем более интересно листать страницы этого многотомного издания.

К четвёртой и шестой части составителем «Лексикона» был добавлен «Словарь учреждённых в России ярмарок и торгов» М. Чулкова, вышедший в этом же году в типографии Пономарева и отдельным изданием. А поскольку материал к географическому словарю продолжал поступать, Лев Максимович совместно с Афанасием Щекатовым предприняли новое расширенное семитомное издание, первая часть которого вышла в 1801 году, а остальные шесть частей Щекатов издавал уже сам в 1804–1809 годах.

Изменилось и название словаря – со второго тома он стал называться «Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком все губернии, города, уезды, крепости, форпосты, редуты, реки, моря, рудники, озёра».

[Максимович Лев Максимович (нач. 2-й половины XVIII в. – не позднее 1825)].
Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон… В 6 томах. Т. 1-6. Москва: Университетская типография, у Н. Новикова, 1788–1789. VII, 292 с.; [2], 364 с.; [2], 352 с.; [2], 220, XCIV с.; [2], 372 с.; [2], 291, XCV–CXXVI с. Шесть цельнокожаных переплётов эпохи с бинтами и золотым узорным тиснением по корешку, форзацы из узорной бумаги, тройной тонированный обрез. В Т. 1 на странице перед титульным листом наклеена дарственная надпись «Глубокоуважаемому Александру Сергеевичу Баркову По случаю сорокалетия научной и общественно-педагогической деятельности. От Московского ордена Ленина Гос. Ун-та им. Ломоносова и Московского Гос. Педагогического Ин-та. 31 мая 1940г.» и экслибрис А. и С. Венгеровых.
[Барков А.С. (1873–1953) – советский учёный, профессор, доктор географических наук, академик Академии педагогических наук РСФСР, заслуженный деятель науки РСФСР]. 21,3x17,7 см. Полный комплект – большая редкость!

№ 151. III ГОДЪ, ТОМЪ VI. № 21. 20 Января 1871 года.

Москва. — Политехническая выставка: Подъемъ первой желѣзной арки главнаго павильона зданія морского отдѣла.
(Съ фотографіи «Русск. Фотографіи», рис. на дер. А. К. Бестровъ, грав. Л. А. Сѣряковъ).

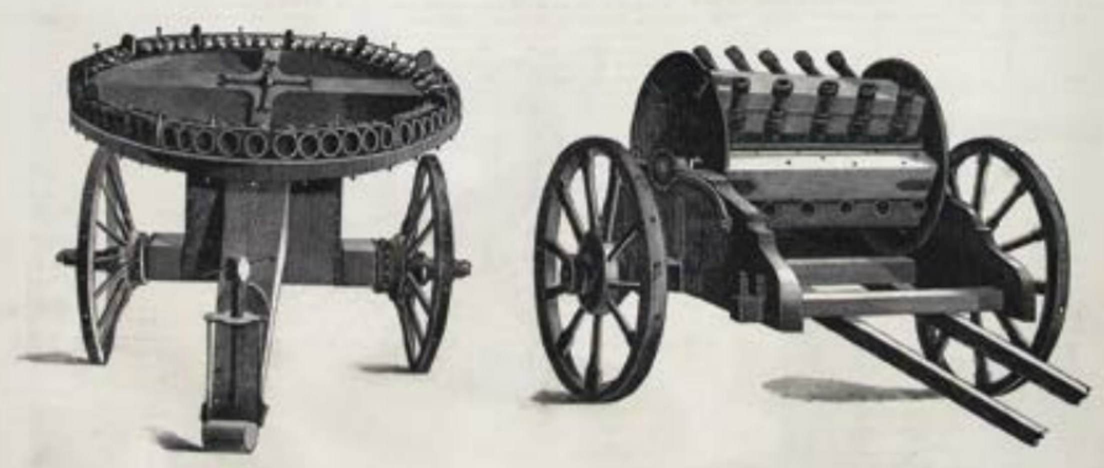

Фальконетъ.

23. Карабинъ гренадеровъ. 24. Ружейный органъ, неизвѣстной эпохи о 96 стволахъ. 22. Трость Стеньки Разина.

26. Пищаль изъ Троице-Сергіевой лавры, времени Алексѣя Михайловича.

19. Круглая батарейка. 20. Органная батарейка, временъ Алексѣя Михайловича.

С.-Петербургъ: Артиллерійскій музей въ Петропавловской крѣпости. (См. Вс. Иллюстр. № 74).

(Рис. на дер. А. П. Нестеренко, грав. Л. А. Сѣряковъ и К. Вейерманъ).

18

Зрелище природы и художеств (1784–1790)*

«Слон, хотя и спит, как все прочие звери, однако по большей части стоя и не прислонясь ни к чему. Во время сна кладёт он конец хобота своего в рот, дабы не заползла в оный какая ни есть мошка, которая тревожит его чрезвычайно. Слон имеет чрезвычайную склонность к тем, которые его кормят, врождённую любовь к обезьянам и великое отвращение от кур, тигров и крокодилов». Эту довольно неожиданную информацию доносит до нас одно из занимательнейших русских иллюстрированных изданий XVIII века – десятитомное «Зрелище природы и художеств».

ОГЛАВЛЕНІЕ

содержащихся въ пятой сей части предметовъ

Впервые появившееся в Вене под названием «Schauplatz der Natur und Kunste» (1774–1779), издание показалось членам петербургской Академии наук настолько интересным и нужным российскому читателю, что решено было подготовить его русскую версию. Перевод выполняли лучшие академические специалисты – Т. Кирьяк, А. Васильев, С. Петров, М. Ковалёв, И. Волков. Эта первая в России популярная естественнонаучная энциклопедия вышла тиражом 1200 экземпляров. Издание имело успех, разошлось довольно быстро, и через несколько лет возникла потребность в его повторении, что и произошло в 1809–1813 годах.

«Зрелище» состоит из 90 статей о различных отраслях промышленности, естествознания и прикладных наук. Вот как, например, описывается профессия кузнеца: «Ни которой художник столько в обществе человеческом не нужен, как кузнец. Полезному сему рукоделию учащиеся выучиваются за плату в два года; а без платы должен работать на мастера четыре или пять лет. Во многих местах за довольный знак искусства в кузнечестве приемлется, ежели кузнец скуёт хорошо две подковы, навозные вилы и топор».

Само название – «Зрелище природы и художеств» – говорит о том, что важное место в издании занимают иллюстрации. 480 цельногравированных листов представляют людей, животных, чертежи различных орудий и механизмов. Над гравюрами работали А.Я. Колпашников, А.Г. Рудаков, П. Балабин, Алексей и Иван Бугреевы, И.К. Майр. Мастера-гравёры не только повторяли немецкие оригиналы, но и создавали для энциклопедии собственные иллюстрации.

Общее редактирование труда взял на себя академик А.П. Протасов, сам переведший два последних тома, а также написавший

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1647–1977 гг. Книга вторая. – М., Русский раритет, 2006.

предисловие и составивший многочисленные примечания.

Обобщение технических знаний и создание русской технической терминологии началось в России ещё в XVI–XVII веках. В первой четверти XVIII столетия появилось значительное количество печатных технических изданий на русском языке, однако все они были либо переводными, либо создавались путём переработки иностранных трудов. Таковы, например, знаменитые «Термины, употребляемые в фортификации» в книге С. Вобана «Истинный способ укрепления городов» (СПб., 1724).

«Зрелище природы и художеств» – книга следующего поколения.

Ещё в 1768 году при Академии наук возникло Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык, усилиями членов которого за период с 1768 по 1783 годы с древнегреческого, латинского, французского, немецкого, английского, итальянского и даже китайского языков были переведены 112 сочинений, составивших 173 тома. Тогда под руководством академика И.И. Лепёхина появилась «Естественная история» Ж.Л.-Л. Бюффона. Тогда же увидела свет шестнадцатитомная «Римская история» Ш. Роллена в переводе В.К. Тредиаковского. В 1767 году был издан сборник статей из знаменитой энциклопедии Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбера. Издательская программа Академии включала книги для разного возраста, как серьёзные, так и предназначенные «для увеселения в часы досуга». Одним из таких сочинений, призванным не столько служить источником научной информации, сколько удовлетворять праздное любопытство читателя, и является «Зрелище природы и художеств».

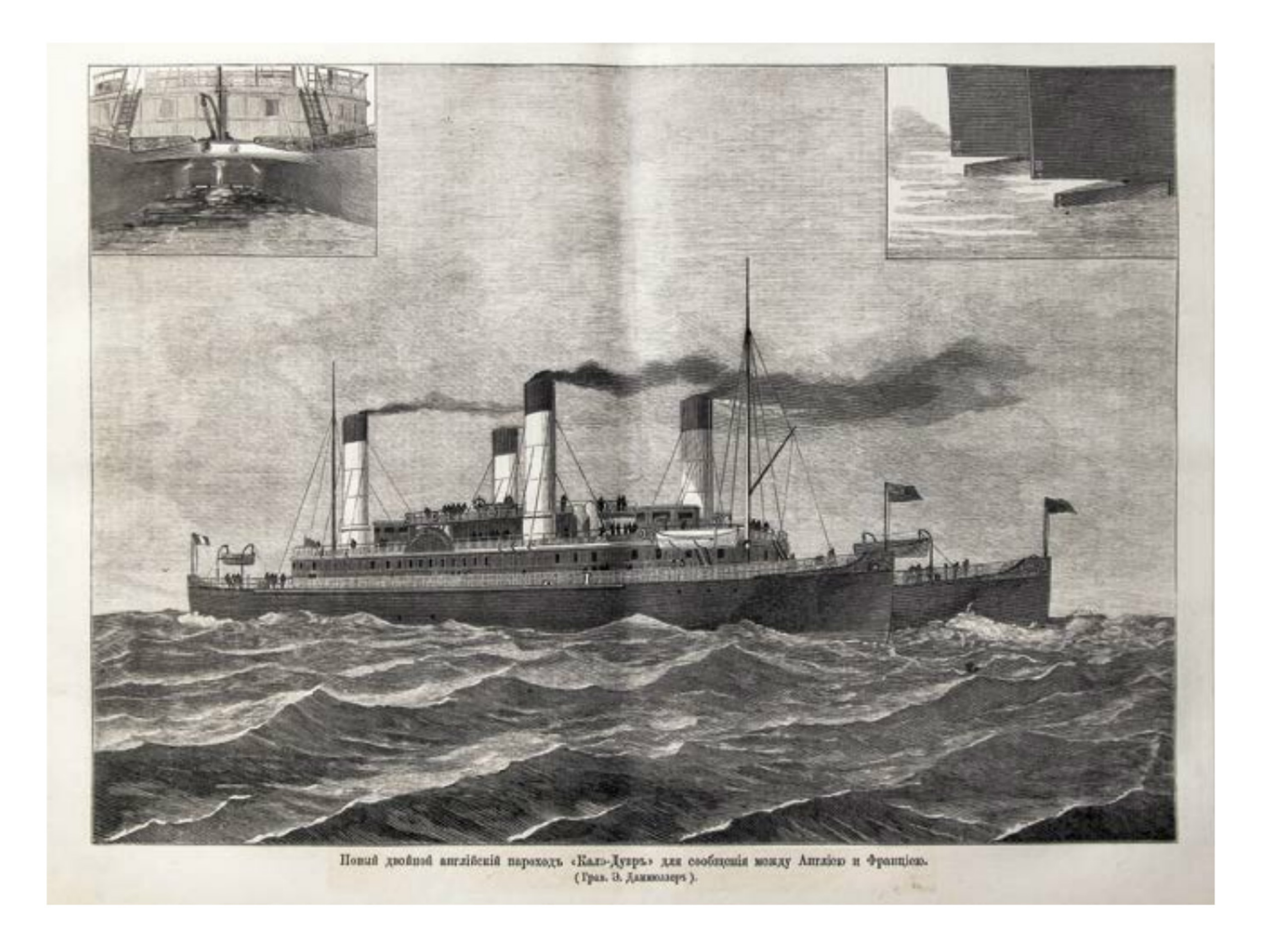
Написанное и изданное людьми учёными для неучёных, «Зрелище» является прекрасным образчиком научно-популярной литературы конца столетия, которое вошло в историю мировой культуры как Век Просвещения.

Полный комплект в хорошей сохранности встречается крайне редко.

Зрелище природы и художеств. [Ч. 1–10.] Санкт-Петербург: Иждивением Императорской Академии наук, 1784–1790. Ч.1. 1784. [99] с., гравированный фронтиспис, 48 л. иллюстраций. Ч.2. 1784. [98] с., гравированный фронтиспис, 48 л. иллюстраций. Ч.3. 1784. [100] с., гравированный фронтиспис, 48 л. иллюстраций. Ч.4. 1785. [100] с., гравированный фронтиспис, 48 л. иллюстраций. Ч.5. 1786. [100] с., гравированный фронтиспис, 48 л. иллюстраций. Ч.6. 1786. [100] с., гравированный фронтиспис, 48 л. иллюстраций. Ч.7. 1787. [101] с., гравированный фронтиспис, 48 л. иллюстраций. Ч.8 1788. [100] с., гравированный фронтиспис, 48 л. иллюстраций. Ч.9. 1789. [103] с., гравированный фронтиспис, 45 л. иллюстраций. Ч.10. 1790. [105] с., гравированный фронтиспис, 45 л. иллюстраций. Под фронтисписами – подписи художников и гравёров: ч.3 – «Р.А.З.Г.А.К.»; ч.4 – «Р.А.З.Г.М.Л.К.»; ч.5 – «J.C. Mayr sc.»; ч. 6 – «Mayr sc.». В десяти «немых» издательских обложках. Блоки не обрезаны. 27,5x23 см.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ
1878
ТОМЪ XX
ІЮЛЬ ДЕКАБРЬ
СТ. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Г. Д. ГОППЕ.

Новый двойной англійскій пароходъ «Кале-Дувръ» для сообщенія между Англіею и Франціею.
(Грав. Э. Даммюллеръ).

Ян Амос Коменский. Зрелище вселенной (1793)*

«Из рисунков читанных мною книг остались у меня в памяти… всего более изображения животных и разных национальных типов из "Зрелища Вселенныя", "Детского Музея" и Палласова "Путешествия по России…" – вспоминал российский хирург, член-корреспондент Российской Академии наук Н.И. Пирогов (1810–1881). – Чтение детских книг было для меня источником наслаждения. Я помню, с каким восторгом я ждал подарка от отца книгою: "Зрелища Вселенныя", "Золотое зеркало для детей"… и все с картинками, читались и перечитывались по нескольку раз, все с аппетитом, как лакомства».

ЗРѢЛИЩЕ
ВСЕЛЕННЫЯ,
на Французскомъ
Россійскомъ и Нѣмецкомъ
языкахъ.

вторымъ тисненіемъ.

Въ Санктпетербургѣ 1793 года.

Упоминаемая книга «Зрелища Вселенныя…» с иллюстрациями была выпущена в России в 1788 г. и «вторым тиснением» в 1793 г. тиражами, соответственно, 5000 и 2750 экземпляров. Впоследствии книга переиздавалась еще дважды в Санкт-Петербурге, в 1808 и 1822 гг., и несколько раз в провинции.

Автор столь популярного произведения – гуманист и педагог Ян Амос Коменский

LXXV.

Le Libraire. Книгопродавецъ. Der Buchhändler.

---

* См.: Мария Богданович, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Ирина Насонова, Мария Чапкина. Здесь, под небом своим… Выпуск третий: Прекрасная пора. Библиохроника. 1737–1998 гг. – М., Русский раритет, 2013.

(1592–1670) родился в Моравии. После обучения в школе Чешских братьев (религиозная организация, проповедовавшая бедность, непротивление злу, занималась основанием школ, типографий) стал священником. Он несколько десятилетий скитался по миру. В Тридцатилетнюю войну, при подавлении чешских восстаний (1618–1620) погибла его немалая библиотека. Во время шведско-польской войны в 1656 г. сгорела рукопись «Сокровища чешского языка» – плод более чем сорокалетних его трудов.

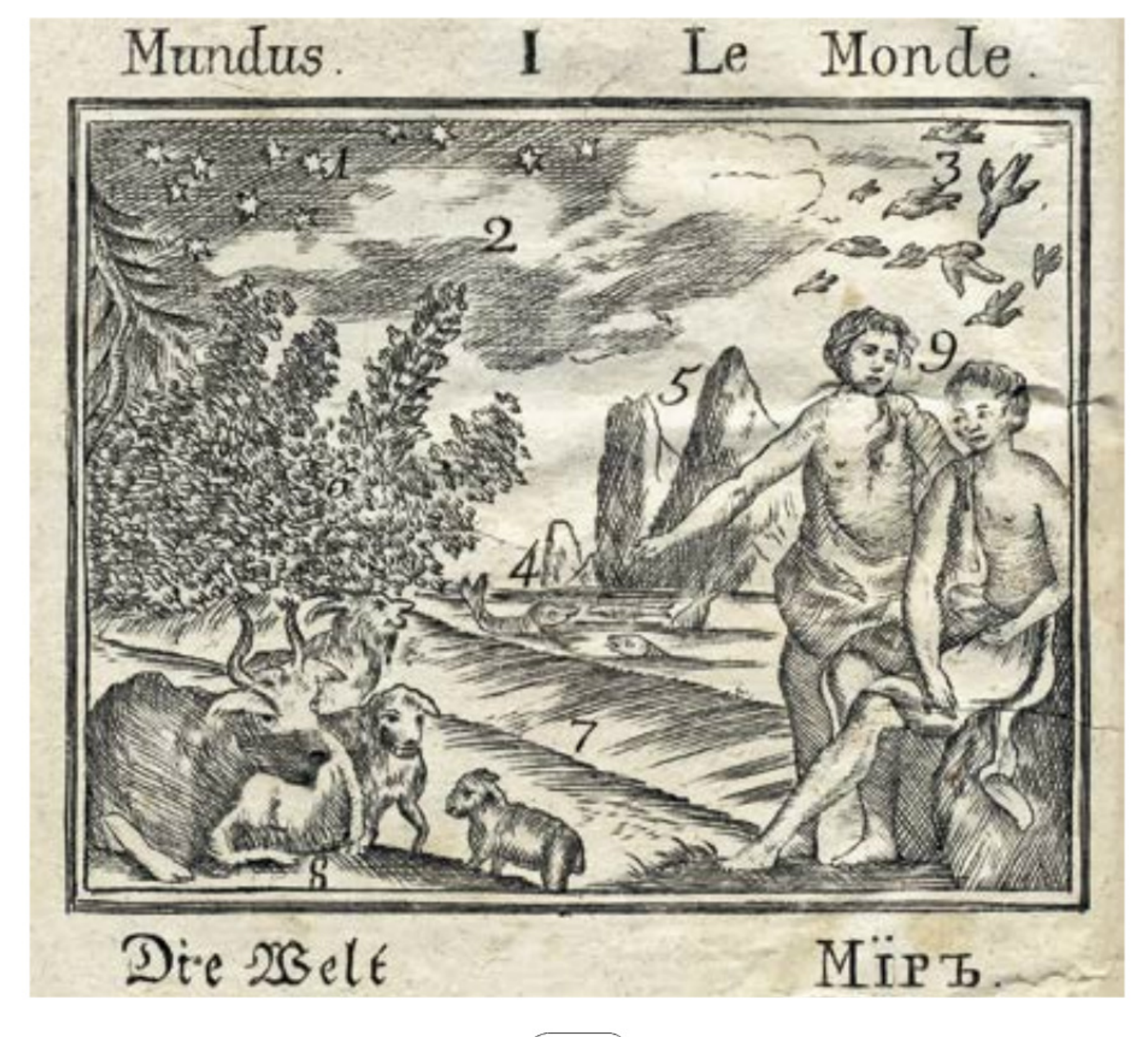
Я.А. Коменский жил в Польше, Англии, Нидерландах, Венгрии. В Швеции, а позже в Верхней Венгрии он пытался провести школьную реформу, воплощая в жизнь изложенные в его «Великой дидактике» («Didactica magna», 1632) педагогические принципы.

Успех в устройстве школ по разработанной им системе привел к тому, что Коменский отошел от политики, которой занимался с молодости, и приступил к созданию своего самого популярного труда – энциклопедии «Мир чувственных вещей в картинках, или Изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни» («Orbis Sensualium Pictus»). Родоначальница всех иллюстрированных энциклопедий была написана в 1650–1654 гг. и впервые увидела свет в 1658 г. в Нюрнберге.

Каждая из 150 глав книги сопровождалась оригинальной ксилографией. Ребенок знакомился с миром по определенной системе – сначала с тем, что его окружает, затем с миром более отдаленным, абстрактным.

Проповедуя принцип «Прежде всего учи язык соседа», автор печатал «Orbis Pictus» на нескольких языках. Первое издание было латинско-немецким, позднейшие переиздания переводились на многие европейские языки.

Система наглядного обучения, научно обоснованная Коменским, нашла применение в России гораздо раньше, чем появилось первое печатное издание труда. В 1675 г. царица Наталия Кирилловна (Нарышкина) (1651–1694) устроила в Кремлевском дворце

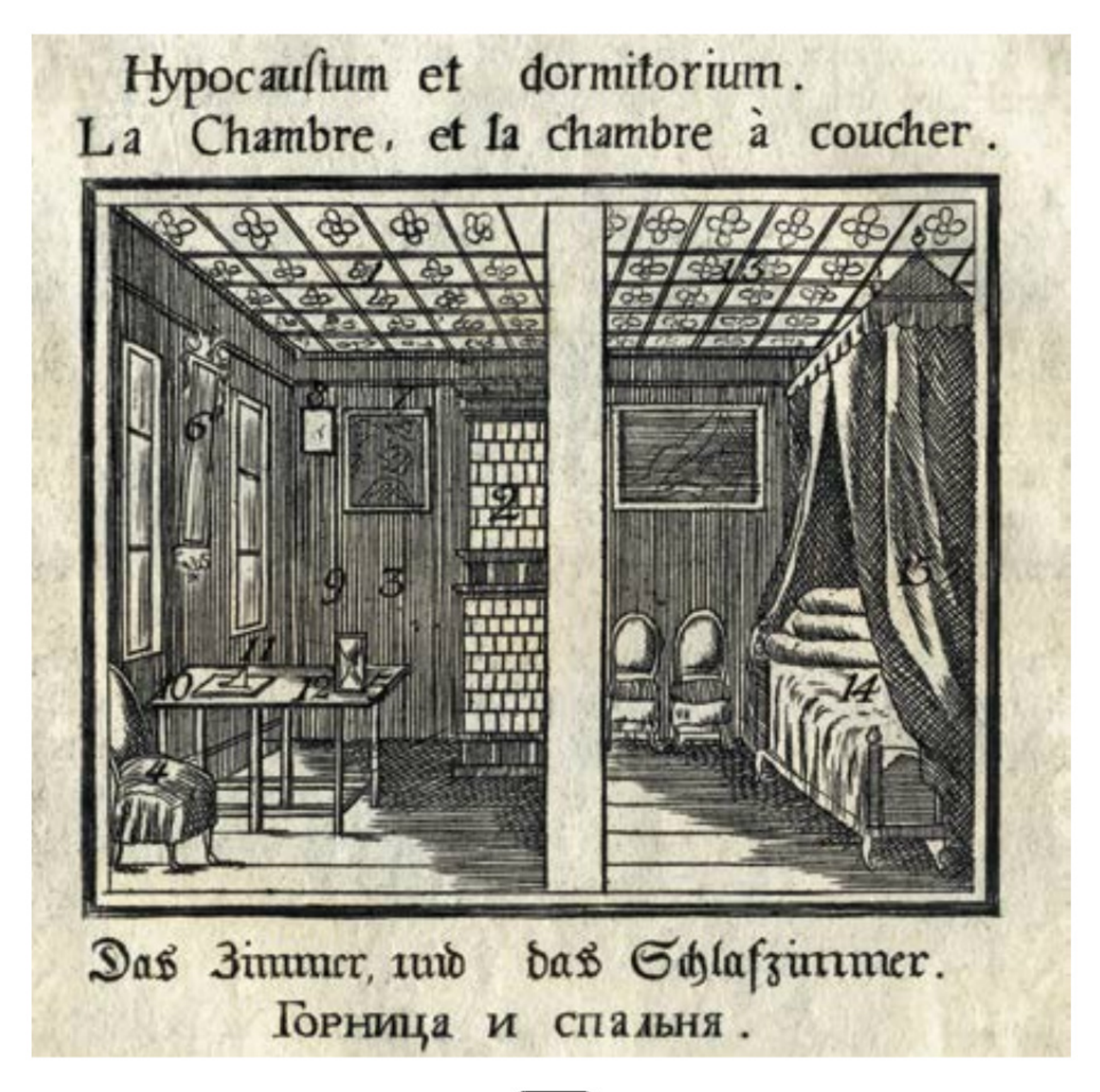

«материнскую школу» (Scholae Infantie), в основу которой были положены принципы систематического начального образования в семье, еще до обучения ребенка в школе. Петр Алексеевич, будущий Петр Великий, начал обучаться азбуке в три с половиной года (до этого царские дети приступали к азбуке не ранее шести лет). О педагогических взглядах Яна Амоса Коменского Наталия Кирилловна могла узнать от государственного деятеля и дипломата Артамона Матвеева (1625–1682), в доме которого воспитывалась, или же от придворного книжника, просветителя Симеона Полоцкого (1629–1680).

Впервые русский перевод энциклопедии Коменского был издан Н.И. Новиковым в 1768 г. без иллюстраций. Издатель посчитал, что, хотя «приятно и ясно нарисованные фигуры чрезвычайно увеселяют, мысли своей красотой пленяют, рассеянные оных силы собирают <…> однако что могут худо вырезанные на дереве фигуры, не имеющие в себе ни рисовки, ни красоты, ни ясности, ни сходства, произвесть?». Книга имела успех и была переиздана в 1788 г.

По повелению Екатерины II в 1788 г. вышло первое в России издание под названием «Зрелище Вселенныя: На Французском, Российском и Немецком языках» – заново переведенное и проиллюстрированное. В 1793 г. оно без изменений было переиздано.

Пособие для народных училищ представляло сокращенный вариант энциклопедии и включало лишь 80 глав из 150. Иллюстративный ряд составили гравюры не из первого оригинального издания 1658 г., а из более поздних переизданий. Специально для России текст был переработан «придворным» педагогом Ф.И. Янковичем де Мириево (1741–1814) (занимался становлением образования в Нижней Венгрии, был рекомендован Екатерине II императором Священной

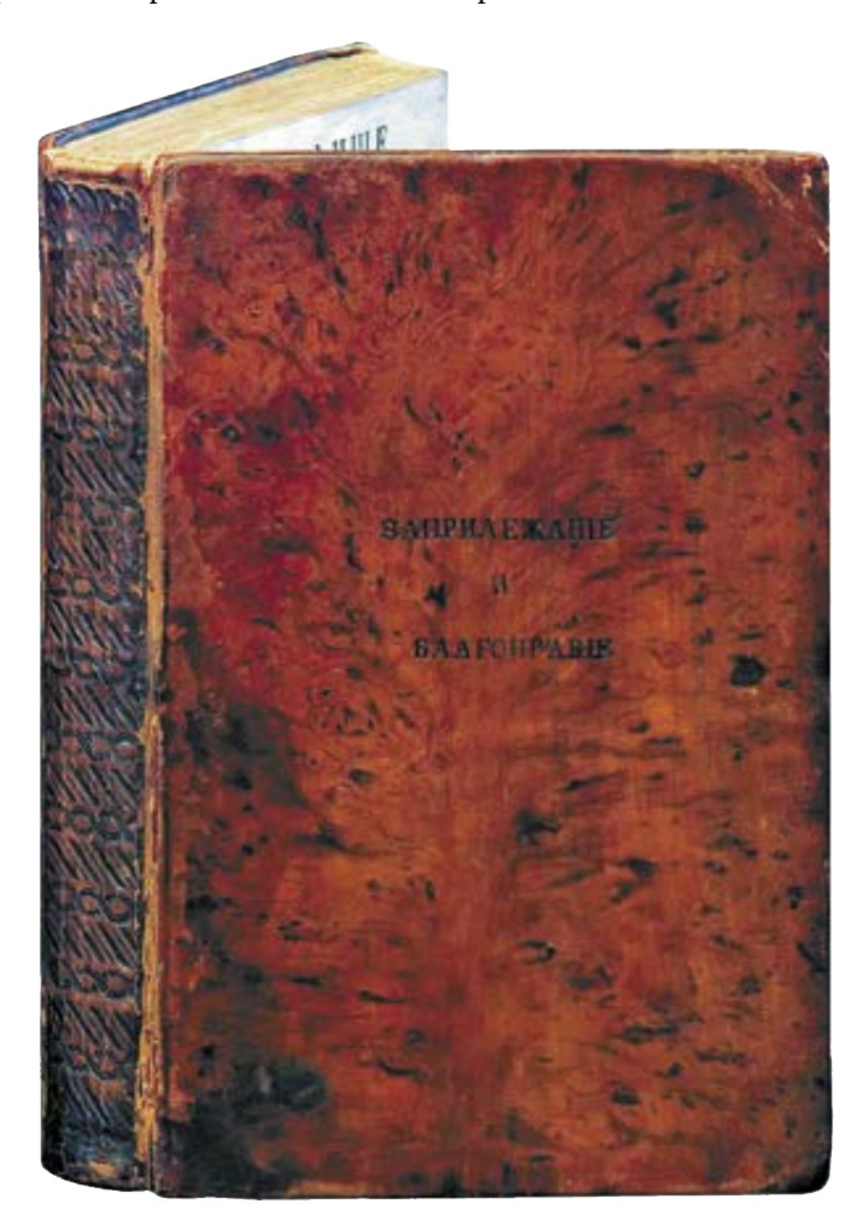

Римской империи Иосифом II). Он же является и автором предисловия.

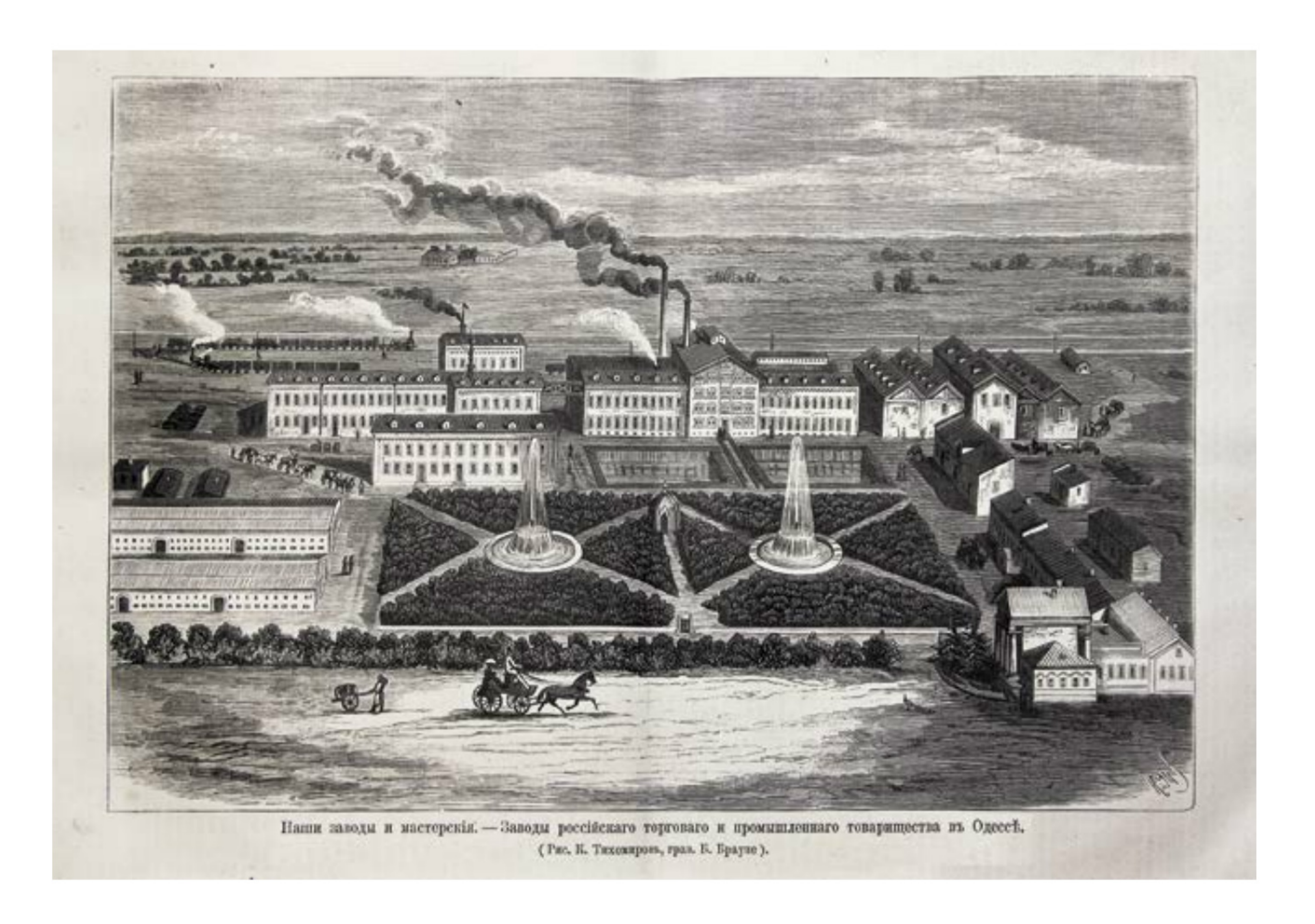
Разворот книги – это гравюра и трехколонный текст. Средняя колонка содержит текст по-русски (несколько предложений), справа и слева идет немецкий и французский перевод. Под колонкой даны основные термины в именительном падеже. Например, «Книгопродавец в книжной лавке продает книги, коих он роспись роздает безденежно. Желающие купить читают его и выбирают себе книги. Книгопродавец достает их с полок и берет за оные наличные деньги. Книги переплетает переплетчик».

По повелению же императрицы были награвированы дополнительные картинки, отражающие черты русского быта (например, цветы и деревья, овощи и фрукты, птицы и животные), дабы служить «некоторым возбуждением к охотному онаго чтению и употреблению» (из «Предисловия»).

Описываемый экземпляр происходит, согласно экслибрису, из библиотеки д-ра Виктора и д-ра Габриель Паулсен, заключен в цельнокожаный переплет. На переплете вытиснено: «За прилежание и благонравие».

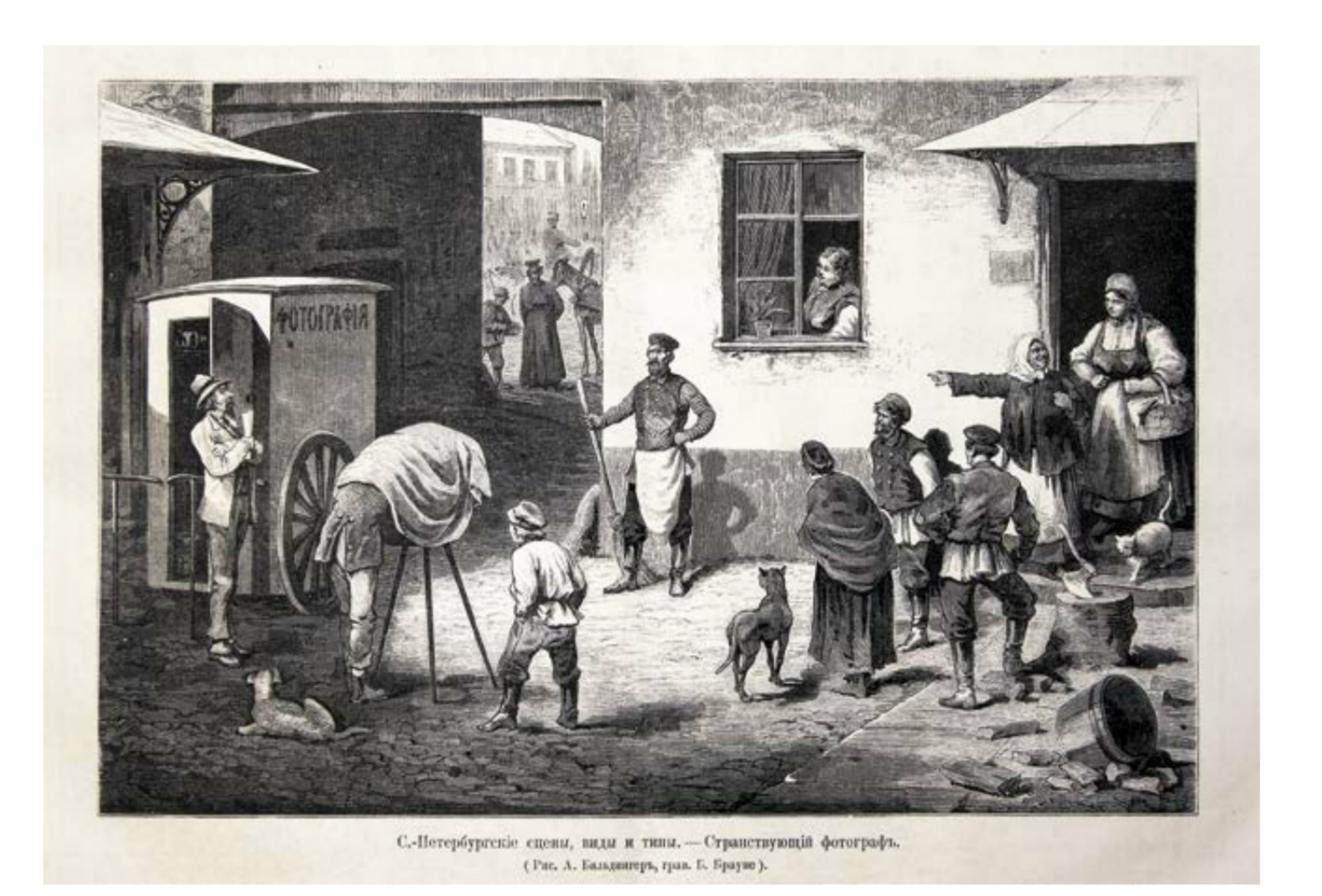

Коменский, Ян Амос (Komensk´, Jan Amos; 1592–1670)
Зрелище вселенныя: На Французском, Российском и Немецком языках / Изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторыя. Вторым тиснением. В Санктпетербурге: [Тип. Вильковского], 1793. [6], 142 с., LXXX л. ил., 80 табл. 20х13 см. Изд. Комис. об учреждении нар. уч-щ. Тираж 2750 экз.

Наши заводы и мастерскія. — Заводы россійскаго торговаго и промышленнаго товарищества въ Одессѣ.

(Рис. К. Тихомировъ, грав. Б. Брауне).

С.-Петербургскіе сцены, виды и типы. — Странствующій фотографъ.
(Рис. А. Бальдингеръ, грав. Б. Брауне).

Алексей Мусин-Пушкин. Историческое исследование о местоположении Тмутараканского княжения (1794)*

Первыми в списке учёных заслуг Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, коллекционера и знатока российских древностей, значатся открытие и публикация «Слова о полку Игореве». Сам же Алексей Иванович более всего дорожил своей работой под названием «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения», увидевшей свет в 1794 году и вызвавшей оживлённую полемику.

Задолго до исследования Мусина-Пушкина историки спорили, где именно находилось упоминаемое в летописях Тмутараканское княжество. В качестве места его расположения называли Старую Рязань, Литву, Астрахань, Темрюк, Кизляр, Азов.

В 1792 году недалеко от Тамани, в развалинах старой турецкой крепости, казаки обнаружили так называемый Тмутараканский камень – мраморный блок с надписью, сделанной в 1068 году в княжение Глеба Святославовича. Надпись на камне, срисованную и присланную в Петербург Екатерине II, Мусин-Пушкин прочёл следующим образом: «В лето 1068 князь Глеб мерил море по льду от Тмуторокани до Керчева 14 000 сажен».

Обнаружение камня, оказавшегося позднее, в 1851 году, в Эрмитаже, явилось вещественным подтверждением точки зрения Мусина-Пушкина, ещё прежде предполагавшего, что Тмутараканское княжество находилось на Таманском полуострове, на месте древней Фанагории. «Но ежели летописи и не открывают о сём ничего ясного и определённого, – писал он в «Историческом исследовании», – однако ж, кажется, много находится в них признаков и следов, по коим можно безошибочно определить место сего княжения».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Записки сіи составлены изъ подлинныхъ драгоцѣннѣйшихъ доказательствъ; въ семъ сочиненіи они помѣщены или отрывками или цѣлыми. Многимъ особамъ, коихъ мы не имѣемъ чести знать, угодно было также присылать намъ разныя свѣдѣнія, за которыя спѣшимъ принести имъ благодарность. Что же касается до напечатанныхъ сочиненій, мы заимствовались изъ превосходнаго собранія, извѣстнаго подъ названіемъ: *Записки Дома Конде.* Сочиненіе Маркиза Еккевильи: *Походы войска подъ предводительствомъ Принца Кон-*

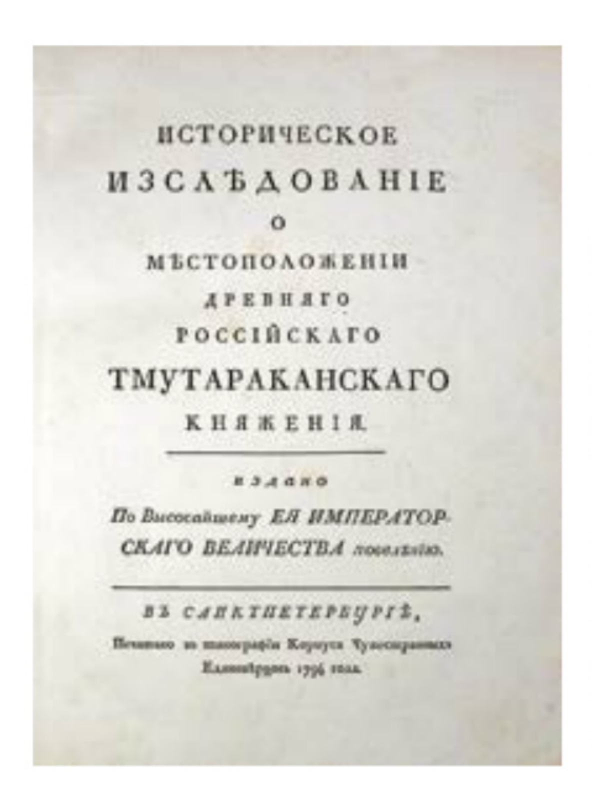
* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1647–1977 гг. Книга вторая. – М., Русский раритет, 2006.

В подкрепление летописных источников в «Исследование» были включены изображение надписи на Тмутараканском камне, схема «Род князей, владевших в Тмутаракани» и комментарий к схеме в виде «Родословника» с краткими биографическими справками о тмутараканских князьях, начиная с князя Святослава I Игоревича (920–972) до князя Глеба Святославовича (ум. в 1076), положившего камень. Завершали издание «Чертёж» древней России и «Описание народов, городов и урочищ, означенных в Чертеже».

Книга не случайно печаталась в типографии Корпуса чужестранных единоверцев. С 1789 года Мусин-Пушкин управлял корпусом, где обучались дети православных греков, и именно по его инициативе при корпусе была открыта типография. Выход в свет «Исторического исследования» пришёлся на пору расцвета служебной и творческой деятельности Мусина-Пушкина: в это время он являлся не только управляющим Корпусом чужестранных единоверцев, но также обер-прокурором Синода, членом Российской академии, с его мнением учёного-коллекционера считалась императрица.

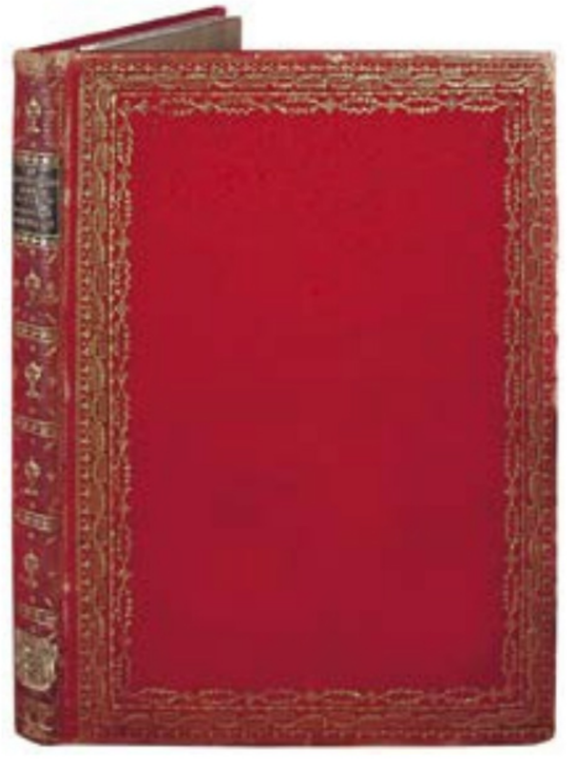
Труд Мусина-Пушкина посвящён Екатерине II, «по высочайшему велению» которой он был предпринят и чьим «мудрым наставлением обогащаем». Как это нередко случалось, рядом с монаршей любовью к наукам стояла большая политика: Екатерина II не могла не способствовать подобным исследованиям, исторически оправдывавшим её территориальные завоевания на юге России.

А.Л. Шлёцер и некоторые другие историки не приняли точку зрения Мусина-Пушкина и обвиняли его не только в научной неправоте, но даже в подделке надписи на Тмутараканском камне. Неожиданную поддержку он получил в лице императора Александра I: в указе от 8 октября 1802 года «О разделении Новороссийской губернии на три губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую» предписывалось бывший Фанагорийский уезд Таврической губернии переименовать в Тмутараканский, «по названию, какое в древней России носил остров Тамань». Императорский указ закрепил выводы Мусина-Пушкина и посрамил его оппонентов-современников, но не избавил от сомнений потомков-историков.

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЗСЛѢДОВАНІЕ
О
МѢСТОПОЛОЖЕНІИ
ДРЕВНЯГО
РОССІЙСКАГО
ТМУТАРАКАНСКАГО
КНЯЖЕНІЯ.

ИЗДАНО
По Высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744–1817)
Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. Издано по Высочайшему Ея Императорского Величества повелению. Санкт-Петербург: Типография Корпуса чужестранных единоверцев, 1794. [7], IV, 64, [3], LXXIV с., 3 л. иллюстраций, карт, схем. В цельнокожаном переплёте начала XIX в. На корешке золототиснёные заглавие и орнамент. На крышках золототиснёные узорные рамки. Форзацы зелёной бумаги. Тройной золотой обрез. 25x19,5 см.

Постройка миноносныхъ лодокъ на охтенской верфи.
(Рис. С. Шамота, грав. К. Вейерманъ).

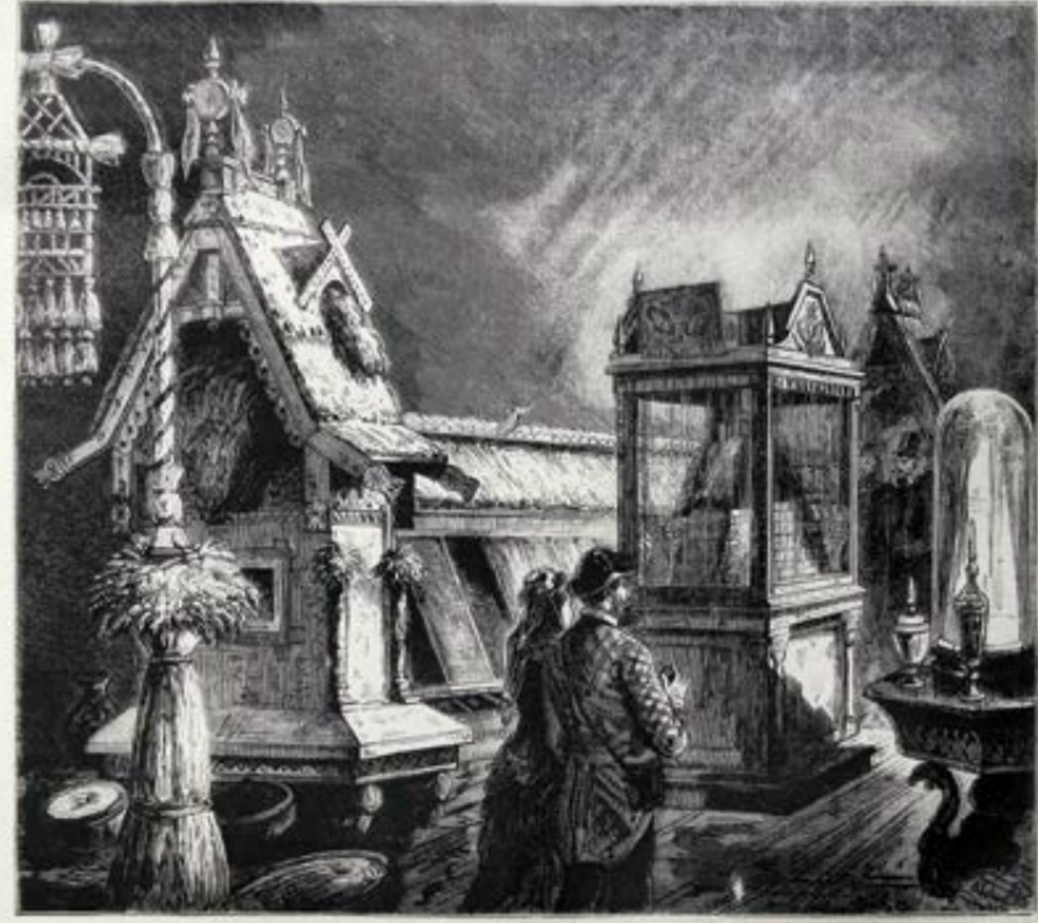

№ 501. X ГОДЪ. ТОМЪ XX. № 7. 5 августа 1878 года.

Подписная цѣна на 1878 годъ въ Россіи:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . . 13 р.
съ доставкою . . . . 14 » 50 к.
съ пересылкою въ другіе города . . . . 16 »
Въ Москвѣ (у коммиссіонеровъ [illegible], [illegible]), безъ доставки. . 14 » 50 к.

Журналъ ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ выходитъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, въ размѣрѣ отъ 16 до 24 страницъ.
[illegible]

Подписная цѣна на 1878 годъ за границею:
[illegible] . . . . 17 р.
[illegible] . . . . 22 р.

Всемірная выставка въ Парижѣ въ 1878 году. — Русскій отдѣлъ. Витрина дома Су и комп. въ Москвѣ; сахарное производство и [illegible] фирмы Вахрамѣева и комп.
(Съ наброска А. Б. Б., рис. С. Шамотъ, грав. Л. Зубчаниновъ).

21

Осип Беляев. Кабинет Петра Великого (1800)*

Составляя на исходе XVIII столетия подробное описание сокровищ Кунсткамеры – этого первого российского общедоступного музея, её служащий О.П. Беляев осознавал, что трудится не только для современников, «кои по причине отдалённости или по другим каким-либо препятствиям лишены удовольствия оные видеть», но и для истории. Указывая в некоторых случаях даже размеры музейных комнат, он не исключал, что, возможно, в скором будущем уникальные предметы, за которыми он в течение 17 лет «надзирал», могут покинуть свои привычные места.

КАБИНЕТЪ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

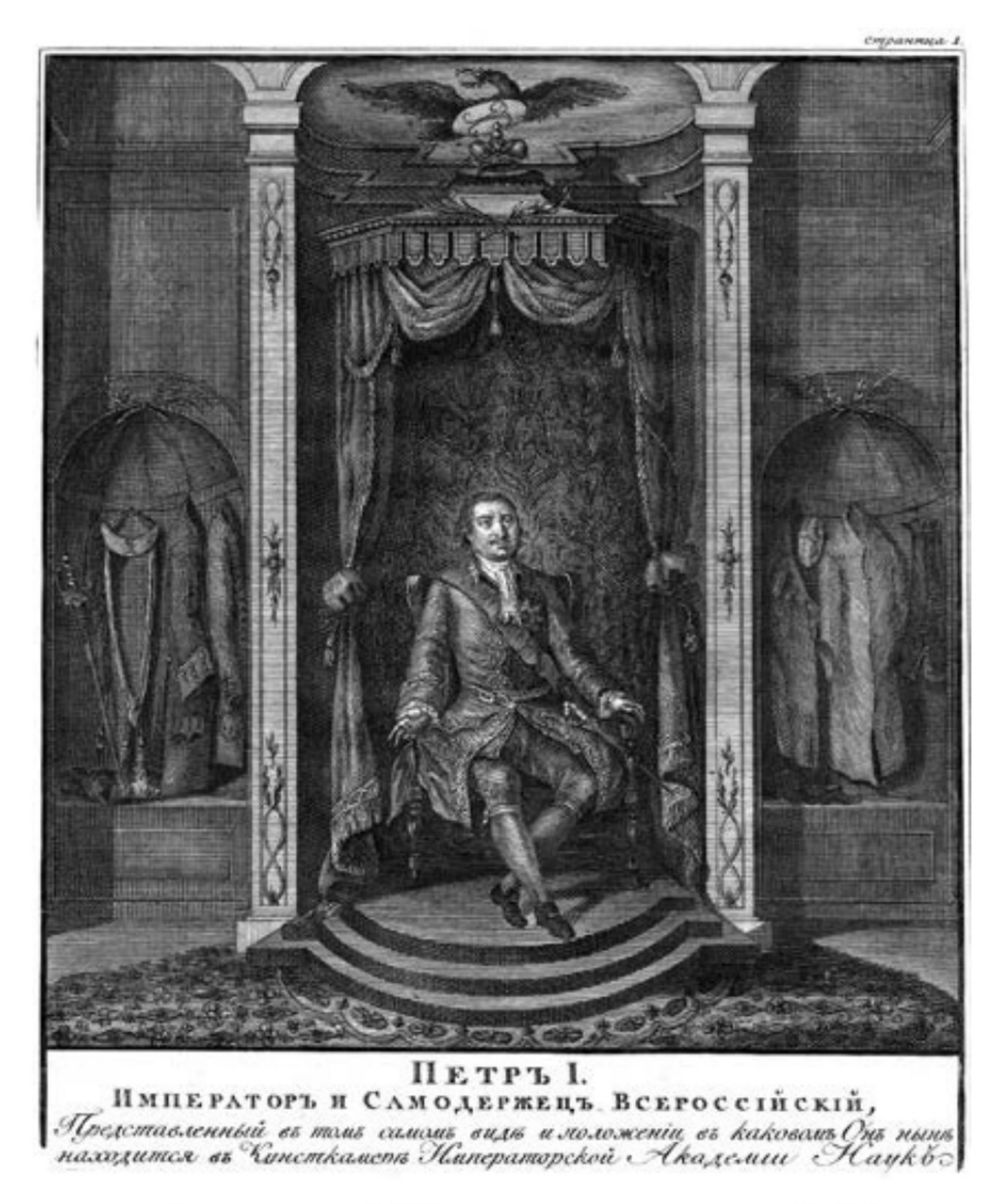
ИЗДАНО
по ВЫСОЧАЙШЕМУ

Въ Санктпетербургѣ,

Так и случилось. Императорской Академии наук Кунсткамера, основанная Петром I в 1714 году, к концу XVIII века накопила столь обширные историко-культурные, этнографические, природные коллекции, что их изучение и хранение как единого собрания становилось затруднительным. В 1804 году «надсмотритель» Кунсткамеры Н.Я. Озерецковский выделил из неё собрание минералов в особый Минералогический кабинет. В течение последующих лет были созданы другие самостоятельные кабинеты, или «музеумы»: Азиатский, Египетский, Ботанический, Зоологический, Нумизматический, Этнографический. Часть коллекций обрела новое местожительство в двух соседних с Кунсткамерой зданиях на стрелке Васильевского острова. Таким образом, каталог-путеводитель «Кабинет Петра Великого», вышедший в 1800 году, успел запечатлеть собрания редкостей до их расформирования.

Об авторе каталога – Осипе Петровиче Беляеве – известно, что он сначала учился в Славяно-греко-латинской академии, затем, в 1783 году, был переведён в Петербург, в Академический институт. Видимо, в качестве своеобразной стипендии академический студент Беляев тогда же получил место надзирателя Кунсткамеры, где впоследствии служил в должности унтер-библиотекаря. Кроме того, он держал корректуру в типографии, преподавал в Академической гимназии и Пажеском корпусе,

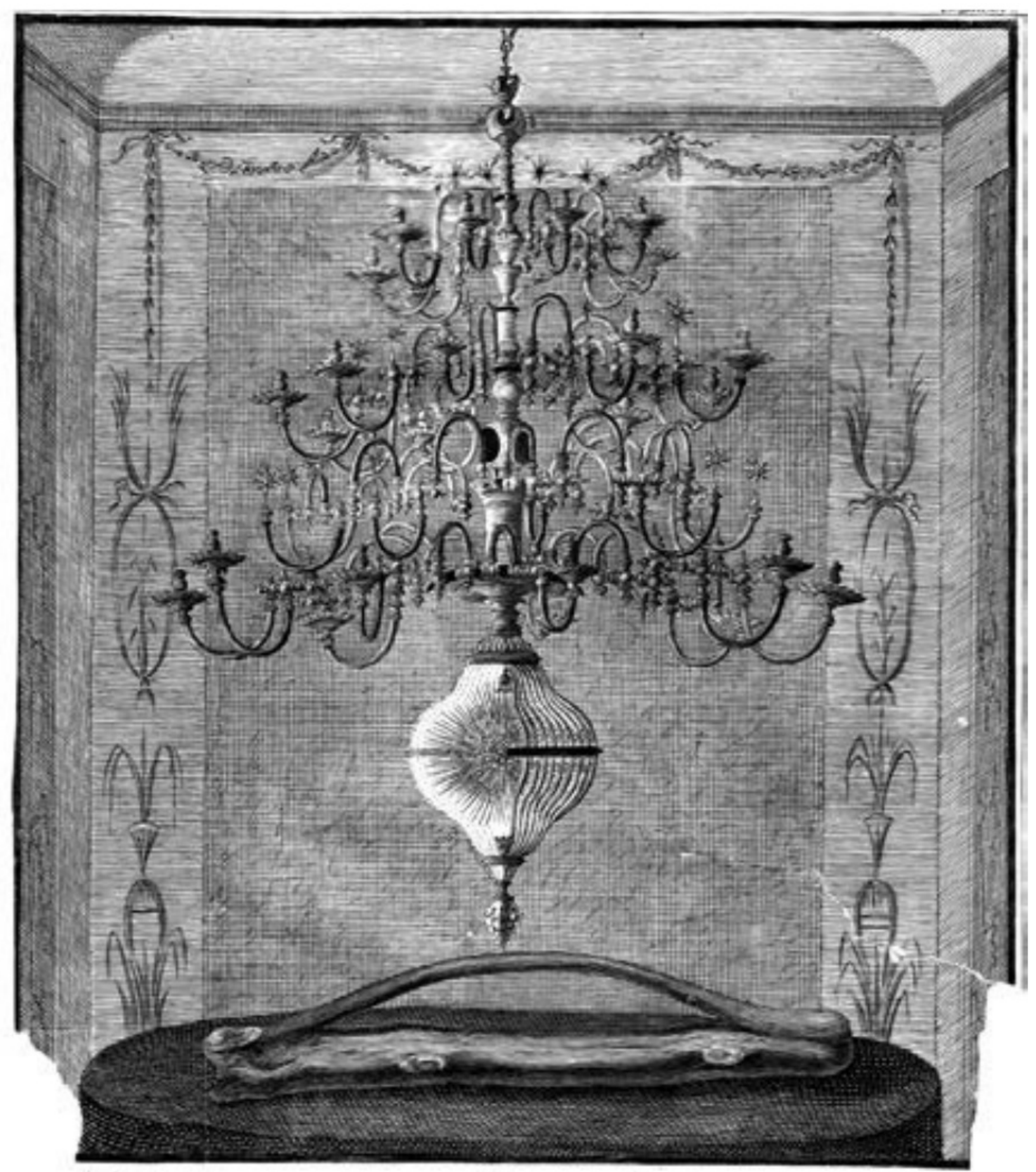
* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1725–1980 гг. Книга третья. – М., Русский раритет, 2010.

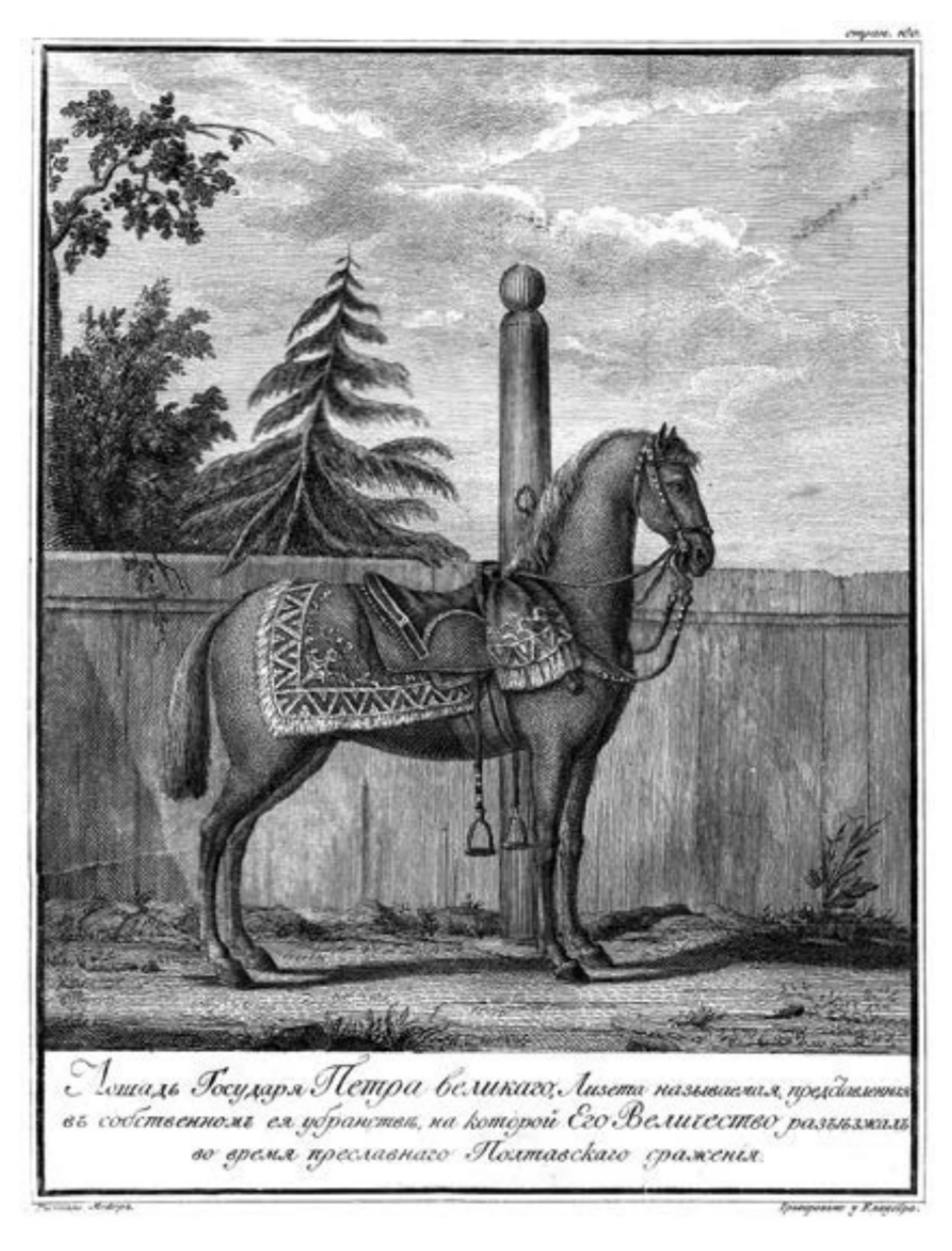
писал стихи, басни, эпиграммы. В 1794 году вышел его сборник «Муза, или Собрание разных забавных сочинений», в 1798 году – книга «Дух Петра Великого», посвящённая российскому императору и его «сопернику» Карлу XII.

В 1793 году Беляев на свои деньги издал книгу в двух частях «Кабинет Петра Великого, или Подробное и обстоятельное описание воскового Его Величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших». В 1800 году он подготовил новую книгу, первая часть которой представляла описание кабинета Петра, а вторая и третья части содержали обзор всех хранившихся в Кунсткамере «произведений природы и искусства».

Наиболее интригующим предстаёт в каталоге, конечно, первый его раздел – «Кабинет Петра Великого». Автор словно ведёт подробную обстоятельную экскурсию, плавно переходя от одного экспоната к другому. В «портретной» комнате речь идёт, главным образом, о «восковой статуе» императора,

выполненной Бартоломео Растрелли. Каждой детали костюма статуи, будь то кафтан, сорочка или подвязки, уделяется пристальное внимание. Попутно рассказывается и о «душевных и телесных свойствах» Петра I, о его стройном величественном стане, крепком сложении тела, гордой походке, ясном и громком голосе, «сановитом» произношении. «Токарная» комната в каталоге не менее занимательна. Здесь представлены не только токарные станки императора и выполненные им изделия из слоновой кости, но и разные причудливые «мемории». Среди них – чучела жеребца персидской породы, на котором государь был во многих сражениях, в том числе «на славной Полтавской брани», собаки Тирана, разносившей иногда петровскую корреспонденцию, собаки Лизетты с собственноручной надписью Петра на ошейнике: «За верность не умираю», зелёного гвинейского попугая, по болтливости своей открывшего однажды придворному

истопнику важную государственную тайну. Помимо животных, в «Токарной» находились чучела человека-великана, ростом в 3 аршина и 3 вершка (2 метра 26 см), и урода Фомы, возвышавшегося от земли на 1 аршин и 12 вершков (1 метр 25 см). «Сказывают, – пишет Беляев, – что Пётр Великий, увидевши сего урода, приказал ему, пока он будет жив, неотлучно находиться при Кунсткамере и оправлять в ней должность истопника; а по смерти его, сделав из кожи его чучелу, поставить её навсегда в Кунсткамеру».

Из текста каталога-путеводителя следует, что перед Беляевым и другими служителями Кунсткамеры вставали проблемы, хорошо знакомые каждому музейному сотруднику. Рассматривая коллекции первого российского музея, его посетители эпохи Просвещения норовили то благоговейно прикоснуться к священной особе государя

и потрогать её одеяние, то присесть на стул, на котором «государь обыкновенно сиживал». В 1798 году вокруг «восковой статуи» Петра I появилась «деревянная преграда» – прообраз современных музейных «верёвочек».

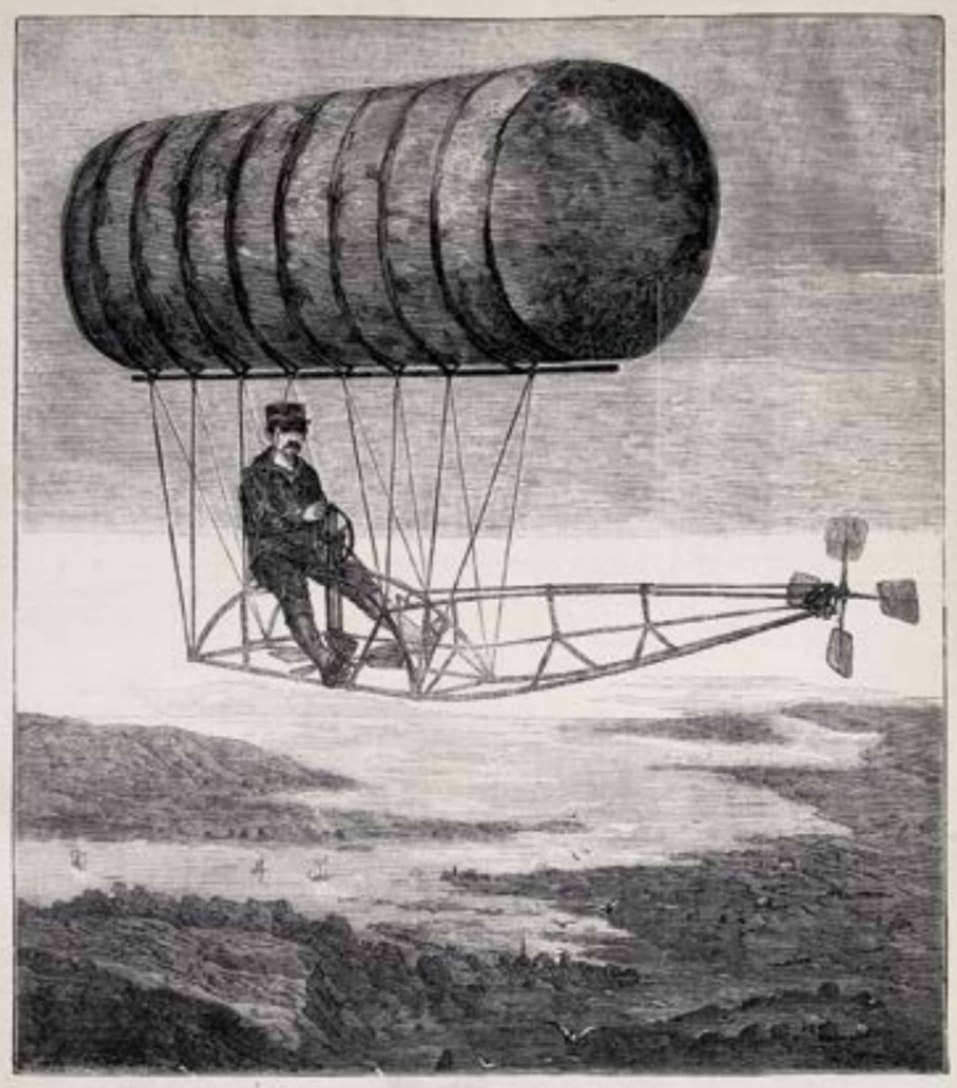
В заключение важно отметить, что представленный в Библиохронике экземпляр «Кабинета Петра Великаго» сохранил все четыре прилагавшиеся к нему иллюстрации, гравированные Игнатием Себастьяном Клаубером (1754–1817) по рисункам Христиана Мейера (1749–1816): «Пётр I. Император и Самодержец Всероссийский, представленный в том самом виде и положении, в каковом он ныне на ходится в кунсткамере Императорской Академии Наук»; «Паникадило, сделанное из слоновой кости собственными руками Государя Императора Петра Великого»; «Любопытный отрубок сосны, которая росла на том самом месте, где ныне стоит Кунсткамера, и кото-

рая подала Петру Великому мысль к собиранию редкостей»; «Лошадь Государя Петра Великого, Лизетта называемая, представленная в собственном её убранстве, на которой его величество разъезжал во время преславного Полтавского сражения»; «Две собаки государя Петра Великого, одна датской породы Тиран называемая, которая была с Государем во многих походах, а другая аглинской породы, Лизетта именуемая, которая Его Величеству подавала челобитную».

Беляев Осип Петрович (ок. 1763–1807)

Кабинет Петра Великого. Издано по высочайшему повелению, Императорской Академии наук унтер-библиотекарем Осипом Беляевым. Отделения 1–3. Санкт-Петербург: Печатано в Императорской Типографии, 1800. Отд.1: Отделение первое, содержащее в себе подробное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий, и всех вообще достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, и ныне в Санктпетербургской Императорской Академии наук Кунсткамере сохраняющихся, с присовокуплением к ним четырех гравированных фигур. [8], 215 с.; 4 л. иллюстрации. Отд.2: Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санктпетербургской Императорской Академии наук сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц и разных любопытных анекдотов. [3], 287 с. Отд.3: Отделение третье, заключающее в себе описание древних и новейших российских и иностранных монет и медалей; разных драгоценнейших золотых и серебряных редкостей; российских и чужестранных минералов; окаменелостей, кораллов, раковин, травников, и наконец разных живописных картин, с присовокуплением многих таблиц. [3], 1–263, 266–278 с. В цельнокожаном переплёте времени издания. По корешку тиснёный орнаментальный рисунок. 25х20 см.

Воздухоплавательная машина профессора Ритчеля.
(Съ фотогр., [illegible], грав. П. [illegible]).

№ 502. X ГОДЪ. ТОМЪ XX. № 8. 12 августа 1878 года.

Всемірная выставка въ Парижѣ въ 1878 году.— Павильонъ Даніи и Греціи.
(Съ наброска нашего корреспондента А. Досса, рис. А. Бауманъ, грав. И. Матюшинъ).

Труды Общества любителей российской словесности (1818)*

Общество любителей российской словесности при Московском университете возникло в 1811 году и просуществовало до 1930 года с перерывом в работе с 1837 по 1858 год. Согласно уставу Общества, оно учреждалось с целью «распространять сведения о правилах и образцах здравой словесности и доставлять публике обработанные сочинения в стихах и в прозе на российском языке, рассмотренные предварительно и прочитанные в Собрании». Место появления Общества объяснялось необходимостью иметь в «древней столице России как в сердце Империи и в хранилище чистоты отечественного языка» «сословие людей, упражняющихся в словесности российской». Устав ограничивал количество действительных членов Общества тридцатью пятью лицами «из особ, живущих в Москве, известных как дарованиями своими, так и трудами по части российской словесности» (впоследствии правила были изменены: количество членов увеличили, а необходимость «московской прописки» отменили). Собирались «любители словесности» ежемесячно. Первое заседание состоялось 6 июня 1811 года. За более чем вековую историю ОЛРС его членами являлись К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, И.И. Лажечников, С.Т. Аксаков, Е.А. Баратынский, А.А. Дельвиг, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, Ф.И. Тютчев, С.М. Соловьёв, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, М.Е Салтыков-Щедрин, В.И. Даль и многие другие. 23 декабря 1829 года, в один день с Ф.В. Булгариным, действительным членом Общества стал А.С. Пушкин.

ТРУДЫ
ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ
при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.
МОСКВА, 1818.
Въ Университетской Типографіи.

Помимо рассмотрения и чтения сочинений, Общество имело право их издавать. Причём устав ОЛРС, утверждённый министром народного просвещения графом А.К. Разумовским, давал новому обществу право печатать свои труды под наблюдением одного из его членов, что было воспринято как позволение бесцензурного книгоиздательства. А потому на третьем заседании, 14 ноября 1811 года, собравшиеся постановили издавать читаемые в Обществе сочинения в стихах и прозе отдельными книжками, по одной через каждые три месяца, под заглавием «Труды Общества любителей российской словесности» и ежегодно печатать по одной книжке «Летописей Общества», содержащей протоколы прошедших заседаний. «Труды» ОЛРС издавались с 1812 по 1820 год, всего их вышло двадцать книг.

4) Въ слѣдствіе протокола приготовительнаго Собранія, 29го Ноября бывшаго, читаны были:
с. Дѣйствительнымъ Членомъ В. Л. Пушкинымъ: *Безвѣріе*, стихи воспитанника Царскосельскаго Лицея Александра Пушкина.

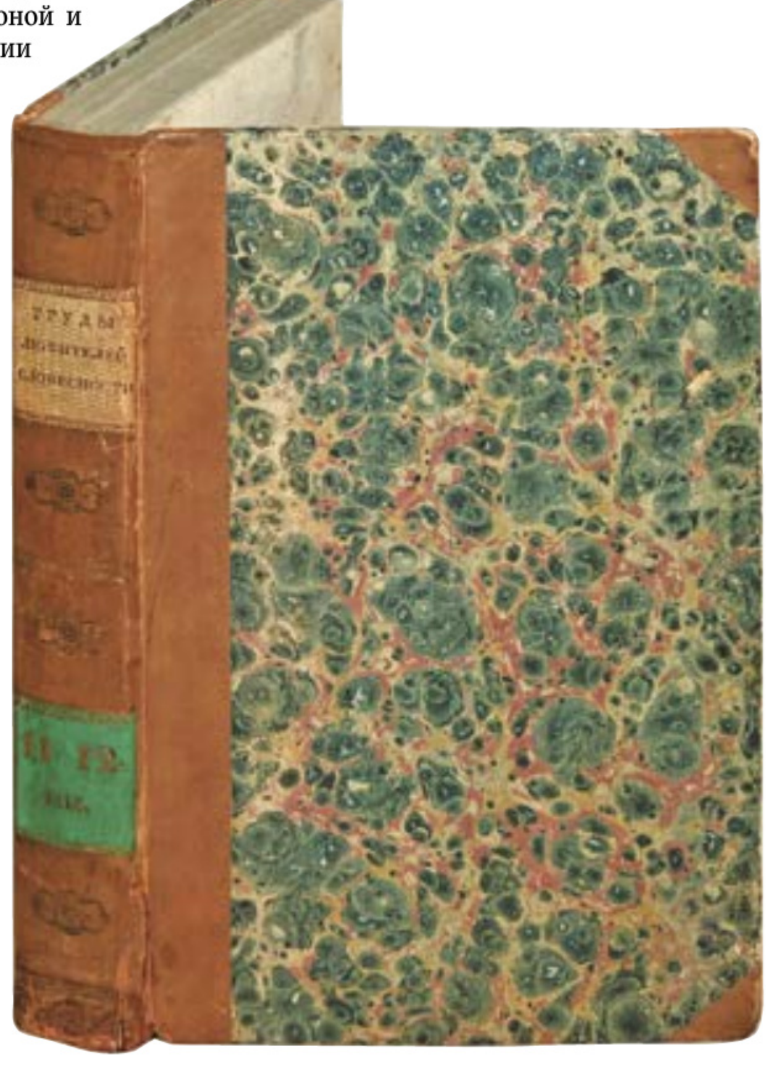
В Библиохронике представлены части одиннадцатая и двенадцатая «Трудов Общества любителей российской словесности». Обе они увидели свет в 1818 году. Уже первая публикация одиннадцатой части –

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1725–1980 гг. Книга третья. – М., Русский раритет, 2010.

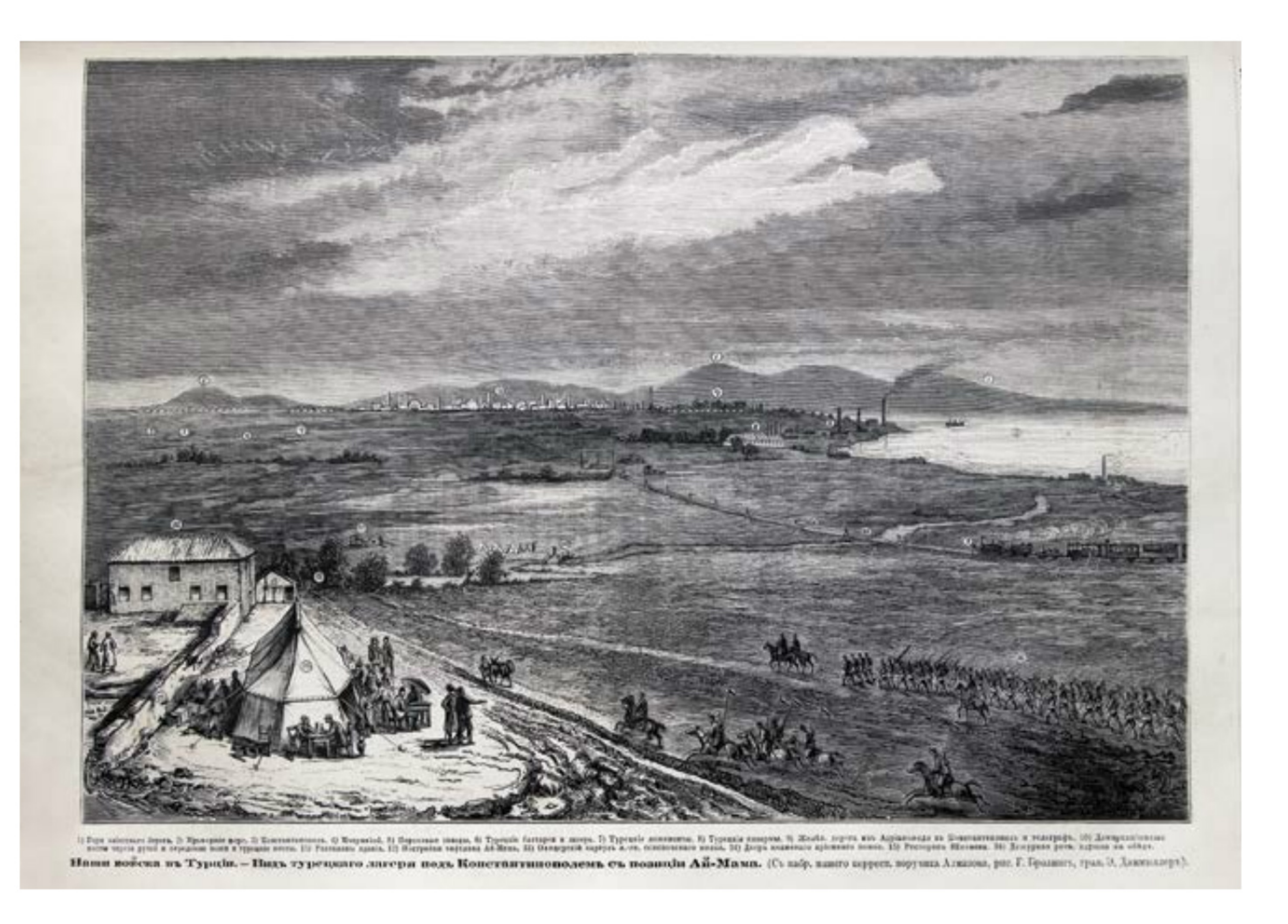
статья К.Ф. Калайдовича «Опыт решения вопроса о том, на каком языке написана “Песнь о полку Игореве”» – свидетельствует, что «ревнителей» русской литературы первой четверти XIX столетия волновали те же проблемы, что и их коллег XXI века: «Вопрос сей вместе с сомнением в достоверности «Игоревой песни» предстал при первом появлении сего творения. Язык, исполненный силы, красоты, почёрпнутые из ужасов природы, по-видимому, несовместимые с полуобразованным веком, к коему оное относили, – всё сие оставляло критиков в недоумении: почитать ли «Песнь Игореву» действительно древним памятником или новейшим подлогом. Неизвестность древнего почерка оной и самый подлинник, вскоре по издании погибший, ещё более умножили сомнение. Осталось единственное средство: обратить тщательное внимание на язык оной, исследовать остатки древней письменности и по сообразности извлечь доказательства». Здесь же – материалы по истории и теории литературы, подготовленные профессорами Московского университета И.И. Давыдовым и А.Ф. Мерзляковым, стихи В.А. Жуковского, Ф.Н. Глинки, В.Л. Пушкина, П.И. Шаликова… И всё же сегодня наше внимание привлекает другое. На странице 34-й части двенадцатой, там, где публиковался отчёт о тридцать первом, «обыкновенном», собрании Общества, имевшем быть «1817 года ноября 30 дня», в разделе четвёртом находим: «Читаны были: …действительным членом В.Л. Пушкиным «Безверие», стихи воспитанника Царскосельского Лицея Александра Пушкина…»

Немного фантазии, и легко себе представить, как низенький, полный, вычурно одетый, благоухающий парижскими духами Василий Львович Пушкин стоит посреди зала и тонким голосом, нараспев, как учил его когда-то знаменитый Тальма, читает собравшимся стихи своего великого племянника:

О вы, которые с язвительным упрёком,
Считая мрачное безбожие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет он права на ваше снисхожденье…

Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Часть одиннадцатая. Москва: В Университетской типографии, 1818. 135, 85 с. **Приплёт: Труды Общества любителей российской словесности** при Императорском Московском университете. Часть двенадцатая. Летописи Общества: Год III. Москва: В Университетской типографии, 1818. 192, [2] с. В одном полукожаном переплёте времени издания. На корешке золототиснёный орнамент. В верхней части корешка ярлык жёлтой кожи с названием: «Труды любителей словесности», в нижней части корешка ярлык зелёной кожи с обозначением частей и года: «11–12. 1818». 20,5x12,5 см. В части одиннадцатой на титульном л. и с. 135, а также на последней с. части двенадцатой штемпель: «Из книг А.В. Кокорева». Редкость, как любое прижизненное упоминание об А.С. Пушкине.

Наши войска въ Турціи. — Видъ турецкаго лагеря подъ Константинополемъ съ позиціи Ай-Мама. (Съ наб. нашего коррес. поручика Алмазова, рис. Г. Бродлингъ, грав. Э. Даммюллеръ).

№ 504. X ГОДЪ. ТОМЪ XX. № 10. 26 августа 1878 года.

Подписная цѣна на 1878 годъ въ Россіи:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . . 13 р.
съ доставкою. . . . . 14 » 50 к.
съ пересылкою въ другіе города . . . . 16 »
Въ Москвѣ (у книгопродавца Ив. Г. Соловьева, А. Ланга, В. Готье и друг.), безъ доставки. . 14 » 60 к.

Журналъ ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ выходитъ еженедѣльно, въ размѣрѣ отъ 16 до 24 стран.

Подписная цѣна на 1878 годъ за границей:

Въ этомъ нумерѣ 20 страницъ.

Отъ Главной конторы редакціи.

Вслѣдствіе заявленій нѣкоторыхъ подписчиковъ, живущихъ на станціяхъ, **не имѣющихъ почтовыхъ учрежденій,** о неполученіи ими нѣкоторыхъ нумеровъ журнала, Главная Контора Редакціи считаетъ нужнымъ довести до ихъ свѣдѣнія, что **отвѣтственности за неисправную доставку журнала въ помянутыя мѣста** она принять на себя **не можетъ,** на томъ основаніи, что Спб. Газетная Экспедиція не имѣетъ возможности наводить справки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ чиновниковъ.

На основаніи вышеизложеннаго, Главная Контора Редакціи проситъ гг. подписчиковъ, во избѣжаніе неисправнаго полученія нумеровъ, указывать ближайшую къ ихъ мѣсту жительства почтовую контору, чрезъ которую и будетъ высылаться имъ журналъ.

Гг. подписчиковъ, живущихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются почтовыя учрежденія, Главная Контора Редакціи проситъ, въ случаѣ **неполученія** ими какого либо нумера «Всемірной Иллюстраціи» (а также въ случаѣ полученія нумеровъ **испачканными, разрѣзанными и изорванными**), **увѣдомлять ее объ этомъ немедленно,** т. е. тотчасъ по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ нумера журнала. При увѣдомленіи слѣдуетъ прилагать удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы о не полученіи какого-либо №.

Кромѣ того, контора проситъ гг. подписчиковъ, **при перемѣнѣ мѣста жительства,** увѣдомлять ее объ этомъ немедленно и **прилагать, при каждой перемѣнѣ адреса, 24 коп.** за напечатаніе новаго адреса. Вмѣстѣ съ новымъ, слѣдуетъ прилагать и старый адресъ.

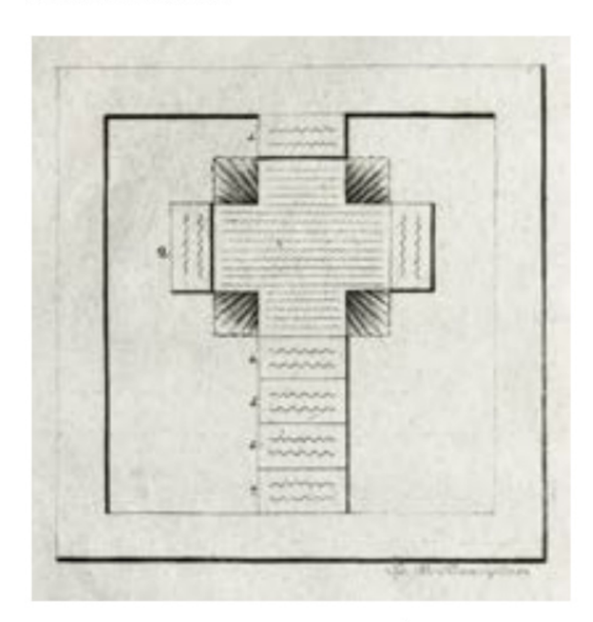
Всемірная выставка въ Парижѣ въ 1878 году. — Аллегорическая фигура Россіи.
(Рис. К. Брожъ, грав. Э. Даммюллеръ).

Павел Соколов.
Историческое описание торжества, происходившаго при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах 1817 года, 12 Октября (1818)

Зимой 1812 года остатки разгромленной французской армии отступали в Европу через Вильну (нынешний Вильнюс). Как пишет Павел Соколов, именно в этом городе император Александр I после изгнания войск Наполеона из пределов России «от лица торжествующей России пред лицом Неба и Земли изрек Обет Всевышнему, в знак благодарности воздвигнуть в Первопрестольном граде Москве храм во имя Христа Спасителя».

Александр I сдержал свое обещание: в 1813 году был издан Манифест и объявлен конкурс на проект Храма Христа Спасителя. Победителем стал молодой художник, академик Александр Лаврентьевич (Карл Магнус) Витберг. Будущий зодчий родился 15 января 1787 г. в семье выходцев из Швеции. В 1802 г. Витберг поступил в академию художеств. Учился блестяще. Но объявленный императором конкурс настолько воодушевил Витберга, что он оставляет занятия живописью и посвящает себя созданию проекта храма-памятника. Именно его работу и одобрит Александр I, хотя конкуренция была очень большая – около 20-ти проектов на конкурс прислали многие видные архитекторы того времени.

А задача перед проектантами ставилась нетривиальная. Недаром Павел Соколов восклицает: «Таков будет Храм Христа Спасителя, который удивит Вселенную своим великолепием».

План Храма Христа Спасителя на фронтисписе

Александр Лаврентьевич Витберг

Удивить Вселенную… В этом порыве как будто сошлись устремления и императора Александра I, и академика Карла Витберга. Оба были не чужды увлечению мистицизмом, оба были масонами. Экслибрис Александра I на экземпляре книги Соколова, представленном в «Библиохронике», недаром содержит известные масонские символы – глаз, вписанный в треугольник, с исходящими в разные стороны лучами.

Витберг проектирует храм Христа Спасителя трехчастным по вертикали. Друг над другом должны были быть расположены:

– подземный храм во имя Рождества Христова, имеющий в плане параллелепипед, напоминающий гроб; этот храм предполагалось соорудить в толще берегового склона Москвы реки, оформив проходы в виде торжественных, обрамленных колоннадами лестниц;

– крестообразный наземный – во имя Преображения Господня;

– круглый верхний – во имя Воскресения Христова.

Место на Воробьевых горах тоже выбрано неслучайно. «Воробьевы горы находятся на полуденной стороне от Кремля, между Калужскою и Смоленскою дорогами, имеют перпендикулярно высоты 32 сажени, – отме-

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОПИСАНІЕ
ТОРЖЕСТВА,
происходившаго при заложеніи
ХРАМА ХРІСТА СПАСИТЕЛЯ
НА ВОРОБЬЕВЫХЪ ГОРАХЪ
при Высочайшемъ Присутствіи
Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Павловича, Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Государя Великаго Князя Николая Павловича и Его Королевскаго Высочества Прусскаго Принца Вильгельма,
1817 года, 12 Октября.

МОСКВА,
въ типографіи Августа Семена.
1818.

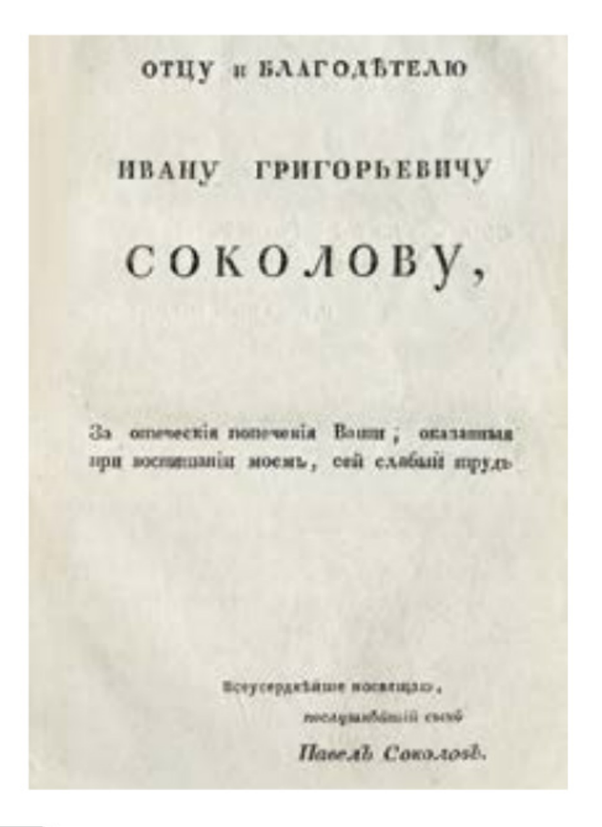
чает Соколов. – Словом сказать, с Воробьевых гор не только вся Москва, но и ея окрестности видны, и горы сии быв в запустении, как бы ожидали великих событий 1812-го года; и там, где прежде царствовала безмолвная тишина, где хоры птиц, испещренные цветами долины и журчащие ручьи служили украшением сих мест, – там увидим памятник великих событий, сооруженный рукою Александра I, – памятник, к которому избавленные чуждые народы придут на поклонение, и скажут в сердце своем: "се место селения Господня, се дом славы Его". Придут и да поклонятся Тебе Боже! рекше: "Велик Бог Россов". Увидят памятник чудес Божиих, излиянных на нас, который возвестит грядущим временам славу России, и да позднейшее потомство не укорит нас в неблагодарности».

Сооружение действительно задумывалось грандиозное. «Чтобы дать хотя малое понятие о сем Храме я сообщаю почтеннейшим читателям для любопытства некоторыя сведения, – пишет Павел Соколов. – Главный размер сего великаго Храма есть следующий: высота всего строения, считая от подошвы горы до Креста, около 110-ти сажень <то есть 235 м; самое высокое на тот момент искусственное сооружение в мире!>, лестница шириною более 50-ти сажень, начинается в 70-ти саженях от предположенной у сего места набережной Москвы реки и продолжается через 5 огромных уступов, которые служат основанием сему зданию…»

Стороны террасы перед нижним храмом должны были украшать две триумфальные колонны высотой по 106 м. Материалом для одной из колонн должны были стать пушки, захваченные у французов на территории России, для другой – за рубежом. Витберг задумывал поместить в нижнем храме списки с именами всех погибших в войне 1812 года. Факт беспрецедентный в русской истории!

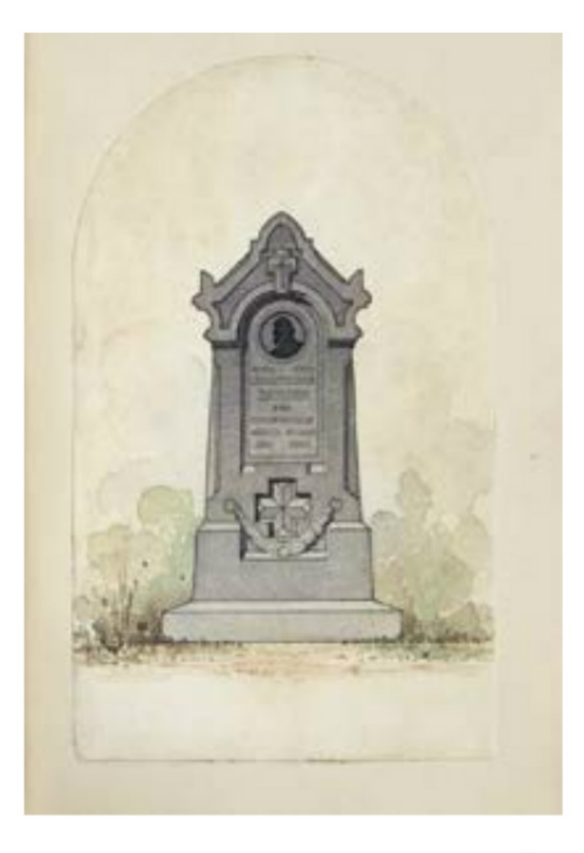
Церемонии закладки этого, по сути, мемориального комплекса и посвящена книжка Павла Соколова. Одна из самых важных и ответственных ролей в этой церемонии отводилась Витбергу. «Г-н Академик Александр Лаврентьевич Витберг, сочинитель плана и фасада сего Храма, поднес Его Императорскому Величеству вызолоченную медную крестообразную доску с следующею надписью:

"В лето 1817-е месяца Октября в 12-й день Повелением Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Императора Александра Павловича <…> заложен сей Храм Господу Нашему Спасителю Иисусу Христу во Славу Пресвятаго Имени и в память неизглаголенных милостей, какие бла-

ОТЦУ и БЛАГОДѢТЕЛЮ
ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ
СОКОЛОВУ,

За отеческія попеченія Ваши, оказанныя при воспитаніи моемъ, сей слабый трудъ

Всеусерднѣйше посвящаю,
послушнѣйшій сынъ
Павелъ Соколовъ.

говолил явить нам, даровав спасение любезному Отечеству НАШЕМУ в 1812-е лето, и прославив в НАС крепкую десницу Свою, сокрушающую брани"».

Эта закладная доска должна была быть замурована в углубление гранитного монолита, приготовленного заранее: «Г. Витбергом поднесены Государю Императору на двух серебряных вызолоченных блюдах на 1-м мраморный камень, серебряный и вызолоченный молоток и лопатка, а на 2-м растворенная известь». Павел Соколов точен до мелочей. Он, например, сообщает даже размеры поднесенных императору блюд: «1-е блюдо было мерою 9-ти вершков, а 2-е с вензловым именем Государя Императора, мерою в 12 вершков». И такая дотошность Соколова объяснима – по-видимому, он черпал многие подробности непосредственно от Витберга. Так, он пишет: «Когда же гранит, в котором положены были сии камни, был покрыт плитою таковаго же гранита, толщиною в 3 вершка, то народ настоятельно требовал открыть оный, чтобы мог видеть заложенные камни, почему Г-н Витберг приказал удовлетворить любопытству народа. На другой день гранит сей был обложен Московским белым камнем. Все сии сведения и прочие получены мною от сего почтенного художника, делающего своим искусством большую честь Отечеству».

Александр I щедро отблагодарил Витберга – «Господин Витберг по заложении Храма в тот же день Государем Императором произведен Всемилостивейше в чин Коллежского Асессора». А немного позже, 24 декабря 1817 года, Карл Магнус Витберг принимает православие. Теперь он – Александр Лаврентьевич Витберг. Его крестным отцом был… император Александр I. Неслучайно, в тексте книги Соколов именует Витберга то Карлом, то Александром.

И тут же Соколов подчеркивает: «План и фасад Храма сочинял Г-н Академик Карл Витберг, коему и производство строения Высочайше поручено». По иронии судьбы, это был одновременно и звездный час академика Витберга, и начало чёрной половины жизни талантливого архитектора.

Понимая, что у него нет ни опыта, ни деловой хватки, необходимых для руководства возведением такого грандиозного сооружения, Витберг пытается отказаться от руководства строительством. Безуспешно. На возведение Храма было отпущено восемь лет. В 1821 году получено разрешение на проведение земляных работ; в 1823 году начинается заготовка камня для строительства. Для этого понадобилось провести работы по соединению верховьев Волги и Москвы-реки (камень добывался в Верейском уезде). Но вывезти большие партии камня так и не удалось: воду в Москве-реке не смогли поднять до нужного уровня. Эта неудача, по подсчетам Витберга, стоила казне 300 тысяч рублей. В 1825 году он едет в Петербург на аудиенцию к Александру I, чтобы рассказать самодержцу о злоупотреблениях, творящихся на стройке. Тот дает указание разобраться, но через два месяца, в декабре, император умирает.

Новый император России, Николай I, приказал приостановить все работы. Создается специальный комитет по расследованию обстоятельств строительства Храма. В результате исследований и сделанных на их основе чертежей плана и разрезов Воробьевых гор, московские специалисты пришли к выводу, который признали все: «Построение великого храма на покатости Воробьевых гор принадлежит к числу невозможностей, как то доказывается произведенными испытаниями грунта; но на вершине оных находится пространная площадка, на которой можно построить огромнейшее здание». Витберга обвиняют в растрате казенных сумм.

Начался длительный и муторный судебный процесс, который длился до 1835 года.

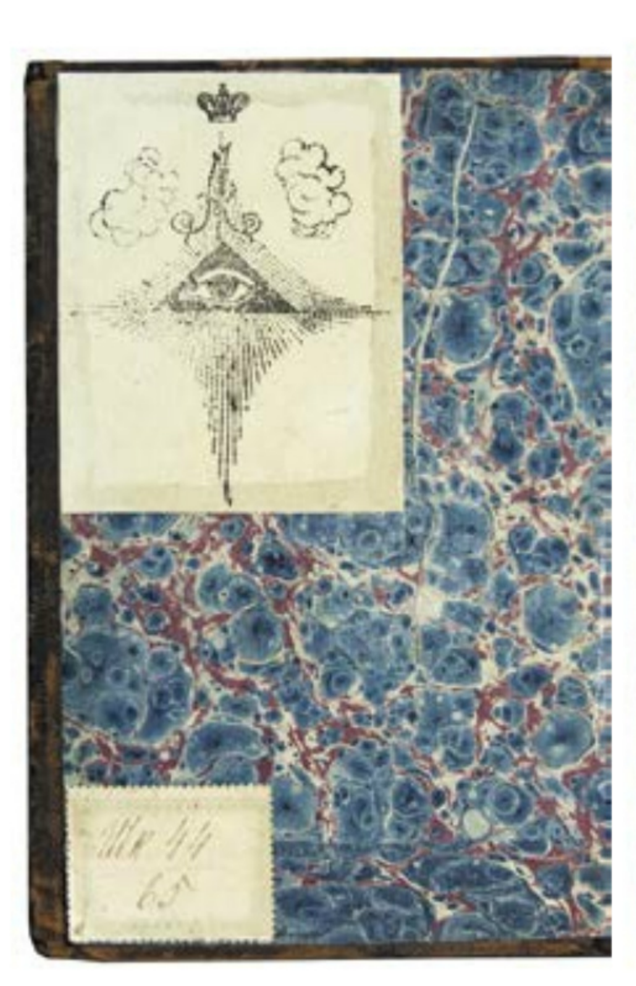
Витберг был признан виновным «в злоупотреблениях и противозаконных действиях в ущерб казне». В покрытие государственного долга все имущество его было реквизировано и продано с торгов. В том же 1835 году Александра Витберга отправляют в ссылку в Вятку с запрещением служить.

Многие современники отстаивали честное имя Витберга. Судя по сохранившимся воспоминаниям и документам, Александр Лаврентьевич был человеком редкой честности. В этом есть какая-то изощренная издевка судьбы: вольный каменщик оказался просто жертвой «строительной мафии», как сказали бы сейчас.

Из ссылки он вернулся в Петербург в 1840-х годах…

А в 1838 году прошла церемония переноса предметов закладки храма Христа Спасителя с Воробьевых гор в Успенский собор Московского Кремля. 10 сентября 1839 года состоялась торжественная закладка храма Христа Спасителя по проекту архитектора Константина Андреевича Тона на месте Алексеевского монастыря. Освящён этот храм был 23 мая 1883 года.

Александр Лаврентьевич Витберг ничего этого уже не увидит. В 1855 году он умер в нищете и безвестности.

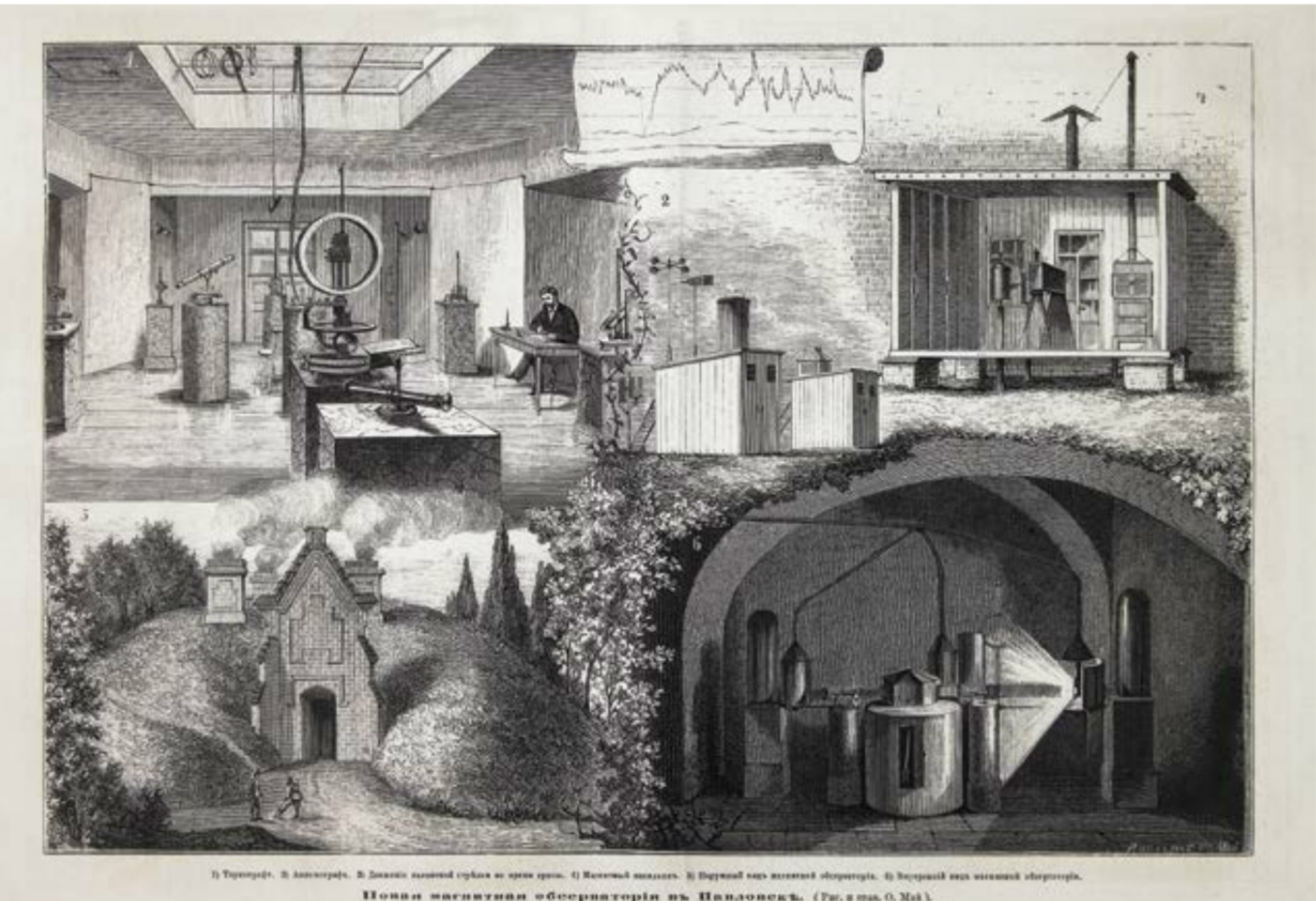

Павел Иванович Соколов.

Историческое описание торжества, происходившаго при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах при Высочайшем Присутствии Его Императорского Величества Государя Императора Александра Павловича, Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны, Государыни Императрицы Марии Федоровны, Государя Великаго Князя Николая Павловича и Его Королевскаго Высочества Прусскаго Принца Вильгельма, 1817 года, Октября 12. / Москва, в типографии Августа Семена, 1818. – 49 с. + 1 л. илл., + 15 л. чистых. Тираж не указан. 18,6 х 11,7 см.

В цельнокожаном переплете эпохи с золотым тиснением по крышкам и корешку. На фронтисписе – план Храма Христа Спасителя. На передней и задней крышках – золотой суперэкслибрис Александра I. Форзацы из бумаги под «булыжник»; тройной красный обрез; синее шелковое ляссе. На форзаце наклеен Ex Libris Александра I и марка библиотеки с указанием места хранения.

1) Термографъ. 2) Анемографъ. 3) Движеніе магнитной стрѣлки во время грозы. 4) Магнитный павильонъ. 5) Наружный видъ магнитной обсерваторіи. 6) Внутренній видъ магнитной обсерваторіи.

Новая магнитная обсерваторія въ Павловскѣ. (Рис. и грав. О. Май).

Англія. — Гибель парохода «Принцесса Алиса» на Темзѣ, близь Вульвича; 22-го августа.
(Съ фотогр. г. Лаптева, грав. П. Дамантовскій).

24 Константин Арсеньев. Начертание статистики Российского государства (1818–1819)*

«Начертание» – первая крупная работа одного из родоначальников российской статистики Константина Ивановича Арсеньева.

Сын сельского священника, Арсеньев, следуя семейной традиции, учился в Костромской духовной семинарии, откуда в числе лучших воспитанников был послан в Санкт-Петербург, в Педагогический институт. Окончив институт с отличием, он остался преподавать там латинский язык и географию. В 1811 году занялся статистикой. Когда началась война с Наполеоном и институт временно переместили в Петрозаводск, молодой учёный составил статистический очерк Олонецкой губернии.

С 1815 года Арсеньев преподавал в Инженерном училище, где на него обратил внимание великий князь Николай Павлович, бывший тогда генерал-губернатором по инженерной части.

В 1818–1819 годах вышли две части «Начертания статистики Российского государства». По ним Арсеньев начал читать курс статистики в Педагогическом институте, преобразованном вскоре в университет. Мысли, которые он высказывал на лекциях, показались слишком либеральными управ-

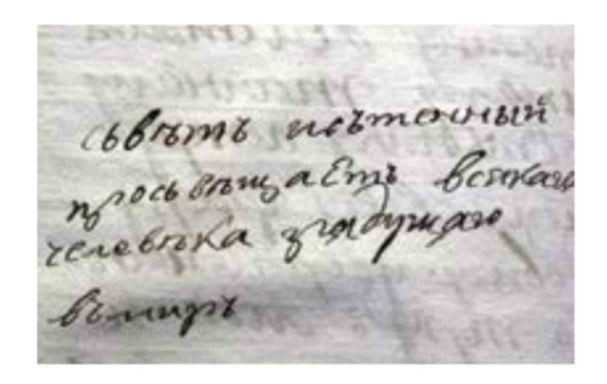

ляющему Петербургским учебным округом Дмитрию Павловичу Руничу. Рунич обвинил Арсеньева в том, что его курс содержит призывы к революции и ниспровержению православной веры, отстранил от преподавания и назначил над ним университетский суд.

Помогло заступничество Николая Павловича, по протекции которого Арсеньев был зачислен профессором истории в Школу гвардейских подпрапорщиков. А будущий император, встретившись с Руничем, не без ехидства благодарил его за то, что в подведомственном великому князю учебном заведении появился столь ценный специалист. Впоследствии Константин Иванович служил редактором в Комиссии составления законов, работал при Сперанском.

Его звёздный час настал в феврале 1828 года, когда Арсеньев получил приглашение стать преподавателем истории и статистики юного наследника престола. Он оставался в этой должности почти десять лет, до конца 1837 года. Сохранилось немало свидетельств тому, что августейший ученик испы-

Его Сиятельству
Господину действит-
ельному тайному
совѣтнику петру
васильевичу графу
зудовичу. усерднопосвя-
щаю труд мой и
прелестное искуство.
отюности доныне
остаюсь вашъ покорн-
ий благосклонный
рабъ иванъ . я .
зѣенковъ

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

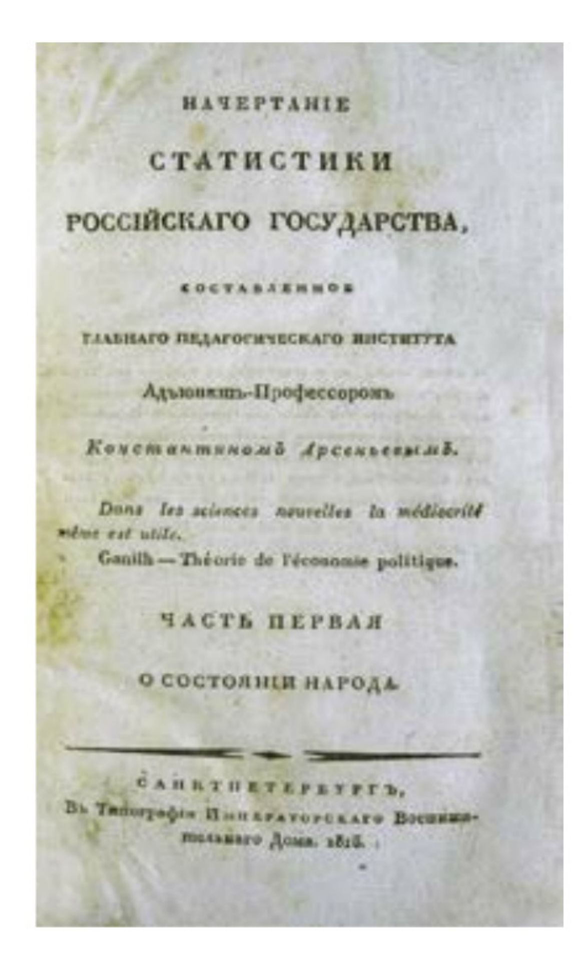
тывал к своему учителю чувство глубокой сердечной привязанности.

Положение при дворе открыло Арсеньеву двери государственных архивов. Пользуясь этим, он издал ряд интереснейших трудов по новой русской истории, географии и статистике.

Арсеньев был одним из основателей Российского географического общества, являлся почётным членом Санкт-Петербургского и Казанского университетов.

Представленный в Хронике экземпляр «Начертания статистики» замечателен тем, что на двух сторонах отдельного листа, вплетённого после титульного, орешковыми чернилами сделана надпись-посвящение переплётчика владельцу книги – случай крайне редкий для изданий первой половины XIX века: «Его Сиятельству Господину Действительному тайному Советнику Петру Васильевичу графу Гудовичу усердно посвящаю труд мой и переплётное искусство. От юности и доныне остаюсь Ваш покорный и благосклоненный раб Иван Я. Греченков». И на обороте тем же почерком: «Свет истинный просвещает всякого человека, грядущего в мир».

К сожалению, сведений о переплётчике обнаружить не удалось. Владелец же книги – граф Пётр Васильевич Гудович (1759–1819), брат известного военачальника, «покорителя горцев», генерал-фельдмаршала И.В. Гудовича. О Петре Васильевиче известно, что он служил в лейб-гвардии Измайловском полку и вышел в отставку в чине бригадира. Затем, уже на гражданской службе, стал действительным статским советником. Последние годы жил помещиком в селе Жуковка Мглинского уезда Черниговской губернии. Умер бездетным.

НАЧЕРТАНІЕ

СТАТИСТИКИ

РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

СОСТАВЛЕННОЕ

ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

Адъюнктъ-Профессоромъ

Константиномъ Арсеньевымъ.

Dans les sciences nouvelles la médiocrité même est utile.

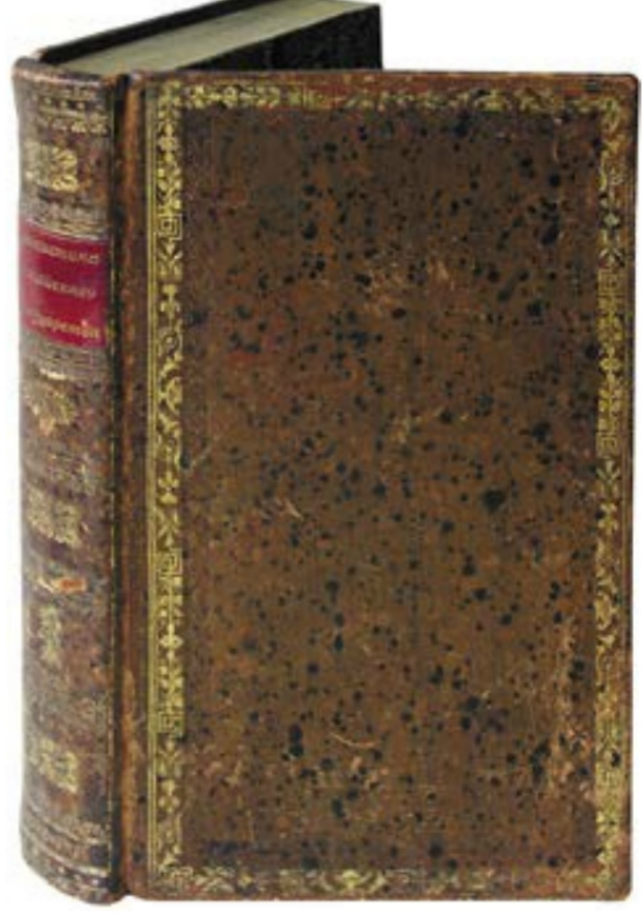
Ganilh — Théorie de l'économie politique.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О СОСТОЯНІИ НАРОДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома. 1818.

Арсеньев Константин Иванович (1789–1865)

Начертание статистики Российского государства, составленное Главного педагогического института Адъюнкт-Профессором Константином Арсеньевым. [В 2-х частях.] Санкт-Петербург, в типографии Императорского Воспитательного Дома, 1818–1819. Ч. 1. 1818. О состоянии народа. [6] с.,1 л. с автографом переплетчика, XXIV, 245, [5] с. Ч. 2. 1819. О состоянии правительства. [2], 286, [2] с. В одном цельнокожаном переплёте первой трети XIX века, с золототиснёными орнаментами на крышках и корешке, с золототиснёным заглавием на корешке. Тройной золотой обрез. 20,6х12,5 см. На отдельном л., вплетённом перед титулом первой части, выполненное орешковыми чернилами посвящение переплётчика Ивана Греченкова графу Петру Васильевичу Гудовичу (1759–1819).

Всемірная выставка въ Парижѣ въ 1878 году. — Общій видъ 2-го отдѣленія русскаго отдѣла.
(Съ наброска нашего корреспондента А. Доссо, рис. Г. Бролингъ, грав. К. Крыжановскій).

№ 510. X ГОДЪ. ТОМЪ XX. № 16. 7 октября 1878 года.

Подписная цѣна на 1878 годъ въ Россіи:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . . 13 р.
съ доставкою . . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкою во другіе города . . . . 16 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавца Ив. Г. Соловьева, ...), безъ доставки . . 14 р. 50 к.

Журналъ ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ выходитъ еженедѣльно, въ размѣрѣ отъ 16 до 24 стран.

Подписная цѣна на 1878 годъ за границею: . . . 17 р. . . . 20 р.

Всемірная выставка въ Парижѣ въ 1878 году. — Павильоны Аннама, Персіи, Туниса и Марокко.

Павел Свиньин. Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобретения (1819)

«Жизнь и кончина Ивана Петровича Кулибина служат приятнейшим убеждением, что у нас в России не одно богатство и знатность возвышаются, торжествуют, но что гражданин с дарованиями – в бороде и без чинов, может быть полезен отечеству, почтен от Монархов, уважен и любим от соотчичей, счастлив и боготворим в своем семействе!» – с этого пафосного заявления начинается жизнеописание «русского Архимеда».

В России «Кулибин» – имя нарицательное. Когда хотят кого-то похвалить за изобретательность, живость ума, говорят: «Ну, ты – Кулибин!» Часто произносят это с легкой иронией. И мало, кто подозревает, что «раскрутил» имя этого убежденного бородатого старообрядца, можно сказать – открыл для истории, именно Павел Петрович Свиньин (1787–1839), писатель, историк, географ, зять А.А. Майкова и тесть А.Ф. Писемского.

Страстный собиратель русских древностей, в 1818–1830 гг. Павел Свиньин издает журнал «Отечественные записки» (в 1818–1819 гг. – сборник). Именно в 1818 г., в первой же книге этого сборника, напечатана статья Свиньина «Жизнь механика Кулибина и его изобретения». Год спустя этот очерк был выпущен отдельным изданием под слегка измененным названием: «Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобретения» – первая книжная биография Ивана Петровича Кулибина (1735–1818).

Если про кого-то и можно сказать – «человек, сделавший себя сам», так это про Кулибина. Причем чуть ли не буквально «сделавший».

В 1769 году по велению Екатерины II Кулибин был причислен «к Академии Наук Механиком с жалованием 300 рублей в год». Мало того, Кулибину было поручено управление Академической мастерской. Так отблагодарила императрица механика-«художника» за преподнесенные ей мастером часы в виде яйца. Этот хронометр Кулибин пять лет собирал в Нижнем Новгороде. А встречу нижегородского умельца с Екатериной II устроил граф Владимир Григорьевич Орлов. Про эти часы Свиньин пишет, не скрывая восхищения: «…в исходе каждого часа отворялися в средине оных двери и представлялся великолепный чертог, в котором поставлен гроб Господен с дверью, заваленною тяжелым камнем. По сторонам гроба стояли с копиями два стража. Через полминуты являлся в чертогах Ангел, камень от

ЖИЗНЬ

РУСКАГО МЕХАНИКА

КУЛИБИНА

И

ЕГО ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Сочиненіе Павла Свиньина.

Продается въ книжныхъ лавкахъ братьевъ Слениныхъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1819.

дверей отваливался, двери разрушались, стражи падали ниц и через полминуты приближались к Ангелу две жены мироносицы, а между тем в часах слышалась гармония известного напева: “Христос воскресе из мертвых”…»

Историк искусства Владимир Васильевич Стасов так определял творческий метод Павла Свиньина – «беспокойно преувеличенный патриотизм». Пожалуй, это соответствовало действительности. Вот, например, как Свиньин описывает момент зарождения у Кулибина идеи одного из самых известных его изобретений – проекта постоянного деревянного моста через Неву.

«Имея единственным предметом быть полезным отечеству и видя неудобства, каковыя претерпевают Петербургские жители каждую весну и осень от прекращения сообщений между городом и Васильевскою частию во время вскрытия и замерзания Невы, Кулибин долго думал о изобретении постоянного моста через широкую и быструю реку сию, и прочтя в №36 газеты 1772 года, что Английская Академия назначила выдать знатное награждение тому, кто представит лучшую модель такому мосту, который бы состоял из одной дуги или свода

без свай, и утвержден был концами своими только на берегах реки, он почувствовал себя озаренным как бы некоторою лучезарною идеею, и тщательно занялся ея обрабатыванием».

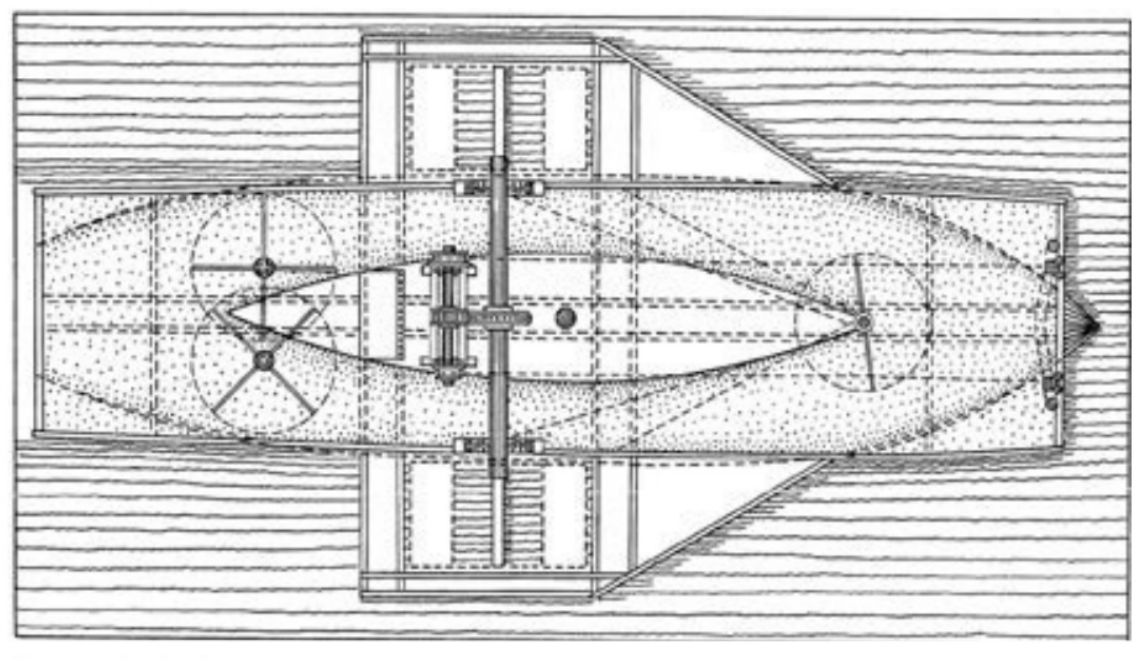
Конструкция моста состояла из 12 тысяч деревянных брусков разного размера, скрепленных 50 тысячами винтов и скоб. Каждая часть моста могла выниматься по отдельности «для починки или перемены, не разстроивая всей связи онаго». Длина пролета – 140 сажень (около 300 м); мост мог бы выдержать более 50 000 пудов (820 тонн).

На «пособие» в 1000 рублей, выделенное императрицей под этот проект, Кулибин строит модель моста в масштабе 1:10. Через князя Потемкина добивается академической экспертизы своей модели. Получает отзыв самого Леонарда Эйлера – «учителя математиков второй половины XVIII века»! «Славный Математик Эйлер, – пишет Свиньин, – поверил представленное Кулибиным трудное исчисление и, найдя его совершенно правильным, с примечаниями чрезвычайно лестными для неученаго Математика, напечатал оное в Комментариях Академии Наук».

Испытания модели состоялись 27 декабря (по ст. стилю) 1776 года. На них присутствовали академики: Леонард Эйлер (отец), Иоганн Альбрехт Эйлер (сын), Семен Котельников, Степан Румовский, В.Л. Крафт, А.И. Лексель. Испытание было настолько успешным, – модель моста выдержала многократно бóльшую нагрузку, которая изна-

Чертеж водоходной машины

Деревяные часы

чально предполагалась, – что один из присутствующих академиков пошутил: «Эдак скоро Кулибин сделает нам лестницу на небо».

Увы, не то что лестницу на небо, но хотя бы мост через Неву Кулибину так и не дадут построить. Последнее Свиньин объясняет тем, что «Екатерина не хотела иметь чрез Неву неподвижного моста по политическим обстоятельствам со стороны шведов, коих границы до последняго мира были слишком близки к Петербургу». (Кстати, стоимость строительства оценивалась в полмиллиона рублей, «сумма важная по тогдашнему времени».) А саму изумившую академиков модель моста перевезли в сад Таврического дворца. «Перевоз ея без разборки, по тяжести, а более по нежности частей свода, представил великолепное зрелище для Петербургских жителей, и вместе может быть причислен к числу новых изобретений Кулибина», – пишет Свиньин.

Вообще, все более или менее масштабные «механизмусы» и проекты «неученаго Математика» не были реализованы. А всякая «мелочовка» – часы, музыкальные шкатулки, фейерверки – шли нарасхват. Советский историк науки В.Л. Гофман приводит такой эпизод из петербургской жизни Кулибина. Фаворит Екатерины II Потемкин однажды «пошутил», обращаясь к Кулибину с предложением сделать ноги, да заодно и голову, для офицера, который «имел счастье» на войне во славу императрицы лишиться ног.

11 февраля 1779 года Кулибин демонстрирует Екатерине II удивительный фонарь: «Галерея в 50 сажень была освещена таковым фонарем посредством одной только свечки». Все дело – в оригинальной системе зеркал, разработанной Кулибиным. К нему выстроится очередь с заказами на такую систему освещения. «Игрушка» была не дешевой по тем временам: от 60 до 150 рублей. Может быть, поэтому про нее вскоре забудут… на сорок лет. Потом «секрет» оптического телеграфа купят во Франции за 120 тысяч рублей.

После 30 лет работы в мастерских Академии наук Кулибин возвратится в Нижний Новгород. Со всей присущей ему страстью он занимается созданием водоходной машины с деревянными колесами, способной идти против течения за счет самого течения: колеса наматывали на ось канат с якорем, завезённым перед тем на лодке вверх по реке. В 1806 году Кулибин демонстрирует Нижегородскому губернатору, почетным дворянам города и богатейшему купечеству свою водоходную машину в действии. Представляет Кулибин и свои прикидки экономической выгоды от его изобретения: «…казна перевозкою одной соли на сих судах может выиграть на Волге в лето более миллиона рублей». Все в восторге!

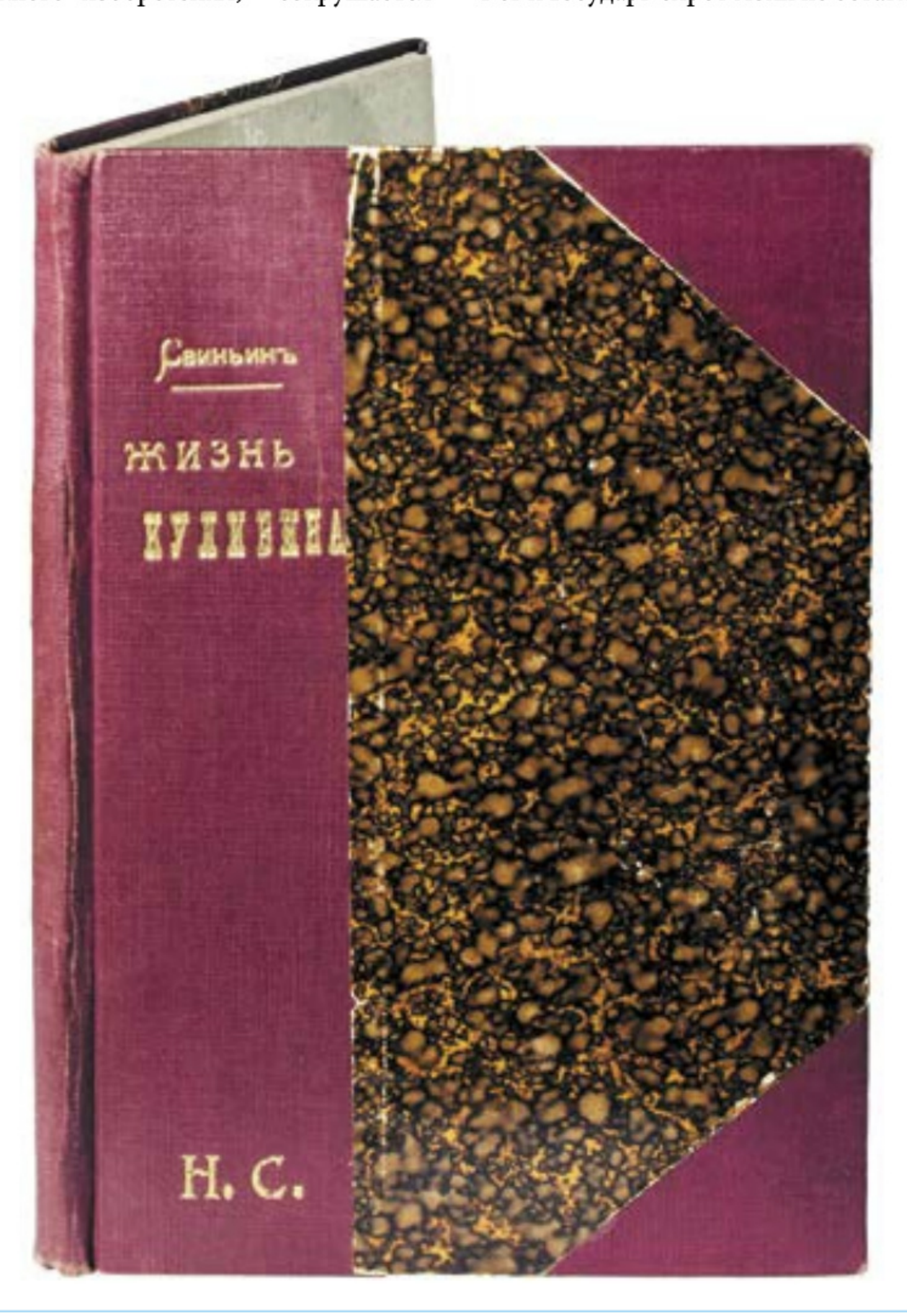
«После сего, – пишет Свиньин, – Кулибину заплачены были употребленные им на сооружение машины шесть тысяч рублей с копейками, а судно отдано в сохранение городской Ратуши, которая впоследствии продала его с аукциона – на дрова».

А тут еще судьба приготовила изобретателю испытания житейского плана. Во время пожара сгорает его дом в Нижнем Новгороде. Все большое семейство – Кулибин в третий раз «сочетался… брачными узами в Нижнем Новгороде, быв около семидесяти лет»; от этого брака у него было трое дочерей, а всего он был отцом двенадцати детей, – мыкается по чужим углам. Петр Свиньин, со своими привычными превосходными суффиксами, восклицал: «Стыдно было Русскому видеть родных одного из почтеннейших и полезнейших сограждан в такой крайности, когда иностранные танцоры, комедианты, модные торговки, портные, не говоря уже об артистах, живут в его отечестве не только в изобилии, но и в пышности!»

С легкой руки Свиньина во всех многочисленных последующих биографиях Ивана Петровича Кулибина непременно будет приводиться сочная фактура. Например, слова Александра Суворова, обращенные к русскому механику: «Помилуй Бог, много ума! Он нам изобретет ковер-самолет!» Самолет не самолет, а вот над проектом вечного двигателя Кулибин втайне раздумывал более 35 лет. «Жаль, что не удалось ему кончить сего важного изобретения, – сокрушается Свиньин. – Замечательно, что в 1816 году удача некотораго опыта так польстила его, что в последния минуты жизни своей он единственно обращал все внимание свое на предмет сей и надеялся успеть еще подарить оным отечество свое, страстно им любимое».

В 1818 году, 30 июня, Кулибин призвал к себе жену и детей, успел благословить их и скончался. Последними его словами были – «Бог и Государь сирот моих не оставят».

Павел Петрович Свиньин (1787–1839)

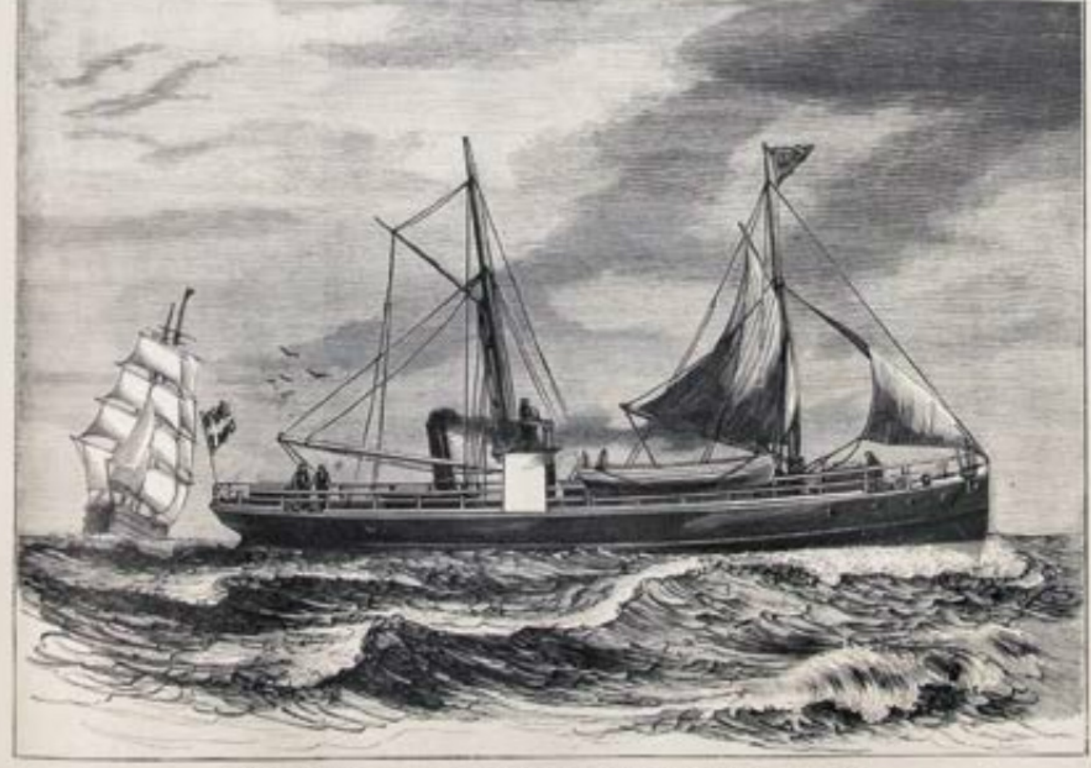
Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобретения / Сочинение Павла Свиньина. Санктпетербург, в Типографии Н. Греча. 1819. – 72 с., 21,3 х 12,6 см. Тираж не указан. Составной коленкоровый переплет конца XIX в. На верхней крышке – тиснение золотой краской: «Свиньин Жизнь Кулибина» и суперэкслибрис – «Н.С.». На форзаце наклеен экслибрис: «Библіотека Н.К. Синягина. №5489».

но мыса Челюскина, до устья рѣки Лены и тамъ, отдѣлившись отъ экспедиціи Норденскіольда, пойдетъ вверхъ по Ленѣ, до города Якутска, гдѣ, вѣроятно, и останется. Парусное судно «Экспрессъ», въ 396 регистровыхъ и около 500 грузовыхъ тоннъ, везетъ для Сибири грузъ разныхъ товаровъ изъ Лондона, а также нѣкоторое количество каменнаго угля, для снабженія имъ пароходовъ экспедиціи въ устьѣ Енисея. Главное назначеніе этого судна—привезти въ Европу значительную партію пшеницы и нѣкоторое количество сала, заготовленнаго недалеко отъ устья Енисея, въ Гольчихѣ. Пароходъ «Фразеръ», подъ командою капитана Нильсона, ходившаго благополучно въ Енисей въ прошломъ году, построенъ также на мотальскомъ заводѣ и беретъ около 200 тоннъ груза. «Фразеръ» долженъ сопутствовать судну «Экспрессъ», оказать ему помощь буксиромъ въ Карскомъ морѣ и въ устьѣ Енисея, въ случаѣ штилей, весьма частыхъ въ этихъ краяхъ, или въ случаѣ препятствій отъ наноснаго льда. По составленному предположенію, всѣ четыре судна должны сойтись въ устьѣ Енисея, и послѣ этого «Вега» и «Лена» будутъ продолжать свой путь къ сѣверу и востоку, а «Экспрессъ» и «Фразеръ» съ грузомъ вернутся въ Европу.

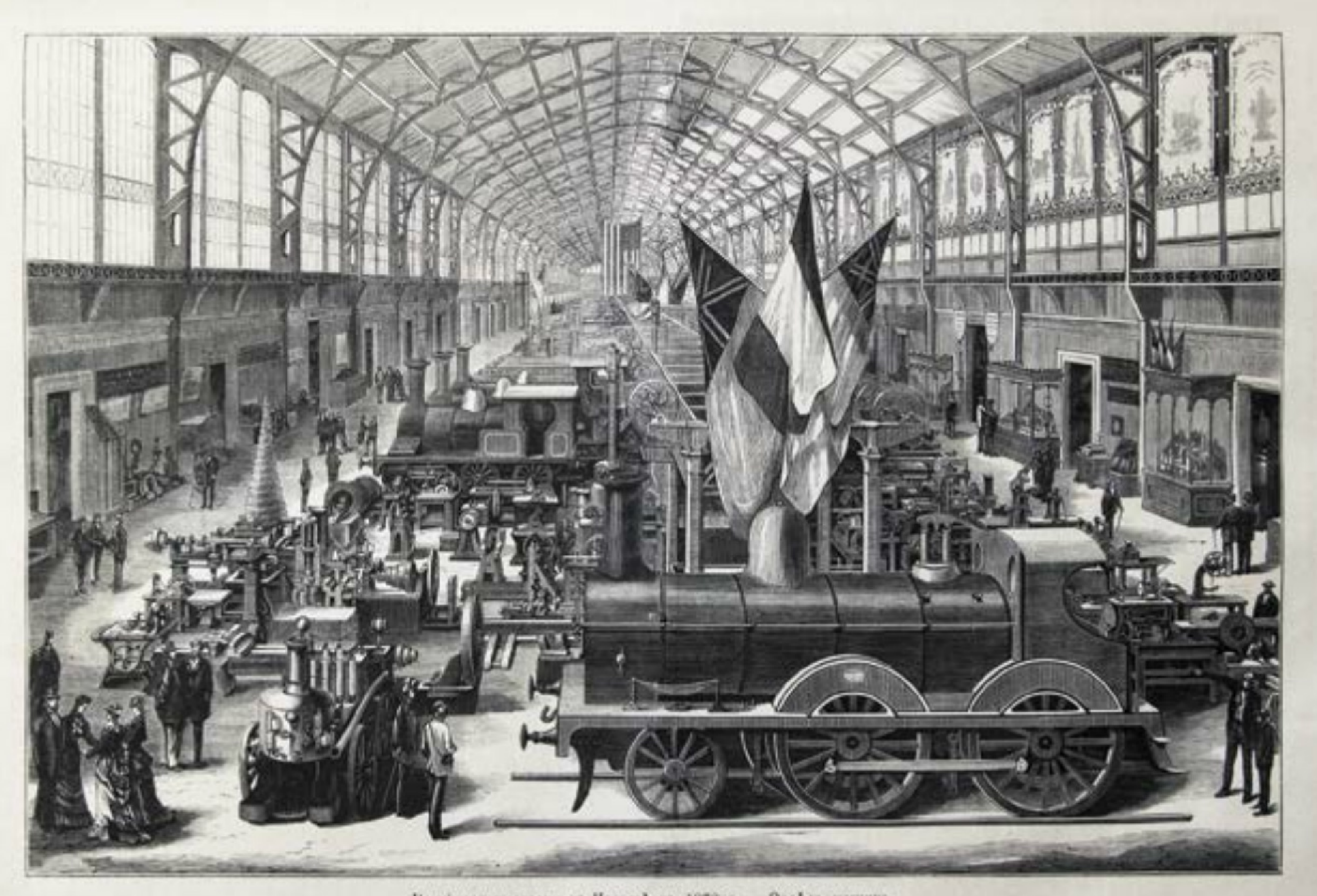
«Вега» и «Лена» должны взять курсъ вдоль сѣверо-западнаго берега Таймырскаго полуострова, къ мысу Челюскину. Здѣсь профессоръ Норденскіольдъ предполагаетъ существованіе открытаго моря, на томъ основаніи, что рѣки Обь и Енисей вливаютъ въ Ледовитый океанъ огромную массу теплой воды, и это водное теченіе должно, по мнѣнію Норденскіольда, вслѣдствіе вліянія вращенія земли, отклонять около мыса Челюскина пѣтлю въ восточномъ направленіи, образуя, такимъ образомъ, море, открытое отъ льдовъ. Предположеніе Норденскіольда подкрѣпляется также экспедиціею Прончищева, достигшаго, на плохомъ судкѣ, 1-го сентября 1736 года, 77°29' сѣверной широты, то есть ближайшихъ окрестностей мыса Челюскина. Экспедиція должна сдѣлать нѣсколько галсовъ къ сѣверу, для изслѣдованія, нѣтъ-ли земли между сѣверною частью Новой Земли и сѣверною Сибирью. Отъ мыса Челюскина Норденскіольдъ предполагаетъ пройти далѣе, къ востоку, къ Берингову проливу, и изслѣдовать, нѣтъ-ли земель между ма-

Купецъ **А. М. Сибиряковъ**, покровитель полярной экспедиціи Норденскіольда.
(Грав. Б. Брауне).

Пароходъ **„Лена"**, одно изъ судовъ полярной экспедиціи профессора Норденскіольда.
(Грав. А. Даугель).

Всемірная выставка въ Парижѣ въ 1878 г. — Отдѣлъ машинъ.
(Грав. Э. Даммюллеръ).

Николай Лобачевский. Воображаемая геометрия (1835) Применение воображаемой геометрии (1836)*

В 1835–1836 годах Николай Иванович Лобачевский опубликовал в «Учёных записках Императорского Казанского университета» свою «Воображаемую геометрию».

Формально это не было первой публикацией гениальных идей Лобачевского, изложенных им ещё в труде 1826 года «О началах геометрии», опубликованного в 1829–1830 годах, когда он стал ректором Казанского университета.

Однако, будучи выдающимся учёным, он хорошо понимал, что его мысли не сразу и не вполне станут доступными даже специалистам-профессионалам, не говоря о тех, кто смог бы найти этим мыслям практическое применение.

Свою «новую геометрию» Лобачевский назвал «воображаемой» на том основании, что она «если и не существует в природе, по крайней мере должна быть признана в аналитике».

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1836.

I. НАУКИ.

1. Примѣненіе Воображаемой Геометріи къ нѣкоторымъ интеграламъ.

(Н. Лобачевскаго.)

Хотя въ Аналитикѣ всегда можемъ довольствоваться способомъ, ей исключительно свойственнымъ; однакожъ надобно въ томъ признаться, что многое до сихъ поръ оставалось бы для насъ еще неизвѣстнымъ, если бы не пользовались тѣмъ пособіемъ, которое само собой является въ примѣненіи взаимномъ различныхъ отраслей математики. Если числа достаточно выражаютъ намъ всѣ величины, если въ уравненіяхъ уже заключается всякая зависимость ихъ между собою, то выводы поодиначкѣ съ искуственностію часто весь-

1*

К 1835 году математик-революционер пришёл к выводу, что требуется «разъяснительная» публикация, на конкретных примерах раскрывающая суть новой теории. В предисловии к расширенной редакции своего труда он писал: «Воображаемая геометрия как новая отрасль математических наук объята была во всей обширности, чтоб не оставить более сомнений в справедливых достаточных её началах. Между тем, в тесных пределах повременного сочинения, не мог изложить я моего предмета со всей подробностью. Много предложений, помещённых без доказательства, одни выводы из продолжительных и довольно запутанных вычислений заставляют меня подозревать, что моё сочинение, казавшись с первого взгляда тёмным, предупреждало охоту заняться им с некоторым вниманием и даже могло подать повод усумниться в строгости моего суждения и в верности выведенных заключений. В №41 журнала «Сын Отечества» за 1834 год, т.е. пять лет спустя после первой публикации «О началах геометрии», появилась «оскорбительная» критика в адрес автора «Начал». Эта причина побудила меня искать другого способа увериться самому в истине мной доказанного и потому осмелиться ещё раз представить мои исследования на суд учёных».

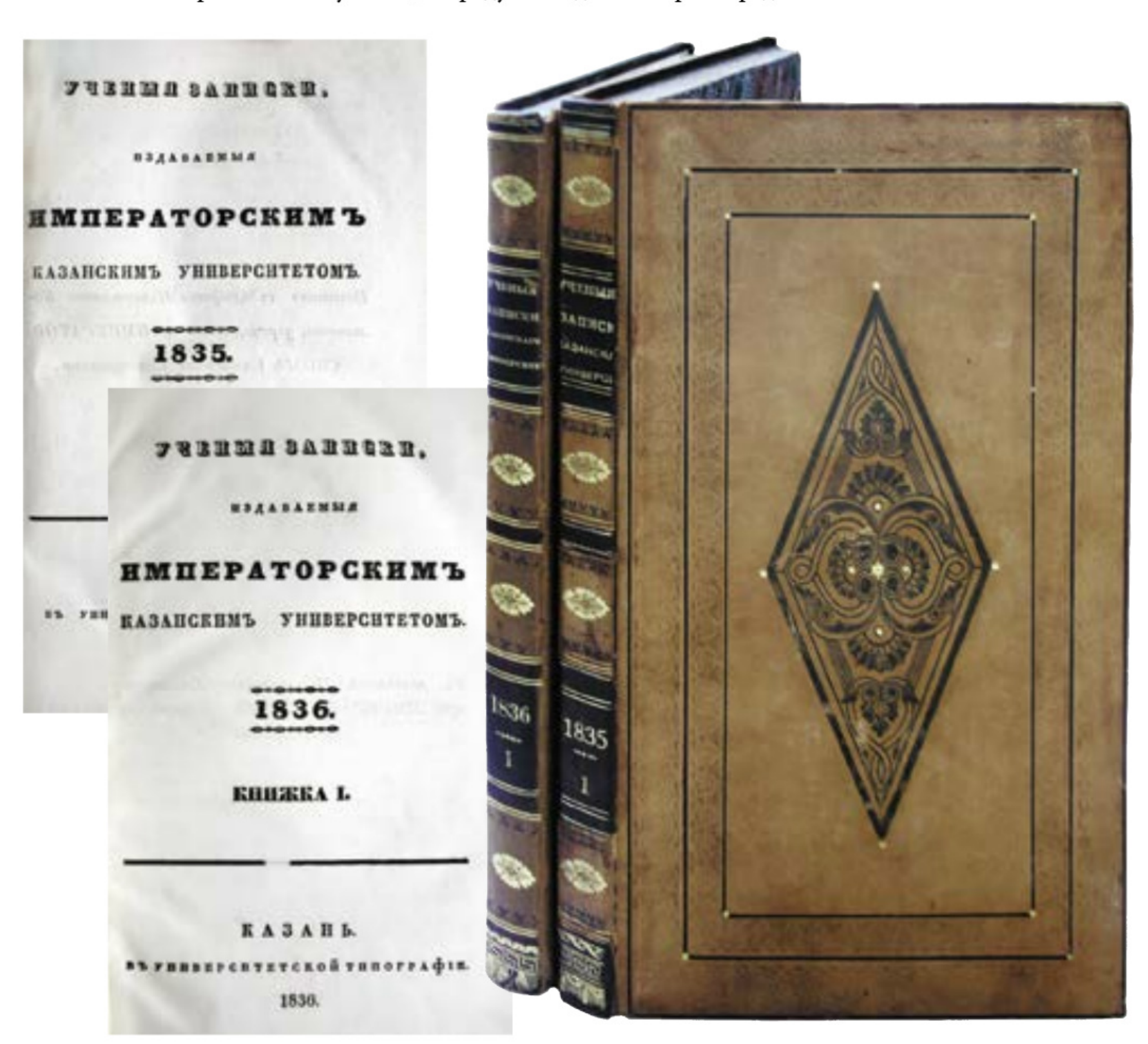
Учитывая объём данного издания (250 страниц вместо прежних 135-ти), включив-

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

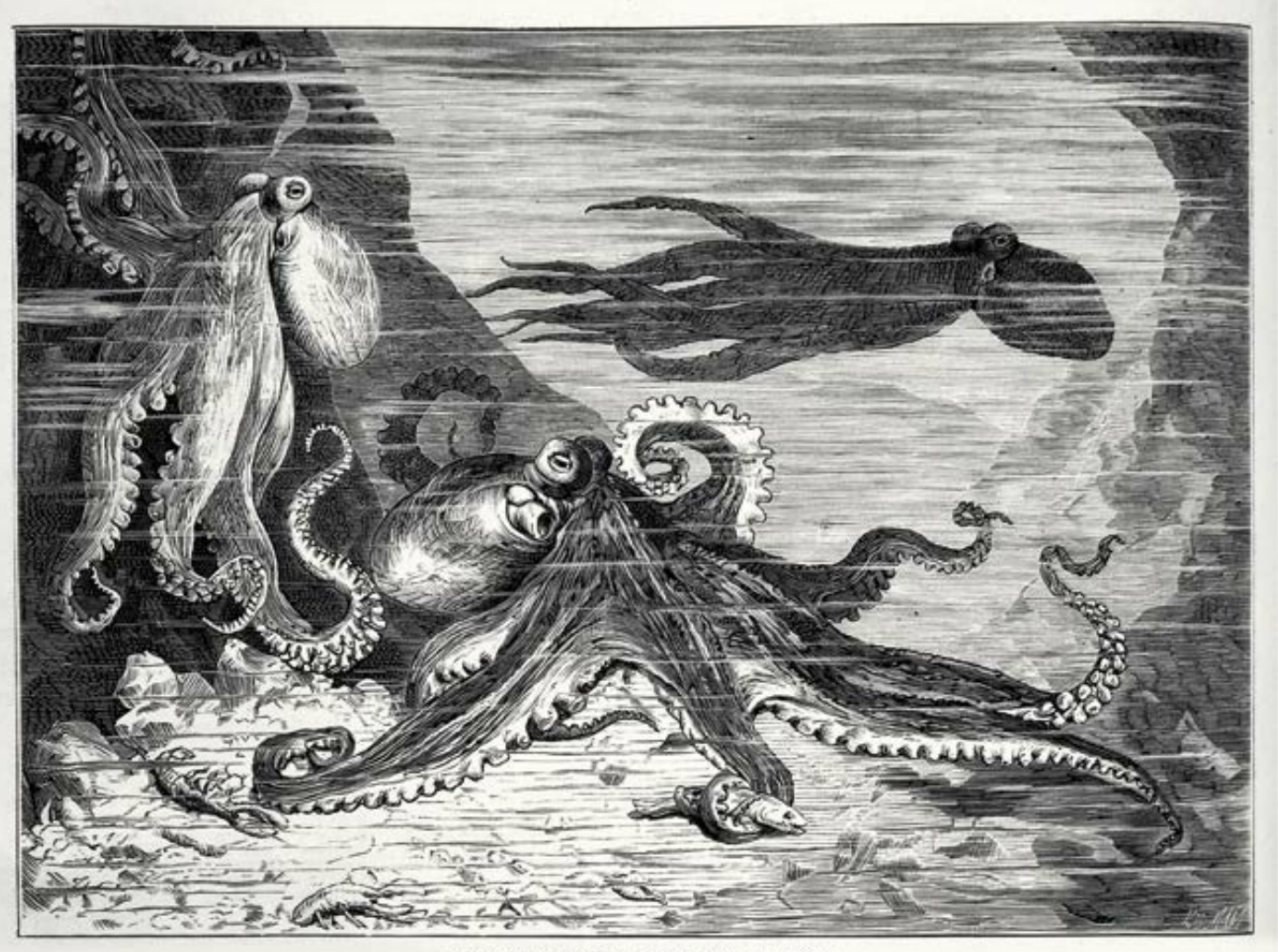
шего главы о возможном применении научного открытия, можно с уверенностью утверждать, что перед нами первая полная публикация неевклидовой геометрии, получившей название «геометрия Лобачевского».

Имя Лобачевского, совершившего настоящий переворот в математической науке и оставшегося, несмотря на «разъяснения», не понятым современниками, прочно вошло в список российских учёных, наряду с Д.И. Менделеевым и И.П. Павловым, определивших направление развития современной цивилизации.

Ценность публикации подтверждается великолепным оформлением представленного в Хронике экземпляра «Учёных записок»: они взяты в цельнокожаные, практически идентичные переплёты, выполненные на уровне работ Хитрова и Петерсона – выдающихся российских переплётных дел мастеров середины XIX века.

Учёные записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1835. Книжка I. Казань, в Университетской типографии, 1835. 208 с., 2 л. раскладных таблиц. На с. 3–89 статья Н.И. Лобачевского «Воображаемая геометрия».
Учёные записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1836. Книжка I. Казань, в Университетской типографии, 1836. 194, [2] с., 2 л. раскладных таблиц. На с. 3–166 статья Н.И. Лобачевского «Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам».
В двух одинаковых цельнокожаных переплётах с узорами блинтового тиснения на крышках, с золототиснёными заглавиями на корешках. Форзацы «мраморной» бумаги. 23,2х14 см.

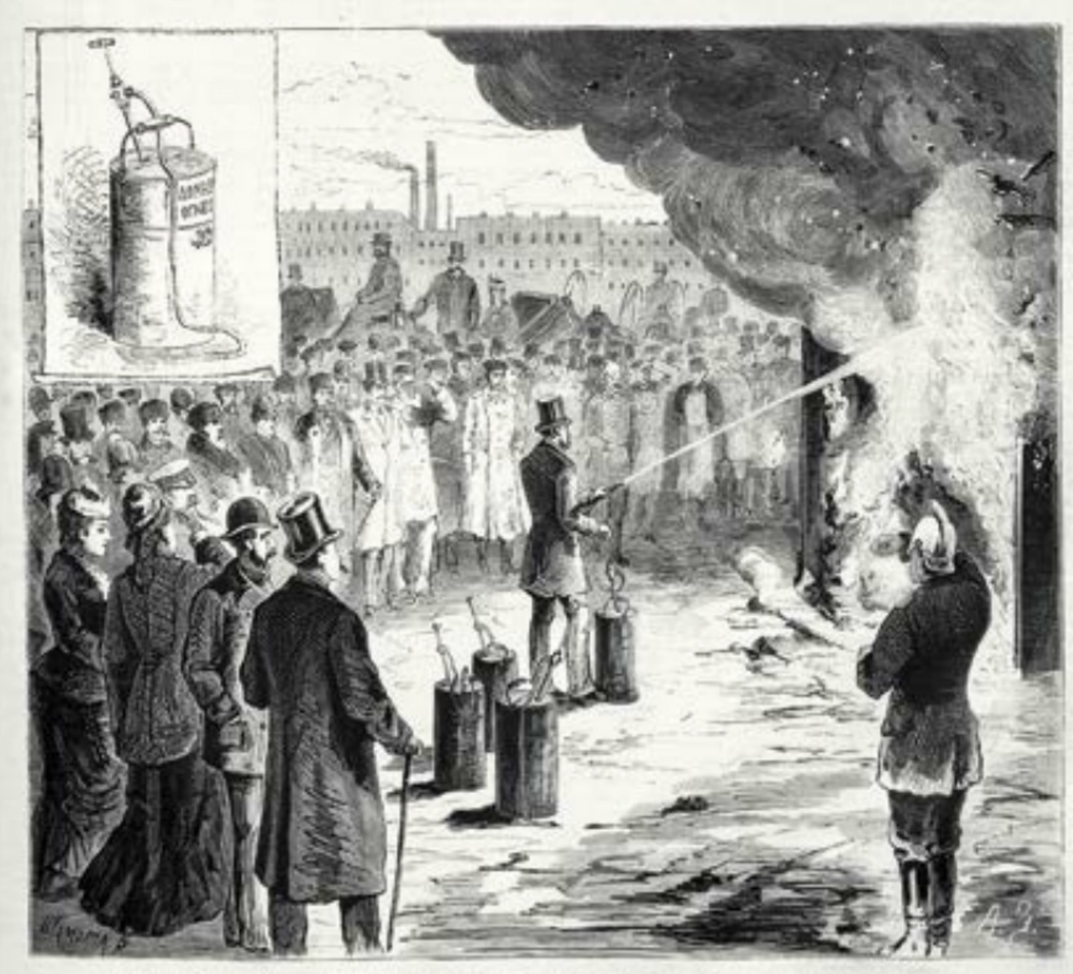

Чернильныя рыбы въ берлинскомъ аквариумѣ.
(Рисунокъ Г. Коха, грав. О. Мая).

№ 485. X ГОДЪ. ТОМЪ XIX. № 17. 22 апрѣля 1878 года.

При этомъ нумерѣ прилагается безплатно для всѣхъ подписчиковъ 100-й выпускъ
„Иллюстрированной Хроники Войны".

С.-Петербургъ. — Испытаніе новаго огнегасительнаго аппарата г. Людина на Семеновскомъ плацу, 30-го марта.

(Рис. С. Шамота, грав. Л. Зубчанинов).

27

Александр Вельтман. Картины света (1836, 1837)*

Нет ничего удивительного в том, что идея издавать энциклопедический «живописный», т.е. богато иллюстрированный, альманах пришла в голову А.Ф. Вельтману, военному, учёному, литератору. Повидавший немало стран и народов, увлекавшийся археологией и этнографией, Вельтман сам имел репутацию энциклопедиста.

Сын принявшего российское подданство шведского дворянина, в 1816 году он поступил в Московское училище колонновожатых и по окончании курса, получив чин прапорщика, был командирован в Бессарабию, где провёл 12 лет. Знакомство с участниками тайных (декабристских) обществ В.П. Раевским и М.Ф. Орловым, дружба с одним из образованнейших офицеров русской армии И.П. Липранди, общение с А.С. Пушкиным, возможность наблюдать за ходом греческого восстания 1821 года, участие в русско-турецкой войне 1828–1829 годов – всё это, по словам биографа Вельтмана, «обогатило его жизненными впечатлениями, питавшими творчество писателя на протяжении дальнейших 40 лет кабинетного уединения».

В 1831 году Вельтман вышел в отставку, поселился в Москве, по протекции М.Н. Загоскина получил место помощника директора Оружейной палаты, а с 1852 года до самой смерти возглавлял этот первый московский публичный музей. Он стал популярным литератором: публиковал поэмы, драмы, повести и романы (самый известный из них – «Странник» (1831–1832) высоко оценил Пушкин, с которым Вельтман возобновил знакомство, не прекращавшееся до самой смерти поэта). Одновременно он занимался русской и всеобщей историей, археологией, фольклором, лингвистикой, исторической географией, этнографией, педагогикой. Его стремление постичь и запечатлеть многообразие окружающего мира нашло отражение в альманахе «Картины света», издание которого Вельтман предпринял в 1836–1837 годах. В программной статье, открывающей первый сборник, автор-составитель так изложил свои задачи: «Наш век любопытен, гонится за новостями, хочет всё видеть, всё знать. Эта жажда к познанию есть явный признак благодетельного просвещения. Удовлетворённое любопытство рождает понятия о вещах; полученное понятие может быть или ложно, или истинно. Ложное происходит от поверхностного взгляда на вещи или от ложного толкования. Дать истинное понятие о предметах, составляющих образование человека, – вот цель просвещения. Перо слабо рисует природу. По одному описанию трудно составить о чём-нибудь полную идею; описания недостаточно для удовлетворения любопытства читателя. «Видеть и видеть» – девиз любопытства, и вот отчего описания с изображениями одарены таким всеобщим успехом».

Основу «Картин света» составили статьи из популярных европейских периодических изданий, отобранные и обработанные самим Вельтманом.

«Москва», «Триумф», «Американские дикари», «Дервиши», «Сократ», «Маски», «Приращение носов», «Иппопотам», «Китайская музыка», «Римский этикет», «Шляпы», «Колокола», «Обряды черемис» – каждый текст содержал познавательные, забавные или полезные сведения и сопровождался

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1647–1977 гг. Книга вторая. – М., Русский раритет, 2006.

картинкой, иллюстрировавшей предмет рассказа.

Особое внимание в альманахе уделялось описанию городов, исторических мест и обычаев различных народов. Вот, к примеру, небольшая заметка о сравнительно мало известных тогда широкой публике эскимосах: «Жители набережных Ледовитого океана издавна называются эскимосами. Это не собственное название какого-нибудь народа, а прозвание, данное норманнскими путешественниками всем соседям белых медведей. По догадке, может быть, норманны называли берега Ледовитого океана «e sky maose» – земля мрака. Существование человека посреди постоянной зимы и ночи, где само солнце, кажется, боится показываться, есть совершенная загадка, если не предположить, что цель жизни всего человечества есть покорение природы, и эти бедствующие племена – его передовая цепь, которая со временем, может быть, раздвинется до жерла полюсного. Что сказать про этих земнородных, которые живут без прошедшего и будущего посреди ледянок и обросли оленьими и тюленьими шкурами? Которые упиваются с наслаждением и до усыпления китовым жиром и, как будто завидуя, что природа не украсила их наружности ни моржовыми усами, ни клыками, сверлят губы и усы и вставляют моржовые клыки и усы? Что сказать про них? Что они живут, и, может быть, их тело и душа сытее наших».

Энтузиазма Вельтмана хватило лишь на два выпуска «живописного» альманаха. Тем не менее идея подобного издания оказалась весьма плодотворной. Несколько десятилетий спустя она с успехом воплотилась в «Русском художественном листке» В.Ф. Тимма и одном из самых популярных журналов дореволюционной России – «Всемирной иллюстрации».

Технический прогресс XX века кардинально изменил вельтмановскую идею о совмещении текста с изображением: «картинка» победила слово.

[Вельтман Александр Фомич (1800–1870)]

Картины света. Энциклопедический живописный альманах на 1836 год, с политипажными рисунками. Москва: В типографии Семёна Селивановского, 1836. [2], [232] (464 стб.), VII с. с иллюстрациями. На верхней части титульного л. дарственная надпись орешковыми чернилами: «Любезному другу Плетнёву Вельтман». Рядом владельческая надпись чёрными чернилами: «Ал. Корбинцев 2». На с. 1, 3, 5, 7 сквозная владельческая надпись орешковыми чернилами: «Диакона – Трифиллия – Васильева – Кедрова».

Картины света. Энциклопедический живописный альманах. Часть вторая. Москва: В типографии Семёна Селивановского, 1837. [226] (452 стб.), VII с. с иллюстрациями. В одном переплёте красного марокена с сохранением задней печатной обложки. На корешке тиснёные заглавие и узорный орнамент, на крышках – тиснёные рамки геометрического орнамента. Тройной красный обрез. 27x21,5 см.

Уникальный экземпляр, раскрывающий дружеские и литературные связи ближайшего пушкинского окружения.

Плетнёв Пётр Александрович (1791–1865) – поэт, критик, журналист, близкий друг и издатель А.С. Пушкина.

№ 486. X ГОДЪ. ТОМЪ XIX. № 18. 29 апрѣля 1878 года.

При этомъ нумерѣ прилагается безплатно для всѣхъ подписчиковъ: 1) 101-й выпускъ „Иллюстрированной Хроники Войны“ и 2) Общій видъ зданія всемірной выставки въ Парижѣ (на отдѣльномъ листѣ).

Всемірная выставка въ Парижѣ въ 1878 г. — Паровой кранъ г. Ѵечи для поднятія большихъ тяжестей.
(Грав. Б. Брауне).

Метральеза на бортѣ англійскаго судна для отраженія миноносокъ.
(Грав. А. Даумъ).

Главная контора Редакціи «Всемірной Иллюстраціи» находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., домъ Корпвина, № 16.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Іюня 1878 г. Редакторъ-Издатель **Германъ Гоппе.** Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр., д. № 53.

Алексей Уваров. Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря (1851)*

«Исследование о древностях Южной России и берегов Чёрного моря» – первая книга одного из создателей русской археологической школы графа Алексея Сергеевича Уварова. Когда этот солидный, прекрасно иллюстрированный труд увидел свет, его автору едва исполнилось 26 лет.

Тягу к археологии будущий бессменный председатель Московского археологического общества почувствовал ещё в детстве. Во многом на его выбор повлиял пример отца – министра просвещения, президента Петербургской Академии наук. Сергей Семёнович Уваров (1786–1855) считался одним из лучших в России знатоков античности, писал стихи на древнегреческом, в его доме бывали прославленные историки М.П. Погодин и Т.Н. Грановский, знакомство с которыми произвело на юного Алексея Уварова сильнейшее впечатление. Приняв решение посвятить себя изучению древностей, он в 1845 году окончил Петербургский университет, затем какое-то время продолжал образование в университетах

Берлина и Гейдельберга, а после возвращения на родину обратился к президенту Императорского археологического общества герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому с просьбой разрешить ему организацию экспедиции на собственные средства. Таким образом летом 1848 года недавний студент оказался во главе небольшого отряда, куда помимо него входили рабочие, носильщики и рисовальщик Императорской Академии художеств М.Б. Вебель.

Герцог Максимилиан Лейхтенбергский снабдил Уварова инструкцией, в которой экспедиции предписывалось: «1. Осмотреть все места по берегу Чёрного моря, упоминаемые у древних писателей и представляющие наиболее следов древности. 2. Исследовать преимущественно курганы, означить число их, величину и положение. 3. Исследовать следы и развалины, сохранившиеся в Крыму. 4. Кроме исследования классических древностей обратить внимание и на древности скифские, византийские, татарские, генуэзские и русские. 5. Собрать все древние надписи, которые неизвестны, снять с них копии или оттиски».

Между тем уваровское «Исследование» – не только научный трактат, где скрупулёзно классифицируются древние памятники, но и литературное произведение, написанное ясным, чётким, образным языком. Сухой перечень захоронений, монет и амфор автор чередует с живописными зарисовками днепровских порогов, природы Кубани, курганов: «Курганы, рассеянные по всей России, имели в древние времена важную цель и уже в самом начале своего происхождения получили разнообразное назначение: одни из них служили могилами, другие – основа-

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

ниями зданий, третьи – укреплениями, наконец, четвёртые, в которых раскапыватели ничего не находили, остались для потомков тайною. На обширных равнинах, где не было ни селения, ни дерева, курганы, пересекая однообразие степи, являлись как места уже давно всем известные, ибо над многими из них прошло не одно тысячелетие».

К монографии, изданной за счёт автора, прилагался красочный альбом, состоявший из 25 большеформатных литографий тоном, выполненных с оригинальных рисунков М.Б. Вебеля. На них изображения античной утвари также перемежаются с днепровскими пейзажами, а за «Внутренней частью греческой гробницы в Ольвии» следует «Вид на Днепровский лиман».

Всего вышло два выпуска «Исследования о древностях» – в 1851 и 1856 годах. Хроника представляет первый из них. Описываемый экземпляр, редкий сам по себе, интересен ещё и тем, что происходит из коллекции известного историка-генеалога Леонида Михайловича Савёлова (1868–1947).

Заслуги А.С. Уварова перед русской культурой велики: он многие годы руководил раскопками в Московской, Владимирской и Таврической губерниях, основал Московское археологическое общество, стал инициатором создания Исторического музея в Москве и передал туда свои богатейшие коллекции, издал прекрасные художественные альбомы, посвящённые древностям Пскова, Рязани, Новгорода... Однако у библиофилов есть особая причина быть благодарными этому человеку: А.С. Уваров не только принял участие в составлении первой научной биографии Ивана Фёдорова, но и добился, чтобы в Москве появился памятник первопечатнику.

Уваров Алексей Сергеевич (1825–1884)

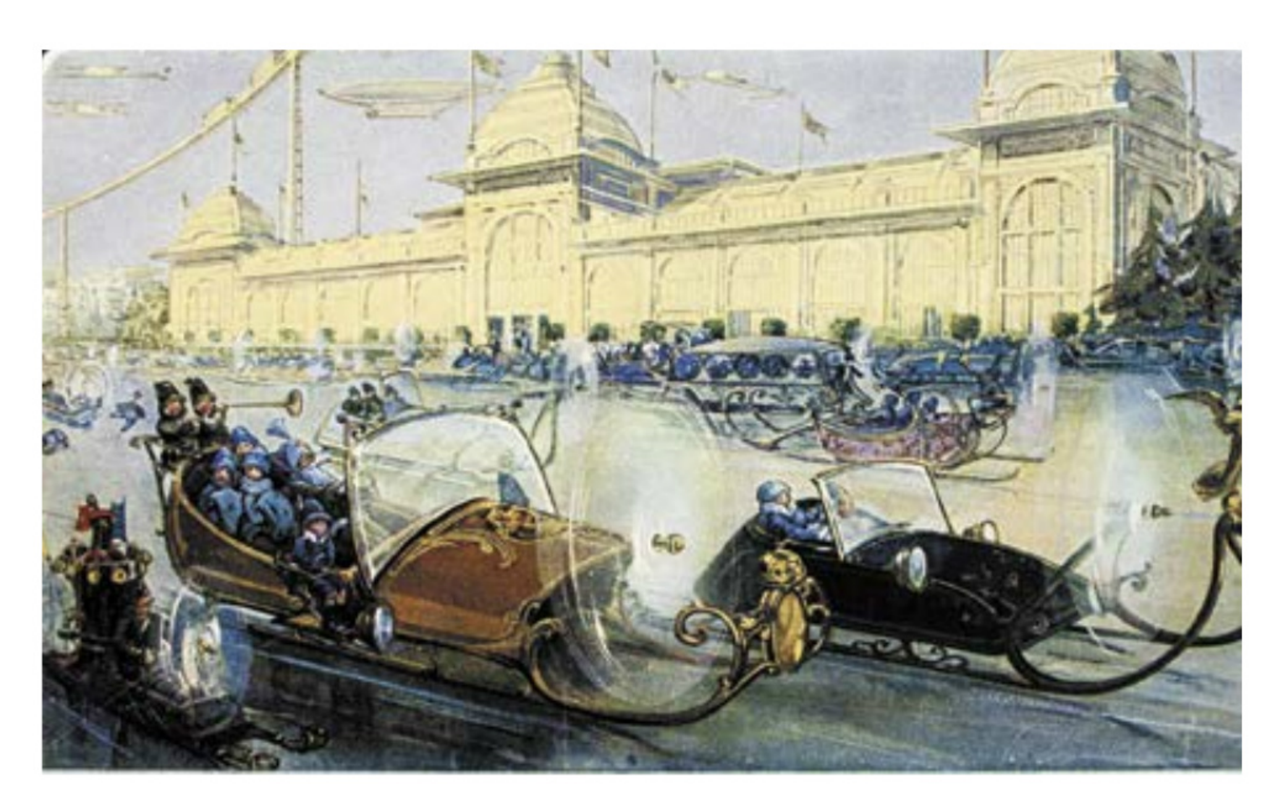
Исследование о древностях Южной России и берегов Чёрного моря. Выпуск первый. Санкт-Петербург, в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1851. VI, 138 с. В полукожаном переплёте середины XIX века. На верхней крышке – приклеенный кожаный ярлык с золототиснёным заглавием. На переднем форзаце владельческая надпись: «Из собрания М.К. Паренаго». На заднем форзаце экслибрис: «Собрание Л.М. Савёлова» (исполнен У.Г. Иваском в 1904 году). 36x28 см. Михаил Клавдиевич Паренаго – воронежский земской начальник, коллекционер, обладатель значительного собрания гравюр и акварелей. Его библиотека насчитывала около 1000 томов и состояла преимущественно из художественных и иллюстрированных изданий. Леонид Михайлович Савёлов (1868–1947) – историк, генеалог, основатель Русского генеалогического общества в Санкт-Петербурге и Историко-родословного общества в Москве. Крупный чиновник царской администрации, Савёлов после отречения Николая II вышел в отставку. После октября 1917 года, перед отъездом на юг России, передал большую часть своей десятитысячной библиотеки в московский Исторический музей. В 1920 году эмигрировал. Жил в Турции, Югославии, Греции. Умер в США.

Собрание карт и рисунков к Исследованию о древностях Южной России и берегов Чёрного моря графа Алексея Уварова. [Санкт-Петербург, в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1851.] Титульный л. – цветная хромолитография, 25 л. литографий. В издательской папке с золототиснёным заглавием на корешке. 69x54 см.

МОСКВА
черезъ 200 лѣтъ.
серія состоитъ изъ 8 картинъ
изданіе
Т-ва ЭЙНЕМЪ
москва

Б.Я. Швейцер. Исследование местной аттракции, существующей около Москвы (1862)

Эта небольшая по объему книжка вскоре после выхода из печати была удостоена золотой медали Русского географического общества и получила мировую известность.

Авантитул книги занимает посвящение «Его Превосходительству господину Управляющему Межевым корпусом Михаилу Николаевичу Муравьеву». В нем профессор астрономии Московского университета Богдан Яковлевич (Каспар Готфрид) Швейцер кратко сформулировал для своего непосредственного начальника результаты проведенного исследования. Сегодня эти результаты непременно назвали бы сенсационными.

«…В моем сочинении я оправдал Ваше доверие и неоспоримо доказал, что в Московской губернии существует необыкновенное отклонение отвеса, производимое замечательно-неравномерным распределением масс большей и меньшей плотности под поверхностью земли, – пишет Швейцер. – В этом отношении исполненные уже нами работы могут служить по крайней мере хорошим началом и доказательством того, что неправильности под поверхностью земли простираются по большой части Московской губернии и, быть может, выходят из ея пределов…»

Строго математическое описание этого феномена, сделанное на основе точных астрономических и геодезических измерений, и позволяет считать Б.Я. Швейцера пионером российской гравиметрии – науки, изучающей гравитационное поле Земли. Но путь в столицу Российской Империи для Швейцера был довольно извилист…

Каспар Готфрид Швейцер родился 10 февраля 1816 года в Цюрихском кантоне Швейцарии в семье пастора. Ничего удивительного, что он поступает на теологический факультет Цюрихского университета. Однако вскоре другая муза, Урания, покровительница астрономии в Древней Греции, завладевает всеми помыслами юного Каспара Готфрида, и в 1839 году он становится студентом Кёнигсбергского университета.

Вид Московской Обсерватории в 1864 г.

В 1841 году после окончания университета Швейцер переехал в Россию, где стал внештатным астрономом-наблюдателем Пулковской обсерватории. В XIX веке это была лучшая обсерватория в мире, ее даже называли астрономической столицей мира.

Через четыре года Швейцер перебрался в Москву и прожил тут уже всю оставшуюся жизнь. В Москве Швейцер работал в Астрономической обсерватории Московского университета и в созданной под его руководством обсерватории Константиновского Межевого института. В 1856 году Швейцера избрали профессором астрономии Московского университета и назначили директором университетской обсерватории, расположенной на Пресне (обсерватория, кстати, полностью сохранилась и сейчас – это музей). Там он собрал и воспитал целую группу выдающихся астрономов, среди которых были, например, Ф.А. Бредихин и В.К. Цераский.

Что же касается научных работ самого Швейцера, то главное место в них, безусловно, занимают многолетние исследования Московской гравитационной аномалии.

Существенные расхождения значений координат ряда пунктов в Москве и ее окрестностях, определяемых астрономическими и геодезическими методами, обнаружили еще в конце 1830-х годов при геодезической съемке, проводившейся Генштабом. В своей книге Швейцер отмечал, что эти расхождения могут достигать не менее 1000 футов (примерно 300 метров). Обычные погрешности измерений такой результат не объясняли.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

МѢСТНОЙ АТТРАКЦІИ,

ОКОЛО МОСКВЫ

МОСКВА.

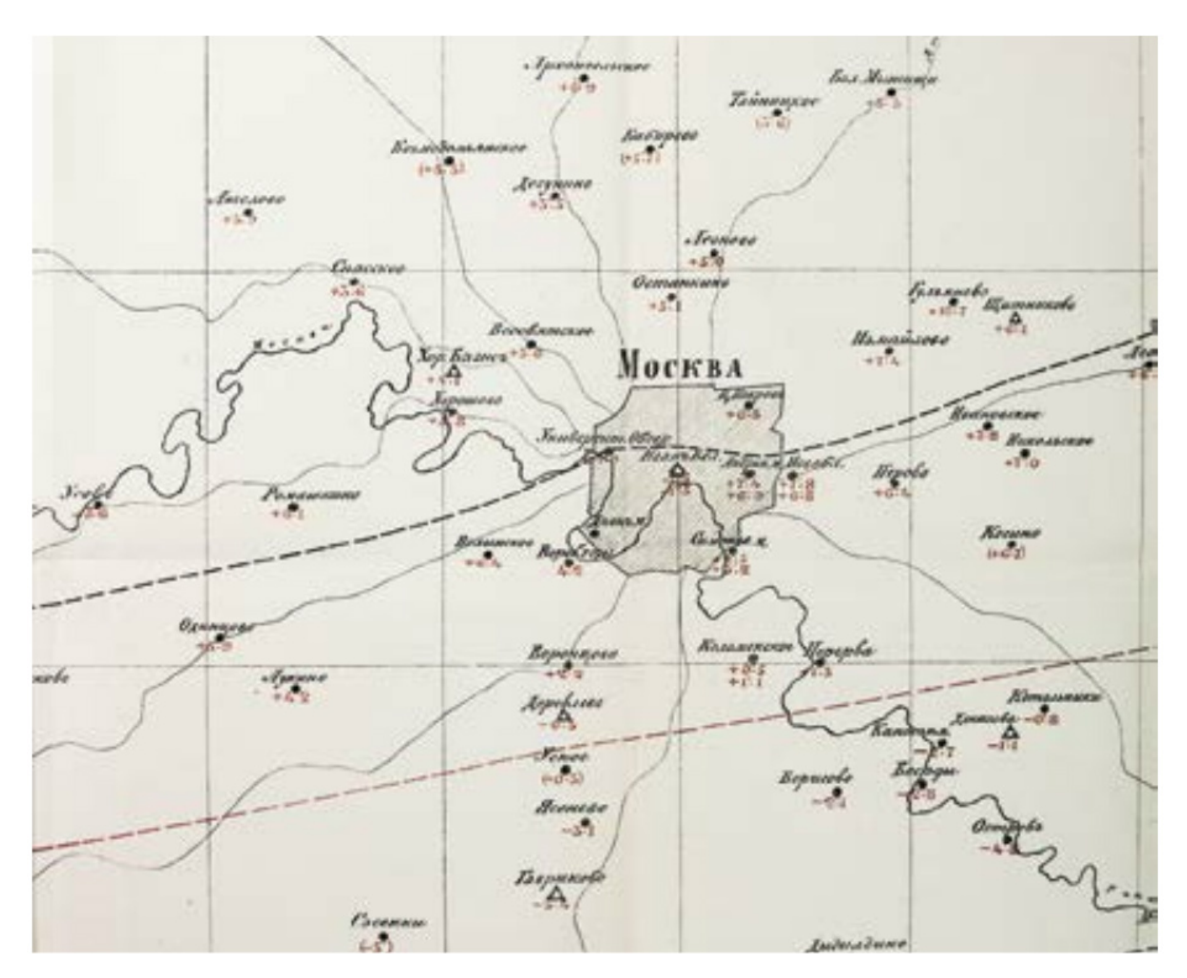
1862.

Вот что пишет по этому поводу историк астрономии, сотрудник Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга Юлий Менцин: «Причиной расхождений является то, что линия отвеса, используемая в геодезических измерениях, не перпендикулярна к поверхности Земли. Дело в том, что если бы Земля была однородным по плотности и идеальным по форме шаром, то известный каждому школьнику вектор ускорения свободного падения g был бы в каждой точке поверхности земли одинаков по величине и направлен по радиусу к ее центру.

Но, во-первых, Земля – не идеальный шар. Во-вторых – и это гораздо существеннее, – Земля далеко не однородна по плотности. В ней есть пустоты, подземные озера или, наоборот, залежи металлов. Благодаря этому g в разных точках будет отличаться как по величине, так и по направлению. Как следствие, линия отвеса и линия нормали к поверхности земли, определяемой при помощи астрономических наблюдений, будут направлены под углом друг к другу».

П.К. Штернберг руководит обстрелом Кремля в 1917 г. ГАИШ МГУ

Швейцер провел большой объем измерений, еще раз проверяя данные Генштаба, сравнивая их со своими. Тщательному, методичному описанию хода этой работы и ее результатам и посвящена его книга. Ее главный итог – карта отклонений отвеса от нормалей к поверхности земли. «Из этой карты видно, что линия нулевых значений отклонения отвеса проходит на 12 км южнее центра Москвы, почти по параллели, – поясняет Менцин. – Симметрично по отношению к этой линии на расстоянии ±12 км от нее проходят линии положительных (к северу) и отрицательных (к югу) максимумов отклонения… Интересно также, что линия максимальных положительных отклонений проходит прямо через центр Москвы. Поэтому одним из первых пунктов, при определении координат которых было обнаружено это различие, стала расположенная в Кремле колокольня Ивана Великого».

Причину обнаруженной аномалии поля тяготения Швейцер предположительно объяснял залежами каменного угля под Москвой. «Я могу касательно этого прибавить только следующее, – пишет Б.Я. Швейцер. – По реке Пахре от Подольска до реки Москвы находятся значительные слои известняка. Подобным же образом на севере от Дмитрова до Клина в направлении почти параллельном предыдущему, говорят, что находятся значительные каменные пласты, тогда как все остальное по большей части должно быть щебнистого строения. […] Покамест я держусь твердо только того вывода, что менее плотный слой по средине и более плотные слои и не очень толстые слои по сторонам могут произвести совершенно такие явления отклонения отвеса, какие действительно наблюдаются около Москвы».

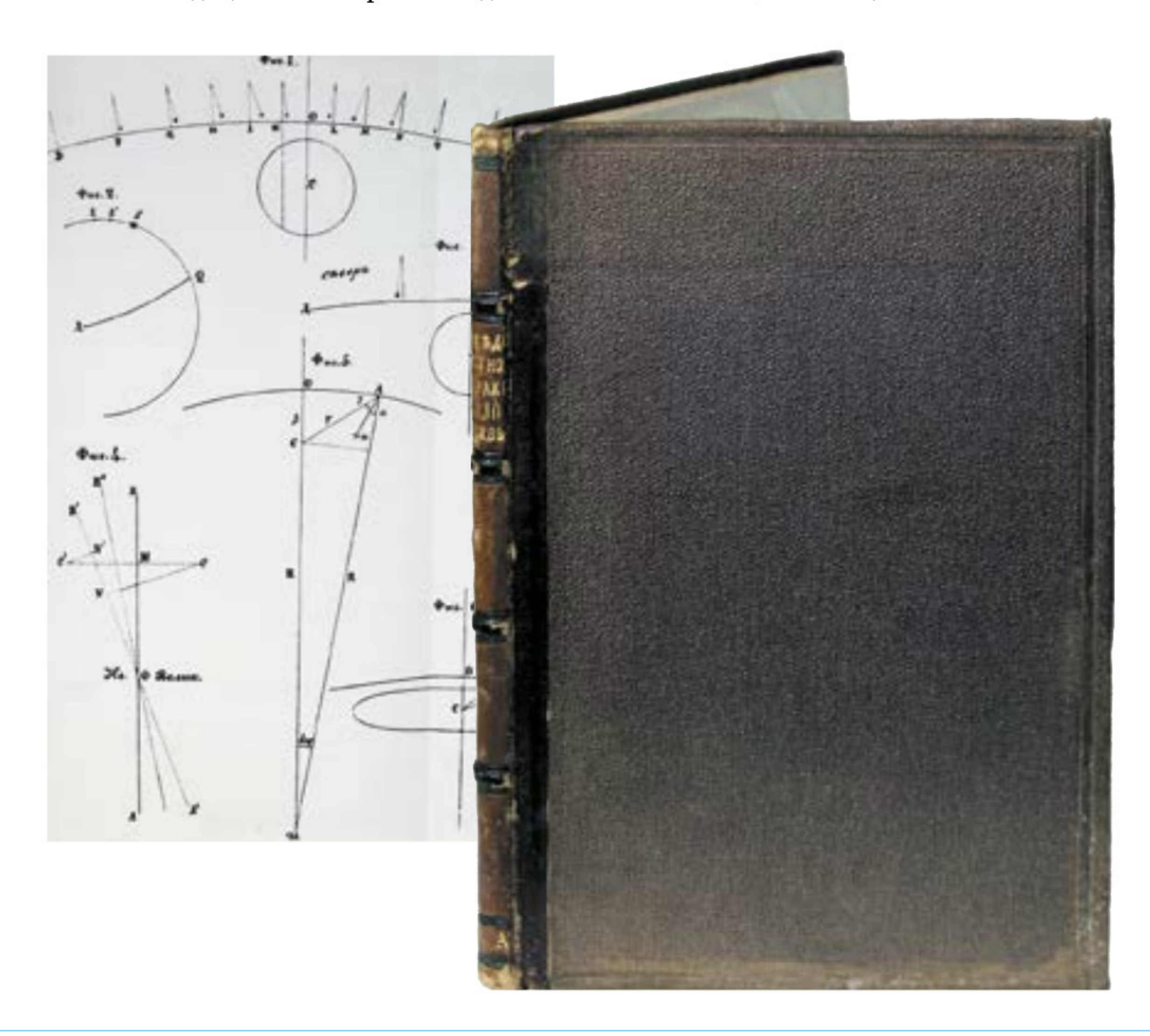
Геологическая причина московской гравитационной аттракции стала понятна только к середине XX века. Оказывается, десятки миллионов лет назад произошел разлом гигантской кристаллической платформы. Пласты ее сдвинулись и образовалась складка, уходящая в землю на 1,5–2 км. Эта складка проходит по линии Можайск–Ногинск. Длина ее более 200 км, максимальная ширина около 30 км. Северная граница как раз, проходит через центр Москвы. Отсюда – и разность в плотности пород…

Но история с «местной аттракцией, существующей около Москвы» на этом не закан-

чивается. Мало того, она имела совсем уж экзотическое продолжение.

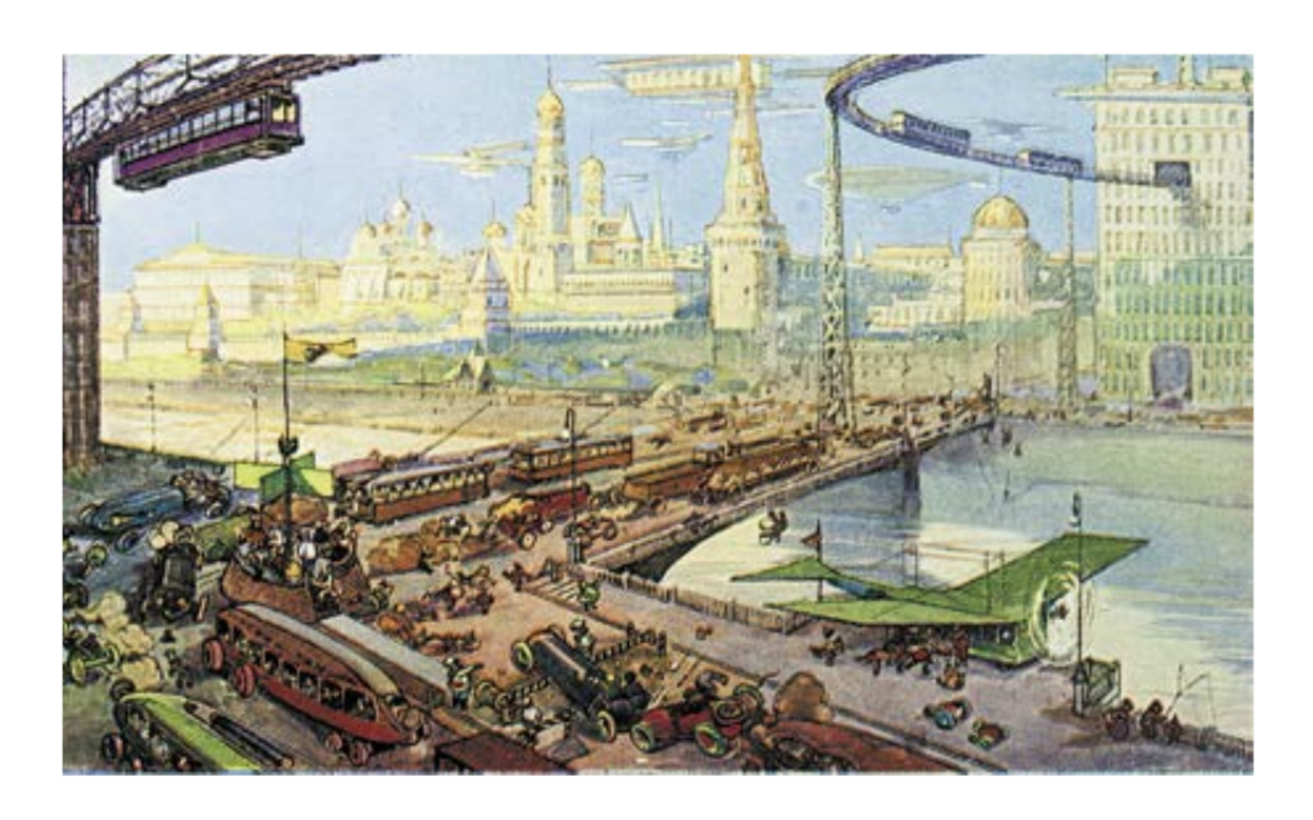
Результат, который получил Б.Я Швейцер, казалось бы, представлял сугубо академический интерес. Однако судьба бывает весьма прихотлива в плетении своих кружев. Гравиметрические исследования в Москве продолжались и после смерти Б.Я. Швейцера. Одним из ученых, который внес существенный вклад в становление московской школы гравиметрии, стал ученик Ф.А. Бредихина, уроженец г. Орла, профессор Павел Карлович Штернберг (1865–1920). С 1916 по 1920 год он был директором университетской Астрономической обсерватории, той самой – на Пресне. Свои последние наблюдения и измерения Штернберг провел в ходе гравиметрической экспедиции… 5 ноября 1917 года – за два дня до Октябрьской революции. Но тут любопытно другое: еще в 1905 году Штернберг стал членом РСДРП(б); а в подвале обсерватории он хранил оружие и в ноябре 1917 года как член Центрального штаба Красной армии руководил боевыми действиями в Замоскворецком районе. Вот тут-то и пригодились гравиметрические данные – для корректировки работы артиллерии…

Сегодня в холле Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга на Воробьевых горах входящих встречает огромная картина художников В.К. Дмитриевского и Н.Я. Евстигнеева – «П.К. Штернберг руководит обстрелом Кремля в 1917 году». Так что, тут впору говорить не только о Московской гравитационной аномалии, но и о социальной.

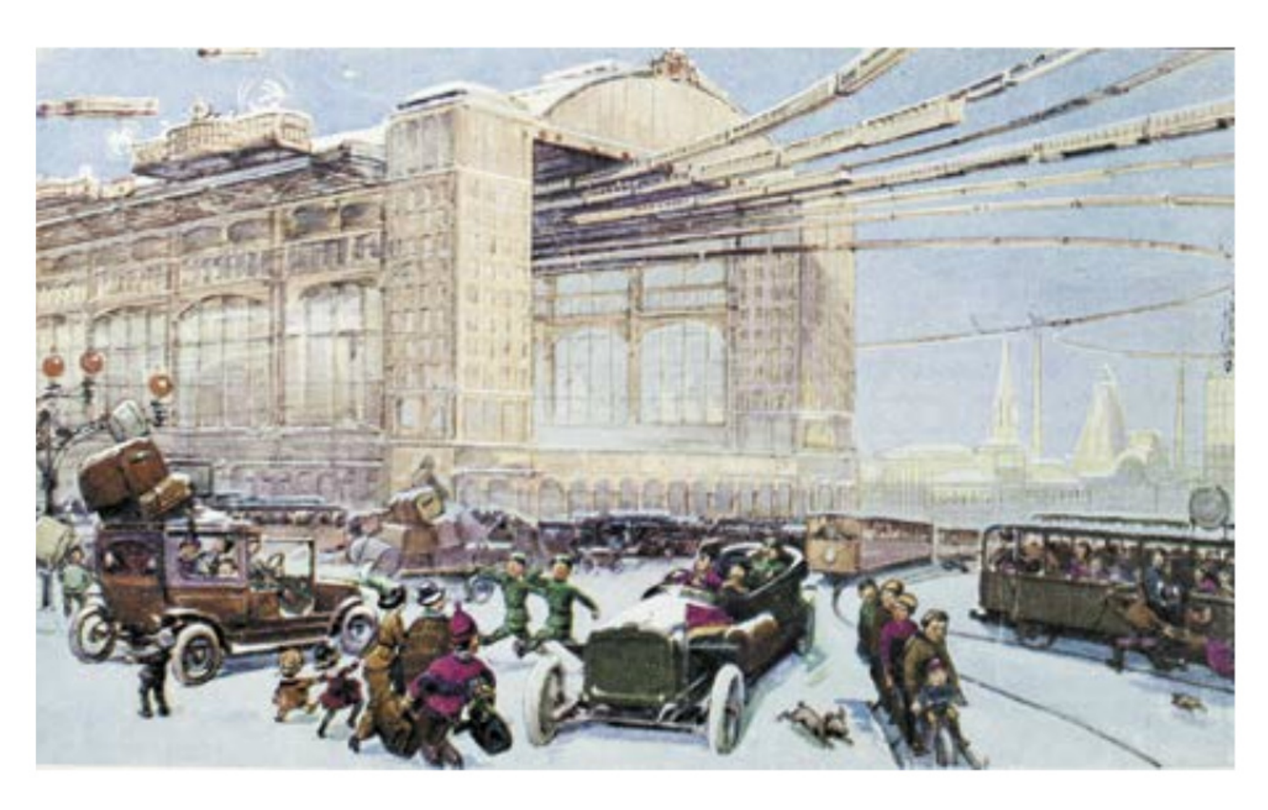

Богдан Яковлевич Швейцер (1816–1873)
Исследование местной аттракции, существующей около Москвы: Сообщения первое и второе / Москва, в Университетской типографии, 1862. – [6], 116 с.: 4 л. карт., черт.; 22 x 14 см. Тираж не указан.
В составном индивидуальном переплете эпохи. На корешке – тиснением золотом названия и суперэкслибрис – «В.А.».

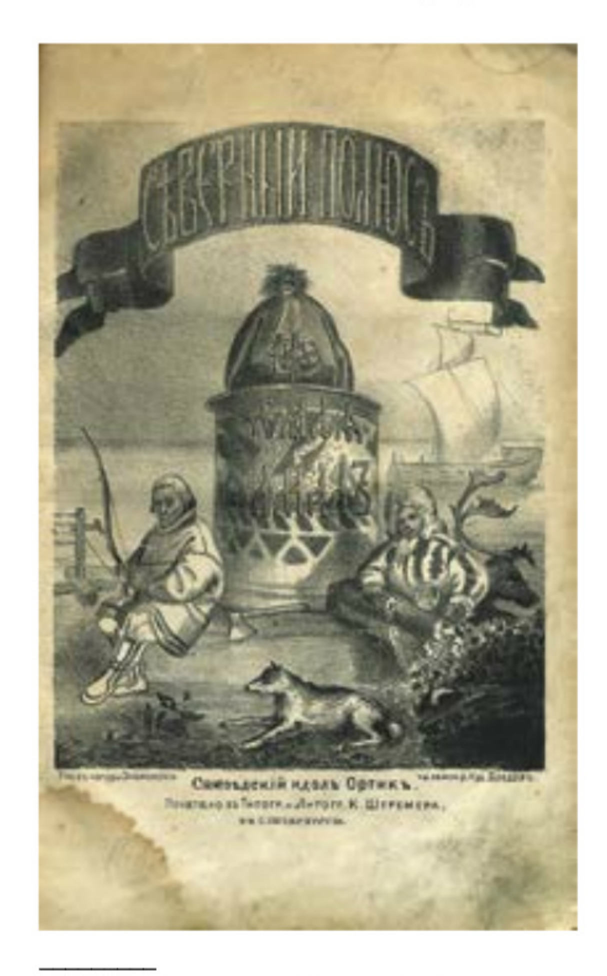

Юрий Кушелевский. Северный полюс и Земля Ямал: путевые записки (1868)*

Несмотря на развитие науки и техники, на Земле всё ещё остаются белые пятна – места, которые ещё не изучил человек. Одной из таких загадок долгое время был и Северный полюс – точка пересечения воображаемой оси вращения Земли с её поверхностью в Северном полушарии. Северный полюс располагается в Арктике, в центральной части Северного Ледовитого океана, воды которого почти постоянно покрыты толстым слоем многолетнего льда. Глубина океана в этой части Земли не превышает 4 км. Из-за наклона Земли на Северном полюсе полгода стоит полярный день, который затем на следующие полгода сменяется полярной ночью.

Северный полюс не открывал свои загадки учёным вплоть до начала XX века. Первой попыткой его достижения стала экспедиция Уильяма Пэрри в 1827 году, но эта попытка так и не была доведена до конца. Первыми достигнуть Северного полюса посчастливилось экспедициям американцев Фредерика Кука (1908) и Роберта Пири (1909).

Книга Ю.И. Кушелевского «Северный полюс и Земля Ямал» вышла в 1868 году и являлась одним из главных источников по этнографии ненцев середины XIX века. Представленные в данном издании записки велись автором во время прохождения государственной службы в Обдорске с 1852 по 1854 гг. и во время экспедиций 1862, 1863, 1864 и 1865 годов, предпринятых Ю.И. Кушелевским для открытия сухопутного и водного сообщения на севере Сибири от реки Енисей через Уральский хребет до реки Печоры. До выхода отдельного издания эти записки были опубликованы в №91 1865 года санкт-петербургских «Биржевых ведомостей». Записки являлись подробными путевыми дневниками, в которых освещались все происходящие во время экспедиций события. Юрий Иванович Кушелевский – потомственный дворянин, родился в городе Ямбург (ныне Кингисепп), всю жизнь за-

СѢВЕРНЫЙ ПОЛЮСЪ

и

ЗЕМЛЯ ЯМАЛЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

сочиненіе

Ю. И. Кушелевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

---

* См.: Елена Горская, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. Здесь, под небом своим… Выпуск второй: Города и веси. Библиохроника. 1718–2004 гг. – М., Русский раритет, 2013.

Выѣздъ эспедиціи изъ окрестностей Обдорска для отысканія сухопутнаго сообщенія р. Енисея съ р. Обью чрезъ самоѣдскія тундры.

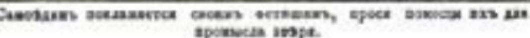
нимался изучением природы, экономики и этнографии Тюменского Севера.

Особая ценность этого издания – литографии, воспроизведённые с рисунков, сделанных с натуры одним из видных деятелей культуры Западной Сибири второй половины XIX века Михаилом Степановичем Знаменским. Рисунки наглядно демонстрировали внешний вид, быт и некоторые таинства самоедов, поэтому они, безусловно,

Угощеніе Сотника Какаулина самоѣдскимъ родоначальникомъ.

Самоѣдинъ поклоняется своимъ остякамъ, прося помощи имъ для промысла звѣря.

Самоѣдинъ, удрученный лѣтами, передаетъ себя въ жертву, при знакомыхъ, дѣтямъ своимъ, для счастливѣйшаго ихъ быта на землѣ.

были ценными с точки зрения истории и этнографии. М.С. Знаменский родился в 1833 году в городе Курган Тобольской губернии, учился в Тобольской духовной семинарии, где начал проявлять склонность к рисованию. В 1851 году при помощи М.А. Фонвизина был отправлен в Петербургскую образцовую духовную семинарию. После окончания учёбы Знаменский возвратился в Тобольск, где стал преподавателем. В конце жизни он активно занимался исследованиями в области этнографии, истории и археологии родного края.

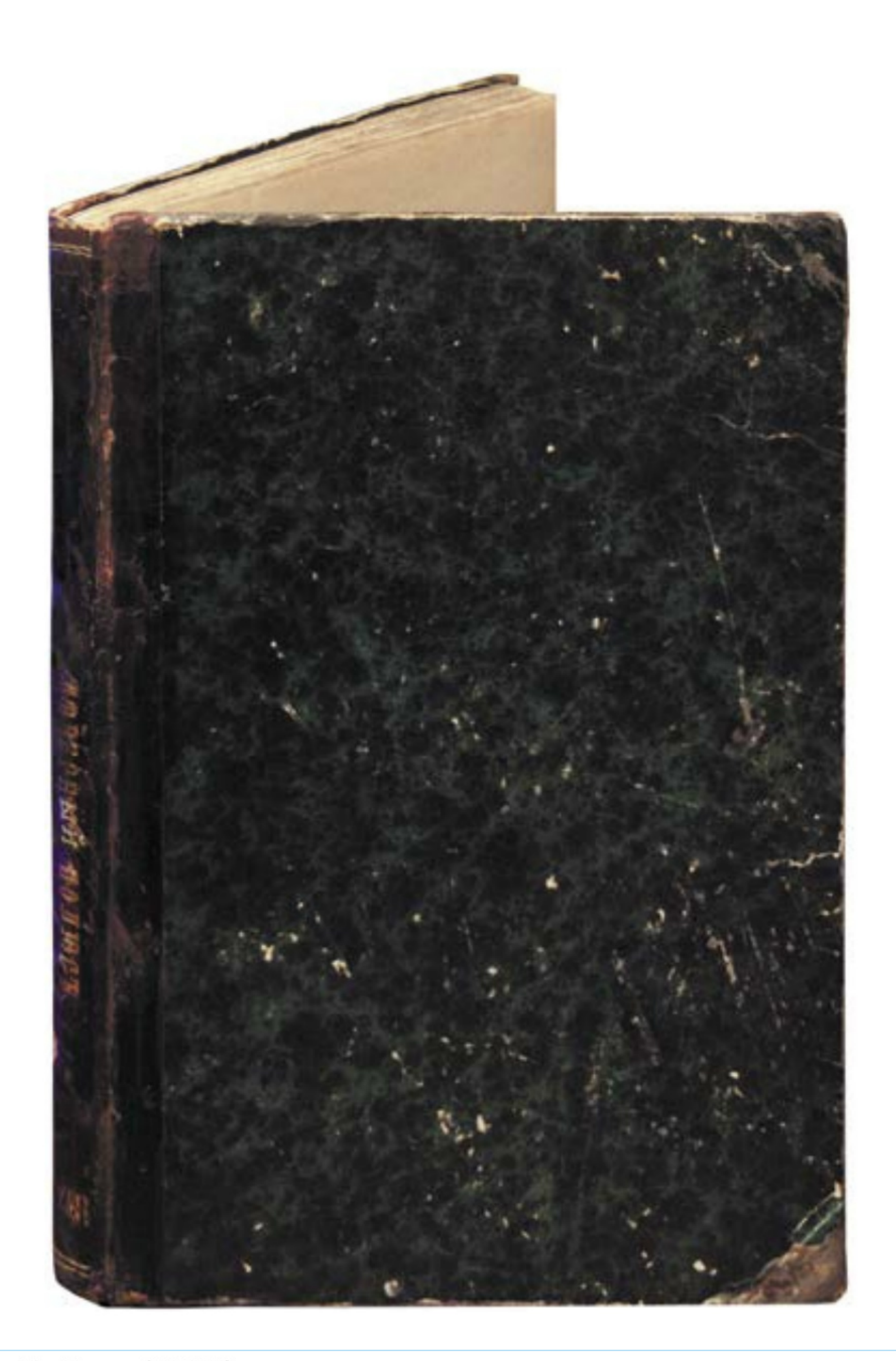
Ценным и любопытным представляется русско-самоедский словарь, составленный Ю.И. Кушелевским и являющийся приложением к книге «Северный полюс и Земля Ямал».

Самоедами до начала XX века называли ненцев – коренных жителей Европейского Севера и севера Западной и Средней Сибири. Традиционными занятиями этого народа были охота на оленя, пушной промысел, рыболовство. С середины XVIII века началось активное развитие домашнего оленеводства. Ненцы – кочевники, а потому их традиционное жилище – чум, покрытый оленьими шкурами зимой и берестой летом. Сегодня из коренных малочисленных народов российского Севера ненцы являются одним из самых многочисленных. По итогам переписи 2002 года, в России жили 41 302 ненца, из которых около 27 000 проживали в Ямало-Ненецком автономном округе.

Один из известнейших ненецких городов – Салехард (до 1933 года – Обдорск). После присоединения Сибири к России на месте остяцкого городка, около слияния реки Полуй с Обью, русскими казаками в 1595 году заложен Обдорский острог. За свою историю Обдорск пережил немало преобразований, неизменно оставаясь центром региона и самостоятельной административной единицей.

В конце XIX века в Обдорске было 30 домов и 150 лавок торговцев, жило 500 жителей, занимавшихся охотой, рыболовством и торговлей. Ежегодно с 15 декабря по 25 января здесь проходила Обдорская ярмарка. На эту ярмарку съезжались тысячи продавцов и покупателей. Купцы везли сюда изделия из металлов и украшения, муку и хлеб, сукно, табак и вино, а увозили меха, моржовые клыки, рыбу и птичье перо. Обдорск многие века оставался форпостом Российского государства на его северном пути к Тихому океану.

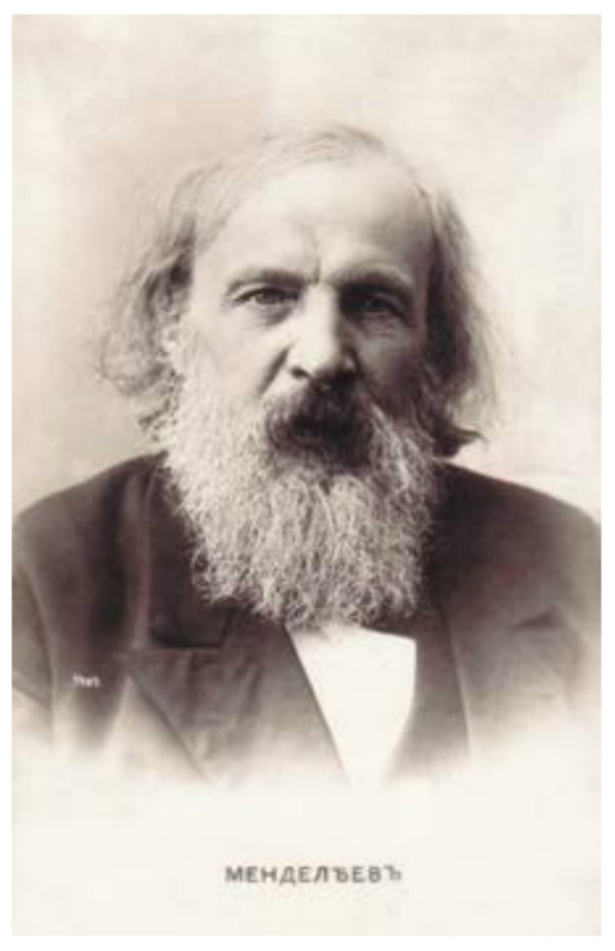
Название Салехард (от ненецкого «Сале-Харн» – селение на мысу) город приобрёл в 1933 году, став столицей нового образования – Ямало-Ненецкого национального округа. Салехард – единственный на планете город, расположенный на широте Северного Полярного круга.

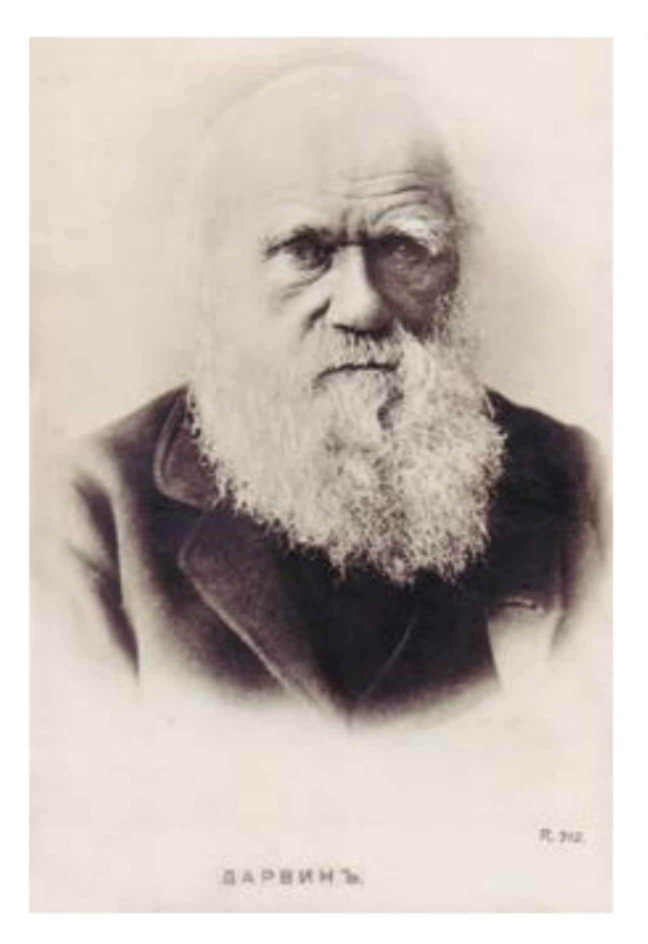
Кушелевский Юрий Иванович (1825–1880)

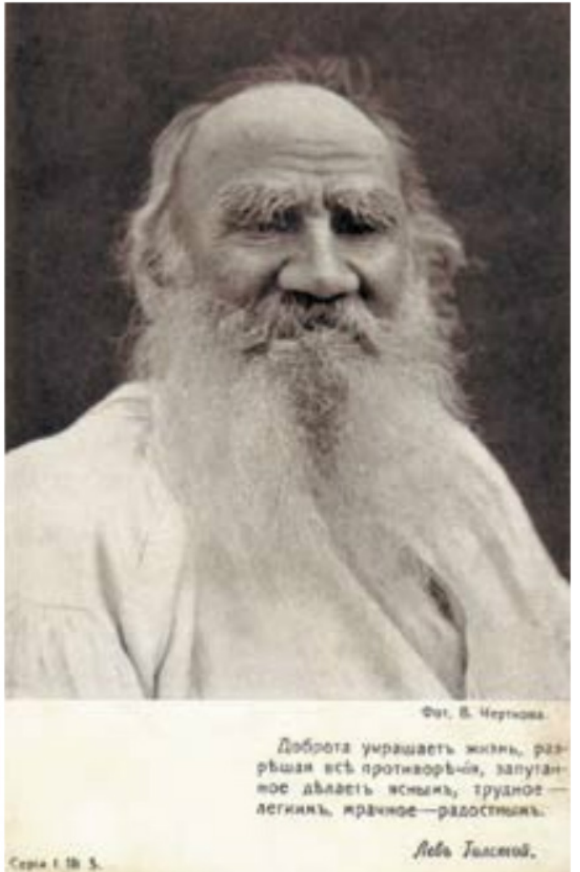
Северный полюс и Земля Ямал: путевые записки / художник М.С. Знаменский. С.-Петербург : Типография «М.В.Д.», Лит. К. Штремера, 1868. 155 с.; [3] с. : ил. Составной владельческий переплёт эпохи: кожаный корешок с золотым тиснением, коленкоровые уголки, мраморированная бумага; издательские литографированные обложки сохранены. 18 литографий на отдельных вклейках (художник М.С. Знаменский, перенёс на камень «худ. Бредов», литографии отпечатаны у К. Штремера). В Приложения включены «Русско-самоедский словарь», составленный автором; «Названия чисел на языке самоедов». На титульном листе штамп «Четвертая прогимназия». 24х15 см.

МЕНДЕЛѢЕВЪ

И. Мечниковъ

R. 312
ДАРВИНЪ

Фот. В. Черткова.
Доброта украшаетъ жизнь, разрѣшая всѣ противорѣчія, запутанное дѣлаетъ яснымъ, трудное — легкимъ, мрачное — радостнымъ.
Левъ Толстой.
Серія I № 5.

Ясная Поляна. Мартъ 1909 г.
Левъ Николаевичъ съ дочерью, Александрой Львовной.
Во всякаго рода занятіяхъ важно умѣть останавливаться передъ тѣмъ, чего не знаешь, а не думать, что знаешь чего не знаешь. Но важнѣе всего — воздержаніе отъ мнимаго знанія въ дѣлѣ религіи, вѣры. Все безуміе религіозныхъ суевѣрій только отъ этого невоздержанія.
Левъ Толстой.
Фот. В. Черткова. Серія IV, № 2.

Петр Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге (1773, 1870)

Академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву принадлежит замечательная по своей психологической точности фраза: «В музеях, архивах и библиотеках надо работать долго, а желательно – всю жизнь». Немногие сегодня могут похвастаться, что «подхватили» этот благородный вирус любви к первоисточнику, к историческому артефакту... Академик Императорской Академии наук в Петербурге Петр Петрович Пекарский (1827–1872) в полной мере был подвержен этой благородной болезни. Собственно, и всю свою ученую карьеру он сделал именно в библиотеках и архивах. А ведь поначалу казалось, что жизнь его пойдет по совсем другому руслу…

Петр Пекарский родился в семье помещика, в поместье вблизи Уфы. В 1847 г. окончил Казанский университет по юридическому факультету. Кстати, его однокашником по факультету был Лев Николаевич Толстой.

После окончания университета Пекарский быстро оказался в Самарской удельной конторе. Там знакомится близко с Н.В. Шелгуновым, в будущем – известным публицистом, общественным деятелем и соратником Н.Г. Чернышевского. Сам Шелгунов про Самарскую контору вспоминал так: «С управляющего и до последнего чиновника – все отличались какой-то легендарной, идеальной добросовестностью».

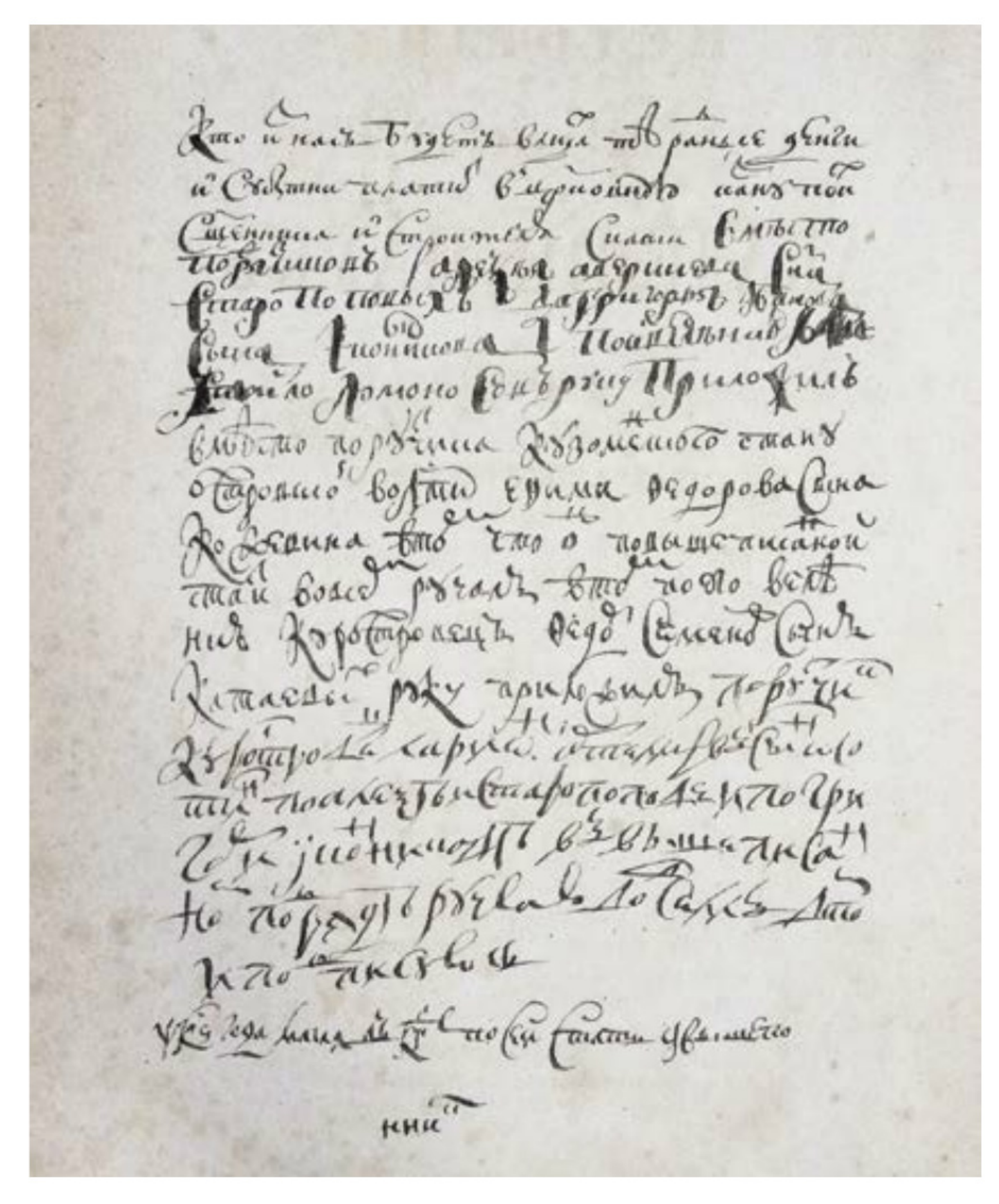
В 1851 г. Пекарский переводится в Петербург на службу в канцелярию министра финансов. В 1853 г. Пекарский знакомится с Н.Г. Чернышевским. О Николае Гавриловиче Пекарский отзывается с восторгом. В эти же годы начинает много печататься в журнале «Современник», который издавали Н.А. Некрасов и И.И. Панаев. Советские литературоведы отмечали, что журнал, как раз в то время, «стал органом антикрепостнического блока, внутри которого началось формирование революционно-демократической идеологии».

Все шло к тому, что участи стать революционным демократом не избежать и Пекарскому. Он делит все свободное от службы время между Публичной библиотекой, где собирает материал по истории русского языка и русской литературы, и семьей Чернышевского. Но в итоге библиофильская страсть и библиографические изыскания оказались сильнее революционной идеологии.

В неопубликованных воспоминаниях Пекарского (1867) имеется интересное свидетельство эволюции его взаимоотношений с Чернышевским. «…Только один из московских решился меня спросить о том, о чем все мои московские новые знакомые, конечно, помышляют не без некоторого содрогания: «Вы были другом Чернышевского?» Другом не был, отвечал я со всей искренностью, но в первое время моего знакомства с ним, признаюсь даже теперь, находился под его влиянием, оно выразилось у меня тем, что по его совету я, вместо жиденького каталога a la Геннади петровских книг, составил подробное им описание; по его же настоянию у меня составилась и 1-ая часть, которой я никогда не предполагал обработать. «Если уже начали делать, так надо делать не кое-как, а прочно». Послушавшись его, я с каждым годом более входил в мою работу, оставив прежние знакомства, и редко стал бывать у Чернышевского, усидчивые занятия были причиною, что мы стали холодны друг к другу и последние бурные три года его жизни для меня уже не были известны. Он скрывался передо мною, но так ловко, что я уже об этом узнал, когда в публике сделались известны главные пункты обвинения против него».

В 1862 г. Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В этом же году выходит монументальный

двухтомный труд Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом». «Ни один период в дореволюционной библиографии не получил такого обстоятельного и точного освещения, какое выпало на долю первой четверти XVIII в. в исследовании Пекарского, – отмечала в 1957 г. советский книговед М.В. Машкова. – Библиография, составленная им, по полноте и тщательности выполнения по праву может быть названа классической, а автор ее по справедливости занимает место среди самых выдающихся русских библиографов».

Парадоксально, но о тщательности, с которой составлен этот труд, говорит даже явно уничижительный отзыв критика, революционного демократа Д.И. Писарева: он относит Пекарского к «отчаянным библиоманам» и к «породе ученых переливателей из пустого в порожнее».

Как бы там ни было, двухтомник произвел сильное впечатление на ученых – современников П.П. Пекарского. В 1863 г. он избирается адъюнктом в Академию наук по Отделению русского языка и словесности. А с 1968 г. Пекарский – ординарный академик.

ИСТОРІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
ПЕТРА ПЕКАРСКАГО
ТОМЪ ПЕРВЫЙ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

В «Библиохронике» представлен другой, не менее замечательный труд Пекарского. В 1863 г. Академия наук поручает ему составление ее истории. В 1870 году выходит первый том «Истории Императорской Академии наук». Талант библиографа и архивиста Пекарского оказался такой силы, что и по сегодняшний день нигде в мире ни одно серьезное исследование по истории науки в России не обходится без ссылок на это исследование.

О том, чего стоила такая тщательность автору, говорит тот факт, что, как раз в годы работы над «Историей Академии наук», Пекарского дважды разбивает паралич. Сам о себе он пишет в этот период, как о «человеке больном, нервном и нетерпеливом»...

Первый том состоит из обширного введения – «Академия наук в 1725–1742 годах» и второй, основной части, – «Жизнеописания президентов и членов Академии наук, вступивших в нее в 1725–1742 годах» (51 очерк). Служба в Государственном архиве Министерства иностранных дел, куда Пекарский перешел в 1862 г., давала ему возможность поработать с редчайшими документами. В частности, он отмечает, что пользовался бумагами историографа Мюллера (Миллера), составлявшими «часть собрания, приобретеннаго Екатериною II для московского главного архива министерства иностранных дел». Но основной источник для Пекарского все-таки академические архивы.

«Академическая канцелярия есть то самое учреждение, на самовластие и придирки которого так часто слышались жалобы от старинных академиков, – пишет Пекарский. – Она существовала с первых годов основания Академии наук, и ея деятельность была приостановлена 31 октября 1766 года распоряжением графа В. Орлова. «Во оной канцелярии (записано в ответе сенату 14 декабря 1745 года) все президенты… присутствовали, и к профессорам ордеры, а во все подчиненные места указы посылывались. И все дела происходили из канцелярии; контракты с профессорами, адъюнктами и с прочими служительми заключает, профессоров выписывает, отпущает и жалованье им дает канцелярия»… Из этого крат-кого перечня занятий академической канцелярии можно уже понять о значении архива ея, в котором действительно находится много любопытных материалов для истории не только просвещения, но даже искусств и ремесел в России XVIII столетия».

Второй том «Истории Императорской Академии наук» появился в 1873 году. Все его почти тысячу страниц составили подробнейшие жизнеописания двух академиков: Василия Кирилловича Тредиаковского и Михаила Васильевича Ломоносова. Том открывало предуведомление читателям:

«Составителю «Истории Академии наук» не суждено было дожить до выхода в свет появляющегося ныне тома; но в день кончины Пекарского, 12 июля минувшаго года, был уже набран и почти вполне отпечатан весь текст этой книги, не исключая и приложений, прочитанных им самим в корректуре. Таким образом, одному Пекарскому принадлежит труд не только редакции, но и издания настоящего тома. Только Указатель, за который наш академик не успел приняться, составлен, уже по смерти его, посторонней рукой. Январь 1873»…

Споры о том, кто же такой П.П. Пекарский – бесстрастный фактограф, маниакальный библиограф, выдающийся историк литературы, – начались еще при его жизни. Кажется, от современников Петра Петровича Пекарского ускользнула еще одна черта его таланта. «У нас, как и в других развитых странах, история науки как особая профессиональная область со своим понятийным аппаратом и языком лишь

только входила в период дисциплинарного становления, – подчеркивает доктор исторических наук С.С. Илизаров. – Эта ситуация характерна при рассмотрении историко-научной деятельности всех ученых до XX в. Только сравнительно недавно мы стали понимать, что такие русские ученые XVII–XIX вв., как Г.Ф. Миллер, П.П. Пекарский, М.М. Сухомлинов и др., являются крупнейшими историками науки».

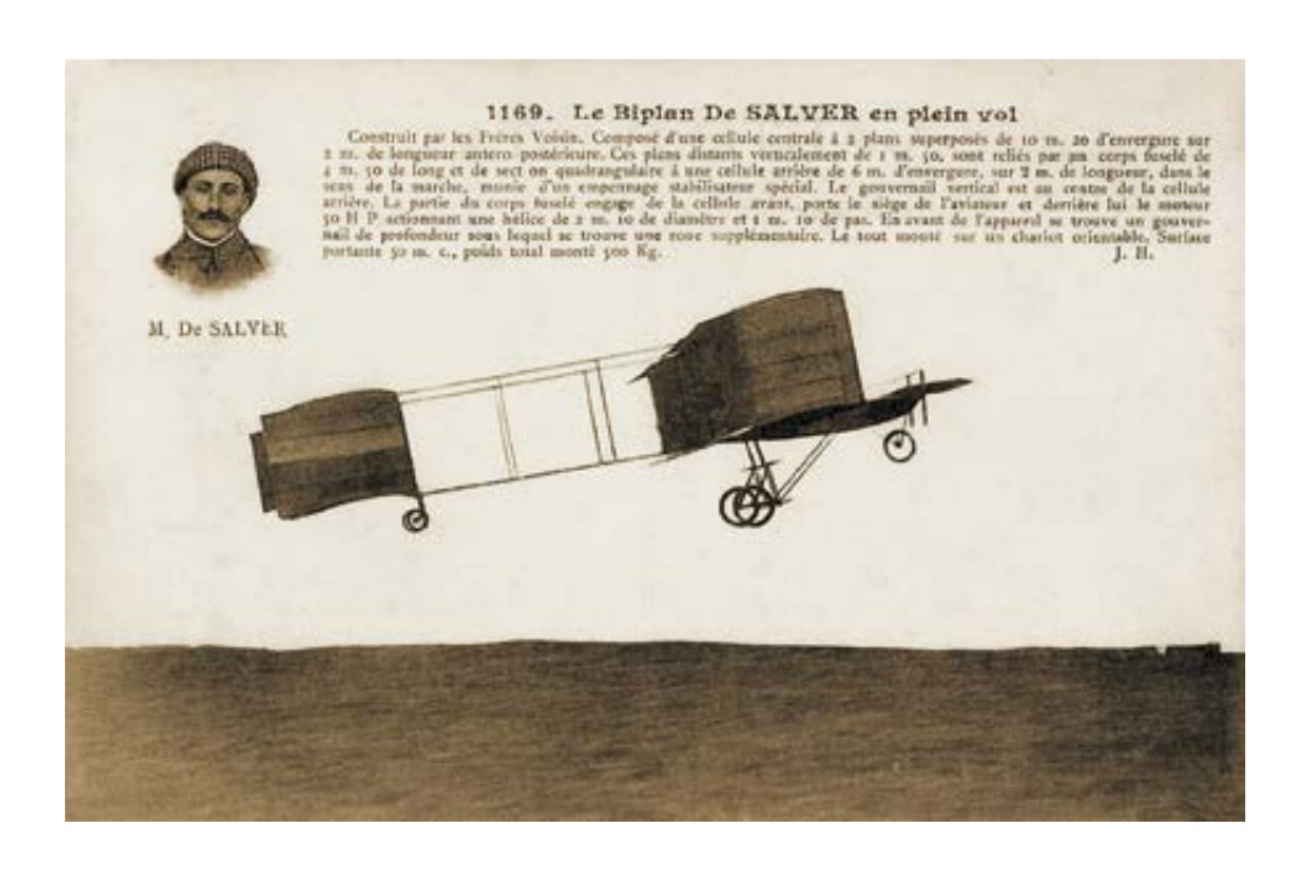
Петр Петрович Пекарский (1827–1872)

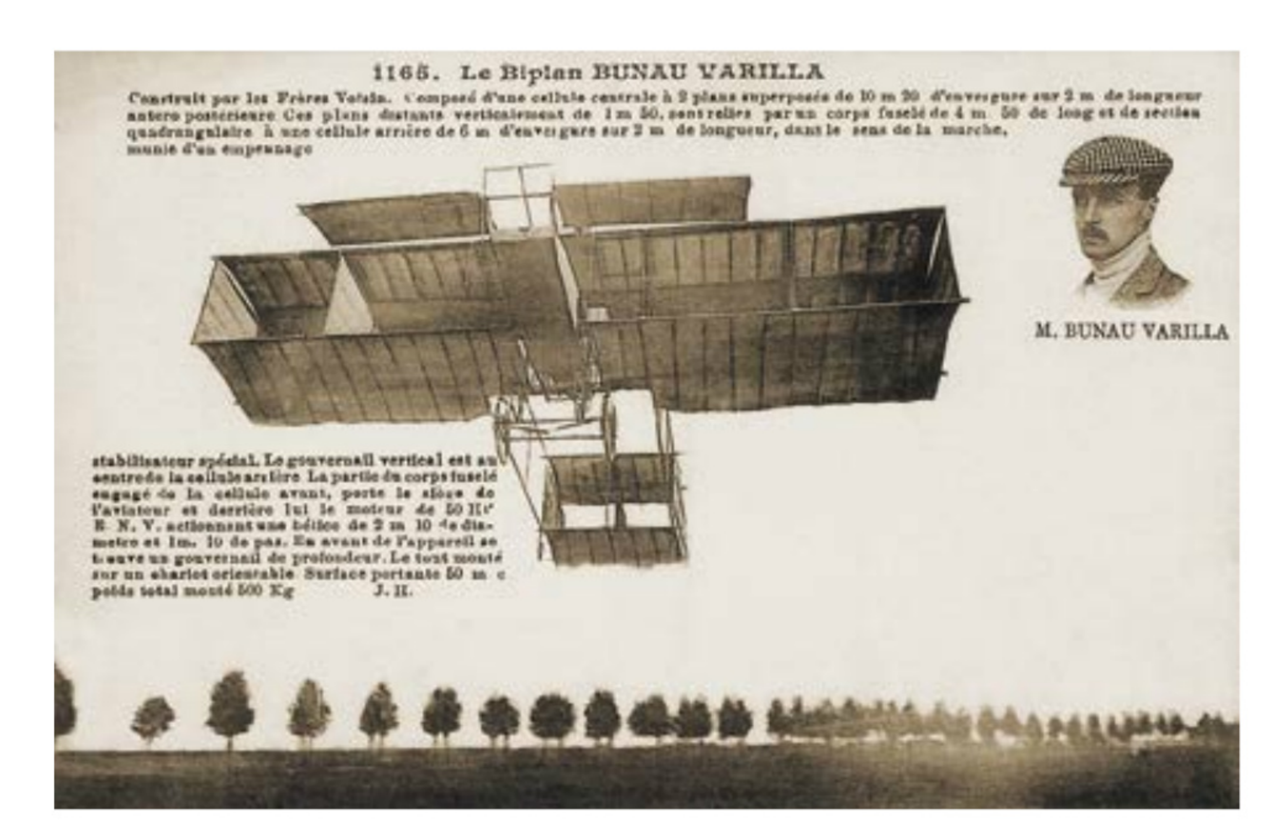
История Императорской Академии наук в Петербурге. В 2 т. / Санктпетербург, Типография Императорской Академии наук, Т. 1, 1870. – LXVII, 774 с. 27 x 18,3 см; Т. 2, 1773. – LVII, 1042 с.; 1 вкл. л. илл., 27,9 x 19,8 см. Тираж не указан.

Т. 1 – в составном переплете эпохи с тиснением на корешке; Т. 2 – в издательском картонажном переплете.

L'AÉROPLANE "FARMAN"

L'AÉROPLANE "WRIGHT"

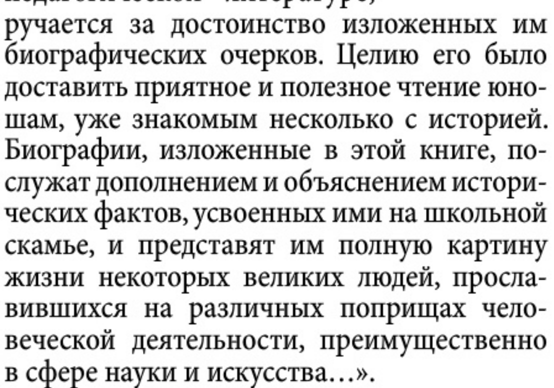

1169. Le Biplan De SALVER en plein vol
Construit par les Frères Voisin. Composé d'une cellule centrale à 2 plans superposés de 10 m. 20 d'envergure sur 2 m. de longueur antero postérieure. Ces plans distants verticalement de 1 m. 50, sont reliés par un corps fuselé de 4 m. 50 de long et de sect on quadrangulaire à une cellule arrière de 6 m. d'envergure, sur 2 m. de longueur, dans le sens de la marche, munie d'un empennage stabilisateur spécial. Le gouvernail vertical est au centre de la cellule arrière. La partie du corps fuselé engage de la cellule avant, porte le siège de l'aviateur et derrière lui le moteur 50 H P actionnant une hélice de 2 m. 10 de diamètre et 1 m. 10 de pas. En avant de l'appareil se trouve un gouvernail de profondeur sous lequel se trouve une roue supplémentaire. Le tout monté sur un chariot orientable. Surface portante 50 m. c., poids total monté 500 Kg. J. H.
M. De SALVER

1165. Le Biplan BUNAU VARILLA
Construit par les Frères Voisin. Composé d'une cellule centrale à 2 plans superposés de 10 m 20 d'envergure sur 2 m de longueur antero postérieure Ces plans distants verticalement de 1 m 50, sont reliés par un corps fuselé de 4 m 50 de long et de section quadrangulaire à une cellule arrière de 6 m d'envergure sur 2 m de longueur, dans le sens de la marche, munie d'un empennage
stabilisateur spécial. Le gouvernail vertical est au centre de la cellule arrière La partie du corps fuselé engagé de la cellule avant, porte le siège de l'aviateur et derrière lui le moteur de 50 HP B. N. V. actionnant une hélice de 2 m 10 de diamètre et 1m. 10 de pas. En avant de l'appareil se trouve un gouvernail de profondeur. Le tout monté sur un chariot orientable Surface portante 50 m c poids total monté 500 Kg J. H.
M. BUNAU VARILLA

Николай Маракуев.
Ньютон, его жизнь и труды.
Галилей, его жизнь и ученые труды
(1885)

В 1877 году, в Москве, издательство книгопродавца А.Л. Васильева выпустило на русском языке сборник биографических очерков известного в то время немецкого популяризатора знаний А.В. Грубе – «Биографические картинки». В коротком предисловии издателя отмечалось: «Предлагаемые нами биографии заимствованы из сочинения А.В. Грубе: Biographische Miniatur-Bilder. Имя автора, хорошо известное и в русской педагогической литературе, ручается за достоинство изложенных им биографических очерков. Целию его было доставить приятное и полезное чтение юношам, уже знакомым несколько с историей. Биографии, изложенные в этой книге, послужат дополнением и объяснением исторических фактов, усвоенных ими на школьной скамье, и представят им полную картину жизни некоторых великих людей, прославившихся на различных поприщах человеческой деятельности, преимущественно в сфере науки и искусства…».

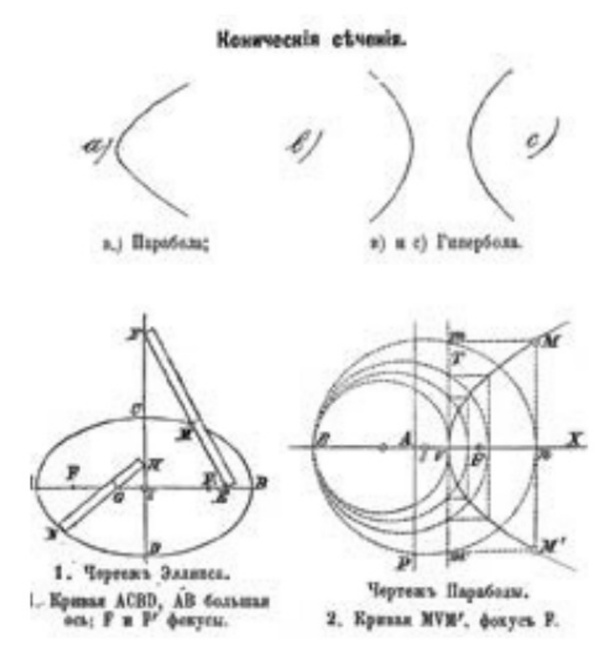
В 25-ти очерках действительно представлен весьма пестрый набор персоналий – жизнеописания ученых (Галилей, Ньютон, Паскаль, Фраунгофер…), поэтов, писателей, философов (Байрон, Вальтер Скотт, Кант…), артистов, музыкантов, живописцев (Гарик, Бетховен, Мендельсон, Рубенс…). Но именно эта пестрота и вызвала в русской прессе того времени критические отзывы, в которых высмеивался такой набор имен и биографий людей, «не имевших между собой ничего общего». Примешивалось сюда и еще одно немаловажное обстоятельство…

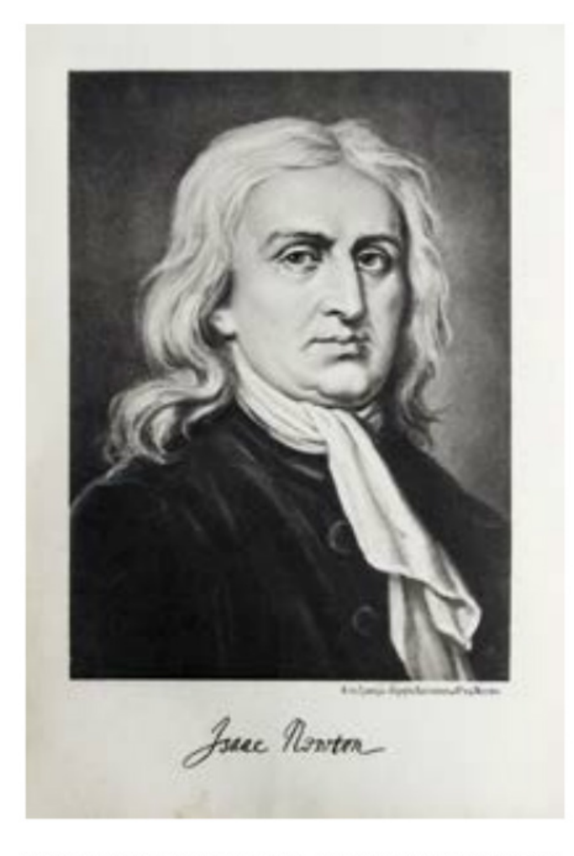
Видный русский библиограф, книговед, популяризатор науки Николай Александрович Рубакин в известном своем труде «Этюды о русской читающей публике: факты, цифры и наблюдения» (1895 г.) отмечал, что до 85% научно-популярных книг на русском языке в конце XIX в. – переводы зарубежных авторов.

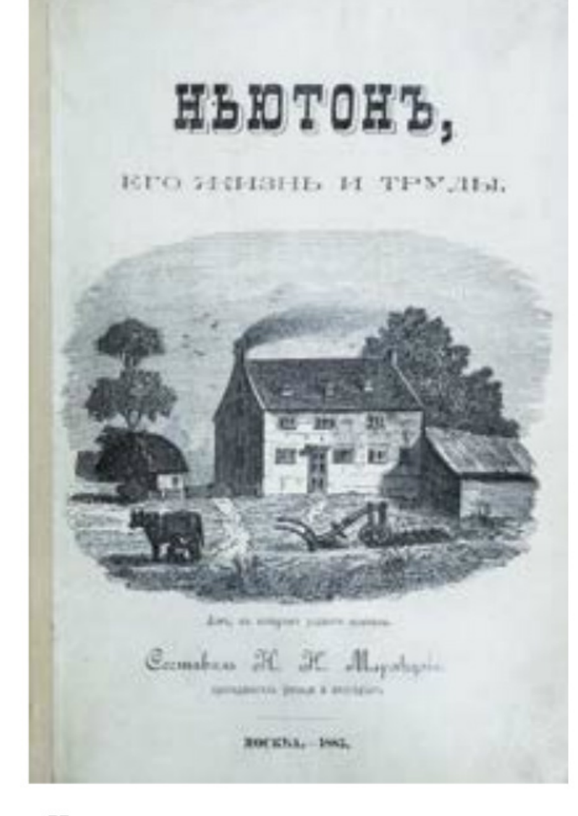
И вот, как раз к началу 1880-х годов, в России предпринимается несколько попыток изменить эту ситуацию. Одним из издательств, ставивших своей целью распространение в народе полезных книг, было издательство Владимира Николаевича Маракуева (? – 1921). С 1882 года оно выпускало серию «Народная библиотека».

В.Н. Маракуев печатал всё: беллетристику (русскую и иностранную), сказки, исторические рассказы, описания путешествий, классиков зарубежной литературы – Диккенса, По, Бичер-Стоу, Сенкевича, Флобера, Шекспира и… брошюры по сельскому хозяйству. Тоже набор весьма эклективный. Но именно издательству В.Н. Маракуева мы обязаны наступлением в России эры научно-популярных книжных серий.

Первая из них – «Научно-популярная библиотека», издававшаяся в Москве. Открывала эту серию книга Н.Н. Маракуева «Ньютон, его жизнь и труды» (1885). В «Объяснении по поводу издания “Научно-популярной библиотеки”» издатель, В.Н. Маракуев, так формулировал свою задачу: «Когда мы приступали к изданию “Народной библиотеки”, то есть серии таких книжек, которыя могли бы удовлетворять самому обширному кругу читателей с запросами на элементарное чтение, то мы хорошо понимали, что второю, серьезною ступенью чтения, без которой “Народная библиотека” не имела бы разумнаго основания появляться, будет популярно-научное чтение […] Задача “Научно-популярной библиотеки” уже гораздо обширнее и глуб-

же: ея цель расширять мыслительные горизонты читателя при помощи многостороннего знакомства с природой существующего и дисциплинировать ум. Следовательно, "Научно-популярная библиотека", понимаемая таким образом, не может рассчитывать на быстрый и легкий прием среди читателей, для которых она назначена. Здесь, следовательно, по преимуществу требуется содействие интеллигентных людей, дабы рекомендовать книжку читателю, растолковать значение ее, поселить желание ознакомиться с ней и возбудить решимость усвоить ее материал. Итак, на задачу «Научно-популярной библиотеки» мы смотрим весьма серьезно […] Мы постараемся для участия в работах привлекать русские самостоятельные силы ввиду того, что как бы ни были хороши иностранные популярные книжки, – они написаны не для России, не для нашей публики, у которой свой склад ума, свой уровень подготовки к восприятию знания, хотя бы и в популярной форме».

На этот раз русская критика оказалась более благожелательной, чем в случае с «Биографическими картинками» Грубе. Отмечалось, например, что автор «весьма живо и обстоятельно» освещает научный подвиг неутомимых исследователей. А автором книги был Николай Николаевич Маракуев.

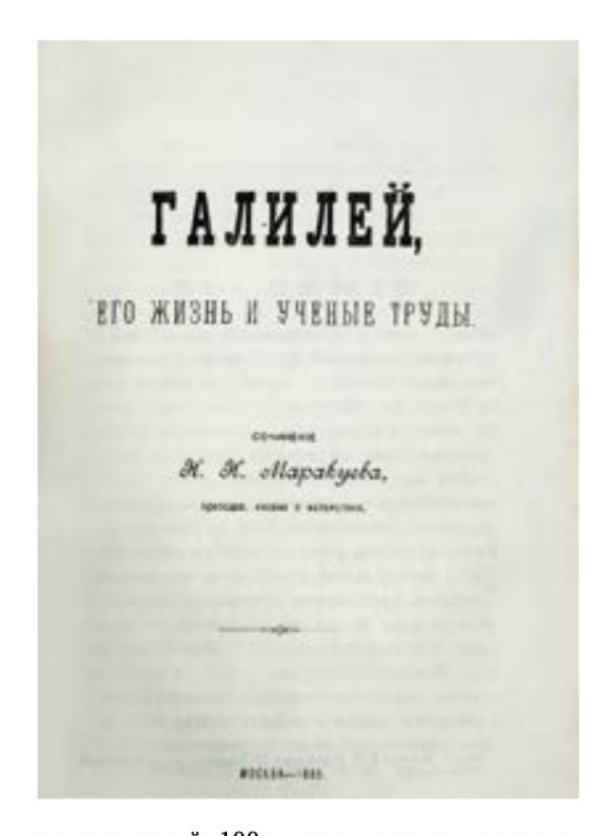
На первую полноценную научно-популярную серию, в которой вышла книга Н.Н. Маракуева, обратил внимание и Н.А. Рубакин: «Выпустила кое-какие недурные популярно-научные книжки хотя и одушевленная добрыми намерениями, но бестолковая фирма Маракуева и Прянишникова (в Москве)». Причина, по которой Рубакин маракуевскую фирму припечатывает эпитетом «бестолковая», заслуживает отдельного разговора. (Например, один из отзывов современников на издания В.Н. Маракуева звучал так: «тощие, долговязые и нескладные книжки».) Нас же не может не интриговать почти полное совпадение имен автора и издателя – Николай Николаевич и Владимир Николаевич Маракуевы.

Само собой напрашивается, что это – родные братья. Увы, документальных подтверждений этому нигде не находится. И это странно. Если про жизнь В.Н. Маракуева известно очень немного (даже дата его рождения не установлена), то вот его однофамилец (?) Н.Н. Маракуев (1847–1910) оказался фигурой более заметной. Николай Николаевич Маракуев – автор лучшего дореволюционного учебника по математике «Систематический курс элементарной алгебры», впервые изданного в 1896 году в двух томах. В небольшой мемориальной заметке в журнале «Математика в школе» (№3, 1949),

дореволюционной России» подчеркивалось: «В настоящее время книга значительно устарела, но не потеряла своего значения и для учителей наших средних школ и студентов педагогических и учительских институтов».

Родился Н.Н. Маракуев в Ростове Великом, он был пятым ребенком в семье. После того, как его отец, Николай Михайлович Маракуев, недоучившийся художник, бросил семью, Николай Николаевич попал в Москву, в семью своего двоюродного дяди, который постарался обеспечить своему воспитаннику возможности получения высшего образования.

По окончании московской гимназии Н.Н. Маракуев поступил на физико-математический факультет Московского университета. Учился он блестяще. Университет окончил с отличием. Еще в гимназии изучил латынь и греческий, а в университете – французский, немецкий и английский языки. Это, в том числе, определило и его вторую специальность – переводчика на русский язык научных трудов и научно-популярных сочинений.

ГАЛИЛЕЙ,

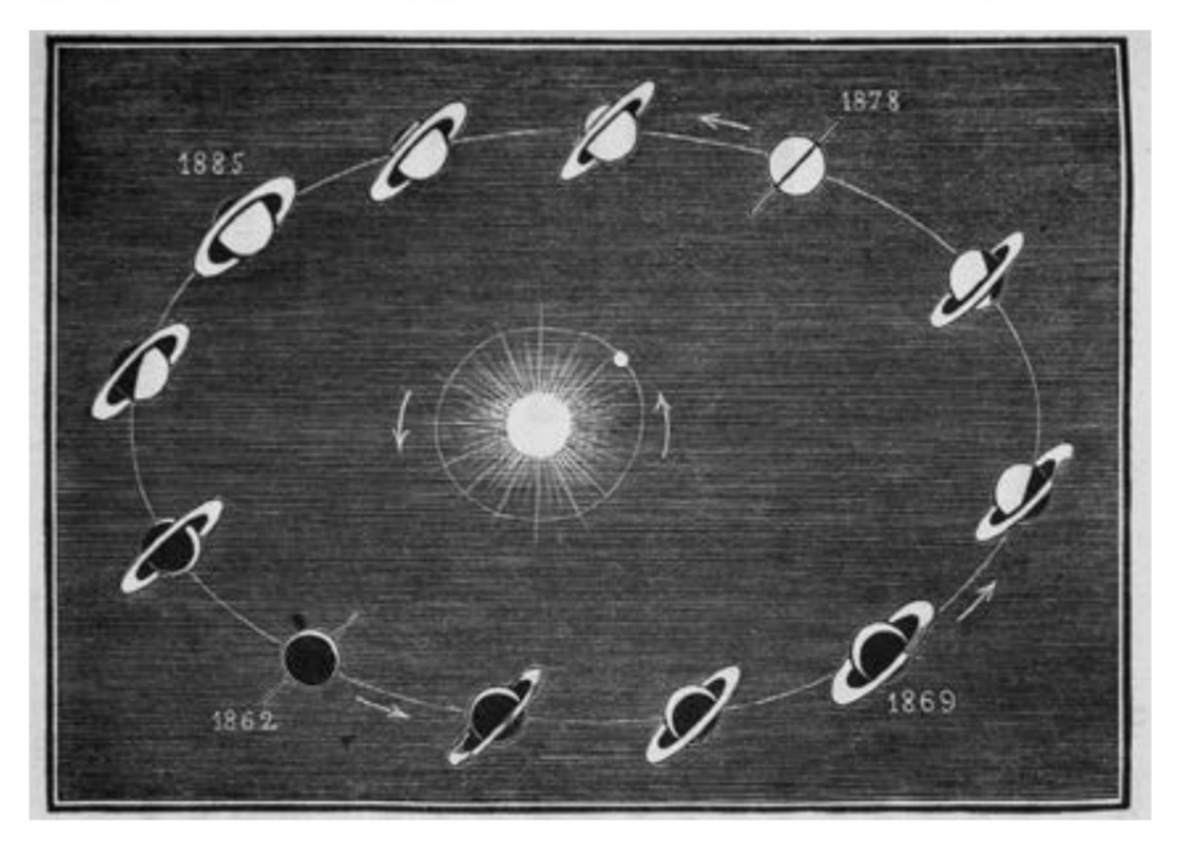
ЕГО ЖИЗНЬ И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

сочинение

Н. Н. Маракуева,

посвященной 100-летию со дня рождения «крупного преподавателя математики дореволюционной русской средней школы, автора двухтомного курса "Элементарной алгебры", на котором воспиталось не одно поколение преподавателей математики средних школ

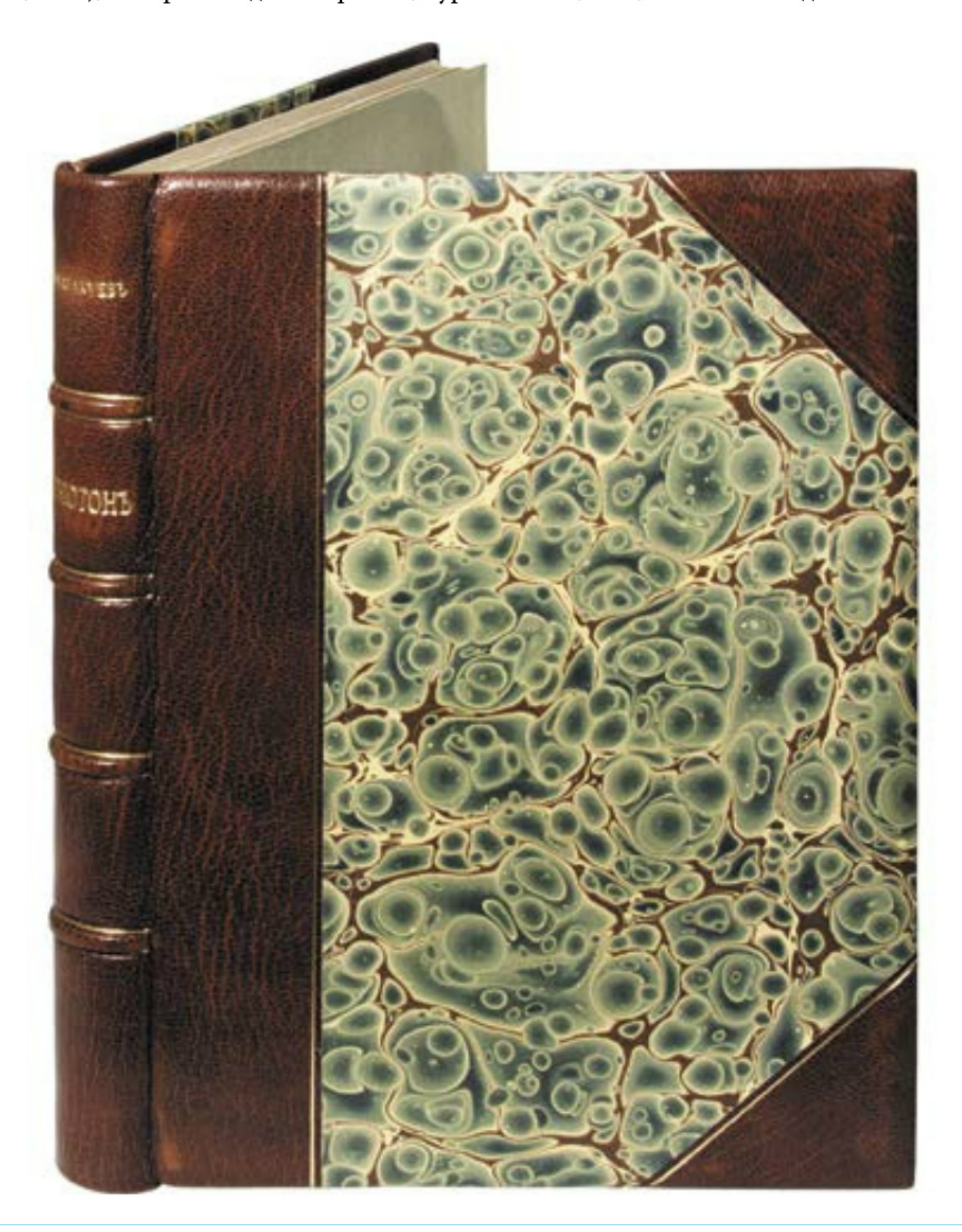
Работал преподавателем математики в реальных училищах и гимназии; пользовался большим авторитетом у коллег и учащихся. В 1897 году вышел в отставку и поселился в Одессе, где и умер от рака желудка и печени. (Кстати, В.Н. Маракуев был одно

время издателем «Одесских новостей» – это хоть и косвенный, но все же аргумент в пользу кровного родства двух Маракуевых.)

Весь свой одесский период жизни Н.Н. Маракуев посвятил литературной деятельности. Им написаны, например, такие оригинальные труды, как «Пособие к решению геометрических задач на вычисление» (М., 1909), «Сборник задач по физике, курс средней школы, 956 задач с ответами и решениями» (М., 1905).

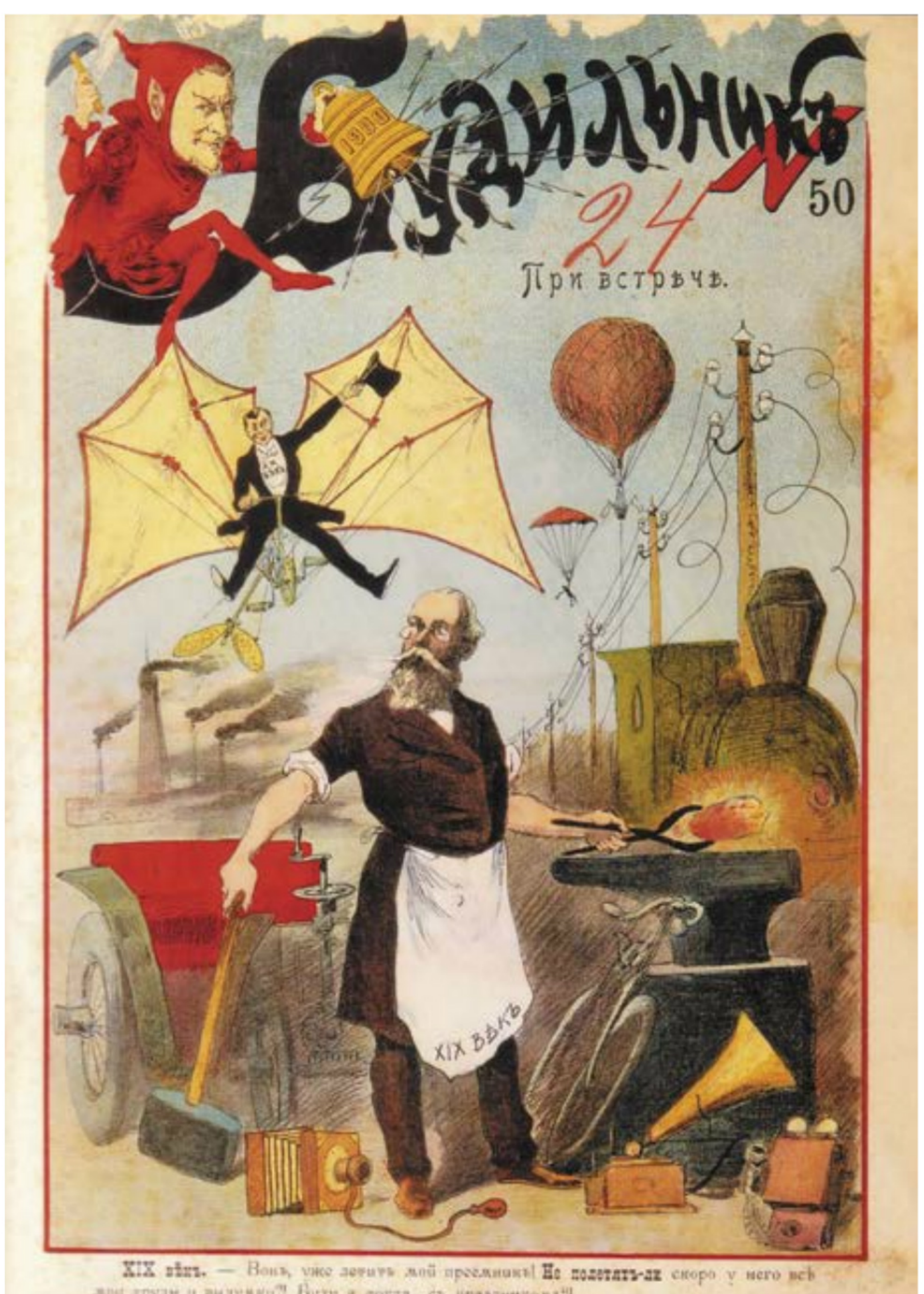
Нам остается только добавить, что и сегодня книга Н.Н. Маракуева «Ньютон, его жизнь и труды» прочитывается, что называется, на одном дыхании; едва ли не эталон научной строгости и доступности изложения. Недаром она выдержала четыре издания: в 1885, 1890, 1900 и 1908 годах.

Николай Николаевич Маракуев (1847–1910)

Ньютон, его жизнь и труды. Галилей, его жизнь и ученые труды (Конволют) / Типо-литография И.Н. Кушнерева и К°, Москва, 1885. – 92 с. + 176 с. – Серия «Научно-Популярная Библиотека», 19,8 x 14 см. Тираж не указан.

Современный составной переплет. Тиснение золотом на корешке. Издательские обложки сохранены под переплетом. На фронтисписе – Фото-Гравюра Исаака Ньютона, выполненная Шерер-Набгольц и К° (Москва).

Будильникъ
№ 50
24
При встрѣчѣ.
1900
XIX вѣкъ
XIX вѣкъ. — Вонъ, уже летитъ мой преемникъ! Не полетятъ-ли скоро у него всѣ мои труды и выдумки?! Буду я тогда „съ праздникомъ“!..

НАУЧНЫЙ
ТЕАТРЪ
ЛЕКЦІИ для НАРОДНЫХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ
Проф. А. Г. Тимофѣевъ.
Государство и
государственная
власть.
„Вѣстника Знанія"
(В. В. Битнера).

Семён Венгеров. Русские книги (1897–1899)*

«Русские книги» – один из главных трудов выдающегося библиографа и историка литературы С.А. Венгерова. Выпускник юридического факультета Петербургского университета и историко-филологического факультета университета в Дерпте (Тарту), он ещё на студенческой скамье задумал составить «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных». Осуществлению этого замысла Венгеров посвятил многие годы жизни. Первый том «Словаря» увидел свет в 1889 году, однако задолго до этого его автор понял, что быстрому продвижению в работе мешает отсутствие сводного каталога русских книг. Человек дела, Венгеров решил сам создать такой каталог. Впоследствии он так рассказывал об этом беспрецедентном начинании: «Издание проверенного и полного общего перечня русских книг давно уже составляет насущную потребность как людей науки, так и лиц, практически причастных к книжному делу, – библиотекарей, книгопродавцев и других. <...> И нетрудно понять то чувство отчаяния, которое должно было охватывать нас, когда при составлении списка сочинений, написанных тем или другим писателем, приходилось каждый раз перерывать десятки библиографических указателей и тратить на это совершенно непроизводительно огромное количество времени. Вот почему уже с самого начала издания «Критико-биографического словаря» мы были озабочены тем, чтобы составить себе список русских книг, сводящий в одно указания множества отдельных пособий. Эта сводная работа оказалась очень трудной и очень сложной. Она потребовала больших материальных затрат на оплату механического труда и на приведение в порядок огромной груды карточек, которых образовалось около 250 000. В общем, составление имеющегося у нас карточного каталога русских книг потребовало шести лет и, начатое в 1887 году, было закончено только осенью 1893 года».

Но созданная за шесть лет каторжного труда картотека учитывала лишь издания, включённые в книжные справочники и указатели. Тогда Венгеров принял решение описывать книги по подлинникам. В его распоряжении были коллекции Публичной библиотеки и крупные частные собрания. Семён Афанасьевич полагал, что сумеет выявить не менее 70–80 тысяч произведений русской печати, нигде ещё не зарегистрированных.

Составление и публикация подобного издания требовала значительных финансовых вложений. И здесь на помощь учёному-библиографу пришёл купец-библиофил, житель Красноярска Геннадий Васильевич Юдин (1840–1912). Н.П. Смирнов-Сокольский, посвятивший Юдину новеллу в своих знаменитых «Рассказах о книгах», пишет о нём: «Молодой Юдин разбогател случайно: он последовательно выиграл в лотерею 200 и 75 тысяч! Поместив деньги прибыльно в винокуренный завод, молодой Юдин всецело отдался своей страсти – собирательству русских книг. Покупал он широко, по-купечески – библиотеками, собраниями, «штабелями»... Делу этому он посвятил тридцать пять лет, затратив более полумиллиона и превратив эти деньги с купеческой точки зрения – в мёртвый, не приносящий дохода капитал».

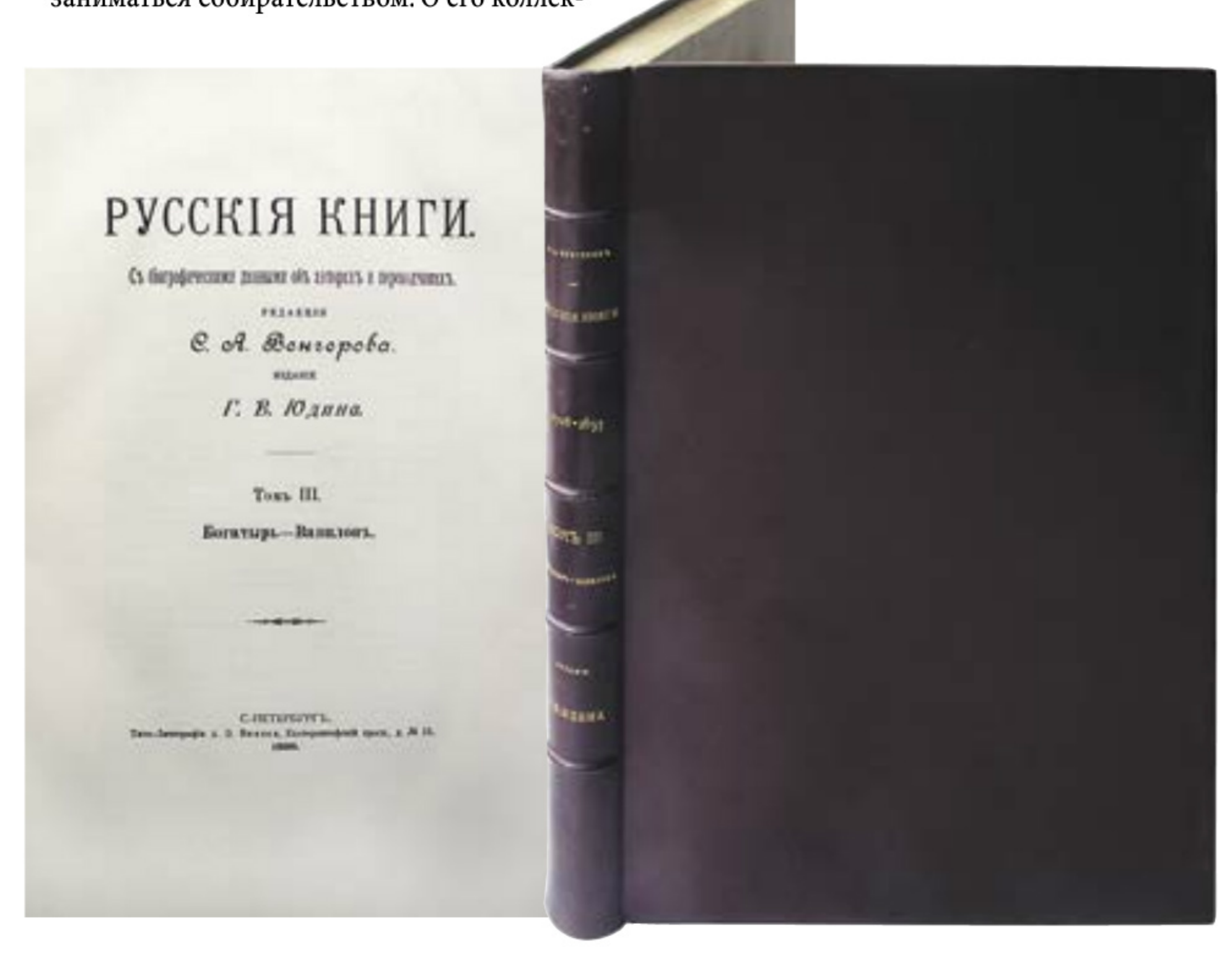
Случайно познакомившись в Москве с Венгеровым, Юдин согласился дать средства на издание каталога русских книг, и его имя по праву значится на титульных листах вышедших томов рядом с именем составителя. По предложению Юдина 200 экземпляров каждого выпуска печатались дополнительно на одной стороне листа: это позволяло разрезать напечатанный текст и наклеивать его на каталожные карточки (один такой экземпляр хранится в фондах Государственного Литературного музея в Москве). К сожалению, издание прервалось уже на третьем томе, дойдя лишь до буквы

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

«В». Венгеров понял, что для окончания «Русских книг» ему потребуется как минимум четверть века, и решил вновь сосредоточиться на «Словаре».

Следует сказать несколько слов о дальнейших судьбах героев этой истории. Профессор С.А. Венгеров опубликовал ряд монографий по истории русской литературы, однако его капитальные библиографические труды ввиду грандиозности замысла так и остались незавершёнными. Семён Афанасьевич стал организатором и первым руководителем Российской книжной палаты. Его колоссальный архив хранится ныне в Петербурге, в Пушкинском доме.

Г.В. Юдин ещё какое-то время продолжал заниматься собирательством. О его коллекции говорили как о крупнейшей в России. По некоторым сведениям, она насчитывала от 80 до 100 тысяч книг и около полумиллиона рукописей. В 1907 году, стремясь поправить пошатнувшиеся дела и не найдя покупателя на родине, Юдин был вынужден продать большую часть своего собрания в Америку, где оно составило ядро Славянского отдела Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне. Юдинское собрание так и не было полностью описано, а в конце XX века хранимый состав коллекции по разным причинам значительно поредел. При этом часть книг, к счастью, вернулась в Россию.

РУССКІЯ КНИГИ.

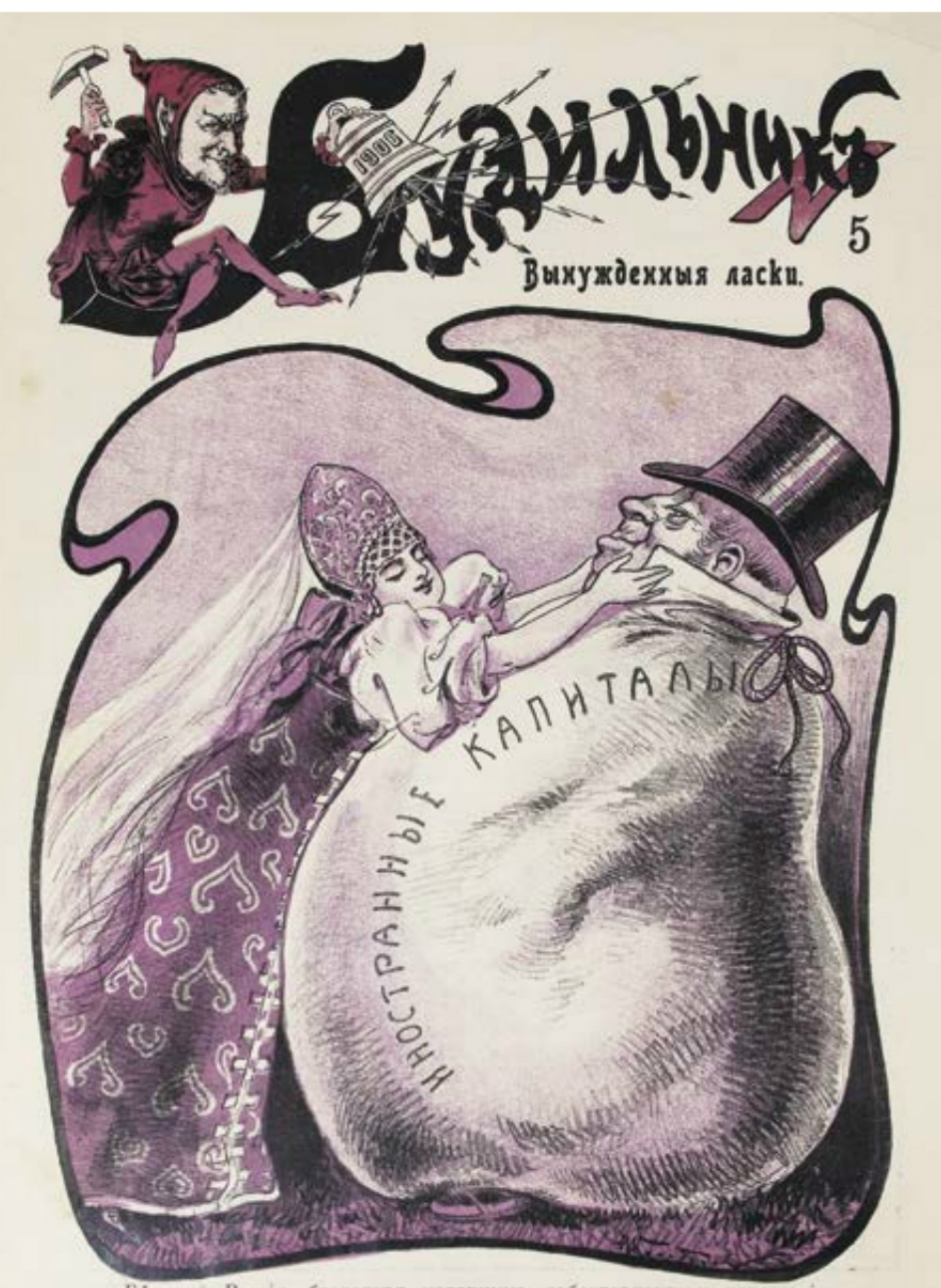
С. А. Венгерова.

Г. В. Юдина.

Томъ III.

Венгеров Семён Афанасьевич (1855–1920)

Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках. (1708–1893) Редакция С.А. Венгерова. Издание Г.В. Юдина. [В 3-х томах.] С.-Петербург, типо-литография А.Э. Винеке, 1897–1899. Т. 1. 1897. VII, 476 с. в 2 столбца. Т. 2. 1898. VII, 472 с. в 2 столбца. Т. 3. 1899. VII, 476 с. в 2 столбца. В трёх цельнокожаных переплётах мастерской Е. Ро (E. Rau) в Петербурге (название мастерской тиснено золотом на нижних кожаных подвёртках передних форзацев). На корешках – тиснённые золотом заглавие и имена составителя и издателя. Форзацы белого муара. Золототиснёная дублюра. Золотые головки. На верхней крышке первого тома тиснённое золотом имя владельца: «М. Параделов». 35,4х25,7 см. В трёх коробках в тон переплёта. Михаил Яковлевич Параделов (1868–1913) – издатель, книготорговец, хозяин известного в Москве книжного магазина на углу Большой Никитской и Долгоруковского переулка, составитель изданной на собственные средства «Адресной книги русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати» (Москва, [1904]). Параделов издал также воспоминания Д.В. Ульянинского «Среди книг и их друзей» (Москва, 1903), «Русские книжные редкости» Н.И. Березина (Москва, 1902–1903), «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века» Ю.Ю. Битовта (Москва, 1905).

Будильникъ
1906
№ 5
Вынужденныя ласки.
ИНОСТРАННЫЕ КАПИТАЛЫ
„Бѣдная" Россія, благодаря недавнимъ забастовкамъ и революціи, вынуждена теперь „ухаживать" за иностранцемъ...

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЙ БЮЛЛЕТЕНЬ.

— Политическій горизонтъ Европы не ясенъ, и на немъ замѣчаются особенныя ***тучи...***

34

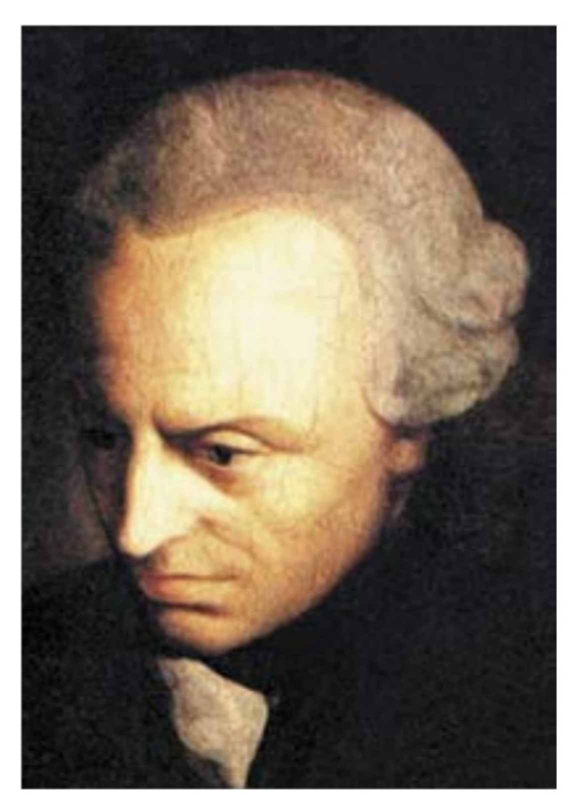
Иммануил Кант. Критика способности суждения (1898)

У отечественного философа Арсения Владимировича Гулыги есть небольшой очерк – «Свой собственный способ быть здоровым (Кант и Зощенко)». Гулыга, разбирая один из рассказов Михаила Зощенко («Возвращенная молодость»), приводит такой отрывок. «Вся его жизнь, – пишет Зощенко о Канте, – была размерена, высчитана и уподоблена точнейшему хронометру. Ровно в 10 часов он ложился в постель, ровно в 5 он вставал. И в продолжение 30 лет он ни разу не встал не вовремя. Ровно в 7 часов он выходил на прогулку. Жители Кёнигсберга проверяли по нем свои часы.

Можно создать любую привычку для тела, но нельзя забывать, что при частой повторности психика как бы усваивает эту привычку и доводит ее до крайности… Кант через двадцать лет уже приобрел свойства маньяка».

Кант родился 22 апреля 1724 г. в Кёнигсберге (с 1946 г. – Калининград) – центре провинции Восточная Пруссия. О слабости здоровья великого философа пишут все его биографы: «Кант походил на мать характером и телосложением; от нея он унаследовал впалую грудь. С раннего детства Кант отличался слабым здоровьем»; «природа не наделила Канта ни атлетическим сложением, ни вполне нормальными органами. Он был мал ростом – менее пяти футов (ок. 150 см), имел узкую и чрезвычайно впалую грудь и правое плечо его было сложено неправильно: лопатка слишком выдавалась назад»; «мускулатура его отличалась слабостью; Кант был до того сухощав, что портные постоянно ошибались в покрое его платья, и добродушный философ сам нередко говорил, шутя, что он отличается от других людей отсутствием икр. Нервы его были чрезвычайно деликатны, дыхание слабое; он сильно чихал от одного запаха свежей типографской краски при чтении утренней газеты»…

И вот этот «заморыш» в своем первом печатном произведении, – изданном, кстати, на средства двоюродного дяди Канта, башмачника по профессии, – брошюре «Мысли об истинной оценке живых сил в природе», заявляет: «Теперь мы смело попытаемся счесть за ничто авторитет Ньютона и Лейбница, раз мы можем противопоставить их утверждениям открытие истины. Мы не будем повиноваться никаким убеждениям, исключая внушение рассудка». Первая проба пера гениального философа.

Вообще, о стиле, языке, сложности восприятия кантовских текстов дает хорошее представление отзыв цензора Гиллмера на одну из поздних работ философа «О радикально злом начале в человеческой натуре» (1792). Гиллмер вернул издателям текст работы без единой помарки, но сопроводил комментарием: «…разрешается печатать, так как только глубокомысленные ученые читают сочинения Канта». Необычайная смысловая сложность книг Канта, написанных по-немецки, во многом играла (и играет до сих пор) злую шутку с интерпретацией его работ. Особенно это касается сколь выдающегося, столь и трудного произведения Канта – «Критика чистого разума».

Безусловно, это – центральная работа в творчестве Канта. Сам Кант опубликовал два издания: в 1781 и в 1787 годах. Каноническим считается второе, существенно исправленное и дополненное Кантом. Но, как ни странно, одно понятие из «Критики чистого разума» стало чуть ли не народной поговоркой: «Вещь в себе».

«Перевод “вещь в себе” наталкивает на мысль о некоей закрытой вещи, ее полной замкнутости “в себе”, из чего в советское время, и не без влияния дилетантской книги В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”, вычитывали мнимый “агности-

ИММАНУИЛЪ КАНТЪ.

КРИТИКА

Способности сужденія.

Переводъ Н. М. СОКОЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Попова.
1898.

цизм" Канта», – отмечает российский философ Н.В. Мотрошилова.

Замысел Канта был грандиозен: создать философскую систему, охватывающую все сферы человеческой психики. Доктор философии Гейдельбергского университета М.М. Филиппов в биографическом очерке «Кант. Его жизнь и философская деятельность» (СПб., 1893) отмечал: «В течение пятилетия с 1785 по 1790 год Кант написал ряд крупных произведений, которые, взятые в совокупности, образуют полную систему чистого разума, или систему критической философии… В "Критике практического разума" (1788) исследованы основные вопросы этики, в "Критике силы суждения" (1790) положены основания эстетики и разобраны телеологические вопросы».

Таким образом, «Критика способности суждения» (обратим, кстати, внимание, что Филиппов переводит название несколько иначе: «Критика силы суждения») – работа знаковая: она замыкает полную систему кантовской философии. Психология, науковедение, естествознание (Кант предпочитает говорить – «естествоведение»), искусствоведение, эстетика, теология, поставленные в рамки строгих и однозначных понятий, – вот что такое эта третья «Критика» Канта.

В «Библиохронике» представлен первый русский перевод, сделанный известным русским литературоведом, поэтом, публицистом Николаем Матвеевичем Соколовым (1860–1908). Эта книга была издана в Петербурге в 1898 г., то есть почти через сто лет после первого немецкого издания. В тридцатые годы XX в. этот перевод Соколова был исправлен (автор новой редакции не указан), но увидел свет только в составе 5-го тома «Сочинений» Канта (М., 1966). Существует и еще один перевод «Критики способности суждения», сделанный для вышедшего в 1994 г. 8-томного собрания «Сочинений» Канта М.И. Левиной.

Современный английский исследователь Пол Стретерн дает такую характеристику системе критической философии: «Система Канта равновелика закону всемирного тяготения Исаака Ньютона. И тот же Стретерн констатирует: «Довольно трудно рассказывать о жизни Канта. Ведь ее у философа по сути и не было (не считая той, что бурлила у него в голове. С ним практически не случалось ничего интересного».

В общем, скучная жизнь. Кант, например, никогда не видел открытого Балтийского моря, хотя жил совсем невдалеке от него. Дальше чем на 60 километров Кант никогда не отъезжал из своего любимого Кёнигсберга. (Любопытно, что другой величайший ученый, Исаак Ньютон, с которым часто сравнивают Канта, тоже никогда не добирался до морского побережья, даром что островитянин. Они были пунктуальны, Кант и Ньютон, то есть, если переводить буквально, «существовали в одной точке».)

Самые большие немецкие университеты того времени – Галле, Йена, Эрланген, Митау – предлагали ему кафедры. И всякий раз Кант отвечал отказом. Пятнадцать лет, с 1755 г., он ожидал кафедры логики и метафизики в родном Кёнигсбергском университете. В 1758 г. русские войска овладели Пруссией и 22 января вступили в Кёнигсберг. Все управление краем, включая университетскую администрацию, перешло в руки русского генерала барона фон Корфа. Жители Кёнигсберга были приведены к присяге, и профессора поэтики принялись слагать хвалебные стихи в честь императрицы Елизаветы.

«При таких обстоятельствах, – пишет М.М. Филиппов, – Кант должен был ожидать милостей от русского правительства, и он обратился к императрице с всеподданнейшим прошением». Текст этого прошения стал известен только через 135 лет. Вот он.

«Пресветлейшая, всесильная Государыня, Самодержица всея Руси, всемилостивейшая Государыня и великая жена!

Домик Канта в Модиттене. Фото из архива А. Бахтина

Вследствие смерти покойнаго доктора и профессора Кипке (Kypke) Professio ordinaria логики и метафизики, которую он занимал в здешнем кенигсбергском университете, стала вакантною. Эти науки всегда составляли главнейший предмет моих занятий. В продолжение тех лет, когда я находился в здешнем университете, я каждый семестр читал обе эти науки, на частных уроках. Я имел в этих науках две публичныя dissertations и, кроме того, стремился ознакомить с результатами моих работ в четырех статьях, помещенных в кенигсбергском ученом сочинении (Intelligenzwerk), в трех программах и трех других философских

Надгробная плита на могиле Иммануила Канта

tractata. Надежда, с которой я льщу себя посвятить службе академии наук, а главным образом всемилостивейшее желание Вашего Императорскаго Величества оказывать наукам поддержку, побуждает меня всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество всемилостивейше пожаловать мне освободившуюся professionem ordinariam и надеюсь, что senatus academicus, ввиду обладания мною необходимыми способностями, сопроводит мое всеподданнейшее прошение не неблагоприятными свидетельствами. Я уверяю в глубочайшей devotion Вашего Императорскаго Величества всеподданнейший раб Эммануил Кант. Кенигсберг 14 декабря 1758 г.».

Прошение это снабжено пометкой: «magister artium (магистр словесных наук) Эммануил Кант умоляет всеподданнейше Ваше Императорское Величество пожаловать ему освободившуюся кафедру логики и метафизики».

Однако генерал Корф предпочел Канту другого кандидата на эту кафедру, имевшего несколько больший стаж службы в университете. Тем не менее те пять лет, что Кант был подданным Российской Империи (пока после смерти Елизаветы Петр III не вернул Пруссию Фридриху II), не прошли бесследно. Кант знакомится со многими русскими офицерами; один из офицерских кружков предлагает Канту читать лекции по физике и физической географии. «Стоит прочесть записки Болотова, чтобы убедиться в том, как много способствовало пребывание русских войск в прусских провинциях сближению русского общества с движением немецкой науки и философии», – подчеркивает М.М. Филиппов.

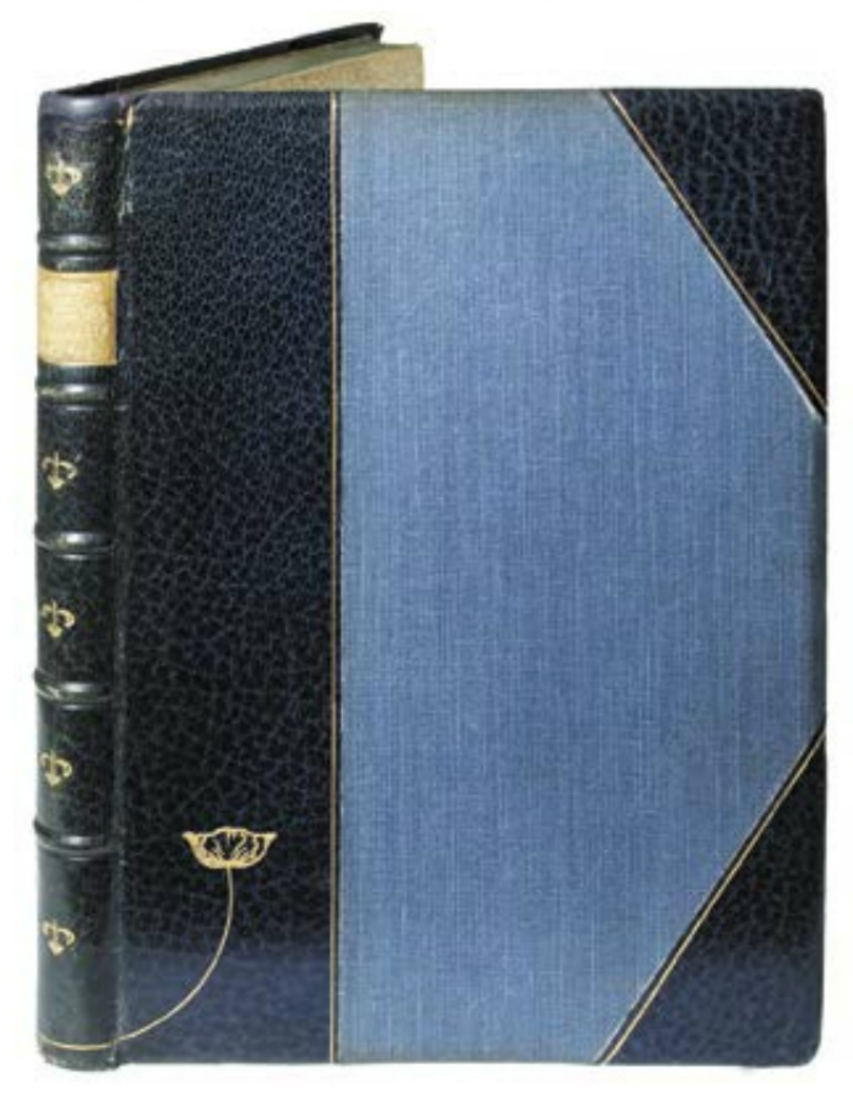
Лишь в 1770 г. Кант наконец-то добился (а вернее, дождался) того, он получает кафедру логики и метафизики в Кёнигсбергском университете. Ему – 46 лет. Кант два раза избирается на пост ректора университета. Но главное – получает возможность полностью отдаться своим философским исследованиям. В оставшиеся Канту годы и создается им одна из величайших философских систем – трилогия «Критик».

В октябре 1803 г. Кант заболел, пожалуй, впервые в жизни. Его тело, машина для мышления, которой он до сих пор успешно управлял с помощью «психической силы воли», начинает отказывать ему. Он чрезвычайно забывчив; и без того худой, он становится «похожим на скелет, обтянутый кожей»; его одолевают головные боли.

Но скончался Кант 12 февраля 1804 г. тихо, последними его словами были: «Это хорошо» («Es ist gut»).

Канта похоронили в Кёнигсбергском кафедральном соборе, в профессорском склепе. Кстати, там же располагалась и книжная лавчонка, где продавались докторские диссертации и другие ученые сочинения.

Во время Второй Мировой войны, в боях с советской армией, немцы корректировали артобстрелы и бомбежки так, чтобы не задеть последнее пристанище философа. Но вот наши союзники, англичане, 29 и 30 августа 1944 г. обрушили на собор фосфорные бомбы. «Существует информация, что в 1942-м премьеру Великобритании доложили о том, что с его чучелом работают кёнигсбергские колдуны. Эта гипотеза объясняет кипучую ненависть британцев к этому городу и применение против Кёнигсберга напалмовых бомб в августе 1944-го», – пишет историк из Калининградского государственного университета Александр Сологубов. Он же приводит слова одного из гостей города: «…а главная городская персона – Кант! Это уже помешательство. Сколько человек в стране прочли Канта? Ну шесть, ну одиннадцать, ну полсотни и то под пистолетом. И вдруг город, посвященный целиком этому самому неразъясненному Канту… Приходим в отстроенный кафедральный собор. Кругом снова Кант – бюсты, первые издания. Открываю книгу отзывов: "Нам все очень понравилось. С утра мы купались и загорали, сейчас знакомимся с Кантом – надели на него бескозырку и фотаемся. А сколько еще впереди! Матросы эсминца "Быстрый". – Катастрофа!..»

Иммануил Кант (1724–1804)

Критика способности суждения / Перевод Н.М. Соколова, С.-Петербург. Издание М.В. Попова, 1898. – 390 с. 23,7 x 15,5 см. Тираж не указан. Составной владельческий переплет с золотым тиснением по крышкам и корешку. Крашеный обрез.

Будильникъ
№ 6
„Болѣзненный вопросъ“
1906 г.
АГРАРНЫЙ • ВОПРОСЪ
Русское сельское хозяйство. — Неужели и въ текущемъ году не излѣчиться мнѣ отъ мучительной „зубной боли“?!..

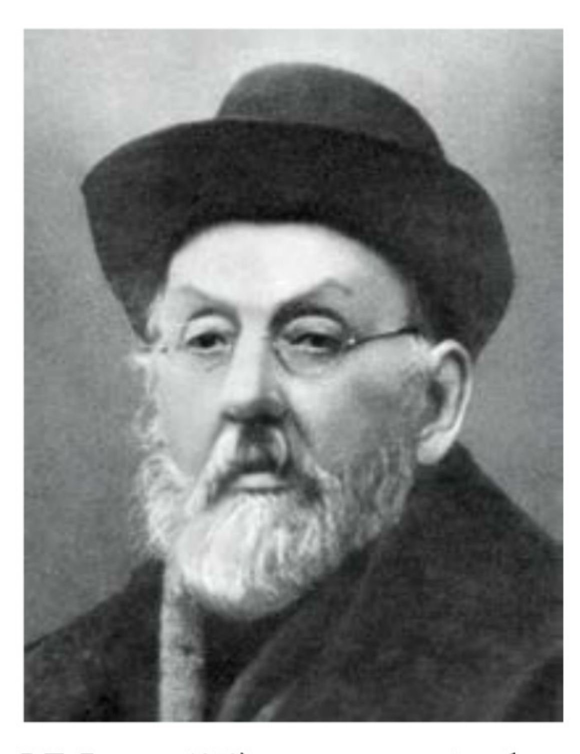
Въ „обновленной“ жизни

Отецъ — За соціалъ-демократа я дочь свою не выдамъ!. Я хотя и самъ за *свободу*, но терпѣть не могу слишкомъ „свободомыслящихъ“...

Константин Циолковский. Исследование мировых пространств реактивными приборами (1903, 1914, 1926)

«Никаких претензий на преобразование человечества, на практическую деятельность и политическое значение я, конечно, не имею. Я предлагаю только глубоко продуманные мысли, основанные на познании человека, натуралистических и точных знаниях. Деятели жизни, может быть, сумеют извлечь из них какое-либо применение. Это философский и научный материал, пригодный вообще для развития человечества и создания в его душе каких-либо идеалов», – отмечал в 1930-е годы Константин Эдуардович Циолковский.

Тем не менее именно преобразование человечества через практическую деятельность, повлекшую и глобальные политические изменения – именно такой эффект и произвела работа полуглухого (последствия скарлатины, которой он переболел в 9 лет) преподавателя математики в женском училище провинциальной Калуги Константина Эдуардовича Циолковского. Первая в мире научная работа, посвященная теории реактивного движения, представлена в «Библиохронике» в полном комплекте: все три публикации одного из величайших открытий человечества! Величайшая редкость!

В справочнике «Космонавтика. Маленькая энциклопедия» (главный редактор В.П. Глушко, 1970) о значении этой работы К.Э. Циолковского сказано так: «В ней Ц. впервые вывел законы движения ракеты как тела перем. массы в пространстве без тяжести и в поле тяготения, обосновал возможность использования ракет для межпланетных сообщений, определил кпд ракеты, исследовал влияние силы сопротивления воздуха на движение ракеты и мн. др. Работа Ц. указала рациональные пути развития космонавтики и ракетостроения. Этим же проблемам были посвящены исследования Ц., изданные в 1911–12, 1914, 1926. В 1929 опубликовал работу "Космические ракетные поезда", в к-рой рассмотрел теорию особого вида составных ракет».

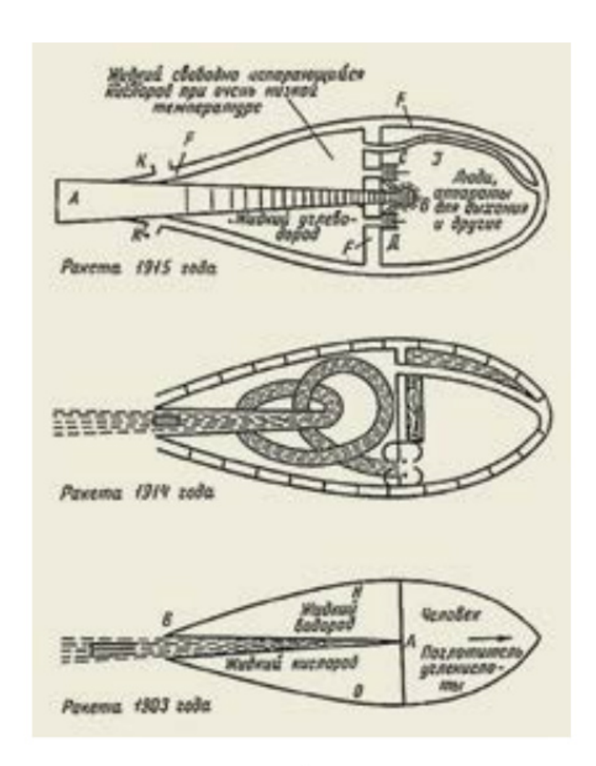

Константин Эдуардович Циолковский, 1930-е гг.

Академик С.П. Королев, который лично немного знал Циолковского, отмечал: «Трудно переоценить все значение предложения Константина Эдуардовича о составных многоступенчатых ракетах и ракетных поездах. По существу оно открыло дорогу человечеству в космическое пространство».

Циолковскому шел 39-й год, когда он приступил к математической разработке основ теории ракетно-космического полета. Мысль исследовать особенности движения ракеты возникла у него после прочтения брошюры А.П. Федорова «Новый принцип воздухоплавания, исключающий атмосферу как опорную среду» (С.-Петербург, 1896). А уже в 1897 году Циолковский вывел свою

знаменитую формулу. Она устанавливала зависимость между скоростью ракеты в любой момент, скоростью истечения газов из сопла, массой ракеты и массой взрывных веществ. А уже в 1898 году он окончательно оформил свой труд «Исследования мировых пространств реактивными приборами», в котором математически обоснована возможность достижения космических скоростей. Русский ученый уже тогда, в 1903 году, предложил использовать для космического полета не примитивную пороховую ракету, а жидкостный реактивный двигатель на водороде и кислороде. Наиболее ранняя из зарубежных публикаций на эту тему появилась во Франции спустя 10 лет – в 1913 году, в Германии – через 20 лет…

Первую часть своего фундаментального труда Циолковский в начале 1903 года направил редактору журнала «Научное обозрение» Михаилу Михайловичу Филиппову, в ту же редакцию, где печатались Д.И. Менделеев, В.М. Бехтерев, Ч. Дарвин, Г. Гельмгольц и Г.В. Плеханов.

И тут необходимо сказать несколько слов об издателе – М.М. Филиппове. Несомненно, неординарный человек, он был и социологом, и экономистом, филологом и историком, автором романа «Осажденный Севастополь»… и таинственного физического открытия, о котором продолжают спорить

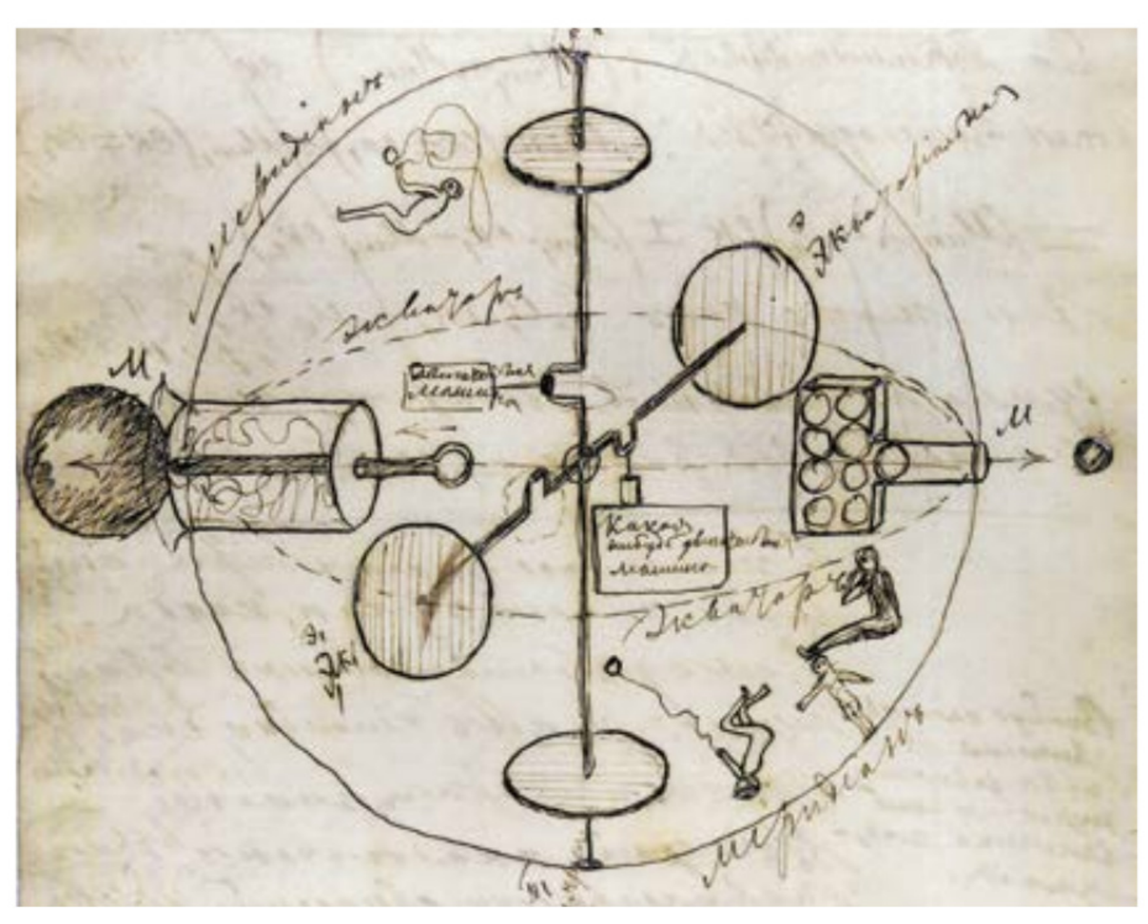
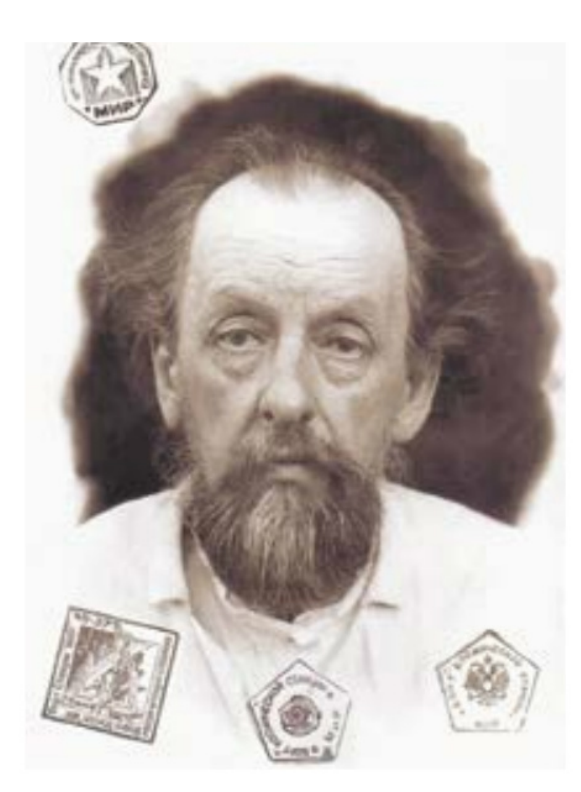

Рисунок Циолковского к статье «Свободное пространство». Архив РАН, 1883 г.

Портрет Циолковского, побывавший на борту орбитального комплекса «Мир»

до сих пор. 11 июня 1903 года газетой «Русские ведомости» было получено письмо Филиппова об изобретении им способа электрической передачи на расстояние в тысячи километров ударной волны взрыва. «Способ изумительно прост и дешев, – написано там, – подробности я опубликую в мемуарах Академии наук». Через день М.М. Филиппов погиб при таинственных обстоятельствах в своей лаборатории. Его записи не удалось разыскать. В последнем номере «Научного обозрения», который успел подписать Филиппов, напечатаны «Заветные мысли» Д.И. Менделеева и первая часть «Исследования мировых пространств...» К.Э. Циолковского. В 1903 году в пятом номере «Научного обозрения» появилась его статья «Исследование мировых пространств реактивными приборами», часть I-я. В ней была дана теория полёта ракеты и обоснована возможность применения реактивных аппаратов для межпланетных сообщений. Подзаголовки 1-й части:

1.Реактивный прибор-«ракета».

2. Преимущества ракеты.

3. Ракета под влиянием тяжести. Вертикальное поднятие.
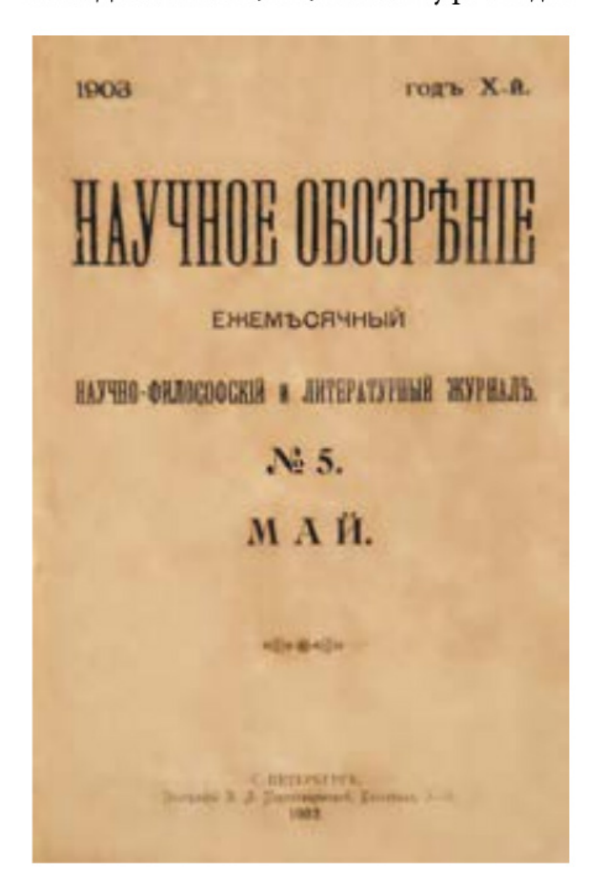
4. Среда тяжести (гравитация). Отвесное возвращение на Землю.

5. Среда тяжести (гравитация). Наклонное поднятие.

Этот номер журнала впоследствии был конфискован и стал безусловной редкостью!

Начались долгие мытарства ученого с публикацией своего научного труда в полном объеме. Собственно, и Филиппов ему жаловался, что цензура с большим трудом разрешила печатать первую часть рукописи. Приговор цензоров на сочинение Циолковского был однозначен: «…отличающееся материалистическим характером». Еще бы: ведь это рассказ о возможности полета в космическое пространство – прямое вторжение в святая святых, в вотчину господа бога.

Сын издателя – Б.М. Филиппов вспоминал: «Никакие доводы отца об огромном научном значении работы Циолковского не помогали. Тогда Михаил Михайлович решил посоветоваться со своим другом и учителем Д.И. Менделеевым, принимавшим активное участие в жизни "Научного обозрения". Ознакомившись с работой Константина Эдуардовича и выслушав жалобы редактора на цензурный произвол, Менделеев сказал ему: "Ну, конечно, цензор есть цензор. Он ведь получает жалованье не за разрешения, а за запрещения. Но я вам дам совет не как химик, а как дипломат. Сведите все ваши доводы в защиту Циолковского к пиротехнике. Докажите им, что, поскольку речь идет

1903 годъ X-й.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКІЙ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

Иллюстрация художника Геннадия Тищенко к произведениям К.Э. Циолковского. «Перед спуском на Луну»

о ракетах, это очень важно для торжественных праздников в честь тезоименитства государя и "высочайших особ". Вот пусть тогда вам запретят печатать статью"».

И – сработало! Разрешение было получено 31 мая 1903 года». Но тут-то и последовала трагическая гибель М.М. Филиппова. Из его кабинета вместе с его собственными документами жандармы изъяли и вторую часть научного труда Циолковского. Константин Эдуардович попытался получить рукопись обратно, но тщетно. Не смог он получить и причитавшееся ему определенное число оттисков уже напечатанной первой части работы, которыми обычно редакция расплачивалась с автором. «Оттиски (особые), как видно, были конфискованы, – писал ученый редактору и издателю журнала «Вестник воздухоплавания» Б.Н. Воробьеву, – я не мог получить их даже за деньги из типографии, и говорить со мной о них не стали, хотя они, несомненно, были, по словам сотрудников той же типографии».

До наших дней дошел единственный из принадлежащих автору экземпляров той публикации, тщательно им переплетенный и снабженный надписью: «Прошу хранить, как зеницу ока, ибо единственный экземпляр, вырванный мною из журнала. К.Ц.».

Два года Циолковский с трудом, но мирился с тем, что его фундаментальная работа не замечена в научных кругах России и зарубежных стран. И вот в газете «Иллюстрированные биржевые ведомости» была опубликована информация о том, что в Америке изобретена и построена боевая ракета. Заметка взволновала и встревожила автора «Исследования мировых пространств реактивными приборами».

«Эта телеграмма навела меня на горестные размышления, – написал Циолковский редактору газеты. – Ровно два года назад... появилась моя математическая работа... В ней, в сущности, изложена теория гигантской ракеты, поднимающей людей и даже доносящей их, при известных условиях, до Луны и других небесных тел. И вот всесветные акулы (как называет Эдисон похитителей чужих мыслей) уже успели отчасти подтвердить мои идеи и, увы, уже применить их к разрушительным целям. <…> Но что же вы, мудрецы, любители истины и блата, не поддержали меня? Почему не разобраны, не проверены мои работы, почему не обратили, наконец, на них внимания? Орудия разрушения вас занимают, а орудия блага – нет. Когда это кончится, пренебрежение мыслью, пренебрежение великим? Если я не прав в этом великом, докажите мне, а если я прав, то почему не слушаете меня?.. Общество от этого теряет бездну... Акулы распоряжаются и преподносят, что и как хотят: вместо

К. Циолковскій.

Изслѣдованіе

мировыхъ пространствъ реактивными приборами

(дополненіе къ I и II части труда того-же названія).

цѣна 15 коп.

исследования неба – боевые снаряды, вместо истины – убийство...» Сообщение из США о «чудо-оружии» оказалось газетной «уткой»…

Наконец, через восемь лет, Циолковскому поступило предложение из очень популярного в ту пору столичного журнала «Вестник воздухоплавания» подготовить для этого издания какую-нибудь статью. Константин Эдуардович предложил опубликовать вторую часть своей работы. «Я разработал некоторые стороны вопроса о поднятии в пространство с помощью реактивного прибора, подобного ракете, – писал Циолковский редактору журнала, – математические выводы, основанные на научных данных и много раз проверенные, указывают на возможность с помощью таких приборов подниматься в небесное пространство и, может быть, – основывать поселения за пределами земной атмосферы...»

Передавая на суд читателей большой труд Циолковского (работа печаталась с девятнадцатого номера за 1911 год до девятого номера 1912 года), журнал предпослал ему весьма осторожную оговорку: «Ниже мы приводим интересную работу одного из крупных теоретиков воздухоплавания в России К. Э. Циолковского, посвященную вопросу о реактивных приборах и о полете в безатмосферной среде. Автор сам ниже указывает на грандиозность развиваемой им идеи, не только далекой от осуществления, но еще не воплотившейся даже в более или менее конкретные формы. Математические выкладки, на которых основывает автор свои дальнейшие выводы, дают ясную картину теоретической осуществимости идеи. Но трудности, которые неизбежны и огромны при той непривычной и неизвестной обстановке, в которую стремится проникнуть автор в своем исследовании, позволяют нам лишь мысленно следовать за рассуждениями автора».

Растянутость публикации затрудняла чтение и восприятие идей Циолковского. И тем не менее инженер-технолог В. Рюмин в 1912 году писал в 36-м номере журнала «Природа и люди»: «Циолковский – это гений, открывающий грядущим поколениям путь к звездам. О нем надо кричать! Его идеи надо сделать достоянием возможно более широких читательских масс».

Найти средства на издание в полном объеме своего труда К.Э. Циолковскому не удалось. Тогда он в 1914 году на свои средства выпускает брошюру, включающую лишь дополнения к ранее опубликованным первой и второй частям своего фундаментального труда. Представленный в «Библиохронике» экземпляр этого издания – уникален. На обложке – автографы всех членов советско-американской космической миссии «Союз – Аполлон» (1975): Алексей Леонов, Валерий Кубасов, Томас Стаффорд, Вэнс Бранд, Дональд Слейтон.

В 1923 году К.Э. Циолковский переиздал свою работу «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903 г.) отдельной брошюрой под названием «Ракета в космическое пространство» (на титуле указан другой год – 1924). Тираж составил 1000 экземпляров. Новый заголовок был выбран по аналогии с названием книги Г. Оберта «Die Rakete zu den Planetenraumen» («Ракета в межпланетные пространства»). Любопытно, что вступительную заметку на немецком языке (!) написал другой выдающийся калужанин – Александр Леонидович Чижевский.

А в 1926 году наконец-то труд Циолковского был напечатан целиком с подзаголовком: «Переиздание работ 1903 и 1911 гг. с некоторыми изменениями и дополнениями».

Вообще, после Октябрьской революции 1917 года научная деятельность Циолковского неожиданно получила поддержку Советского государства. В 1918 году он избирается членом Социалистической академии, в 1919-м – почетным членом Общества любителей мироведения. В 1921-м Совнарком РСФСР назначает Циолковскому пожизненную персональную пенсию. В 1924 он – почетный профессор Академии Воздушного флота им. Н.Е. Жуковского… Впрочем, электричества и отопления в доме Циолковского в Калуге не было до 1931 года.

С чем это было связано? Может быть с тем, что в своей главной теоретической книге по практической космонавтике «Исследование мировых пространств реактивными приборами» К.Э. Циолковский обещал уже в обозримом будущем вечную жизнь:

«Итак, нет конца жизни, концу разуму и совершенствованию человечества. Прогресс его вечен. А если это так, то невозможно сомневаться и в достижении бессмертия». Известно, что советское руководство очень серьезно подходило к этому вопросу – борьбе со старостью, омоложением. Мало того, ставило эти вопросы «в практическую плоскость».

За неделю до своей кончины Константин Эдуардович отправляет телеграмму И.В. Сталину:

«ЦК ВКП (б) – вождю парода

тов. СТАЛИНУ

Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, Т. СТАЛИН.

Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед. До революции моя мечта не могла осуществиться.

Лишь Октябрь принес признание трудам самоучки, лишь Советская власть и партия ЛЕНИНА – СТАЛИНА оказали мне действенную помощь. Я почувствовал любовь народных масс, и это давало мне силы продолжать работу, уже будучи больным. Однако сейчас болезнь не дает мне закончить начатого дела.

Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Совесткой власти – подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды.

Всей душой и мыслями Ваш,

с последним искренним приветом всегда Ваш

К. ЦИОЛКОВСКИЙ. 13 сентября 1935 г.»

«Знаменитому деятелю науки

тов. К. Э. ЦИОЛКОВСКОМУ

Примите мою благодарность за письмо, полное доверия к партии большевиков и Советской власти.

Желаю Вам здоровья и дальнейшей плодотворной работы на пользу трудящихся.

Жму Вашу руку.

И. СТАЛИН».

«МОСКВА тов. СТАЛИНУ

Тронут Вашей теплой телеграммой. Чувствую, что сего дня не умру. Уверен, знаю – советские дирижабли будут лучшими в мире.

Благодарю, Товарищ Сталин, нет меры благодарности.

К. ЦИОЛКОВСКИЙ».

Константин Эдуардович Циолковский умрет 19 сентября 1935 года.

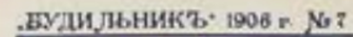
Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935)

«Исследование мировых пространств реактивными приборами» // СПб., «Научное обозрение», N 5, май 1903 г. 21,6 x 15,8 см.

Исследование мировых пространств реактивными приборами (дополнение к I и II части труда того же названия) / Калуга, Коровинская, д. № 61, К.Э. Циолковскому. Издание и собственность автора, 1914. 25,2 x 17,2 см. На обложке – автографы членов космической миссии «Союз – Аполлон» (1975).

Исследование мировых пространств реактивными приборами / Переиздание работ 1903 и 1911 г. с нек. изм. и доп., Калуга, 1926. 16,4 x 12,5 см.

Будильникъ
№ 7
1906
Борьба партій
на политической аренѣ.
Публика.—Выступаютъ, какъ **львы**, а въ дѣйствительности „царапаются", какъ **коты**...

Европейскія картинки.

(Моментальные снимки.)

Германія готовитъ въ настоящее время культуру бацилам войны...

Турція не хочетъ слушать совѣтовъ европейскихъ державъ...

Россія изучаетъ температуру внутреннихъ безпорядковъ...

Китаецъ думаетъ, не отомстить ли ненавистнымъ иностранцамъ?..

Австрія и Венгрія заняты „политической" борьбой изъ-за самостоятельности...

Англичанинъ курить „сигару мира" и мечтаетъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ...

Виктор Русаков. Русские изобретатели (sine data, после 1905)

В конце XIX – начале XX в. в России все более или менее заметные издательские фирмы считали долгом иметь в своем ассортименте научно-популярные журналы, книги, научно-популярные серии.

Издательская фирма Маврикия Осиповича Вольфа (1826–1883), основанная в 1853 году, не была исключением. С самого начала своего существования Вольф попытался найти разумный баланс между изданиями работ отечественных ученых и переводными. Как отмечалось в заметке из журнала «Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф» от 1 марта 1898 г., № 6, приуроченной к пятнадцатилетию со дня смерти Маврикия Осиповича, «М.О. Вольф умело выбирал для своих изданий иностранные и русские сочинения, которые, как бы ни был незначителен у нас круг читателей, всегда находили сбыт, не быстрый, но обеспечивающий за самим издателем доброе имя в истории книжного дела. Так, когда в публике особенно сильно проявлялся спрос к естественно-научным знаниям, М.О. издавал сочинения и переводы сочинений иностранных корифеев по этой специальности». Автором этой заметки был Виктор Русаков.

Виктор Русаков – псевдоним Сигизмунда Феликсовича Либровича (1855–1918) – известного русского писателя и библиофила. Более сорока лет он проработал в книготорговой и издательской фирме М.О. Вольфа (с 1882 г. – «Товарищество М.О. Вольфа»).

Либровичем написано несколько сотен (!) популярных, кратких жизнеописаний деятелей культуры, науки, путешественников, военачальников. Большинство из них объединены в сборники, выходившие в издательстве М.О. Вольфа: «Русские Колумбы и Робинзоны» (1903), «Русские первенцы» (1908), «Русские самородки и самоучки» (1913), «Русские светила науки» (1913), «Знаменитые исследователи русской земли» (1916)…

Вот и эта небольшая, изящно оформленная книжка «Русские изобретатели» (год издания не указан в выходных данных, но, скорее всего, это был 1908 г.), по-своему, имеет этапное значение для истории русского книгопечатания. Это – первая попытка издать научно-популярную книгу, посвященную творчеству выдающихся русских изобретателей. 16 коротких биографических очерков рассказывают о жизни как остающихся в общественном сознании (или, лучше сказать, – на слуху) до сих пор русских изобретателей и ученых, так и почти позабытых сегодня: Кулибин, Зарубин, Якоби, Ломоносов, Петров, Виноградов, Шиллинг, Черепановы, Чиколев, Петрушевский, Яблочков, Глухов, Попов, Голубицкий, Данилевский, Ладыгин.

РУССКІЕ
ИЗОБРѢТАТЕЛИ

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
ВИКТОРА РУСАКОВА

Съ портретами и рисунками.

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
• СПбургъ • Москва •

Баронъ Шиллингъ въ своемъ физическомъ кабинетѣ.

Борис Семенович Якоби

«Познакомить юных читателей с жизнью главнейших русских изобретателей, имена которых хотя и не попали в пантеон великих изобретателей наравне с именами знаменитых иностранцев, но, тем не менее, заслуживают памяти потомства, познакомить с данными, при которых возникала идея целого ряда русских изобретений, и с теми условиями, при которых приходилось работать их изобретателям – вот цель настоящей книги. Описание сущности самых изобретений при этом изложено в возможно простой, общей форме – доступной пониманию тех читателей, на которых рассчитаны предлагаемые очерки», – отмечается в предисловии.

При этом Виктор Русаков дает такой психологический портрет: «Вот как рисуют обыкновенно тип русскаго изобретателя: “Нравственно забитый, измученный и усталый духовно, потративший свои последние средства на усовершенствование изобретенного им детища, в старом, поношенном сюртуке, он стучится всюду, где может, стараясь пропагандировать и пустить в жизнь то, что стоило ему, в большинстве случаев, многолетнего, упорнаго труда... Со своим изобретением под мышкой, с массой рекомендательных писем, документов и одобрительных отзывов в кармане, он обивает всюду пороги, стараясь показать его, кому только можно... Заглядывая вам в глаза, пытаясь проникнуть в вашу душу, он с любовью и интересом разбирает свое изобретение, знакомя вас с каждой его деталью, стараясь пробудить в вашем сердце сочувствие к его изобретению, заинтересовать вас им”».

И далее Виктор Русаков ставит абсолютно точный диагноз: «Жизнь большинства великих изобретателей – это постоянная, непрерывная борьба со всякого рода затруднениями, неудачами, страданиями, равнодушием общества, иногда преследованиями, а часто и насмешками современников. <…> Бывает и так, что изобретение, которое впервые приходит в голову одному, только спустя десятки лет, усовершенствованное другим, под именем последнего, получает распространение. И слава приходится тогда часто на долю не перваго изобретателя, а его усовершенствователя, который сумел осуществить изобретение на практике, довести его до удовлетворительной применимости, ввести его в жизнь и дать ему надлежащую огласку.

Так было и со многими русскими изобретателями. Первая идея применения электричества к освещению принадлежит русскому, но слава изобретателя этого освещенья выпала на долю англичанина. Первые лампочки накаливания – придуманы русским, но пущены были в продажу американцами.

Павел Николаевич Яблочков

Первые основы гальванопластики положены были в России, а между тем честь открытия гальванопластики присвоили себе англичане. Беспроволочный телеграф задуман был русским ученым, а как его изобретатель известен итальянец и т.д., и т.д.

И вот в то время, как представители русской литературы, науки и искусства приобрели громкую всемирную известность и заняли достойное место наряду с выдающимися силами Запада, – имена русских изобретателей остаются почти неизвестными».

И, что самое поразительное, слова эти, написанные более ста лет назад, актуальны до сих пор. Мало того, похоже, что этот диагноз, который ставит Виктор Русаков отечественной системе отношения к интеллектуальным ресурсам, в нашей стране – хронический, не менялся никогда. Очень показательна в этом смысле судьба выдающегося отечественного инженера-электротехника А.Н. Ладыгина (Русаков пишет его фамилию именно через «а»; в современной русской историографической традиции эта фамилия пишется через «о» – Лодыгин).

«Ладыгин – эта фамилия мало кому известна. А между тем с этим именем связано огромного значения усовершенствование в области электрического освещения, положившее начало повсеместному распространению электрического света. <…> А.Н. Ладыгину первому пришла мысль применить к освещению небольшим светом нового совершенно принципа. В 1873 году он предложил накаливать тонкие угольные стерженьки в пустоте, т.е. в стеклянных, герметически закрытых шарах, из которых воздух выкачан… <…> За усовершенствование этой идеи взялся Эдисон, и, спустя шесть лет после того, как Ладыгин впервые построил свою лампочку, Эдисон пустил в обращение свои усовершенствованные лампочки накаливания, в которых угольки были заменены тонкой бамбуковой угольной проволокой <…>. И эти лампочки под названием эдисоновских и получили огромное распространение».

Прошло около 30 лет. И вот, например, что пишет учёный-электротехник, член-корреспондент АН СССР Михаил Шателен в статье «Из истории изобретения ламп накаливания» («Архив истории науки и техники». Вып. IV, 1934 г.): «К сожалению, и высокая академическая награда <Премия Ломоносова> не обеспечила Лодыгину возможности продолжать и углублять его работу, и практическую лампу накаливания мы получили не от него. А между тем последующие его изобретения – угольная и вольфрамовая лампы – показали, что изобретатель шел верным путем. Судьба Лодыгина, увы, была судьбой многих пионеров-изобретателей, особенно русских…»

Перескочим еще на 80 лет вперед. Летом 2016 года на Международном Петербургском экономическом форуме профессор Массачусетского технологического института Лорен Грэхэм отмечал: «Противоречие и странность в том, что русские изумительно изобретают и очень плохо занимаются инновациями.

Вот несколько примеров. Русским ученым принадлежат две Нобелевские премии в области лазерных технологий. Но сейчас нет ни одной российской компании, которая занимала бы сколько-нибудь значительное место на рынке лазерных продуктов и технологий.

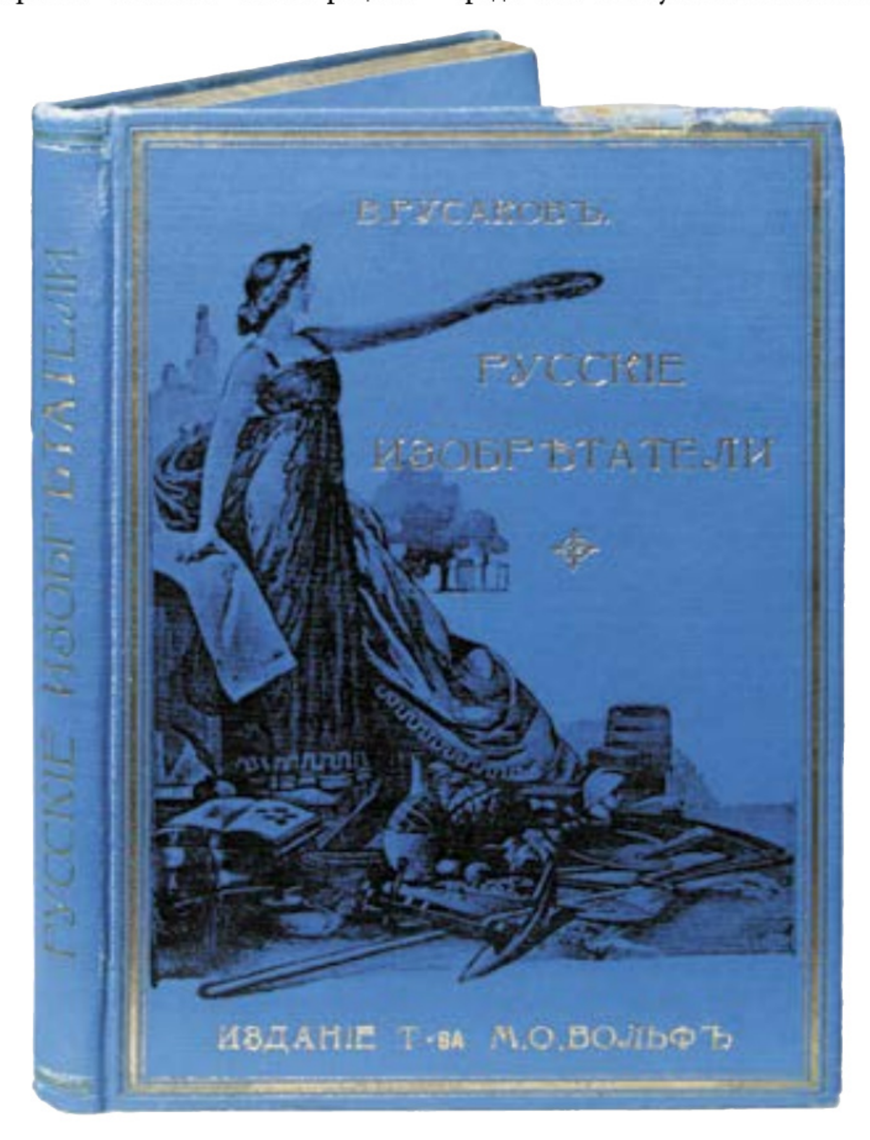
Электрические лампочки изобрели в России. По сути, Томас Эдисон позаимствовал эту идею у Яблочкова, русского ученого. Но затем американские компании захватили этот рынок, и никакая российская компания с ними не стала конкурировать.

Россия первая запустила искусственный спутник Земли. Но сегодня у России менее 1% мирового рынка телекоммуникаций. Россия первой создала руками Сергея Лебедева элек-

тронный цифровой компьютер в Европе. Но кто покупает российские компьютеры сегодня?»

Много примеров мы найдем и в книге «Русские изобретатели». Вот только один. Чиновник землемерного ведомства в Костромской губернии Павел Алексеевич Зарубин (1817–1886) придумал прибор для точного нанесения на бумагу измеряемых площадей земной поверхности. А в награду в его формуляр была внесена отметка: «Увлекает себя затейливыми занятиями, вредными и нетерпимыми на службе»

В чем же причина этой «народной» русской болезни? Как от нее избавиться? Тот же Лорен Грэхэм «выписал» такой рецепт: «Исключительно важный вопрос: почему у русских так хорошо получается разрабатывать научные технологические идеи и так плохо получается извлекать из них экономическую выгоду? Ответ кроется не в отсутствии талантов у российских ученых и инженеров, отнюдь. Ответ в том, что в России не удавалось выстроить общество, где блестящие достижения граждан оборачивались бы экономическим развитием страны. Все руководители России – со времен царизма до нынешних времен – полагали, что ответ на проблемы модернизации – сама технология. Считали, что ответ именно в технологии, а не в социально-экономической среде. <…> Им нужно молоко без коровы».

Сигизмунд Феликсович Либрович (псевдоним Виктор Русаков) (1855–1918)

Русские изобретатели. Биографические очерки Виктора Русакова. С портретами и рисунками / С. Петербург – Москва, Издание Товарищества М.О. Вольфа, sine data (после 1905), – 115 с. Тираж не указан. 18,6 х 12,8 см.

В иллюстрированном издательском ледериновом переплете. Тиснение золотом по передней крышке и корешку; блинтовое тиснение издательской марки на задней крышке. Трехсторонний узорный обрез.

Даже пары локомотива не внушаютъ слону сойти въ сторону...

„БУДИЛЬНИКЪ“ 1906 г. №8

Материнская политика.

Мать.—Да, дочурки, мы должны стоять за *всеобщее избирательное право* и выступать *открыто* на всѣхъ общественныхъ вечерахъ и собраніяхъ, гдѣ могутъ встрѣтиться для насъ *избиратели*... Это теперь моя главная *государственная дума*!...

37

Л. Кутюра.
Алгебра логики (1909)
Архимед, Гюйгенс, Лежандр, Ламберт.
О квадратуре круга (1911)
Р. Дедекинд.
Непрерывность и иррациональные числа (1914)
А.С. Эддингтон.
Теория относительности и ее влияние на научную мысль (1923)

«Современный молодой читатель, привыкший к грандиозному размаху советского научного книгоиздательства с его миллионными тиражами учебной литературы и широким спектром разнообразных научных изданий, не представляет себе того скромного места, которое занимало в девятисотых годах [XIX в.] издание научной математической книги, – отмечал в 1963 г., в предисловии к книге В.Ф. Кагана «Очерки по геометрии», математик и педагог Абрам Миронович Лопшиц. – Достаточно сказать, что научные работы по математике систематически издавали (небольшими тиражами) только Академия наук и университеты. Существовавшие в то время частные издательства крайне редко решались выпустить в свет оригинальные работы русских математиков и скупо знакомили общество с главнейшими работами иностранных авторов.

Тем более удивительным является возникновение в Одессе, тогдашнем провинциальном центре юга России, первого в нашей стране специального естественнонаучного издательства, поставившего себе задачей систематическое печатание работ русских математиков, физиков, астрономов и биологов, а также перевод на русский язык лучшей иностранной литературы из этих областей наук».

А.М. Лопшиц имел в виду издательство «MATHESIS». Действительно, даже на фоне известного книгоиздательства братьев Сабашниковых, выпускавшего качественную гуманитарную и естественнонаучную литературу, одесский «MATHESIS» отличался особым изяществом и даже интеллектуальным изыском.

Первое упоминание об этом издательстве появилось на страницах журнала «Вестник опытной физики и элементарной математики» (ВОФЭМ) 15 января 1904 г. Сохранилось и первое документальное подтверждение начала работы нового издательского предприятия. Вот оно: «Его высокородию господину отдельному цензору по внутренней цензуре в г. Одессе. Статского советника Артемия Робертовича Орбинского. Прошение

Настоящим честь имею просить о разрешении представить к цензуре в предварительном наборе следующие сочинения:

I. Аррениус. Физика неба, перевод с немецкого под редакцией А. Р. Орбинского.

II. Абрагам. Сборник элементарных опытов по физике, перевод с французского под редакцией приват-доцента Б. П. Вейнберга.

III. Ауэрбах. Властительница мира и ее тень (чтение об энергии и энтропии).

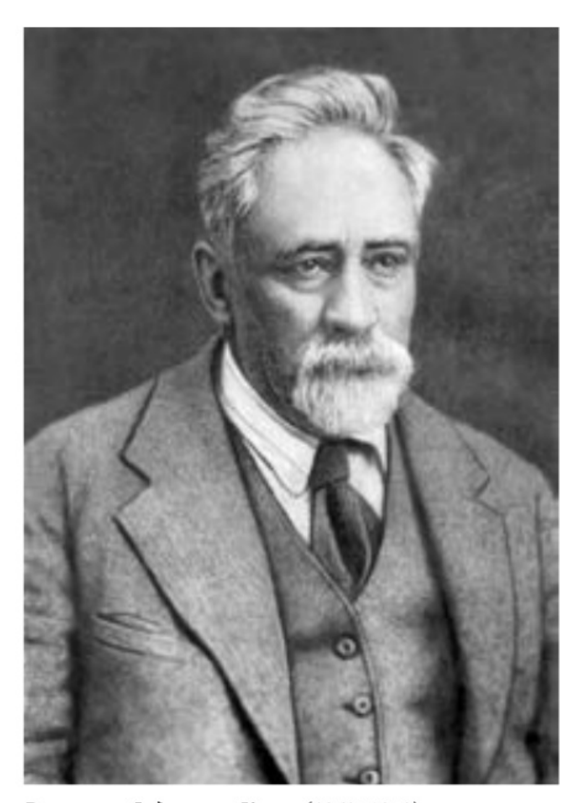
Для набора в тип. Шпенцера.

Статский советник Ар. Орбинский.

Одесса, 31 июля 1904».

В переводе с греческого mathesis – знание. С самого начала «MATHESIS» позиционировало себя как «Издательство научных и популярно-научных сочинений из области физико-математических наук». А инициатором создания его стал Вениамин Федорович Каган (1869–1953), математик, геометр, в то время работавший в Новороссийском университете в Одессе. Группа увлеченных специалистов – астроном А.Р. Орбинский, математики И.В. Слешинский, С.О. Шатуновский – создают издательство «MATHESIS». Центральной фигурой был В.Ф. Каган. Он сразу был выбран председателем научной комиссии издательства.

Одним из элементов высокой книжной культуры стал издательский знак. По за-

Вениамин Федорович Каган (1869–1953)

казу издательства известный художник А.А. Ждаха выполнил шесть вариантов знака, из них были отобраны два. Они и украшают обложки и последние страницы книг издательства «MATHESIS». А.А. Ждаха исполнил и многие обложки книг.

Но главное, конечно, – высокий уровень научного редактирования. Это отмечалось во многих рецензиях с самого начала существования издательства «MATHESIS». О книге Р. Дедекинда «Непрерывность и иррациональные числа», представленной в нашей «Библиохронике», известный в то время методист-математик С.И. Шохор-Троцкий писал: «В занимающем нас русском переводе, превосходно и с величайшей любовью к делу исполненном г. Шатуновским, заслуживают внимания и предисловие переводчика, и составленное им, по Георгу Кантору, приложение, содержащее в себе теорему о существовании трансцендентных чисел, и даже примечания переводчика, хотя и краткие, но чрезвычайно полезные для читателя, впервые читающего Дедекинда» (Русская школа. 1907. N 10.).

В 1908–1912 гг. издательство пережило период расцвета. Оно стало крупнейшим в России из специализировавшихся на выпуске физико-математической литературы. В 1910 г. было издано 26 книг общим тиражом 76 500 экземпляров на сумму 94 750 руб. Тиражи книг – 1000–2000 экземпляров – для частного издательства в те времена были очень приличными. Наиболее популярные книги переиздавались во второй и даже в третий раз (рекорд – шесть изданий). В «Библиохронике» как раз представлена одна из таких книг – Рихард Дедекинд «Непрерывность и иррациональные числа» (1914).

Но тут началась Первая мировая война. В письме к микробиологу Л.А. Тарасевичу от 6 октября 1913 г. В.Ф. Каган писал: «Нехороши и дела "Матезиса". Вследствие ли того, что мы плохие коммерсанты, или мы немножечко зарвались-увлеклись, или конкуренция слишком уж окрепла, но только книги идут не с той быстротой, как раньше, а это для нас очень чувствительно и создает довольно затруднительное положение. Во всяком случае, мы теперь от новых изданий воздерживаемся, пока не станем несколько тверже на ноги».

Чехарда властей в Одессе тоже не способствовала издательской деятельности. В апреле 1919 г. в Одессу вошла Красная армия. «MATHESIS», в числе прочих книгоиздательств, был обложен контрибуцией. Правда, уже в июне ее отменили. Как бы там ни было, в 1920 г. удалось издать только одну книгу. На память о том периоде сохранился приказ Губисполкома, согласно которому все издательства должны были быть зарегистрированы в десятидневный срок

в Одесском губотделе по делам печати. На разрешенных к выпуску произведениях печати требовалось указывать город, название типографии, тираж, номер разрешения, аббревиатуру Р. О. П. («разрешено отделом печати»). Все эти реквизиты стоят на книгах «MATHESIS» советского периода. В частности, мы находим их и на книге, представленной в «Библиохронике», – Артур Эддингтон «Теория относительности и ее влияние на научную мысль».

Эта книга стала одной из последних, издание которой осуществило «MATHESIS»: после 1924 г. следы издательства теряются. Всего же, по данным украинской исследовательницы Инны Эмильевны Рикун, «за годы существования "Матезис" издал 181 книгу» («К истории одесского книгоиздательства «Матезис» (1904–1925)» / Мир библиографии, 2003, N 6). Тот же А.М. Лопшиц, ученик Кагана, пишет: «Поколение математиков, получавших образование в период, непосредственно предшествовавший Октябрьской революции, хорошо знает о влиянии, которое на него оказали издания "Матезиса", например трехтомная "Энциклопедия элементарной математики" Вебера и Вельштейна, изданная в переводе и с важными дополнениями Вениамина Федоровича… Не меньшую роль сыграла двухтомная книга Чезаро "Учебник алгебраического анализа". Особую роль сыграла книга Г. Ковалевского "Введение в анализ" в переводе и с примечаниями С.О. Шатуновского, с началами анализа бесконечно малых "в той формальной постановке, какая дана этой науке упомянутыми учеными" (Вейерштрасса, Дедекинда, Кантора)».

Неслучайно Вениамин Федорович Каган в 1922 г. получил от тогдашнего руководителя Государственного издательства Отто Юльевича Шмидта письмо следующего содержания: «Глубокоуважаемый Вениамин Федорович, нет никакого сомнения, что издательство Mathesis дало высшие в стране достижения в области книги по точным наукам. Продолжение этой работы есть насущная культурная потребность.

С другой стороны, Госиздат чувствует себя обязанным дать научную и научно-популярную литературу. Волей-неволей мы очутимся перед необходимостью выпустить аналогичные книги, а отчасти даже переиздать те же. Боюсь, не вышло бы плохо: Госиздат, как экономически подавляюще сильный, погубит возможность возрождения Mathesis'а, не воспользовавшись его навыками и традициями.

Поэтому предлагаю следующее. Нам с Вами объединиться. Госиздат дал бы капитал для возрождения Mathesis'а под Вашей дирекцией. Это было бы автономное предприятие Госиздата РСФСР. Аналогичный опыт проделан с издательством "Всемирная литература" (Горький, Тихонов) и дал прекрасные результаты. Обе стороны весьма довольны.

Прошу обдумать этот вопрос и сообщить свое мнение...»

Предложение, от которого сложно было отказаться. Каган переезжает в Москву и возглавляет Научный отдел Государственного издательства. Правда, государственный монополист, Госиздат, конечно, без остатка «растворил» автономию издательства «MATHESIS». А заодно – и само издательство как таковое.

В 1924 г. В.Ф. Кагану поручают руководство отделом точных и естественных наук (от математики до медицины) при подготовке первого советского многотомного энциклопедического словаря – «Большой советской энциклопедии». До 1930 г. Каган заведовал научным отделом Госиздата.

Но в 1930 г. Госиздат слили с ещё 27 издательствами. Организовано было Объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ). Все это, что называется, не просто так…

В 1928 г. в СССР начинаются судебные процессы над «вредителями» по так называемому «шахтинскому делу». Был арестован и приговорён к высылке заведующий издательским отделом ОГИЗа А.С. Лизаревич, который был приглашён на эту работу Каганом. Вскоре арестован и сам В.Ф. Каган. По воспоминаниям современников и участников тех событий, «он [Каган] тоже был приговорён к высылке из Москвы... И вот двое его учеников – один из них профессор Ландсберг... – поехали к Молотову, который был тогда председателем СНК. В то время ещё такие люди могли пробиться к председателю СНК, поговорили с ним как следует, и в результате в отношении Вениамина Фёдоровича приговор не был приведён в исполнение...»

И.Э. Рикун пишет: «На судьбу Кагана повлияло, по-видимому, не только обращение его учеников к Молотову, но и письмо группы научных работников на имя А.Я. Вышинского в защиту учёного. Письмо подписали Л.И. Мандельштам, А.Н. Фрумкин, Г.Б. Гуревич, Г.С. Ландсберг, Я.С. Дубнов, А.М. Лопшиц, И.Н. Бронштейн, Г.М. Шапиро, М.Г. Шестопал, П.К. Рашевский». О степени их доверия к В.Ф. Кагану говорит, например, отрывок из этого письма: «Ту степень уверенности в невиновности Вениамина Фёдоровича, какая сложилась у каждого из нас, можно сравнить только с уверенностью человека в том, что сделано или не сделано им самим». Как бы там ни было, имя Кагана вновь появляется на страницах советской печати только через семь лет – как автора статьи о Лобачевском в «Большой советской энциклопедии».

Вениамин Федорович Каган так никогда и не вступил в партию большевиков. И до конца жизни занимался своей любимой темой – логическим анализом основ математики и, в частности, геометрии. На фоне лишенных логики – нормальной человеческой логики – действий власти, это выглядело особенно символично.

Луи Кутюра (1868–1914)

Алгебра логики / Перевод с прибавлениями проф. И. Слешинского. MATHESIS, Одесса, 1909. – XIII + 107 с., [6]. 22,8 х 16 см. Тираж не указан. Издательская обложка. На обороте титульного листа – владельческий штамп: «Из книг [нрзб.] Кривцова» (возможно «Степана Саввича Кривцова») Степан Саввич Кривцов (1885–1943), – профессор МГУ, заведующий кафедрой расоведения биологического факультета (1933–1935).

Архимед, Гюйгенс, Лежандр, Ламберт

О квадратуре круга. С приложением истории вопроса, составленной Ф. Рудио, проф. Цюрихского Политехникума / Перевод с немецкого под редакцией и с примечаниями приват-доцента Харьковского Университета С.Н. Бернштейна. С 21 чертежом. MATHESIS, Одесса, 1911. – 155 с. [8] – («Библиотека классиков точнаго знания. III»). 22,2 х 16 см. Тираж не указан. Издательская обложка.

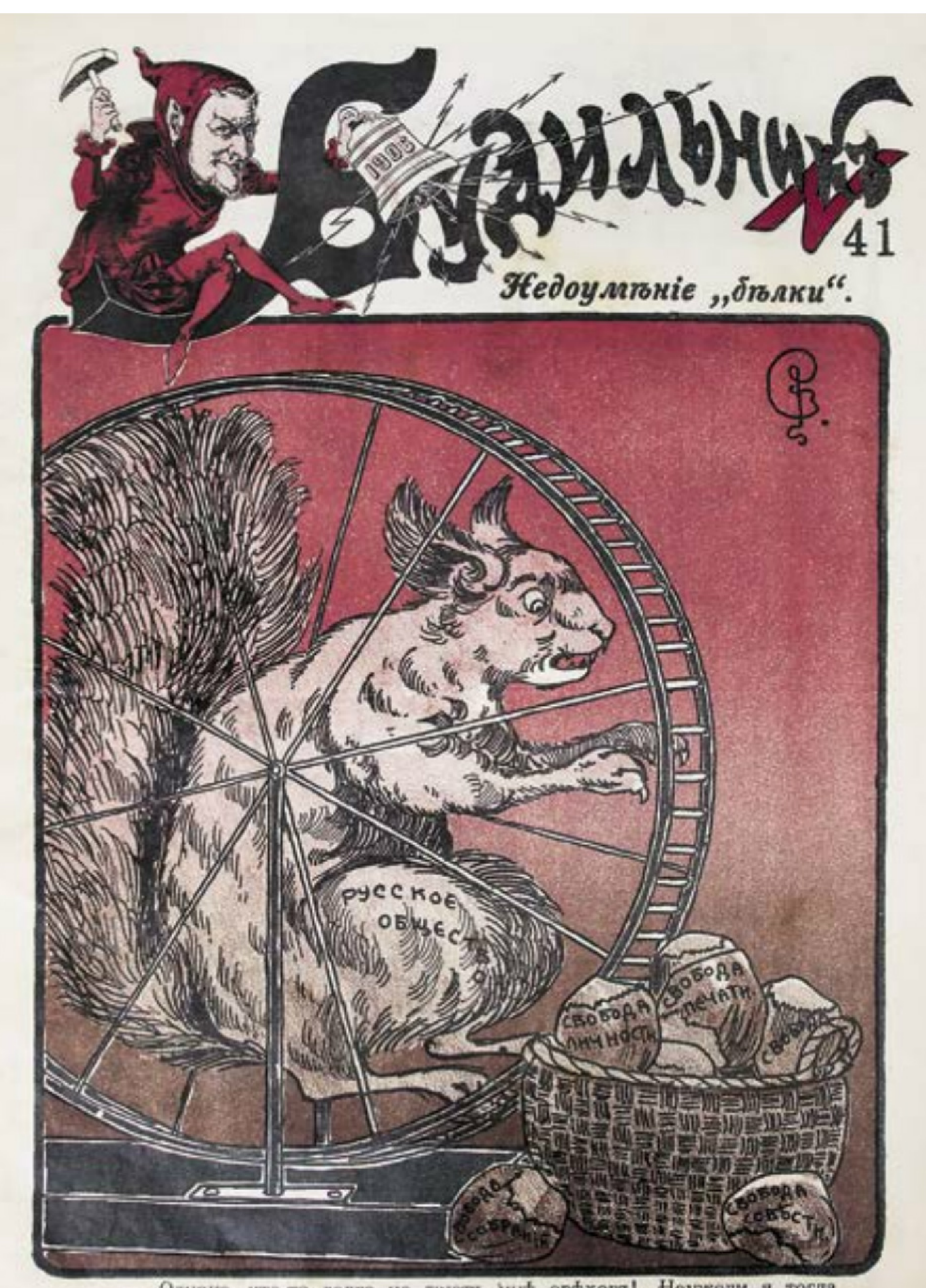
Юлиус Вильгельм Рихард Дедекинд (1831–1916)

Непрерывность и иррациональные числа / Перевел с немецкого С. Шатуновский, Приват-доцент Императорского Новороссийского Университета. Со статьей переводчика: Доказательство существования трансцендентных чисел. Третье издание. MATHESIS, Одесса, 1914. – 40 с. [8]. 22 х 15,5 см. Тираж не указан. Издательская обложка.

Артур Стэнли Эддингтон родился (1882–1944)

Теория относительности и ее влияние на научную мысль. Речь, читанная 22 мая 1922 года. / Перевод с английск. М.З. Кайнер под ред. проф. И.Ю. Тимченко. MATHESIS, Одесса, 1923. – 56 с. 17,5 х 12,5 см. Тираж 3000 экз. Издательская обложка.

Будильникъ
1905
№ 41
Недоумѣніе „бѣлки“.
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
СВОБОДА ЛИЧНОСТИ
СВОБОДА ПЕЧАТИ
СВОБОДА СОБРАНІЙ
СВОБОДА СОВѢСТИ
— Однако, что-то долго не даютъ мнѣ орѣховъ!.. Неужели я тогда получу всѣ эти „орѣхи“, когда у меня уже не будетъ зубовъ?!..

„БУДИЛЬНИКЪ“ 1906 г. №41

Обиженная мать.

— Сосѣди разсказываютъ, что ты въ клубахъ съ кавалерами часто ужинаешь и даже кутишь!.. Ахъ, ты безстыдница! Хоть-бы разъ мать съ собою пригласила!.. Неблагодарная!..

Эразм Дарвин.
Храм Природы / Перевод Н.А. Холодковского (1911, 1954)

торая родина дарвинизма, Россия…» – этим словам Климента Тимирязева, ставшими уже общим местом, больше ста лет. Действительно, в не таком уж и далеком прошлом «Основы дарвинизма» – обязательный предмет в средних школах СССР. Учебники по нему выходили миллионными тиражами: Е.А. Веселов, «Основы дарвинизма. Учебник для IX класса средней школы», 1958. – 216 с. Тираж 1 000 000 экз.

Но сегодня мало кому известно, что с понятием «дарвинизм» мир познакомился как минимум за полстолетия до того, как Чарлз Дарвин в 1859 году опубликовал свою знаменитую книгу под весьма пространным – по тогдашней моде – названием: «О происхождении видов путем естественного отбора или сохранения благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Собственно, термин этот – «дарвинизм» – появился еще до рождения самого Чарлза Дарвина (1809 г.). Правда, относился он отнюдь не к области эволюционной теории – к литературоведению. И возник он в связи с литературной деятельностью деда Чарлза Дарвина – врача, естествоиспытателя и поэта Эразма Дарвина (1731–1802).

В 1803 году, через год после смерти автора, была опубликована монументальная дидактическая поэма Эразма Дарвина «Храм Природы». Как отмечал академик Евгений Никанорович Павловский, произведение это «пропитано идеями эволюции, в известной степени предвосхищавшими некоторые положения эволюционного учения, разработанного позднее его гениальным внуком». Впрочем, в некоторых местах поэмы дед даст еще и фору внуку по части «предвосхищения»:

До Времени, когда пылал Хаос,
Вращенье сфер огнистых началось;
Взрывались солнца в вихре, и без меры
Из сфер другие вырывались сферы.

Ну разве это не описание Большого Взрыва, Big Bang! Космологи до этого додумаются только лет через 150…

Названия же четырех песен поэмы говорят сами за себя: «Происхождение жизни», «Воспроизведение жизни», «Развитие ума», «О добре и зле». Вот, например, – о сложнейшей антропологической загадке возникновения человеческой речи:

А Подражанье быстро создает
В родных умах идей таких же ход,
Мимической игрою возбуждает
Ряд сходных дум – и тем язык рождает…
Из этих волн родятся у людей
Голосовые символы идей…

Нам же интересно отметить неожиданные параллели в судьбах двух зоологов-поэтов (само по себе – редчайшее сочетание!) – английского автора и его русского переводчика. В мартовском, за 1911 год, номере «Журнала Министерства народного просвещения» был опубликован перевод поэмы Эразма Дарвина «Храм Природы». Выполнил его профессор зоологии и сравнительной анатомии, член-корреспондент Императорской академии наук Николай Александрович Холодковский. Отдельным изданием на русском языке поэма будет опубликована только один раз – в 1954 году в Издательстве Академии наук СССР.

Итак, перевод Холодковского – первый и до сих пор единственный перевод дарвиновской поэмы на русский язык. Но это вполне объяснимо. Е.Н. Павловский в предисловии к изданию 1954 года справедливо отмечал: «Николай Александрович был убежденным приверженцем учения Ч. Дарвина; не приходится поэтому удивляться тому, что его внимание было привлечено поэмой Эразма Дарвина "Храм Природы"... В результате появился превосходный стихотворный перевод этого произведения. Редкостное сочетание поэтического таланта с высокими качествами ученого биолога-материалиста обеспечило переводчику отличное выполнение трудной задачи – облечь в стихотворную форму перевод сочинения, которому в то время уже перевалило за сто лет». Добавим, перевод сделан размером подлинника, что вообще тяжелейшая задача для поэтического текста.

А ведь Холодковский переводил еще и Байрона, Шекспира, Шиллера, Мильтона, сам писал неплохие стихи... Его перевод «Фауста» Гёте до сих пор считается образцовым. В октябре 1917 года за этот труд Холодковский был удостоен Российской Академией наук полной премии имени А.С. Пушкина. «Широкое научное образование дало возможность переводчику проникнуть в глубину содержания "Фауста", может быть, более, чем всякому другому, – отмечалось в отчете Академии от 17 октября. – Переводчик так владеет стихом, так умеет проникнуться поэтическим настроением подлинника, что читатель с живейшим удовольствием воспринимает содержание трагедии и ее подробности. А некоторые места переданы прямо превосходно».

Многие и не догадывались, что Холодковский – переводчик «Фауста» и Холодковский – энтомолог и гельминтолог (специалист по червям) один и тот же человек. Немудрено. Ведь, скажем, магистерская диссертация Николая Александровича называлась «Мужской половой аппарат чешуекрылых», а степень доктора зоологии он получил за работу «Эмбриональное развитие таракана-прусака». Вот уж, как будто про него напишет в 1932 году поэт Николай Олейников строчки:

Любовь пройдет. Обманет страсть.
Но лишена обмана
Волшебная структура таракана.

Кстати, Николай Холодковский с 1885 года и почти до самой смерти читал лекции в Лесном институте в Санкт-Петербурге. Он даже организовал там студенческий научно-литературный кружок. В этом же институте с 1901 года учился будущий выдающийся популяризатор науки Яков Перельман. Очень вероятно, что их пути пересекались.

Не менее литературоцентричен, хотя и по своему, Эразм Дарвин.

Весной 1818-го года в Англии был опубликован роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Удивительно, но создательнице «архетипа ужаса» – как говорят об этом произведении – было на тот момент всего 21 год. Предисловие к роману начинается без раскачки: «Событие, на котором основана эта повесть, по мнению

доктора Дарвина и некоторых немецких писателей-физиологов, не может считаться абсолютно невозможным». «Доктор Дарвин» – это дедушка Чарлза Дарвина, Эразм.

Дальше – следите внимательно.

Мама будущей писательницы, Мэри Уолстонкрафт (1759–1797), настоящая икона феминистского движения, – была страстной поклонницей идей Эразма Дарвина. Впрочем, ничего плотского. Просто дедушка Чарлза Дарвина, сам известный врач и ботаник, сочинил, помимо всего прочего, и программу реформы женского образования – «План женского воспитания в школах» (1797 г.). Одна из первых английских феминисток, Мэри Уолстонкрафт, естественно, не могла пройти мимо этого факта и мгновенно встала в ряды сторонниц идей Эразма Дарвина. И автор «Храма Природы» вполне оправдывал ожидания первых феминисток:

Самцы-тычинки, пылкого стремленья
Полны, дают крупинки опыленья,
А пестики навстречу, в должный срок,
Готовят в недрах плодотворный сок.

Кстати, у самого Эразма Дарвина было три сына, кроме двух умерших в раннем детстве, от первой жены; от второго брака – четыре сына и три дочери. Кроме того, у него еще были две внебрачные дочери, которым

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XXXII.

1911.
МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1911.

Николай Александрович Холодковский

он дал очень хорошее образование и воспитание. Настолько хорошее, что впоследствии они находились во вполне дружеских и доброжелательных отношениях с законными дочерьми и вдовой Эразма Дарвина.

В середине XVIII века вокруг Эразма начинает складываться, как сказали бы сегодня, команда молодых и энергичных единомышленников: ученые, литераторы, промышленники… Своеобразный дискуссионный клуб, получивший название «Лунное общество» (lunar Society). Среди «лунатиков» были, например, владелец одного из крупнейших заводов Европы по изготовлению металлической фурнитуры Мэтью Болтон и изобретатель парового двигателя Джеймс Уатт. Именно на одном из заседаний «Лунного общества», проходивших чаще всего в полнолуние – отсюда и название, – Уатт и познакомился в 1768 году с Болтоном; изобретательский гений соединился с предпринимательским талантом. Мир в результате получил работоспособный паровой двигатель, а заодно и промышленную революцию.

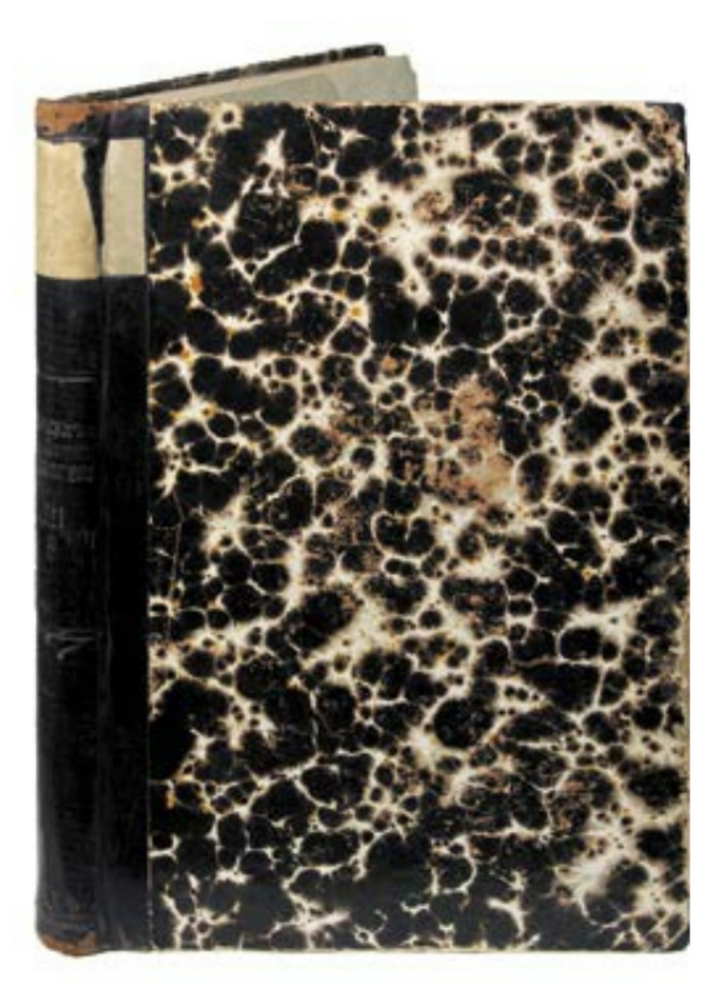
«Призвать воображение под знамена науки!» – этот лозунг, провозглашенный Эразмом Дарвином, вполне мог бы стать и девизом «Лунного общества». А как по-современному звучит! Да и сам Эразм с увлечением занимался не только пестиками и тычинками, но и конструированием сухопутной «огненной повозки» – прообраз автомобиля на паровом ходу. Из этой затеи,

правда, ничего путного не вышло. «Эразм всегда любил поэзию, а также имел склонность к механике, – делился воспоминаниями о своем деде Чарлз Дарвин. – Будучи еще совсем юным, он приспособил к своим часам будильник; он производил также электрические опыты с помощью изобретенного им прибора». Это с ним останется на всю жизнь: Эразм любил порассуждать о сходстве «умственной работы с электрической энергией».

Про Эразма современники писали, что «по всей вероятности, его научные мечтания лишь потому могут быть спасены от забвения, что они сочетались с бессмертными стихами». Его «живописную» поэзию и назвали «дарвинизмом». Но получилось наоборот.

Вот в этом посмертная судьба творческого наследия Николая Холодковского расходится с судьбой творений Эразма Дарвина.

В предисловии к поэме Н.А. Холодковский скромно замечает, что «напечатание “Храма Природы” в русском переводе не излишне для нашей литературы». Он вообще был очень скромным человеком, этот профессор-зоолог, владевший свободно немецким, английским, французским, греческим, латинским, шведским языками. «Биография его не сложна, – отмечает академик Павловский. – Всю жизнь Николай Александрович провел в столице; в Петрограде же он и умер в 1921 г., 63 лет от роду». Его литературные достижения, пожалуй, затмили сегодня его достижения как выдающегося естествоиспытателя.

Журнал Министерства народного просвещения
Новая серия. Часть XXXII. 1911. Март / С.-Петербург. Сенатская типография. Своя пагинация каждого отдела: 58 [2], 204, 132, 17, 99–154, 17–48. Поэма «Храм Природы» напечатана во Втором отделе, с. 1–64. Тираж не указан. 24x16 см. Владельческий составной переплет эпохи. Обложка не сохранена. На титульном листе и на некоторых страницах – штамп библиотеки «Донского императора Александра III кадетск. корпуса».

Эразм Дарвин. Храм Природы / Перевод Н.А. Холодковского. Предисловие, редакция и комментарии академика Е.Н. Павловского. Издательство Академии наук СССР, Москва, 1954. – 239 с., илл. в тексте и на вклейках. Тираж 8000 экз. 22,5 x 15 см. Издательский переплет с блинтовым тиснением цветочного орнамента на передней крышке.

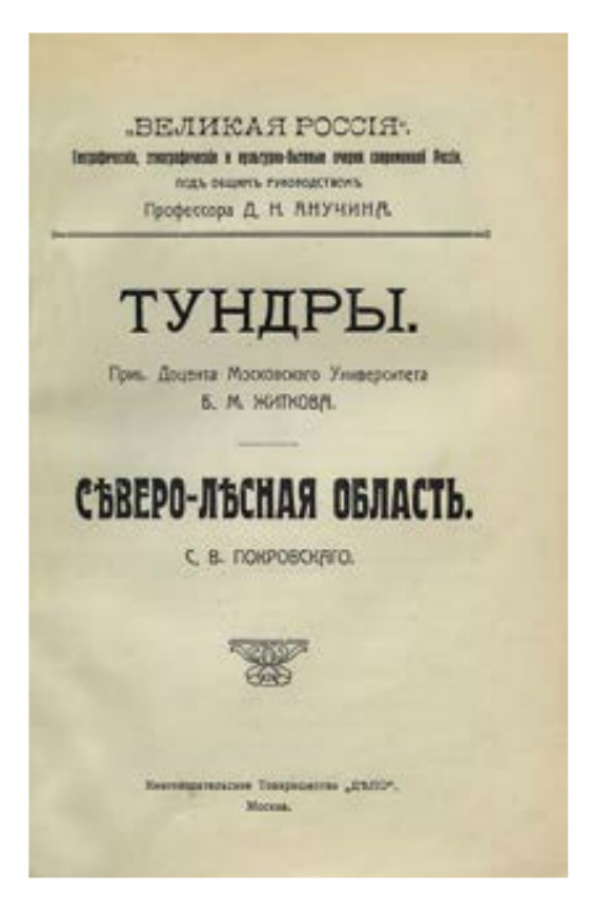

Русская „сивушка“—одна изъ *лихихъ* лошадокъ, на которой „выѣзжаютъ“ деревенскіе и городскіе погромщики... Безъ этой „сивки“ много *веселѣе* жилось-бы на Руси!..

«БУДИЛЬНИКЪ» 1906 г. № 42
ИНОСТРАННЫЯ ДѢЛИШКИ.
Австрія.
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Консиліумъ.
Въ Берлинѣ...
Дешевая продажа.
Джонъ Буль.

Борис Житков. Тундры (1912)*

На крайнем севере нашей страны, вдоль берегов Ледовитого океана, на громадном пространстве от границ Норвегии до Берингова моря, растянулась безлесная северная степь, известная под названием «тундра».

„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ".
[illegible]
подъ общимъ руководствомъ
Профессора Д. Н. АНУЧИНА.

ТУНДРЫ.

Прив. Доцента Московского Университета
Б. М. ЖИТКОВА.

СѢВЕРО-ЛѢСНАЯ ОБЛАСТЬ.

С. В. ПОКРОВСКАГО.

Книгоиздательское Товарищество „ДѢЛО".
Москва.

«Местами гнетущая своим мёртвым однообразием, суровая и неприветливая по климату, страшная для непривычного человека своей пустынностью, область эта имеет, однако, свою оригинальную живописность». Само протяжение тундры, открывающийся простор производили на путешественника впечатление океана или обширной пустыни.

Холодна и неприветлива тундра, сильны её снежные метели, и длинна зимняя ночь. Только летом «держатся в ней» птицы и звери, и пока воды свободны ото льда, есть возможность добыть рыбу. Однако человек приспособился к жизни во всех широтах. С незапамятных времен эти суровые земли заселяли финские, монгольские и палеоазиатские племена. Одними из первых здесь появились, как всегда, новгородцы, дошедшие до Обской губы по реке Оби. Потом отряды Ермака, основавшие острог Обдорск, экспедиции Семёна Дежнёва и казака Моторова.

Р. Ухта. Фот. Лейцингера.

* См.: Елена Горская, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. Здесь, под небом своим… Выпуск второй: Города и веси. Библиохроника. 1718–2004 гг. – М., Русский раритет, 2013.

В XVIII столетии, вскоре после смерти Петра Великого, наступил период научного изучения окраин России – так называемая Великая Северная экспедиция, начавшаяся путешествием капитана Беринга и нескольких морских офицеров, описавших впоследствии берега Ледовитого океана от Белого моря до Берингова пролива. Пролив этот был назван по имени командора, который дошёл до северо-западного берега Америки и после крушения своего судна умер на открытых им же Командорских островах.

Начало исследованиям островов Новой Земли положил штурман Фёдор Розмыслов, зимовавший на восточном мысе у пролива Маточкина Шара и пытавшийся, правда неудачно, пробраться на своём старом судне от берегов острова к устью Оби. Дальнейшие русские экспедиции с целью изучения Новой Земли отправились лишь в начале XIX века: Ф.П. Литке, П.К. Пахтусов, А.К. Цивольк. Из-за сурового арктического климата жить здесь не представлялось возможным, но, во избежание посягательств других стран на этот архипелаг, правительство России перевезло сюда несколько ненецких семей. В 1877 году на Южном острове возникло поселение Малые Кармакулы, и уже через несколько лет на Новой Земле была маленькая колония.

Первый же русский материковый город-острог за полярным кругом с поэтичным названием Мангазея построили в 1601 году на севере западной Сибири, на реке Таз. Но он не просуществовал и века. Богатые пушниной окрестности Мангазеи вынудили царя Михаила Федоровича в 1620 году издать указ о запрете плавания по сибирским рекам в город под страхом смертной казни. Контролировать морской путь, такой привлекательный для Западной Европы, не представлялось тогда возможным, а все наземные пути перекрыли таможенными постами – провезти шкурку соболя, не заплатив пошлину, стало невозможно. Потом и морской путь в Мангазею закрыли, а на Ямальском волоке был поставлен стрелецкий кордон. Такая искусственная изоляция плюс частые пожары, трудности по доставке провианта, да и основания поселений Туруханск и Енисейск привели к запустению города. В 1672 году вышел официальный указ царя Алексея Михайловича об упразднении Мангазеи.

Вообще, эти русские города-остроги в тундре, от которых «три года скачи, никуда не доскачешь», были отделены от ближайших к ним южных поселений громадны-

Соловецкій монастырь.

Лопари въ Кольскомъ заливѣ на ловлѣ сёмги.

ми пространствами земель, населенными только местными кочевниками. И условия жизни в этих местах совсем иные, чем на севере Европейской России, что неминуемо наложило отпечаток и на само население. Русская изба сменилась здесь жилищем иного типа, с низкой и плоской крышей, а то и «инородческой юртой из стоймя поставленных бревен». Вместо русской печи – большой открытый очаг с сильным огнём. Так что русскому населению приходилось вести такую же жизнь, как и «тамошним оседлым инородцам».

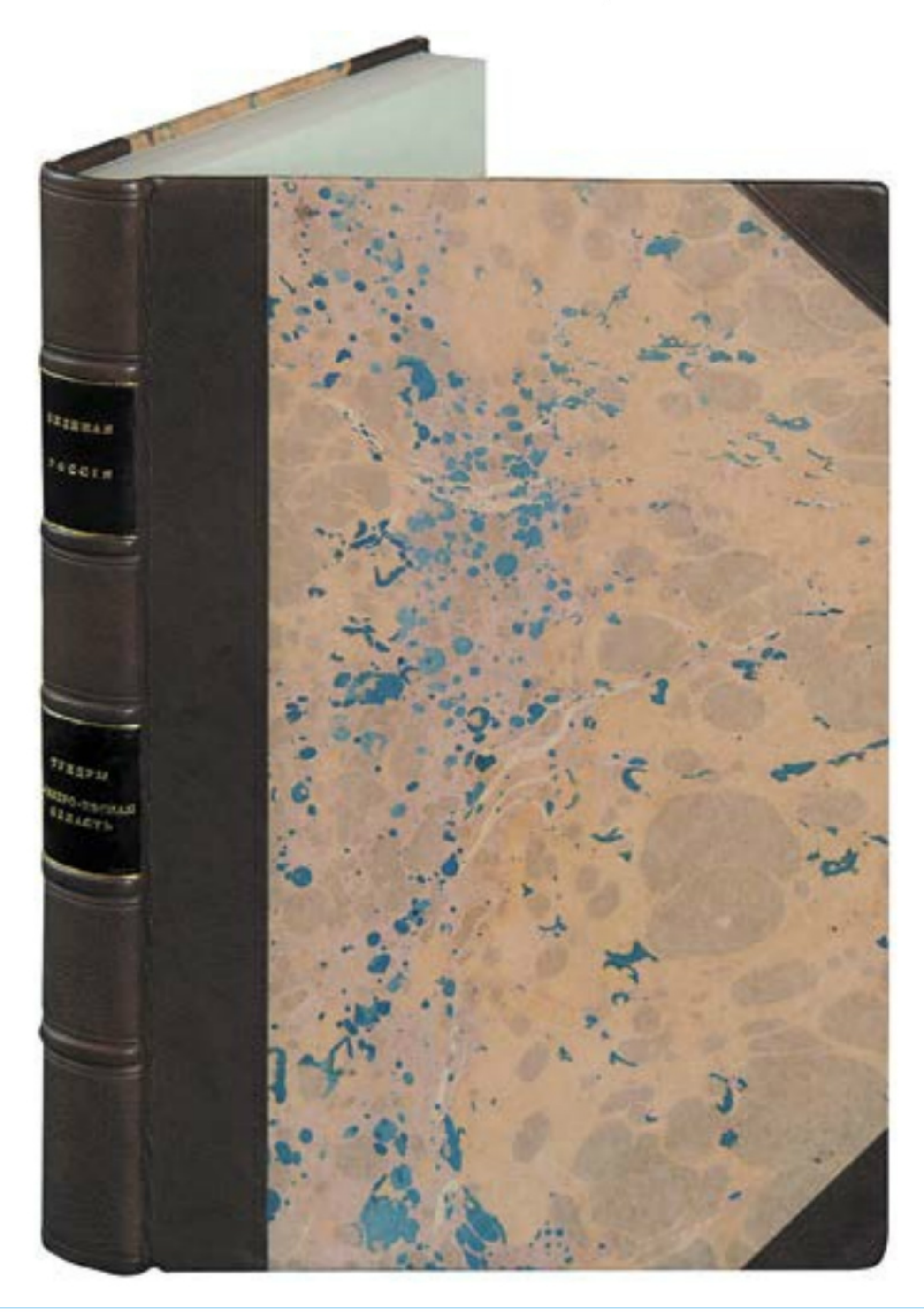
В 70-х годах XIX века российское правительство рассматривало планы устройства портового города за полярным кругом. Выбор пал на Мурман, куда для разведки новых мест в 1912 году пришли первые исследователи. С давних времен «мурманами», или «урманами», русские люди называли норвежцев, норманнов. Позднее это название было перенесено и на землю – «мурманом» стало побережье Баренцева моря, а затем и весь Кольский полуостров. Через три года, во время Первой мировой войны, на правом берегу Кольского залива основали Мурманский морской порт, рядом с которым расположился посёлок Семёновский. Официальной же датой основания города Романов-на-Мурмане

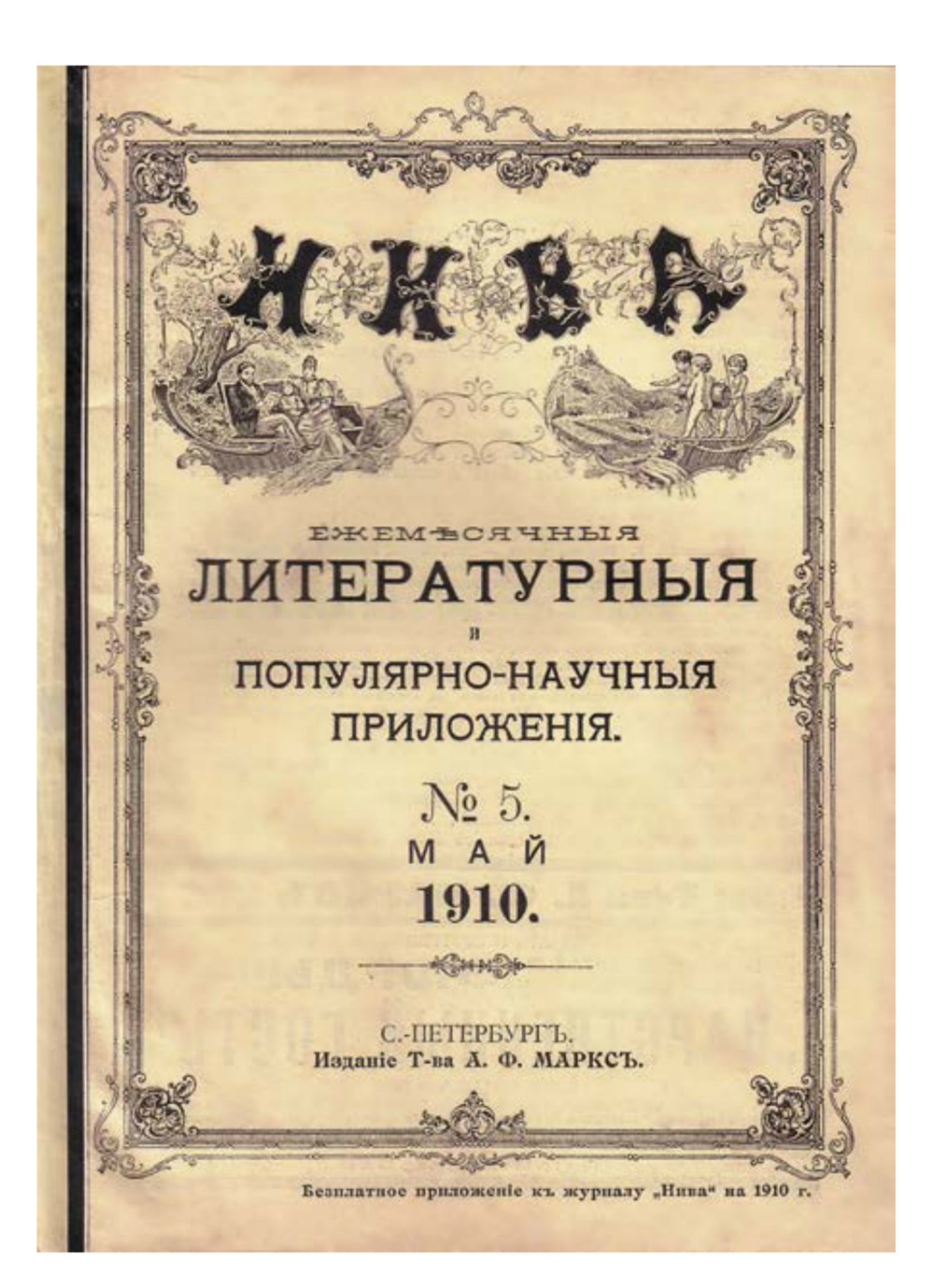
Катанье на оленяхъ въ Архангельскѣ.

считалось 4 октября 1916 года. После Февральской революции императорскую фамилию убрали из названия, и город стал просто Мурманск. Это был самый последний город, основанный в Российской империи. При советской власти Мурманск за несколько лет оказался в числе важнейших городов СССР, где к тому же базировалась северная флотилия. И по сей день Мурманск остаётся одним из крупнейших городов, находящихся за полярным кругом.

А освоение и исследование суровой, неприветливой и «чуждой ярких красок красоты» тундры продолжается…

Житков Борис Михайлович (1872–1943)
Тундры. / Великая Россия: Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России / Под редакцией профессора Д. Н. Анучина. В 3 томах. [Том 3]. Москва: Книгоиздательское товарищество «Дело», [1912]. 247, [3] с., 33 л. ил. Современный составной переплёт: кожаные уголки и корешок с бинтами и золотым тиснением, мраморированная бумага. 25,7x16,5 см. На обороте титульного листа экслибрис-штамп «Из книг Степана Саввича Кривцова». [Литератор, член Исполнительного бюро Московского Пролеткульта. Входил в редколлегию журнала «Горн» и участвовал 17 декабря 1918 года в заседании редакции, на котором было принято решение не печатать в очередном номере журнала стихотворение С. Есенина.]. 33 фототипии на отдельных вклейках.

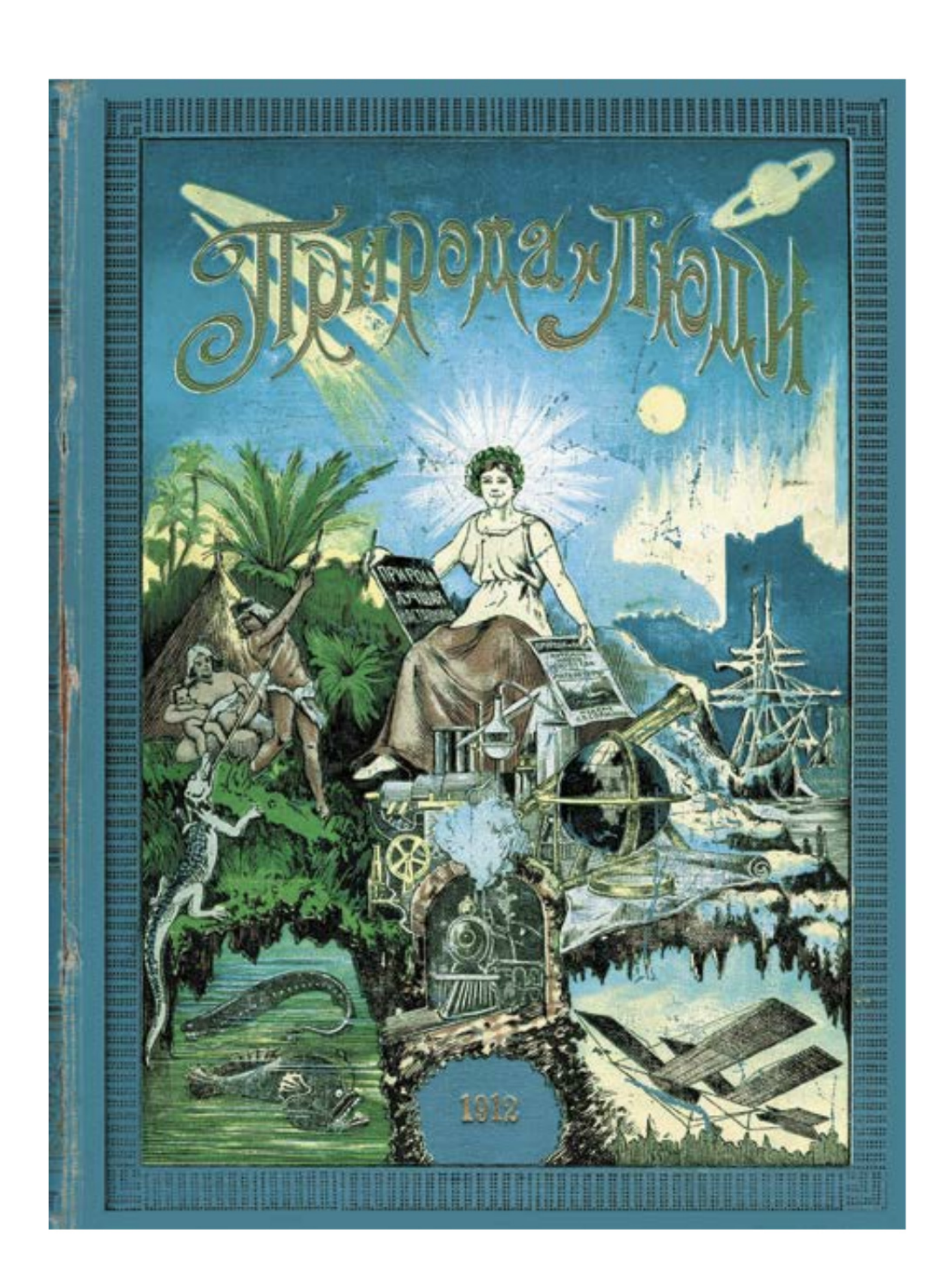
НИВА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ
И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ
ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 5.
МАЙ
1910.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

Безплатное приложеніе къ журналу „Нива" на 1910 г.

Природа и Люди
1912

40

Питирим Сорокин. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали (1914)

«В нашей возникающей социологической литературе книга г. Сорокина является одной из первых ласточек. Выскажем пожелание, чтобы за нею появился и ряд других и вместе с тем уверенность, что в этой будущей русской социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу автора "Преступлений и кар, подвигов и наград"» – так завершает свое предисловие к книге Питирима Александровича Сорокина выдающийся русский социолог, политический деятель, академик Максим Максимович Ковалевский.

Пожелание это исполнилось. Уже в 1917 г., в Петрограде выходят два труда Сорокина – «Проблемы социального равенства» и «Сущность социализма». В 1920 г. опубликован magnum opus, главный труд П.А. Сорокина – двухтомник «Система социологии». Именно эта работа принесет ему мировое признание и статус одного из выдающихся социологов XX века.

Но все это будет несколько позже. А в 1914 г. уроженец села Турья Вологодской губернии находится, что называется, на эмоциональном и творческом подъеме. И это вполне объяснимо. Еще в 1905 году он становится членом партии социалистов-революционеров (эсеров), участвует в революционном движении. В 1909 г. поступил в Психоневрологический институт в Санкт-Петербурге, однако уже в 1910 году переходит на юридический факультет Петербургского университета, который блестяще оканчивает в 1914 г. Его оставляют на кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию. И вот, в этот же год, выходит первый большой труд молодого блестящего ученого – «Преступление и кара, подвиг и награда».

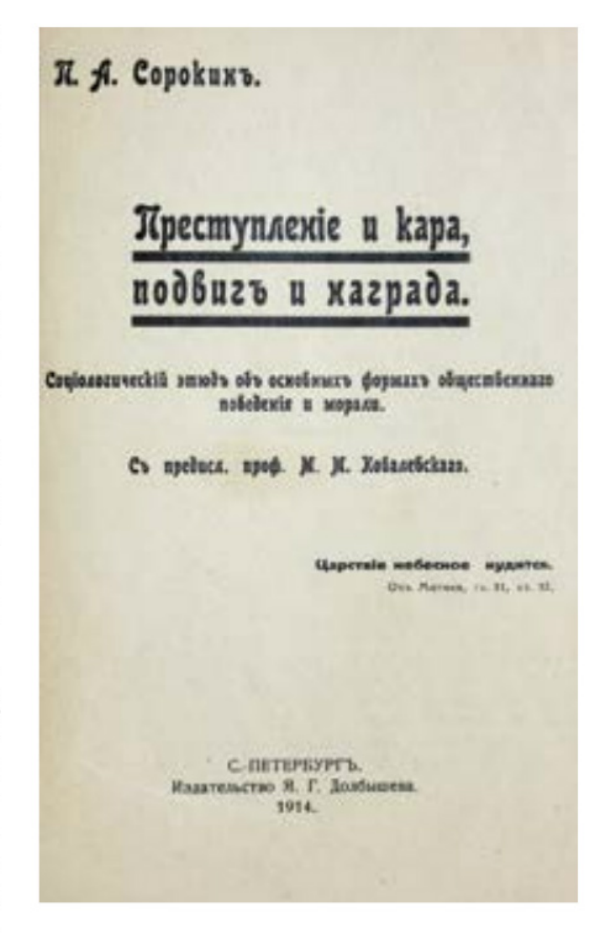
Сорокин пишет, как он сам формулирует свою задачу, «физику нравов». Как бы полемизируя со своими оппонентами, он поясняет: «Но, скажут, разве явления взаимодействия на почве половых отношений, явления борьбы за существование, многочисленные общественные отношения на почве питания, обеспечения пищей, жилищем и т.д. – не явления биологические? <...> Но, однако, эти явления нельзя исключить из области социологии, потому что борьба за существование, напр., растений и человека – вещи глубоко различные. Тоже относится и к размножению, и к питанию.

Питирим Александрович Сорокин, 1948 г.

А различны они потому, что в мире людей и высших животных эти биологические функции приобретают новый, а именно психический характер, который их и делает новыми социальными явлениями и объектами специальной науки. Именно это присоединение психики, а не что-нибудь иное заставляет их считать социальными явлениями и дает право для изучения их не только биологу, изучающему чисто жизненные формы данных отношений, но и социологу, изучающему их сознательные, социальные формы».

Фактически П.А. Сорокин ищет определение, что такое социальное, социальность, – не больше и не меньше! Амбициозная и даже сверхамбициозная задача; пункт, вокруг которого до сих пор строятся все фундаментальные социальные теории и ломаются теоретические копья. Сорокинское решение проблемы – что такое социальное? когда и как возникает социальность? – таково: «Определив социальное явление, как психическое взаимодействие, мы теперь можем спросить себя: почему же в таком случае такие "не психические вещи", как храмы, музеи, машины, дома и т.д., имеющие чисто "материальный" характер, рассматриваются в качестве социальных явлений? <...> Все эти явления принадлежат к категории социальных фактов лишь потому, что они суть символы психических переживаний, или

П. А. Сорокинъ.

Преступленіе и кара, подвигъ и награда.

Соціологическій этюдъ объ основныхъ формахъ общественнаго поведенія и морали.

Съ предисл. проф. М. М. Ковалевскаго.

Царствіе небесное нудится.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство Я. Г. Долбышева.
1914.

иначе говоря, они суть реализовавшаяся психика».

Следующий логический шаг почти неизбежен: «Любая мысль, любое психическое переживание невыразимы в их чисто психическом бытии и могут объективироваться лишь посредством тех или иных "непсихических" посредников и проводников. Выражаясь грубо, экстериоризация психики требует ея воплощения в "материальных вещах". Эти последние служат поэтому символами психики. Они как бы сигнализируют определенное психическое явление».

В этом смысле, по Сорокину, правильное определение вещей – «застывшая психика». Поэтому-то он и выбирает в качестве такой материализованной психики – «посредников и проводников» психики – различные формы наград (поощрений) и наказаний (кары).

И как итог: «…психика, воплощаясь в материальных и вещественных "предметах", volens–nolens принуждена подчиняться тем законам, которыми управляются последние. Таковыми законами служат законы биологические и физико-химические». То есть социальное можно буквально потрогать руками. И крупнейший социолог-теоретик П.А. Сорокин, что называется, в эксперименте на собственной жизни проверил свои же теоретические построения.

В 1916 г. он становится одним из организаторов Русского социологического общества. В июле 1917 г. П.А. Сорокин – секретарь по вопросам науки главы Временного правительства А.Ф. Керенского, главный редактор газеты «Воля народа», сотрудник журналов «Экономическое возрождение», «Артельное дело».

В ноябре 1918 г. избран депутатом Учредительного собрания. Накануне его открытия, 3 января 1918 г., арестован вместе с другими членами редакции «Воли народа» и заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден 13 февраля 1918 г.

Но, едва освободившись, принимает участие в деятельности Союза возрождения России: его направляют на Север для подготовки антибольшевистского выступления. Летом 1918 г. Сорокина арестовали в Великом Устюге и приговорили к расстрелу, но к концу года он был выпущен из тюрьмы.

Его восстанавливают в числе преподавателей Петроградского университета и Психоневрологического института, избирают профессором социологии Петроградской сельскохозяйственной академии и Института народного хозяйства. 31 января 1922 г. он избран профессором организованной им в университете кафедре социологии.

Социология для Сорокина, как мы помним, – это точная наука («физика нравов»). Поэтому и не случайно, что он вместе с выдающимся русским физиологом, Нобелевским лауреатом И.П. Павловым организует Общество объективных исследований человеческого поведения. В 1921 г. вместе с академиком В.М. Бехтеревым собирает материалы по влиянию голода на человеческое поведение, социальную жизнь и организацию общества. Всё – в рамках той концепции, которую П.А. Сорокин и разработал в книге «Преступление и кара, подвиг и награда».

Любопытно, что в этой своей работе П.А. Сорокин давал удивительно точную схему социальных революций вообще:

«Чрезвычайные положения всегда устанавливаются именно тогда, когда в группе увеличивается антагонистическая гетерогенность, когда в ней появляется резкая дифференциация на две или большее число частей, убеждения и поведение которых начинают не совпадать друг с другом, иначе говоря – в периоды революции.

<…>

Второй примѣръ. Въ Россіи за конецъ 19-го и начало 20-го в. статистическія данныя даютъ такія цифры казненныхъ.

Въ пятилѣтіе съ	1875	по	1880	г. всего	казнено	119.
,,	81	,,	85	,,	,,	71.
,,	86	,,	90	,,	,,	76.
,,	91	,,	95	,,	,,	47.
,,	1896	,,	1900	,,	,,	78.
,,	1901	,,	1905	,,	,,	93.

А далѣе цифры дѣлаютъ сразу громадный прыжокъ вверхъ.

Въ теченіе одного	1906	г.	казнено	547.
	1907	,,	,,	1139.
	1908	,,	,,	1340.

А затѣмъ уже снова идетъ паденіе	1909	г.	даетъ	цифру	717.
	1910	,,	,,	,,	129.
	1911	,,	,,	,,	73.
	1912	,,	,,	,,	126 [2]).

Правительство вводит чрезвычайные положения, военные суды, карательные отряды. Виселицы и гильотины начинают работать вовсю. Люди расстреливаются по одиночке и группами, тюрьмы переполняются. Палачам приходится работать не покладая рук.

В ответ на это усиление кар и противная сторона действует по тому же типу. В ответ на казни – следуют террористические акты, в ответ на массовые убийства – восстания, в ответ на конфискации – усиленный грабеж, в ответ на чрезвычайные терроризующие постановления – прокламации, угрожающие жестокой расправой "блюстителям и приверженцам" старого порядка. Одним словом, линия кар и наград с той и другой стороны делает резкий скачок вверх. В конце концов одна из сторон побеждает. После победы кривая санкций продолжает еще идти вверх или держаться на достигнутой высоте».

Как будто в воду смотрел Сорокин! Очень скоро он испытает действие открытого им социального механизма на себе, экспериментально, так сказать.

В Центральном архиве Федеральной службы безопасности РФ сохранилось заключение Специального отдела Государственного политического управления (СО ГПУ) в отношении П.А. Сорокина от 20 сентября 1922 г. Вот его текст.

«По делу № 15962 о гр. Сорокине Питирим Александровиче. Арестован 19/9 1922 года, находится на свободе. <…>

1922 года Августа дня. Я, сотрудник для поручений IV отделения СО ГПУ – Шешкен, рассмотрев дело за № 15962 нашел, что гражданин Сорокин Питирим Александрович

С момента Октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних для РСФСР затруднений, свою контрреволюционную деятельность усиливал.

А посему, на основании п. 2 лит[еры] Е Положения о ГПУ от 6/11 с.г.:

В целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Сорокина полагаю выслать его из пределов РСФСР ЗА ГРАНИЦУ БЕЗСРОЧНО.

Принимая во внимание заявление, поданное гр-ном Сорокиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу за свой счет, для устройства личных и служебных дел дать 7 дней, с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока и после явки немедленно выехать за границу. Пом[ощник] Нач[альника] IV Отделения Шешкен 20/9 [19]22 СОГЛАСЕН Зарайский

Андреева 21/9–[19]22

Утверждаю Ягода 23/9–[19]22».

Потрясающий в своем откровенном цинизме документ! «Физика нравов» в чистом виде!

23 сентября 1922 г. П.А. Сорокин выехал в Берлин. В итоге в своей книге «Социология революции» (1923) Питирим Сорокин пришел к выводу об отрицательной селекции,

которая происходит в обществе в условиях таких катастрофических изменений, как революции.

В октябре 1923 г. выехал в США по приглашению американских социологов читать лекции о русской революции. В течение шести лет работал в университете Миннесоты. В 1930 г. принял американское гражданство. В 1931 г. основал социологический факультет в Гарвардском университете и руководил им до 1942 г. В 1931–1959 гг. профессор Гарвардского университета. Его лекции слушал и будущий президент США Джон Кеннеди. В 1960 г. Питирим Сорокин избран президентом Американской социологической ассоциации…

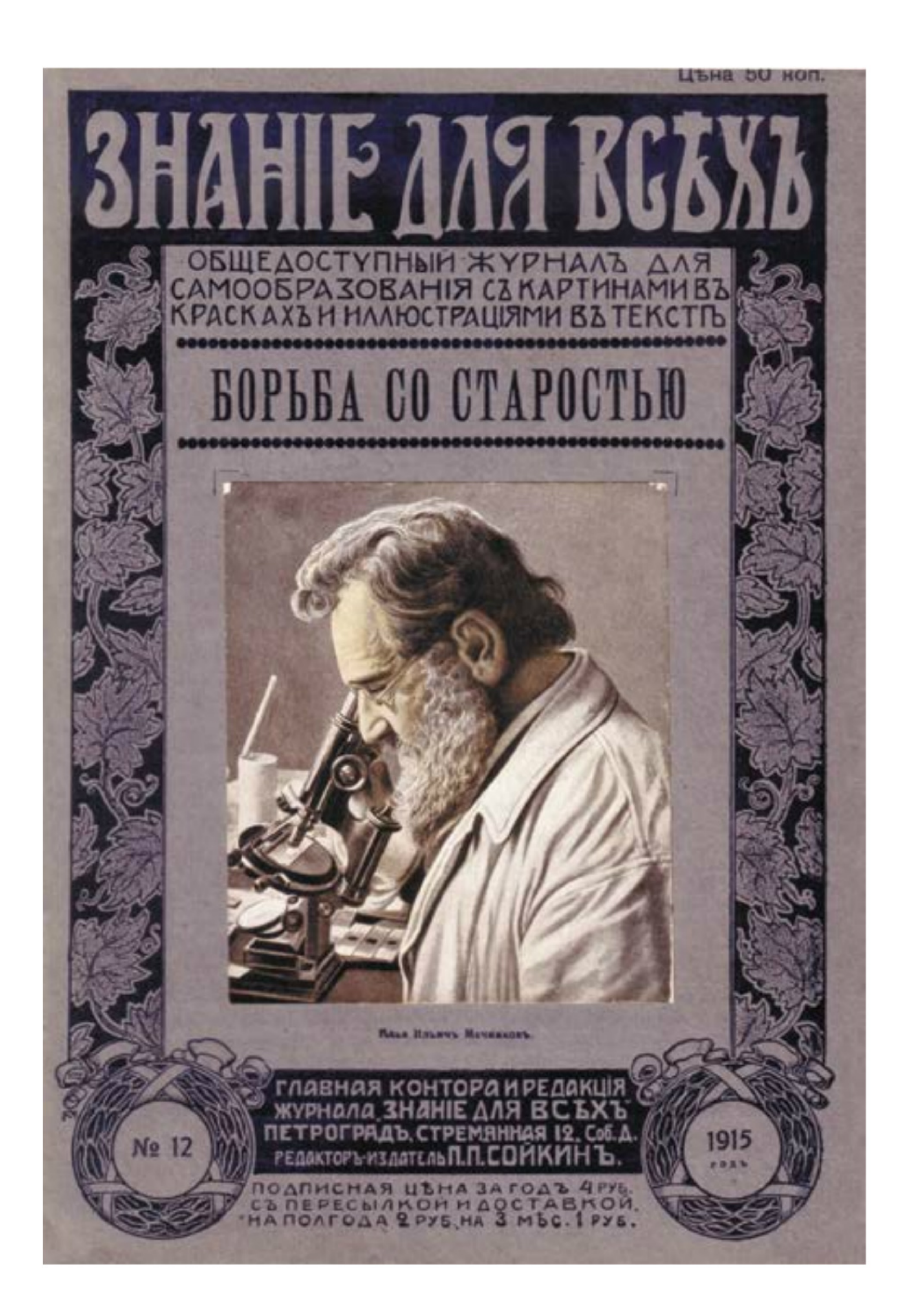
В одном только не то чтобы ошибся, но поторопился П.А. Сорокин: «…человечество уже выполнило самую важную и трудную часть своей задачи – установления общечеловеческого consensus'a в поведении и установления гармонии в дальнейшей социальной революции. Чем дальше – тем скорее пойдет этот процесс, и пределом ему может быть только полное гармоническое шествие на новые моральные и культурные выси».

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968)

Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С предисловием проф. М.М. Ковалевского / С.-Петербург. Издательство Я.Г. Долбышева, 1914. – L + 456 с. (на последней странице ошибка в пагинации: 256; надо 456). Тираж не указан. 23,5 x 16,5 см. В шрифтовой издательской обложке.

Цѣна 75коп.
ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ
ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ СЪ КАРТИНАМИ ВЪ КРАСКАХЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ
ЖЕЛѢЗНЫЙ КОНЬ.
NYC&HR
ГЛАВНАЯ КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ
ПЕТРОГРАДЪ. СТРЕМЯННАЯ 12. Соб. Д.
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ П. П. СОЙКИНЪ.
№ 3
1917
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ 6 РУБ.
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ.
НА ПОЛГОДА 3 РУБ. НА 3 МѢС. 1 Р. 50 К.

Цѣна 50 коп.
ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ
ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ СЪ КАРТИНАМИ ВЪ КРАСКАХЪ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ
БОРЬБА СО СТАРОСТЬЮ
ГЛАВНАЯ КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ“ ПЕТРОГРАДЪ, СТРЕМЯННАЯ 12. Соб. Д.
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ П. П. СОЙКИНЪ.
№ 12
1915 годъ
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ 4 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ, НА ПОЛГОДА 2 РУБ. НА 3 МѢС. 1 РУБ.

Исаак Ньютон. Математические начала натуральной философии / Перевод с латинского А.Н. Крылова (1915, 1916)

Как связана публикация на русском языке замечательной работы выдающегося ученого мирового масштаба с российской действительностью времен Первой мировой войны? Оказывается, связь есть. И порой история эта становится почти детективной.

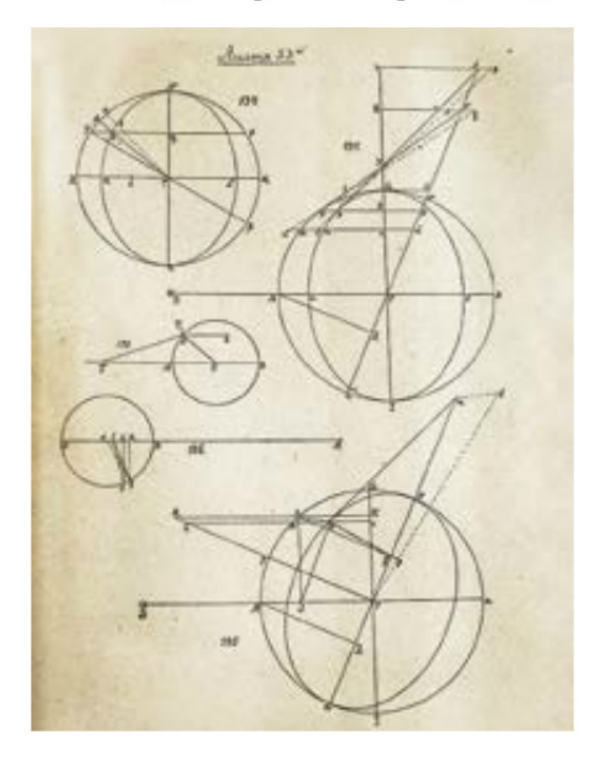
Приближался XX век, а русского перевода монументального труда и главной книги Ньютона не было. Устранил этот культурный пробел академик А.Н. Крылов.

В 1915 и 1916 гг., в двух выпусках журнала «Известия Николаевской морской академии», был опубликован этот грандиозный перевод ньютоновского magnum opus. Интересно, что, если в первом выпуске «Известий…» Крылов обозначен как Флота Генерал-Лейтенант и заслуженный профессор Академии, то уже в 1916 году он – Флота Генерал, заслуженный профессор Академии и Ординарный Академик Императорской Академии Наук. Это важно, чтобы понимать дальнейшие хитросплетения и даже трагические события вокруг истории русского перевода ньютоновских «Математических начал натуральной философии».

А.Н. Крылов. Фото 1908 г.

Благодаря воспоминаниям, которые оставил Алексей Николаевич Крылов, мы можем восстановить сам процесс подготовки этого фундаментального труда. «В 1914 г. приема в Морскую академию не было и лекций не читалось, я был свободен и решил употребить свободное время на перевод и издание “Начал” Ньютона на русский язык, снабдив этот перевод комментарием, изложенным так, чтобы он был понятен слушателям Морской академии, – отмечал А.Н. Крылов. – Я работал аккуратно ежедневно по три часа утром и по три часа вечером. Сперва я переводил текст почти буквально и к каждому выводу тотчас писал комментарий; затем, после того как заканчивался отдел, я выправлял перевод так, чтобы смысл сохранял точное соответствие латинскому подлиннику, и вместе с тем мною соблюдались чистота и правильность русского языка; после этого я переписывал все начисто, вставлял в свое место комментарий и подготовлял к набору».

Комментарии, о которых говорит А.Н. Крылов, – отдельная исследовательская работа. На это обстоятельство обращали внимание и специально всегда подчеркивали многие исследователи. В первой же рецензии на крыловский перевод «Начал», которая появилась в февральском номере журнала «Природа» за 1916 год, известный русский физик П. Лазарев отмечал: «Крыловым даны примечания, разъясняющие текст и позволяющие понять связь методов и теорий Ньютона с современными научными методами. Эти примеча-

ния, представляющие сами по себе большую и оригинальную научную работу, превосходно дополняют перевод и позволяют приступающему к изучению Ньютона без особого труда следить за мыслью автора».

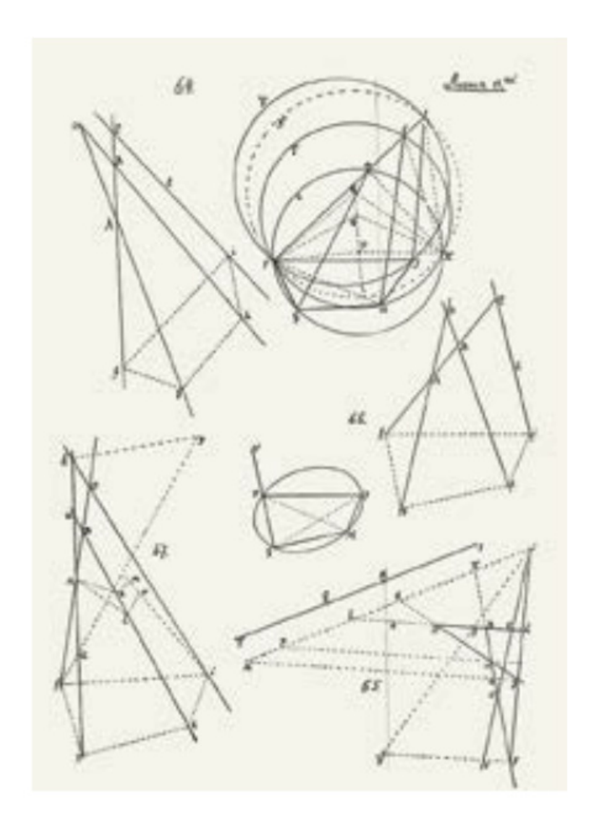
«Великолепный», «превосходный», «замечательный», «образцовый», «изумительный»… Все эти эпитеты по отношению к переводу «Начал», выполненному А.Н. Крыловым, вполне заслужены. Последний по времени из переводов труда Ньютона на основные европейские языки, этот труд выполнял (и выполняет до сих пор) важную культурную и мировоззренческую роль.

И здесь впору говорить о некоем злом роке, витающим над русским переводом «Математических начал…».

В 1990-е годы XX века замечательный отечественный историк науки Владимир Семенович Кирсанов (сын поэта Семена Кирсанова) обнаружил в одном из частных архивов гранки набранного в 1938 г., но так и не изданного перевода «Начал» И. Ньютона. Уже прошедшая все виды предпечатных проверок и правок, эта книга так и не увидела свет: в 1938 г. набор был рассыпан. В.С. Кирсанов делает предположение, что поводом к запрету на публикацию послужило то, что к изданию имели непосредственное отношение как редакторы и составители Б.М. Гессен и Н.И. Бухарин. Первого, по обвинению в участии в заговоре с целью убийства С.М. Кирова, арестовали в августе 1936 г., расстреляли в декабре того же года. Затем был арестован и расстрелян Н.И. Бухарин, бывший в то время директором Института истории науки и техники в Ленинграде.

К сожалению, в экземпляре верстки книги, попавшем в руки В.С. Кирсанова, отсутствовали первые и последние страницы с выходными данными, фамилиями переводчика и редактора, на некоторых страницах аккуратно вырезаны фрагменты полей, на которых, видимо, имелись какие-то нежелательные пометки. Учитывая трагическую судьбу Б.М. Гессена и Н.И. Бухарина (и не только их: расстрелян, например, был С.Е. Аршон – один из редакторов Государственного объединенного научно-технического издательства, в котором готовился к изданию новый перевод на русский язык «Начал» И. Ньютона), имевших то или иное отношение к готовящемуся изданию «Начал», такие меры предосторожности несложно объяснить.

Естественный вопрос – кто же мог быть автором нового перевода «Начал»?

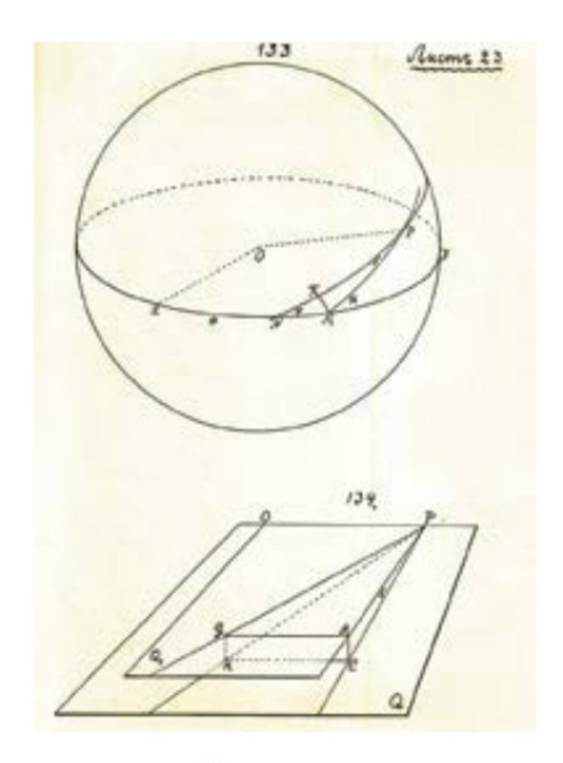

В юбилейном академическом сборнике, посвященном 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона, вышедшем в 1943 г., отечественный историк физики Торичан Павлович Кравец отмечал: «Накануне войны 1914–1918 гг. известное одесское издательство “Матезис” намеревалось выпустить перевод “Начал”, сделанный Чакаловым. По обстоятельствам войны и последовавшей разрухи издание не могло состояться. Но верстка перевода сохранилась: по отзыву видевших ее он обладает большими достоинствами. Нам кажется, что мы могли бы позволить себе роскошь двух переводов “Начал”».

Кто же этот загадочный персонаж – Чакалов? Его фигура как автора нового перевода «Начал», едва ли не полулегендарная. Нигде не встречаются даже инициалы этого человека.

Внук А.Н. Крылова, профессор Сергей Петрович Капица, в одном из своих интервью (2012) так прокомментировал предположение о существовании «Начал» в переводе «некоего Чакалова»: «Да, он переводил Ньютона. И, кажется, даже была какая-то склока: он говорил, что перевод Крылова неточен…»

Вот эта фраза, оброненная С.П. Капицей, – «И, кажется, даже была какая-то склока: он говорил, что перевод Крылова неточен…» – лишний раз подтверждает, что вто-

рой перевод «Начал» все же существовал. И мало того, раз существовала «какая-то склока», значит, должны были остаться ее следы в печатных изданиях.

И такой след действительно обнаруживается в российской периодике вскоре после издания «Начал» в переводе А.Н. Крылова.

1 августа 1917 г. вышел из печати сдвоенный – за июль-август – номер «Журнала Министерства Народного просвещения». В разделе «Критика и библиография» появилась обширная статья за подписью некоего А. Чекалова (sic!) – «Ньютоновы Начала в русском переводе». Автор статьи – а в оглавлении «Журнала…» приводится и второй его инициал: А.З. Чекалов, – настроен более чем решительно: «В русской научной литературе давно высказываются сожаления о том, что нет русского перевода Ньютоновых Principia. <…> В настоящее время долгожданный перевод вышел в свет. В сознании того глубокого переворота, который произвели Principia Ньютона в миросозерцании человечества, и той громадной важности, которая остается за ними до сего времени, хотелось верить, что русское издание Начал будет достойно славного имени их великаго автора. И все как бы говорило за это. Перевод (первой книги) вышел в издании Николаевской Морской академии, прекрасном с внешней стороны. Под руками переводчика, профессора Академии, были лучшие издания оригинала, переводы английский, французский и немецкий. <...>

К глубокому сожалению, первая же фраза "предисловия автора к первому изданию" ставит читателя русскаго перевода в большое недоумение своею неожиданностью. <…> Недоумение читателя не рассеивается при дальнейшем чтении предисловия и начинает переходить в сомнение в достоинстве перевода».

И далее, на 25-ти страницах, – подробнейший, жесткий разбор недостатков крыловского перевода. Со сравнением цитат из перевода и из подлинника, с привлечением широкого круга источников, с вариантами своего собственного перевода спорных мест, с короткими экскурсами в социальную историю. «Читатель, может быть, скажет, что это уж слишком большие мелочи. Но перед великим именем Ньютона и такие мелочи неизвинительны в издании столь почтенного учреждения», – пишет А.З. Чекалов.

Удивительно, но никто из тех отечественных исследователей, занимавшихся библиографией русской Ньютонианы, никогда даже не упоминает об этой статье, не говоря о том, чтобы ссылаться на нее. И журнал, и помещенная в нем статья А. Чекалова, судя по всему, просто затерялись в потоке социальных катаклизмов осени 1917 г. в России. Не до споров о качестве перевода «Математических начал натуральной философии» было.

Но ситуация становится почти детективной, если принять во внимание еще одну статью. Ее автор – Н.И. Невская; статья называется «Забытые страницы истории Пулковской обсерватории» (1994). Экспозиция такова.

В 1931 г. астрофизический отдел Пулковской обсерватории возглавил новый сотрудник – Б.П. Герасимович. Через два года он станет директором Пулковской обсерватории. Далее Невская пишет: «…именно к Б.П. Герасимовичу летом 1932 г. прислал свой русский перевод "Математических начал натуральной философии" И. Ньютона житель г. Корсуня Киевской области Александр Захарович Чеканов.

Ознакомившись с рукописью, Герасимович направил ее 8 августа 1932 г. в Москву, в Государственное технико-теоретическое издательство с рекомендацией опубликовать перевод. В случае, если издательство не сочтет возможным напечатать рукопись, Герасимович просил вернуть ее Пулковской обсерватории. 21 декабря 1933 г. по просьбе издательства переводчик разрешил использовать извлечения из его

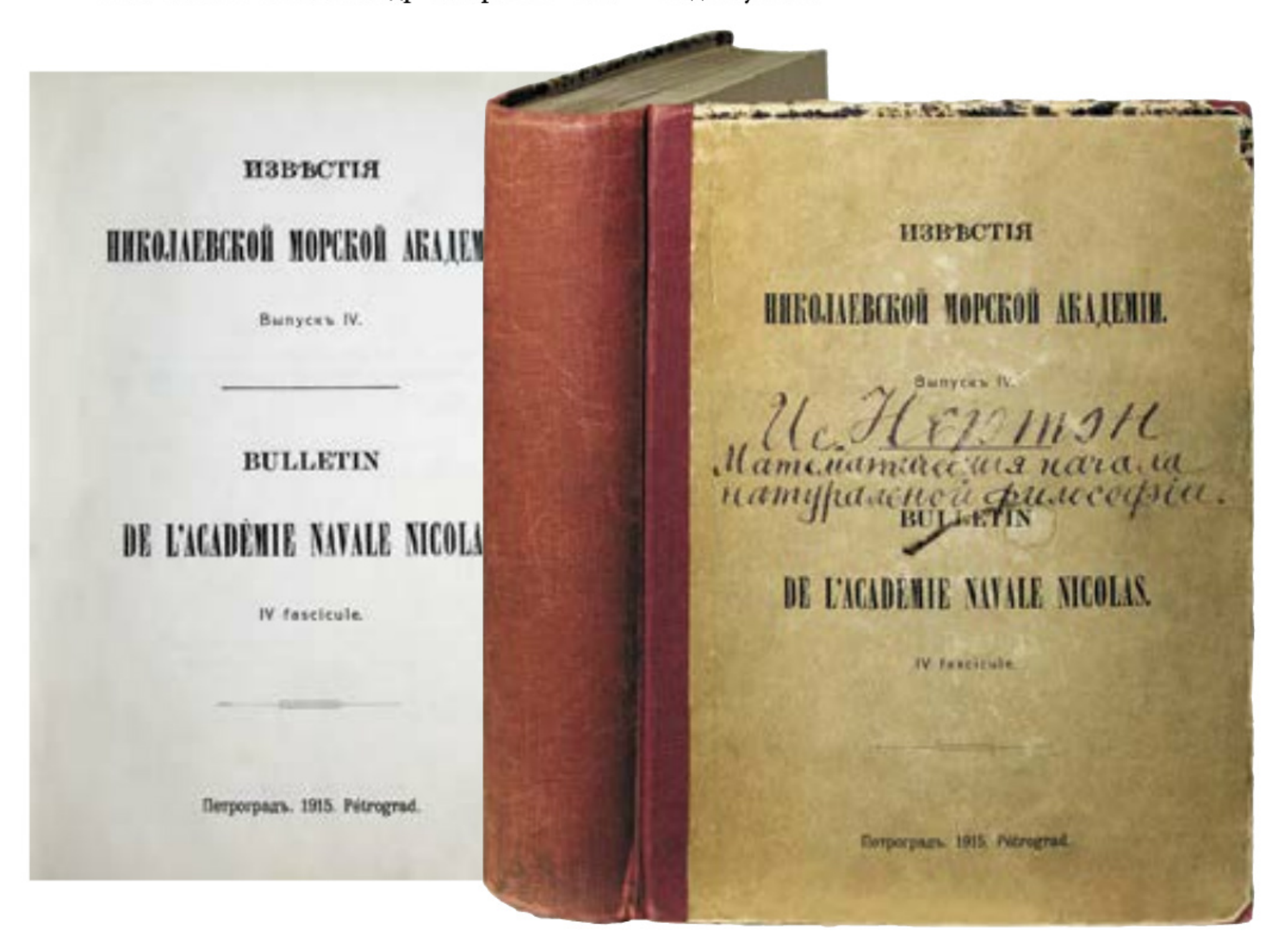
работы для "Материалов по истории развития механики" под редакцией профессора А.Н. Долгова, склонявшегося к тому, что перевод Чеканова стоит издать полностью "при соответствующей обработке".

На запрос Пулковской обсерватории о судьбе рукописи издательство ответило 7 апреля 1935 г., что вопрос все еще не решен, а рукопись находится у профессора Долгова.

По-видимому, перевод Чеканова так и не был опубликован; во всяком случае, никаких сведений о нем в дальнейшем найти не удалось. Скорее всего, этот перевод пропал безвозвратно».

И вот теперь мы можем задаться вопросом: не один ли это человек – Чакалов, А.З. Чекалов и Александр Захарович Чеканов? Очень похоже, что все это – псевдонимы одного и того же автора. Просто сначала самим фактом своего непререкаемого научного и административного авторитета А.Н. Крылов заставлял оппонентов быть осторожными. А после событий 1937–1938 гг., после ареста и расстрела Б.М. Гессена, С.Е. Аршона, Н.И. Бухарина – людей, имевших непосредственное отношение к готовившемуся изданию «Начал» в новом переводе, раскрывать этот псевдоним и вовсе стало небезопасно.

Так что роскошь иметь два перевода на русский язык одной из самых значительных книг в истории естествознания (и не только естествознания – в истории всей человеческой культуры) до сих пор остается для нас недоступной.

Исаак Ньютон (1643–1727)

Математические начала натуральной философии // Перевод с латинского с пояснениями и примечаниями Флота Генерал-Лейтенанта А.Н. Крылова, заслуженного профессора Академии. Известия Николаевской морской академии. Вып. IV. Петроград: 1915. 276 с., [6]. 23 листа чертежей.

Математические начала натуральной философии. // Перевод с латинского с пояснениями и примечаниями Флота Генерала А.Н. Крылова, заслуженного профессора Академии, Ординарного Академика Императорской Академии Наук. Известия Николаевской морской академии. Вып. V. Петроград: 1916. 344 с., [4]. 38 листов чертежей. 25,4x19 см.

Конволют. (Сквозная нумерация томов; V Выпуск: с. 277–592.) Составной картон, коленкор – переплет эпохи. Обложка Вып. IV наклеена на верхнюю крышку; обложка Вып. V сохранена. Редкие отметки и маргиналии на полях и в тексте простым и синим карандашом.

ЧЕЛОВЕК
И
ПРИРОДА
ТРУД
ЗНАНИЕ
1920
№ - 1
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ

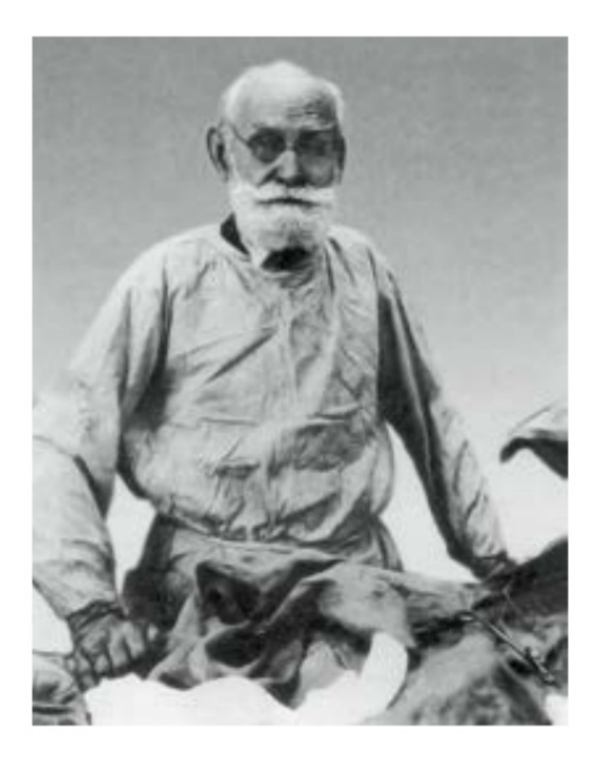
ВЕСТНИК ЗНАНИЯ

№ 6-й 1925

ИЗД-ВО „П.П. СОЙКИН“ ЛЕНИНГРАД.

Иван Павлов. Лекции о работе главных пищеварительных желез (1917)

«Присудить Нобелевскую премию года по физиологии и медицине Ивану Петровичу Павлову в знак признания его работ по физиологии пищеварения, которые позволили изменить и расширить наши знания в этой области». Протокольная формулировка от 20 октября 1904 года Каролинского медико-хирургического института, присуждающего Нобелевские премии по физиологии и медицине, означала, что в России появился первый лауреат этой престижнейшей награды для ученых.

Научные результаты, за которые Иван Павлов был удостоен Нобелевской премии, впервые были собраны в одну книгу и опуб-ликованы в 1897 году. Этому предшество-вали десять лет работы Павлова и его сотрудников в Институте экспериментальной медицины и в Военно-медицинской академии.

Последнее обстоятельство важно подчеркнуть. Дело в том, что один из основных источников информации о потенциальных кандидатах на Нобелевскую премию – их публикационная активность. Закономерность здесь такая: будущие лауреаты в годы, предшествующие награждению, цитировались в среднем в 40 раз чаще, чем средний исследователь. «Очень выразителен в этом отношении пример Ивана Петровича Павлова, – пишет болгарский историк науки Валерий Чолаков. – Сам Павлов, направлявший работу всех своих сотрудников, редко фигурировал как соавтор в их публикациях. Это побудило Каролинский институт направить профессора Карла Тигерстеда в Петербург, чтобы выяснить, кто возглавляет столь плодотворную научную деятельность целого коллектива. Это позволило оценить роль И.П. Павлова, и в 1904 г. он был удостоен Нобелевской премии».

Неслучайно и сам Павлов в предисловии к первому изданию лекций (этот текст был повторен и во втором издании) подчеркивал: «В тексте лекций, вводя читателя в эту систему, я употребляю слово "мы", т.е. говорю от лица всей лаборатории».

Представленная в «Библиохронике» книга – второе издание, просмотренное автором. Книга эта примечательна во многих отношениях. Во-первых, отметим, что новое предисловие к этому изданию помечено И.П. Павловым «Петроград, февраль 1917 г.». То есть книга появилась на свет в переломный момент русской истории. Самый канун Февральской революции, отречения Николая II, конца самодержавия – а в России издаются книги, редакторов которых волнуют вопросы совсем другого рода. Например, такой: «На русском языке имеется, хотя и не очень обширная, научно-популярная литература, но собственно научная литература по естествознанию весьма не велика, а главное – крайне разрозненна и мало доступна».

Именно поэтому книгой И.П. Павлова издательство «Природа» начинало новую серию – «Классики естествознания». Во вступительной статье, которую написали известные русские ученые Н.К. Кольцов, П.П. Лазарев и Л.А. Тарасевич, в частности, отмечается: «Эта серия начинается трудами русских натуралистов. Две одновременно выпускаемых книги посвящены работам двух крупнейших русских биологов, из которых один – И.П. Павлов – продолжает во главе физиологов всего мира разрабатывать одну из самых увлекательных проблем науки: проблему физиологии головного мозга; а другой – И.И. Мечников – только год тому назад утраченный наукой, успел еще при жизни дать свое согласие на издание своей классической работы в нашей серии».

«Благодаря Издательству "Природа", книга эта, давно уже исчезнувшая с книжного рынка, появляется вновь, – пишет в новом предисловии Павлов. – По решению Издательства, совпавшему с моим собствен-

ным желанием, это новое издание книги является стереотипным воспроизведением издания 1897-го года. В свое время "Лекции" писались среди большого лабораторного возбуждения предметом их – и это наложило свою отчетливую печать на книгу, сообщив ей особенную свежесть и горячность. Теперь я давно отошел от этого предмета, и мой живой интерес сосредоточился совсем в другом отделе физиологии; сейчас о том предмете я не смог бы писать в старом тоне. Таким образом, если бы я захотел исправлять и дополнять книгу, в соответствии с тем, что принесли протекшия 20 лет, то книга приобрела бы, так сказать, заплатный вид. А мне не хотелось портить ее первоначальный общий воодушевленный тон».

Собака с изолированным желудочком. В—дренажная трубка.

В своих восьми лекциях И.П. Павлов подробно разбирает результаты экспериментальных исследований «отделительной работы» поджелудочной и желудочных желез. «Выливается ли сразу на весь введенный материал потребные количества соков, или доставка соков в пищеварительный канал продолжается все время нахождения пищи в данном отделе канала, приноровляясь каким-нибудь образом к постепенно уменьшающейся и изменяющейся массе пищи?» Ответ на эти вопросы был получен Павловым в результате разработанной им блестящей новой методики проведения опытов на лабораторных животных – собаках. Точность этой методики такова, что Павлов не скрывает почти эстетического наслаждения от наблюдения опытов: «Сильное впечатление от такой, почти физической, точности в сложном жизненном процессе является одним из приятных развлечений многочасового сидения перед работающими железами».

Конечная цель, по замыслу Павлова, – превратить физиологию в точную науку сродни физике. «Точное знание судьбы пищи в организме должно составить предмет идеальной физиологии, физиологии будущего», – настаивает Павлов в своей Нобелевской речи, произнесенной 12 декабря 1904 года. Благодаря Павлову даже такое «эфемерное» понятие, как аппетит, «превращается из субъективного ощущения в точный лабораторный факт». Вот фрагмент

Иван Петрович на опыте по условным рефлексам

описания одного из тех опытов, которые Павлов демонстрировал непосредственно во время своих лекций. «Часа за 3 до настоящей лекции мною отпрепарирован… левый блуждающий нерв на шее, но не перерезан, а только взят на нитку. Сейчас, несколько натягивая нитку и выводя наружу, я быстрым движением ножниц перерезаю его…».

Любопытно, что дальше И.П. Павлов замечает: «Собака, которая служила для приведенного опыта, осталась жить многие месяцы. Впоследствии ей перерезан был и правый вагус [нерв] на шее. Собака пользовалась отличным здоровьем, без преувеличения можно сказать – наслаждалась жизнью…»

В 1920-е годы И.П. Павлова повторно выдвигали на Нобелевскую премию. Но его интересы, как он сам признавался в предисловии к новому изданию «Лекций…», уже далеки от физиологии пищеварения. Он ставит задачу перенести разработанную им методику на сферу изучения психического.

Современный английский историк науки Роджер Смит отмечает: «Занимая много должностей, наделенный международным престижем Павлов смог, сначала при царизме, а затем в гораздо больших масштабах при большевиках, превратить исследования условных рефлексов в “большую науку”».

Еще при жизни В.И. Ленина было издано специальное постановление Совнаркома о льготах для академика И.П. Павлова. Среди прочего в нем предусматривалось предоставление Павлову и его жене спецпайка, от которого ученый решительно отказался. Но питание для его подопытных животных позволило продолжить эксперименты по условным рефлексам. «Я помню, – писал академик Петр Леонидович Капица в своей книге «Письма о науке» (М., 1989), – как мне рассказывал академик А.Н. Крылов, что, встретив Павлова на Каменноостровском, он обратился к нему: “Иван Петрович, могу Вас попросить об одном одолжении?” – “Конечно”. – „Возьмите меня в собаки“. На что Павлов ответил: “Вы умный человек, а такие глупости говорите”».

Действительно, советское руководство выделило огромные по тому времени материальные и финансовые ресурсы на создание близ Ленинграда, в местечке Колтуши, биостанции Института экспериментальной медицины. Настоящий научный полигон!

«Помимо лабораторных корпусов и жилья для сотрудников – газоны и пруд, молочная ферма и виварий. Не иначе как Павловым, уже зрелым и признанным ученым, закла-

дывается тут райский сад, – отмечает в своей книге «Фигуры разума» историк Евгений Стрелков. Детский сад… Райский сад… Среди сталинской совдепии – показная детская радость. Агностик Павлов регулярно посещает церковь… Это, пожалуй, уже недетская шалость. И регулярно пишет в Совнарком, уж совсем не по-детски, – словно апостол, порицая и выговаривая, предрекая и грозя. Трудно представить, с какими чувствами читали сановные большевики хотя бы вот эти строки, обращенные к ним: “Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались Вы, – террор и насилие…”».

И… ничего! Государство держало Нобелевского лауреата И.П. Павлова на исключительно длинном поводке, позволяя до поры до времени то, что никакому смертному в СССР не было позволено. Но месть советского государства порой бывала изощренной.

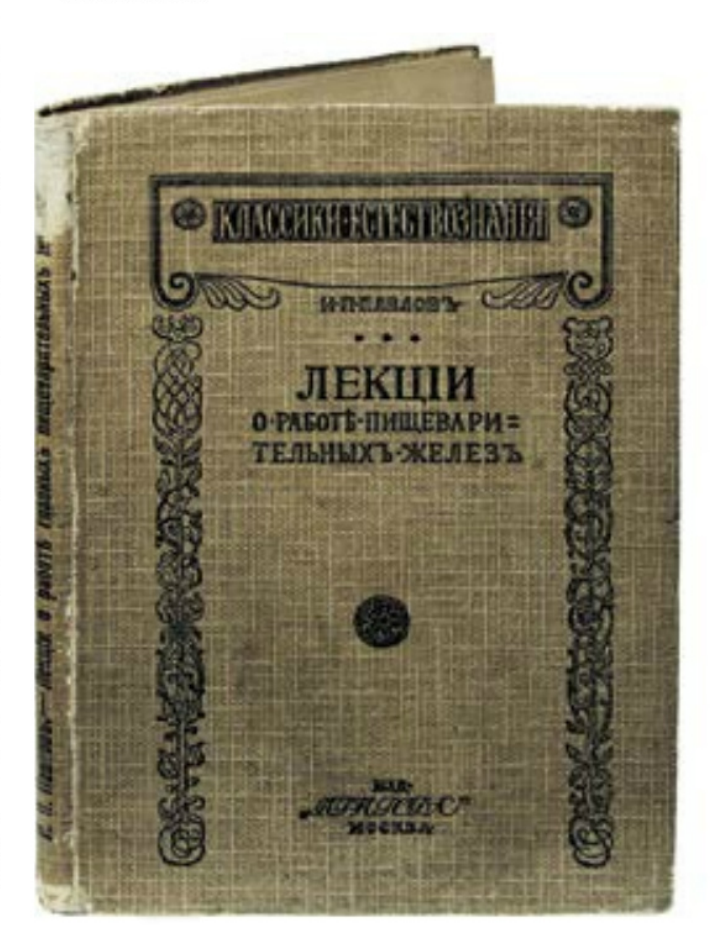
В 1950 году прошла так называемая Павловская сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР для установления иерархического порядка в физиологии. Именно это мероприятие в значительной мере дискредитировало научное наследие И.П. Павлова на многие годы. «…Как утверждают ортодоксы, согласно Павлову все физиологические процессы в организме животных подчинены коре

больших полушарий головного мозга, – пишет в своих воспоминаниях «Герои и злодеи российской науки» биофизик и биохимик С.Э. Шноль. – Эту подчиненность следует изучать развитым Павловым методом "условных рефлексов". Кто это не делает… и при этом изучает другие аспекты физиологии – "субъективный идеалист"… Это вообще опасные люди – они не признают руководящей роли верховных властей и при этом занимают хорошо оплачиваемые должности. Должности эти гораздо правильнее отдать истинным павловцам!.. После "триумфа" павловского учения победители разбирали должности и звания». Академик В.В. Парин заметил позже, что великий физиолог не представлял себе, что его труды будут превращены в «некий гибрид из псалтыря для молебнов и дубинки для устрашения инакомыслящих».

Тот же Роджер Смит дает такое краткое, но точное описание эволюции взаимоотношений Павлова с официальными властями: «В конце 1920-х гг. он вышел победителем в жестокой борьбе за централизованно распределяемые ресурсы. Партийные идеологи и в особенности целеустремленные и способные ученые-коммунисты, участвовавшие в его программе, задумали диалектическую реконструкцию его теории. Этот марксистский ход вкупе с международным реноме ученого и институционализацией его программы превратил Павлова в фигуру огромной важности в стране с централизованным большевистским управлением. Кульминацией стало проведение в Москве и Ленинграде в 1935 г. XV физиологического конгресса, на котором председательствовал 86-летий Павлов. По замыслу властей он должен был стать живым примером советских достижений и их рупором; по его же собственному мнению, он стоял за науку, истину и патриотизм. И, может статься, к лучшему, что спустя полгода ученого не стало. Сталин, по некоторым свидетельствам, уже давно готовился отомстить человеку, так много себе позволявшему».

Вспоминая обстоятельства ухода из жизни других современников И.П. Павлова – писателя М. Горького, генетика Н.К. Кольцова, такой сценарий кажется более чем правдоподобным. Близкий к семье Павлова профессор В.С. Галкин свидетельствовал, что у выздоравливавшего Павлова по непонятным причинам заменили врачей. Вот и американец Дэниел Тодес свою капитальную монографию «Иван Павлов: Русская жизнь в науке» (Daniel P. Todes, «Ivan Pavlov: A Russian Life in Science», Oxford University Press, 2014) завершает списком связанных с Павловым людей, которые были устранены физически.

После этого совсем уж по-другому, символически, прочитываются слова из «Лекций…» Ивана Петровича Павлова: «Собака пользовалась отличным здоровьем, без преувеличения можно сказать – наслаждалась жизнью…»

Иван Петрович Павлов (1949–1936)

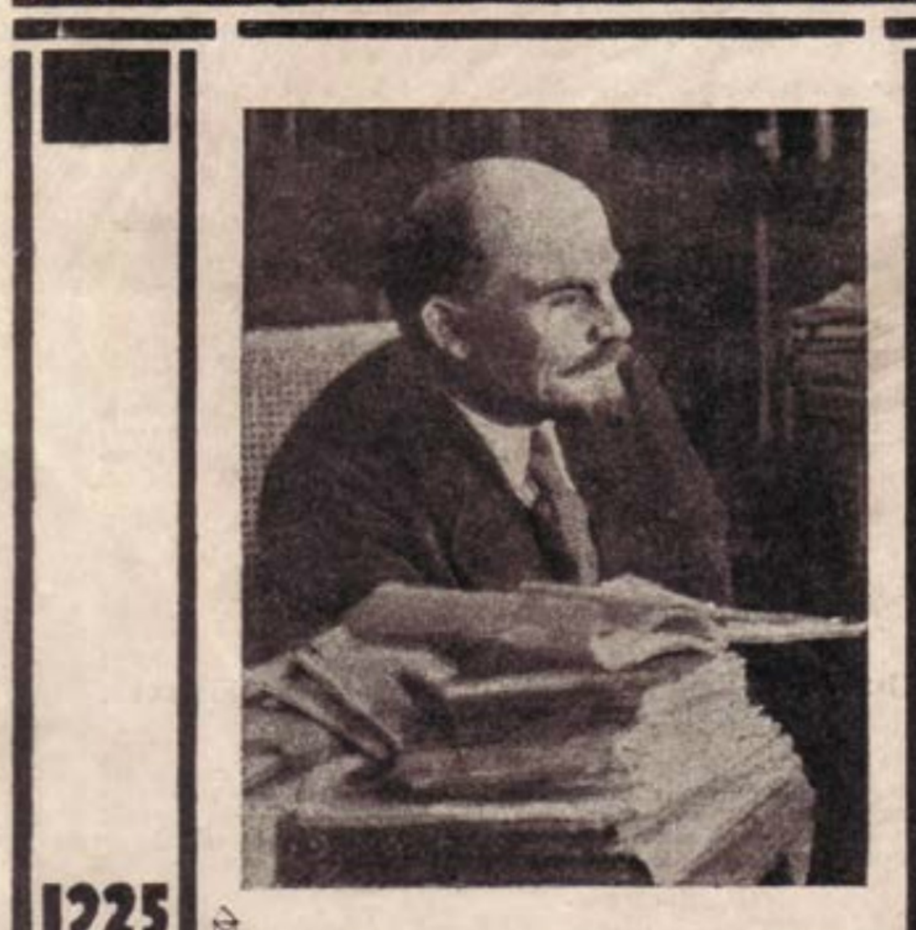
Лекции о работе главных пищеварительных желез / Новое издание, просмотренное автором. Издательство «Природа», Москва, 1917. – 224 с. – Серия «Классики естествознания» (Вып. 2), илл. 20 х14 см. Тираж не указан.

Коленкоровый издательский переплет. Фотографический портрет И.П. Павлова и его факсимиле на фронтисписе. На шмуцтитутле – посвящение Павлова: «Памяти друга, талантливого врача, Николая Петровича Богоявленского посвящает свой труд автор». На титульном листе и на с. 1, 53, 130, 224 – владельческий штамп синими чернилами: «Профессоръ / Иван Логгиновичъ / Вакуленко.». Редкие подчеркивания в тексте и пометки на полях. Вакуленко И.Л. (1878–1955) – биохимик, председатель Башкирского филиала Всесоюзного общества физиологов, биохимиков и фармакологов (1938–1941).

Цена 20 коп. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

САМОУЧКА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

1925 № 1

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ: РАБОЧАЯ МОСКВА:

Цена 20 коп. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

1925 № 2

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ : РАБОЧАЯ МОСКВА :

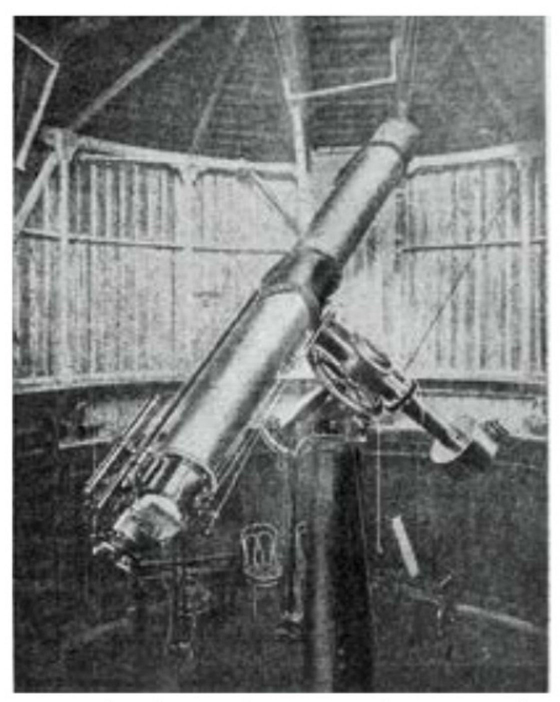
43 Всеволод Стратонов. Здание Мира. Астрономический очерк (1918)

Астроном, астрофизик, декан физико-математического факультета Московского университета и… удачливый финансист, банкир. Занятия, казалось бы, трудно сочетаемые. Но Всеволод Викторович Стратонов был, что называется, вундеркиндом.

Сын Виктора Исаевича Стратонова, директора Ришельевской гимназии в Одессе, Всеволод окончил кубанскую войсковую гимназию (1886) и физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе с золотыми медалями (1891). Учился легко и блестяще. Талантливого юношу посылают в 1893–1894 гг. на стажировку в знаменитую Пулковскую обсерваторию. Стажировкой его руководит выдающийся русский астроном, исследователь комет, директор Пулковской обсерватории академик Ф.А. Бредихин. Как раз Бредихин и рекомендовал Стратонова на должность астрофизика в Ташкентскую обсерваторию, только что получившую новое оборудование.

За десять лет (1894–1904) работы в Ташкенте В.В. Стратонов получил более 400 высококачественных фотоснимков шаровых и рассеянных звездных скоплений.

Телескоп для фотографирования звезд – астрограф Ташкентской обсерватории

Но в 1904 г. Стратонов «заработал» себе болезнь глаз и был вынужден отказаться от должности астронома-наблюдателя. Он покидает Ташкент и становится вице-директором канцелярии наместника Кавказа И.И. Воронцова-Дашкова в Тифлисе (1905–1911). Затем – контролер Государственного банка в орловском, муромском, тверском отделениях. В 1911 г. открывает собственный банк.

Однако любовь к астрономии не оставляет его и в этот период жизни. Правда, постепенно главный интерес В.В. Стратонова сосредоточивается не столько в области наблюдательной астрономии, сколько на астрофизике. Он пишет и издает за свой счет несколько интереснейших научно-популярных книг и учебных пособий по астрономии. В 1910 г. в Тифлисе выходит его очень богато изданная книга «Солнце». Отрывок из рекламного объявления о выходе этой книги говорит сам за себя: «Издание в формате in 40, на велен. бумаге, с 10 многокрасочн. картинами, 30 отд. (красочными) иллюстрациями и около 200 худож. рис. в тексте. Акварели, картины и виньетки работы худож. О.И. Шмерлинга». В отзывах на эту книгу современники отмечали: «По роскоши издания и по изяществу рисунков я ничего подобного не видел ни за границей, ни в русской специальной литературе. Все изложено простым, доступным языком» («Новое время», № 12088). В 1914 г. эта книга была отмечена премией Русского астрономического общества.

И все же представленная в «Библиохронике» небольшая научно-популярная работа В.В. Стратонова «Здание Мира» (1918 г., 2-е изд.) имеет особое, символическое значение в судьбе автора.

Книга состоит из четырех коротких глав: «I. Звезды», «II. Туманные пятна», «III. Млечный Путь», «IV. Здание вселенной». Конечно, многие конкретные данные, которые приводит Стратонов, сегодня уже устарели, существенно уточнены или даже принципиально изменены. Так, например, В.В. Стратонов, завершая свою книгу, пишет: «Лично нам

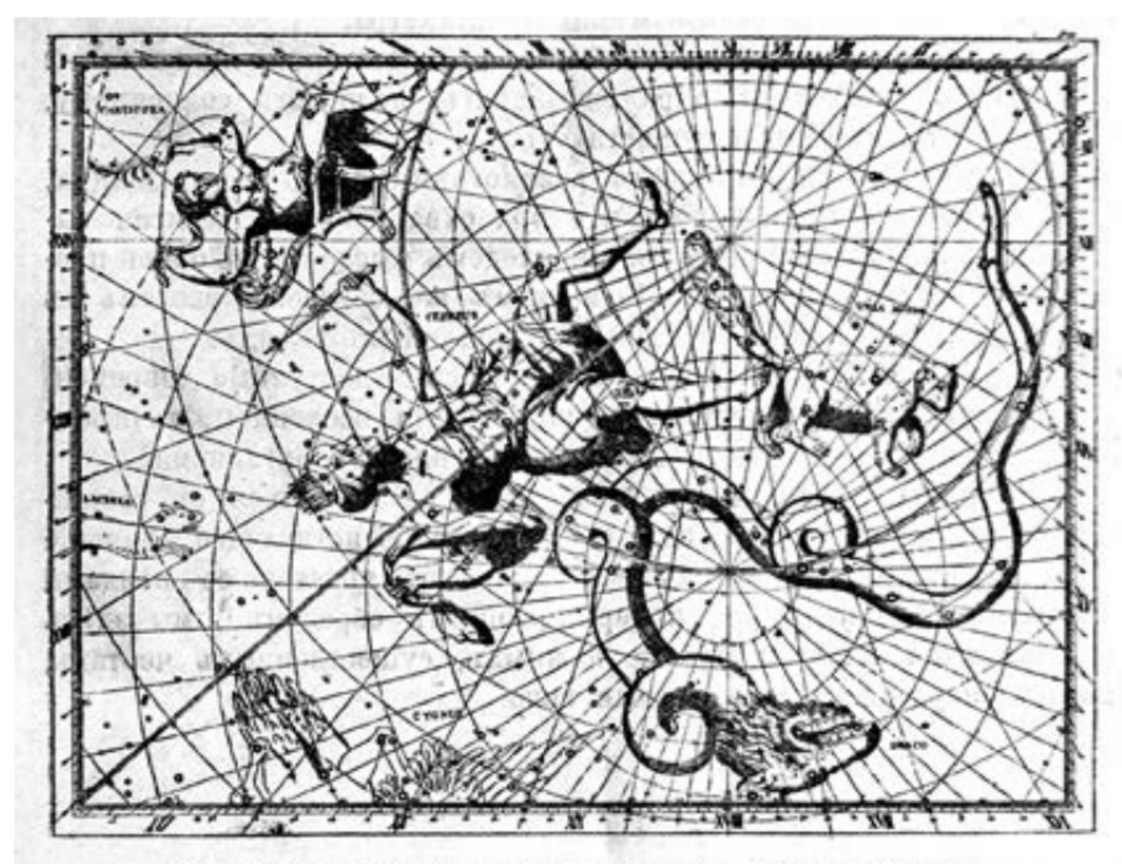

Рис. 4. Созвѣздія: Малая Медвѣдица, Драконъ, Цефей и Кассіопея.

представляется возможным такое допущение, что на звездную систему, олицетворяемую Млечным Путем, следует смотреть как на некоторый слой мировой материи, ушедший, по той или другой причине, в своей эволюции вперед. К этому же слою примыкают с обеих сторон менее эволюционировавшие космические материалы, которые наблюдаются в форме масс туманной материи. <…> Это приводит к заключению, что при настоящем состоянии знаний приходится допустить существование только одной вселенской звездной системы, именно только одного Млечного Пути, тем более, что ничем не доказана звездная структура больших белых туманностей, нередко имеющих спиральное строение, которые многими принимаются за другие млечные пути, равно как и некоторые звездные скопления».

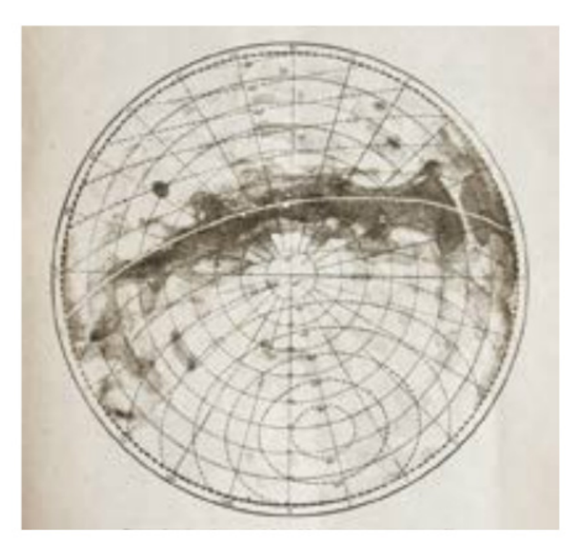
Космологическая картина мироздания, которую рисует В.В. Стратонов, безусловно завораживает. Но вся эта космологическая проблематика причудливо и самым неожиданным образом очень скоро переплетется в судьбе автора.

Именно в 1918 г. Стратонов переезжает в Москву, где занимает должность профессора, а затем и декана физико-математического факультета Московского университета (1919–1922). В конце 1919 г. у Стратонова рождается замысел создания ГРАФО – Главной Российской астрофизической обсерватории. Даже по первым прикидкам, сделанным Стратоновым, – тут, наверное, сыграл свою роль его опыт работы в банковской сфере, – на создание ГРАФО требовалось 300 тыс. довоенных рублей. Сумма почти неподъемная и для более обеспеченных комиссариатов, чем Наркомат народного просвещения. И все-таки Стратонову удалось заинтересовать советскую научную бюрократию в своем проекте.

В общем, В.В. Стратонов проявил себя еще и как очень талантливый организатор науки, научный менеджер, как сказали бы мы сегодня. Но этого оказалось недостаточно. На дворе был НЭП (Новая экономическая политика), что означало некоторую экономическую свободу. Соединять ее с интеллектуальной – на это советская власть пойти не могла ни при каких условиях...

В начале 1922 г. Наркомпрос принял новый устав для всех вузов страны. Этот документ резко ухудшал положение профессорско-преподавательского состава. Все это вызвало волну профессорских забасто-

вок по стране. В Московском университете такую забастовку возглавил декан физико-математического факультета В.В. Стратонов. Делегацию профессоров принимает председатель Совнаркома А.Д. Цюрупа. После переговоров с ним принимается ряд срочных мер по улучшению быта ученых и помощи высшей школе. Забастовка профессоров быстро заканчивается. Однако роль в ней В.В. Стратонова не была забыта. В августе 1922 г. его арестовывают.

В Центральном архиве ФСБ РФ сохранился протокол допроса В.В. Стратонова от 18 августа 1922 г. Вот выдержки из него.

«На вопросы, представленные мне следователем отвечаю: Думаю, что я арестован

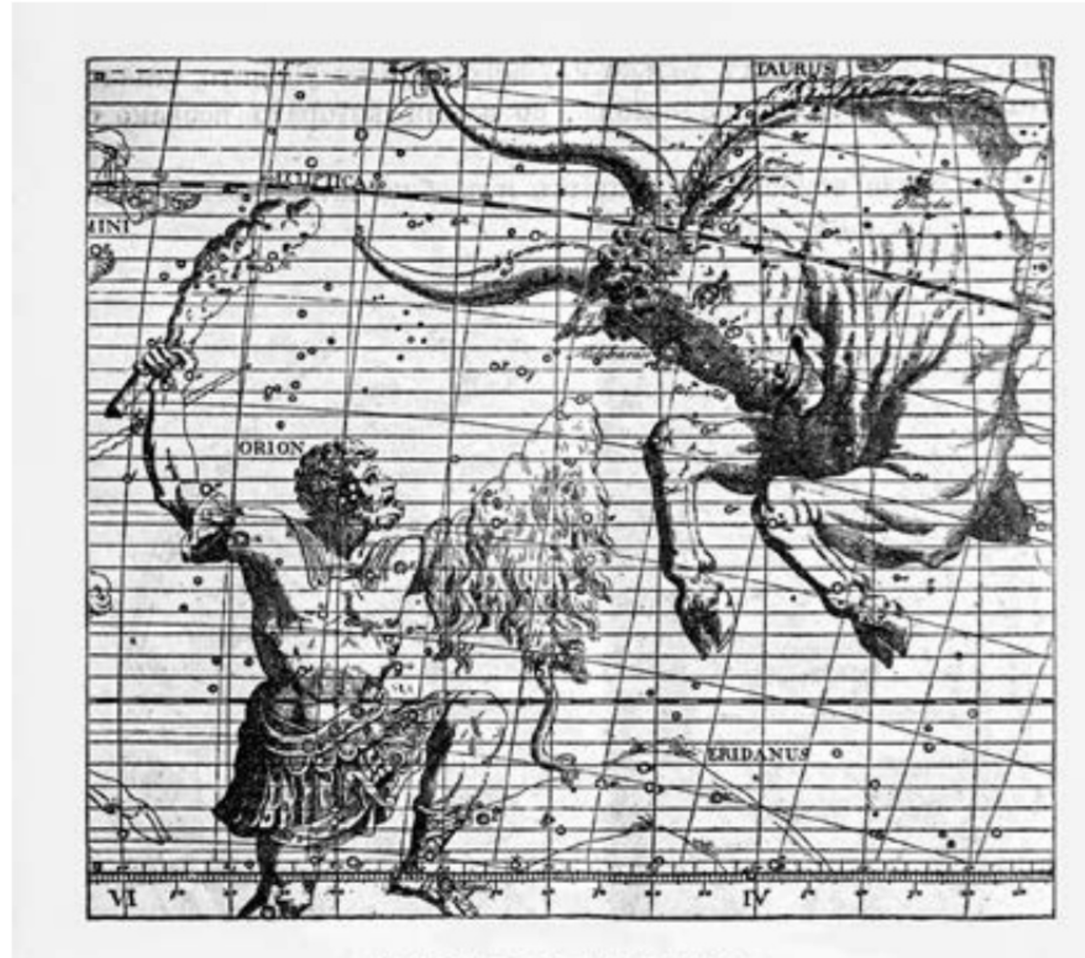

Рис. 5. Созвѣздія: Оріонъ и Телецъ.

в связи с материалами в официальной прессе, сообщавшими о предстоящей забастовке в высшей школе в связи с рассмотрением его преподавательского состава, что, по-видимому, вытекает из резолюции последней коммунистической конференции, это могло бы быть в связи с тем участием, которое я принимал как делегат к заместителю Предсовнаркома и на заседании Совнаркома. В коммунистической партийной деятельности я не одобряю допущение разрушения сперва средней, затем высшей школы. Полагаю, что между идейной стороной коммунизма и практическим его проведением в жизнь существует значительная и, по-моему, не выражаемая необходимостью, несвязка, полагаю, что было бы своевременным объединить культурные силы, работающие лояльно, а не распылять или преследовать их. <…> но я полагаю, что не следует проявлять со стороны власти оскорбительного недоверия или чтения в душах; утверждаю, что среди всей разумной части общественных деятелей, независимо от их политического следа, в настоящее время окрепла мысль, что нет другого выхода из современного положения, как путем приемлемости какой-то стороной делового примирения. <…>

Я полагаю, что советская власть вправе, по преимуществу, требовать высшего образования и для учащихся из широких слоев трудящихся, но я полагаю, что является ошибочным лишать образования или сильно затруднять его получение и всей остальной части молодежи, ибо все же для страны главную роль будут играть те, кто наиболее одарен и наиболее трудолюбив. <…>

Что касается усиления не существовавшей антисоветской моей деятельности в моменты внешних затруднений РСФСР, что я также не знаю ни одного факта с моей стороны, который это подтверждал бы.

В. Стратонов»

Как напишет в 1923 г. философ Федор Степун, высланный из России в 1922 г.: «Большевикам, очевидно, мало одной только лояльности, т.е. мало признания советской власти как факта и силы; они требуют еще и внутреннего приятия себя, т.е. признания себя и своей власти за истину и добро. Как это ни странно, но в преследовании за внутреннее состояние души есть нота какого-то извращенного идеализма».

В итоге В.В. Стратонов осенью 1922 г. был выслан в Германию на «философском пароходе». Сначала он обосновался в Берлине. Стал одним из учредителей Русского научного института в Берлине, школ для детей беженцев. С 1924 г. жил в Праге (Чехословакия). Гражданин Чехословакии. Читал лекции по астрономии в Высшем техническом училище в Праге. Консультант директора крупного чешского банка. По некоторым сведениям, покончил жизнь самоубийством 6 июля 1938 г. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге…

А Главная Российская астрофизическая обсерватория, с филиалами, расположенными на юге примерно на одной широте, так и не была создана.

Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938)

Здание Мира. Астрономический очерк / 2-е дополненное издание. С 41 рисунком в тексте и 2 картами в красках. Издание «Т-во «В.В. Думнов, наслед. Бр. Салаевых», Москва, 1918. – 62 с. 27 x 17,2 см. Тираж не указан.

На титульном листе – автограф В.В. Стратонова синими чернилами: «Глубокоуважаемому / Александру Александровичу / Михайлову / [нрзб.] / автор / 28 XI 18.» Советский астроном, академик АН СССР с 1964 года, А.А. Михайлов (1888–1983) входил в состав Организационного комитета по созданию Главной астрофизической обсерватории (1921). Стратонов возглавлял этот комитет.

Цена 20 коп. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

САМОУЧКА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

1925 № 3

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ: РАБОЧАЯ МОСКВА:

Цена 20 коп. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

САМОУЧКА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

1925 № 4

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ: РАБОЧАЯ МОСКВА:

44

Иван Лапшин. Философия изобретения и изобретение философии (1922)

Номер газеты «Известия» от 30 августа 1922 года открывало интервью Л.Д. Троцкого американской корреспондентке «Интернешнл Ньюс Сервис» А.Л. Стронг – «Тов. Троцкий об отношении Европы и Америки». Завершала этот обширный, развернутый текст небольшая главка с «Предусмотрительная гуманность». Великолепный оратор и актер, тов. Троцкий и тут выдержал марку: «Вы меня спрашиваете: чем объясняется постановление о высылке враждебных советской власти элементов за границу?.. Мой ответ будет очень прост… Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, – а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, – все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту пред общественным мнением».

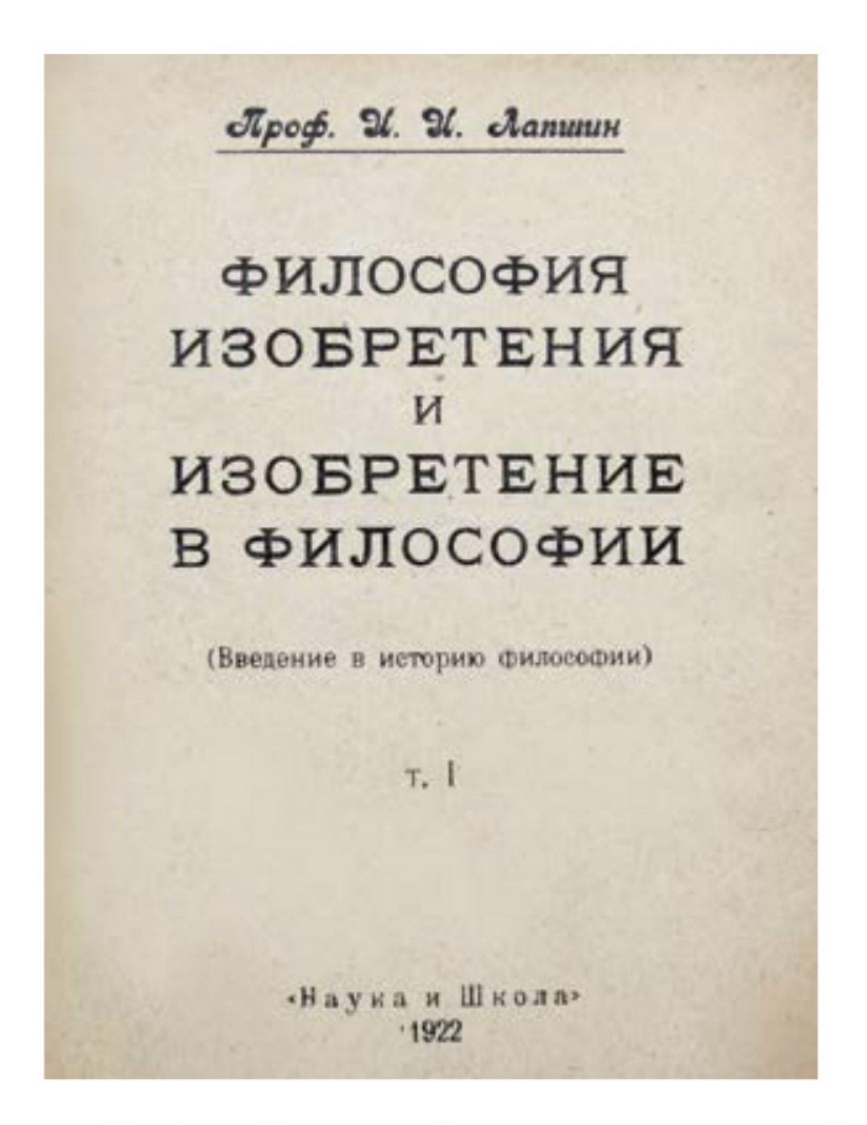
Под эту волну «гуманизма» попал и Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – крупнейший русский философ начала XX века, специалист по философии и психологии научного и художественного творчества, выходец из крестьян Астраханской губернии. Его арестовали в Петрограде, ровно за две недели до публикации интервью Троцкого, – в ночь с 16 на 17 августа. Сразу же он будет допрошен в Петроградской Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. «На структуру Советской власти и на систему пролетарского государства я свой взгляд поясняю так. Я не коммунист, но всегда горячо сочувствовал широкому развитию демократического государственного строя, в специальных же вопросах о экономическом и политическом положении страны я считаю себя не компетентным, т.к. не имею социально-политического образования и живу в круге интересов, далеких от политической жизни», – занесены в протокол допроса слова Лапшина.

За него многие станут просить. Видная революционерка, с народовольческим еще

Фотография И.И. Лапшина из следственного дела и обложка его следственного дела

Проф. И. И. Лапшин

ФИЛОСОФИЯ
ИЗОБРЕТЕНИЯ
И
ИЗОБРЕТЕНИЕ
В ФИЛОСОФИИ

(Введение в историю философии)

т. I

«Наука и Школа»
1922

стажем, Александра Михайловна Колмыкова 10 октября отправит письмо В.И. Ленину, который ее очень ценил: «Владимир Ильич, сделайте, что найдете возможным, чтобы профессора Ивана Ивановича Лапшина, который в числе других профессоров был в заключении и теперь выпущен, не выслали за границу. Лапшин работоспособен как лектор и писатель, но аполитичен, слаб здоровьем, слепнет от катаракты на оба глаза и без надежды на заработок за границей.

Жизнь его одинокая и грустная, близка к пределу и здесь, а на чужбине она будет тяжела и мучительна. Я не говорю кому, а для чего в нашей русской жизни нужна эта жестокость. У Лапшина много печатных трудов, которые достаточно громко говорят за него. Надо дать ему остаться в Петрограде, в квартире, где он жил с матерью до ее кончины. Дней через десять высылка уже состоится… Лапшину не было предъявлено никакого обвинения, почему с такой уверенностью и прошу Вашего вмешательства. Но оно нужно немедленно, чтобы высылка не состоялась»

30 октября руководство Петроградского государственного университета, в котором Лапшин и учился, и преподавал с 1897 года, отправит письмо «последней надежды» заведующему Петроградским Губернским отделом ГПУ тов. Мессингу: «Человек уже пожилых лет, проф. Лапшин страдает болезнью глаз и близок к полной слепоте; он не может уже сейчас обходиться без посторонней помощи. Вообще, он очень скромен и застенчив, совершенно не приспособлен к жизни и беспомощен. Не имея никаких знакомств и связей с заграницей, будучи к тому же человеком крайне бедным, он чувствует, что его высылка за границу будет ему гибелью. Оставаясь же в России, он, человек еще полный творческих сил, несомненно даст русской науке не один полезный, крупный ученый труд по своей специальности»…

А 16 ноября из Петрограда в немецкий Штеттин отплыл пароход «Preussen»

(«Пруссия») – один из нескольких, которые позже назовут обобщенно «философский пароход», на его борту в изгнание был отправлен и философ Лапшин. Среди депортированных были выдающийся историк, академик Л.П. Карсавин, бывший ректор Томского технологического института С.Л. Зубашев, философ Н.О. Лосский, доктор высшей математики профессор Д.Ф. Селиванов… Несколько десятков профессоров, литераторов, инженеров.

Поэтому и удивительно, что каким-то чудом двухтомник И.И. Лапшина – самый значительный его труд – успел выйти в Петрограде. Монография эта действительно очень необычная и явно выбивается из всех, даже современных, изданий на эту тему. Лапшин не упускает из своего анализа, кажется, ни одного фактора (причем в самых неожиданных сочетаниях), который хоть как-то влияет на философское изобретение. Достаточно выборочно взглянуть в оглавление этого труда: «Философское творчество и душевные болезни», «Круг чтения», «Значение географических и экономических условий в философском изобретении», «Роль национальности и общего культурного уровня эпохи», «Таблица многообразия интересов у философов», «Память и интеллигентность», «Творческая работа во сне и ее научное истолкование», «Фантасмы научного воображения», «Творческий эрос и архитектонический инстинкт»

Между прочим, И.И. Лапшин, пожалуй, первым в отношении философского и научного творчества, берет в рассмотрение и такой фактор, как «Коллекционерская наклонность» (название одной из глав). Он отмечает: «Проф. И.П. Павлов в замечательной статье "Рефлекс цели" поставил в связь с коллекционерской наклонностью животных наклонность к приобретению у людей. Она прежде всего выражается в стремлении к накоплению материальных благ». Однако И.И. Лапшин идет дальше (вернее – выше): «С философским творчеством связано и библиофильство, которое представляет иногда глубокую страсть. <…> Энциклопедизм есть опять же высшая интеллектуальная форма коллекционирования – это коллекционирование знаний в искусственном, но удобном для справок порядке. <…> Но коллекционерская наклонность, преображаясь в коллекционирование идей, является уже чистейшим выражением стремлений человеческого духа к наибольшему богатству и полноте знаний».

В «Предисловии» к своему исследованию Лапшин подчеркивает: «Я полагаю, что философский и психологический анализ процесса изобретения в положительных науках, технике и философии является наиболее подходящим введением в историю философии… Предназначая мою книгу для тех, кому особенно дороги успехи научной, технической и философской мысли в России, я старался, по возможности, использовать материал, который мог почерпнуть из биографии русских ученых и философов, а также из их устных и письменных показаний».

Под этим текстом – дата: «1 октября 1921 г.», А 7 марта 1923 года русскоязычная пражская газета «Новое время» напишет: «Все более и более Прага становится средоточением сил России. Помимо постоянного притока русской учащейся молодежи, стремящейся попасть в «Злату Прагу», ряд недавно высланных «ненадобностью» из Совдепии профессоров нашел здесь приют и возможность работать, пополнив разрастающееся историко-филологическое отделение.

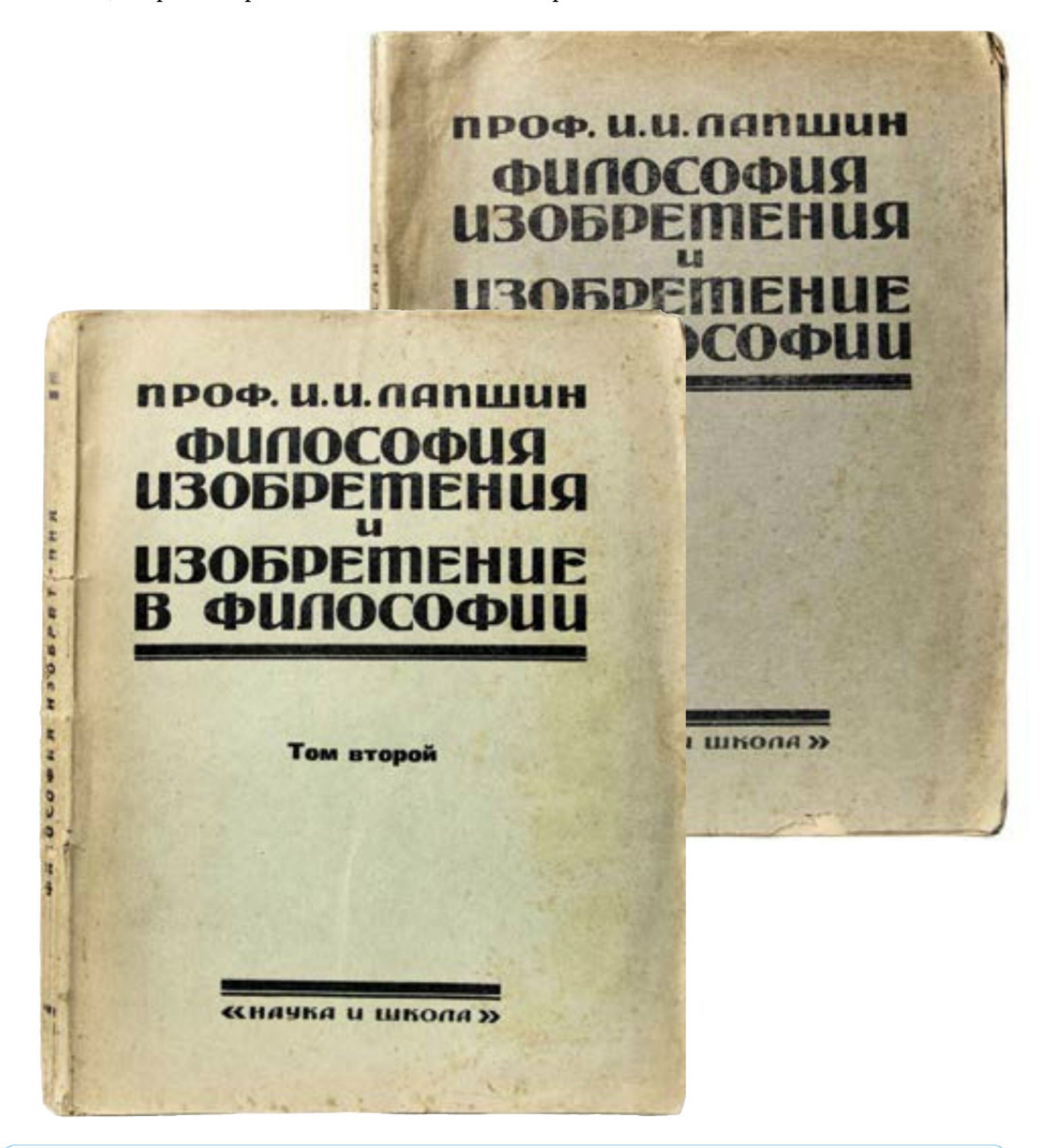
Профессора петербургского университета Н.О. Лосский и И.И. Лапшин, московский историк А. Кизеветтер и проф. Новороссийского университета А.В. Флоровский увеличили академическую группу и, открыв новые курсы, дополнили недостающие отделы».

Лапшин так и остался в Праге. Профессорствовал в Русском педагогическом институте и в Карловом университете, был членом

правления Русского философского общества, сотрудником Русского научного института, председателем Философского общества при Русском народном университете, вел кружок по психологии творчества.

В конце 1940-х еще одна видная революционерка с партийным стажем с 1898 года и советский деятель Елена Дмитриевна Стасова (партийные псевдонимы: «Абсолют», «Гуща», «Дельта») пыталась помочь Лапшину вернуться в СССР. Но…

Русский философ Иван Иванович Лапшин похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Иван Иванович Лапшин (1870 – 1952)
Философия изобретения и изобретение философии. (Введение в историю философии). В 2 т. / Изд. «Наука и Школа», Петроград, 1922. – 194 [7] с., 224 [3] с., 22 х 17,3 см. Тираж 3000 экз.

Цена 20 коп. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

САМОУЧКА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

1925 № 5

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ : РАБОЧАЯ МОСКВА :

Цена 20 коп. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь*

САМОУЧКА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

1925 № 6

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ: РАБОЧАЯ МОСКВА:

45

Павел Флоренский. Мнимости в геометрии (1922)

Академик Владимир Иванович Вернадский в незавершенной своей работе «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии» (1912–1914; полностью опубликованы в 1988 г.) высказывает мысль насколько очевидную, настолько и парадоксальную:

«В многовековой, долгой истории русской церкви едва можно назвать несколько имен, сознательно относившихся к окружающей их природе или углублявшихся в мир математики. Но среди них нет ни одного выдающегося ученого. <…>

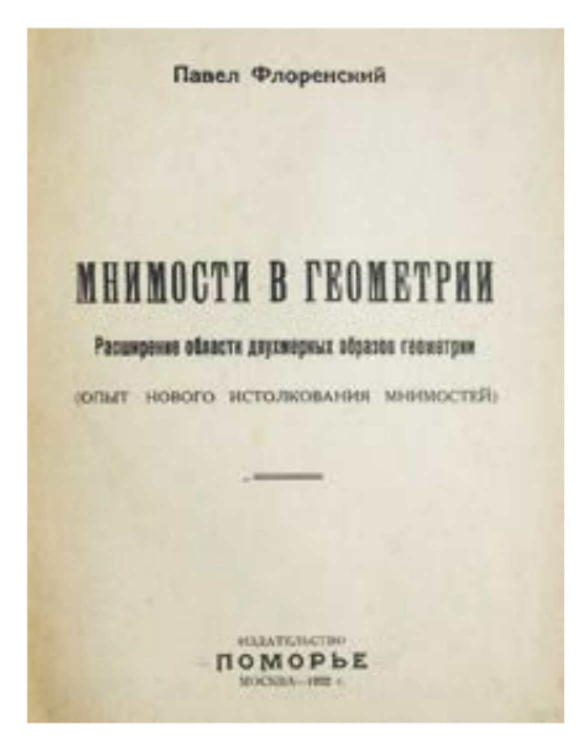
Духовенство в вековой своей жизни прошло через русскую природу, научно ее не видя и ею не затронутое в своем мышлении…».

Исключением из этого правила стал выдающийся ученый, философ и богослов Павел Александрович Флоренский. Современники называли его русским Леонардо за широту научных интересов, а вот русский философ Василий Розанов, с которым дружил Флоренский, именовал его «Паскалем нашего времени» за богословские труды. И коренилось это, можно сказать, на генетическом уровне.

Прадед Павла Флоренского был священник. Дед – блестяще учился в семинарии, но после ее окончания отказался принимать священнический сан и поступил… в Военно-медицинскую академию. Отец Павла был крупным инженером-путейцем. Сам Павел со школы страстно увлекался физикой. В 1899 г. он поступает на физико-математический факультет Московского университета. «Такова была программа, – вспоминал позже П.А. Флоренский, – воспитать ум чистым от пережитков человеческой истории, прямо на научном мировоззрении».

Один из лучших выпускников Московского университета, после его окончания в 1904 г. Павел Флоренский поступает… в Московскую Духовную академию и по окончании ее в 1911 г. принимает священство. Его магистерская диссертация называлась «Столп и утверждение истины» (отдельной книгой опубликована в 1914 г., то есть как раз в то время, когда академик В.И. Вернадский создавал свои «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии»).

Современный российский философ Марк Розин пишет: «Что собой представляет учение Павла Флоренского, изложенное в его первой книге "Столп и утверждение истины",

доставившей, как известно, Флоренскому имя и широкую известность в религиозных и философских кругах? Рассказ автора о своем "живом религиозном опыте", как он пишет о том в обращении к читателю, или философское учение? Но может быть, это учение эзотерическое, и поэтому для ортодоксальных православных мыслителей отчасти еретическое? Известно ведь, что, с одной стороны, поклонники Павла Флоренского в Православной Церкви ведут борьбу за его канонизацию, но с другой – составилась партия "против". Как сказал один из ее представителей: "Кто такой Флоренский? – Пышный букет нераспустившихся ересей!" И действительно, что это за православие, где Бог – не страх и трепет, а трактуется почти как законы природы – подчиняется законам тварной жизни, являет человеку антиномичный мир. Так может рассуждать именно эзотерик, для которого исходная реальность – не Бог, а эзотерический мир, напоминающий природу, противопоставленный неподлинному, антиномичному миру».

Но такая двойственность вполне органично сочеталась в творчестве Флоренского. И книга «Мнимости в геометрии», изданная за счет автора, возможно, лучше всего иллюстрирует этот феномен. «Мы знаем, – пишет в ней Флоренский, – и то, как несколько переводов поэтического произведения на

П.А.Флоренский и С.Н.Булгаков. В.М.Нестеров, Философы. 1917, ГТГ

другой язык или на другие языки не только не мешают друг другу, но и восполняют друг друга, хотя ни один не заменяет всецело подлинника, так и научные картины одной и той же реальности могут и должны быть умножаемы – вовсе не в ущерб истине».

П.А.Флоренский пытается истолковать мнимые величины, не выходя из первоначальных посылок аналитической геометрии на плоскости: «Думается, предложенное здесь истолкование мнимостей, в связи со специальным и общим принципами относительности, по-новому освещает и обосновывает то Аристотеле-Птолемее-Дантово миропредставление, которое наиболее законченно выкристаллизовано в “Божественной комедии” . <…> Математиками – Хальстедом (1905), Вебером (1905), Симоном (1912) – уже отмечено предвосхищение Дантом неэвклидовой геометрии, например, в вопрошании явившегося Господа царем Соломоном, домогающимся узнать: “…можно ль треугольник начертить в полукруге, без “прямого” при процессе черчения?..”»

Используя строгие физические и математические методы, Флоренский приходит к удивительным выводам о существовании мира непротяженных, неизменяемых, вечных сущностей – идей, и делает подход к описанию новых неожиданных свойств пространства и времени: «Следовательно, на границе Земли и Неба длина всякого тела делается равной нулю, масса бесконечна, а время его, со стороны наблюдаемое, – бесконечным».

Флоренский предлагает и возможные методы, сугубо физические, достижения,

Павел Александрович Флоренский, тюремное фото 1930-е гг.

«осязания» мнимостей: «Выражаясь образно, а при конкретном понимании пространства – и не образно, можно сказать, что пространство ломается при скоростях, больших скорости света, подобно тому, как воздух ломается при движении тел, со скоростями, большими скорости звука; и тогда наступают качественно новые условия существования пространства, характеризуемые мнимыми параметрами. <…> Область мнимостей реальна, постижима, а на языке Данта называется Эмпиреем. Все пространство мы можем представить себе двойным, составленным из действительных и из совпадающих с ними мнимых гауссовых координатных поверхностей, но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя. Пока мы представляем себе средством к этому процессу только увеличение скоростей, может быть скоростей каких-то частиц тела, за предельную скорость с, но у нас нет доказательств невозможности каких-либо иных средств.

Так, разрывая время, “Божественная Комедия” неожиданно оказывается не позади, а впереди нам современной науки».

В момент торжества теории относительности Эйнштейна, с его постулатом предельно допустимой скорости – скорости света (с), Флоренский говорит о возможности, – пока только чисто умозрительной, – преодоления этого ограничения и выход в область мнимостей. Такая интригующая постановка вопроса не могла остаться незамеченной.

В 1923 г. в журнале «Вестник Социалистической Академии» (кн. 3. с. 322–343) был опубликован обзор научно-популярной литературы по теории относительности. Автор этой статьи, В.А. Базаров, отметил 22 книги, касающиеся теории относительности, опубликованные с 1914 по 1923 г. на русском языке. Относительно работы П. Флоренского «Мнимости в геометрии» В.А. Базаров указывает на ошибки автора в применении формул теории относительности и изобилие вносимых автором «метафизических трудностей», но одновременно отмечает «чрезвычайно своеобразное философское освещение эйнштейновской теории». Базаров выразил надежду, «что к следующему изданию талнатливый автор исправит многочисленные дефекты своего построения и придаст ему теоретически безупречную форму».

Увы, следующего издания не будет. Случай П.А. Флоренского – очередное подтверждение известной истины: идеи могут сосуществовать, идеологии – непримиримы. Автор «Мнимостей в геометрии» попал именно в идеологический переплет. Вряд ли он держал в голове, что замахнулся на «святое» для большевиков – на учение Маркса и Энгельса. Историк математики Г.М. Полотовский говорит о «полном непонимании Энгельсом современной ему математики» и приводит такую цитату: «Квадратный корень из минус единицы не просто противоречие, а даже абсурдное противоречие, действительная бессмыслица. <…> Если только мы привыкнем приписывать корню квадратному из минус единицы или четвертому измерению какую-либо реальность вне нашей головы, то уже не имеет особенно большого значения, сделаем ли мы еще один шаг дальше, признав также и спиритический мир медиумов».

Нет, не зря вокруг фигуры Флоренского закручивались именно идеологические споры. Так, теоретик большевизма, «любимец партии» Н.И Бухарин, мнивший себя философом, был уверен, что «бросить попа и инженера в одну кучу нельзя».

Как бы там ни было, необычность, неординарность личности и концепций Павла Флоренского притягивала к нему представителей самых верхов партии большевиков. Александр Мень вспоминал: «Мой отец учился у него, вспоминает странное зрели-

ще: конец 1920-х годов, Технологический институт, входит такой маленький, в рясе, длинные волосы. Но все его очень уважали. Лев Троцкий спросил: а почему он ходит в рясе? Флоренский ответил: "Я не снимал с себя сана, поэтому я не могу иначе". Троцкий сказал: "Ну, пусть ходит". Более того, Троцкий брал его к себе в открытый автомобиль, и москвичи видели такую картину: Троцкий, как Мефистофель, в пенсне и рядом с ним Флоренский в своем подряснике ехали по Москве, и все ужасались». Флоренский, между прочим, разрабатывал высоковольтные изоляторы и аналоговые интеграторы, есть доля его труда и в знаменитом плане электрификации ГОЭЛРО. Тем не менее, может быть, этот необычный «тандем» с Троцким и припомнили П.А. Флоренскому.

В 1928 г. Флоренского обвиняют в антисоветской деятельности и высылают из Москвы в Нижний Новгород. Правда, через месяц, благодаря хлопотам Екатерины Павловны Пешковой, первой жены Максима Горького, ссылку Флоренскому отменяют и разрешают вернуться в Москву. Но даже в этот месяц пребывания в Нижнем Павел Флоренский успевает наладить контакты с Нижегородской радиолабораторией, которая в то время как раз занималась расчетами усилителей для радиостанции «Малый Коминтерн».

А в 1933 г. за Павла Флоренского взялись уже по-серьезному. Приговор – десять лет лагерей. ГУЛАГ он исколесил почти весь – от дальневосточной границы до северной, беломорской. В дальневосточных лагерях он изучает методы строительства на вечной мерзлоте. В Соловецком лагере особого назначения, куда он был переведен в 1934 г., Флоренский разрабатывает технологию получения йода и агар-агара из водорослей. Из письма П.А. Флоренского с Соловков, январь 1935 г.: «Занимаюсь исключительно водорослями, йодом и подготовляюсь к получению из водорослей разных продуктов. 10 января читал большой доклад ИТР о проблеме водорослевой промышленности на Соловках. Слушатели были по большей части люди квалификации выше средней, отнеслись очень внимательно, так что может быть это важное дело сдвинется с мертвой точки».

25 ноября 1937 г. особой тройкой НКВД Ленинградской области П.А. Флоренский был приговорён к высшей мере наказания. А за несколько месяцев до этого, в последнем своем письме от 11–13 мая 1937 г. из Соловецкого лагеря домой он напишет: «Наша водорослевая эпопея на днях кончается, чем буду заниматься далее – не знаю, м.б. лесом, т.е. хотелось применить в этой области математический анализ…» И – пожелание дочери Ольге: «Иметь ясное, прозрачное настроение, целостное восприятие мира и растить бескорыстную мысль…»

В начале декабря 1937 г. Павел Александрович Флоренский был расстрелян.

Павел Александрович Флоренский (1882–1937)

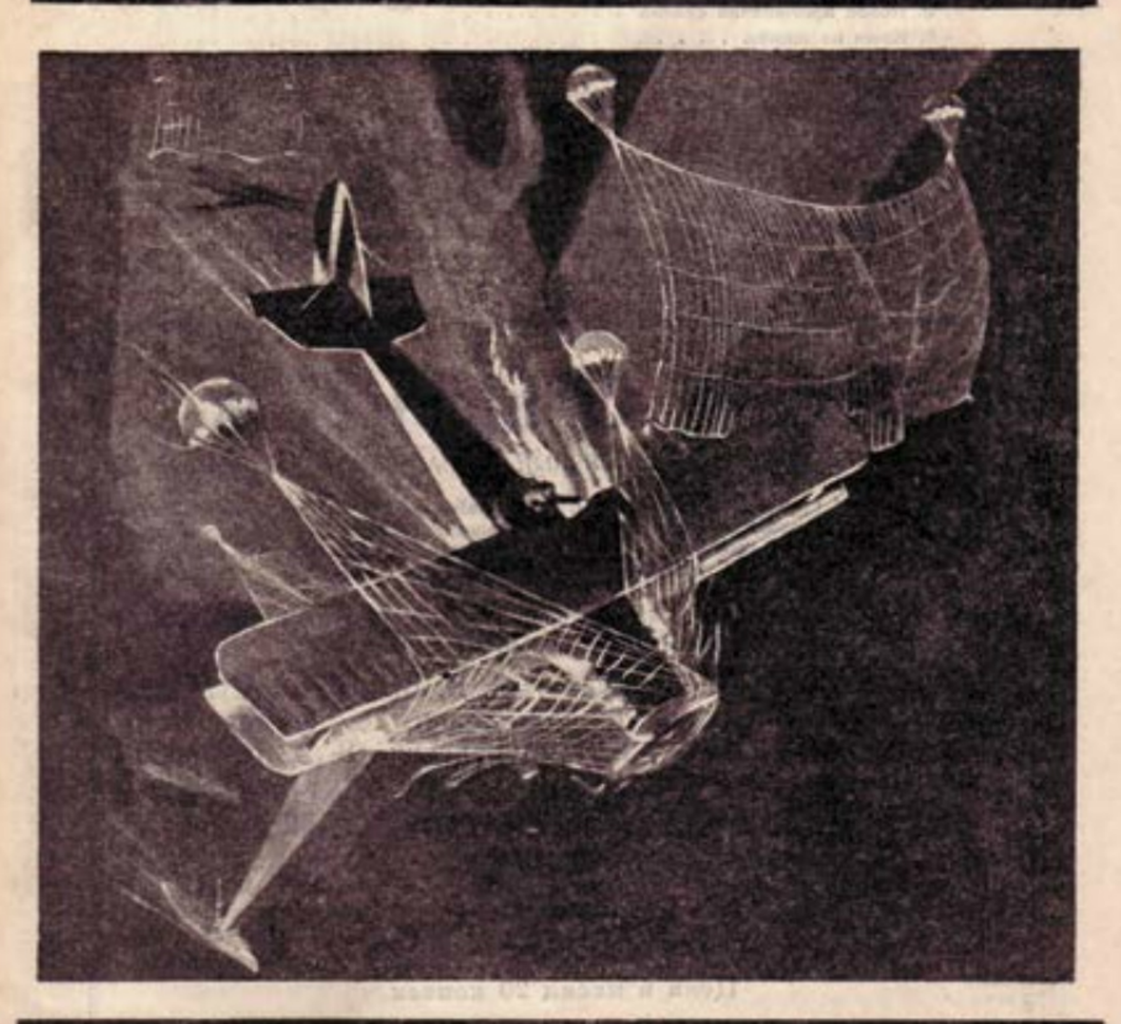
Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии. (Опыт нового истолкования мнимостей) / Издательство «Поморье», Москва, 1922. – 70 с. илл. 22,7 х 15 см.

Тираж не указан. Обложка профессора В.А. Фаворского. Марка издательства художника Н.Н. Вышеславцева.

На авантитуле и титуле владельческие надписи – синими чернилами и красным карандашом.

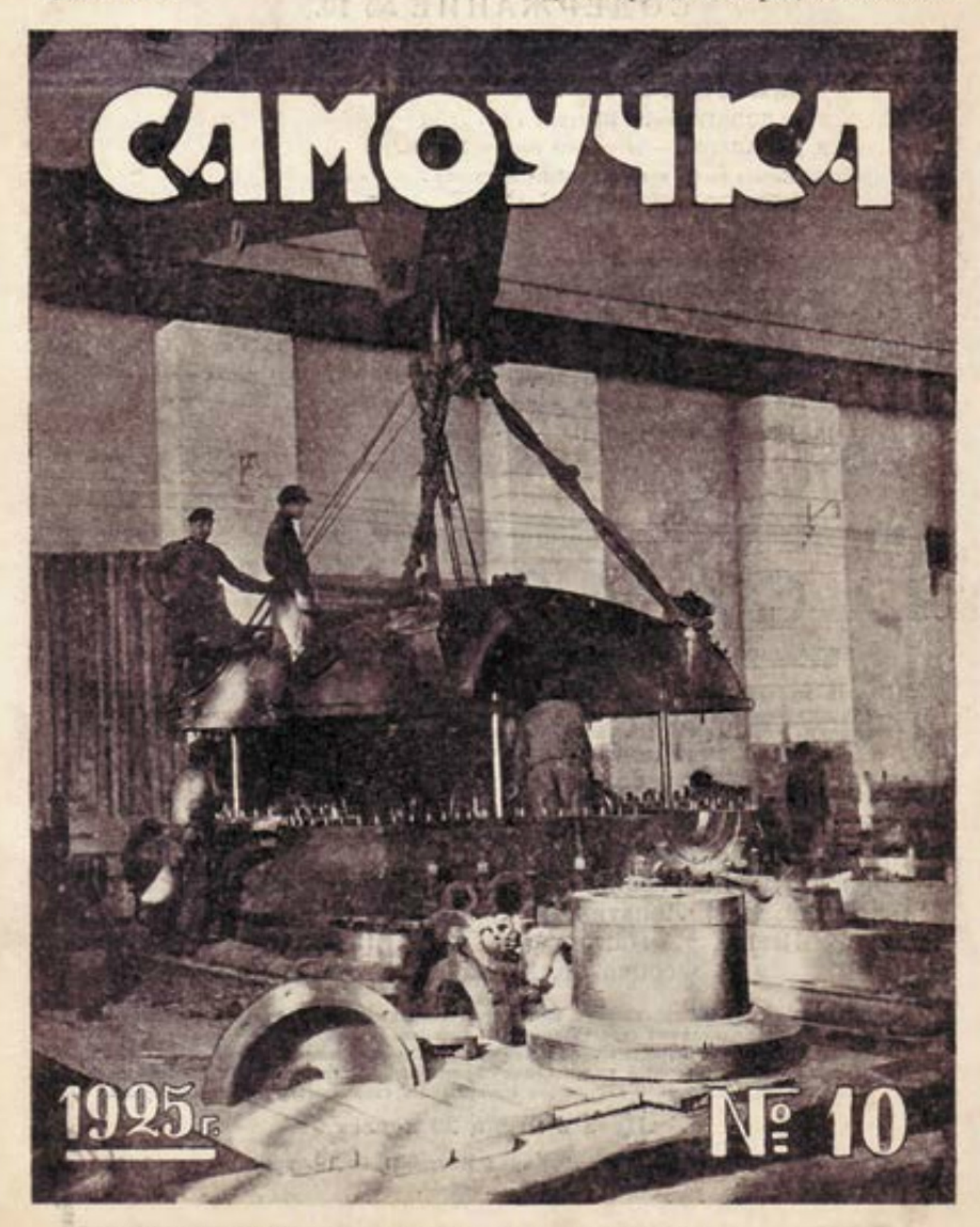
Цена 20 к. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

САМОУЧКА

1925 ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАБОЧАЯ МОСКВА" **№ 9**

Цена 20 к. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАБОЧАЯ МОСКВА"

46

Иллюзии контрреволюционной «демократии»
(«Правда», 17 мая 1922 г.)
Диктатура, где твой хлыст?
(«Правда», 2 июня 1922 г.)
Тов. Троцкий об отношении Европы и Америки
(«Известия», 30 августа 1922 г.)

Немецкий историк Гюстав Меке в 1932 году в своей работе «По поводу пятилетнего плана» отмечал: «В 1921 году, когда разразился голод, объем сельскохозяйственного производства <в России> составлял менее 60% довоенного <1914 год>, промышленное производство – всего 20%. Более того, металлургическая промышленность составляла 2% довоенного уровня».

В этих условиях советская власть была вынуждена объявить новую экономическую политику (НЭП). Что означало некоторую экономическую свободу. «Ни НЭП, ни тем более Генуя, не являются нашей капитуляцией, – отмечалось в статье «Иллюзии контрреволюционной „демократии"» в «Правде» от 17 мая 1922 г. – Мы дальше определенных границ в своих уступках идти вовсе не намерены, и складывающаяся международная и внутренняя обстановка отнюдь не диктует линии дальнейшего отступления. И позволить “внутреннему врагу” обойти нас с тыла мы ни при каких условиях не намерены».

Неслучайно именно в этот момент, осенью и зимой 1922 года, была предпринята беспрецедентная акция по одномоментной принудительной высылке из России нескольких сотен ученых, философов, инженеров, врачей, литераторов, студентов, общественных, политических и религиозных деятелей. Причем это было не спонтанное решение большевиков, а вполне продуманная, просчитанная, хорошо административно подготовленная операция.

Российский историк Татьяна Ивановна Ульянкина отмечает: «К коллективной форме выезда ученых из России на Запад можно отнести административную высылку 1922 г. Тогда по постановлению ГПУ из Петрограда, Москвы, Киева, Одессы и других городов

Философский пароход «Обербургомистр Хакен», 1922 г.

ПРАВДА

№ 108. Среда 17 мая 1922 г.

Иллюзии контр-революционной „демократии".

были насильно изгнаны в Германию на пароходах “Пруссия” и “Обербургомистр Хакен” “активные контрреволюционные элементы” из среды “неугодной” интеллигенции: ученые, врачи, агрономы, литераторы, журналисты. Форма принудительного изгнания из РСФСР была предложена лично вождем мирового пролетариата В.И. Лениным еще в 1919… 15 мая 1922 года В.И. Ленин дополнил текст “Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР” фразой – “Добавить право замены расстрела высылкой за границу (на срок или бессрочно)”; а по другому пункту “Добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы"».

Другими словами, терпение вождей большевизма иссякло в 1922-м, «роман» между советской властью и интеллигенцией завершился деловой ленинской фразой: «Всех их – вон из России» (Ленин, письмо Сталину).

Поэтому логично, что и статья в «Правде» от 17 мая 1922 г. заканчивается так: «…стратегия либеральных демократов в том и состоит, чтобы использовать время НЭПа, быстро разрастаясь в порах нашего же советского организма против этого советского организма.

Совершенно напрасно, однако, наши противники думают, что у нас наступило пол-

ное расслабление воли. Мы постольку смягчаем режим диктатуры, поскольку наши враги переходят с платформы борьбы на платформу сотрудничества, организации, строительства, положительной работы, хотя бы субъективно этот переход диктовался мотивами, весьма отличными от пролетарских. Но поскольку перед нами симптомы перехода на платформу борьбы с революционной властью, т.е. на платформу контрреволюции, постольку наша практика неизбежно должна становиться более жесткой».

Кто же был инициатором подготовки и реализации акции «философский пароход»? Владимир Макаров в своем исследовании «Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России» (2010) пишет: «Основные вопросы внешней и внутренней политики молодой республики советов коллегиально решались на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б). Вопрос о высылке инакомыслящих оппонентов за пределы РСФСР не был исключением. Очередной Пленум ЦК, состоявшийся 4 апреля 1922 г., избрал боевой штаб большевиков в составе семи членов и трех кандидатов в члены Политического бюро ЦК РКП(б). Членами Политбюро были избраны Г.Е. Зиновьев (Радомысльский), Л.Б. Каменев (Розенфельд), В.И. Ульянов (Ленин), А.И. Рыков, И.В. Сталин (Джугашвили), М.П. Томский (Ефремов), Л.Б. Троцкий (Бронштейн); кандидатами – Н.И. Бухарин, И. Калинин, В.М. Молотов (Скрябин)».

Лев Троцкий в предисловии к книге американской журналистки А.-Л. Стронг, помещенном на первой странице «Известий» от 30 августа 1922 г., писал: «Вы меня спрашиваете: чем объясняется постановление о высылке враждебных советской власти элементов за границу? И не означает ли, что мы их внутри страны боимся больше, чем по ту сторону границы?

Мой ответ будет очень прост. Недавно вы были свидетелями процесса над эсерами, которые все время гражданской войны были фактическими агентами иностранных правительств, воевавших с нами. Трибунал признал их заслуживающими расстрела. Ваша пресса в подавляющем большинстве своем вела отчаянную кампанию против нашей жестокости. Если бы мы догадались сейчас после октября выслать гг. эсеров за границу, мы избавили бы вас от необходимости возмущаться нашей жестокостью.

Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, – а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, – все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту пред общественным мнением».

К моменту публикации интервью Троцкого в «Известиях» акция по депортации набрала полные обороты.

10 августа 1922 г. был издан Декрет «Об административной высылке», а в ночь с 16 по 17 августа 1922 г. и Москве и Петрограде было арестовано более ста известных представителей русской культуры и науки (операция на Украине прошла днем позже: в ночь с 17 на 18 августа). Поскольку среди «инакомыслящих» особенно выделялись философы (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, И.Ильин и другие), и возникло нарицательное словосочетание «философский пароход».

НЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Диктатура, где твой хлыст?

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ

ВНИМАНИЮ ИНОГОРОДНИХ ПОДПИСЧИКОВ.

СЕГОДНЯ БЕГА

«В "петроградском" списке высланных было много имен профессоров Петроградского университета, – отмечает Т.И. Ульянкина. – Это и первый демократически избранный ректор Петроградского университета, математик Д.Ф. Селиванов (1855–1932), проректор Петроградского университета, юрист А.А. Боголепов (1882–1939); еще один проректор, почвовед и агрохимик Б.Н. Одинцов (1882–1967) в 1922 был избран ректором, но не был утвержден правительством; социолог, философ, профессор кафедры социологии университета (с 31.01.1922) П.А. Сорокин (1889–1968), три философа Л.П. Карсавин (1882–1952), И.И. Лапшин (1870–1952) и Н.О. Лосский (1870–1965); юрист и публицист А.С. Изгоев-Ланде (1872–1935); химик-технолог С.Л. Зубашев (1860–1928) – профессор Петроградского технологического института; экономист Б.Д. Бруцкус (1874–1938) – профессор Петроградской сельскохозяйственной академии. В составе "украинской группы" можно назвать Б.П. Бабкина (1877–1950) – профессора-физиолога, ученика И.П. Павлова».

Первые данные о количестве депортированных из Советской России осенью 1922 г. приводятся в интервью В.А. Мякотина берлинской газете «Руль»: «Из Москвы высылаются 30–35 человек, среди них профессора Кизеветтер, Бердяев, председатель общества сельского хозяйства Угримов, Интецкий, кн. С.Е. Трубецкой, затем Франк, Айхенвальд, Ясинский, Пешехонов, агроном Ромодановский и кооператоры Булатов, Баккал, Сигирский, Любимов, Матвеев (члены сельского союза)… Итого из Москвы с семьями выслано около 100 человек». Всего же, по оценкам зарубежных историков, в изгнании оказалось около 500 ученых.

Один из упомянутых Мякотиным высланных москвичей, литературный критик, философ, ученый секретарь Московского психологического общества и секретарь редакции журнала «Вопросы философии и психологии» Юлий Исаевич Айхенвальд, «удостоился» статьи на первой странице в «Правде» от 2 июня 1922 г. Название этой публикации, подписанной псевдонимом «О», говорит само за себя – «Диктатура, где твой хлыст ?».

«…философия чистого искусства и литературная критика, стоящие под тем же знаком, всегда и неизменно обнаруживали ослиные уши реакции. И уши эти отличались в разные периоды только длиною. У господина Ю. Айхенвадьда уши длины непомерной, и первое впечатление от его книги – это удивление: как это в Советской России – даже в момент десятимесячного перемирия с буржуазным миром – нашлись бумага, шрифт и типографские чернила для того, чтобы дать столь полное отражение длиннейшим ушам айхенвальдовского чистого искусства. Мы здесь не литературную критику или антикритику собираемся писать. Мы ставим чисто политический вопрос. Или вернее – мы зовем к политическому ответу», – пишет автор статьи. Любопытно, что уже 6 июня 1922 г. в Советской России был образован Главлит – официально введена цензура.

К «политическому ответу» Айхенвальда призывали за литературоведческий анализ поэмы Александра Блока «Двенадцать», опубликованный в книге «Поэты и поэтессы» (изд. «Северные Дни», Москва, 1922 г.): «"Двенадцать героев поэмы, – пишет Айхенвальд, – собранные в одну грабительскую шайку, нарисованы как тёмные и пьяные дикари". И в то же время мы слышали от него же, что поэма "хорошо воспроизводит стиль и ритм товарищей и их действа". Разумеется, благочестивый Айхенвальд чужд политике, – если коснется академического пайка, он даст в том подписку, – но ведь он именно во имя чистого искусства – того самого, что вывалялось во всех сточных канавах деникинщины и врангелевщины – называет рабочую советскую республику грабительской шайкой. Айхенвальд готов был бы почти примириться с поэмой, ибо – видите ли – некоторые штрихи заставляют

его думать, что поэт “дал не столько поэму, сколько сатиру, – едкую сатиру на русскую революцию, на ее опошленные лозунги, на ее отношение к “буржуям”, “попам”, “сознательным” и “бессознательным”... Но так как старый мир назван у Блока “безродным псом”, то сатиры все-таки не выходит, и бескорыстный эстет отвергает пса, тем более безродного (старый мир был “родовит”!), и осуждает всю поэму о грабительской шайке “товарищей”».

Закономерен и вывод, вернее – приговор, к которому приходит неизвестный «О»: «У диктатуры не нашлось в свое время для подколодного эстета – он не один! – свободного удара хотя бы древком копья. Но у нее, у диктатуры, есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора бы заставить Айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежат по праву – со всей своей эстетикой и со своей религией».

Сегодня понятно, что это была не просто «революционная фраза». Механизм зачистки и высылки людей, имевших свой взгляд на происходящее в России, уже был запущен. Высылка элиты российских ученых в начале 1920-х была беспрецедентным по своим масштабам явлением. Как отмечает Т.И. Ульянкина, речь идет о 1,5–2,0 миллионах человек, фактически – о «совершенно новой социальной группе, покинувшей Россию в 1920-е – начале 1930-х годов».

«Для большинства из высланных насильственная эмиграция стала страшным ударом, – подчеркивает философ Виталий Шенталинский в книге «Донос на Сократа» (2001). – Людей изгоняли из собственного отечества противу их воли – такая кара, изумившая всех, неизвестная в царской России, применялась в первый, но, увы, не в последний раз… Интеллект, талант – это, пожалуй, единственный товар, который советская власть даром, не скупясь поставляла миру».

Эхо гудков двух «философских пароходов» осени 1922 года до сих пор отдается в России.

...922 года № 193 (1632)

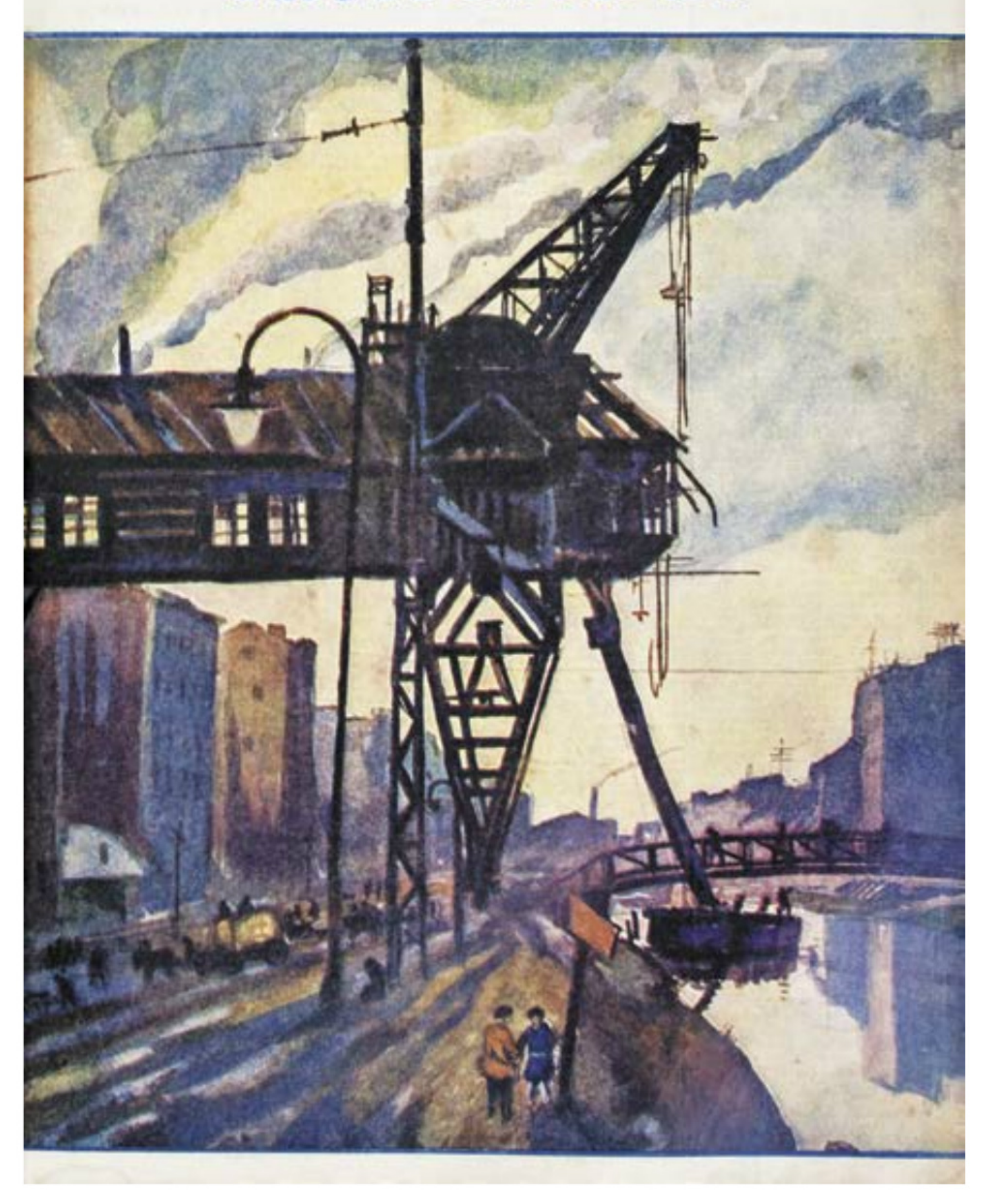
Тов. Троцкий об отношении Европы и Америки.

Мы будем работать и ждать.

О всеобщем разоружении.

Об отношении Америки.

Иллюзии контрреволюционной «демократии» / газета «Правда» №108, среда, 17 мая 1922 г., 4 с. Статья опубликована на с. 1;
Диктатура, где твой хлыст? (о поэте Ю. Айхенвальде) / газета «Правда» №121, пятница, 2 июня 1922 г., 4 с. Статья опубликована на с. 1;
Тов. Троцкий об отношении Европы и Америки / газета «Известия» №193, среда, 30 августа 1922 г., 8 с. Интервью опубликовано на с. 1.

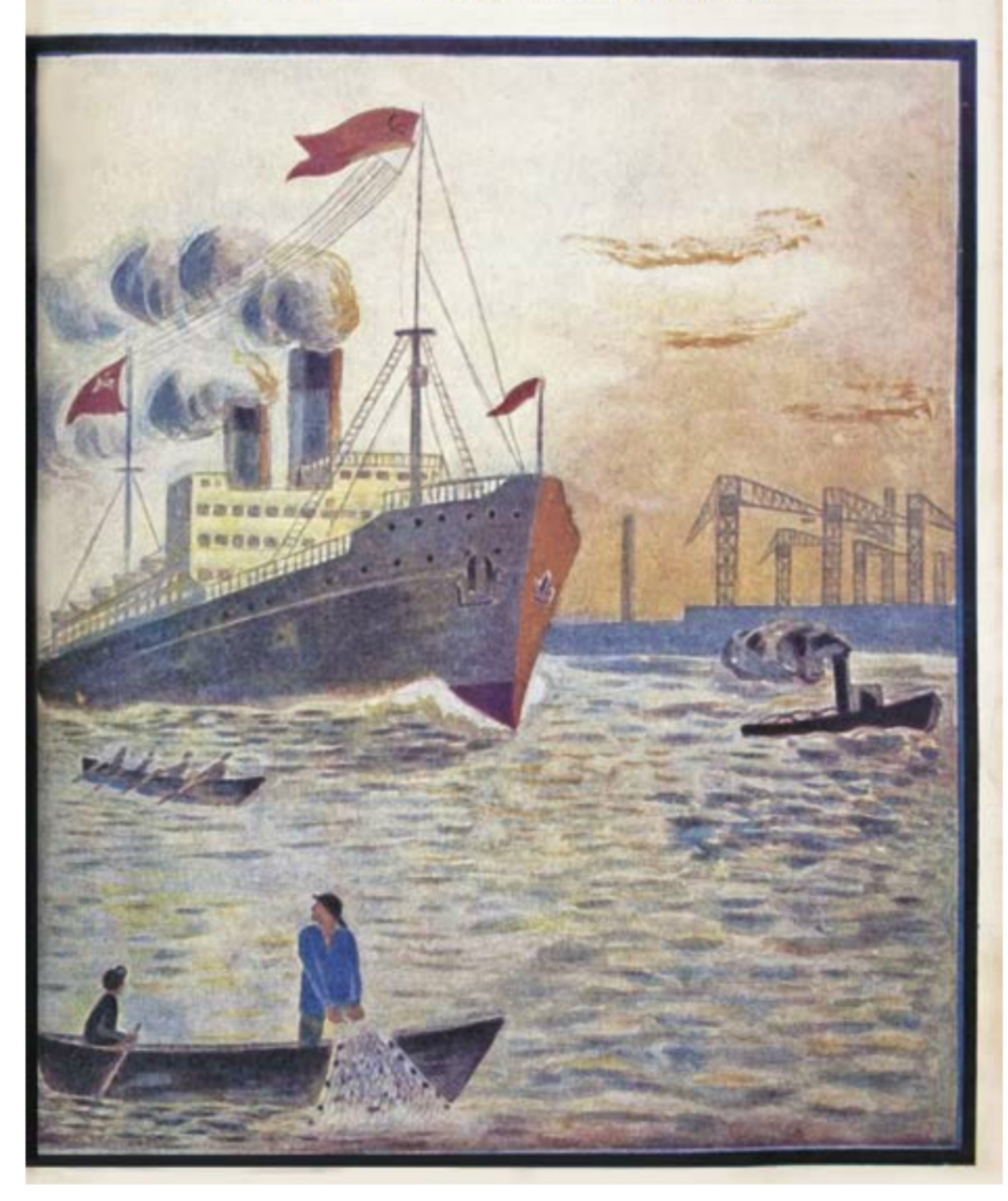

«На Обводном канале»
Художник
А. Каплун
КРАСНАЯ
ПАНОРАМА
№ 16
Цена 10 коп.

«На Неве»
Художник
Г. М. Правосудович

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

№ 19

Цена 10 коп.
11 мая 1928 г.

47

Профессор Н.К. Кольцов. Улучшение человеческой породы (1923)

Каким внутренне цельным должен быть человек, чтобы записать в своем дневнике: «Я ошибался в жизни два раза. Один раз по молодости лет и неопытности неверно определил одного паука. В другой раз такая же история вышла с еще одним представителем беспозвоночных. До 14 лет я верил в бога, а потом понял, что бога нет, и стал относиться к религиозным предрассудкам, как каждый грамотный биолог. Но могу ли я утверждать, что до 14 лет ошибался? Это моя жизнь, моя дорога, и я не стану отрекаться от самого себя».

Слова эти принадлежат человеку, который создал оригинальную версию теоретической биологии – Николаю Константиновичу Кольцову. Но в России, кажется, действительно, «проспали» этого выдающегося ученого. Хотя это именно Н.К. Кольцов впервые в мировой науке, еще в начале XX века, выдвинул предположение о существовании молекулы наследственности и матричной репродукции. Точное число хромосом человека установлено тоже им.

А в 1921 году Кольцов организовал Русское евгеническое общество и учредил «Русский евгенический журнал» (он выходил с 1922 года, всего было издано семь томов). Именно в первом номере этого журнала была напечатана программная статья профессора Николая Кольцова «Улучшение человеческой породы». В ней, между прочим, Кольцов заявлял: «Наука об улучшении пород животных называется зоотехнией; наука об улучшении человеческой породы, обычно называемая евгеникой, может быть названа также антропотехнией, так как она является не более, как отделом зоотехнии». Под таким же названием в 1923 году работа вышла в виде отдельной книжки.

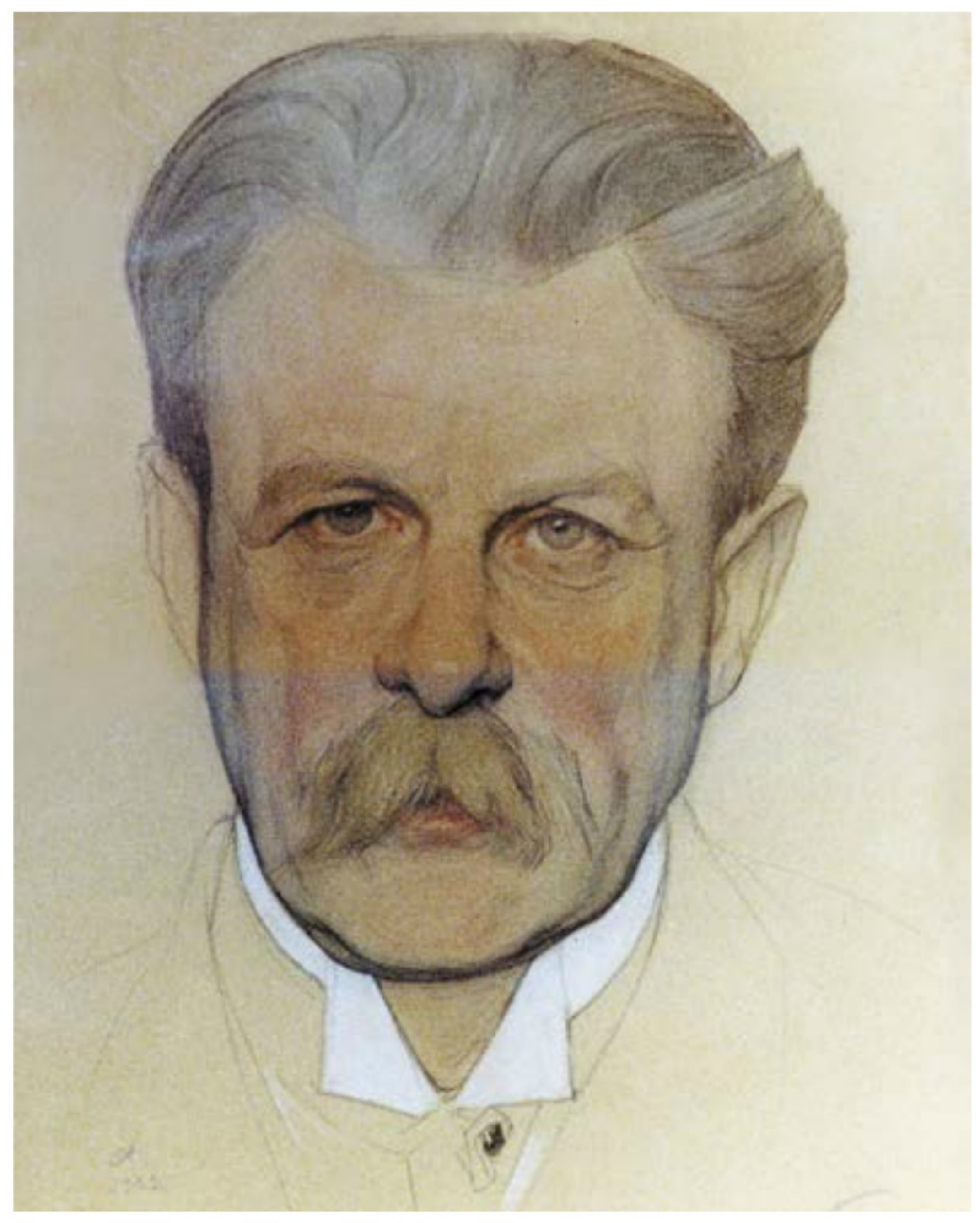
«Совсем недавно – только в двадцатом веке – сложилась новая биологическая наука, получившая название “евгеника” от греческих слов «еу» – хороший, благий, и «генос» – род, то есть наука о благородстве человека, – начинает свою книгу Кольцов. – Порода всякого вида животных и растений, а в том числе и человека, может быть изменена сознательно, путем подбора таких производителей, которые дадут наиболее желательную комбинацию признаков у потомства. Для задачи действительно изменить, облагородить человеческий род это – единственный путь, идя по которому можно добиться результатов».

Как будто в доказательство генетической теории – генеалогия самого Кольцова. Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский) – троюродный брат Николая Кольцова. Родней ученому приходился и русский шахматный гений Александр Алехин. Да и сам Кольцов научился читать, когда ему не было еще и четырех лет.

Николай Кольцов, пожалуй, пример классического естествоиспытателя, биолога в аналитически чистом виде. «Становлюсь раздражительнее, неустойчивее: неужели же это любовный удар так повлиял? Или тут половая неудовлетворенность замешана? Иного объяснения не вижу», – запишет в дневнике 22-летний Кольцов. Выход? «…Рассеяться усиленной работой». Биолог он и есть биолог! Русский философ, современник Кольцова, Николай Бердяев замечал, что русские обожествили естественные науки. Еще в 1927 году, например, на V Международном генетическом конгрессе Россию представляли… 64 человека! Золотой век генетики и евгеники!

Покровитель работ Кольцова и его друг, нарком здравоохранения Николай Семашко рассуждает о генетических отличиях меньшевиков и большевиков. И недаром. Ведь сам Кольцов пишет: «И до сих пор еще многие социологи наивно – с точки зрения

Портрет Н.К. Кольцова. Художник Н.А. Андреев, 1922 г.

биолога – полагают, что всякое улучшение в благосостоянии тех или иных групп населения, всякое повышение культурного уровня их должно неизбежно отразиться соответствующим улучшением в их потомстве и что именно это воздействие на среду и повышение культуры является лучшими способами для облагораживания человеческого рода. Современная биология этот путь отвергает». Естественнонаучный вывод – как удар по главной догме марксизма: «Бытие определяет сознание». Молодая советская власть таких рассуждений не поощряла, а скоро и перестала прощать. Кстати, в 1948 году тот же Семашко на заседании Президиума Академии медицинских наук заявит, что «если ученый придает значение генам, то он признает биологический фатум».

Уже будучи признанным во всем мире генетиком, в работе «Родословные наших выдвиженцев», Кольцов отметит как важнейшую особенность «богатство русской народной массы ценными генами». Евгений Раменский, биограф Н.К. Кольцова, по этому поводу пишет: «К началу XX в. мы были молодым народом с высокой рождаемостью.

За “перерасход” со Сталина никто не смел спросить. А сам он не беспокоился. Счет за растрату и уничтожение главных и бесценных – людских богатств будет представлен много позже, и не политической оппозицией, а нашей печальной духовной и материальной действительностью. Страна платит по нему сегодня… оскудевший ценными генами благодаря рукотворным усилиям – отрицательному искусственному отбору, русский народ был превращен в ослабевший народ, исторически проигравший» (Раменский Е.В. «Николай Кольцов: Биолог, обогнавший время» – М.: Наука, 2012. – 388 с.).

История евгеники, история одного из ее создателей Н.К. Кольцова – лишнее доказательство того, что научные идеи имеют свою собственную, не зависящую от воли человека, логику развития. Человек зачастую служит лишь катализатором, триггером, запускающим процесс. С этой точки зрения несколько наивно выглядит обращение в 1939 году Кольцова к Сталину: «Я резко оборвал свои интересы в евгенике, сам без каких бы то ни было внешних давлений закрыл евгеническое общество, председателем которого я был, прекратил издание евгенического журнала, который издавался Госиздатом под моей редакцией, и закрыл евгенический отдел Института Экспериментальной Биологии».

Но поздно, поздно… Механизм отрицательного эволюционного отбора, запущенный революцией, работал уже неумолимо и бесперебойно. Генофонд страны «корректировался» в соответствии с представлениями недоучек – руководителей партии и правительства. (Если угодно – «негативная» евгеника.) Как будто именно их имея в виду, Кольцов пишет в своей книге: «Самое ценное в евгеническом смысле то, что во время революции и после ее производится переоценка ценности отдельных граждан, и люди… имеют больше шансов выплыть на поверхность и, как выражаются генетики, “проявить фенотипно своей генотип”, чтобы затем сделаться родоначальниками более многочисленных одаренных потомков… Когда человечество дорастет до широких евгенических идеалов, дорастет до сознания, что сохранение представителей активного типа имеет абсолютную генетическую ценность вне зависимости от их временного фенотипного образа мыслей, тогда революции – переустройства социального внешнего порядка – приобретут в полной мере свой благодетельный, в евгеническом смысле, характер».

Как руководители советского государства, «выплывшие на поверхность» во время революции, проявили «фенотипно свой генотип», известно. Характерна в этом отношении судьба С.В. Чехонина – художника, оформившего обложку и издательскую марку кольцовской брошюры «Улучшение человеческой породы». Чехонин участвовал в разработке одного из первых советских военных флагов и государственной печати РСФСР. Ученик Ильи Репина, член художественного объединения «Мир искусства», Сергей Васильевич Чехонин в 1928 году эмигрировал из СССР в Париж. Как будто чувствовал…

6 августа 1940 года был арестован академик, выдающийся генетик Николай Иванович Вавилов (умрет в Саратовской тюрьме в январе 1943 года от истощения и пыток). Кольцов тоже находится под следствием по «делу» Н.И. Вавилова. Но его вроде бы не трогают, хотя и отстраняют со всех занимаемых должностей.

В ноябре 1940-го Николай Константинович Кольцов приезжает вместе с супругой, Марией Полиевктовной, на научную конференцию в Ленинград. Останавливаются в гостинице «Европейская». Кольцов готовит речь «Морфология и химия» для юбилейного заседания Московского общества испытателей природы. 27 ноября, после ужина в ресторане «Европейской» ему стало плохо; 2 декабря он скончался в ленинградской больнице. Сразу же после этого покончила с собой и его жена – отравилась заранее приготовленным ядом. Ее предсмертная записка: «Сейчас кончилась большая, красивая, цельная жизнь. Во время болезни как-то ночью он мне сказал: "Как я желал, чтобы все проснулись, чтобы все проснулись". Еще в день припадка он много работал в библиотеке и был счастлив. Мы говорили с ним, что мы "happy, happy, happy"».

В Москву, на прощание и похороны, были отправлены два гроба…

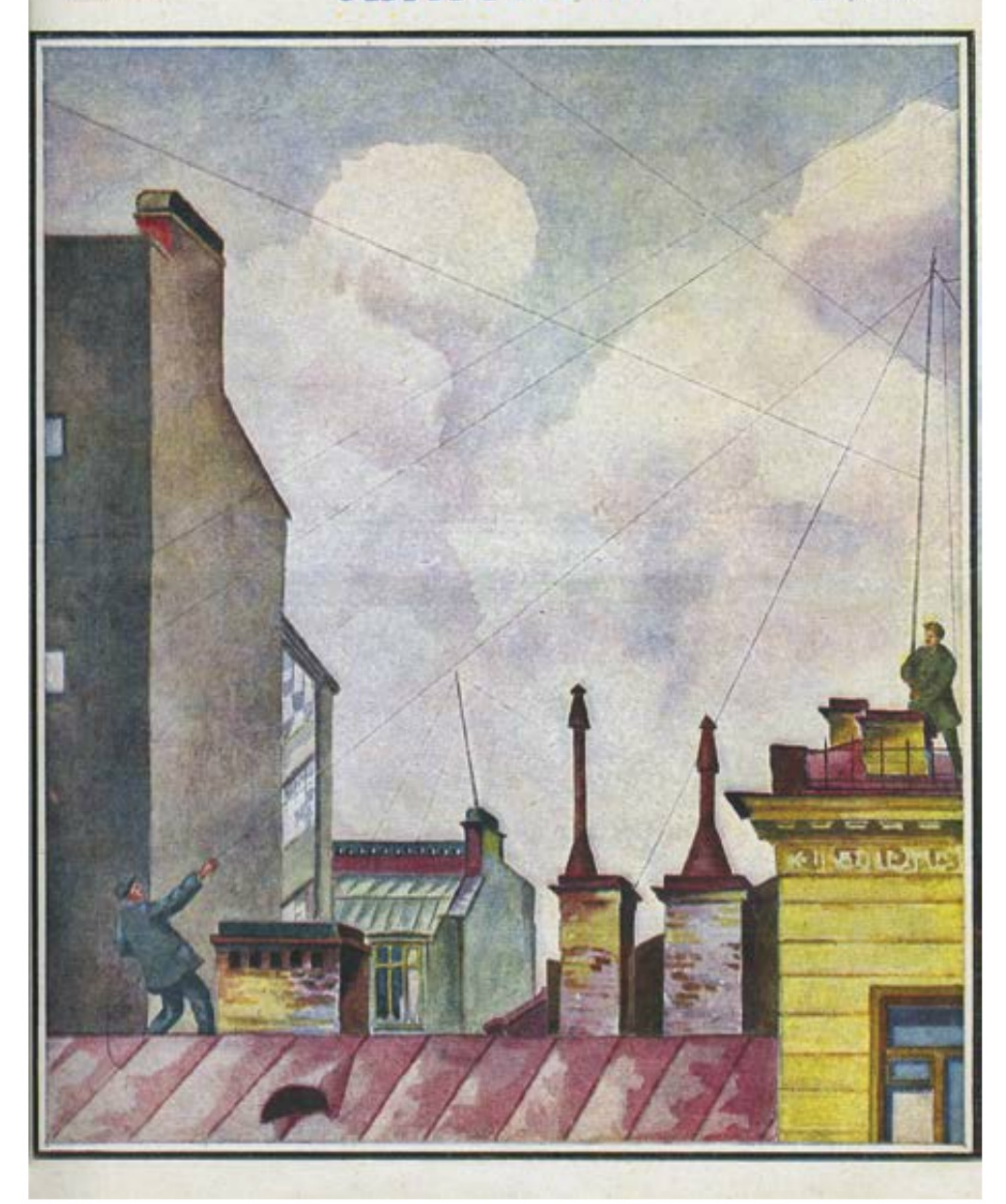
Николай Константинович Кольцов (1872–1940).
Улучшение человеческой породы / Петроград: Издательство «Время», 1923. 63 с. Тираж 4000 экз. 18x11,5 см. Обложка и марка издательства работы С.В. Чехонина.

Художник
«На страже»
КРАСНАЯ ПАНОРАМА
№ 8
Цена № 10 коп.
22 февраля 1929 г.

Художник
Л. В. Петров
«Радио
устанавливают»

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

№ 12
Цена № 10 коп.
С приложением одного № Литературно-художественного сборника „Кр. Пан." — 40 коп.
22 марта 1929 г.

48

Промышленная Россия (1923)*

«Промышленная Россия» – единственный экономический справочник периода нэпа – новой экономической политики. Новая, то есть пришедшая на смену эпохе «военного коммунизма», политика была провозглашена X съездом РКП(б) и начала осуществляться в 1921 году. Её основные положения, разработанные В.И. Лениным, предусматривали замену продразвёрстки продналогом, разрешали частную торговлю и мелкие частные предприятия, поощряли создание концессий и государственных трестов, связанных с рынком, дозволяли аренду промышленных предприятий и земли, вместо натуральной зарплаты вводили денежный расчёт, ориентированный на количество и качество труда. Иначе говоря, как писали советские учебники, «допускали некоторое развитие капиталистических элементов при сохранении Советским государством командных высот в народном хозяйстве».

Введение нэпа, опрокидывавшее все постулаты официальной идеологии, явилось политическим компромиссом, отчаянной попыткой поднять страну из хаоса и разрухи. Экономическую жизнь следовало упорядочить. Появление «Промышленной России» – один из шагов к этому. В предисловии к справочнику говорится: «Истекшие годы войны и революции внесли многие изменения в хозяйственную жизнь страны. Связь между торговлей и промышленностью достаточно ещё не налажена. Жизнь требует скорейшего восстановления этой связи. Производство и потребление должны найти путь друг к другу».

Облегчая этот поиск, «Промышленная Россия» предлагала списки 15 000 предприятий с указанием их точных названий, адресов, телефонов, имён руководителей, количества работающих, перечнем оборудования и даже с номерами банковских счетов. Так, интересующиеся продукцией «Абрау-Дюрсо» могли узнать, что некогда завод принадлежал удельному ведомству, а в настоящее время – тресту «Кубчерспирт», что размещается он в городе Новороссийске, производит крепкие, столовые и десертные вина, что на заводе имеются 2 двигателя мощностью 70 лошадиных сил, а работают на нём 633 человека.

Тут же приводились основные положения трудового законодательства, документы, регламентировавшие отношения предприятий, и образцы договоров. Много места занимала восставшая из пепла реклама. Нередко встреча на рекламных полосах старых и новых реалий порождала яркие, неожиданные эффекты. Например, киевская Госхладобойня размещалась на улице Карла Маркса, а Центрокишпрод, чья московская контора находилась на Красной площади, предлагал покупателям «кишки говяжьи, бараньи, свиные и проч., всех названий и сортов». Ярославская табачная фабрика рекламировала курительную махорку двух сортов: первого – «Имени тов. Ленина» и второго – «Имени тов. Троцкого», а донская

* См.: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004.

Государственная табачная фабрика сообщала о выпуске папирос лучших старых марок: «Наполеон», «Шурымуры», «Советские» (бывшие «Сенаторские»), а также новых, под красноречивым названием «Эх, отдай всё!».

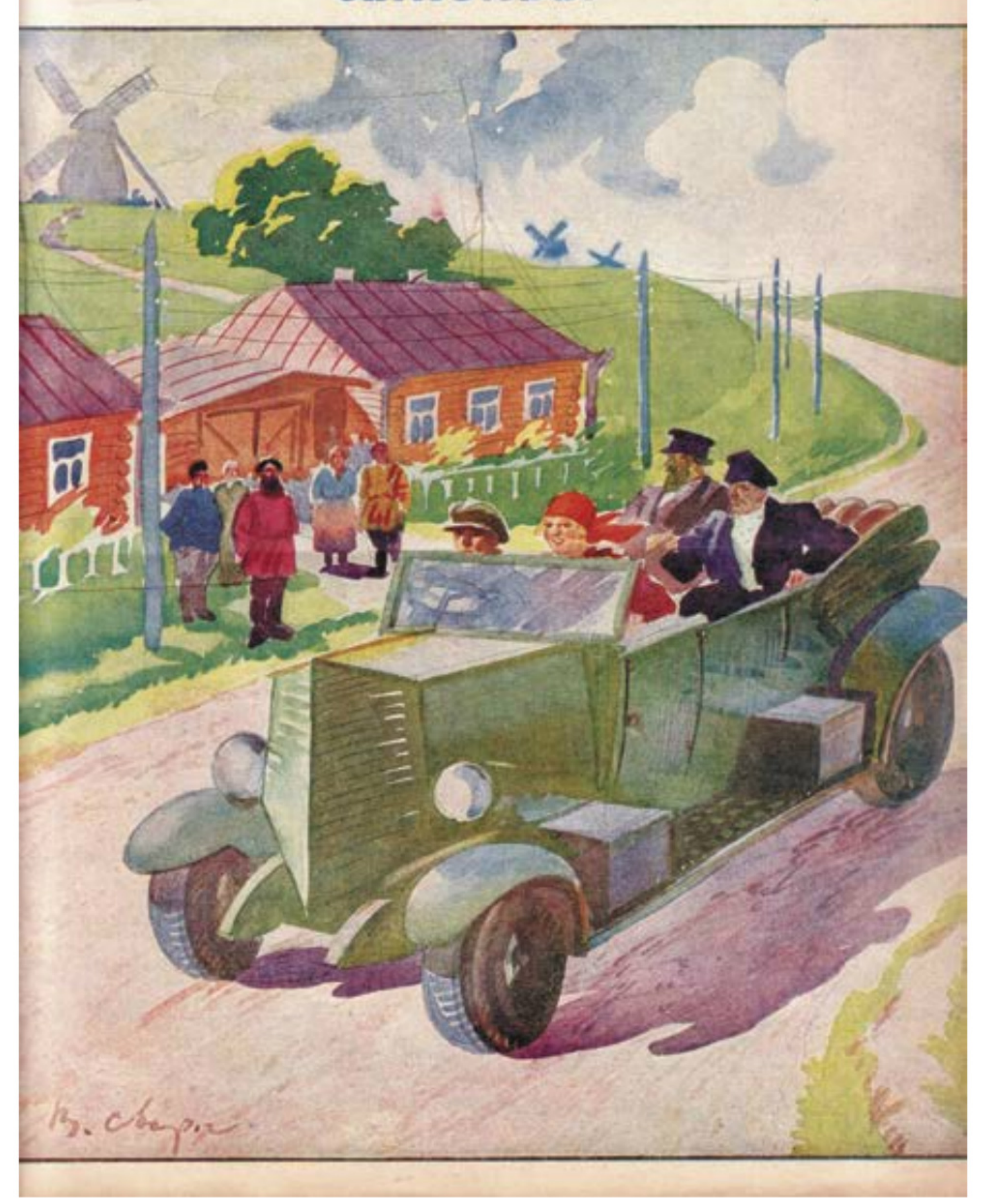
Ещё недавно казавшиеся немыслимыми упоминания о «прежней» жизни встречались на каждом шагу. Вот Самарский винокуренный завод им. Стеньки Разина обещает «пиво довоенного качества и крепости», а харьковские гостиницы, зазывая посетителей, указывают, что «Красная» – это бывший «Метрополь», а «Спартак» некогда именовался «Гранд-отелем». Видно, как в ногу со временем старались идти даже крупные государственные предприятия: Второй бронетанковоавтомобильный завод, входивший в состав объединения «Промбронь», предлагал желающим «новые кузова заграничного типа», а государственный авиационный завод «Икар» – моторы последних конструкций.

Через десять лет новая экономическая политика будет постепенно свёрнута. Власть, окрепнув за счёт частной инициативы своего народа, решит эту инициативу сначала ограничить, а потом и вовсе уничтожить. Поэтому «Промышленная Россия» – не просто справочник эпохи недолгого расцвета частного бизнеса в 20-е годы XX столетия. Это – памятник людям, поверившим своему государству и государством обманутым. Пухлый том в более чем полторы тысячи страниц, отпечатанный на газетной бумаге тиражом 5200 экземпляров, не предназначался для длительного хранения. Считалось, что подобные издания будут выходить регулярно. Этого не случилось. В наши дни «Промышленная Россия» в хорошем состоянии – редкость.

Промышленная Россия. 1923–1924. Справочная книга. Петроград, издание газеты «Экономическая жизнь», 1923. 15 л. для записей, [56] с. – реклама на оранжевой бумаге, XVI, 268, 646, 464 с., [126]с. – реклама на оранжевой и жёлтой бумаге, 19 л. полукартона – шмуцтитулы. Толщина блока 8 см. В полукожаном издательском переплёте. 30,6x23,4 см. В любительской коробке. На обрезе – печатная реклама «Промбанка» и «Добролёта».

Художник
В. С. Сварог
«Новый путь»
КРАСНАЯ ПАНОРАМА
№ 15
Цена № 10 коп.
12 апреля 1929 г.

Художник

М. Гудиашвили

«Керосинщик в Тифлисе»

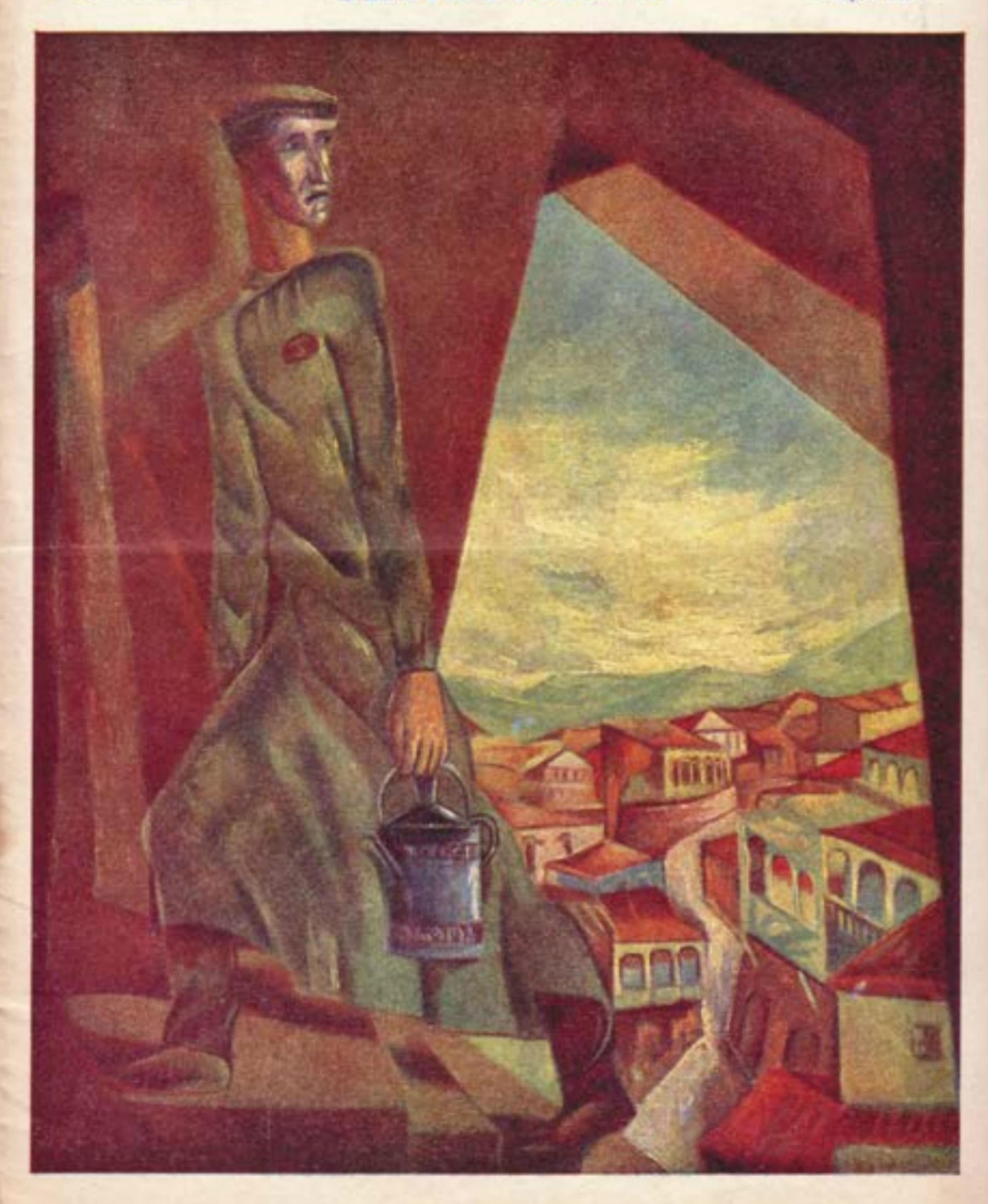
КРАСНАЯ ПАНОРАМА

№ 16

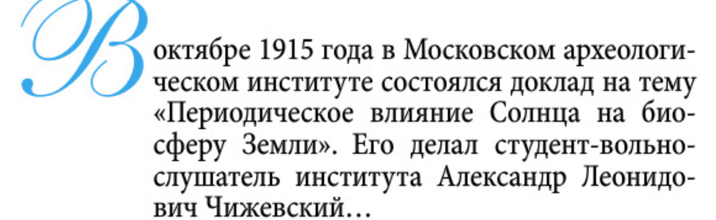
Цена № 10 коп.

С приложением одного № Литературно-художественного альманаха „Кр. Пан." — 10 коп.

19 апреля 1929 г.

Александр Чижевский. Физические факторы исторического процесса (1924) Аэроионификация в народном хозяйстве (1960)

В октябре 1915 года в Московском археологическом институте состоялся доклад на тему «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли». Его делал студент-вольнослушатель института Александр Леонидович Чижевский…

Так, по существу, определилась и вся дальнейшая научная деятельность А.Л. Чижевского, и его человеческая судьба. Уже много позже главную идею своей концепции гелиобиологии – науки, основоположником которой он и стал, – Чижевский определял следующим образом: «Живая клетка представляет собой результат космического, солярного и теллурического воздействия и является тем объектом, который был создан напряжением способностей всей Вселенной».

Александр Чижевский родился в Брянске, в семье известного военного специалиста, генерала от артиллерии Леонида Васильевича Чижевского. В 1913 году семья переехала в Калугу. После революции 1917 года Л.В. Чижевский перешел на сторону Советской власти и активно участвовал в строительстве Красной армии. Двоюродный дед Леонида Васильевича – прославленный адмирал В.С. Нахимов. Прадед ученого, майор В.Н. Чижевский, участвовал в походах А.В. Суворова и М.И. Кутузова, имел свыше сорока ранений и умер в возрасте 111 лет!

A. TCHIJEVSKY.

Physical factors of the historical process.

A. A. ЧИЖЕВСКИЙ.

ФИЗИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.

1924.

А.Л. Чижевский. 1930-е гг.

Мать будущего ученого Надежда Александровна умерла от туберкулеза, когда сыну был год и месяц. Воспитанием Александра занялась его крестная мать, сестра отца Ольга Васильевна Чижевская-Лесли. Он ее и называл всегда мамой.

Ничего удивительного, что А.Л. Чижевский в 1916 году добровольцем ушел на фронт. Участвовал в боях в Галиции, был ранен, получил контузию. 22 октября 1917 года датировано его письмо Ольге Васильевне Чижевской:

«Дорогая моя мамочка!

...Я солдат, представленный к георгиевскому кресту, и Вы, мамочка, только роняете мой престиж в глазах общества тем, что расспрашиваете про штабы и т.п... Вы должны знать, что я не трус, и если бы не папино желание, и не подумал бы о каком-нибудь штабе! Ведь мы деремся за родину и должны за нее славно умереть! Это не бахвальство, а мои и наши искренние чувства...»

В декабре 1917 года был демобилизован по состоянию здоровья. Награжден солдатским Георгиевским крестом IV степени.

Уже в 1918 году А.Л. Чижевский представил на историко-филологический факультет Московского университета диссертацию на степень доктора всеобщей истории – «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса». Таким образом,

Чижевский стал доктором истории в 21 год. «Материал для диссертации был собран мною за 1915–1917 годы, – вспоминал Чижевский. – Диссертация через год была готова и защищена в одной из аудиторий Московского университета в присутствии Ученого совета Московского археологического института и трех лиц от историко-филологического факультета Московского университета. В некотором роде тема диссертации была сенсационной, но мало кто в те холодные и голодные месяцы думал о науке, и поэтому публики совсем не было. Защита свелась к чисто формальному чтению выводов. Оппоненты прислали свои письменные отзывы, и члены комиссии подписали протокол.

Еще через год я значительно расширил свой труд, и он, напечатанный на машинке, занимал уже более 900 страниц большого формата. Экземпляр труда я передал Анатолию Васильевичу Луначарскому. Ознакомившись с ним, он вызвал меня к себе домой, и мы обсуждали вопрос о том, как осветить мою концепцию светом исторического материализма. Он обещал мне это сделать сам и даже написать введение, но, увы, так и не выполнил своего обещания... Так мой труд в этой его чисто теоретической части остался незавершенным и полностью не изданным, к большому моему огорчению».

Тем не менее, шесть лет спустя, в 1924 году в Калуге выходит книга А.Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса», представлявшая собой, как сообщал автор, «краткое и общедоступное извлечение из специального исследования» – то есть из его докторской диссертации. На титульном листе книги – посвящение знаменитому Рудольфу Вольфу (1816–1893), открывшему периодичность появления солнечных пятен.

«Мы отнюдь не претендуем на безусловную достоверность и тем менее категоричность наших соображений и высказываний по данному предмету, – подчеркивал А.Л. Чижевский в этой небольшой книге. – Они должны только показать, что объективное изучение связи между одними и другими явлениями природы, которые до сих пор считались независимыми друг от друга, может пролить свет на самые разнообразные случаи психической и общественной жизни человека. <...> Мы не переоцениваем результаты наших работ и смотрим на свой труд как на первый скромный поиск, который может вызвать более глубокие и совершенные исследования».

Несмотря на такую скромную самооценку своего труда, работа А.Л. Чижевским была проделана огромная. «Статистический подсчет исторических событий с участием масс показал, что с приближением к максимуму

Комната Александра Чижевского в его доме в Калуге

Шура Чижевский за постановкой опытов, Калуга, 1914 г.

Александр Леонидович Чижевский, 1944 г.

солнцедеятельности количество указанных явлений увеличивается и достигает своей наибольшей величины в годы максимума солнцедеятельности (60%). Наоборот, в минимум активности Солнца наблюдается минимум массовых движений (всего 5%). Это иллюстрируется А.Л. Чижевским "кривыми всемирной истории человечества" за 2500 лет, охватывающими историю более 80 стран и народов, – отмечал К.Э. Циолковский в калужской газете «Коммуна» (4 апреля, 1924 г.). – Словом, молодой ученый пытается обнаружить функциональную зависимость между поведением человечества и колебаниями в деятельности Солнца и путем вычислений определить ритм, циклы и периоды этих изменений и колебаний, создавая таким образом новую сферу человеческого знания».

Но далеко не все восприняли исследование Чижевского именно как научное исследование. «Сразу же ушаты помоев были вылиты на мою голову, – вспоминал Чижевский. – Были опубликованы статьи, направленные против моих работ. Я получил кличку "солнцепоклонника" – ну, это куда еще не шло, – но и "мракобеса"». Еще бы, какому правоверному марксисту мог понравиться, например, такой вывод в книге Чижевского: «Сила влияния вождей механически выдвигает одаренных личностей над массами, не считаясь с традиционными нормами и установившимися законами. <…> Подобные выдвижения, как показывает специальное исследование всеобщей истории, могут совершаться лишь в случае единения масс, а последнее наблюдается исключительно в эпохи и моменты усиленной деятельности солнца.

Не менее важное значение имеют идеи, обращающиеся в массах к периоду максимальной возбудимости. В этом случае влияние изустной агитации, а также прессы может приобрести решающее значение на исход того или иного политического или военного движения».

Логичным продолжением работ Чижевского по изучению космических факторов биологических и социальных процессов стал поиск физического механизма (агента) такого воздействия. Он рассматривает природу космических воздействий как электрическую. В итоге Чижевский приходит к открытию так называемых «витаминов воздуха» – аэроионов, положительно или отрицательно заряженных молекул, присутствующих в атмосфере. В опытах в домашней лаборатории в Калуге, еще в 1919 году, ему удается показать, что отрицательно заряженные ионы воздуха действуют на организм благотворно, а положительные аэроионы чаще всего отрицательно влияют на здоровье, рост, вес, аппетит подопытных животных.

Для руководителей страны в то время это уже было нечто ощутимым, тем, что можно было «потрогать» и, главное, тут же применить в народном хозяйстве и для укрепления собственного здоровья. С 1924 по 1931 годы Чижевский работает старшим научным сотрудником (в звании профессора) в практической лаборатории зоопсихологии Главнауки Наркомпроса РСФСР. В 1927 году в лаборатории прошли испытания электроэффлювиальной люстры (знаменитая «Люстра Чижевского»). Ученому поступают предложения из-за рубежа – купить патент на его работы по аэроионификации. Но Чижевский решительно отказывался от этого, передав своё изобретение «в полное распоряжение Правительства СССР».

К началу 1930-х годов Чижевский имел обширные связи с видными учёными мира

(С.А. Аррениус, Ф. Нансен, Ш. Рише, А. д'Арсонваль и др.), его приглашали для чтения лекций в Париж и Нью-Йорк, выдвигали в почётные академики за границей, где его работам в области гелиобиологии и аэроионизации придавалось большое значение.

В конце 1938 года А.Л. Чижевский был приглашён на работу в качестве научного руководителя по аэроионификации строящегося грандиозного Дворца Советов. В 1939–1941 годах Чижевский возглавил две лаборатории по аэроионификации при Управлении строительства Дворца Советов Совнаркома СССР – в Москве и Ленинграде. В 1939 году избран почетным президентом Международного конгресса по биологической физике и космической биологии. Его кандидатура в этом же году была выдвинута на соискание Нобелевской премии…

Однако внутри страны не все было так гладко.

Академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, директор Всесоюзного института животноводства Б.М. Завадовский выступает с «неубиваемым» аргументом против работ Чижевского – «вредительство в науке». Его статья в газете «Правда» от 25 декабря 1935 года так и называлась – «Враг под маской ученого». В ней, в частности по поводу книги «Физические факторы исторического процесса», отмечалось: «…Что это, бред или завуалированная контрреволюция?» С особой экспрессией Завадовский почему-то обрушился на работы по отрицательным аэроионам… В результате в 1936 году А.Л. Чижевского снимают с должности директора Центральной лаборатории по ионификации Наркомзема СССР.

В 1940 году специальная комиссия под руководством авторитетного физика, академика А.Ф. Иоффе проверяет результаты работ Чижевского по аэроионам. В заключении комиссии утверждалось, что все рекламные заявления о практических результатах аэроионизации на курах, свиньях и т.д. основаны на сознательной или бессознательной подтасовке фактов, давших отрицательный результат; что самый вопрос о влиянии ионизированного воздуха на организм ещё должен быть подвергнут научному физико-биологическому исследованию; что не существует ещё исходной научной базы, на которой можно строить практические выводы…

Тучи над головой Чижевского явно сгущались. Но до начала 2000-х годов в его

Фотография К.Э. Циолковского с дарственной надписью А.Л. Чижевскому. Калуга, 1934 г.

биографиях отмечалось, что ученый избежал репрессий 1930-х годов. Действительно, Чижевского арестовали только в 1942 году, в Челябинске, куда он был эвакуирован. Существует версия, что причиной стал донос – кому-то приглянулась московская квартира ученого.

С января 1942 до середины 1944 года Чижевский, будучи осужденным на восемь лет лагерей, находился в Челябинске и в Ивделе; в 1944–1945 годах он был научным консультантом лаборатории в Кучине под Москвой. Фактически это была одна из многих «шараг». В кучинской «шараге» заключенные инженеры, ученые и конструкторы создавали суперсамолет для Сталина. Видимо, была задумка насытить атмосферу, которой будет дышать вождь на борту, «витаминами воздуха». Затем – лагеря под Карагандой, где ученый заведовал клинической лабораторией.

Но даже будучи заключенным, Чижевский проводил исследования аэроионов, изучал электрические свойства эритроцитов

Памятник А.Л. Чижевскому в Калуге

и структуру движущейся крови, связь физико-химических параметров крови с циклами солнечной активности. Когда ему 22 февраля 1950 года сообщили об освобождении, Чижевский добился от лагерного начальства разрешения на месяц остаться в лагере, чтобы закончить начатые им эксперименты. Аргумент его был таков: в Москве уже не будет в его распоряжении такого количества экспериментального материала. До 1957 года проживал в Караганде, сотрудничая в различных медицинских учреждениях как ссыльный.

Последняя крупная работа А.Л. Чижевского – «Аэроионификация в народном хозяйстве» вышла в 1960 году. Фактически в ней он подытоживает более чем сорокалетние результаты своих исследований аэроионов. В «Библиохронике» представлены, таким образом, первая (1924) и последняя (1960) монографии А.Л. Чижевского.

«Научно-исследовательская работа в области биологического изучения действия униполярных аэроионов с каждым днем приносит все новые и новые доказательства того несомненного факта, что аэроионы являются могущественным физическим и биологическим агентом, оказывающим исключительное по своему значению воздействие на организмы, – отмечают редакторы «Аэроионификации…» А.Г. Погосов и Ф.Т. Садовский. – Автором основных работ в этой области, впервые установившим биологическое действие униполярных аэроионов, является советский ученый проф. А.Л. Чижевский.

Ему принадлежат многочисленные печатные труды о биологическом действии и медицинском применении аэроионизации, а также установление явления «оживления» кислорода воздуха после фильтрации при помощи аэроионов и наиболее крупные теоретические работы по включению аэроионизации в число элементов кондиционированного воздуха. <…> О значении работ автора в вопросе развития учения о биологическом и физиологическом действии аэроионов и их предупредительном, лечебном и стимулирующем влиянии свидетельствует ряд ученых СССР, Франции, Италии, Германии, Англии, США и Японии».

Сам Чижевский приводит такие данные о действии аэроионов:

«Аэроионы отрицательной полярности, примененные в терапевтических дозировках (105–106 аэроионов в 1 см^3, ежедневно в течение 15–20 минут) способствуют излечению или радикальному облегчению ряда заболеваний носоглотки, дыхательных путей, сердечно-сосудистой системы (гипертоническая болезнь) кроветворных органов, нервной системы, эндокринного аппарата и т.д. <…> Долгосрочные опыты с животными показали, что аэроионы отрицательной полярности в концентрациях около 104–105 удлиняют их жизнь, усиливают рост, сокращают число инфекционных и хронических заболеваний. Это может иметь большое значение в сельском хозяйстве. Установлено, что систематическое пользование отрицательными аэроионами в концентрациях 103–104 аэроионов в 1 см^3 способствует снижению утомляемости, сокращению времени отдыха и значительному повышению внимания и трудоспособности. Возбуждение отрицательных аэроионов в воздухе школьных помещений до концентрации 103–104 аэроионов в 1 см^3 вызвало чрезвычайно благоприятные явления в отношении сокращения заболеваний, увеличения роста и веса у детей и подростков».

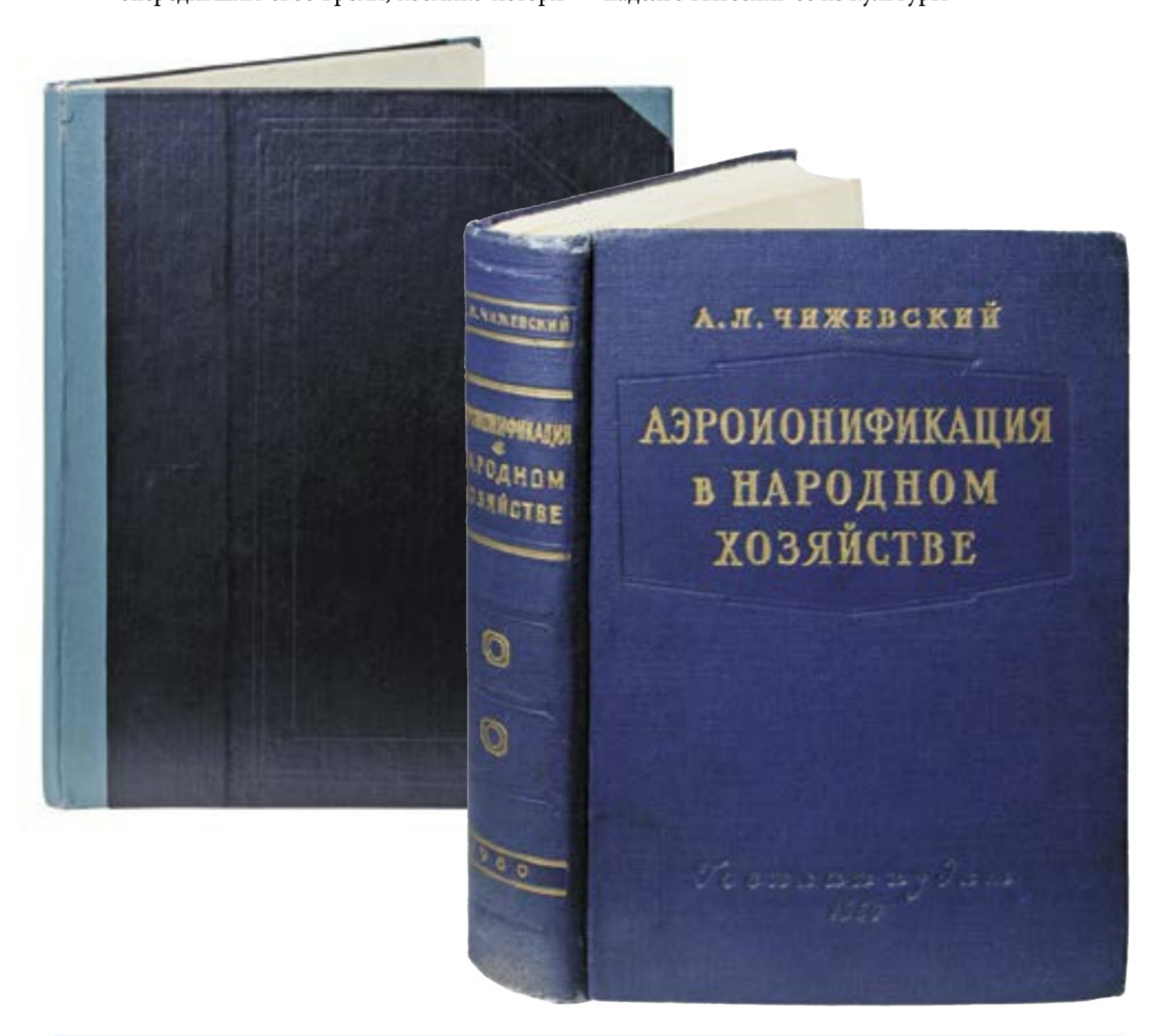
В 1962 году А.Л. Чижевский был частично реабилитирован. Полностью – только после смерти, которая наступила 20 декабря 1964 года. Казалось, хотя бы посмертно справедливость в отношении А.Л. Чижевского и его работ восстановлена. Однако…

В 1965 году двое ученых В.Н. Ягодинский и Ю.В. Александров передают в редакцию популярного медицинского журнала рукопись статьи о профилактике сосудистых осложнений в период магнитных бурь. Авторы получают такой ответ: «Уважаемые

товарищи! Материал опубликован быть не может, т.к. теория А. Чижевского, на которую вы опираетесь и ссылаетесь, журналом "Партийная жизнь" № 24 (декабрь) осуждается. А этот орган является для нас наиболее авторитетным.

С уважением Н. Зейгарник, зав. отделом культуры».

Как отмечал уже в 2015 году профессор В.И. Оноприенко, «в очередной раз возникла парадоксальная ситуация – подобно многим другим достижениям научной мысли, опередившим свое время, космико-исторический аспект концепции А.Л. Чижевского вот уже многие десятки лет как бы не замечают. Несомненно, в какой-то мере свою роль сыграло недостаточное знакомство с космико-историческим аспектом концепции А.Л. Чижевского, которая была опубликована в Калуге в 1920-е годы небольшим тиражом, а затем попала в контекст "репрессированной науки". Ныне идеологические запреты сняты, но своё дело они сделали, на многие десятилетия окружив концепцию А.Л. Чижевского завесой страха и забвения, надолго вытеснив её из культуры»

Александр Леонидович Чижевский (1897–1964)

Физические факторы исторического процесса. – Калуга. 1-я Гостиполитография 1924. – 74 с. 22 х 18 см. Тираж 1600 экз.

В глухом владельческом переплете середины XX в. Издательские обложки сохранены под переплетом.

Аэроионификация в народном хозяйстве / Под общ. ред. и с пред. А. Г. Погосова и Ф. Т. Садовского. Москва, Госпланиздат, 1960. – 760 с. 22,6 х 14,5 см. Тираж 22 500 экз.

Художник
В. П. Белкин
«Первое мая»
КРАСНАЯ ПАНОРАМА
№ 17—18
Цена № 10 коп.
26 апреля 1929 г.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
1-ое МАЯ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПРАЗДНИК
ТРУДА
СССР

Художник
Е. Кругликова
«Кузница в деревне»
КРАСНАЯ
ПАНОРАМА
№ 21
Цена № 10 коп.
24 мая 1929 г.
ЕК

Лев Мечников. Цивилизация и великие исторические реки (1924 год)

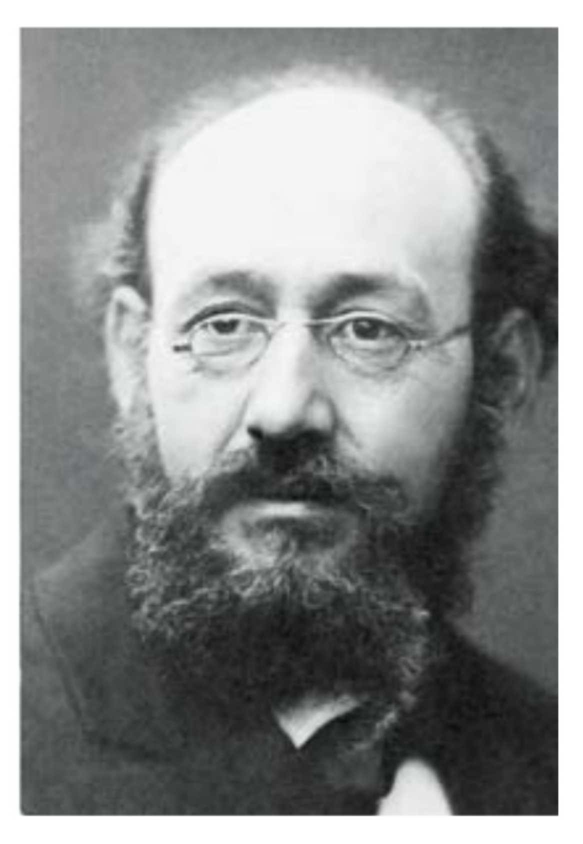
Русский ученый-географ и революционер, итальянский офицер, японский и швейцарский профессор, этнограф, социолог, путешественник, художник, писатель, дипломат, офицер, политик… Тут сюжетов не для одного – десятков! – авантюрных или приключенческих романов, жанр, который так любили в XIX веке. И все это вместилось в не такую уж и долгую жизнь – всего-то 50 лет, – не обладавшего крепким здоровьем человека – Льва Ильича Мечникова. Будь судьба чуть-чуть более благосклонна к нему, он точно не уступил бы в известности своему младшему брату – второму русскому лауреату Нобелевской премии (1908), микробиологу Илье Ильичу Мечникову.

«Мечников был чрезвычайно одаренным ребенком, – отмечает российский географ и дальний родственник Льва Мечникова Владимир Иванович Евдокимов. – Он учился в Петербурге, в Училище правоведения, которое в 1852 году оставил по болезни – коксит. (На всю жизнь правая его нога осталась короче, он постоянно пользовался тростью или костылем, шил специальную обувь.) Детство провел на Харьковщине, образование получил главным образом домашнее».

В 1856 году поступает на медицинский факультет Харьковского университета. Но с первого же семестра отчислен – за участие в студенческих беспорядках. В 1857 году, после смерти Николая I, у Мечникова появляется возможность поступить на физико-математический факультет Петербургского университета. Посещает курсы Академии художеств, изучает восточные языки. (Вообще, Лев Мечников знал девять языков: французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, польский, арабский, турецкий, японский.) Но и в Петербургском университете он проучился недолго – уже в 1858 году был исключен. Причина все та же – участие в студенческих «историях».

Знание языков помогло – Лев Мечников получает должность переводчика в дипломатической миссии по святым местам. А дальше – завертелось в ускоряющемся темпе…

С 1860 года – в Италии и в Россию уже не вернулся. В рядах гарибальдийцев участвовал в военных действиях. В боях за освобождение Неаполя от австрийцев был тяжело ранен – повреждены обе ноги и легкие. Выжил только благодаря заботе друзей, в особенности знаменитого французского писателя Александра Дюма (отца).

О друзьях надо сказать особо. Ведь среди них – Дж. Гарибальди, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, П.А. Кропоткин, С.М. Степняк-Кравчинский, Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, М.А. Бакунин… Последний, кстати, дал такую, слегка ироничную, характеристику своему другу: «Много струн на вашей лире, милый Лев Ильич, только ни на одной вы не играете как виртуоз». И в каком-то смысле так оно и было.

«Широта интересов его была поразительной, – подчеркивает Владимир Евдокимов. – Он полемизировал с П.Ж. Прудоном, совместно с Н.П. Огаревым издал "Землеведение для народа", написал историю противников государственности в России, знакомил русского читателя с европейской литературой, публиковал литературные произведения и очерки о своих путешествиях по Европе, освоил фотодело, организовал канал доставки нелегальной литературы в Россию, переводил с разных языков».

С 1865 года Лев Мечников обосновывается в Женеве. Анархист, член бакунинского Альянса социалистической демократии, помогал участникам Парижской коммуны в 1871 году, вел подготовку к Гаагскому конгрессу Интернационала в Испании и во Франции… И всегда сильно нуждался.

В 1874 году, как отмечают все, – немногочисленные впрочем, – биографы Л.И. Мечникова, удача улыбнулась ему, чуть ли не в первый и последний раз: Японское министерство народного просвещения приглашало профессоров в Токийский университет, чтобы поставить там преподавание науки на европейском уровне. Мечников получает предложение читать лекции в Японии по русскому языку и организовать в Токио русскую школу. За один год он освоил японский язык. Но в 1876 году из-за малокровия вынужден был покинуть Японию и возвратиться в Женеву. В 1883 году Невшательская Академия наук предложила ему занять кафедру сравнительной географии и статистики. Лев Ильич возглавлял ее до самой смерти…

1884–1888 годы Мечников посвятил главному труду, который предполагал назвать «Цель жизни». В нем он задумал объяснить жизнь как феномен планеты Земля. Однако успел написать только первую часть – книгу La civilisation et les Grands Fleuves historiques («Цивилизация и великие исторические реки»). Л.И. Мечникова умер 30 июня 1888 года.

Его книга «Цивилизация и великие исторические реки» вышла на французском языке в 1889 году. Готовил работу к печати

ЛЕВ МЕЧНИКОВ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

и

великие исторические реки

(Географическая теория прогресса и социального развития).

С предисловием ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

ГОЛОС ТРУДА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА“
МОСКВА — 1924.

уже Элизе Реклю. Друг Льва Мечникова, французский географ, историк и тоже анархист, член Парижского Географического общества, Реклю в предисловии к этому труду отмечал: «Я знаю, что произведение Мечникова не принадлежит к числу тех, какие привлекают внимание широких кругов читающей публики; эта книга не будет иметь шумного успеха модного романа, но я сознаю, что эта книга откроет новую эру в истории науки».

Действительно, на русском языке книга вышла только в 1899 г. и то с большими цензурными изъянами. А в полном виде была опубликована только один раз – в 1924 году. Это издание и представлено в нашем томе «Библиохроники». Редактор русского перевода Н.К. Лебедев неслучайно свою вступительную статью завершает словами: «Приходится лишь пожалеть, что автору не удалось выполнить целиком своего плана и осветить всю человеческую историю с точки зрения географа и анархиста».

А «человеческая история, с точки зрения географа и анархиста» Мечникова, последовательно разделяется на эпоху речных цивилизаций, средиземноморскую и океаническую. «Подобно тому, – пишет Мечников, – как воды всякой великой реки в конце концов достигают моря, так и каждая речная цивилизация должна погибнуть или раствориться в какомлибо более широком культурном потоке, или же развиться в более обширную морскую цивилизацию».

Но развитие морских цивилизаций на этом не останавливается. Постепенно международные коммуникации достигают такой степени насыщенности, что моря становятся тесны для них, и человечество входит в период океанической цивилизации.

Однако широта охвата проблемы возникновения и развития цивилизаций не ограничивается в книге Мечникова только рассмотрением влияния рек. Вот как определял основную идею своего труда сам Л.И. Мечников: «Не придавая той доминирующей и исчерпывающей роли, которую ей приписывает <французский географ> Мужолль, мы тем не менее должны признать значительное влияние географической широты и климата вообще на развитие цивилизации. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на карту годичных изотермических линий. Основываясь на этой карте, мы можем сказать, что самые значительные на земле города и селения сгруппированы между двумя крайними изотермическими линиями в +160 и +40. Изотерма в +100 с достаточной точностью определяет центральную ось этого климатического и культурного пояса; на этой линии сгруппированы богатейшие и многолюднейшие города мира: Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия, Лондон, Вена, Одесса, Пекин.

К югу от изотермы в +160 в виде исключения рассеяно несколько городов с населением более чем в сто тысяч человек (Мексико, Новый Орлеан, Каир, Александрия, Тегеран, Калькутта, Бомбей, Мадрас, Кантон). Северная граница, или изотерма +40, имеет более абсолютный характер: к северу от нее нет значительных городов кроме Виннипега (в Канаде) и Тобольска и Иркутска (в Сибири). Наконец, на изотерме +00 расположены лишь очень небольшие поселения, как, например, Туруханск, Якутск, Верхоянск и другие места ссылки, куда русское царское правительство ссылает на медленную смерть своих политических противников».

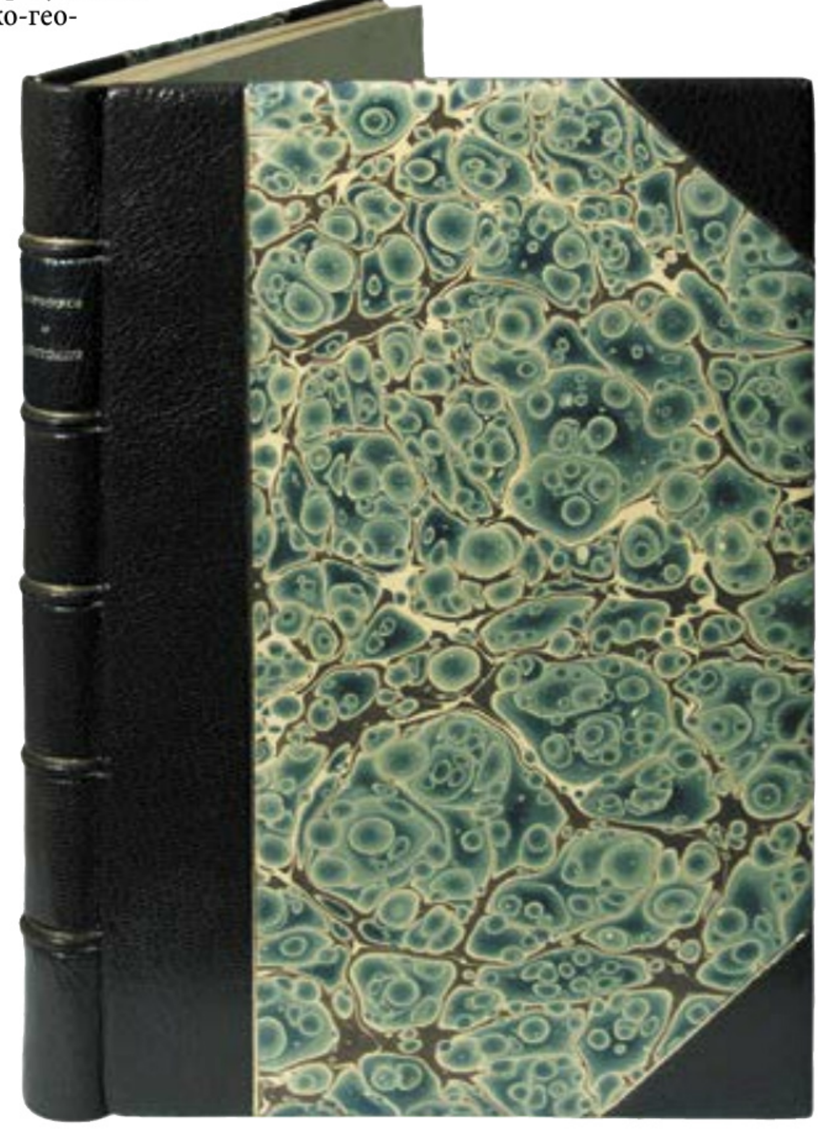
Мы можем, конечно, сегодня снисходительно улыбнуться насчет «нескольких городов с населением более чем в сто тысяч человек (Мексико, Новый Орлеан, Каир, Александрия, Тегеран, Калькутта, Бомбей, Мадрас, Кантон)». Но в главном-то Лев Мечников, как выясняется, был абсолютно прав: «В жарком поясе, несмотря на роскошную флору и фауну, до сих пор также не возникло прочной цивилизации, которая занимала бы почетную страницу в летописях человечества».

Вся дальнейшая история науки только подтверждает правоту Л.И. Мечникова. В конце 2015 года американские ученые опубликовали в журнале Nature результаты очень любопытного экономико-географического исследования: идеальная среднегодовая температура для экономически успешного развития +13 градусов по Цельсию. Государства, где этот климатический показатель выше, то есть более жаркие страны, почти неизбежно показывают и худшие экономические результаты, они чуть ли не обречены на сниженную производительность труда. И число таких стран – климатических изгоев – из-за глобального потепления неуклонно растет.

Нормальная температура человеческого тела заключена в очень узком интервале: 36,6 +/– 1 градус. Как оказывается, нормальная температура экономического тела общества тоже колеблется вокруг вполне определенной величины: 13 градусов тепла. А ведь именно об этом, еще за 125 лет до американцев, писал создатель первой русской геополитической системы Лев Ильич Мечников.

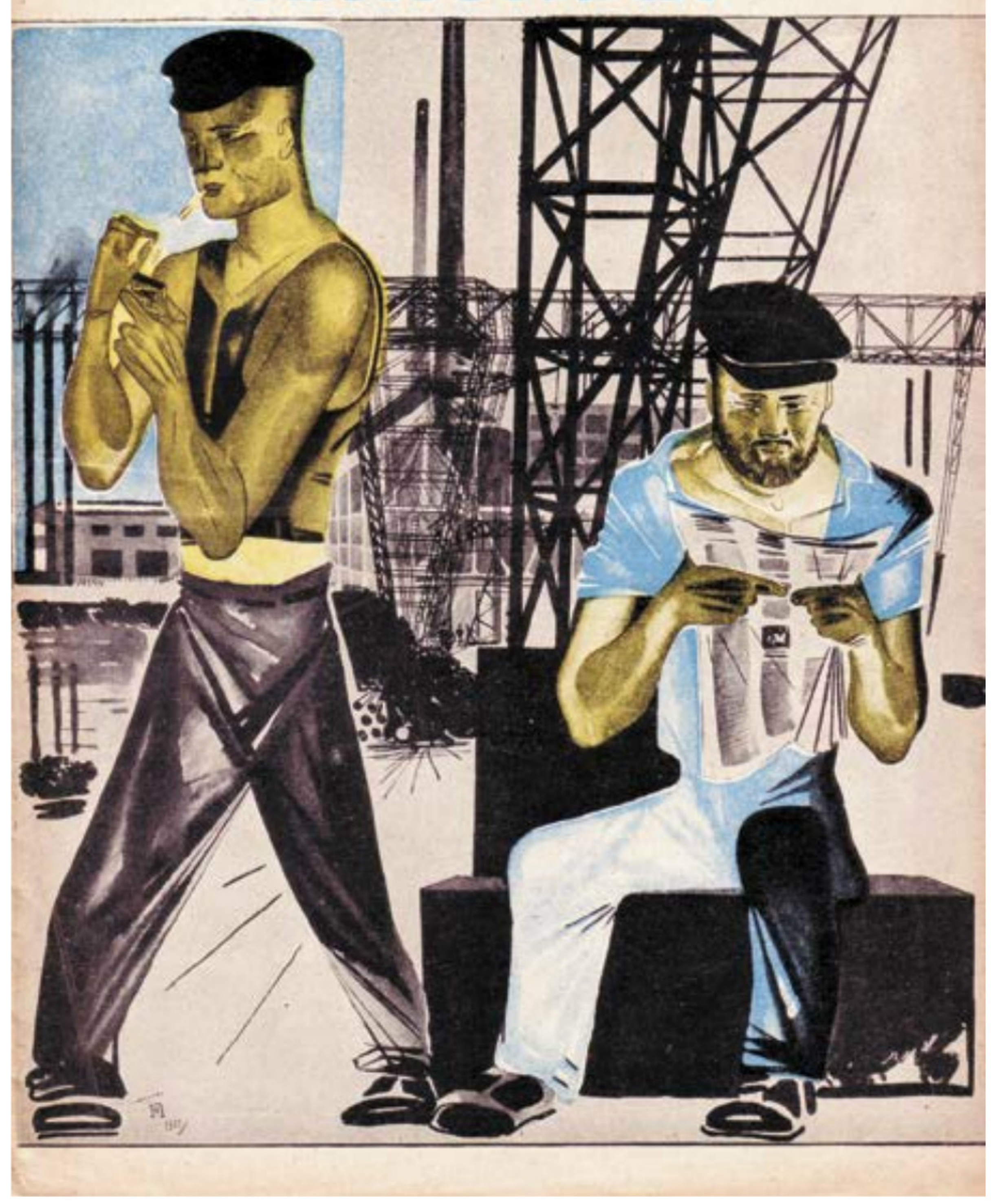
Шаг влево, шаг вправо в сторону от неких средних климатических параметров – и социально-экономическое развитие оказывается под вопросом. И можно только поражаться научной прозорливости Мечникова, когда он пишет: «…изотермические линии действительно образуют границы той области, которую можно назвать ареной исторических цивилизаций. Эти границы, будучи не вполне определенными и постоянными, совпадают, однако, за весьма немногими исключениями, северная – с изотермой +40, а южная с изотермой +200, или +220 не более».

30 июня 1888 года Лев Ильич Мечников скончался от эмфиземы легких. Похоронен в Швейцарии на Кларанском кладбище. Могила утрачена.

Лев Ильич Мечников (1838 – 1888)

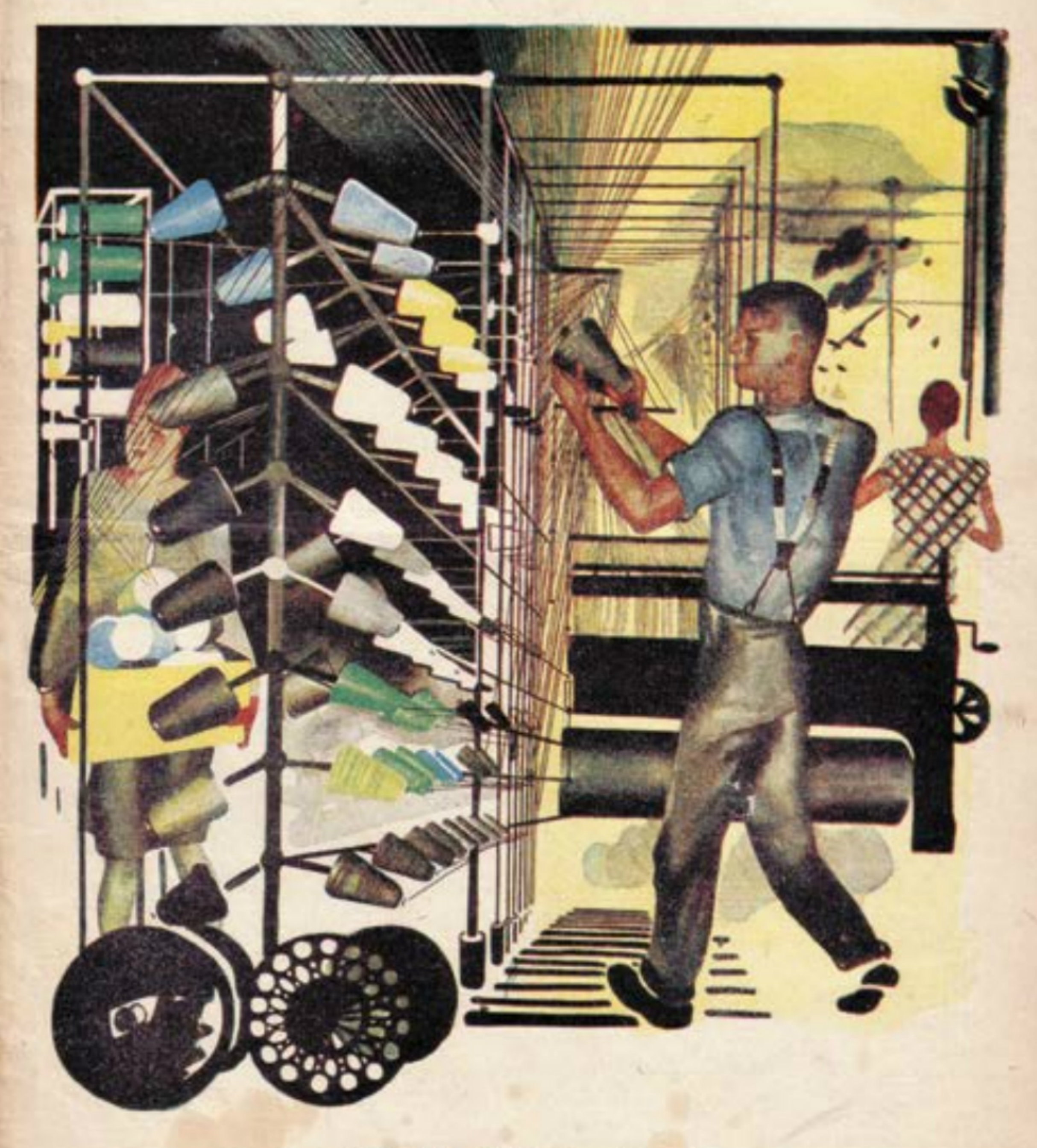
Цивилизация и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития) / С предисловием Элизе Реклю. Перевод с французского Н.А. Критской под ред. и со вступительной статьей Н.К. Лебедева. Книгоиздательство «Голос труда», Москва, 1924. – 255 с., 22,2 x 14 см. Тираж 3000 экз. Современный составной переплет. Тиснение золотом на корешке. Издательские обложки сохранены под переплетом.

Художник
Ю. Пименов
«Завод»
КРАСНАЯ
ПАНОРАМА
№ 37
Цена 10 коп.
13 сентября 1929 г.

Художник
Ю. Пименов
«На текстильной фабрике»

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

№ 39
Цена 10 коп.
27 сентября 1929 г.

Издание «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ» — Ленинград

51

«Изобретатель» (1929)

В 1929–1933 гг. основные фонды промышленности, которые к тому времени находились в катастрофическом состоянии, были обновлены на 71,3%, причем не менее 2/3 – за счет импорта. Вообще, по экспертным оценкам, за период индустриализации в СССР ввезли 300 тысяч станков. Особенно высока в общем объеме ввозимых в СССР товаров была доля машин и оборудования. И этот показатель в первой пятилетке (1928–1932 гг.) шел нарастающим темпом: в 1929 г. – 30,1%; в 1930 г. – 46,8%; 1931 г. – 53,9%; в 1932 г. – 55,7%. Советский Союз вышел на первое место в мире по импорту машин и оборудования. В 1931 году около одной трети, а в 1932 году – около половины мирового экспорта машин и оборудования направлялось в Советский Союз.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

ОРГАН ЦБРИЗ ВСНХ СССР

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

№ 1 ЯНВАРЬ 1929

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАНИЕ АКЦ. ИЗДАТЕЛЬСКОГО О-ВА „ОГОНЕК"

Такой промышленный рывок, который предпринял СССР в конце 1920-х годов, требовал и адекватного кадрового обеспечения. Эта насущная необходимость вылилась в несколько даже брутальный, но при этом очень понятный и лапидарный по своей сути лозунг: «Большевики должны овладеть техникой» (из речи Сталина на первой Всесоюзной конференции работников промышленных предприятий). В конце концов, нужны были просто более или менее грамотные рабочие, чтобы разобраться в инструкциях по эксплуатации импортной техники. «В нашу страну вторгаются сейчас огромные агрегаты совершенного импортного оборудования. На заводы приходят новые люди, недостаточно обученные, не усвоившие пролетарской психологии. Известная часть оборудования из-за неумения на нем работать стоит. Сложные автоматы сплошь и рядом используются не по назначению», – отмечал в 1932 году В. Перцов, автор журнала «Техническая пропаганда», №5–6.

Эта потребность в овладении импортной техникой гроздьями висела в воздухе. Периодика того времени буквально переполнена была соответсвующими лозунгами: «Создать ассоциацию переводчиков технической литературы», «Нет хороших книг по иностранной технике», «Поднимем культурно-технический уровень рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда!». Но только призывами, даже самыми грозными, восстановить кадровый потенциал, тут было не обойтись. Ведь, например, количество рабочих с высшим образованием в это время не превышало 1% от общей численности рабочих в стране.

Да что там говорить о рабочих с высшим образованием, если в январе 1939 года, по данным советского историка Ф.А. Лукинского, в Сибири 84,4% рабочих не имели

школьной подготовки (22,1% – неграмотных, в том числе 30% – в Новосибирской области; и 62,3% – грамотные, но без школьного образования). Уровень образования остальных рабочих составлял от одного до шести классов школьного обучения. Только 4,8% рабочих гигантского региона имели 7 классов образования....

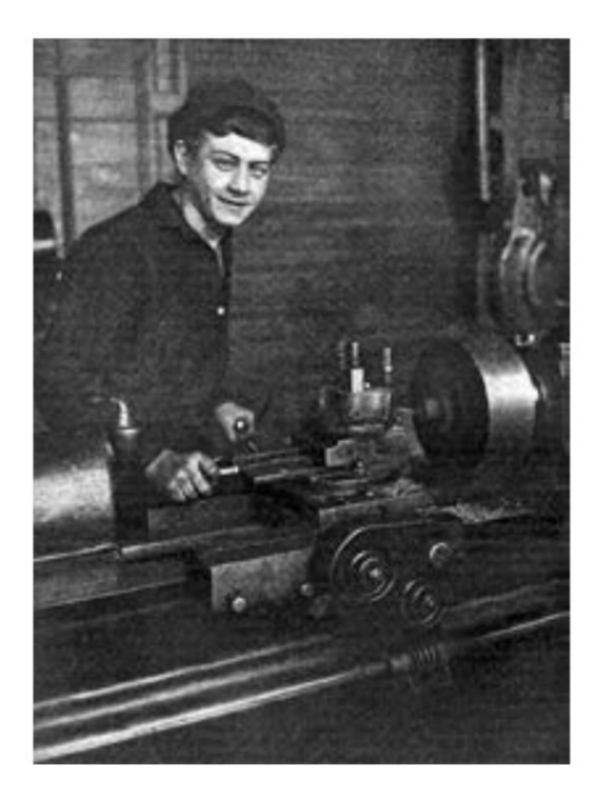
При всей драматичности ситуации подобные «сигналы от рабочей массы», по существу, означали, что страна наконец-то вышла из индустриальной спячки. Именно к такому повороту событий руководство СССР и стремилось, пытаясь управлять этим процессом, в меру своего понимания, на опережении.

В резолюции Пленума ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. специально отмечалось: «…теперешнее положение нашей промышленности характеризуется следующими моментами: чрезвычайно низким процентом инженеров и еще более низким процентом техников; ненормально высоким процентом на технических должностях "практиков" (39%); малым притоком новых кадров молодых специалистов и недостаточностью их научно-технической подготовки; крайним недостатком инженеров-производственников нового типа, могущих обеспечить проведение социалистической рационализации применительно к особенностям экономики СССР».

В июле 1929 года Научно-техническое управление ВСНХ СССР, которым тогда руководил Н.И. Бухарин, подготовило программный документ по организации пропаганды современных технических достижений.

Постановлением Президиума ВСНХ СССР № 260 от 4 мая 1931 года в структуре ВСНХ СССР была организована Государственная контора общесоюзного значения по обмену техническим, рационализаторским и организационным опытом в промышленности. А еще раньше, в 1929 году, выходит первый номер журнала «Изобретатель и рационализатор».

Редакционная статья, открывающая новый журнал, начиналась без всякой раскачки и в то же время самокритично: «Как рационализация в советских условиях – это нечто в корне отличное от зарубежной рационализации, так и советская техника, при всей нынешней отсталости ее, принципиально отличается от техники капиталистического мира. У нее совершенно иной охват, совершенно иные задачи… Октябрь

в технике – одна из основных задач, стоящих перед социалистической промышленностью. Чтобы недавняя Русь полностью претворилась в индустриальный СССР, нам нужно не только догнать, но и обогнать капиталистические страны. Для этого надо не только усвоить зарубежную технику, но и перегнать, преодолеть ее.

Предпринимая исполинскую, непосильную для других классов работу по реконструкции всего народного хозяйства, пролетариат не может разрешить эту задачу при помощи одних только специалистов. Необходимо вовлечение широких масс на поприще технической революции, нужны силы миллионов, и изобретатели, эти рабкоры науки и техники, должны стать передовым отрядом на этом важнейшем фронте…

Выход первого номера журнала "Изобретатель" является ознаменованием общего перелома, который происходит в настоящее время по отношению к изобретательскому делу. Наша эпоха требует решительной мобилизации рабочей мысли».

Не менее эмоционален и другой автор журнала – видный деятель большевистской партии, соратник В.И. Ленина, а на момент выхода первого номера «Изобретателя» – начальник Научно-технического управления ВСНХ СССР Лев Каменев: «Мысль строителей социализма лихорадочно бьется ныне над способами и методами ускорения

темпа индустриализации нашей страны. Предпосылкой к этому ускорению являете активность самих рабочих масс, действенность всех организаций трудящихся, борьба с бюрократизмом и окостенением наших аппаратов. Важнейшим же орудием ускорения является самостоятельная творческая мысль рабочей среды и умение широко применять и вовсю использовать высшие достижения современной научно-технической мысли».

Л.Б. Каменев будет расстрелян по приговору суда в связи с так называемым делом «Троцкистско-зиновьевского объединённого центра». Но это случится позже, через семь лет, 25 августа 1936 г. А пока Лев Борисович настроен вполне решительно, по-боевому: «Изобретатели – партизаны индустриализации. И так же, как в борьбе за политическую власть советов героической борьбе партизан принадлежит рядом с великими достижениями Красной армии значительное и ничем незаменимое место, так и в борьбе с технической и культурной отсталостью, с "патриархальщиной" и "обломовщиной", с косностью и рутинерством громадная роль принадлежит этим партизанам рационализации».

Сегодня особый оттенок приобретают его слова в статье в «Изобретателе»: «Культурный и технический подъем на путях капитализма – подъем, обагренный кровью, потом и слезами.

Задача социалистической революции – перевести миллионные массы крестьянства, поставленные в условия технической культурной отсталости, на высшую ступень, не проводя их через этапы разорения и обнищания. В этом – величайший смысл социалистической индустриализации».

Экземпляр «Изобретателя», представленный в «Библиохронике», именной. На первой странице обложки и на титульном листе имеется владельческая подпись синими чернилами – «Л. Березанский». Автор нескольких методичек для профсоюзного актива, Л. Березанский опубликовал в журнале статью на эту же тему – «Профсоюзы на страже изобретательства». В оглавлении эта статья подчеркнута красным карандашом.

Вообще, надо отметить, что в первом номере нового журнала был собран интересный, а порою даже выдающийся авторский коллектив. Чего стоит только небольшая статья-приветствие Альберта Эйнштейна «Массы вместо единиц». Причем автор теории относительности и Нобелевский лауреат Эйнштейн обозначен просто – «профессор». «Улучшение организации и специализация работ обусловливают перелом – постепенную замену отдельных выдающихся гениальных способностей нивелированными массовыми силами», – завершает свою статью профессор Эйнштейн.

Академик Сергей Ольденбург вполне солидарен с Эйнштейном. «Пожелаем успеха журналу "Изобретатель", – пи-

Принял: | Передал:

из 79. Москва. 20. 8–9. | Адрес: Сергиев, Комсомольская, Михаилу Пришвину

№ — сл. — го — ч. — м.

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Собранные Вами материалы об изобретателях представляют очень большой интерес.

Редакция журнала „Изобретатель" просит Вас написать об этом рассказ для первого номера. Для научного отдела нашего журнала только что прислал свою рукопись автор „Теории относительности" Эйнштейн. Для художественного отдела — нужен Михаил Пришвин.

Сердечный привет

Редакция журнала „Изобретатель"

шет Ольденбург. – Пожелаем ему, чтобы число полезных изобретателей в нашем Союзе начало множиться и чтобы эти изобретения могли быть в широкой мере использованы для нашего советского строительства, чтобы они оказались не праздными размышлениями чудаков, считающих себя изобретателями, а действительно открытиями и изобретениями».

Среди авторов первого номера «Изобретателя» – академик А.А. Иоффе, литераторы и писатели Михаил Кольцов, Вера Инбер, Михаил Пришвин, Виктор Шкловский; Мария Ильинична Ульянова (сестра В.И. Ленина, автор статьи «Рабочее изобретательство и рабкоры»)… Был и еще один партийный и государственный «тяжеловес», отметившийся в первом номере журнала, – Валериан Куйбышев, один из ближайших сподвижников и советников по вопросам экономики Сталина, председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

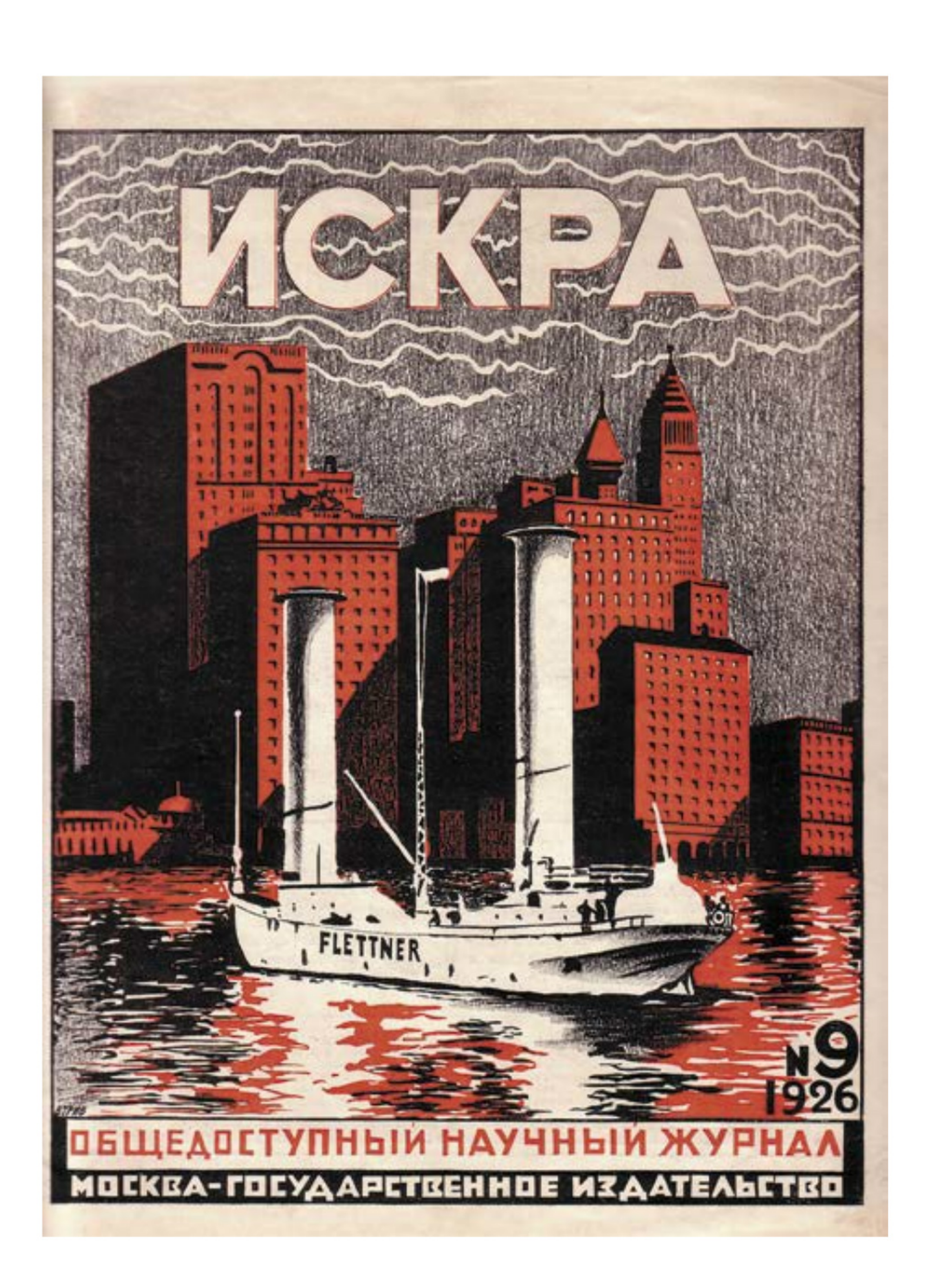
В.В. Куйбышев скоропостижно скончается 25 января 1935 г. прямо за рабочим столом у себя в кабинете. Ему было 46 лет. Официальная причина смерти – сердечный тромб. Вторая жена Куйбышева, Евгения Соломоновна Коган, будет расстреляна через два года после его смерти. А заодно, в 1938 г., расстреляют и младшего брата Валериана Куйбышева – Николая, героя гражданской войны, награждённого четырьмя орденами Красного Знамени, командующего Закавказским военным округом.

Как раз в короткой заметке В. Куйбышева очень конкретно сформулирована была основная проблема изобретательства в СССР: «Между тем до сих пор нужно констатировать, что главная трудность заключается во внедрении того или другого изобретения, которое ЦБРИЗ'ом (Центральное бюро реализации изобретений) признается соответствующим интересам промышленности. Внедрить такое изобретение в промышленность представляет собой большие трудности. Это положение должно быть радикальным образом изменено. Делу изобретательства должно быть придано соответствующее значение». Похоже, и через сто лет эти слова остаются актуальными для России.

Судьба самого журнала «Изобретатель» фактически повторит судьбу некоторых из авторов его первого номера – в 1938 г. журнал будет закрыт. Издание возобновят в 1956 г. Тираж журнала в 1988 г. составил 400 тысяч экземпляров. Спустя 20 лет, в 2008 году, – 4 тысячи. В 2015 г. журнал прекратил свое существование. По экономическим причинам. Такова «генетика» изобретательского дела в России.

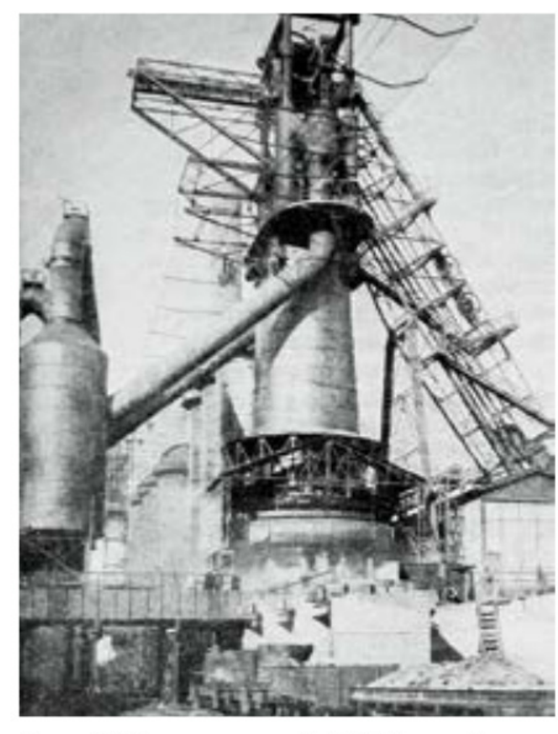
Журнал «Изобретатель», №1, январь, 1929. Орган ЦБРИЗ ВСНХ СССР. Выходит один раз в месяц. Тираж не указан. 26 х 17,5 см.

ИСКРА
FLETTNER
№9
1926
ОБЩЕДОСТУПНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

4-й год издания
Цена в Ленинграде, провинции и на станциях железных дорог 10 коп.
№ 2
13 января 1926 г.
НАУКА и ТЕХНИКА
Турбопаровоз на воздушной жел. дороге (см. стр. 22)

М. Ильин.
Рассказ о великом плане
(1931)

В 1931 году одна из статей в первом номере нового журнала «Социалистическая реконструкция и наука» заканчивалась так: «Слово “пятилетка” стало международным, оно не переводится уже, как и слово “советы”, а между тем грамотных сведений о нашем строительстве, особенно в Англии, почти нет совершенно. Чтобы сказать, как велик этот интерес, достаточно отметить, что детская книжка, изданная у нас, “Рассказ о великом плане работ”, была издана для взрослых и распространена в 170 тыс. экземплярах в Соединенных Штатах и отдельным изданием в Англии под названием: “Россия имеет план”».

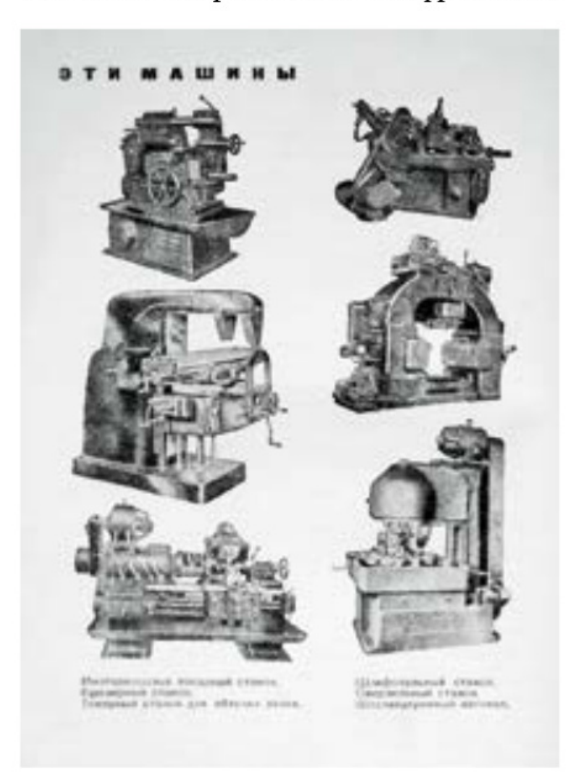

Домна №4 Макеевского завода. В 1930 г. это была самая большая домна в Союзе

Случай действительно уникальный: не так уж и много примеров в истории, когда научно-популярная книга для юношества, да еще изданная на русском языке, в СССР, вызывала буквально мировой резонанс. А с книгой «Рассказ о великом плане» именно так и получилось. В чем же причины произведенного этой публикацией эффекта?

«В пятилетнем плане при всем обилии революционной шумихи прежде заключена некая русская идея, более того, собственно русская идея, – совсем уж неожиданно точно подметил в 1929 году немецкий историк Гюстав Меке. – Пятилетний план экономического развития России – это не что иное, как переложенная в цифры вечная борьба России за свою независимость…». В цифрах первая советская пятилетка (1928–1932) выглядела так.

В 1929–1933 гг. основные фонды промышленности, которые к тому времени находились в катастрофическом состоянии, были

обновлены на 71,3%, причем не менее 2/3 – за счет импорта. Вообще, по экспертным оценкам, за период индустриализации в СССР ввезли 300 тысяч станков. За первую пятилетку (1928–1932 гг.) в СССР в капитальное строительство было вложено 8 млрд рублей – вдвое больше, чем за предыдущие 11 лет.

Особенно высока в общем объеме ввозимых в СССР товаров была доля машин и оборудования. И этот показатель в первой пятилетке шел нарастающим темпом: в 1929 г. – 30,1%; в 1930 г. – 46,8%; 1931 г. – 53,9%; в 1932 г. – 55,7%. Советский Союз вышел на первое место в мире по импорту машин и оборудования. В 1931 году около одной трети, а в 1932 году – около половины мирового экспорта машин и оборудования направлялось в Советский Союз. В общем, ничего удивительного, что Меке заключает: «К американской технике, которую они ревностно берут на вооружение, русские добавляют и нечто совершенно свое. Это план».

Научно-популярный жанр тоже не остался в стороне от этого феномена. Почти идеальная синхронизация мощного индустриального и научно-технического развития с ростом тиражей научно-популярной литературы – эта закономерность наблюдается в странах с совершенно разным политическим устройством. Совпадения между взрывным ростом интереса к научно-популярному жанру и уровнем промышленного и научно-технического развития в тех или иных странах настолько многочисленны и очевидны, что можно, пожалуй, говорить о некоей социальной закономерности. Она находит постоянные подтверждения и в истории нашей страны.

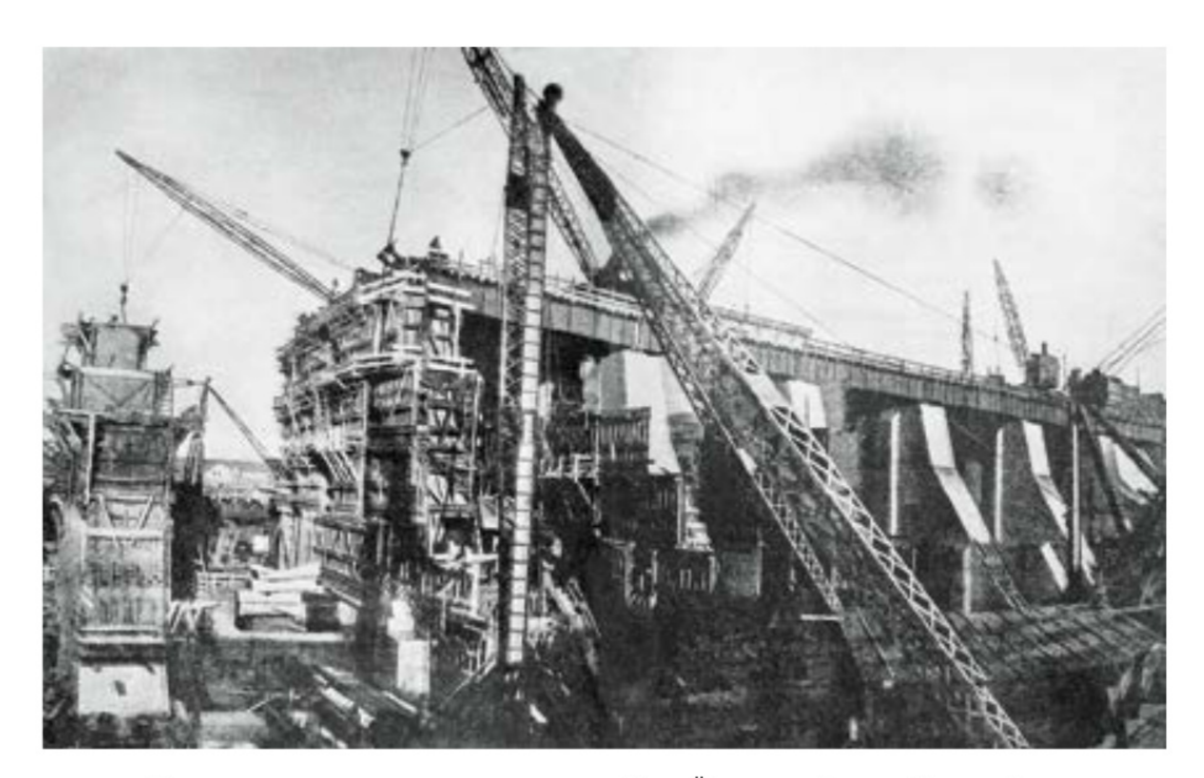
Так, Ф. Бублейников и И. Иноземцев, авторы статьи в журнале «Техническая книга» (№11, 1937 г.) с пафосом подчеркивали: «Книги М. Ильина, известного нашим читателям главным образом своим “Рассказом о великом плане”, представляют интерес как один из образцов советской популярной литературы. Начав свою деятельность с небольших по объему книжечек, описывающих историю различных вещей… Ильин создал большую книгу художественных очерков о переустройстве природы в Стране социализма (“Торы и люди”).

В этой книге, как и в “Рассказе о великом плане”, Ильин выходит из пределов комнаты на необъятные просторы нашей родины – на поля и новостройки.

В книгах Ильина появляются новые герои – машины, бурящие землю, грызущие уголь, сосущие ил и песок с речного дна. Анархии и развалу, царящим в капиталистических

Торфяная электростанция "Красный Октябрь"

странах, Ильин противопоставляет величие плановой социалистической стройки».

Судьба одной из упомянутых книг Ильина – «Рассказ о великом плане» (1-е изд. – 1930 г.) – удивительна.

Прежде всего, надо сказать, что М. Ильин – это литературный псевдоним Ильи Яковлевича Маршака, младшего брата Самуила Маршака. (Кстати, в книге приводится стихотворение С.Я. Маршака: «Человек сказал Днепру: / Я стеной тебя запру...») Инженер-химик по образованию, Илья Маршак еще в студенческие годы начинает сотрудничать с очень популярным в те годы познавательным журналом «Новый Робинзон» – там он ведет иллюстрированную химическую рубрику. Там же впервые он использовал и свой псевдоним – М. Ильин.

Поначалу Ильин хотел написать небольшую брошюрку – иллюстрацию к некоторым цифрам принятого пятилетнего плана (а это был документ на 1680 страниц – таблицы, графики, диаграммы!). Ничего удивительного, что формат брошюры сам собой разросся до полноценной книги. «Огромное значение имело и то, что в книге воедино слиты – наука, экономика и политика, – отмечал советский литературовед Алексей Глухов. – “Рассказ о великом плане” был единственным произведением, которое дало читателю образ пятилетки в целом».

«Фактически каждая страница говорит о гении», – ни много ни мало заявлял директор Педагогического института в Нью-Йорке профессор Каунтс. К нему книга Ильина попала с подачи Максима Горького. Сам Горький вспоминал, что он «читал <«Рассказ о великом плане»> и смеялся от радости». В Нью-Йорке и Бостоне книга М. Ильина вышла в 1931 году под названием «Азбука новой России». Но профессор Каунтс сам перевел ее на английский и, не дожидаясь опубликования, переплетенные шесть экземпляров машинописи передал в библиотеку Педагогического института.

Французский поэт Поль Элюар специально отмечал высокие художественные достоинства «Рассказа о великом плане», называя М. Ильина поэтом пятилетних планов.

Ромен Роллан 31 марта 1932 года, прочитав «Рассказ о великом плане», пишет руководству «Госиздата»: «Среди книг недавно присланных мне... я обнаружил своего рода маленький шедевр. Это книга для детей – “Рассказ о великом плане” Ильина. Я хотел бы, чтобы она была переведена и опубликована на всех языках. Никакая другая книга так непосредственно, доступно и популярно не помогает понять великое значение героической работы СССР. Надо было бы распространить ее среди масс Запада. Думаю, что подобные книги в качестве средств пропаганды пробуждают творческую и созидательную активность СССР и гораздо более действенно, чем труды полемические и критические».

В этом же письме Ромен Роллан определяет не только идеологическое, но и акту-

альное политическое значение этой «книги для детей». «В настоящий момент на Западе дает себя чувствовать тенденция столь же двуличная, как и опасная, – пишет Роллан, – приравнять индустриализацию советскую к индустриализации американской и политические успехи СССР к "успехам" фашистской Италии. Совершенно необходимо показать пропасть, которая отделяет эти две концепции, потому что слишком много умов на Западе дают себя увлечь в эту гибельную неясность, которая часто поддерживается и используется врагами СССР». Заканчивает свое письмо Роллан просьбой: «Могли бы вы прислать мне еще один экземпляр книги Ильина ("Рассказ о великом плане")? Я хотел бы широко ознакомить с ней окружающих меня людей».

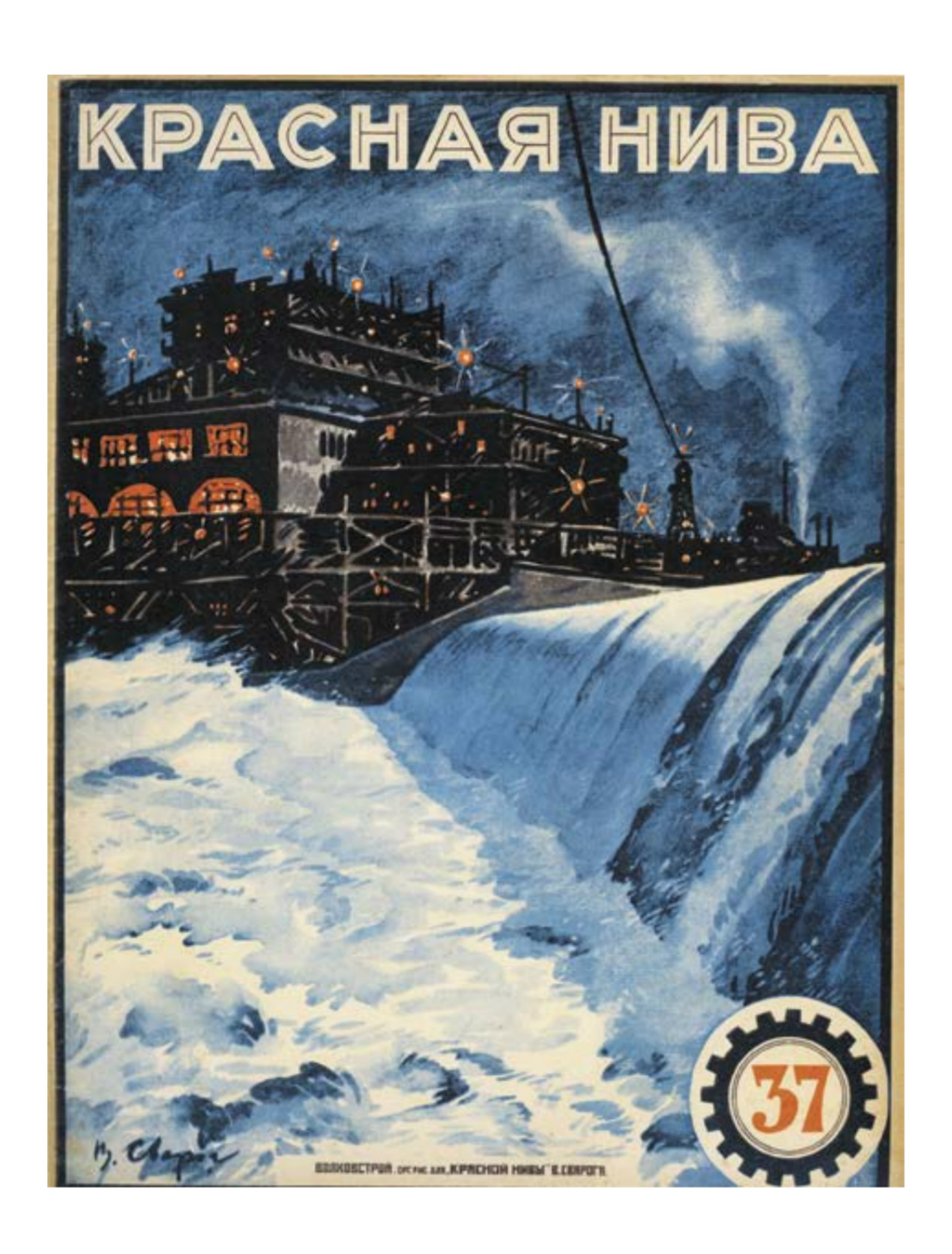
И действительно, очень быстро после опубликования книги Ильина в СССР последовали иностранные издания «Рассказа о великом плане» – Америка, Англия, Франция, Германия, Чехословакия… Появляются ее переводы в Японии, Корее, Голландии, Мексике, Аргентине – всего она была переведена в двадцати странах.

Закономерно, что уже в 1930 году книга выходит вторым изданием и в СССР, в «Дешевой библиотеке Госиздата» (цена каждого номера «Дешевой библиотеки» – 10 копеек). Тираж только этого 128-страничного издания составил 100 тысяч экземпляров. А к 1936 году вышло уже шесть изданий «Рассказа о великом плане». В нашей «Библиохронике» представлено довольно редкое – третье издание.

Сам М.Ильин признавался: «Я не могу не писать и не могу писать спокойно. Ведь я не просто рассказываю о плане, а вербую людей для работы».

М. Ильин (Илья Яковлевич Маршак) (1895–1953).
Рассказ о великом плане / 3-е изд., Москва, Ленинград: ОГИЗ – Молодая гвардия, 1931. – 216 с. Тираж 50000 экз. 22,5x17,3 см. Обложка, рисунки и оформление М. Разулевича.

КРАСНАЯ НИВА
37
ВОЛХОВСТРОЙ. ОРГ. РИС. ДЛЯ „КРАСНОЙ НИВЫ" В. СВАРОГА

КРАСНАЯ НИВА
RENAULT
42

53

Борис Гессен. Социально-экономические корни механики Ньютона (1934)

С 27 июня по 3 июля 1931 года в Лондоне проходил II Международный конгресс по истории науки и техники. В работе конгресса участвовали около 250 делегатов из 25 стран. Была там и делегация из СССР. Для советских ученых это было одно из первых официальных международных научных мероприятий, куда они были приглашены после изоляции 1920-х годов. И высшее партийное руководство СССР, естественно, придавало этому визиту не только сугубо научное значение, но, прежде всего, идеологическое: советские ученые должны были продемонстрировать «в логове империализма» все преимущества марксистской методологии в изучении истории науки.

Борис Михайлович Гессен, 1893–1936 гг.

В состав нашей делегации входили восемь человек: академики Н.И. Бухарин, В.Ф. Миткевич, А.Ф. Иоффе, Н.И. Вавилов, а также профессора М.О. Рубинштейн, Б.М. Завадовский, Э. Кольман и Б.М. Гессен. При этом Бухарин официально возглавлял советскую делегацию, а Кольман был ее партийным секретарем (собственно членами ВКПб были только трое – Бухарин, Гессен и сам Кольман). От Кольмана потребовали не спускать глаз с Бухарина и Гессена, как имевших «идеологический уклон». Все это было очень серьезно: буквально через несколько лет шестеро из этой восьмерки будут арестованы, а Н.И. Вавилову и Б.М. Гессену этот арест будет стоить жизни.

Но это будет, хоть и не в таком далеком, но все-таки – в будущем. И о таком исходе никто, конечно, не думал. Один из участников лондонского конгресса, М.О. Рубинштейн, через месяц после возвращения в СССР выступил в Коммунистической академии с подробным и весьма эмоциональным отчетом. «Устроители конгресса, несмотря на подчеркнутую вежливость, не особенно были рады нашему приезду, – отмечал Рубинштейн. – Для них советская делегация была инородным телом, которое нарушало уютный план работы конгресса. Если бы не советская делегация, конгресс прошел бы тихо, мирно, как ряд приемов, экскурсий и т.д. Внимание прессы было бы минимальное, и газеты ограничились бы сообщениями мелким шрифтом где-либо позади подробных отчетов о проходившем в это время в Лондоне Международном конгрессе пробователей вин. А тут вдруг весь этот шум прессы, два запроса в парламенте и т.д. – все для устроителей конгресса было "шокинг" и не входило в их расчеты. Делались попытки разделить советскую делегацию, но они конечно кончились полной неудачей».

Действительно, готовились к конгрессу основательно. Все 11 докладов членов советской делегации были изданы в виде отдельных брошюр, а по приезде в Лондон советская делегация добилась их выпуска и на английском языке в виде книги «Science on the Crossroads» («Наука на перепутье»). И доклад Бориса Михайловича Гессена, «Социально-экономические корни ньютоновских "Principia"», стал, несомненно, украшением всего конгресса, вызвал большое количество откликов как pro, так и contra.

«Стоит ли доказывать, что доклад об И. Ньютоне, сделанный советским ученым Борисом Гессеном в 1931 г. на II Международном конгрессе по истории науки в Лондоне, является по масштабам своего влияния одним из наиболее важных сообщений, когда-либо звучавших в аудитории историков науки?» – отмечал на страницах журнала «Вопросы истории естествознания и техники» (№2, 1993) выдающийся специалист по истории советской науки, профессор Массачусетского технологического института (США) Лорен Грэхэм. С чем же был связан такой успех?

«Впервые вопрос о научно-технических основах творчества Ньютона был поставлен

Б.М. Гессеном, работа которого о Ньютоне получила широкий резонанс в кругах историков науки, – отмечал российский историк Б.И. Козлов. – Несмотря на ограниченную источниковую базу, Б.М. Гессену удалось показать и непреходящий интерес Ньютона к технической практике, и некоторые более конкретные аспекты его научно-технической деятельности. Написанная полвека назад, эта работа безусловно актуальна и сегодня».

Б. М. ГЕССЕН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОРНИ МЕХАНИКИ НЬЮТОНА

ДОКЛАД
НА II МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ
ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГТТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ТЕХНИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1934 — ЛЕНИНГРАД

Вот как Гессен формулирует суть своего подхода к историко-научным реконструкциям: «Мы исследуем, прежде всего, вопрос о том, почему именно развитие промышленного капитализма, а не торгового капитала выдвинуло проблему паровой машины. Это объяснит нам, почему паровая машина становится центральным объектом исследования не в эпоху Ньютона, а в период, непосредственно следующий за ней, хотя изобретение паровой машины относится к эпохе Ньютона (патент Рамзая 1630 г.).

Таким образом мы увидим, что связь между развитием термодинамики и паровой машиной такая же, как и между техническими проблемами эпохи Ньютона и его механикой. <…>

Если Ньютоном не была поставлена и разрешена проблема сохранения энергии, то это случилось, конечно, не потому, что его гений был недостаточно силен.

Великие люди, как бы не был замечателен их гений, во всех областях формулируют и разрешают те задачи, которые были поставлены на очередь историческим развитием производительных сил и производственных отношений их эпохи».

Неслучайно, что в 1933 году доклад Б.М. Гессена выходит первым, а в 1934-м – вторым изданием в СССР. Эта книга и представлена в нашей «Библиохронике». Гессен так формулирует главную идею своего исследования: «…беглый обзор содержания “Начал” показывает полное совпадение физической тематики эпохи, выросшей из потребностей экономики и техники, с основным содержанием “Начал”, являющихся в полном смысле слова резюмированием и систематическим решением всего основного круга физических проблем. А так как все эти проблемы по своему характеру были проблемами механическими, то ясно, что и основной труд Ньютона явился обоснованием земной и небесной механики». Но при этом добавляет: «Было бы, однако, большим упрощением и даже вульгаризацией, если бы мы стали выводить каждую проблему, которой занимался тот или иной физик, каждую задачу, которую он решил, непосредственно из экономики и техники».

Как настаивает Лорен Грэхэм, «из того, что этот доклад был в некотором смысле продуктом советской политики, отнюдь не следует, что подход Гессена лишается смысла или перестает быть значимым за рамками этой политики».

Сегодня, задним числом, понятно, что начало 1930-х годов вообще, стало звездным часом для Бориса Гессена. Помимо участия в лондонском конгрессе историков науки и техники еще относительно молодой ученый получает должность профессора физики Московского университета, становится деканом физического факультета Московского государственного университета. Вскоре его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. То есть Гессен получает признание не только как историк науки, но и как физик. И в этом если и была натяжка, то совсем небольшая. Дело в том, что в 1913–1914 годах Борис Гессен учился на физико-математическом факультете Единбургского университета (Шотландия).

Кстати, учился вместе со своим другом и однокашником, будущим академиком и Нобелевским лауреатом по физике Игорем Евгеньевичем Таммом.

После начала Первой мировой войны Гессен вернулся в Россию и оформился вольнослушателем на физико-математический факультет Петроградского университета. В 1919 году вступил в РСДРП(б) и до 1924 года находился на партийной, советской и военной работе, участвовал в Гражданской войне… Про таких, как Б.М. Гессен, в конце 1920-х говорили: «марксист-интеллектуал». И не понятно, чего в этом определении было больше: искреннего уважения или открытой враждебности.

Тот же Э. Кольман многократно и очень жестко критиковал Б. Гессена за то, что тот пытался, – совершенно искренне! – совместить квантовую физику и теорию относительности с марксизмом. «Гессен был под сомнением в СССР, – отмечает Л. Грэхэм. – Он хотел показать: я – искренний марксист, но я и ученый, физик. И у меня уважение и к ньютоновской физике, и к эйнштейновской физике. Факт, что Ньютон был детищем капиталистического общества и что Эйнштейн был детищем империалистического общества. Но это не значит, что их физика неправильная».

В 1927 году в одной из статей Гессен утверждал: само по себе то, что, основываясь на теории относительности и квантовой механике, можно прийти к неприемлемым для марксистов заключениям, отнюдь не является причиной, по которой должно быть отброшено физической содержание этих теорий. Для ортодоксальных марксистов, набиравших как раз в то время влияние в официальной идеологии, такой подход был неприемлем.

Гессен к тому же происходил из среднего сословия (сын банковского служащего). Да еще и учился два года за границей! По тем временам – готовый состав преступления…

Историк физики Геннадий Горелик отмечает: «В статьях Гессена не найдешь сокрушительных ударов по идейным оппонентам и пригвождения их к позорным столбам. Не зря товарищи-марксисты в 1931 году критиковали его: «Эти статьи далеки от актуальных задач партии… В этих статьях большевистским духом и не пахнет». Отношение Гессена к новой физике ясно видно из такого обвинения: «У т. Гессена мы видим во всех его работах одну линию – преклонение перед буржуазными учеными, как перед иконами».

Очень существенно, что в выборе объектов преклонения Гессену было с кого брать

Лондон времен Ньютона. Вид больницы Бедлама, построенной по проекту Роберта Гука

пример. Это прежде всего его друг по гимназии Игорь Тамм (будущий нобелевский лауреат) и учитель друга Леонид Мандельштам. К обоим Гессен относился с глубоким почтением и в качестве директора НИИ физики МГУ сделал все возможное, чтобы оградить научную и педагогическую жизнь школы Мандельштама от социальных стихий».

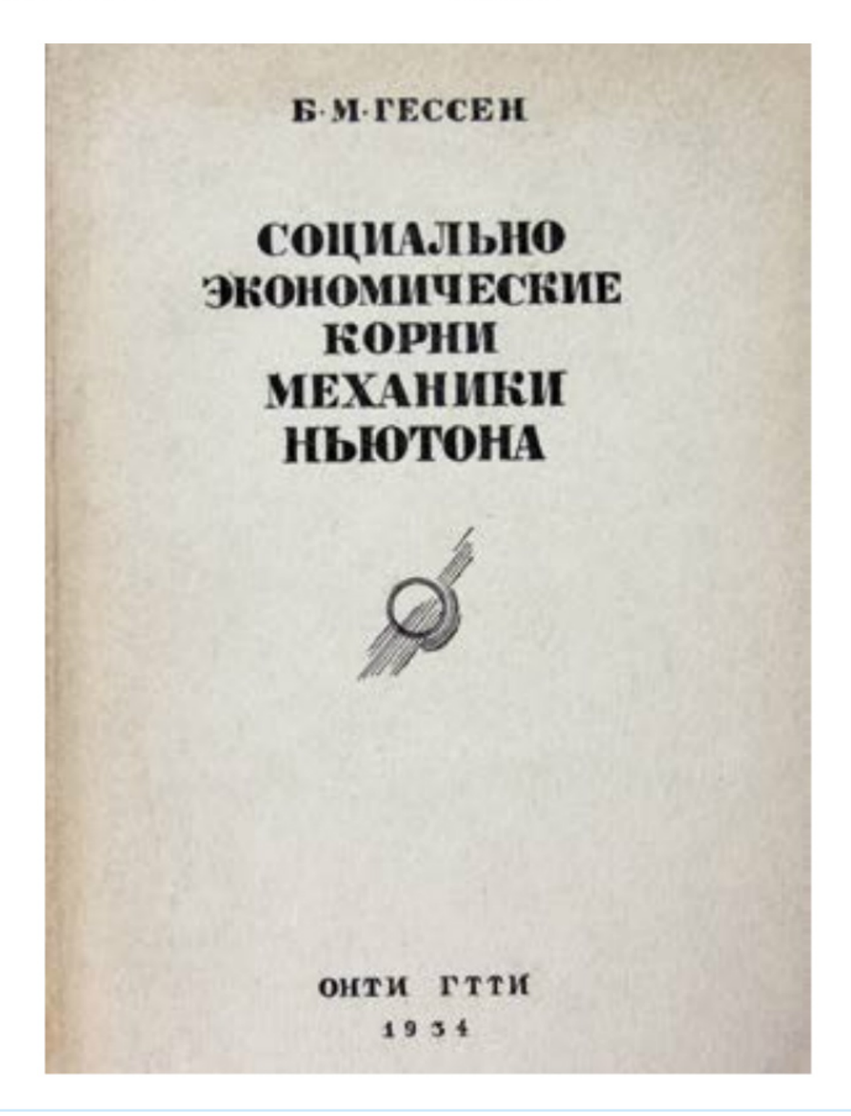
22 августа 1936 года Б.М. Гессен был арестован. Запись в его уголовном деле сообщает: «…участвовал в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей злодейское убийство С.М. Кирова и подготовившей в 1934–1936 гг. при помощи агентов фашистского гестапо ряд террористических актов против руководящих деятелей ВКП(б) и Советского правительства».

2 декабря 1936 года Военная Коллегия Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха приговорила Б.М. Гессена к высшей мере наказания – расстрелу. В тот же день приговор приведен в исполнение.

21 апреля 1956 года Военная Коллегия Верховного суда СССР отменила этот приговор в связи с отсутствием состава преступления.

29 апреля 1938 года на Общем собрании Академии наук СССР Борис Гессен задним числом был исключен вместе еще с несколькими учеными из АН СССР. Обоснование простое – как «направлявших свою деятельность во вред Союзу ССР».

В 1955 году, когда начался процесс реабилитации Бориса Гессена, положительные отзывы дали физик Игорь Тамм и… Эрнест Кольман.

Борис Михайлович Гессен (1893–1936).
Социально-экономические корни механики Ньютона. Доклад на II Международном Конгрессе по истории науки и техники / Издание второе. Москва – Ленинград: ОНТИ Государственное технико-теоретическое издательство, 1934. – 78 с. С портретом И. Ньютона. Тираж 7000 экз. 19,8х13,3 см.
Издательская шрифтовая обложка. На титульном листе блинтовое тиснение – «Широков».

№ 13 (107). Изд. газ. „ПРАВДА“.
5-й год издания.
Цена 35 коп.
ПРОЖЕКТОР
БУДЬ НА СТРАЖЕ!
Рис. Д. МООР.

КРАСНАЯ НИВА-25
В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД ТЕХНИКА РЕШАЕТ ВСЕ
Изд. «Известий ЦИК СССР и ВЦИК»
Рисунок худ. Ю. Пименова

Сергей Королев. Ракетный полет в стратосфере (1934)

Первая книга выдающегося советского учёного, организатора науки, главного конструктора, основоположника практической космонавтики Сергея Павловича Королёва (1906–1966) фактически останется и его единственной книгой. Были, конечно статьи в газетах, журналах, сборниках… Но книга – первая и последняя. Ни обстоятельства работы, ни жизненные обстоятельства ученого, инженера, конструктора не позволили ему больше подготовить, возможно, более обстоятельное издание, посвященное делу всей его жизни – космонавтике.

Родился Сергей Павлович в Житомире. Отец – преподаватель гимназии, мама – домохозяйка. В общем – из мещан. Родители вскоре развелись. Детство провел в Нежине, в доме деда, отца матери. Надо сказать, он был любимцем большой семьи. Но материнской заботы ему явно не хватало – Мария Николаевна в ноябре 1916 года вышла замуж за инженера из Киева Григория Михайловича Баланина. В начале 1917 года вместе с сыном Сережей новая семья переезжает в Одессу – отчим был назначен туда в Управление Юго-Западной дороги.

И вот здесь, в Одессе, еще совсем подростком, Сергей Королев «заболел» планеризмом. В 1924 году он поступает в Киевский политехнический институт на только что открывшееся там авиационное отделение. Проектирует и строит планеры. В 1926 году переводится в Московское Высшее техническое училище (МВТУ им. Баумана) сразу на третий курс. Слушает курсы «Динамика полета», Аэродинамический расчет самолета», «Конструкция самолета»… Лекции читают такие величины, как первый в России дипломированный инженер по самолетостроению Владимир Петрович Ветчинкин, уже тогда ведущий отечественный конструктор самолетов Андрей Николаевич Туполев. В 1929 году именно Туполев станет руководителем дипломной работы Сергея Королева – создание авиатеки.

С.П. Королев у двигателя ракеты Фау-2. Германия. Сентябрь 1945 г.

Много позже академик А.Н. Туполев вспоминал: «Королев был из числа самых “легких” дипломников: я сразу увидел, чего он хочет, достаточно было лишь слегка помогать ему, чуть-чуть подправлять. Я быстро убедился, что этот человек умеет смотреть в корень. Уже тогда у меня сложилось прекрасное впечатление о нем как о личности и как о талантливом конструкторе. Я сказал бы, что он был человеком, беспредельно преданным своему делу, своим замыслам».

Между тем замыслы Сергея Павловича очень скоро окончательно отошли от плане-

Ракета «09» перед стартом. Заливка кислорода в бак ракеты. Стоят (слева направо): С.П. Королев, Н.И. Ефремов, Ю.А. Победоносцев. 17 августа 1933 г.

ров, авиеток и самолетов и сконцентрировались, теперь уже на всю жизнь, на проблеме реактивного движения в космическом пространстве. Вот и малоформатная популярная книжка «Ракетный полет в стратосфере» была написана в очень интересное для С.П. Королева время. Впрочем, не только для него – для всей будущей отечественной космонавтики.

Дело в том, что в 1931 году по инициативе инженера Фридриха Артуровича Цандера (1887–1933) создается Группа изучения реактивного движения, легендарная ГИРД. Королев, работавший в то время в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ), вместе с Цандером сразу становится «мотором» ГИРД. Приказом Центрального совета Осоавиахима от 14 июня 1932 года «Начальником ГИРДа (в общественном порядке) назначается С.П. Королев с 1 мая с.г. …». Работы ведутся настолько интенсивно и успешно, что привлекают внимание заместителя председателя Революционного совета, начальника вооружений Рабоче-крестьянской Красной армии Михаила Николаевича Тухачевского. Он начинает пробивать идею создания единого ракетного центра на базе ГИРД – Реактивный ин-

С.П. Королев. Капустин Яр. Сентябрь 1948 г.

ститут. 31 октября 1933 года Совет труда и обороны принял решение о создании Реактивного НИИ. Заместителем начальника назначается С.П. Королев. Это покровительство выдающегося советского военачальника, как и мещанское происхождение, очень скоро трагически отзовется в судьбе Королева…

А пока, в конце июля 1932 года, Сергей Павлович пишет письмо в Ленинград замечательному популяризатору науки Я.И. Перельману:

«Многоуважаемый Яков Исидорович!

Простите, что так долго молчал, но дела меня так одолели, что нет ни минуты свободной...

Несмотря на большую нагрузку по линии разных экспериментальных работ, все мы очень озабочены развитием нашей массовой работы. <…> Поэтому нам надо не зевать, а всю громадную инициативу мест так принять и направить, чтобы создать определенное положительное общественное мнение вокруг проблемы реактивного дела, стратосферных полетов, а в будущем и межпланетных путешествий. Нужна, и конечно, в первую голову, и литература. А ее нет, исключая 2–3-х книжек, да и то не всюду имеющихся.

Мы думаем, что вполне своевременно будет издавать целую серию (10–15 шт.) небольших популярных книжечек по Р.Д. <реактивным двигателям>, причем в каждой книге осветить какой-либо один вопрос, например: "Что такое Р. Дв.", "Топливо для РД", "Применение Р. Дв." и т.д., популярных и в то же время технических книг, в дальнейшем могущих быть замененными серией более специальной литературы...»

Как раз этим требованиям отвечала деситомная (вышло девять томов) серия научно-популярных книг «Межпланетные сообщения» известного ленинградского профессора, авиатора, пропагандиста космонавтики Николая Алексеевича Рынина (1877–1942). Серия выходила в 1928–1932 годах. Представленный в нашем выпуске «Библиохроники» экземпляр книги «Ракетный полет в стратосфере», судя по всему, происходит из библиотеки Н.А. Рынина. История появления самой королевской книжки тоже любопытна.

31 марта 1934 года в Ленинграде открылась Всесоюзная конференция по изучению стратосферы. Оргкомитет конференции возглавлял физик, академик С.И. Вавилов. Открывая конференцию, Вавилов отметил: «Конференции нужно вынести решение о наиболее рациональных конструкциях стратостатов, о перспективах стратопланирования и ракетных полетах…» Фактически книга С.П. Королева – это расширенный и доработанный вариант его доклада на конференции. Даже название доклада перекликается с названием книги – «Полет реактивных аппаратов в стратосфере». Да и в самом тексте книги Королев несколько раз ссылается на результаты, доложенные на Стратосферной конференции.

Из издательской аннотации книги: «Автор инженер-летчик С.П. Королев в своем труде обрисовывает значение борьбы за достижение больших высот полета и характеризует возможности реактивных летательных аппаратов как важнейшего средства к достижению этой цели. В труде разбираются опыты, производившиеся с ракетными летательными аппаратами; впервые в нашей литературе излагается схема современного реактивного мотора и указываются вопросы, разрешение которых позволит осуществить реактивный полет в стратосфере».

Вопросы, которые упоминаются в этой аннотации, как раз разбирались во многих докладах на конференции в Ленинграде. Скажем, воздействие ионизирующего излучения и влияние на организм больших ускорений. В авторском предисловии подчеркивается,

что «Цель настоящей работы в том, чтобы кратко, в популярной форме изложить принцип действия и устройство некоторых существующих систем ракетных двигателей и аппаратов.

Так как среди всех работ наибольший интерес представляют полеты в стратосфере, то этому вопросу уделено наибольшее внимание…». И подпись: «Инж. С. Королев. Реактивный научно-исследовательский институт. Москва, сентябрь 1934 г.».

Эта небольшая по объему книжечка сыграла очень важную роль в становлении самой идеологии космических, в том числе межпланетных, полетов. Королев приводит очень четкую систематизацию основных схем ракетных двигателей в зависимости от применяемого топлива:

«1) ракетные двигатели на твердом топливе, содержащем в себе и горючее вещество и необходимый для горения кислород;

2) ракетные двигатели на жидком топливе и жидком окислителе;

3) воздушные ракетные двигатели, работающие на твердом, жидком или газообразном топливе и берущие нужный для горения кислород из окружающего воздуха». В соответствующих главах своей книги С.П. Королев дает характеристику, расчеты, схемы работы каждого из перечисленных типов двигателей. В итоге он приходит к однозначному выводу:

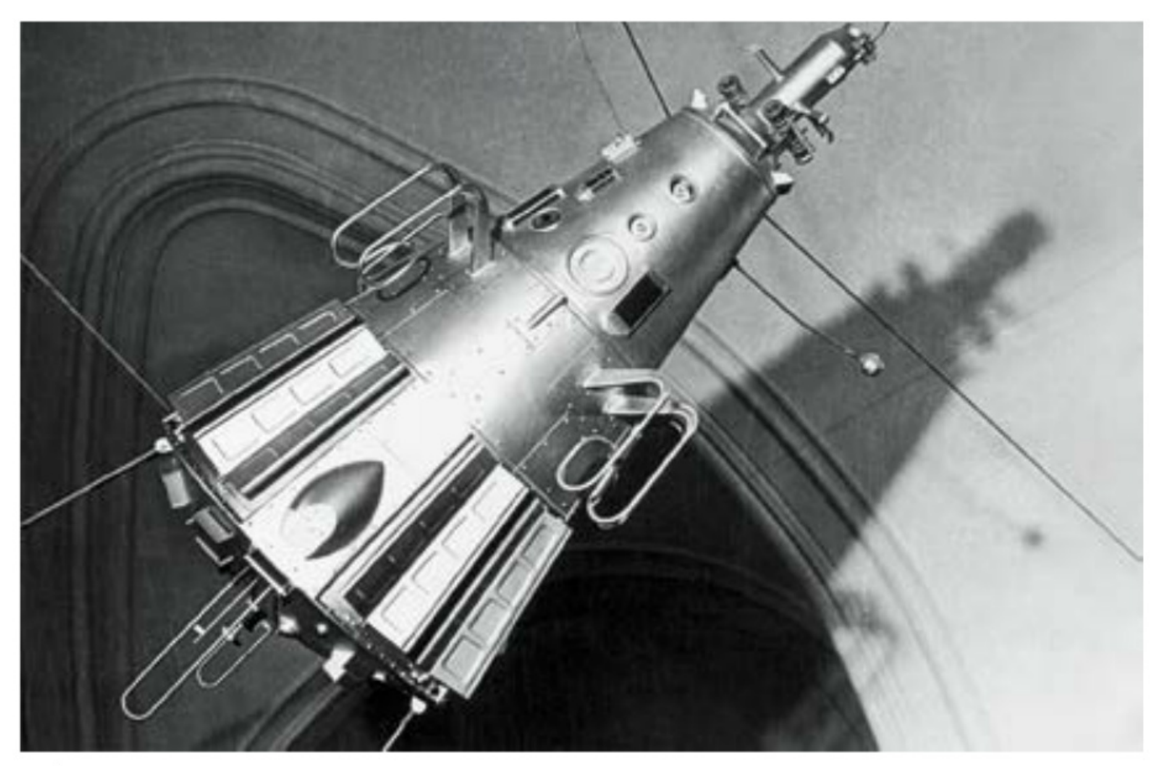
«Современный самолет, с его кажущимися нам громадными скоростями, так же непригоден для установки ракетных моторов. Достаточно посмотреть на разобранные в предыдущем изложении примеры ракетного планера и высотного самолета и сравнить их с составной ракетой Оберта и др. В первом случае – неуклюжий тяжелый взлет перегруженного аппарата, полет в течение коротких минут на практически ничтожной высоте и затем посадка туда, куда придется, так как мотор остановлен из-за израсходования всего горючего. В другом случае – мгновенный легкий взлет, скорости во много сотен метров в секунду и громаднейшие высоты.

Отсюда можно сделать два вывода.

Первый – это необходимость и целесообразность применения ракет, сразу развивающих достаточные скорости и испытывающих поэтому весьма значительные ускорения. Это – задача сегодняшнего дня.

Второй – полет человека в таких аппаратах в настоящее время еще невозможен. Повторяем еще раз, что в данном случае имеется в виду не подъем, а полет по некоторому заданному маршруту с работающим мотором».

Увы, Королеву не дали продолжить заниматься ни задачами сегодняшнего дня, ни дня завтрашнего… В СССР разворачивается страшная по своим и стратегическим для страны, и психологическим для населения

Модель третьего советского искусственного спутника Земли. 1958 г.

Академик, президент АН СССР Мстислав Келдыш и Сергей Королев на свадьбе комонавтов Валентины Терешковой и Андриана Николаева. Москва, 3 ноября 1963 г. Фото Александра Устинова

последствиям кампания борьбы с врагами народа и шпионами. Одно из самых громких дел – так называемый заговор военных. За 1937–1938 годы были сменены все (кроме С.М. Буденного) командующие войсками округов, а также все их заместители и начальники штабов округов, 88% командиров корпусов, 98% командиров дивизий и бригад, 79% командиров полков, 87% командиров батальонов и дивизионов, 100% состава облвоенкомов.

Фигурантов дела о «заговоре военных» расстреляют через 40 минут после окончания суда в ночь на 12 июня 1937 года. А за сутки до гибели маршал Тухачевский составил «План поражения» (так его назвали следователи) и адресовал его лично Сталину. В этом документе он дал подробный и, как показали последующие события, очень точный прогноз развития военно-политической ситуации в Европе в ближайшие годы и направления возможного удара Германии против СССР в будущей войне. Сталин обратит на него внимание лишь в июне 1941 года – в самые первые дни Великой Отечественной войны.

Обратим внимание на такую деталь: книжку «Ракетный полет в стратосфере» выпустило именно Государственное военное издательство. Ничего удивительного, что через год после ареста и расстрела Тухачевского, 27 июня 1938 года, арестовывают и Королева и других сотрудников Реактивного института. Королеву предъявлено обвинение во вредительстве. Он шел по первой, расстрельной категории. 27 сентября 1938 года ему вынесен приговор: 10 лет исправительно-трудовых лагерей, 5 лет поражения в правах. После Бутырской тюрьмы в Москве – Колыма, работа на золотом прииске…

А в это время, в 1939 году успешно проходят испытания крылатой ракеты по проекту С.П. Королева; дальность полета рекордная по тому времени – 50 км. В это же время разработаны два ракетоплана с жидкостными реактивными двигателями – тоже конструкции Королева.

В 1940 году С.П. Королеву сокращают срок до 8 лет и отправляют в московскую спецтюрьму – ЦКБ-29, так называемую шарашку. Там он встречается с отбывающим срок руководителем своего дипломного проекта А.Н. Туполевым и под его руководством работает над созданием бомбардировщиков Пе-2 и Ту-2. Но мечта о ракетном полете не оставляет его и здесь. Он инициативно начинает заниматься проектом ракетного перехватчика. В итоге в 1942 году Королева переводят в другое КБ тюремного типа – ОКБ-16 при Казанском авиазаводе №16.

В 1943–1944 годах заключенный С.П. Королев пишет несколько служебных записок руководству страны с конструктивными предложениями. В начале 1943 года он был назначен главным конструктором группы реактивных установок. Королев подчеркивает катастрофическую нехватку людей. Ворошиловы и Буденные не могли бы выиграть войну у Германии – одной из наиболее технически развитых в то время стран. (По злой иронии судьбы, книге С.П. Королева «Ракетный полет в стратосфере» предпослан эпиграф: «Кто силен в воздухе, тот в наше время вообще силен. К. Ворошилов».)

В июле 1944 года по личному указанию И.В. Сталина С.П. Королёв досрочно освобожден из заключения со снятием судимости, но без реабилитации.

Впервые его имя в качестве руководителя советской космической программы появляется в постановлении Совета Министров СССР «О плане научно-исследовательских работ по ракетам дальнего действия на 1953–1955 гг.» от 13 февраля 1953 года:

«Сов. Секретно (особая папка).

Совет Министров Союза ССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить план научно-исследовательских работ по ракетам дальнего действия на 1953–1955 гг. согласно Приложению. <…>

Работа завершается изготовлением экспериментальных ракет в количестве 7 штук в 1 квартале 1955 г. и проведением стендовых и летных испытаний в 1955 г.

Головной исполнитель темы – НИИ-88 Министерства вооружения, главный конструктор т. Королев С.П., заместитель главного конструктора т. Мишин В.П., директор НИИ-88 т. Янгель М.К.». И – подпись: «Председатель Совета Министров Союза ССР И. Сталин».

А реабилитирован Королев будет только в 1955 году…

Итак, человек, благодаря которому наша страна стала первой космической державой в мире, 17 лет официально числился «врагом народа». Шесть лет из этих 17-ти он провел в тюрьмах и лагерях. Но все это будет несколько позже – и тюремные издевательства, и признание, и слава главного конструктора ракетной техники в Советском Союзе. А книгу свою Сергей Павлович Королев в 1934 году заканчивал так:

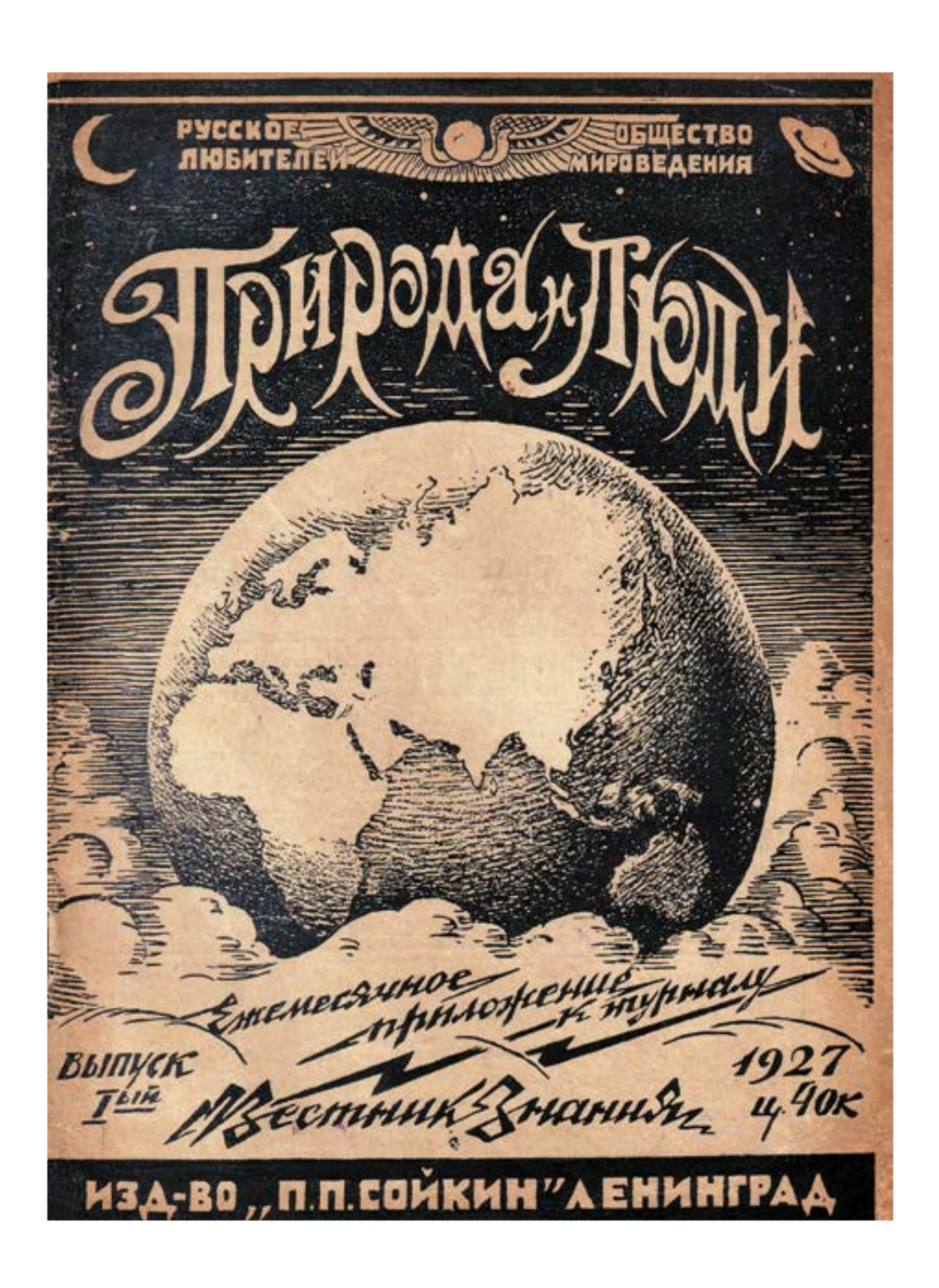
«Мы уверены, что в самом недалеком будущем ракетное летание широко разовьется и займет подобающее место в системе социалистической техники. Ярким примером тому может служить авиация, достигшая в СССР такого широкого размаха и успехов. Ракетное летание несомненно может претендовать в своей области применения вряд ли на меньшее, что со временем должно стать привычным и заслуженным».

Королёв, Сергей Павлович (1906–1966)

Ракетный полет в стратосфере – М.: Государственное военное издательство, 1934. – 111 с.: ил.; 17,5 х 12,7 см. Тираж 20 000 экз.

В цветной иллюстрированной издательской обложке. Хорошая сохранность. Предположительно экземпляр из библиотеки профессора А.Н. Рынина, о чём свидетельствует отметка (шифр) на 2 с. обложки.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ МИРОВЕДЕНИЯ
Природа и Люди
Ежемесячное приложение к журналу
Выпуск 1ый
Вестник Знания
1927
ц. 40к
ИЗД-ВО „П.П. СОЙКИН" ЛЕНИНГРАД

N8 КРАСНАЯ ПАНОРАМА
Ц.10 К
СЕХ СТРАН
ЯЙТЕСЬ
РККА
1918 25/II 1928
Вениамин Белкин.

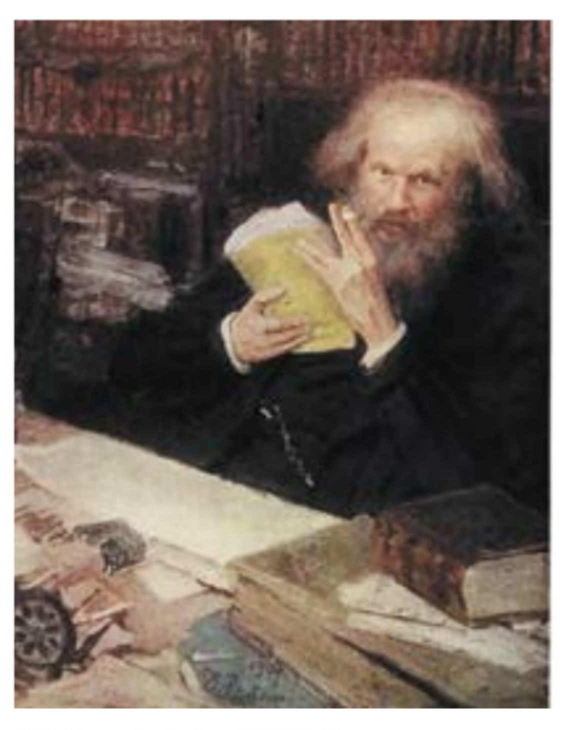
«Юбилейному Менделеевскому съезду в ознаменование 100-летней годовщины со дня рождения Д.И. Менделеева» (1934)

И.С. Тургенев в 1853 году писал К.С. Аксакову: «Всякая система – в хорошем или дурном смысле этого слова – не русская вещь». И даже спустя много лет, уже под конец жизни, писатель остался в этой уверенности: «Систематичность чужда русскому человеку».

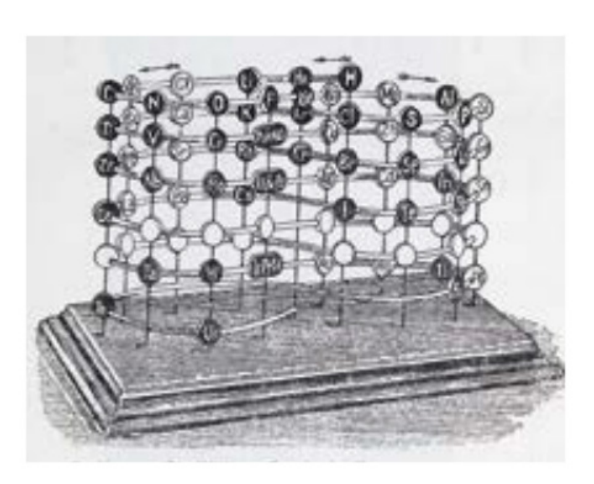
«Трудно сказать, что побудило великого русского писателя с такой категоричностью отрицать у русского человека способность к систематичности, – замечал по этому поводу в 1969 году химик, профессор Ленинградского государственного университета С.А. Щукарев. – Ясно одно: Менделеев своим примером опроверг тезис Тургенева и показал, с каким размахом и силой русский человек может не только собирать и систематизировать факты, но и создать или, вернее, открыть систему, составившую новую основу не только химии, но в значительной мере и всего современного естествознания. Систему, о которой автор ее писал: "Закон очень нов и глубоко проникает в природу химических явлений, и я, как русский, горжусь тем, что участвовал в его установлении"».

Систематики и систематизация – это становой хребет и научного сообщества, и науки. Великие систематики очень часто были и великими коллекционерами: Аристотель (собирал коллекцию растений); Ньютон (коллекционировал научные и химические приборы, оптику); Линней (гербарии, растения, естественнонаучные диковины); Ломоносов (библиофил, коллекционировал минералы); Дарвин (этот чего только не коллекционировал!).

Менделеев собирал открытки, билеты, квитанции, программки – отовсюду, где бывал (кстати, чемоданы для путешествий любил мастерить сам)… Летом 1902 года Дмитрий Иванович заканчивает работу по описанию 1300 томов-конволютов (!) личной библиотеки: свои собственные статьи, статьи коллег, вырезки из самой различной периодики на самые различные темы, письма – все аккуратно подбиралось и переплеталось в тематические тома. Переплеталось собственноручно! Именно поэтому современным историкам очень комфортно заниматься изучением жизни и творчества Менделеева. И слава богу! Вот, например, хронология начального периода развития периодического закона и системы элементов (составлена замечательным российским историком химии Д.Н. Трифоновым в 1969 году):

И.Е. Репин. Портрет Д.И. Менделеева

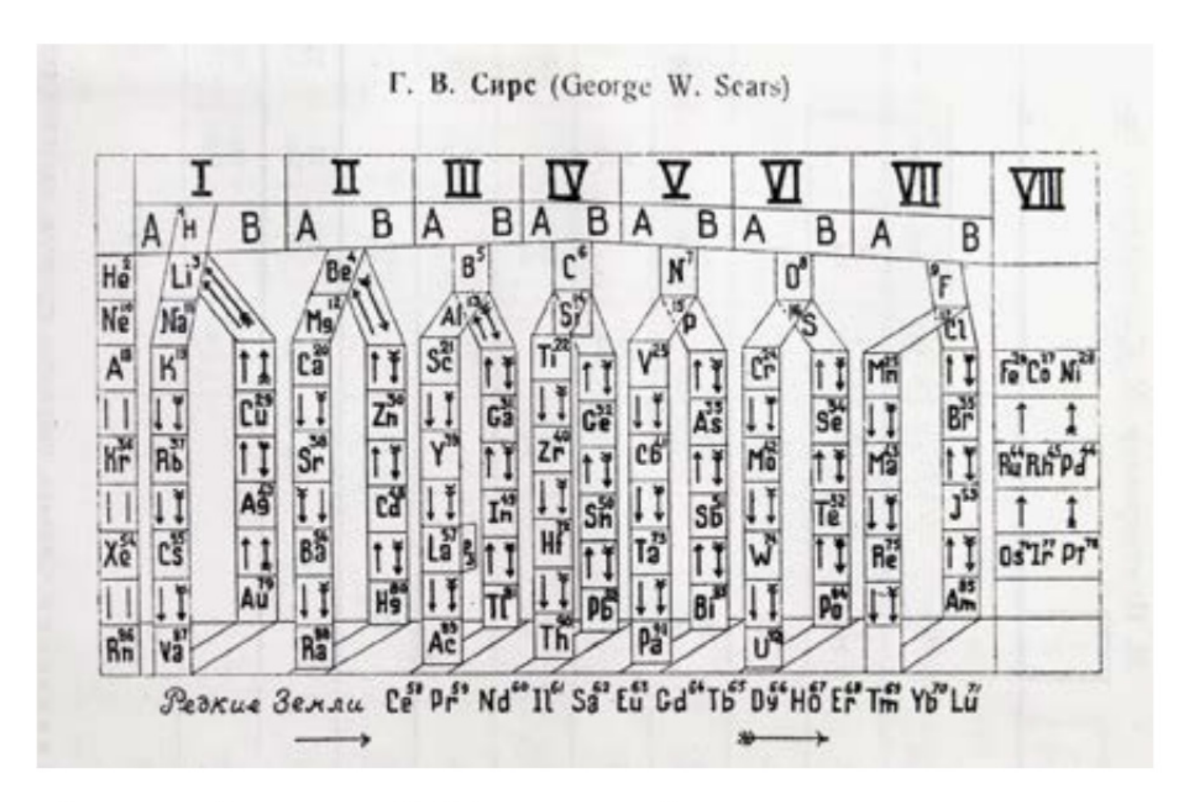
В. Крукс. «Генезис элементов»

1869

1 марта. Открытие периодического закона. Разработан первый вариант периодической системы, который под заглавием «Опыт системы элементов, основанный на их атомном весе и химическом сходстве» Менделеев отправил в типографию.

14 марта. Менделеев рассылает «Опыт системы...» некоторым русским и иностранным химикам и передает Н.А. Меншуткину статью «Соотношение свойств с атомным весом элементов» для напечатания в «Журнал русского химического общества».

19 марта. Меншуткин на заседании Русского химического общества от имени Менделеева излагает содержание статьи.

Конец года. Выход книги В. Добровольского (Киев) «Материалы для химии бора и его соединений», в которой впервые упоминается о периодическом законе.

1870

Июль – сентябрь Менделеев приходит к выводу о необходимости изменения атомных весов In, Y, Ce, Th и U и предлагает для них новые (соответствующие современным) места в периодической системе. Разработка короткой формы таблицы элементов.

1871

Апрель. В статье «К вопросу о системе элементов» Менделеев впервые называет свою систему «периодической» в отличие от ее прежнего названия: «Естественная система элементов».

Июль. Менделеев заканчивает обобщающую статью «Периодическая законность химических элементов», в которой изложены основные положения его открытия. Впервые напечатана в ноябре 1871 г. в немецком журнале Liebig's Annalen…

Русский философ, живущий ныне в ФРГ, Борис Хазанов заметил в своей книге «Миф Россия»: «Великим теориям присущ деспотизм... Подобно империям, великие теории стремятся поработить мир. Родившись в лоне частной науки, в рамках отдельной дисциплины, теория распространяется на другие области знания, ширится и обрастает вассальными княжествами». И в этом смысле Периодическая система химических элементов, созданная Менделеевым, оказалась сверхимперией. Еще бы, ведь в науку был привнесен универсальный принцип системы! А вот насколько она универсальна – об этом хорошее представление дает небольшой сборник, представленный в «Библиохронике». История его такова.

В 1934 году в СССР проходил Седьмой (юбилейный) Менделеевский съезд. По распоряжению Оргкомитета по созыву Юбилейного Менделеевского съезда для его делегатов готовится «…небольшая сводка попыток классификации химических элементов до Д.И Менделеева и вариаций периодической системы, предложенных при жизни и после смерти его». Составители подчеркивали, что этот сборник «ни в коей мере не может претендовать на полноту»: «По техническим причинам (времени и места) далеко не все предложенные варианты систем химических элементов нашли место (напр., Эрдмана, Пальмера, Никольсона и мн. др.). Но все же и приведенная сводка наглядно свидетельствует о том, какой интерес возбудила основная идея Д.И. Менделеева и насколько неисчерпаемы те проблемы, которые с нею связаны и из нее вытекают. Сопоставление в заключение свойств элементов, предсказанных Д.И. Менделеевым, с фактически найденными представляет редкий в истории науки пример блестящего научного предви-

дения». И, добавим мы, увы, нередкий случай в истории России бюрократического сведения счетов с учеными…

В трудах Юбилейного Менделеевского съезда была опубликована статья академика С.И. Вавилова «Физика в научном творчестве Д.И. Менделеева». Приведем из нее начальные строки.

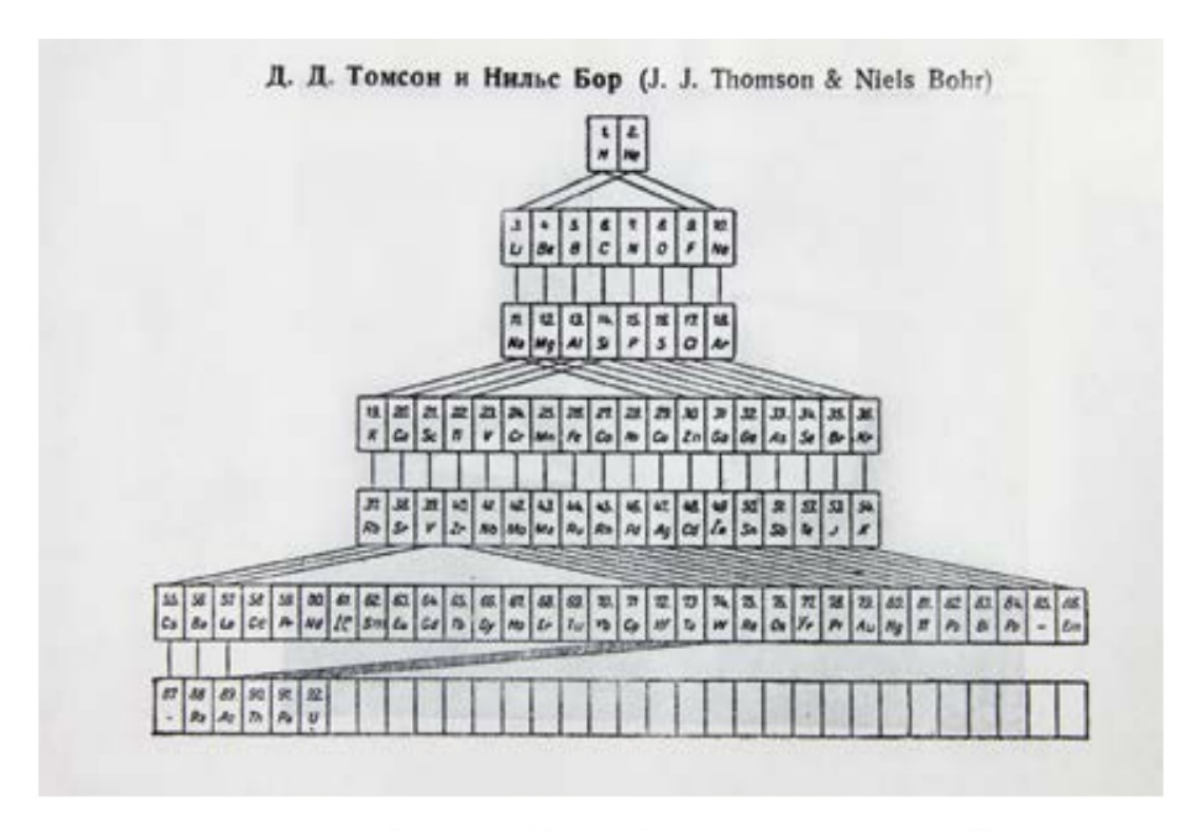
«Гений Д.И. Менделеева некоторыми чертами своими родствен Леонардо, Лейбницу, Ломоносову и Гёте, – пишет С.И. Вавилов. – Хронологический список его почетных трудов поражает кажущимся беспорядком чередования совершенно несходных тем и областей. Статьи по химии и физике переплетаются в странной броуновской пляске с вопросами технологии, горного и нефтяного дела, материалами по спиритизму, метеорологией, экономическими исследованиями и заметками о живописи. Личная библиотека Д.И. Менделеева осталась не менее выразительным памятником разносторонности интересов ее владельца и одновременности этих интересов. Под одним переплетом, сделанным руками хозяина, очень часто соединены романы с химическими диссертациями и математическими сочинениями. Этот универсализм не выродился в дилетанство, удивительным образом он сочетался с обстоятельностью, практичностью и обязательной оригинальностью. Напряженная духовная деятельность дополнялась проявлением необычной практической активности. Ведение хозяйства в имении Менделеева и дерзкий полет на аэростате во время затмения 1887 г. – тому примеры. Совершенно своеобразный, импрессионистский характер литературного стиля Менделеева, проявившийся уже в первых его научных публикациях, например в диссертации об изоморфизме, – одно из объективных свидетельств особенности его мышления и его естественных художественных задатков».

И этот «русский Леонардо» так и не был принят академическим сообществом России в ряды своих действительных членов. Причем было несколько попыток…

11 ноября 1880 года в Петербургской Академии наук состоялись выборы на вакансию академика по технологии и прикладной химии. В представлении на кандидатуру Д.И. Менделеева, подписанном такими выдающимися учеными с мировым именем, как А.М. Бутлеров, П.Л. Чебышев, Н.И. Кокшаров и И.Ф. Овсянников, отмечалось: «Профессор Менделеев первенствует в русской химии, и мы смеем думать, разделяя общее мнение русских химиков, что ему принадлежит по праву место в первенствующем ученом сословии Российской империи. Присоединением проф. Менделеева к своей среде Академия почтит русскую науку, а следовательно, и себя самое, как ее духовную представительницу». В академии тогда было всего четыре академика по химии. Но создатель периодического закона был забаллотирован: два решающих черных шара положил тогдашний президент академии Ф.П. Литке.

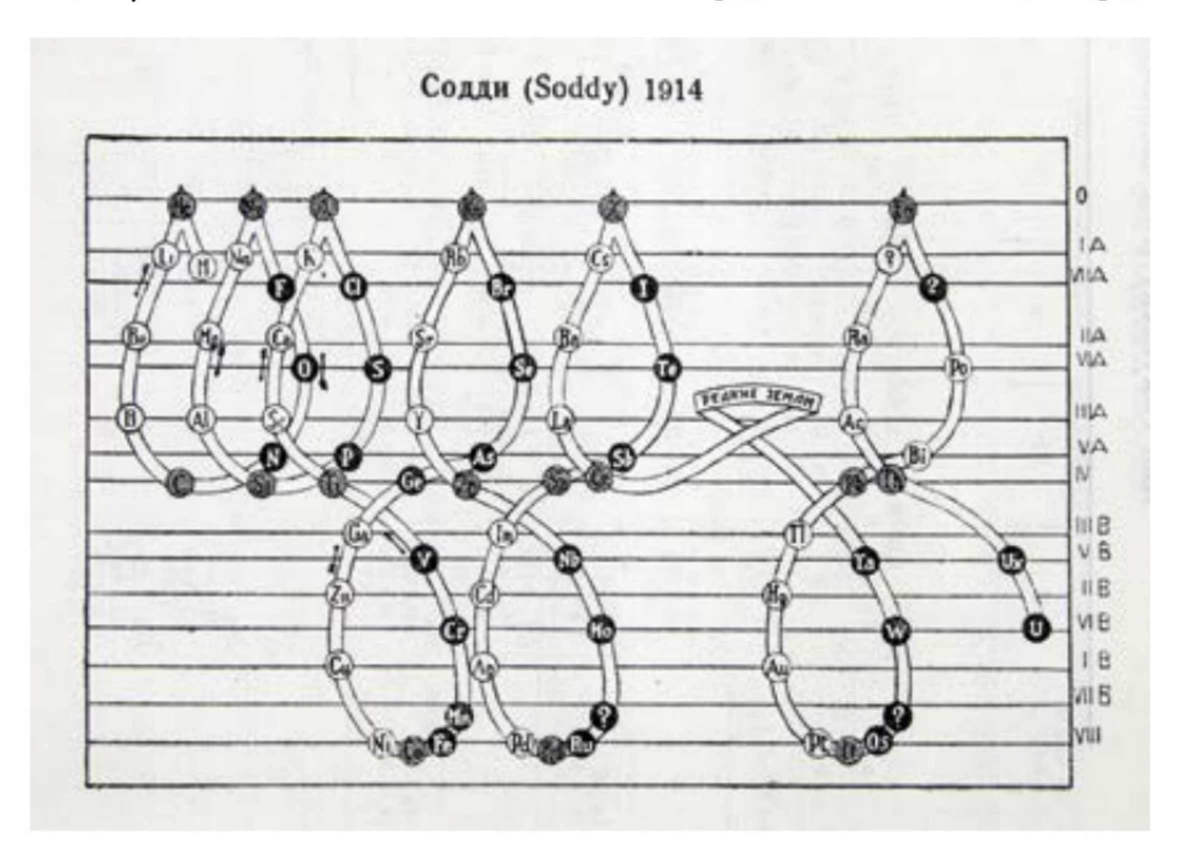
Менделеев хорошо понимал, что его забаллотировали в Академию по социально-политическим мотивам, из-за его отношения к науке как к новой общественной силе, требующей совершенно особого подхода и внимания со стороны государства. Под непосредственным впечатлением от событий осени 1880 г. он писал своему другу профессору Киевского университета П.П. Алексееву: «Выбора в Академию я не желал, им оставался бы недоволен, потому что там не надо, что я могу дать, а мне перестраивать себя уже не хочется...»

Характер и повадки у Дмитрия Ивановича, действительно, были не сахар. Так, в статье «Какая же Академия нужна России?», подготовленной Менделеевым 20 и 23 февраля 1882 года (впервые опубликована в журнале «Новый мир», 1966, №12), Менделеев и не пытается скрывать своего отноше-

ния к академическому сообществу: «Мне кажется, никакой нет нужды в том, чтобы это сравнительно большое число лиц, образующих высшее ученое учреждение в России, получало жалованье».

Несколько лет спустя, в 1886 году, уже новый президент академии, а по совместительству – министр внутренних дел и шеф жандармов граф Д.А. Толстой ответил отказом на предложение А.С. Фаминцына пред-

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЮБИЛЕЙНОМУ МЕНДЕЛЕЕВСКОМУ СЪЕЗДУ

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 100-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

ОНТИ ГОСХИМТЕХИЗДАТ 1934
Ленинградское отделение

ставить в действительные члены Академии наук Д.И. Менделеева.

Третья попытка сделать Д.И. Менделеева академиком будет предпринята почти через двадцать лет. 4 декабря 1899 года С.Ю. Витте отправит президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу письмо с предложением об избрании Д.И. Менделеева в Академию. В ответном письме от 10 декабря президент сообщил, что избрание представляется сложным из-за отсутствия вакантной кафедры, а также «экономических сумм» для выплаты жалования в случае избрания по §34 Устава, согласно которому Академия наук имеет право «принять в свои сотрудники ученого, отличными достоинствами приобретшего особую славу». Видимо, по мнению великого князя, Менделеев не удовлетворял этому требованию… А сам Дмитрий Иванович сделает пометку в своих бумагах: «Огорчен за Витте...»

Не дождался Менделеев и абсолютно заслуженной Нобелевской премии. Впрочем, ее дают по большей части за объективно-конкретное знание. А тут, по сути, – система мироздания! Русский космизм, одним словом. Никакому Нобелевскому комитету не под силу это проверить. Только поверить... Недаром географ и идеолог евразийства Петр Савицкий в своем стихотворении «Число и мера» напишет:

Периодический закон.
Животворящая идея.
Следим за бегом мерных волн,
Пред тайною благоговея.

1 января 1907 года в «Петербургской газете» публикуется интервью с Менделеевым под заголовком «Заветные желания». Вот отрывок из него: «В стране с неразвитой или первобытной правительственной машиной нет спроса для истинного образования, особенно высшего, и там, где господствует власть и формализм, самостоятельные специалисты с высшим образованием не находят себе места в общественных и государственных сферах...»

Через десять дней, 11 января, Главную палату мер и весов, которой руководил Менделеев, посетил министр торговли и промышленности Д.А. Философов. Во время осмотра помещений Менделеев простудился.

15 января Менделеева осматривал профессор М.В. Яновский и нашел у него воспаление легких.

19 января состояние здоровья Менделеева сильно ухудшилось. «Почти все время был в забытьи... Но все-таки он просил, чтобы ему читали вслух: ему читали в этот день "Путешествия к Северному полюсу" Жюля Верна», – вспоминала его племянница Н.Я. Капустина-Губкина.

20 января, в 6 часов 20 минут Дмитрий Иванович Менделеев скончался.

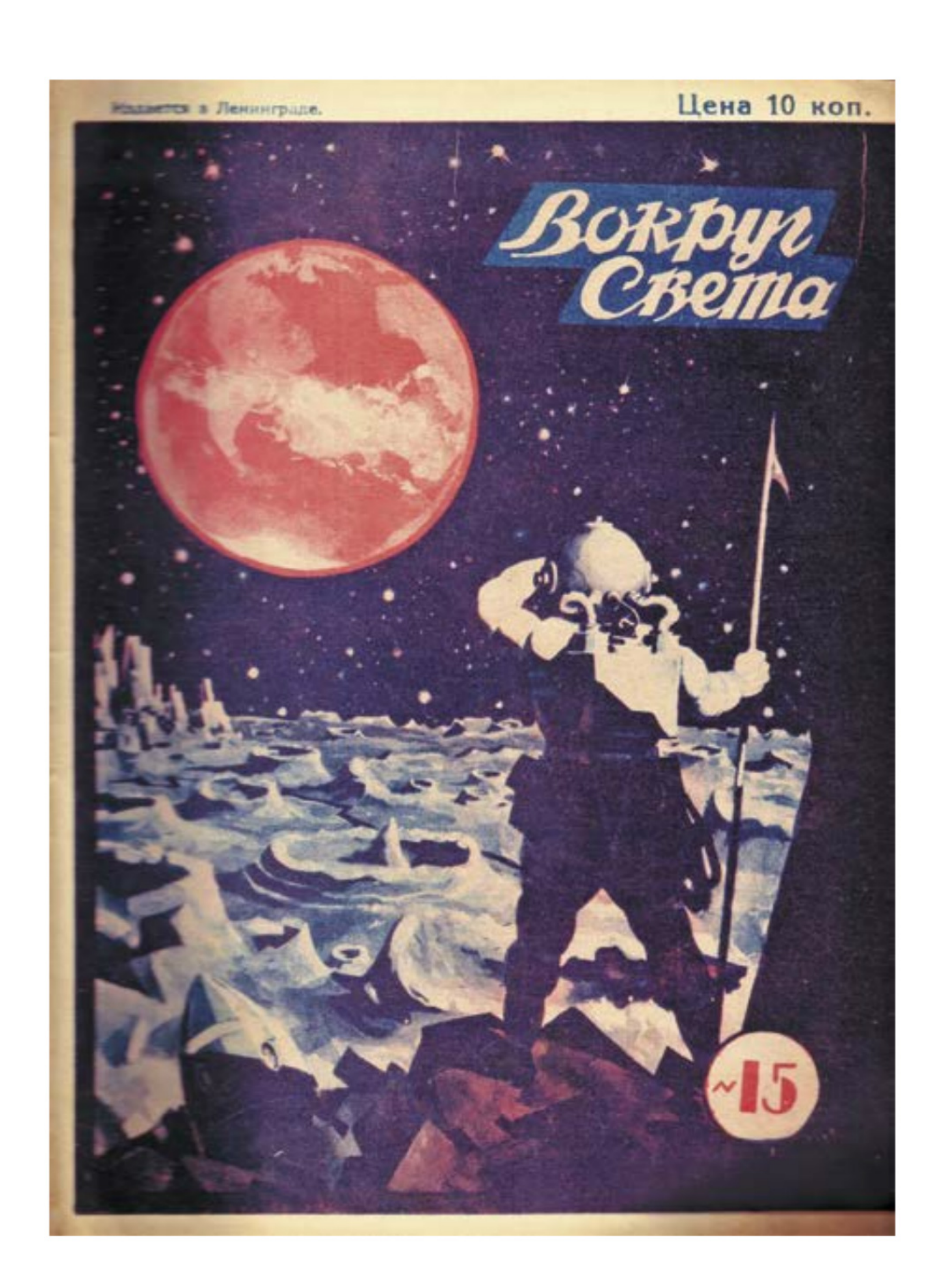
В похоронах Д.И. Менделеева участвовало около 10 000 человек. Как отмечали газеты того времени, «со времен похорон И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского Петербург не видел такого яркого выражения общей скорби о своем великом соотечественнике».

В России, однако, редко находится объективное среднее между безудержным славословием и столь же необузданным желанием «потоптаться» на памяти великого человека. Вот и на этот раз…

25 января газета «Новое время» сообщала: «Совет Российского фармацевтического общества в Москве нашел, что Менделеев как ученый давно не существует, а существовал Менделеев-чиновник, и что фармацевтам следует отказаться от чествования. Величайший ученый развенчан аптекарскими химиками. Какая чудная иллюстрация к крыловской басне "Свинья и дуб"!»

Юбилейному Менделеевскому съезду в ознаменование 100-летней годовщины со дня рождения Д.И. Менделеева / ОНТИ Госхимтехиздат, Ленинградское отделение, 1934. – 126 с. илл., 5 вклеенных схем. 15,6 х 12 см. Тираж 3100 экз.
Издательский коленкоровый переплет с золотым тиснением по верхней крышке

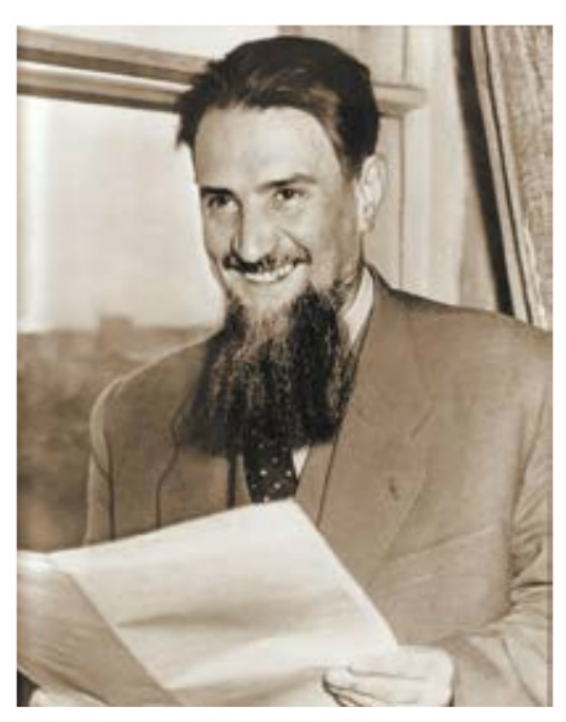

Издается в Ленинграде.
Цена 10 коп.
Вокруг Света
№ 15

в Ленинграде.
Цена 10 коп.
Вокруг Света
№ 39

Игорь Курчатов. Расщепление атомного ядра (1935)

Будущий физик Игорь Васильевич Курчатов родился 12 января 1903 года. Это именно он 11 февраля 1943 года станет научным руководителем работ по «проблеме урана» (мозговой центр этих работ сосредоточится в легендарной «Лаборатории №2», сейчас – Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», «курчатник», как его называют в народе). Фактически Курчатов возглавил в СССР атомный проект – создание советской атомной бомбы.

Слава «секретного физика» (хотя может ли быть слава засекреченной?), грандиозные, по масштабам СССР, почести – все это будет после 29 августа 1949 года, когда Советский Союз испытает свою первую атомную бомбу…

Игорь Васильевич Курчатов, 1950-е гг.

А пока трудолюбивый мальчик, отрочество и юность которого пришлись на годы Первой мировой войны, вместе с отцом подрабатывает на консервной фабрике, вечерами делает мундштуки на продажу и... в 1920 году, в разгар Гражданской войны, оканчивает гимназию с золотой медалью. В 1923 году – Игорь Курчатов один из лучших выпускников физико-математического факультета Таврического университета. Ему делают заманчивое предложение – преподавать в политехническом институте в Баку. Но молодой человек выбирает «северное» направление – отправляется в Ленинград, в Физико-технический институт (ЛФТИ) к знаменитому физику Абраму Федоровичу Иоффе. Работает так, что уже в 1930 году его выбирают на должность заведующего физическим отделом Физико-технического института.

Академик Иоффе в своем отзыве на труды Курчатова в тот период отмечает: «В данный момент И.В. Курчатов является одним из основных научных руководителей ЛФТИ, а именно начальником двух групп (строения материи и физики атомного ядра), в состав которых входит семь бригад. <…>

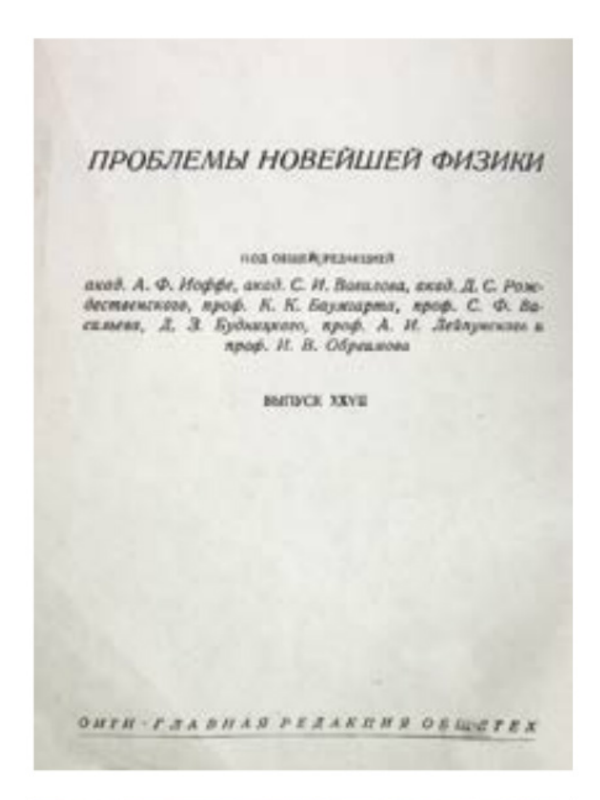

С.П. Королев, И.В. Курчатов, М.В. Келдыш. 1959 г.

За ряд научных достижений премирован в 1933 г. окладом».

В сборнике «Воспоминания об академике И.В. Курчатове» (1983) академик Анатолий Петрович Александров дает такую характеристику стилю научной работы своего друга и коллеги: «Игорь Васильевич обладал еще одной важной чертой. Обычно каждый ученый, если он начал развивать какое-то научное направление и оно хорошо пошло, превращается в консервативный элемент – очень трудно переходить на другую тематику. Это и понятно, освоен большой труд, за плечами успехи. У Игоря Васильевича вот этой консервативной жилки не было совершенно. За свою в общем-то короткую жизнь он несколько раз коренным образом менял направление работ. Первая группа его работ в Физико-техническом институте – исследования в области физики диэлектриков. Работы отличные. Однако он их резко оборвал и перешел на другую тематику – нелинейные свойства проводников. Затем занялся разрядниками для высоковольтных линий, хотел создать оборудование для защиты рождавшейся тогда единой энергетической сети Советского Союза. Почувствовав, что здесь объем работ для него невелик, он пошел в другом направлении – начал исследования по изучению явлений, связанных с большой диэлектрической постоянной некоторых веществ. Это привело Курчатова к открытию нового класса веществ – сегнетоэлектриков. <…> Надо заметить, что это была не какая-то неустойчивость. Он искал работу по плечу, по своему масштабу. И опять коренной поворот (это было его последнее переключение) – исследования в области ядерной физики. Первый коллектив, который стал заниматься ядерной физикой, – братья Алихановы и Игорь Васильевич Курчатов. Тогда уже было ясно, что это направление очень большого масштаба. Исследования захватили Курчатова сразу и целиком».

Это «последнее переключение», о котором говорит А.П. Александров, произошло в 1932 году. Как раз к этому периоду относится и выпуск книги «Расщепление атомного ядра».

Работа эта – обзорного характера. Курчатов как будто подводит и систематизирует предварительные итоги «погружения» в атомное ядро, готовит плацдарм для дальнейших исследований. В предисловии он пишет:

ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ФИЗИКИ

под общей редакцией

акад. А. Ф. Иоффе, акад. С. И. Вавилова, акад. Д. С. Рождественского, проф. К. К. Баумгарта, проф. С. Ф. Васильева, Д. З. Будницкого, проф. А. И. Лейпунского и проф. И. В. Обреимова

ВЫПУСК XXVII

ОНТИ · ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ОБЩЕТЕХ

Курчатов в ленинградском Радиевом институте, где в 1937 г. им был запущен первый в Европе циклотрон

«Настоящая работа представляет собой обзор основных экспериментальных данных, полученных за последние два-три года в области физики атомного ядра. Вопросы методики не затронуты в изложении, так как им будет посвящена особая монография данной серии. В стороне также оставлены процессы с легкими частицами, пока мало связанные с проблемой искусственного расщепления ядра, если не говорить о последней в самом широком смысле.

Нам казалось более удобным систематизировать материал по роду бомбардирующих частиц. Это ближе соответствует той последовательности, в которой развивались

Памятник И.В. Курчатову «Бомба», Челябинск. Фото Владимира Захарина

исследования в рассматриваемой области, и кроме того позволяет лучше выяснить многие детали ядерных превращений. Из этого общего порядка представляют исключение только явления искусственной радиоактивности, которые оказалось более удобным выделить в отдельную главу.

Мы старались дать по возможности конкретизированное изложение результатов эксперимента, чтобы книга могла быть полезной работающим в области ядерной физики как справочник в основных сейчас вопросах. С этой же целью в конце книги приложена таблица установленных к настоящему времени ядерных реакций.

Ленинград,

23 сентября 1934 г.»

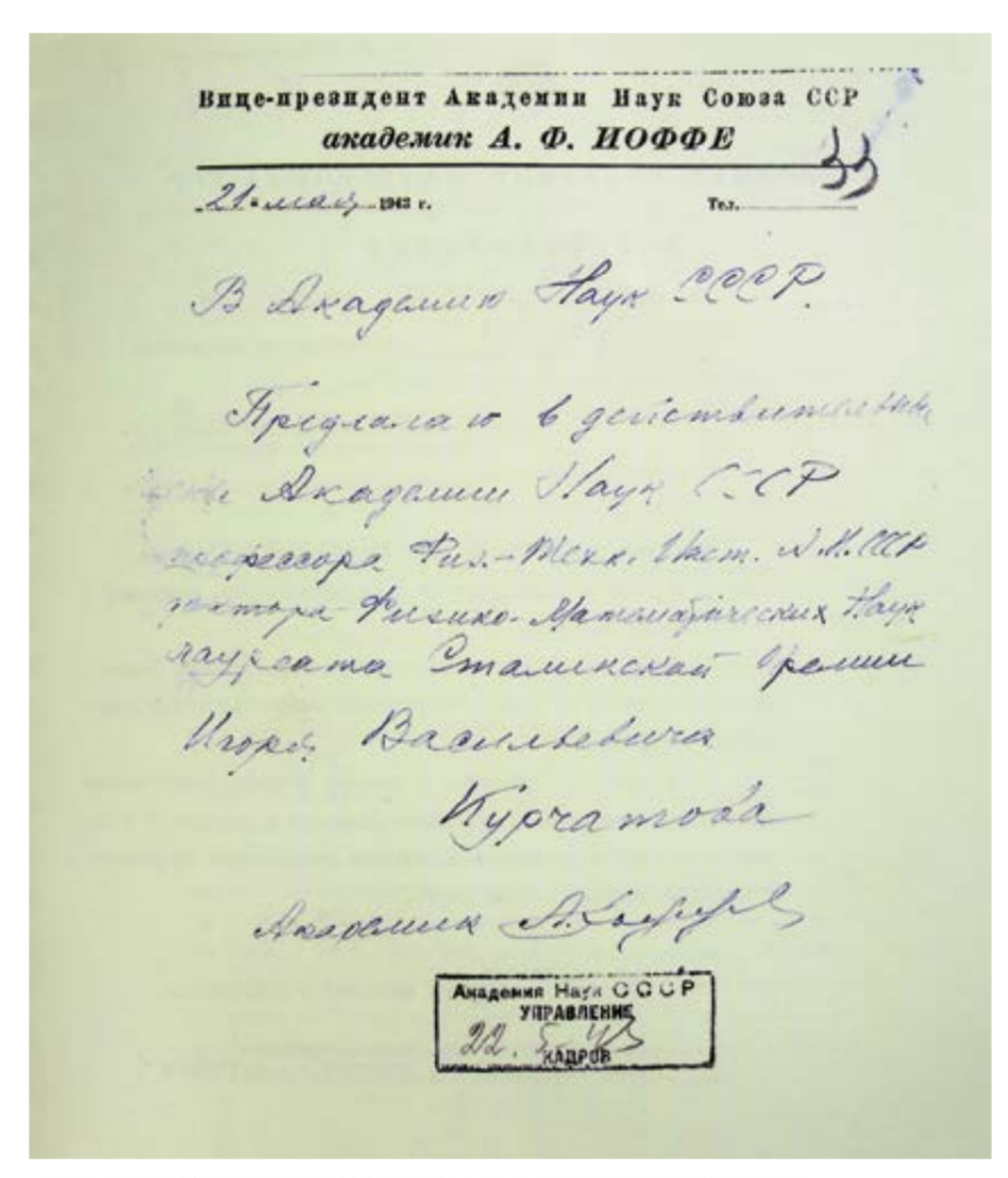
Отсюда – и структура книги: Глава I. Расщепление ядер α-частицами; Глава II. Нейтрон; Глава III. Расщепление ядер протонами; Глава IV. Расщепление ядер дейтонами; Глава V. Расщепление ядер нейтронами; Глава VI. Искусственная радиоактивность. Завершает книгу таблица ядерных реакций известных на тот момент.

Экземпляр, представленный в «Библиохронике», замечателен еще и тем, что на нем – собственноручный автограф И.В. Курчатова: «Дорогому Льву Владимировичу на память о совместной работе И. Курчатов 17/III 1935 г.». Адресат этой дарственной надписи, скорее всего, – Лев Владимирович Мысовский, заведующий физическим отделом Радиевого института Академии наук СССР (1922–1939), руководитель работ по созданию первого в Европе и Азии циклотрона – ускорителя ионов. Именно на этом циклотроне в марте-июне 1937 года был получен первый пучок ускоренных протонов с энергией 3,2 МэВ. А чуть раньше, в декабре 1932 года, Мысовский был приглашен в ЛФТИ научным консультантом группы по ядерной физике. Руководил группой сам Иоффе, а его замом был И.В. Курчатов.

Как раз в сентябре 1934 года за работы по сегнетоэлектрикам, диэлектрикам и полупроводникам 31-летнему Курчатову была присуждена степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации. А спустя два месяца научный совет ЛФТИ выдвигает его кандидатом на выборах в члены-корреспонденты АН СССР по разряду физических наук. Но Курчатов не стал членом-корреспондентом АН СССР ни в 1934 году (в тот год выборы в Академии наук не были проведены), ни в 1935 году, когда в академию выбирали только действительных членов. Между тем XVII съезд ВКП(б), прошедший в январе-феврале 1934 года, ставит перед Академией наук недвусмысленную задачу: «Изучение строения вещества, в частности, квантовая и физика атомного ядра, физика жидкостей, физика кристаллов и диэлектриков».

В начале 1940 года сотрудники лаборатории И.В. Курчатова подготовили статью по самопроизвольному делению урана. Материал был отправлен в авторитетный научный журнал Physical Review. Все с нетерпением ждали реакции зарубежных коллег. Но… Полное молчание, ни одного отклика, рецензии, никаких замечаний. Курчатов приходит к выводу: атомная тема отныне засекречена, в Европе и в Америке поняли, что энергию атома можно использовать в военных целях.

В СССР такого понимания, судя по всему, окончательно еще не сложилось. Курчатов пытается донести важность работ по атому до руководства страны, пишет Сталину – безрезультатно. В июне 1941 года исследования Курчатова в области атомного ядра были закрыты. Он подключается вместе со своей

Вице-президент Академии Наук Союза ССР
академик А. Ф. ИОФФЕ

33

21 мая 1943 г. Тел.

В Академию Наук СССР.

Предлагаю в действительные члены Академии Наук СССР профессора Физ.-Техн. Инст. А.Н. СССР доктора Физико-Математических Наук лауреата Сталинской премии Игоря Васильевича Курчатова

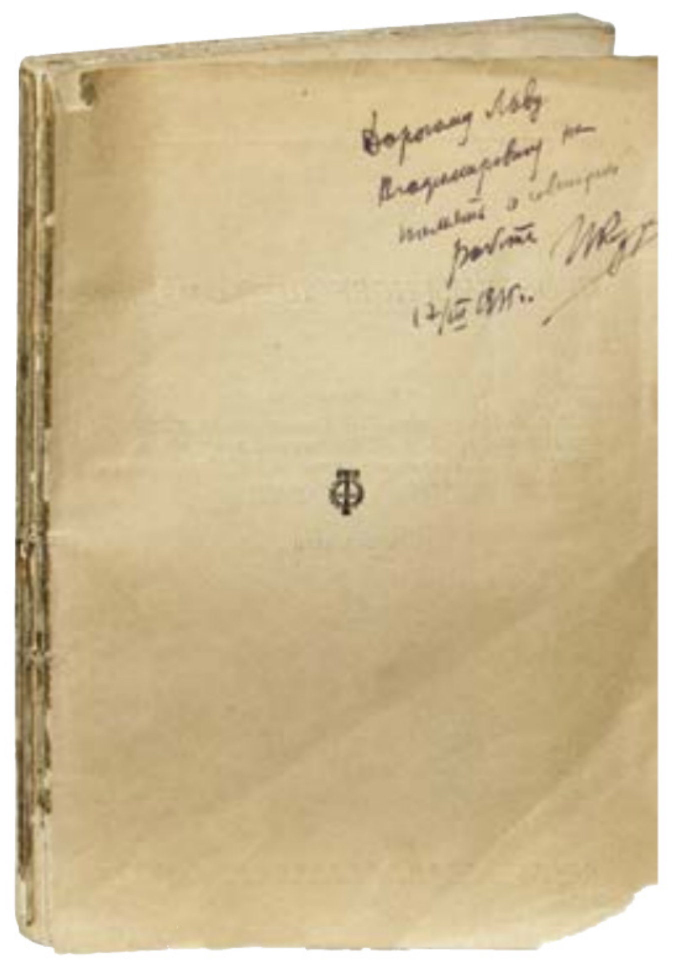
Академик А. Иоффе

Академия Наук СССР
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
22.5.43

Записка А.Ф. Иоффе в АН СССР о выдвижении И.В. Курчатова в члены АН. 12 мая 1943 г.

лабораторией к работе по созданию метода размагничивания боевых кораблей. «Уже в первый год войны (за шесть месяцев) дело развернулось таким образом, что ни один наш корабль не утонул от магнитной мины», – пишет академик А.П. Александров. Но в конце 1942 года руководство СССР наконец-то осознает важность атомной проблемы. Академии наук СССР дается задание: к апрелю 1943 года подготовить доклад о возможности создания атомной бомбы. «Я считаю, что выбор в качестве научного руководителя "Урановой проблемы" именно Игоря Васильевича стал основным моментом, который позволил в исключительно короткие сроки решить насущную для нашей страны задачу», – подчеркивал А.П. Александров.

Но молодому руководителю такого грандиозного проекта не хватало «бюрократического» веса. «Простой» профессор! Принимается политическое решение поднять его статус в академической иерархии – сделать его академиком. Однако в 1943 году профессор Курчатов столкнулся с обструкцией со

стороны академического сообщества при выборах в Академию наук СССР. «Балаган академических выборов, – запишет 10 октября 1943 года в своем дневнике академик Сергей Иванович Вавилов. – Замкнутые “экспертные комиссии” по специальностям, не общающиеся одна с другой, не допускавшие академиков даже для разговоров… Особые рекомендации Курчатова. Выборы “во что бы то ни стало” Курчатова, проваленного два раза на отделении». И, спустя четыре месяца, 26 февраля 1944 года, тот же Вавилов добавит в свой дневник: «Академик “несмотря ни на что”. И.В. Курчатов – директор мистической лаборатории №2 с отросшей для внушения большего уважения бородой, как у рыночного фокусника… Ни жизни, ни науки, чиновники от науки».

Помимо всего прочего, такое отношение одного из руководителей АН СССР, куратора оптической промышленности во время войны, говорит о том уровне секретности, который сразу установился вокруг «Урановой проблемы». Ничего удивительного, ведь куратором советского атомного проекта назначается сам Л.П. Берия, всемогущий руководитель органов госбезопасности, заместитель председателя Государственного комитета обороны…

В 1943 году Курчатов подготовил служебный доклад «Проблема урана», который заключался такими словами: «Можно с полной достоверностью утверждать, что в блоке металлического урана-235 достаточно больших размеров лавинный процесс будет бурно развиваться и может закончиться взрывом исключительной силы. <…> Таким образом, за одну десятимиллионную долю секунды в блоке урана-235 выделится такая же энергия, как от сгорания почти тысячи тонн угля». А в это время «мистическая лаборатория №2» уже начала разрабатывать и строить на окраине Москвы первый в Евразии уранграфитовый физический реактор. Его успешный пуск состоится 25 декабря 1946 года. Первые весовые количества нового элемента, плутония-239, были получены именно на нем.

29 августа 1949 года СССР испытывает свою первую атомную бомбу на Семипалатинском полигоне. За 10 минут до взрыва Берия сказал Курчатову: «Ничего у вас не выйдет!». Вышло… После этого Берия показал Курчатову список. В нем, напротив фамилий ученых, участвовавших в создании атомной бомбы, была проставлена мера наказания – от расстрела до нескольких лет лагерей, в случае неудачи. Напротив фамилии И.В. Курчатова значилось «расстрел»… Потом, по этому же списку, всех будут и награждать.

Профессор Сергей Капица, отец которого, академик Петр Капица, тоже на начальном этапе был привлечен к работам по атомной бомбе, но не «сработался» с Берией и добился своего исключения из этого проекта, заметил: «Упорядоченный и интеллектуально напряженный образ жизни несомненно сохранил здоровье отцу. Судьба же его коллег, работавших над бомбой, была другой. Возглавлявшие тогда крупнейшие ядерные институты И.В. Курчатов умер 57 лет, а А.И. Алиханов – 66 лет. И не от радиации, как это иногда представляют, а от болезни сердца, доведенные до инфаркта в первую

очередь режимом и обращением с ними шефа "проблемы"».

Известный российский научный журналист и писатель Ярослав Голованов в своей замечательной книге «Этюды об ученых» (1970) так описывает последние дни и минуты жизни И.В. Курчатова: «Последние годы тяжело болел: головокружения, отнималась то левая, то правая рука, но он не сдавался. <…> Четвертого февраля 1960 года после разговора с академиками П.Л. Капицей и А.В. Топчиевым он приехал в консерваторию. Исполняли "Реквием" Моцарта. Он внимательно слушал. А через несколько дней в траурном Колонном зале опять звучал этот реквием.

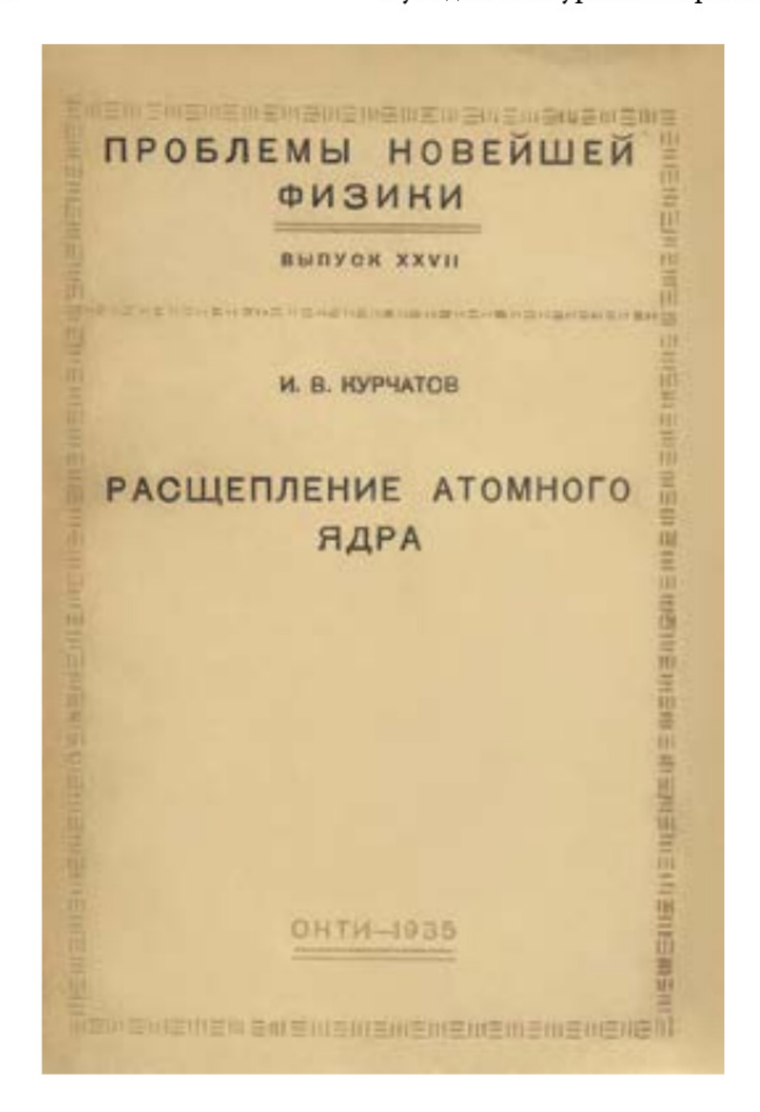
Последняя его фотография сделана на пульте термоядерной установки "Огра" в 12 часов дня 6 февраля. С "Огры" звонил жене:

– Приготовь мне, пожалуйста, успокоительных капель, чтобы я не шебаршился...

На следующий день, в воскресенье, поехал в санаторий, где лечился академик Юлий Борисович Харитон. Гуляли по саду.

– Давайте поговорим о последних результатах ваших работ, – говорил Игорь Васильевич, беря под руку Харитона. – А я расскажу об идеях, которые надо осуществить. Сядем...

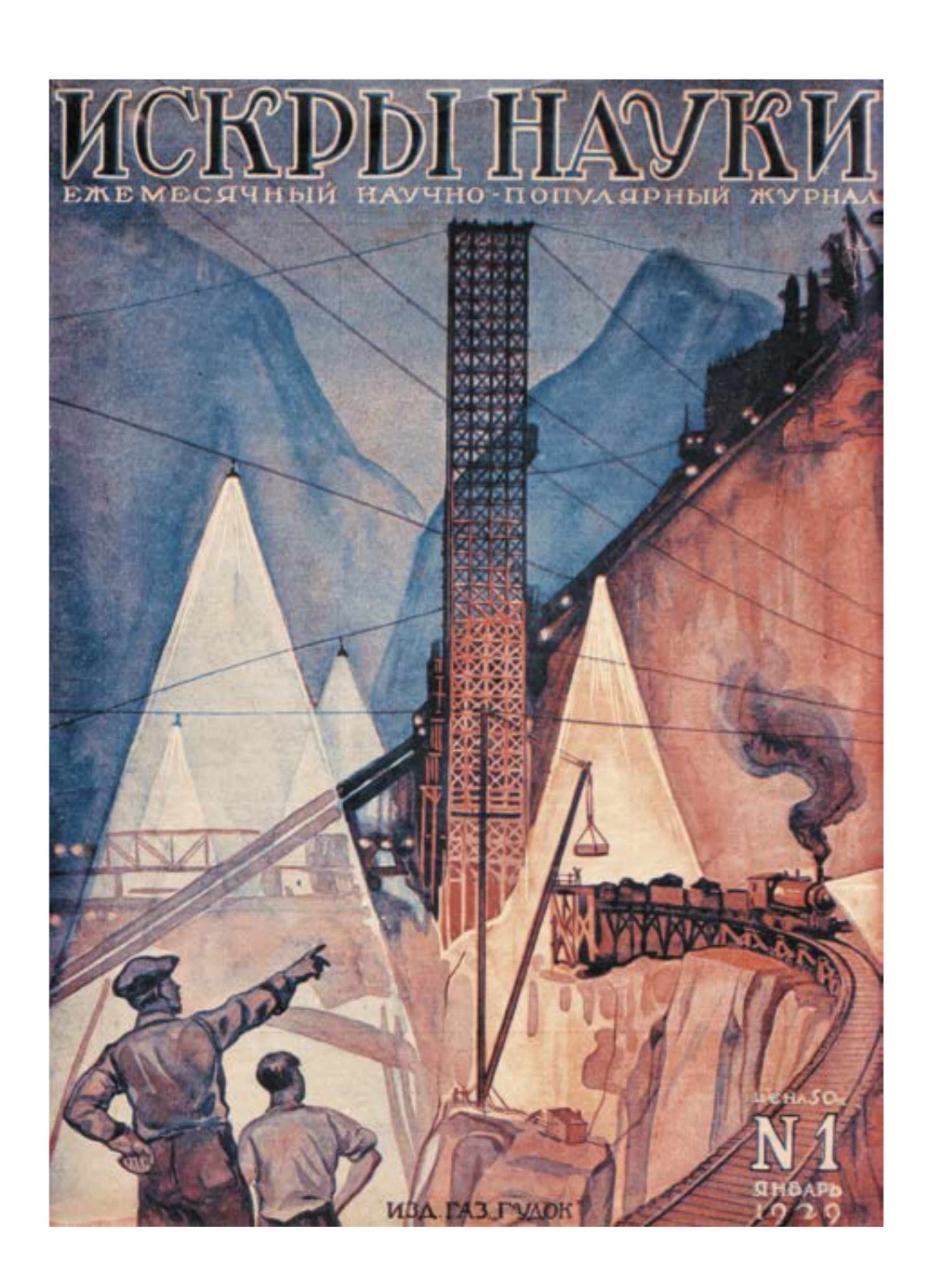
Смахнул снег со скамейки, сели. Неожиданно длинная пауза. Харитон обернулся и увидел, что Курчатов мертв».

Игорь Васильевич Курчатов (1903–1960)

Расщепление атомного ядра / Ленинград – Москва, ОНТИ – Главная Редакция Общетехнических дисциплин, 1935. – 212 с. – (Проблемы новейшей физики. Выпуск XXVII). 19,8 х 13,2 см. Тираж 3000 экз.

На авантитуле – автограф синими чернилами: «Дорогому Льву / Владимировичу на / память о совместной / работе / И. Курчатов / 17/III 1935 г.»

ИСКРЫ НАУКИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНА 50 к.
N 1
ЯНВАРЬ
1929
ИЗД. ГАЗ. ГУДОК

КНИГА 2-я 1929 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ"

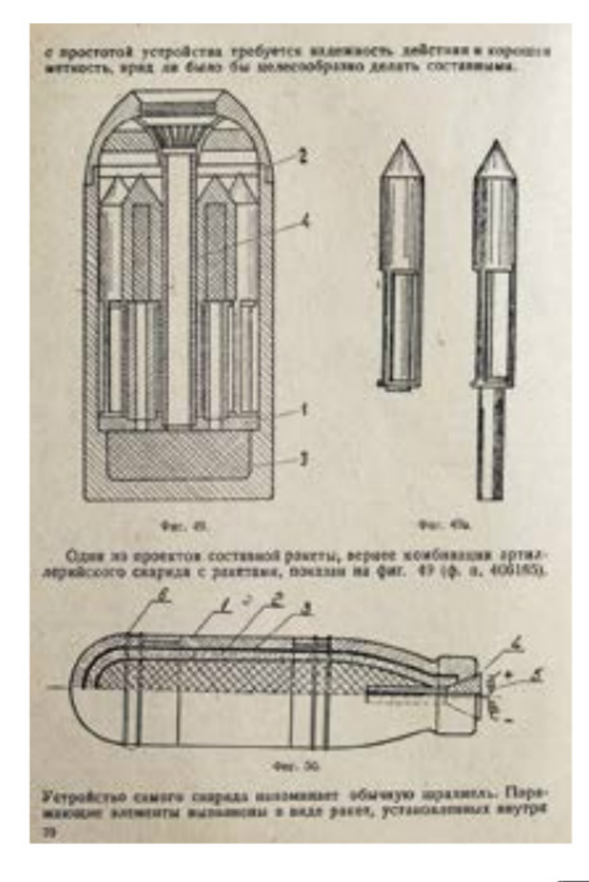
ИЗД-ВО „П. П. СОЙКИН" ЛЕНИНГРАД

Георгий Лангемак, Валентин Глушко. Ракеты: их устройство и применение (1935)

«Лангемак, Георгий Эрихович (1898–1938) – сов. инженер-артиллерист, конструктор ракетных снарядов на бездымном длительно горящем порохе. В 1928–33 работал в Газодинамической лаборатории. Был одним из основных руководителей разработки ракетных снарядов, использованных с нек-рыми доработками в прославленных в Великую Отечественную войну 1941–45 реактивных минометах «Катюша». В 1934–37 был заместителем директора, главным инженером Реактивного научно-исследовательского института. Именем Л. назван кратер на обратной стороне Луны».

Такова первая биографическая статья в отечественной библиографии, посвященная выдающемуся конструктору ракетной техники Георгию Лангемаку. Опубликована она была в энциклопедическом издании «Космонавтика» в 1968 г. (издательство «Советская энциклопедия»). В этом издании имени редактора не указано. Оно было засекречено. И только во втором издании, в 1970 г., на титуле появилось: «Главный редактор академик В.П. Глушко». Так, через тридцать лет пересеклись вновь судьбы двух конструкторов, коллег по Реактивному НИИ (НИИ №3) и друзей – Лангемака и Глушко. До этих пор имя Г.Э. Лангемака было изъято из истории отечественной космонавтики (кстати, термин «космонавтика» в научный и повседневный оборот ввел как раз Лангемак). 11 января 1938 года его, младшего из четырех детей принявших российское гражданство выходцев из Швейцарии, расстреляли в подвале московской комендатуры на Страстном бульваре. Расстреляли как «врага народа», «вредителя» и «заговорщика» по доносу одного из сотрудников РНИИ А.Г. Костикова. Статьи и книги Г.Э. Лангемака в значительной части были уничтожены.

И это – работы человека, про которого министр обороны СССР, маршал Дмитрий Устинов скажет: «Если бы Лангемака не расстреляли, я был бы у него замом, а первым космонавтом стал бы не Гагарин, а Титов». А историк космонавтики, сын Валентина Глушко, Александр Валентинович Глушко, напишет еще более эмоционально: «Успей Георгий Эрихович завершить свои разработки – мы бы сейчас осваивали систему Юпитера, а на Луну летали бы (как мечтал Королев) "по профсоюзным путевкам"» («Неизвестный Лангемак: конструктор «Катюш» – М.: 2012).

с простотой устройства требуется надежность действия и хорошая меткость, вряд ли было бы целесообразно делать составными.

Фиг. 49.

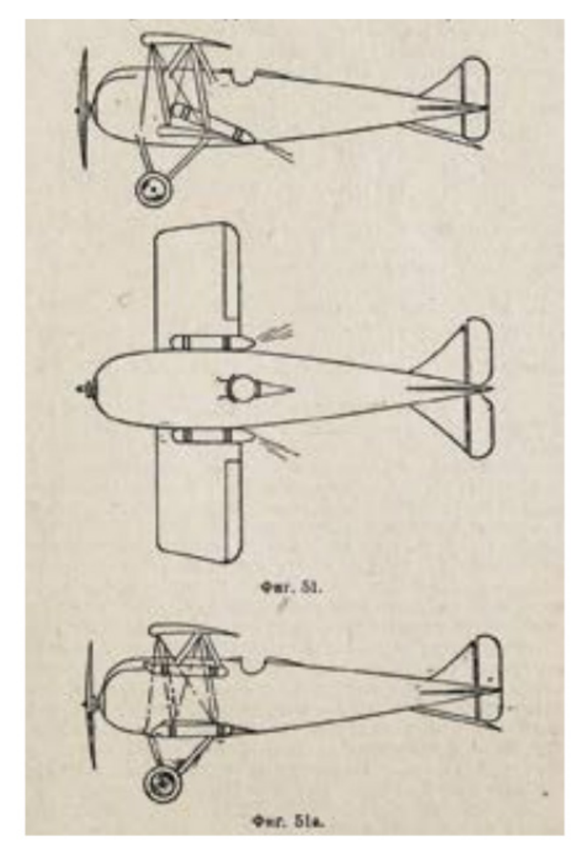
Фиг. 49а.

Один из проектов составной ракеты, вернее комбинации артиллерийского снаряда с ракетами, показан на фиг. 49 (ф. п. 406165).

Фиг. 50.

Устройство самого снаряда напоминает обычную шрапнель. Поражающие элементы выполнены в виде ракет, установленных внутри

79

Фиг. 51.

Фиг. 51а.

Удивительно, но это утверждение отнюдь не спишешь на понятный эмоциональный порыв. В середине 1930-х годов Лангемак заканчивает расчеты ракеты и траектории полета к звезде Эпсилон Ориона (более 800 световых лет от Солнца). А в 1936 году Лангемак провел расчеты для выхода в четвертое измерение! Эту работу он показал своему хорошему знакомому, писателю Михаилу Булгакову. Под впечатлением от прочитанного, Михаил Афанасьевич заканчивает сцену бала в романе «Мастер и Маргарита»… Все эти расчеты, и вообще все свои основные результаты в прикладном и теоретическом ракетостроении, Лангемак, видимо уже предчувствуя сгущающуюся атмосферу тотального государственного террора в СССР, зашифровывает и прячет. Этот архив ученого до сих пор не обнаружен.

Но, конечно, главное дело в стремительной и трагической судьбе Г.Э. Лангемака – создание ракет и реактивных снарядов. В частности, им были разработаны реактивные снаряды РС-83 и РС-132. Именно эти изделия стали основными боеприпасами легендарного гвардейского реактивного миномета «Катюша». Пик этих работ пришелся на 1933–1937 гг., когда Лангемак занимал должность главного инженера Реактивного НИИ, созданного 21 сентября 1933 года приказом маршала М.Н. Тухачевского. Директором был назначен Иван Терентьевич Клейменов, а его замом – Сергей Павлович Королев. Но еще в 1929–1933 гг. Лангемаком разработаны и испытаны девять видов ракетных снарядов на бездымном порохе.

Бывшая сотрудница НИИ-3, доктор технических наук Л.Б. Кизнер вспоминала: «Лангемак прославился не только своими изданными работами, он в основном вошел в историю, как самый крупный специалист по внутрикамерным процессам твердотопливных ракет. Именно ему первому принадлежит описание наблюдаемых явлений в двигателях такого рода. К выводам Лангемака сотрудники НИИ-3 пришли только спустя несколько лет после его смерти. И все это получилось из-за того, что нам не удавалось познакомиться с трудами Лангемака. Чисто случайно мне удалось увидеть его первую фундаментальную работу только через 60 лет после ее издания...»

Именно такую судьбу имела и книга «Ракеты: их устройство и применение». Хотя в предисловии к ней один из руководителей Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) Меркулов не скупился на похвалы авторам: «Предлагаемая книга двух крупнейших специалистов ракетной техники Г.Э. Лангемака и В.П. Глушко является ценным вкладом в литературу по ракетному движению и является одной из первых технических книг по данному вопросу.

Елена, Ася и Георгий Лангемаки. Ленинград. Март 1924 г. Фото из книги А. Глушко «Неизвестный Лангемак»

Большая часть вопросов, трактуемых в этом труде, впервые рассматривается в советской литературе, и многие из них являются вполне оригинальными самостоятельными исследованиями, изложенными в доступной форме, что является большим достоинством книги. Книга послужит ценным источником технических знаний по ракетной технике и будет содействовать развитию научных исследований и массовому рабочему изобретательству в этой области». Увы…

В начале 1937 года начальник одного из отделов РНИИ А.Г. Костиков пишет письмо, – фактически донос – на имя комиссара госбезопасности Н.И. Ежова, в котором обвиняет во вредительстве И.Т. Клейменова, Г.Э. Лангемака, В.П. Глушкова и еще несколько сотрудников Реактивного института. И это будет не единственный его «сигнал» об обнаружении «врагов народа». Вот отрывок из заявления в партком ВКП(б) НИИ №3 от члена ВКП(б) с 1922 г. №0050652 Костикова А.Г.:

Дочери Г.Э. Лангемака Майя и Ася. Москва, 1937 г. Фото из книги А. Глушко «Неизвестный Лангемак»

«Раскрытие контрреволюционной троцкистской диверсионной вредительской шайки, их методов и тактики настойчиво требуют от нас вновь еще глубже присмотреться к нашей работе, к лицам, возглавляющим и работающим на том или ином участке Ин-та. Конкретно я не могу указать на людей и привести факты, которые давали бы достаточное количество прямых улик, но по моему мнению, мы имеем ряд симптомов, которые внушают подозрения и навязчиво вселяют мысль, что у нас не все обстоит благополучно. В основном, мне кажется, что методы руководства работой и вся наша система направлены на занижение темпов в работе и на неправильное ориентирование. <…>

Таким образом, так сорвана по вине производства и вся работа в течение 1936 года. <…> Так происходило из года в год. Я утверждаю, что в производстве была явно принята система абсолютно негодная, тормозящая развитие. Это тоже не случайный факт. Дайте мне все материалы, и я со всей очевидностью докажу фактами, что чья-то рука, возможно по неопытности, тормозила работу и вводила государство в колоссальные убытки. В этом конечно повинны КЛЕЙМЕНОВ, ЛАНГЕМАК и НАДЕЖИН, в первую очередь. Повторяю, эти факты можно умножить беспредельно, но сейчас я не в состоянии, а постараюсь изложить в следующем заявлении.

Член ВКП(б) – п/п (А. Костиков)».

По воспоминаниям Л.Б. Кизнер, в 1939 году, когда уже и Г.Э. Лангемак, и И.Т. Клеймёнов после жестоких издевательств были расстреляны, А.Г. Костиков добился включения в план работ НИИ №3 специального пункта об уничтожении тиража этой книги Лангемака и даже сам бросал книги в костер. Здесь надо заметить, что эта книга была переведена на немецкий язык и издана в Германии в 1941 (или 1942) году.

Как отмечает А.В. Глушко, «…из всего тиража в 700 увидевших свет экземпляров, сейчас осталось не многим более 10. <…> До недавнего времени (23 марта 2001 г.) существовал еще один экземпляр, но он погиб вместе со всей библиотекой орбитальной станции “Мир”». Судя по идеальной сохранности экземпляра книги, представленной в «Библиохронике», и по лаконичной владельческой надписи на титульном листе – «1 сентября 1937», – можно предположить, что этот экземпляр происходит из библиотеки кого-то из коллег Г.Э. Лангемака, а может быть, и из библиотеки самого Георгия Эриховича.

Сами авторы книги во вступлении отмечали: «Предлагаемая работа предназначается для широких кругов читателей, интересующихся вопросами реактивного движения.

Основная задача, которую ставят себе авторы, заключается в освещении главнейших технических вопросов, связанных с осуществлением и применением ракет на твердом и жидком топливах.

Читатель не найдет здесь полного решения этих вопросов, ибо, как известно, опытный материал по ракетам весьма и весьма беден, а имеющаяся литература относится почти исключительно к “межпланетным” ракетам. Эту последнюю область мы умышленно оставляем в стороне, считая, что и в земных условиях проблема ракеты представляет вполне самостоятельную и чрезвычайно актуальную задачу.

Мы неоднократно подчеркиваем те трудности, которые должна преодолеть ракета, прежде чем ей удастся занять подобающее место в современной технике. С этой точки зрения наша работа является своего рода темником для изобретателей и конструкторов.

Работа распределилась между авторами следующим образом: главы II, V, VI и VII написаны В. Глушко, остальные главы и общая редакция книги выполнены Г. Лангемаком. За содержание книги в целом авторы несут полную солидарную ответственность.

Мысль о написании этой книги принадлежит Б. С. Петропавловскому, который еще в 1933 г. привлек авторов для разработки ее плана. Безвременная кончина его в том же огоду не дала ему возможности принять участие в дальнейшей работе.

Светлой памяти этого талантливого инженера и чудесного товарища авторы посвящают свой скромный труд».

Книга состоит из семи глав: «Основные понятия и определения», «Полезное действие ракеты», «Применение ракет», «Устройство пороховых ракет», «Жидкое топливо для ракетного двигателя», «Устройство ракетного двигателя на жидком топливе», «Устройство ракет на жидком топливе».

Как бы там ни было, арест Г.Э. Лангемака 2 ноября 1937 г. прошелся катком по всему руководству РНИИ и всей его семье.

В начале 1938 года был арестован и шесть лет провел в заключении и «шарагах» В.П. Глушко.

28 февраля 1938 г., без суда, расстреляли старшего брата Георгия Лангемака, школьного учителя Виктора Лангемака – «как греческого шпиона Лангемаки».

13 октября 1938 года Особым совещанием при наркоме внутренних дел СССР жена Георгия Лангемака, Елена Владимировна Лангемак, как социально опасный элемент (она происходила из дворян) сослана в Казахстан, в поселок Ермак Павлодарской области. Две дочери, Анна и Майя, отправлены в приемник-распределитель. Через два месяца их бабушке, маме Елены Владимировны, удастся забрать девочек к себе, в Ленинград…

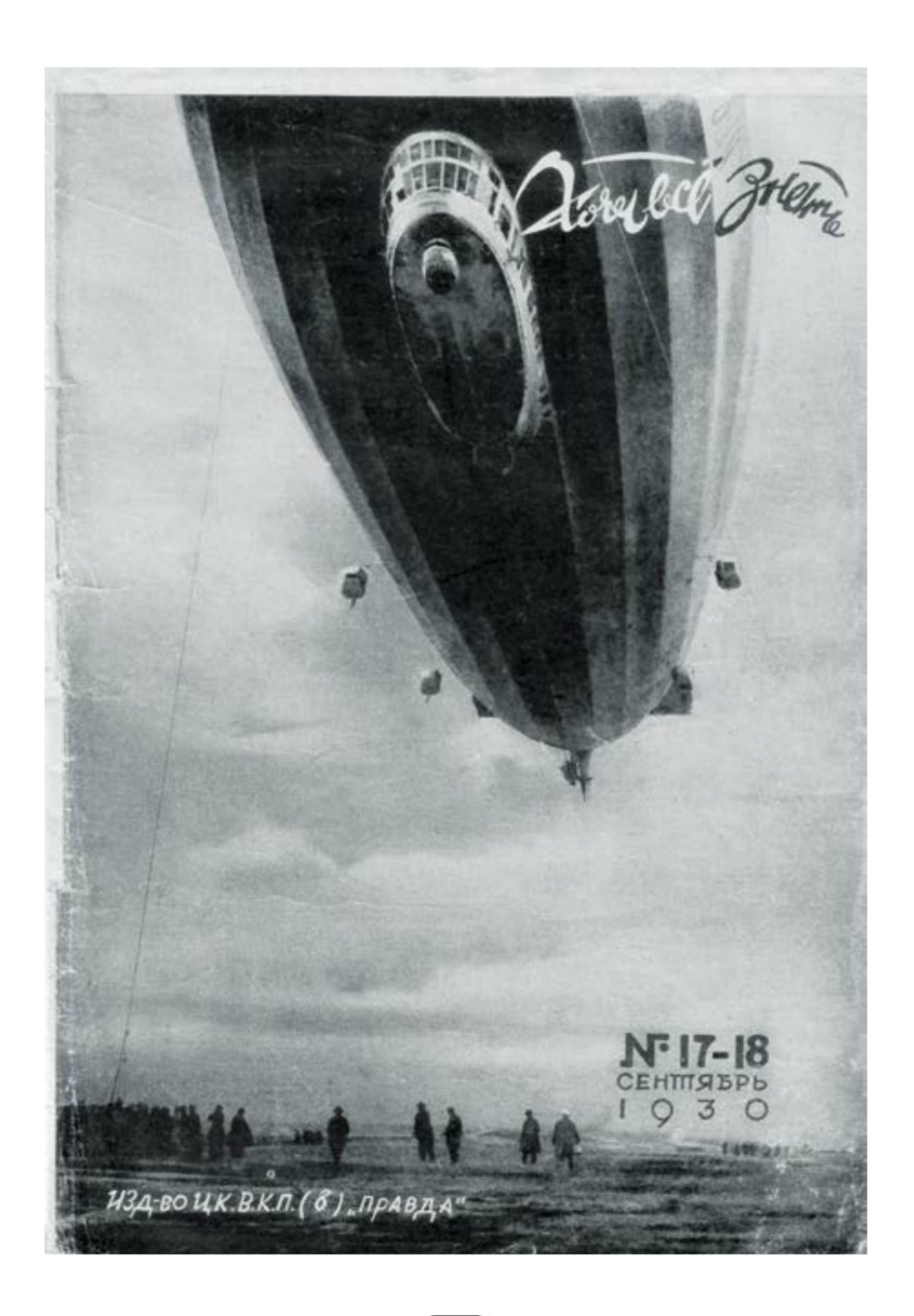
Между тем в 1938–1941 гг. успешно проходит испытания первая в мире реактивная система залпового огня «Катюша». 28 июля 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «за выдающиеся заслуги в деле изобретения и конструирования одного из видов вооружения, поднимающего боевую мощь Красной Армии» (за реактивный миномет «Катюша»), присвоено звание Героя Социалистического Труда, с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и молот» №13, А.Г. Костикову…

Справедливость была восстановлена только спустя больше полувека. 21 июля 1991 г. Георгию Лангемаку, наряду с другими творцами «Катюши», Указам президента СССР, посмертно было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Георгий Эрихович Лангемак (1898–1938)
Валентин Петрович Глушко (1908–1989)
Ракеты: их устройство и применение / Москва, Ленинград: ОНТИ НКПТ, Главная редакция авиационной литературы, 1935. – 120 с., илл. Тираж 700 экз. 22,6 х 15 см. Издательская обложка. На титульном листе владельческая отметка синими чернилами: «1 сентября 1937».

Советская
игрушка
Сборник первый
КОИЗ · 1931

Хочу всё знать
№ 17-18
СЕНТЯБРЬ
1930
ИЗД-ВО Ц.К. В.К.П. (б) „ПРАВДА"

Николай Вавилов. Научные основы селекции пшеницы (1935)

Николай Иванович Вавилов, старший сын в семье московского купца первой гильдии, как-то очень рано и твердо определился с выбором своего жизненного пути – естествоиспытатель. В 1911 году, по окончании Московского сельскохозяйственного института, Вавилов был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре частного земледелия, которую возглавлял известный русский ученый, академик Д.Н. Прянишников. А уже в 1912 году Вавилов публикует работу о связи агрономии с генетикой.

Можно сказать, что пшеница сразу стала главным объектом исследования Н.И. Вавилова. Недаром во введении к монографии «Научные основы селекции пшеницы» Н.И. Вавилов напишет: «Культура пшеницы занимает на земном шаре в настоящее время ежегодно площадь около 160 млн га, из которых на долю Советского Союза приходится 36 миллионов. Из 800–850 млн га, ежегодно возделываемых на земной шаре, на долю пшеницы приходится таким образом около одной пятой всей культурной площади. Из пшениц около 10% занято твердой (Triicum durum) и близкими к ней видами, остальное – мягкими пшеницами. По посевной площади пшеница стоит среди всех культур на первом песте, при этом имеет тенденцию к постоянному расширению. С 1910 по 1932 гг. мировая площадь увеличилась на 23% (более 30 млн га), а зерновая продукция возросла на 22%. Значительное увеличение площадей намечается в СССР на ближайшие годы. Мировое производство пшеницы определяется колоссальной цифрой, около 140 млн тонн ежегодно. По подсчетам площадей, доступных для культуры пшеницы в Канаде, США и СССР при распашке новых земель, посевы пшеницы могут быть значительно увеличены, почти удвоены».

Путь к таким обобщениям занял у Вавилова двадцать лет. В 1913 году для продолжения образования он был отправлен в командировку в Англию, Францию и Германию. Но с началом Первой мировой войны вынужден был прервать командировку и возвратиться в Россию. В 1916 году его призывают в действующую армию в качестве консультанта по вопросу массового заболевания солдат русской армии в Персии. Выяснив причину – в местную муку попадал грибок, вырабатывавший алкалоид тимулин, вещество, способное вызывать серьезные отравления у людей, – Вавилов испрашивает разрешения совершить экспедицию в глубь Ирана, собирает свою первую коллекцию злаков. Именно здесь у него впервые рождается мысль о закономерности наследствен-

ной изменчивости: Вавилов проследил, как изменяются виды ржи и пшеницы от Ирана до Памира, и делает вывод о том, что горные «изоляторы» служат очагами зарождения культурных растений.

В 1917 году, когда ему было 30 лет, Н.И. Вавилов избран профессором агрономического факультета Саратовского университета. Именно в Саратове, на Всероссийском селекционном съезде в 1920 году, Николай Вавилов представил свой доклад «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости». Суть его – у близких видов и родов возникают сходные наследственные изменения.

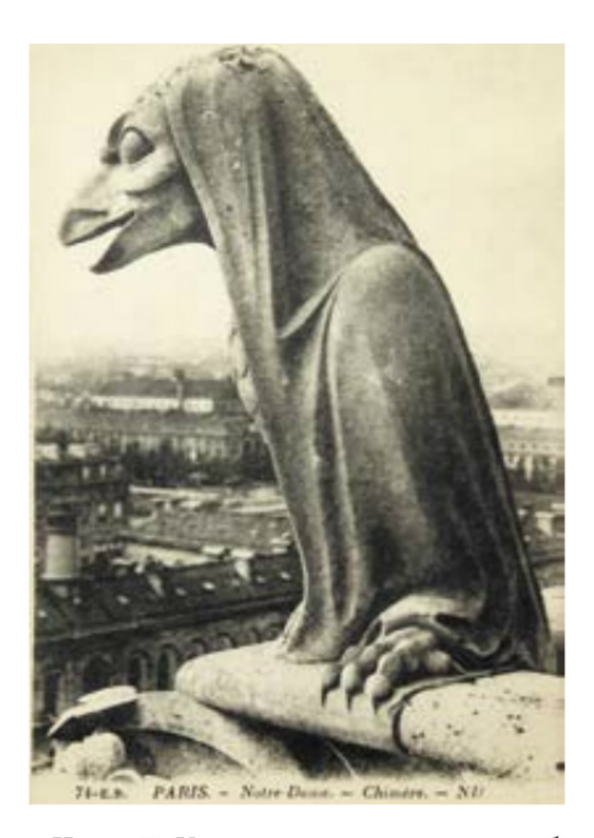
Российский историк генетики В.В. Бабков так охарактеризовал главную идею Н.И. Вавилова: «Его задачей стало описание сортов культурных растений в масштабе земного шара: создание не гербария, но ежегодно высеваемой живой коллекции культурных растений. Эту задачу Вавилов положил в основу работы Отдела прикладной ботаники и селекции, который он возглавил в 1921 г. и на базе которого (переименованного в 1930 г. во Всесоюзный институт растениеводства, ВИР) он создал сеть селекционных станций по всему Союзу. Этой же задаче – выяснению географических закономерностей распределения генов культурных растений – были посвящены его экспедиционные исследования (книга о них – "Пять континентов. Повесть о путешествиях в поисках новых растений" – опубликована в 1962 г.)».

В 1921–1922 годах, во время голода в Поволжье, Вавилов командируется в США. В Вашингтоне он ведет переговоры о закупке семян. В «Библиохронике» представлена уникальная подборка почтовых открыток, которые Н.И. Вавилов отправлял из своих заграничных экспедиций и поездок на протяжении почти 10 лет одному из ближайших своих друзей, сотруднику Отдела прикладной ботаники и селекции К.А. Фляксбергеру. (Константин Андреевич Фляксбергер (1880–1942), немец по национальности, будет арестован 28 июня 1941 года. Умрет 13 сентября 1942 года в тюремной больнице г. Златоуста. Официально – от «истощения и старческой дряхлости». Реабилитирован в 1955 году за недоказанностью улик, а в марте 1989 года – за отсутствием состава преступления.) Первая из этих открыток дает отличное представление о степени интенсивности работы Вавилова в США:

«30/X Вашингтон <1921>

Дорогой К.А.

Через 2 недели отправляемся в Англию. Уже есть виза на Англию. Посылаю тьму посылок. Пока отправил 80 посылок с книгами, семенами. Все хранится самым тщательным образом. Есть редчайшие вещи. Не все принадлежит отделу и мне. Надо будет давать отчет. Доставать пшеничную литературу старую оказалось очень трудно. Здесь с книгами плохое положение. Но пока не отчаиваюсь. Пишите в Англию. Из Петрограда писем не имел начиная с августа. Ваш Н.И. Вавилов».

Николай Иванович остается верен себе и здесь: помимо выполнения официальной задачи, поставленной перед ним Наркомземом РСФСР, он обследует обширные зерновые районы США и Канады, пополняет коллекцию злаков. «Стиль работы Вавилова не походил на традиционный академичный, – пишет В.В. Бабков. – Почти всегда был в пути – даже приводил в недоумение своих биографов, которые находили его сразу во многих местах. (В 1930 г. Вавилов, например, почти одновременно был на четырех международных собраниях: конгрессе по садоводству в Лондоне, ботаническом конгрессе в Кембридже, на двух сельскохозяйственных конференциях в США, а потом экскурсировал по южным штатам США, Мексике и Гватемале)».

Как раз к последнему эпизоду относится еще одна открытка Вавилова Фляксбергеру из Парижа:

«7/VIII <1930>

Пробираемся через Париж в Лондон, а 12 VIII в Америку.

Привет.

Ваш Н. Вавилов».

Вообще, даже неполный перечень экспедиций Н.И. Вавилова впечатляет. В 1924 году – пятимесячная экспедиция в Афганистан (за нее Географическое общество СССР наградило Вавилова золотой медалью имени Н.М. Пржевальского («за географический подвиг»). Результаты экспедиции обобщены в книге «Земледельческий Афганистан» (1929).

В 1926–1927 годах Николай Вавилов организовал и провел длительную экспедицию в страны Средиземноморья: Алжир, Тунис, Марокко, Египет, Сирию, Палестину, Трансиорданию, Грецию, острова Крит и Кипр, Италию (включая Сицилию и Сардинию), Испанию и Португалию, Сомали, Эфиопию и Эритрею. Опять же, живые подробности мы узнаем из открыток Вавилова Фляксбергеру:

«Афины 23/VIII <1926>

Дорогой К.А.

Надо послать мою работу о происхождении и Вашу работу по пшенице и карту земледелия в избранные Труды <…>.

А также коллекции семян русских сортов пш.[ениц] На них большой спрос, и надо их заготовить через Таланову <возможно, речь идет о работнике Государственного сортоиспытания В.В. Талановой> покуда, что ли.

Всем <нрзб.> привет

Ваш Н. Вавилов».

«Иерусалим 16/XI <1926>

Дорогой К.А.

Веду еще кампанию за С.В. Африку, но все мои штурмы отбиты, и как ни досадно, отступаю. Сегодня решается дело с итальянской визой.

Я забыл ответить о студенте, желающем обрабатывать культуры Палестины. После нашей с <нрзб.> поездки это не даст чего-либо серьезного. Игра в бирюльки нас мало интересует. Диплом при работе он может делать, но специально давать ему штатное или нештатное место для культур Палестины, к-ые мы знаем лучше культур Ленингр.[адской] Губ.[ернии], не стоит. Ответьте ему помягче…

Вавилов».

«4/IV <1927>

К.А. Последние дни не чаял как выберусь. Пала 1/2 мулов от быстрого передвижения. Взбунтовался караван. Заболел сам, думал тиф, но сошло. 43 дня шли от Adis Abeba до Эритреи. Видел верховья Нила, крокодилов. Но самое для Вас любопытное

1) безостые тв.[ёрдые] пшениц.[ы]

2) инфекции <?>

Центр ген. группы тв.[ёрдых] пш.[ениц] (включая T.persicum) здесь. Но разберемся с Вами в сем вопросе.

Теперь в Италии. В Судан даже транзитом не пустили.

Всем привет. Вавилов».

CARTE POSTALE
New National Museum, Washington, D. C.
MONTREAL.
Entrée du Cimetière Mont Royal.
(Mount Royal Cemetery Entrance.)

В 1929 году Вавилов совершит экспедицию в Западный Китай (Синьцзян), в Японию, Корею, на остров Формоза (Тайвань). С борта парохода, идущего из Кореи на Формозу, он напишет: «…теперь уже дело ясное, мир надо весь видеть, во что бы то ни стало». А Фляксбергеру отсылает открытку с изображением плодов хлебного дерева и короткой шутливой подписью:

«Формоза

Тайхоку 6 XI <1929>

Привет от хлебного дерева. Вид у него важный, но до пшеницы не дотянется.

Yours truly N. Vavilov».

В 1929 году Н.И Вавилова назначают президентом только что созданной Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (ВАСХНИЛ). В 1930 году Вавилов организует Институт генетики АН СССР и становится его директором. Он уже академик трех академий – АН СССР, АН Украинской ССР и ВАСХНИЛ. При выборах его в действительные члены Академии наук СССР в 1929 году академик С.П. Костычев сказал, что по специальности Н.И. Вавилова нельзя причислить ни к одному из официальных подразделений ботаники. Он представляет собой совершенно особый тип ученого – первооткрывателя новых путей в науке.

Сегодня в книге Н.И. Вавилова поражает его благожелательное отношение к опытам, как позже будет доказано – фальсифицированным, агронома Т.Д. Лысенко. Вавилов, действительно поначалу искренне заинтересовался результатами опытов Лысенко по «яровизации» (закалке холодом) пшениц разных сортов.

«Яровая пшеница идет до крайнего севера, у нас вызревая нормально, в своих крайних сортовых вариантах по скороспелости, на Соловецких островах (65,5° с.ш.), а на Памире поднимаясь до 3500 м над ур. м. – отмечает Вавилов. – В Аляске она доходит в культуре до 66°20' около форта Юкон. Границей культуры озимых пшениц без применения яровизации итальянский эколог Ацци считает изотерму января –12°С. В областях с большим количеством осадков (особенно снеговых) граница культуры озимой пшеницы поднимается выше, чем в континентальных сухих районах.

В курсе теории селекции растений особенно существенно отметить то, что пшеница методологически является объектом наиболее изученным, представленным огромным разнообразием сортов и, что особенно важно, видов. Вряд ли имеется более удобный объект для исследования вопросов междувидовой и междуродовой гибридизации. Наличие диких родственных видов и родов, с которыми скрещивается пшеница, позволяет подойти к вопросам эволюции и радикальной переделки культурной пшеницы».

Именно в этой селекционной работе пригодилась огромная и уникальная на планете коллекция семян, собранная Вавиловым. Она насчитывала 250 тысяч образцов, в том числе 36 тысяч образцов пшеницы, 10 022 – кукурузы, 23 636 – зернобобовых… С использованием материала этой коллекции было выведено свыше 450 сортов сельскохозяйственных растений. Но селекция сорта – дело долгое: 12 лет – срок, закрепленный в СССР законом, принятым еще во времена Ленина. Лысенко же обещал вывести сорта пшеницы в пять раз более урожайные за 1–2 года. Он утверждал, что яровизация превращает озимую пшеницу в яровую. «Я за генетику и селекцию, – заявлял 16 января 1934 года Лысенко, – я за теорию, которая, по выражению товарища Сталина, “должна давать практическую силу ориентировки, ясность перспектив, уверенность в работе, веру в победу”… Вот почему я был против,

Николай Иванович Вавилов. Фото из уголовного дела

а в настоящее время еще в большей мере, против той генетики, которая безжизненна, которая не указывает практической селекции ясной и определенной дороги». Н.И. Вавилов явно под стандарты «сталинской генетики» не подходил…

В 1935 году распоряжением правительства СССР Лысенко объявили академиком ВАСХНИЛ, а Вавилова сняли с поста президента этой академии.

Впрочем, не один Н.И. Вавилов не сразу разобрался в сути «экспериментов» Лысенко. Так, академик В.И. Вернадский в своем дневнике делает такую запись от 17 ноября 1938 года: «Вечером был Н.И. Вавилов. Очень интересный разговор с ним о положении науки. Волевая, невежественная, но талантливая фигура Лысенко – сейчас очень влиятельный сановник; резко выступает как продолжатель дарвиновско-мичуринской научной методики; резко обрушивается на генетику, основ которой не знает. И это в тот момент, когда человек этим путём овладевает экспериментальным созданием новых не только видов, но и родов. Николай Иванович ярко это чувствует. И я тоже. Открывается геологически новый великий взрыв в биологии».

Взрыв, действительно, произошел, но не тот, о котором грезил автор концепции ноосферы…

Е.С. Якушевский (1902–1989), один из учеников Н.И. Вавилова и сотрудник ВИР, оставил воспоминания о последней встрече Сталина и Вавилова в ноябре 1939 года. Об этом ему рассказал сам Вавилов. «В течение долгого времени Вавилов добивался встречи со Сталиным. В конце концов аудиенция была назначена на 20 ноября в 10 часов вечера. Два часа Вавилова продержали в приемной. Только в 12 часов ночи его впустили в кабинет Сталина. Войдя в комнату, Вавилов сказал: "Здравствуйте, Иосиф Виссарионович". Сталин, ходивший с трубкой в руке по комнате, ничего не ответил. Говорят, не любил обращение по имени и отчеству, а предпочитал, чтобы его называли "товарищ Сталин".

Вместо приветствия Сталин сказал: "Ну что, гражданин Вавилов, так и будете заниматься цветочками, лепесточками, василечками и другими ботаническими финтифлюшками? А кто будет заниматься повышением урожайности сельскохозяйственных культур?" Вначале Вавилов опешил, но потом, собравшись с духом, стал рассказывать о сущности проводимых в институте исследований и об их значении для сельского хозяйства. Поскольку Сталин не пригласил его сесть, то Вавилов стоя прочитал устную лекцию о вировских исследованиях. Во время лекции Сталин продолжал ходить с трубкой в руке, и видно было, что ему все это совершенно неинтересно. В конце Сталин спросил: "У Вас все, гражданин Вавилов? Идите, Вы свободны"».

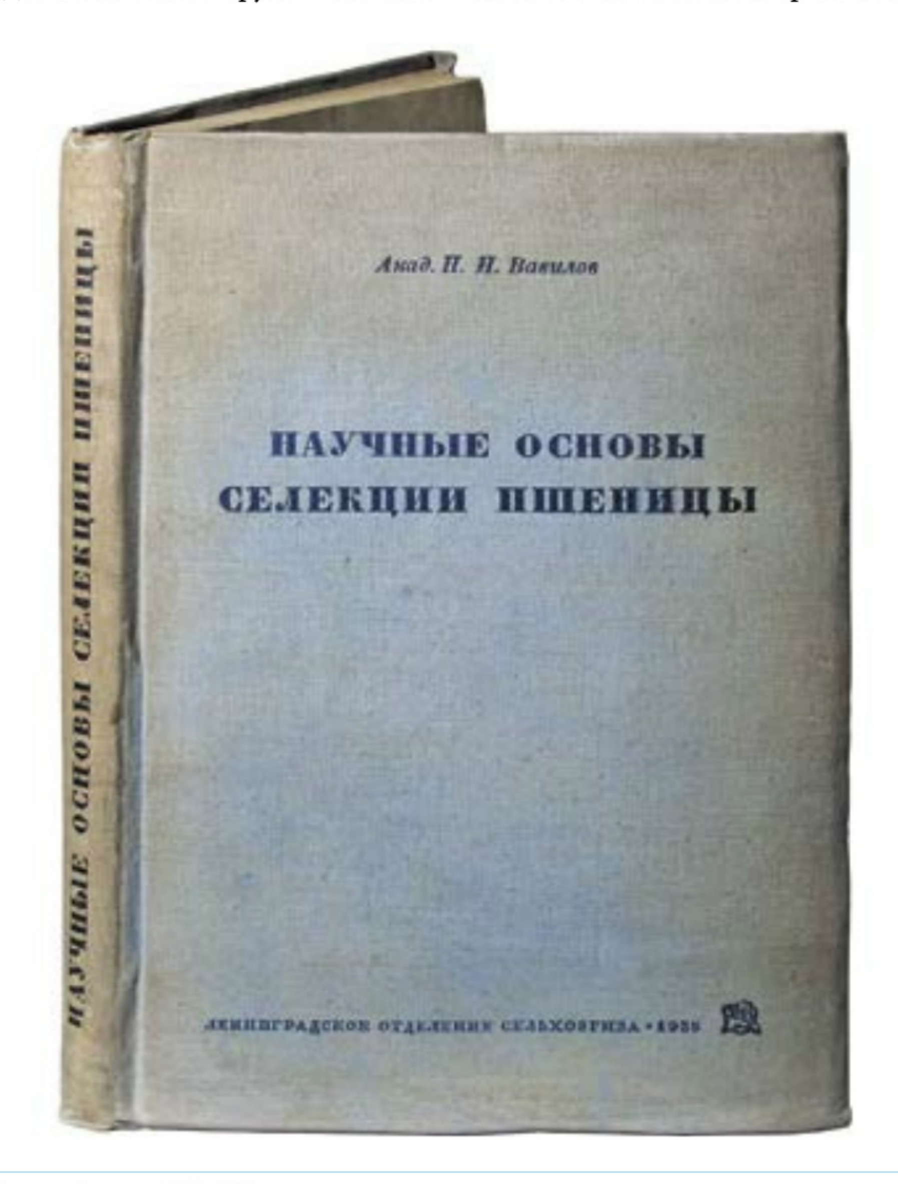
6 августа 1940 года Вавилов был арестован во время экспедиции в Черновцах. Допросы Вавилова продолжались одиннадцать месяцев. Его вызывали на допрос около 400 раз, общее время допросов составило 1700 часов. Его пытали. Находясь в одиночной камере Внутренней тюрьмы НКВД СССР, Вавилов подготовил рукопись книги по истории земледелия. Впоследствии ее уничтожили сотрудники НКВД СССР.

9 июля 1941 года Вавилов приговорён к расстрелу Военной коллегией Верховного Суда СССР. По ходатайству академика Д.Н. Прянишникова, научного руководителя диссертации Нины Берия (жены Л.П. Берия), расстрел был заменён 20-летним заключением. Осужденный Н.И. Вавилов был отправлен в тюрьму № 1 Саратова, где умер от дистрофии и «упадка сердечной деятельности». Официальная дата смерти – 26 января 1943 года. Где был похоронен Н.И. Вавилов – неизвестно…

По подсчетам историка биологии Е.В. Равенского, число арестованных в конце 1930-х только в Ленинграде сотрудников академика Н.И. Вавилова превысило численность всех биологов гитлеровской Германии, уволенных, эмигрировавших и погибших в концлагерях. Из тюрем вернулись только трое… Оставшиеся же на свободе сотрудники ВИР, в блокадном Ленинграде, сами погибая от голода, тем не менее сохранили коллекцию семян, собранную Вавиловым с коллегами. Один из них, Вадим Степанович Лехнович, вспоминал: «Ходить было трудно. Да, невыносимо трудно, вставать каждое утро, руками-ногами двигать… А не съесть коллекцию – трудно не было. Нисколько! Потому что съесть ее было невозможно. Дело своей жизни, дело жизни своих товарищей…»

Уже в разгар «перестройки» в СССР, в 1987 году, историк науки Е.Б. Музрукова осторожно писала о гибели Н.И. Вавилова: «Программа работ, составленная Вавиловым на 1940–1941 гг., поражала насыщенностью и напряженностью. Однако воплотить эту программу ему уже не было суждено. С 1940 г. он уже не мог работать. Яркая жизнь Н.И. Вавилова оборвалась в 1943 г.».

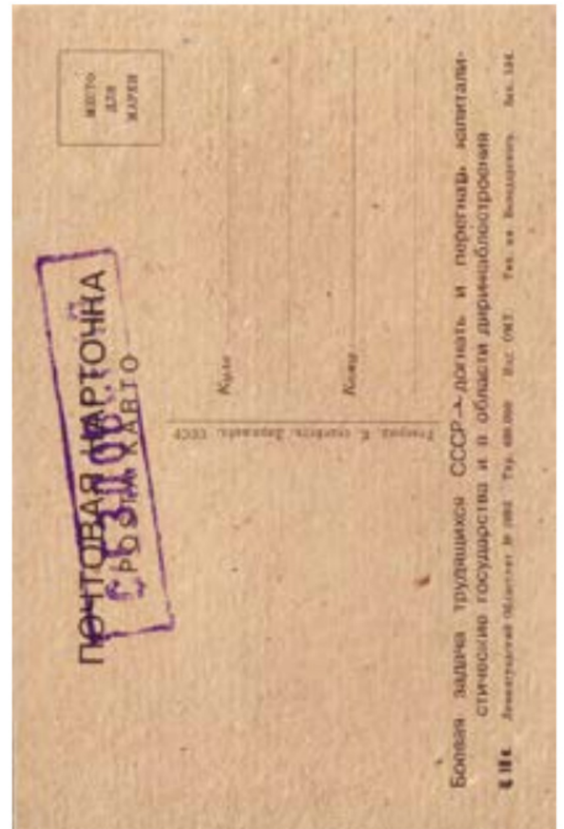

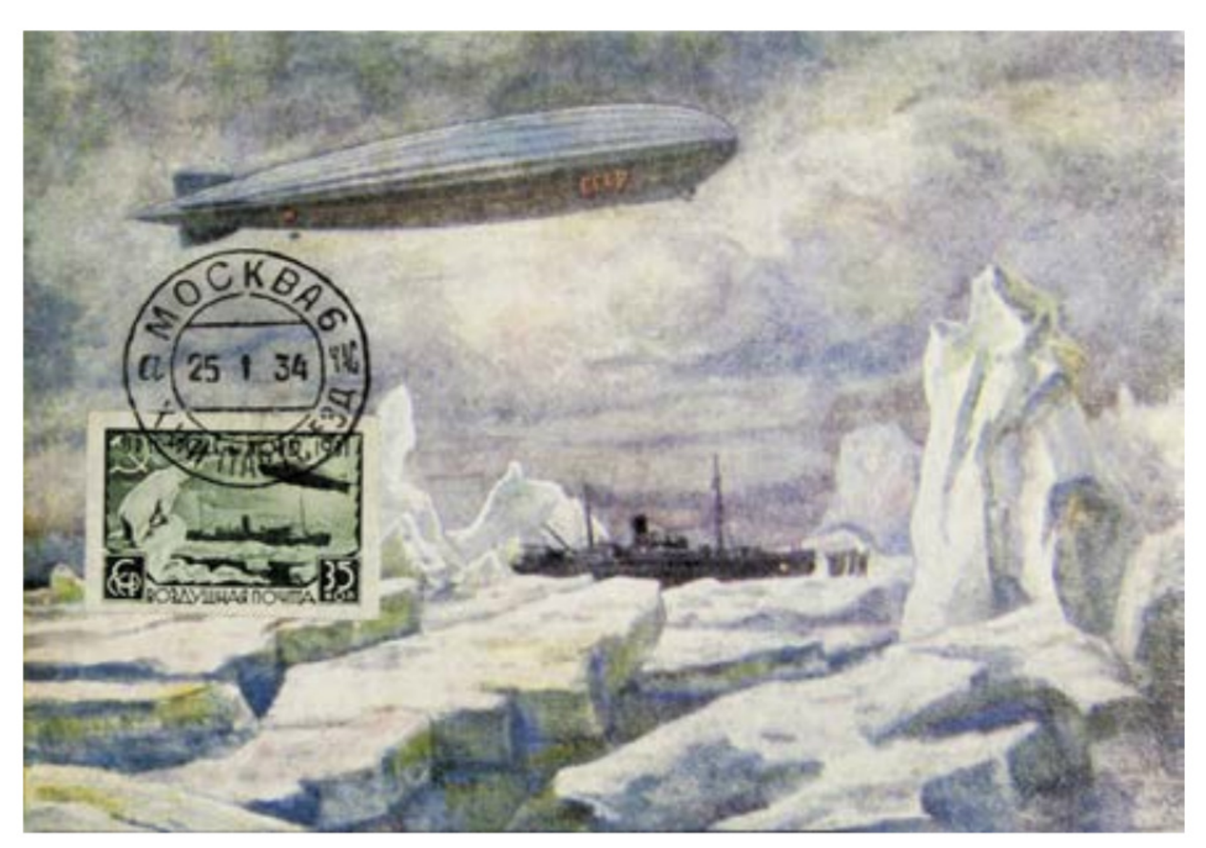
Академик Николай Иванович Вавилов (1887–1943)

Научные основы селекции пшеницы / Государственное издательство совхозной и колхозной литературы «Сельхозгиз». Москва–Ленинград, 1935. – 248 с., илл. 25 х 17,5 см. Тираж 8200 экз.

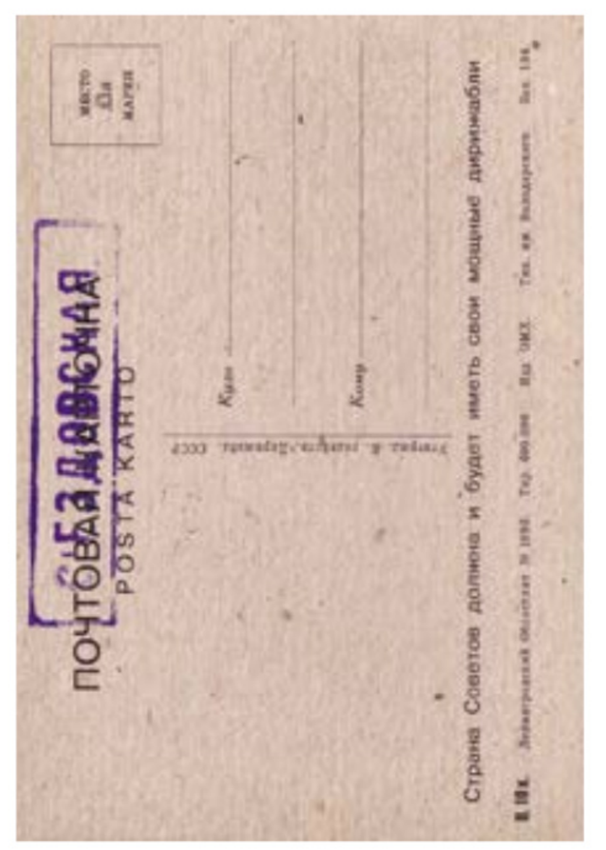
Издательский коленкоровый переплет. На форзаце наклеен Ex Libris «Из книг А. Махотина». Возможно, это кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института морфологии животных Ан СССР А.А. Махотин. В 1954 году – один из подписантов «письма 300» ученых с разоблачением антинаучной деятельности Т.Д. Лысенко.

СССР
ПОЧТА
КОПЕЕК

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
Боевая задача трудящихся СССР — догнать и перегнать капиталистические государства и в области дирижаблестроения

СССР
МОСКВА 6
25 1 34
ВОЗДУШНАЯ ПОЧТА

МОСКВА 6
XVII ПАРТСЪЕЗД
25 1 34
20 почта копеек 20

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
POSTA KARTO
МЕСТО ДЛЯ МАРКИ
Куда
Кому
Страна Советов должна и будет иметь свои мощные дирижабли

ДИРИЖАБЛЕСТРОЕНИЕ
СССР
почта 15 копеек

Владимир Ипатьев. Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях (1936) «О лишении гражданства Союза ССР Ипатьева В.Н. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР». «О лишении гражданства Союза ССР Чичибабина А.Е. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР» («Правда», 6 мая 1937 г.)

Рядом с логотипом газеты «Правда» от 6 января 1937 г. крупно набрано: «Сегодня – всесоюзная перепись населения. Граждане и гражданки Советской страны, окажите активную помощь работникам переписи!». Как минимум двух граждан СССР переписчики недосчитаются. На второй странице этого номера «Правды» – два коротких официальных сообщения: «О лишении гражданства Союза ССР Ипатьева В.Н. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР» и «О лишении гражданства Союза ССР Чичибабина А.Е. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР».

И как будто специально в том же выпуске «Правды», на первой странице печатают «Рапорт о досрочном выполнении производственного плана 1936 года Наркоматом местной промышленности УССР… Химическая промышленность – 97.070 тыс. руб.; рост к 1935 году – 71,9 проц.».

Представление Президиума АН СССР о выводе академика А.Е. Чичибабина из состава действительных членов АН СССР – РГСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1113. Л. 148–149

Никто, конечно, не подсчитал, каков вклад в этот прирост достигнут благодаря работам академиков Ипатьева и Чичибабина. Зато в редакционной статье «Недостойные граждана СССР», напечатанной вместе с постановлениями о лишении их гражданства, отмечается: «Лишение советского гражданства – мера суровая и тяжкая. Она кладет клеймо позора на тех, кто ей подвергнут. Велика, стало быть, вина людей, от которых отрекается советская страна, кого она считает чуждыми себе, враждебными людьми».

В чем же оказались виноваты перед СССР эти два ученых?

Владимир Николаевич Ипатьев родился в Москве. Происходил из дворянской семьи, сын архитектора. В 1892 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию в Петербурге. В 1895 защитил диссертацию, удостоенную премии им. А.М. Бутлерова. Научная карьера Ипатьева развивается стремительно. Он защищает еще две диссертации, среди них – «Взрывчатые свойства тринитрокрезола и тринитронафталина». С 1902 г. – ординарный профессор химии Михайловской артиллерийской академии; генерал-майор (1911), заслуженный профессор (1914). В 1903 г. он сконструировал прибор, который получил в истории науки имя собственное – «бомба Ипатьева»: прообраз применяемых сегодня в химической практике реакторов и автоклавов высокого давления.

В 1915 г., в разгар Первой мировой войны, возглавил Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, руководил строительством новых предприятий химической промышленности. Фактически Ипатьев руководил всей промышленностью взрывчатых веществ. Кстати, видимо, памятуя о сфере научных интересов Ипатьева, ему именно это и припомнили в 1937 г.: мол, усиливает «военную подготовку чужих и враждебных социализму стран».

Возможно, где-то в подсознании такая ненависть к В.Н. Ипатьеву со стороны руководителей СССР объяснялась и еще одним, почти мистическим, обстоятельством. Дело в том, что родной брат Владимира Николаевича – Николай Николаевич Ипатьев, круп-

ный военный инженер, с 1908 по 1918 г. владел в Екатеринбурге домом, в подвале которого в ночь с 16 на 17 июня 1918 г. была расстреляна царская семья. Дом этот накануне расстрела, в апреле 1918 г., был реквизирован у Н.Н. Ипатьева.

Однако никто не захотел припомнить, что именно В.Н. Ипатьев в 1918 г. был председателем Комиссии по демобилизации химической промышленности при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ). С 1921 г. – начальник Главного управления химической промышленности ВСНХ, член Президиума ВСНХ. Эксперт по научно-техническим вопросам на Генуэзской конференции (1922). В 1923–1926 гг. Ипатьев возглавляет Химический комитет при Реввоенсовете; в его ведении – руководство военно-химическими работами. В 1927 г. становится лауреатом премии им. В.И. Ленина. В этом же году организовал и возглавил Лабораторию высоких давлений в Ленинграде (с 1929 г. – Государственный Институт высоких давлений).

Алексей Евгеньевич Чичибабин

Примерно похожа научная и жизненная траектория Алексея Евгеньевича Чичибабина. В 1892 г. он оканчивает естественное отделение физико-математического факультета Московского университета с дипломом 1-й степени. С 1908 г. – профессор Московского технического училища, заведующий кафедрой общей и органической химии, которой руководил до 1930 года.

В годы Первой мировой войны организовал и возглавил Московский комитет содействия развитию фармацевтической промышленности. В Московском техническом училище организовал лабораторию, где под его руководством было налажено производство опия, морфия, кодеина, атропина и других лекарственных средств. С 1918 г. – ди-

2

О лишении гражданства Союза ССР ИПАТЬЕВА В. Н.

Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

На основании ст. 17 «Положения о гражданстве Союза ССР» от 22 апреля 1931 года (С. З. Союза ССР 1931 г. № 24, ст. 196) Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

Лишить гражданства Союза С. С. Р. **Ипатьева** Владимира Николаевича, как отказавшегося выполнить свой долг перед родиной, и запретить ему в'езд в пределы Союза Советских Социалистических Республик.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН.
Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль, 5 января 1937 года.

О лишении гражданства Союза ССР ЧИЧИБАБИНА А. Е.

Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

На основании ст. 17 «Положения о гражданстве Союза ССР» от 22 апреля 1931 года (С. З. Союза ССР 1931 г. № 24, ст. 196) Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

Лишить гражданства Союза С. С. Р. **Чичибабина** Алексея Евгеньевича, как отказавшегося выполнить свой долг перед родиной, и запретить ему в'езд в пределы Союза Советских Социалистических Республик.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН.
Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль, 5 января 1937 года.

Владимир Николаевич Ипатьев

ректор Научного химико-фармацевтического института. В 1922–1927 гг. председатель Научно-технического совета химико-фармацевтической промышленности. В 1926 году первым среди химиков удостоен премии им. В.И. Ленина. С 29 января 1929 г. – действительный член Академии наук СССР...

И это про них написано в заметке в «Правде»: «Оба они – старые ученые, получившие профессорское звание еще до революции. По своим взглядам и навыкам они принадлежали к миру капиталистической наживы. Наука была для них источником дохода… Чичибабин и Ипатьев не пожелали вернуться на работу в страну, где труд является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина. Они остались там, где труд является источником наживы для богатых людей. Они сами решили свою судьбу, избрав своим уделом бесчестие».

Между тем обстоятельства, по которым они стали «невозвращенцами», тоже в чем-то схожи.

В 1930 г. из-за несчастного случая на производственной практике погибла единственная дочь Чичибабина – студентка химического факультета МВТУ. Потрясенный горем, Чичибабин с супругой выезжает за границу (официально – в командировку). Жил в Париже. В 1930–1932 гг. работал в лаборатории фармацевтической химии в Институте Пастера в Париже. Затем руководил специально организованной для него исследовательской лабораторией химического концерна «Estabilissements Kuhlmann». В 1933 г. приглашен на кафедру химии Коллеж де Франс.

Алексей Евгеньевич так и не оправился после гибели дочери. Фактически он долго и тихо угасал в Париже от тяжелой болезни. И все эти 15 лет В.Н. Ипатьев считал совершенно необходимым финансово поддерживать своего друга и коллегу, выдающегося ученого-химика, а после его смерти – его вдову, Веру Чичибабину…

Сам Ипатьев выехал в Берлин в июне 1930 г. для участия во 2-м Международном энергетическом конгрессе. По его окончании он получает разрешение советского правительства и Академии наук СССР задержаться сначала на три месяца, потом на год для лечения. Едет в США. В Чикаго Ипатьеву была сделана сложная операция на горле. Здесь же, в Чикагском университете читает лекции по катализу. Одновременно по контракту с американской фирмой «Universal Oil Products Co» создает лабораторию катализа и высоких давлений.

Уже в 1931 г. Ипатьев и Чичибабин начинают получать из СССР приглашения-ультиматумы срочно вернуться на родину. Власти подключают к этому и сына В.Н. Ипатьева, Владимира, профессора химии, который остался в Москве: его заставляют писать отцу «о позоре, которым он чернит имя свое и своих детей».

И, несмотря на этот психологический прессинг, вплоть до 1936 г. В.Н. Ипатьев регулярно посылал в АН СССР отчеты о работах, проведенных за рубежом. И, что уж совсем кажется невероятным, Академии наук удается в 1936 г. выпустить его фундаментальную монографию «Каталитические реакции при высоких температурах давлениях». Сам Ипатьев так характеризует значение этого издания: «Предлагаемая книга… содержит все работы автора, его учеников и сотрудников, сделанные в продолжении последних 33 лет в важнейшей области химии, именно в области катализа органических соединений.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
ДОРОГОЙ МОЕЙ МАТЕРИ
АННЫ ДМИТРИЕВНЫ ИПАТЬЕВОЙ

Этот труд необходимо было осуществить ранее, но особые обстоятельства не позволили мне выполнить эту заветную мечту. С одной стороны, многие как русские, так и иностранные коллеги и друзья неоднократно упрекали меня в том, что отсутствие объединения в одном издании моих работ, опубликованных в виде отдельных сообщений в различных русских и иностранных химических изданиях, препятствует возможности надлежащего использования означенного материала, зачастую необходимого им в процессе их исследовательской работы. С другой стороны, для будущей истории катализа необходимо облегчить правильное освещение значения идей и работ моих, так как я посвятил всю свою жизнь прокладыванию новых путей в этой мало исследованной области химии».

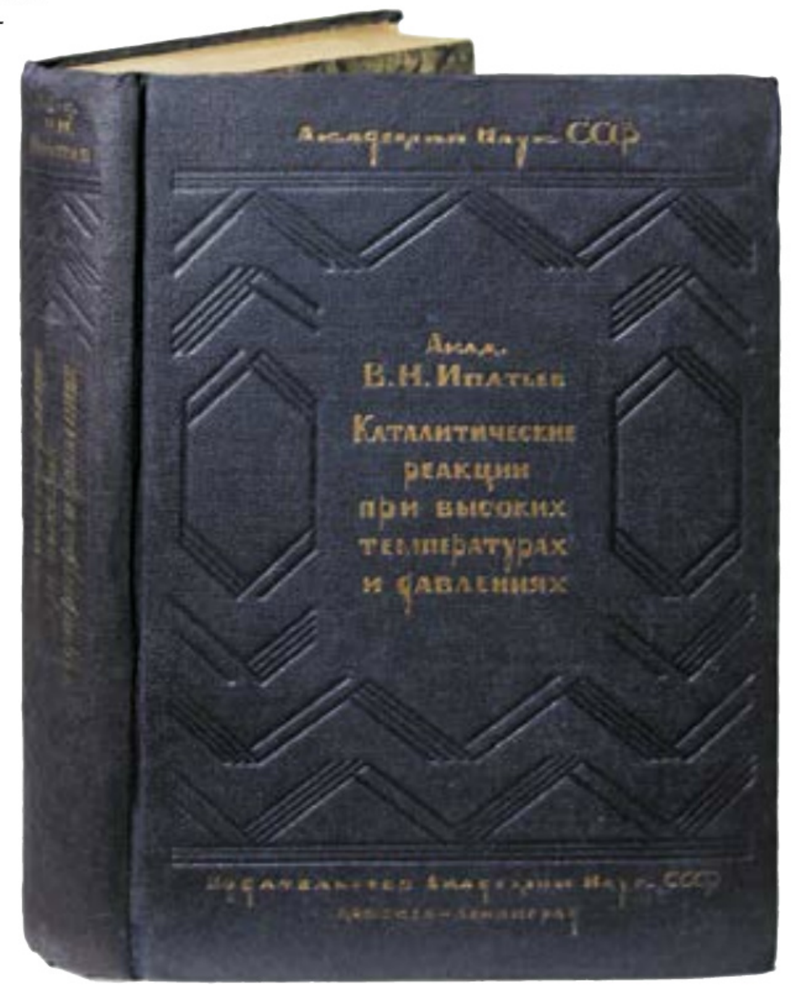
«Бомба Ипатьева» действительно открыла новую область химии. Теперь можно было проводить и изучать химические реакции при температурах 600°С и давлениях до 400 атм.

В выходных данных книги значится: «Напечатана по распоряжению Академии Наук СССР. Ответственный редактор доктор химии В.В. Ипатьев». Подписано к печати 4 апреля 1936 г. Возможно, это была последняя попытка властей вернуть Ипатьева в СССР. До Постановлений Президиума ЦИК Союза ССР о лишении гражданства Союза ССР Ипатьева В.Н. и Чичибабина А.Е. оставалось ровно девять месяцев.

2 июля 1936 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление: «Согласиться с предложением Академии Наук СССР о выводе академика А.Е. Чичибабина из состава действительных членов Академии Наук СССР». Академиков, что называется, «дожали».

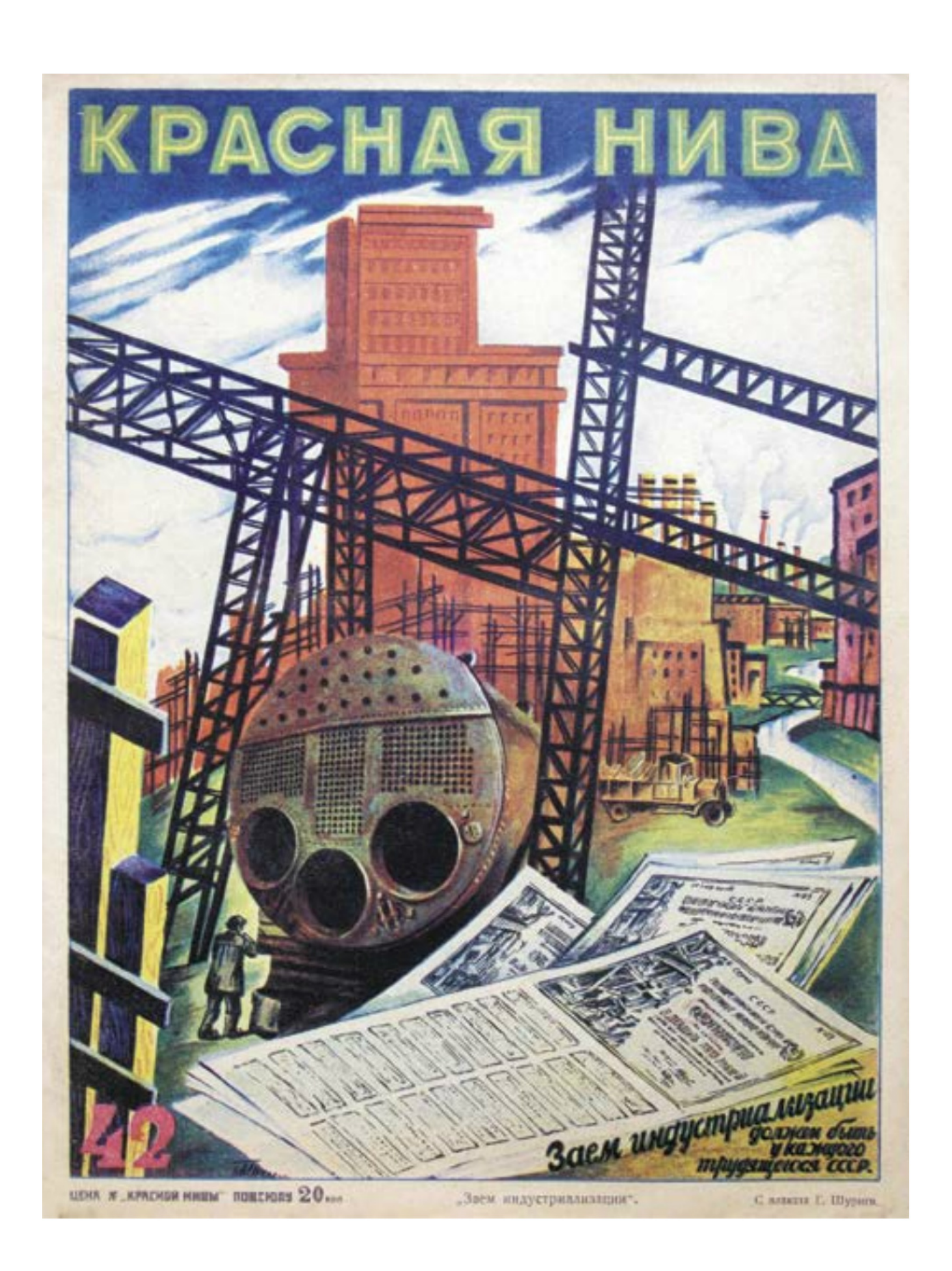
Газета «Правда» от 6 января 1937 г. с большевистской прямотой заявляла: «Лишая их советского гражданства, Советский Союз возвращает этих продажных людей родному им миру капиталистического свинства»… В этом же 1937 году В.Н. Ипатьев был назван в США «Человеком года»; в 1939 году он удостаивается высшей награды Французского химического общества – медали им. А. Лавуазье. А в 1952 г. – звания Compangnon de la Resistance («Спутник Сопротивления») за разработки топлива, использовавшегося для двигателей самолетов во время Второй мировой войны.

Они в один день были исключены из Академии наук, в один день лишены гражданства СССР и почти одновременно – 29 декабря 1990 г. В.Н. Ипатьев и 22 марта того же года А.Е. Чичибабин, – были восстановлены в списках действительных членов Академии наук СССР. Родине понадобилось 54 года, чтобы опомниться.

Владимир Николаевич Ипатьев (1867–1952)
Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях / Издательство Академии наук СССР, Москва – Ленинград, 1936. – 774 с., илл. 25 х 17 см. Тираж 1700 экз.
О лишении гражданства Союза ССР Ипатьева В.Н. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР;
О лишении гражданства Союза ССР Чичибабина А.Е. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР / Газета «Правда» №6 (6972), среда, 6 января 1937 г., 6 с. Постановления опубликованы на с. 2

КРАСНАЯ НИВА
27
ЦЕНА № „КРАСНОЙ НИВЫ" ПОВСЮДУ 20
В сталелитейном цехе.

КРАСНАЯ НИВА
42
Заем индустриализации
должен быть
у каждого
трудящегося СССР.
ЦЕНА № „КРАСНОЙ НИВЫ" ПОВСЮДУ 20 коп.
„Заем индустриализации".

Яков Перельман.
Задумай число (1938); Обманы зрения (1939); Вечные двигатели: Почему они невозможны? (1939); Быстрый счет (1939); Алгебра на клетчатой бумаге (1940); Одним росчерком. Вычерчивание фигур одной непрерывной линией (1940) ; Арифметические фокусы (1940); Задачи Эдисона (1940); Солнечные затмения (1941); Математический отгадчик имен (б/д)

Яков Исидорович Перельман родился 4 декабря (22 ноября по ст.ст.) 1882 года в уездном городе Белостоке Гродненской губернии в семье счетовода и учительницы. На его долю выпала редкая удача – он создал новый жанр: «занимательная наука». Впрочем, это даже не просто вид литературы, это – способ устройства мозговой деятельности огромного количества людей в одной отдельно взятой стране, России. Впрочем, не только. Перельман – это Пушкин: попробуйте повторить Пушкина! А попробуйте Перельмана!

Яков Исидорович Перельман, 1882–1942 гг.

Но начнем все-таки не с его книжек. В 1921 году в Советской России разразился голод, объем сельскохозяйственного производства составлял менее 60% от довоенного (1914 г.), промышленное производство – 20% от того же уровня. А металлургическая промышленность – всего 2%: все косы, использовавшиеся русскими крестьянами, поставлялись в Россию из Австрии… Об этом мало известно, но Перельман как раз в эти годы был одним из составителей учебных программ для школ по естественным наукам. Ничем не заменимая культуртрегерская работа. Причем это не одномоментный всплеск энтузиазма…

Начал свою просветительскую и популяризаторскую деятельность Яков Исидорович еще до Первой мировой войны. Частенько ему приходилось зарабатывать на жизнь составлением головоломок и загадок. Выпускник скромного Лесного института в Санкт-Петербурге (его специальность – «ученый-лесовод первого разряда») активно сотрудничает в журнале «Природа и люди». В 1910 году, по инициативе Перельмана, в качестве приложения к журналу начинает выходить иллюстрированный ежемесячник «Мир приключений». А в начале 1918 года в этом журнале печатается научно-фантастическая повесть Циолковского «Вне Земли». Уговорил

Циолковского закончить работу над этой повестью и передать ее в «Природу и люди» ответственный секретарь журнала – Яков Перельман. Любопытный факт: Перельман и сам печатал в этом журнале не только научно-популярные очерки, но и научно-фантастические тексты. Например, в № 24 за 1914 год был опубликован его рассказ «Завтрак в невесомой кухне», жанр которого автор так и определил – «научно-фантастический». И этот термин – «научно-фантастический» – тоже изобретение Перельмана.

Сам Яков Перельман свой подход к популяризации науки выразил в 1920 году в рецензии на книги другого известного популяризатора и библиографа Николая Рубакина, создавшего в Швейцарии Институт библиопсихологии: «Некоторые авторы, сами плохо владея предметом, стремятся дать читателю лишь поверхностные обрывки знаний, выдавая их за "последние слова" науки. Таковы на три четверти произведения Рубакина». Впрочем, некоторые адресаты перельмановских рецензий, даже вполне доброжелательные, не забывали «подколоть» коллегу-популяризатора: «Ученый лесовод Я.И. Перельман…» Даже просто факт такого эмоционального обсуждения научно-популярной литературы говорит о многом. Например, о том, насколько серьезно подходили в то время к такому не вполне серьезному, казалось бы, жанру.

«Общее число экземпляров всех написанных мною книг и брошюр (около 40 названий), разошедшихся в послереволюционное

время, достигает 3 000 000, не считая переводов на национальные и иностранные языки, – отмечал Яков Перельман в 1937 году. – Более половины этого тиража (1 700 000 экз.) падает на 15 книг популярно-научного характера; остальные – учебные руководства». При этом, как отмечал в 1966 году автор небольшого очерка о Перельмане Лев Разгон, «фамилию Я. Перельмана

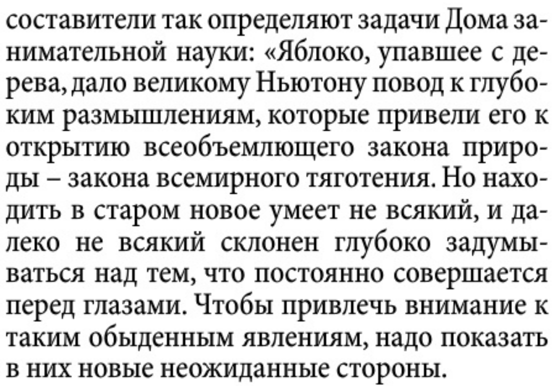
нельзя встретить ни в одном словаре или энциклопедии. О нем не написаны ни монографии, ни критико-биографические очерки, ни просто статьи. И даже дипломанты и диссертанты в своих жадных поисках тем предпочитают обращаться к автору одного и уже полузабытого романа, нежели к человеку, имя которого известно миллионам. Имя, фамилия – но не больше…». Более или менее полной библиографии работ Перельмана не существует до сих пор. А ведь могло бы получиться интересное и полезное научное исследование.

В 1935 году Перельман с несколькими такими же энтузиастами создает вообще невиданную в России форму пропаганды научных знаний: культурно-просветительский центр «Дом занимательной науки» (ДЗН). В четырех отделах ДЗН – астрономия, физика, математика, география – было собрано более 350 экспонатов, огромное количество наглядного материала – диапозитивов, карт, схем, фотографий, рисунков. Всё – по-серьезному: в методический совет ДЗН входили академики Д.С. Рождественский, А.Е. Ферсман, А.Ф. Иоффе, Н.И. Вавилов, выдающиеся физики М.П. Бронштейн и Э.П. Халфин, писатель Л.В. Успенский, художник А.Я. Малков.

Масштаб интеллектуальных притязаний ДЗН впечатляет. В своеобразном путеводителе по ДЗН, выпущенном в 1940 году, его

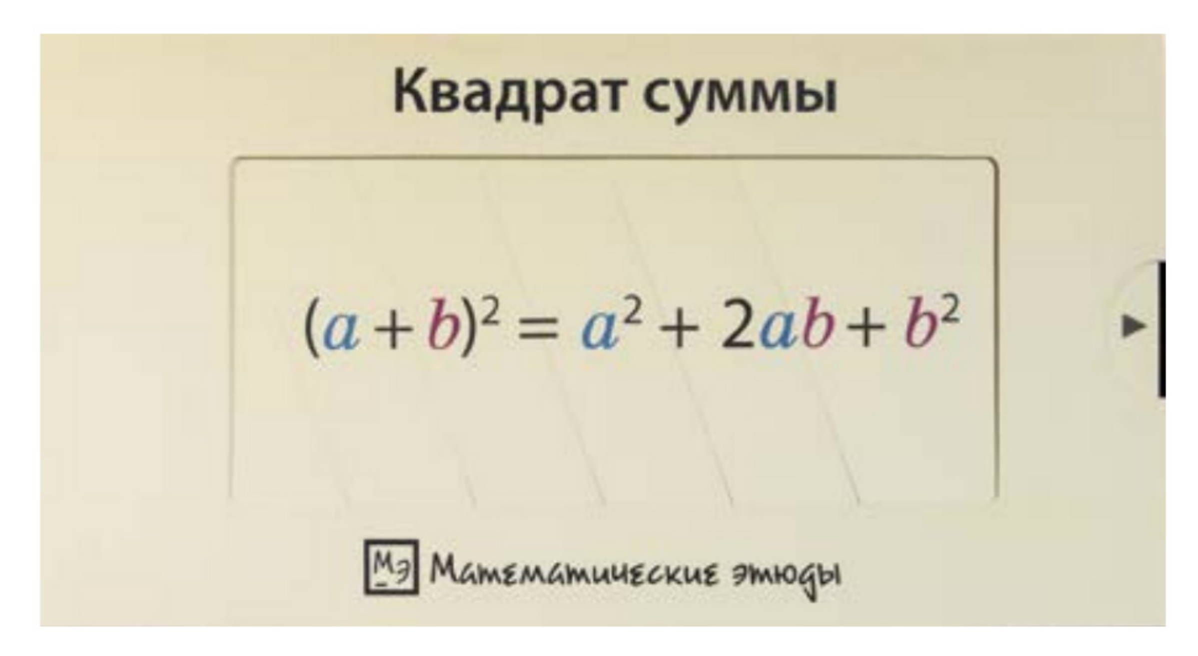

составители так определяют задачи Дома занимательной науки: «Яблоко, упавшее с дерева, дало великому Ньютону повод к глубоким размышлениям, которые привели его к открытию всеобъемлющего закона природы – закона всемирного тяготения. Но находить в старом новое умеет не всякий, и далеко не всякий склонен глубоко задумываться над тем, что постоянно совершается перед глазами. Чтобы привлечь внимание к таким обыденным явлениям, надо показать в них новые неожиданные стороны.

Подобный метод пропаганды научных знаний положен в основу своеобразного просветительского учреждения – Дома занимательной науки в Ленинграде… Незаметно овладевая вниманием, подстрекая любознательность, экспонаты Дома порождают настойчивое желание дознаться разрешения заложенных в них научных загадок».

Но жемчужина Дома занимательной науки – серия книг, выпущенных под его эгидой. Эти книги – книжечки, буквально наладонники! – совершенно изумительный при-

Как человек уменьшает землю

ПЕРЕД вами четыре глобуса разной величины, — но и они не школьного назначения. Эти глобусы наглядно иллюстрируют, как человеческая деятельность практически уменьшает размеры земного шара. Мы редко задумываемся над тем, что, по мере ускорения средств сообщения, земной шар становится все теснее. Для Магеллана, экспедиция которого совершила кругосветное путешествие в три года, Земля была, конечно, заметно обширнее, нежели, например, для Вилли Пости, облетевшего земной шар в $3\frac{1}{2}$ суток.

мер издательской программы ДЗН. По подсчетам Льва Разгона, начиная с 1938 года и до начала Великой Отечественной войны Перельман как редактор и составитель в издательстве Дома занимательной науки участвовал в подготовке 15 таких «наладонных» книжечек. Десять из них представлены в «Библиохронике». Всего же, по некоторым оценкам, книжный репертуар ДЗН насчитывал около 40 изданий.

Я.И. Перельман отмечал в 1940-м году: «Издавать общедоступную книгу в количестве 10–20 тысяч экземпляров при нашей огромной читательской аудитории, почти все равно, что не печатать книги вовсе. Надо заботиться не только о создании хорошей книги, но и о том, чтобы она печаталась большим тиражом и достаточно часто переиздавалась». Похоже, что Перельман, говоря это, имел в виду именно книжки, изданные Домом занимательной науки. Ведь самая «малотиражная» среди них – «Солнечные затмения» – вышла в количестве 50 тысяч экземпляров. Обычный же, рядовой, тираж этих изданий – 100 тысяч, а книжка «Одним росчерком. Вычерчивание фигур одной непрерывной линией» имела тираж и вовсе 200 тысяч экземпляров! Причем некоторые из этих изданий (например, «Арифметические фокусы») переиздавались по нескольку раз.

Пересказывать их содержание – бессмысленно; оно абсолютно точно и полно передано в самих названиях этих изящных, несмотря на всю свою немудреность, изданий. Даже простое перечисление этих названий не может не интриговать!

Есть у них и одна общая черта. Почти в каждой книжке Я.И. Перельман не перестает провоцировать любопытство потенциальных посетителей ДЗН. «Для чего существует ДЗН? Чтобы возбуждать интерес к вопросам научного знания и побуждать к самообразовательной работе», – сообщалось с обложки книжки «Вечные двигатели». «Через каждые 20 минут отправляются экскурсии на Луну и Марс из Дома Занимательной Науки. Ленинград, Фонтанка, 34» – это на обложке книги «Солнечные затмения». А вот из брошюры «Одним росчерком»: «Сколько весит Солнце? Какое расстояние до ближайшей звезды? Как ученые "взвешивают" и измеряют небесные тела? На эти и многие другие интересные вопросы из различных областей знания Вы получите ответ в Доме Занимательной Науки. Фонтанка, 34. Открыт ежедневно от 11 до 19 часов».

Перельман не был даже кандидатом наук, тем более – сотрудником какого-либо академического учреждения. Между тем особо ценным академическим ученым в блокадном Ленинграде положен был особый продуктовый паек: 2 кг краковской колбасы, 2 кг крупчатки, 1 кг сливочного масла, 1 кг

ВЕЧЕР НА НИЛЕ

В отделе занимательной географии выставлена картина-задача. Рассмотрите ее внимательно.

Художник сознательно ввел в картину ряд искажений и несообразностей. Попробуйте найти все эти ошибки, и сопоставьте свой ответ со справкой на стр. 41.

сахара, по 1 кг гречневой и манной крупы, 2 пачки папирос «Беломорканал». Наверное, и Перельмана могли вывезти на «большую землю» или, по крайней мере, обеспечить пайком, пусть и не таким «роскошным» академическим. Но, как говорится, не сочли…

Человек, сделавший выдающийся вклад в отечественную культуру и просвещение, Яков Исидорович Перельман умер от голода в блокадном Ленинграде 16 марта 1942 года, в своей библиотеке, насчитывавшей десять тысяч томов.

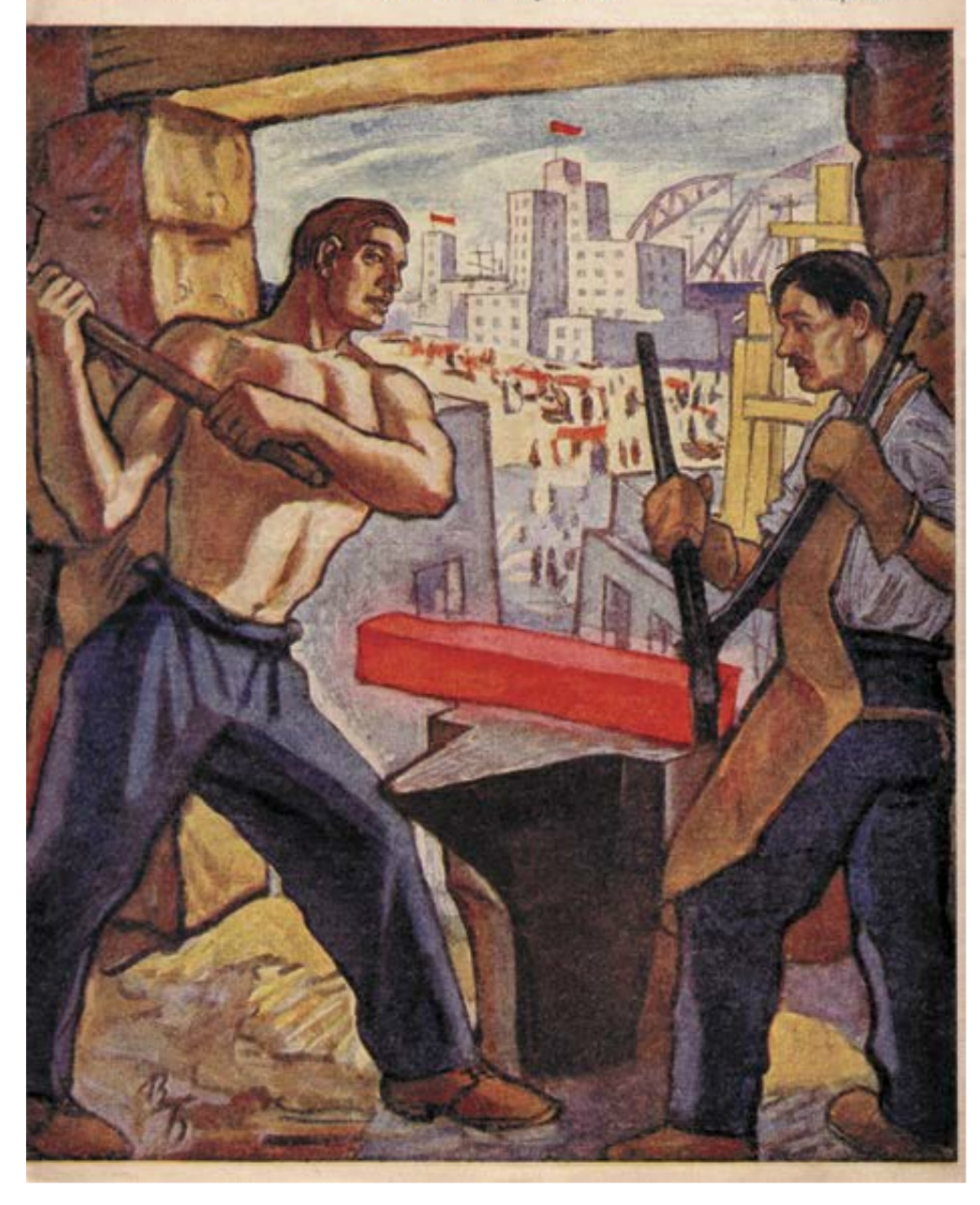

Яков Исидорович Перельман (1882–1942).
Задумай число / Л., Дом занимательной науки, 1938. 15 с. Тираж 100 000 экз. 10x7 см.
Обманы зрения / Л., Дом занимательной науки, 1939. 2 с. + 10 карточек. Тираж 100 000 экз. 9,5x7,3 см.
Вечные двигатели: Почему они невозможны? / Л., Дом занимательной науки, 1939. 20 с. Тираж 100 000 экз. 12x8 см.
Быстрый счет. Тридцать простых приемов устного счета/ Л., Дом занимательной науки, 1939. 12 с. Тираж 100 000 экз. 11,7x8 см.
Алгебра на клетчатой бумаге / Л., Дом занимательной науки, 1940. 16 с. Тираж не указан. 12x8,2 см.
Одним росчерком. Вычерчивание фигур одной непрерывной линией / Л., Дом занимательной науки, 1940. 16 с. илл.: 17 рисунков. Тираж 200 000 экз. 11,7x8,2 см.
Арифметические фокусы / Л., Дом занимательной науки, 1940. 15 с. Тираж 100 000 экз. 11,7x7,9 см.
Задачи Эдисона / Л., Дом занимательной науки, 1940. 16 с. Тираж 100 000 экз. 12x8,3 см.
Солнечные затмения / Л., Дом занимательной науки, 1941. 36 с. Тираж 50 000 экз. 14x10,7 см.
Я знаю, как вас зовут. Математический отгадчик имен/ Л., Дом занимательной науки, год не указан. 7 карточек в иллюстрированном картонном конверте. Тираж не указан. 9,3x7 см.

Художник
В. Белкин
«Индустриализация»

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

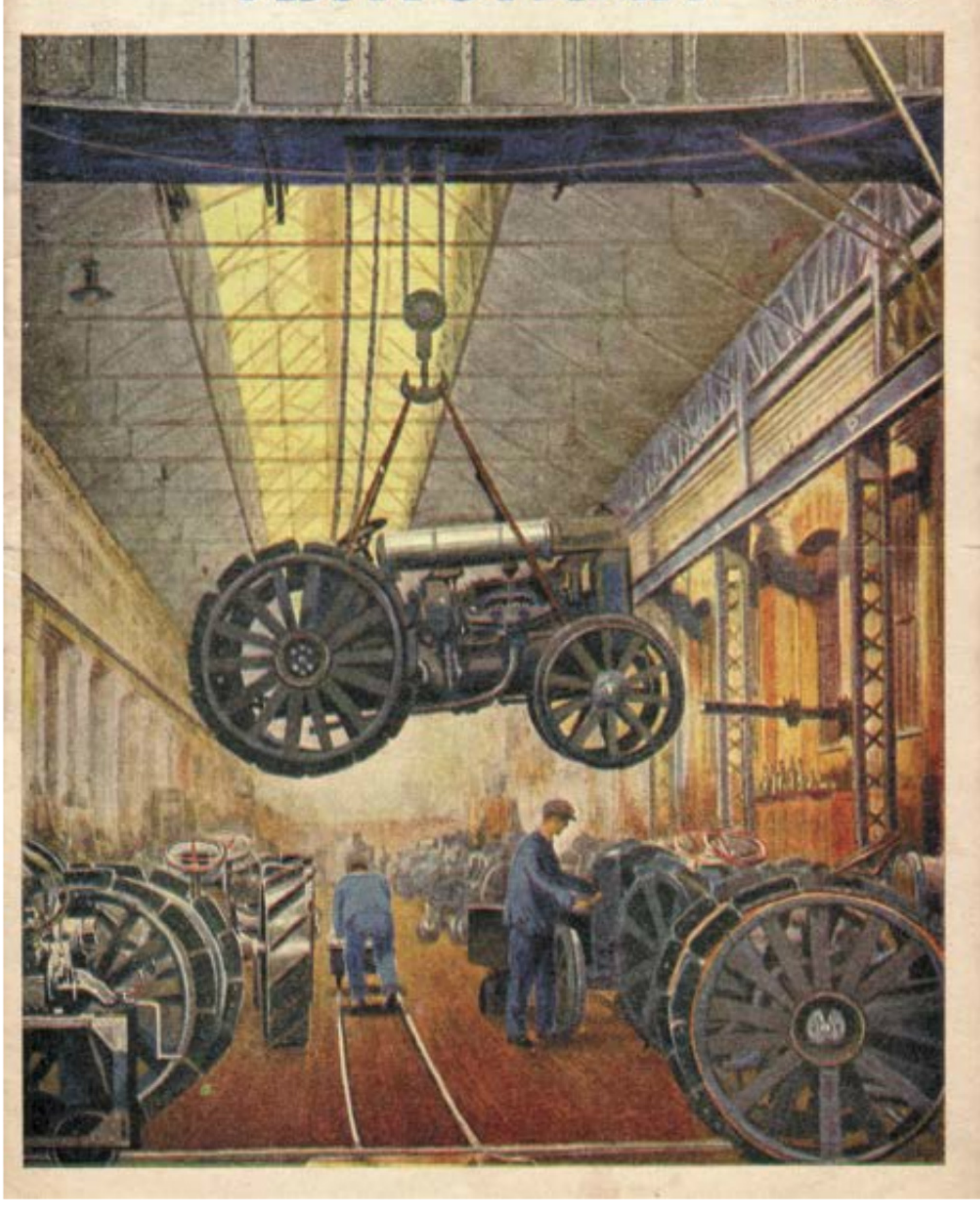
№ 45
Цена 10 коп.
8 ноября 1929 г.

Художник
Николай Ушин
«Тракторный цех
Кр. путиловца»

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

№ 48
Цена 10 коп.
29 ноября 1929 г.

61

Петр Дульский. «Иконография Исаака Ньютона» (1943)

«4 января 1943 г. исполняется триста лет со дня рождения Исаака Ньютона, одного из величайших гениев точного естествознания. Направляя сейчас основные усилия на помощь нашей героической Красной армии, Академия наук СССР не может пройти мимо знаменательной даты трехсотлетия со дня рождения одного из величайших творцов культуры – Исаака Ньютона. Академией наук создана особая комиссия по ознаменованию юбилея Ньютона», – с этих слов начинается авторское предисловие в книге академика С.И. Вавилова «Исаак Ньютон» (М.-Л., 1943). Самый тяжелый, переломный период Великой Отечественной войны, осень 1942 – зима 1943 гг., разворачивается грандиозная битва под Сталинградом...

Поразительно, но именно в этот драматический момент истории страны Академия наук СССР задумывает и осуществляет масштабную программу празднования 300-летия со дня рождения Исаака Ньютона; в СССР выпускается полноценная библиотечка книжных изданий, посвященных 300-летию Исаака Ньютона. И одним из украшений этой серии книг стал тонюсенький сборник карманного формата Казанского авиационного института, в котором и была помещена статья П.М. Дульского «Иконография Исаака Ньютона» – первая на русском языке публикация, посвященная этой теме. Обстоятельства подготовки и появления этого исследования порой были весьма драматичны.

Начать с того, что этот аккуратный покетбук Казанского авиационного института, изданный тиражом в 350 экземпляров, – самый настоящий маленький шедевр полиграфического искусства. Да, обложка и все типографские украшения книги – черно-белые. Но редакторы нашли оригинальное решение, как сделать более привлекательный дизайн. Надпись на обратной стороне шмуцтитула сообщает: «Внешность издания, обложка и графические украшения на титуле и страницах 48 и 58 заимствованы из книги: “Sir Isaac Newton, by V.E. Pullin, London, 1927”. Графика на страницах 7, 34, 35, 47, 58 и 82 принадлежат современнику И. Ньютона граверу E.I. Daudet». Это – изысканный орнамент из миниатюрных арабесок.

Кроме того, книга содержит четыре, вкленных на отдельных листах, миниатюрных портрета: три – И. Ньютона (работы Дж. Торнхилла (1675–1734), Готфрида Кнеллера

Дульский Петр Максимилианович. Автопортрет

(1646–1723) и Вандербанка (Дж. ван дер Бенк (1694–1739)) и портрет О. Кромвеля работы Питера Лели (1618–1680).

Такой неожиданно тщательный подход к полиграфическому исполнению сборника, впрочем, закономерен. Ведь среди других авторов был и заслуженный деятель искусств Татарской автономной ССР П.М. Дульский со статьей «Иконография Исаака Ньютона».

«Петр Максимилианович Дульский (1879–1956) – поистине знаковая фигура художественной культуры первой половины XX в. не только Татарстана, где он прожил большую часть своей жизни, но и России, – подчеркивает искусствовед Ольга Улемнова в статье «Графика П.М. Дульского из коллекции Г.Е. Климова в Казани» (Библиофильские известия. 2013. № 19). – П.М. Дульский внес неоценимый вклад в развитие книгоиздательского дела республики, на протяжении ряда лет ведя курс графических дисциплин в Полиграфической школе им. А.В. Луначарского в Казани и на графическом отделении Казанского художественно-педагогического техникума, занимаясь художественным оформлением многочисленных изданий Центрального музея… и других издательств. Был инициатором издания и редактором первого российского специализированного музейного журнала «Казанский музейный вестник» (1920–1924), собрав-

шего вокруг себя выдающихся деятелей музейного дела России и Европы».

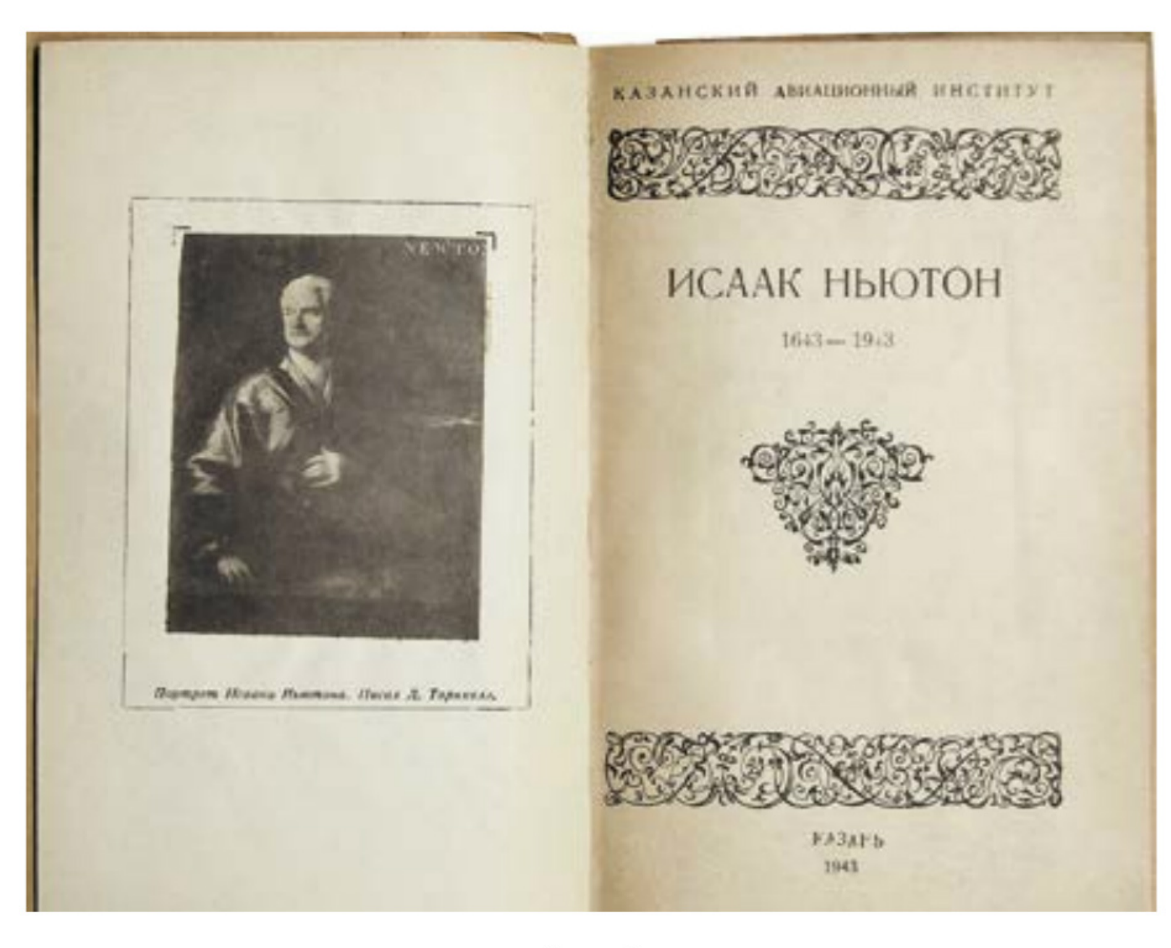
Ничего удивительного, что столь полиграфически изящным вышел покетбук Казанского авиационного института, посвященный Ньютону. Главную скрипку в его подготовке и выпуске играл именно П.М. Дульский – специалист по книжному дизайну и книжной графике.

Не менее интересно не только книжное убранство этого издания, но и сама история подготовки статьи «Иконография Исаака Ньютона». Дополнительную информацию в этом отношении дает текст статьи Дульского.

Портрет Исаака Ньютона, Писал Вандербанк. Гравировал Доде.

«В июне 1942 г. я получил от юбилейной комиссии Академии наук Союза ССР по проведению празднования 300-летия со дня рождения Исаака Ньютона предложение выступить на сессии с специальным докладом, – пишет П.М. Дульский. – Темой моего доклада я избрал обзор портретов Исаака Ньютона, но как только я приступил к работе – обнаружилось, что в казанских библиотеках и художественных хранилищах материалов по данному вопросу не имеется. Мы предполагаем, что и в наших столичных библиотеках материала тоже не найдется, так как он сосредоточен, главным образом, в Лондоне, в Кембридже и других крупнейших государственных и частных хранилищах Англии»

В Архиве РАН сохранилось машинописное письмо П.М. Дульского к академику

Исаак Ньютон. Четыре портрета. По оригиналам Enoch Seeman, John Vanderbank, Godfrey Kneller, John Faber гравировал Michael Wachsmut (?–1770). Резцовая гравюра на меди. Лейпциг, 1775 г. Лист 320 x 217 мм, оттиск 241 x 192 мм. Отпечатано на вержерованной бумаге

С.И. Вавилову, в котором обстоятельства этого запроса изложены более подробно.

«Академику С.И. Вавилову.

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Пользуясь случаем, что Вы проездом через Казань вероятно задержитесь здесь на день или два, я решил Вам написать настоящее письмо по поводу моей статьи. Работа мной закончена вчерне, объем ее будет около одного печатного листа, в настоящее время у меня задержка с иллюстрациями. 23 ноября я Вас побеспокоил срочной телеграммой в Москву с просьбой оказать мне содействие в скорейшем получении фотокопий по иконографии Исаака Ньютона. Не знаю, вовремя ли дошла моя телеграмма?

Меня очень волнует вопрос, получены ли из Англии заказанные нами, два месяца тому назад, фото?

В Казани снимков с портретов почти нет, хотя благодаря счастливой случайности я все же достал репродукцию с портрета Джемса Торнхиля… Я сейчас располагаю подбором в 10 снимков, но, конечно, если фотокопии будут получены из Лондона, то они значительно улучшат иллюстрационную сторону.

Искренне уважающий Вас П. Дульский.

10.XI.1942.».

Другой, на месте Дульского, возможно, счел бы «миссию невыполнимой», да и неуместной: все-таки на дворе – июнь 1942 года, а он с какими-то фотокопиями портретов Ньютона носится!.. Между тем, например в 1944 г., Академия наук СССР вела обмен своими изданиями с 541 научным учреждением мира, в основном – с англоязычными. Это, конечно, не 1630 иностранных научных учреждений, которым АН СССР рассылала свои издания в 1940 году, но все же факт впечатляющий.

Ничего удивительного, что Дульский отмечает в своей статье: «Желая оказать содействие в моей работе, Академия наук Союза ССР обратилась в ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) с просьбой снестись с Королевским Обществом в Лондоне и просить его выслать фото с лучших портретов Исаака Ньютона. В ответ на наше предложение был прислан ряд книг, но почему-то иллюстративный материал не был доставлен. Таким образом, нам пришлось использовать только тот материал, который у нас оказался под руками, и в этом нам значительно помог академик Сергей Иванович Вавилов, которому мы приносим глубокую благодарность».

Видимо, сразу после выхода сборника Казанского авиационного института, 10 ноября 1943 г., Дульский посылает экземпляр этой книги Вавилову. Петр Максимилианович находился на эмоциональном подъеме, был взволнован. Об этом свидетельствует и стиль, и форма (рукопись, а не машинописный текст), и орфография текста сопроводительного письма:

«Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Сегодняшнею почтой пересылаю Вам заказной бандеролью вышетшую у нас в ИНСТИТУТЕ брошуру «И. НЬЮТОН». Прошу Вас сообщить мне дошла ли она в аккуратном виде и Ваше мнение о ней. Искренне Вас уваж. П. Дульский».

Во втором издании книги «Исаак Ньютон» (1945 г.), в кратком аннотированном библиографическом указателе, С.И. Вавилов напишет про этот сборник статей: «Небольшая книга с юбилейными докладами…». Но, как бы там ни было, статья Петра Максимилиановича Дульского стала первой отечественной публикацией, посвященной иконографии Исаака Ньютона. И до сих пор она остается единственной на эту тему в нашей библиографии.

Петр Максимилианович Дульский (1879 – 1956)
«Иконография Исаака Ньютона» // Исаак Ньютон (1643 – 1943). Доклады, прочитанные на торжественном заседании, посвященном трехсотлетию со дня рождения великого английского ученого ИСААКА НЬЮТОНА в Казанском Авиационном Институте 9 апреля 1943 г. – Казань, Казанский авиационный ин-т, 1943. – 82 с., 17,2 х 11,2 см. Тираж 350 экз.

РЕКОНСТРУКЦИЯ
ТРАНСПОРТА
№ 8
1931
АПРЕЛЬ
ЦЕНА
25 к.
ОГИЗ-ГОСТРАНСИЗДАТ

РЕКОНСТРУКЦИЯ
транспорта
N 11
1931
ИЮНЬ
ЦЕНА
25 к.
ОГИЗ – ГОСТРАНСИЗДАТ

Петр Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах (1946)

В одной из своих публичных лекций Альберт Эйнштейн утверждал, что, если мы хотим что-то узнать о методе того или иного ученого, надо изучать не то, что он говорит об этом, а его сугубо научные публикации. Но даже если это и так, то попытки ученых взглянуть со стороны на свои работы, – а это, собственно, и составляет основную часть их воспоминаний, – дорогого стоят. Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914) – выдающийся российский естествоиспытатель, географ, ботаник, статистик, энтомолог, искусствовед и коллекционер – в полной мере подтверждает это своими мемуарами. «Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах» Семенова (еще не Тян-Шанского) выдающееся в этом смысле произведение. Недаром в 1906 году в Российской империи вспомнили о круглой дате – 50-летии экспедиции на Тянь-Шань Петра Петровича Семёнова (началась в мае 1856 года). В ознаменование этого события императорским указом, простую русскую фамилию «нарастили» до привычного уже сегодня – Семёнов-Тян-Шанский…

Отец Петра Петровича – герой Бородинского сражения, с Измайловским полком прошел всю кампанию 1812–1813 гг. Побывал в плену у французов. Возвратясь в Россию, поселился в деревне, где и умер в 1832 году, когда Петру Петровичу было шесть лет. «Петр Петрович остался с больной матерью, женщиной высокаго ума, образования и гуманности, но, к сожалению, пораженной психическим недугом, принимавшим иногда удручающие размеры, – отмечал российский ученый-географ Андрей Андреевич Достоевский на траурном собрании Русского энтомологического общества 17 марта 1914 г., посвященном памяти П.П. Семенова-Тян-Шанского. – С 9 до 14 лет Петр Петрович был предоставлен самому себе. За это время он перечитал всю богатую библиотеку отца, состоявшую из образцов всемирной изящной литературы с большим количеством сочинений естественно-историческаго содержания».

Получив образование в военной школе, П.П. Семенов поступил на физико-математический факультет Петербургского университета и в мае 1848 года успешно его окончил. В том же году вместе со своим университетским другом Н.Я. Данилевским он совершил пешком «экскурсию» из Петербурга в Москву через Новгород. В холерное время!

В 1851 году П.П. Семенов блестяще защищает магистерскую диссертацию «Придонская флора» и начинает подготовку к путешествию в Центральную Азию.

А начал свое легендарное путешествие П.П. Семенов в 1856 году из Семипалатинска, добрался до поселка Верный (нынешняя Алма-Ата) и оттуда через горные проходы Заилийского Алатау прошел на восточную оконечность озера Иссык-Куль. Отсюда он увидел впервые Тянь-Шаньский хребет. Это было первое посещение Иссык-Куля с его восточной стороны. Он первый из европейцев проник в глубь горной страны Тянь-Шань («Небесные горы» по-китайски), начертил схему ее хребтов, исследовал озеро Иссык-Куль, открыл верховья Сырдарьи, идентифицировал десятки новых видов растений, установил отсутствие на Тянь-Шане современного вулканизма (и этим опровергнул устоявшееся мнение выдающегося естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта, который полагал, что на Тянь-Шане существовали действующие вулканы). Обо всем этом – захватывающе интересный рассказ в его книге.

А еще в «Путешествии в Тянь-Шань» – изобилие редких этнографических, демографических и социологических наблюдений. Вот, например. Семенов-Тян-Шанский называет падение Казани (1552 год) – «великое мировое событие», наравне с колонизацией

Бурамбай, султан и манап дикокаменных киргизов.

европейцами Нового Света. И приводит такие данные: 90 миллионов человек – «выброс» европейцев в Новый Свет со времен Колумба; и «русская колонизация, направленная к востоку и юго-востоку, водворила за пределы этнографической Азии не менее 46 миллионов людей европейской расы». Такой фактуры в избытке в мемуарах у Семенова-Тян-Шанского. Небезынтересно, что им введены в русскоязычную научную литературу такие термины, как плоскогорье, нагорье, предгорье, нагромождение хребтов, котловина, водоем…

Самое поразительное, что знаменитое путешествие в 1856–1857 годах, за которое Петр Петрович Семенов и получил впоследствии прибавку к фамилии, осталось единственным крупным путешествием в его научной карьере. Но мало того, мемуары именно об этом путешествии дольше всего и ждали момента опубликования – 90 лет!

Вернувшись в 1858 году с Тянь-Шаня в Петербург, Семенов намеревался подготовить подробный отчет о своих исследованиях в двух томах, снабдив их картами, таблицами, иллюстрациями. Но в этот момент он назначается заведующим делами Редакционной комиссии, готовившей реформу 1861 года – отмену в России крепостного права. В это время Петр Петрович смог опубликовать в различных периодических изданиях лишь фрагменты из своих экспедиционных дневников. И это неудивительно: в 60-90-е годы XIX века Семенов возглавляет центральные государственные статистические органы. В 1872 году П.П. Семенов организовал первую международную научную конференцию в России – статистический конгресс в Петербурге.

А в 1897 году под его руководством проводится первая в России перепись населения. Кстати, при проведении переписи применялись самые совершенные на тот момент методики и технологии. В частности, табуляторы, работающие с использованием перфокарт. Это позволило установить, например, что Москва только что стала городом-миллионником.

Так что, собственно саму книгу «Путешествие в Тянь-Шань» П.П. Семенов-Тян-Шанский написал уже в 81-летнем возрасте, по своим дневникам. (А когда читаешь ее сегодня, такое чувство, что это – репортаж online в каком-нибудь блоге или твиттере. Полное ощущение присутствия и актуальности происходящего!) Но до публикации дело и тогда не дошло – Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война.

И вот, 27 марта 1946 года в советских газетах появилось короткое сообщение: «Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. ЛЕНИНГРАД, (ТАСС). Еще в дореволюционное время вышли первый, третий и четвертый тома мемуаров великого русского путешественника и исследователя П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Алима, старшая жена манапа Бурамбая и дочь его Джузак.

Дуана (колдун) Большой орды.

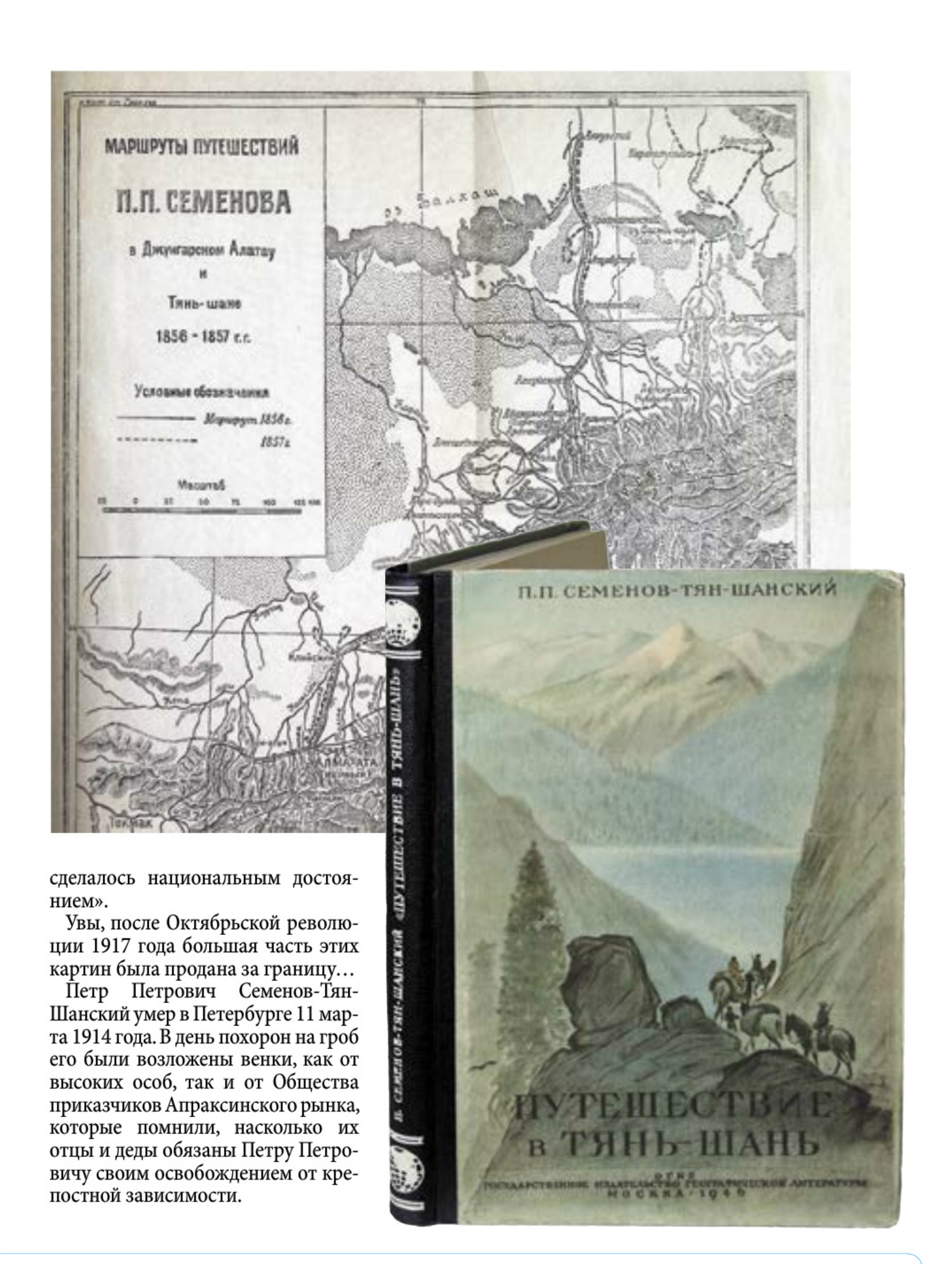
В нынешнем году “Географгиз” выпустит в свет второй – последний – том объемом в 10 печатных листов. Он посвящается путешествию выдающегося ученого-географа на Тянь-Шань в 1857 году.

Второй том, выходящий под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР проф. Л.С. Берга, будет иллюстрирован рисунками художника Пошарова, спутника путешественника по экспедиции».

Но и в «Географгиз» (издательство было создано в октябре 1945 года) эти мемуары попали не сразу. В Архиве Российской академии наук сохранилось письмо директора географического издательства Ю.Г. Саушкина президенту Академии наук СССР, академику Сергею Ивановича Вавилову. «Государственное издательство географической литературы обращается к Вам с покорнейшей просьбой передать из издательства Академии наук СССР в наше распоряжение рукопись второго тома “Мемуаров” П.П. Семенова-Тян-Шанского одновременно с изданным первым томом “Мемуаров”, к которому Л.С. Берг написал новое предисловие, – просит Юлиан Глебович. – Эти рукописи были переданы президентом Всесоюзного географического общества Л.С. Бергом в издательство Академии наук СССР до создания специального географического издательства. В решении директивных органов об организации географического издательства ему было поручено выпустить сочинения П.П. Семенова-Тян-Шанского». Письмо это датировано 26 января 1946 года. В тот же день С.И. Вавилов ставит свою визу: «Ответить согласием». А уже 6 июля 1946 года набор был подписан к печати.

В какой-то мере этот факт можно считать запоздалой и неравноценной компенсацией советской власти выдающемуся российскому ученому. И эта несправедливость, как ни странно, имеет корни в том, что Семенов-Тян-Шанский был ярко выраженный систематик. Так, свою личную энтомологическую коллекцию – более 700 000 насекомых! – Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, президент Русского энтомологического общества, передал в дар Зоологическому музею Академии наук. По поводу этой грандиозной коллекции в экстренном собрании Русского энтомологического общества 17 марта 1914 года отмечалось: «Целый ряд специалистов в России черпал в этой коллекции, обильный материал с массой новостей для своих работ. Но не мало труда, и именно наименее благодарного, он сам вкладывал в свою коллекцию. Всякий, работавший над более или менее обширной коллекцией знает, сколько терпения, времени, кропотливого труда и денежных затрат требуется для приведения сырых сборов в удобопользуемое состояние – коллекцию».

А вот собранная П.П. Семеновым-Тян-Шанским коллекция картин фламандских и голландских художников, около 700 полотен, стала основой знаменитого собрания «малых голландцев» Императорского Эрмитажа. «Серьезная научная подготовка, привычка к строго научным методам исследования сказались с особенною яркостью в этих занятиях Петра Петровича, – подчеркивал на упомянутом собрании Русского энтомологического общества выдающийся географ, энтомолог, исследователь Средней Азии Василий Фёдорович Ошанин (1844–1917). – Начав собирать картины, он не стал разбрасываться, а остановился исключительно на работах фламандских и голландских художников, живших во время полнаго расцвета этой замечательной школы, т.е. в течение XVI и XVII веков. Из этого периода Петром Петровичем была собрана замечательнейшая галерея, в которой едва ли отсутствует хоть один даже третьестепенный мастер. Галерея эта была продана покойным еще при его жизни Императорскому Эрмитажу, за сумму значительно более низкую той, которую можно было выручить за границей; в настоящее время, благодаря этому, собрание Петра Петровича

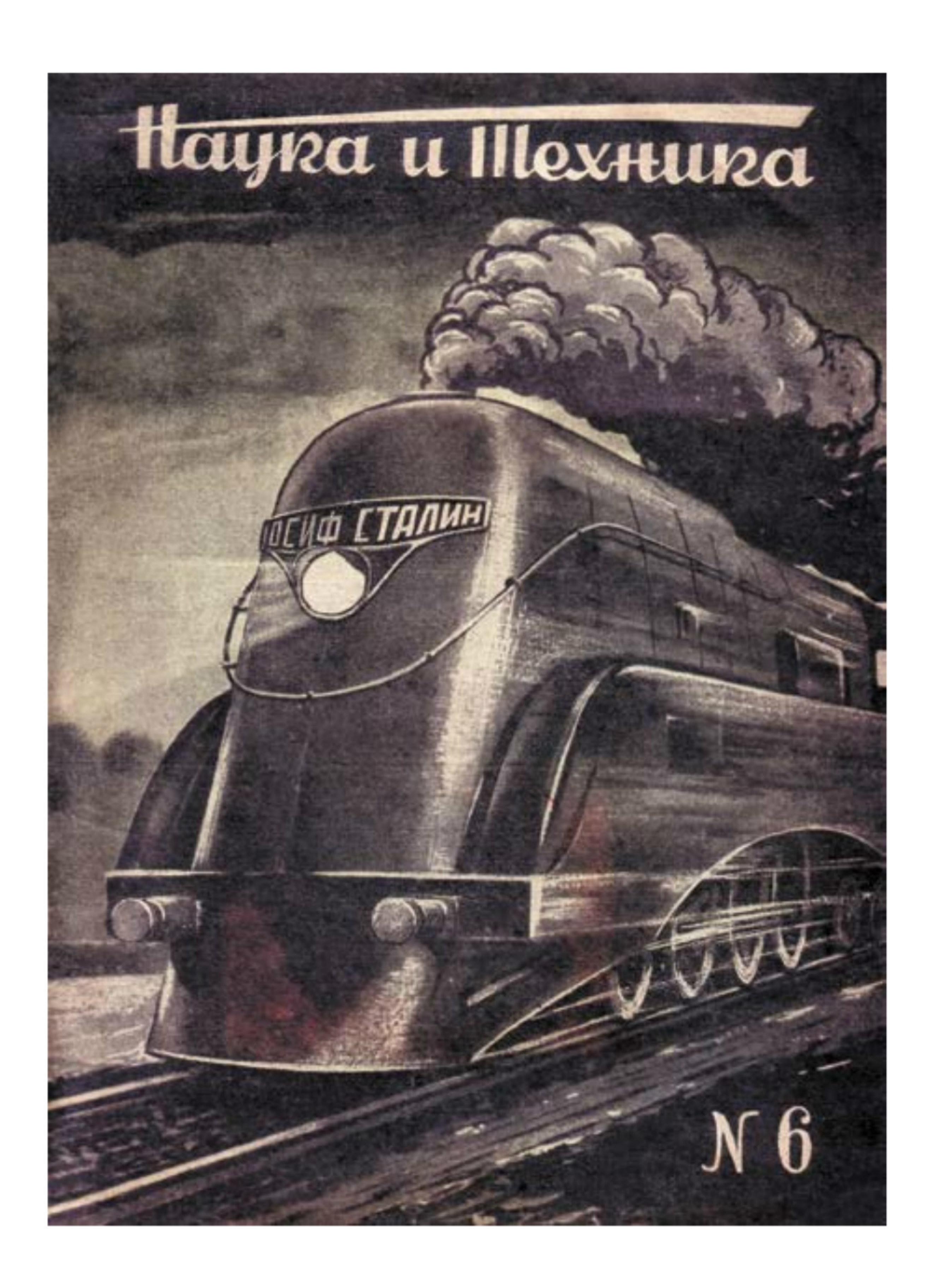
сделалось национальным достоянием».

Увы, после Октябрьской революции 1917 года большая часть этих картин была продана за границу…

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский умер в Петербурге 11 марта 1914 года. В день похорон на гроб его были возложены венки, как от высоких особ, так и от Общества приказчиков Апраксинского рынка, которые помнили, насколько их отцы и деды обязаны Петру Петровичу своим освобождением от крепостной зависимости.

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914).
Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. Мемуары. Том второй. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах / Первое издание, просмотренное Л.С. Бергом, со вступительной статьей Н.Г. Фрадкина. Москва, ОГИЗ Государственное издательство географической литературы, 1946. – 256 с. Тираж 15200 экз. 26х16,8 см. + карта «Маршруты путешествий П.П. Семенова в Джунгарском Алатау и Тянь-Шане». Издательская картонажная иллюстрированная обложка.

Огонек
Цена 50 коп.
ИОСИФ СТАЛИН
СССР
ИС 20-16

Наука и Техника
ИОСИФ СТАЛИН
№ 6

Николай Вознесенский. Военная экономика СССР в период отечественной войны (1947)

В издательской аннотации к первой книжной биографии Николая Алексеевича Вознесенского, вышедшей в 1974 году, судьба его уместилась в несколько строчек: «В 15 лет Вознесенский вступает в комсомол, в 16 – в партию большевиков, в 21 год – получает университетское образование; в 32 года он уже признанный ученый, а в 34 – руководитель экономического штаба Советского государства – Госплана СССР; в 37 лет – первый заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, в 39 – академик, в 43 года – член Политбюро ЦК ВКП(б). Сильный, не терпящий компромиссов характер; верность идеям марксизма-ленинизма; незаурядный талант ученого-экономиста, без остатка отданный служению этим идеям, – вот слагаемые, которые легли в основу яркой, насыщенной большими делами и свершениями жизни Н.А. Вознесенского – видного партийного и советского государственного деятеля».

Если бы В.В. Колотов, автор этой биографической повести, продолжил перечисление основных дат в жизни Николая Алексеевича Вознесенского, то дальше ему пришлось бы привести еще одну, последнюю: в 46 лет – физически уничтожен той самой партией, которой он отдал без остатка «незаурядный талант ученого-экономиста»…

Н.А. Вознесенский родился 1 декабря 1903 года в селе Теплом Тульской губернии. Когда Николаю было семь лет, семья перебралась в уездный городок Чернь. Дальше – все сам.

По сути, Н.А. Вознесенский становится основоположником теории политэкономии социализма. (Когда 27 сентября 1943 года Вознесенского избирали в академики Академии наук СССР, то в представлении от Московского государственного университета отмечалось: «…товарищ Вознесенский Н.А. является автором ряда первоклассных научных работ, в которых дана трактовка основных проблем политической экономии социализма».)

Затем – два года Вознесенский возглавляет городскую плановую комиссию Ленинграда.

Ничего удивительного, что в конце 1937 года Вознесенский, едва приступив к обязанностям заместителя председателя Госплана, получил указание правительства возглавить этот государственный орган. С 1939 по 1949 гг. расчеты баланса народного хозяйства производились в СССР по схеме, разработанной Н.А. Вознесенским.

В феврале 1941 года председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский выступает на XVIII партконференции ВКП(б). По его мнению, современная война будет войной моторов и резервов. СССР не может не учитывать этих технико-экономических особенностей. И начавшаяся вскоре Великая Отечественная война полностью подтвердила этот прогноз.

Вознесенский фактически становится ответственным за экономическое и финансовой обеспечение ведения боевых действий и эвакуацию промышленности на Восток.

В книге Н.А. Вознесенского собран и систематизирован богатейший статистический материал. Каждая страница буквально испещрена цифровыми показателями. Вот как Вознесенский характеризует экономическую ситуацию в начальный период войны:

«В течение каких-либо трёх месяцев 1941 года было эвакуировано в восточные районы СССР более 1 360 крупных, главным образом военных, предприятий, в том числе эвакуировано на Урал 455 предприятий, в Западную Сибирь – 210 предприятий и в Среднюю Азию и Казахстан – 250 предпри-

ятий. Объём капитальных работ в районах Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии, несмотря на трудности военного времени, увеличился с 3,1 млрд руб. в первом – мирном полугодии 1941 года до 5,1 млрд руб. во втором – военном полугодии 1941 года».

Газета «Правда» в рецензии на эту книгу отмечала: «Книга представляет большой теоретический интерес, содержит глубокий анализ движущих сил и закономерностей социалистической военной экономики». Но, по существу, главный теоретический вывод, к которому приходил Вознесенский, звучал так:

«Военная экономика СССР характеризуется своеобразными экономическими закономерностями в области производства и распределения. Периоду военной экономики СССР соответствует особая глава науки политической экономии. Теория военной экономики социализма создана трудами нашего вождя – великого Сталина».

Экземпляр «Военной экономики СССР в период отечественной войны», представленный в «Библиохронике», по-видимому, принадлежал кому-то из ответственных работников Госплана СССР. Дело в том, что книга была подписана в печать 12 декабря 1947 года. А на титульном листе есть владельческая надпись: «Алексеев (?) 27.XII 47.». То есть это один из первых экземпляров, вышедших из печати, и его мог получить только человек, непосредственно общавшийся с Н.А. Вознесенским.

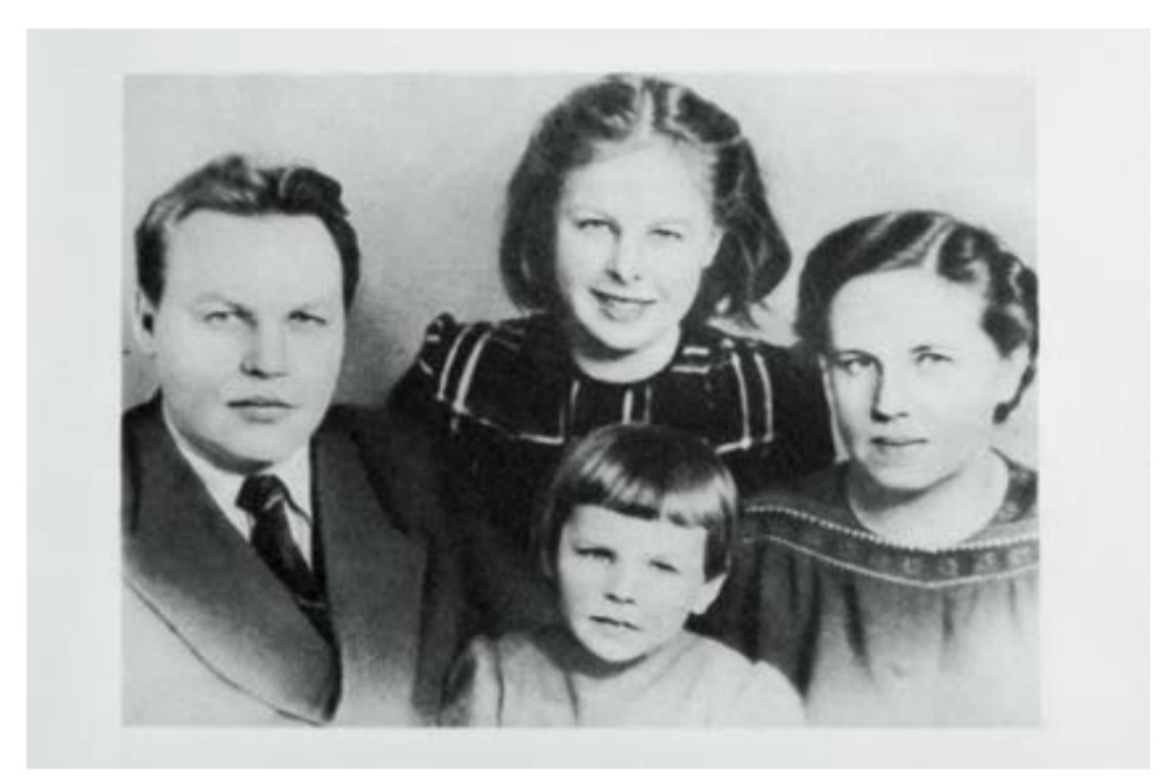
Н.А. Вознесенский – председатель Госплана СССР

Интересна и сама история появления этого труда.

Еще в 1946 году Н.А. Вознесенский направляет машинописную рукопись будущей

М.И. Калинин вручает орден Ленина Н.А. Вознесенскому. Февраль 1941 г.

Н.А. Вознесенский в кругу семьи: жена Мария Андреевна и дочери Майя и Наташа. 1948 г.

книги Сталину и в Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин держал у себя рукопись почти год. Сотрудник Госплана Василий Васильевич Колотов пишет: «В сентябре 1947 года, перед самым своим отпуском, Вознесенский вызвал автора этих строк к себе.

– Смотрите! – сказал Николай Алексеевич.

Он протянул мне солидную пачку машинописных листов в знакомом переплете.

Ничего не понимая, я стал листать страницы, пробегая глазами уже несколько раз читанный текст. Но вот на листах появились поправки синим карандашом... Я понял, чьи это поправки, внимание мое обострилось. По всему было видно, что Сталин тщательно прочел рукопись, сделал вставки, внес некоторые исправления...

– Не туда смотрите, – услышал я голос Николая Алексеевича. – Вы на последний лист взгляните...

На последней странице рукописи стояли знакомые мне по резолюциям на документах две крупные буквы – «ИС»... Хоть карандаш и был синим, но это означало для книги «зеленую улицу»… Замечания были незначительными по своему объему, и уже в октябре книга была в наборе».

В 1948 году «Военная экономика СССР в период отечественной войны» была удостоена Сталинской премии первой степени.

В газете «Правда» от 2 июля 1948 года было напечатано небольшое сообщение: «В Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства поступила от тов. Вознесенского Н.А. просьба передать присужденную ему правительством Сталинскую премию за научный труд «Военная экономика СССР в период отечественной войны» в размере 200 тысяч рублей специальным детским домам...»

В последней главе – «Послевоенная социалистическая экономика» – Н.А. Вознесенский подчеркивал:

«…переход <к мирной экономике> осуществляется путём повышения уровня потребления трудящихся и перевода рабочих фабрик и заводов на нормальный режим рабочего времени мирного периода.

Это означает отмену обязательных сверхурочных работ, восстановление для рабочих и служащих нормального отдыха и увеличение фонда общественного продукта, идущего в потребление.

В структуре бюджета СССР в самом общем виде показана послевоенная перестройка народного хозяйства СССР. Если в 1940 довоенном году расходы на вооружённые силы СССР составляли 32,5% от всех расходов бюджета, то в 1944 военном году они увеличились до 52%. С тех пор доля военных расходов в бюджете СССР уменьши-

лась, и в 1946 году она составляла лишь 23,9%».

Естественно, что Н.А. Вознесенский набирал все большую популярность в народе и, что еще более важно, в ЦК ВКП(б). Партийное и государственное руководство Ленинграда и РСФСР просят Вознесенского курировать подготовку к Всероссийской оптовой ярмарке, которая прошла в Ленинграде с 10 по 20 января 1949 г. Фактически это было повторением элемента новой экономической политики, которая позволила стране в 1920-е годы восстановить народное хозяйство.

Руководители нового поколения – как их называли, – «ленинградцы», – явно находились в фаворе у Сталина. Старая сталинская гвардия не желала с этим мириться. Заместитель председателя Госснаба Михаил Помазнев пишет письмо в Совет министров. В нем он обвинял Вознесенского, что тот, мол, закладывает в годовые планы заниженные показатели. Создается комиссия во главе с Маленковым и Берией. Припомнили Вознесенскому и историю с подготовкой в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки. Все это трактовалось как сепаратизм.

С этого началось так называемое Ленинградское дело. Руководителей Ленинградского обкома ВКП(б) обвинили в том, что они намеревались создать Русскую коммунистическую партию в противовес Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

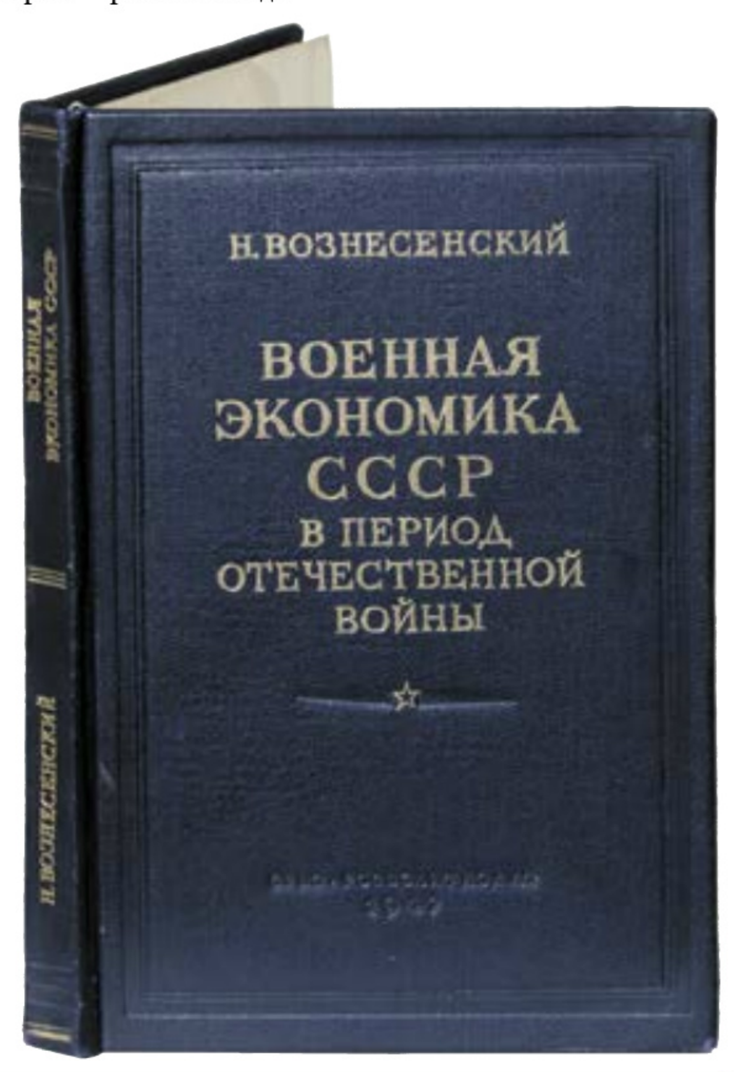
«Внезапно в жизни Вознесенского наступила крутая перемена: оклеветанный политическими карьеристами в связи с так называемым Ленинградским делом, он в марте 1949 года был отстранен от всех государственных должностей, лишен депутатских мандатов... Неожиданно оказавшись не у дел, Николай Алексеевич не стал предаваться пустым переживаниям, а принялся за работу, которую определил как свое кредо ученого и коммуниста, – это была работа над рукописью книги «Политическая экономия коммунизма», конспект которой был подготовлен еще в конце 1948 года», – пишет В.В. Колотов.

Между тем книга «Военная экономика СССР в период отечественной войны» была объявлена антимарксистской.

27 октября 1949 года Вознесенского арестовывают. В ночь на 1 октября 1950 года Николай Алексеевич Вознесенский приговорен военной коллегией к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение через час после оглашения решения суда.

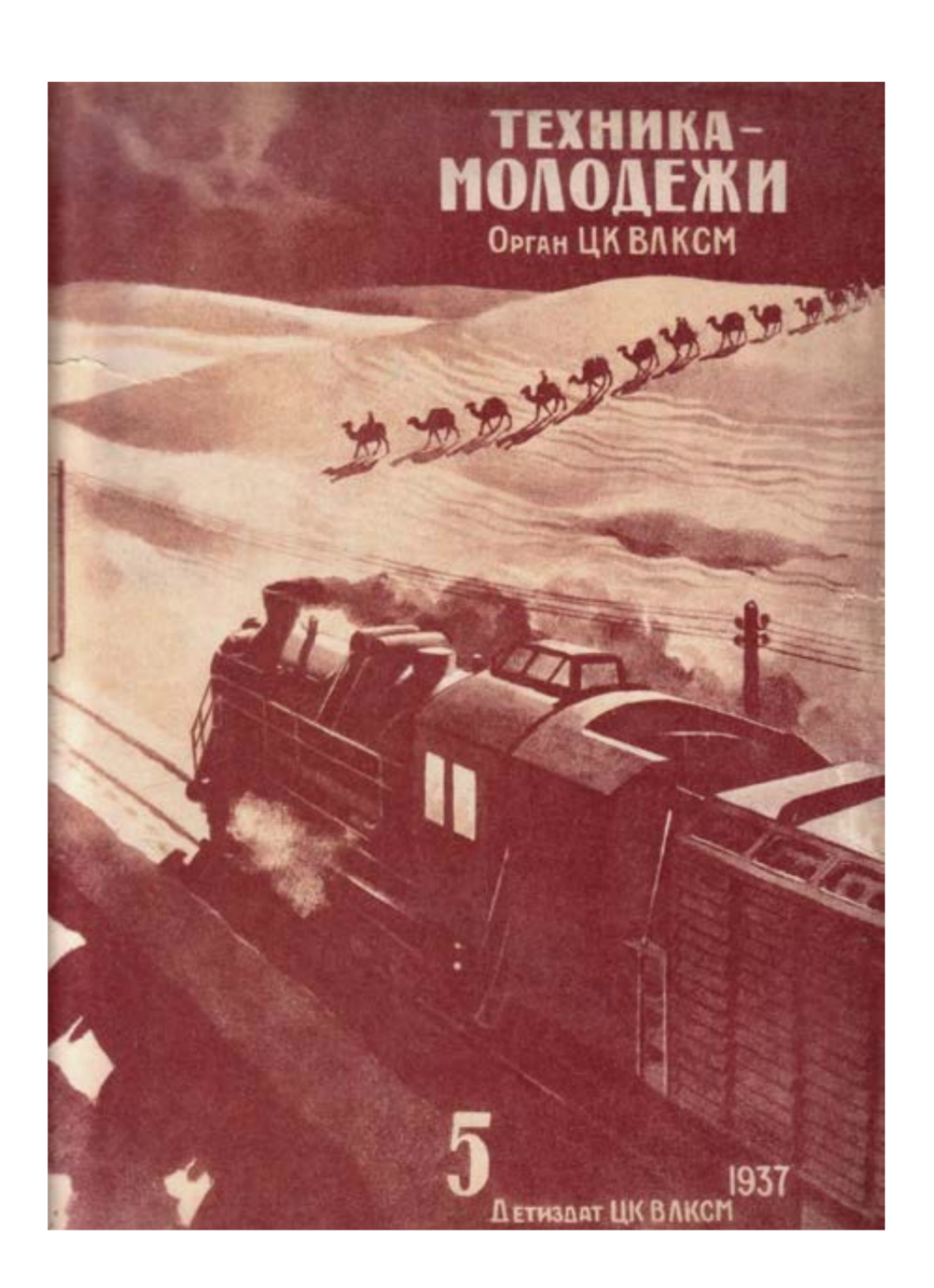
«Настоящее всегда чревато будущим», – любил повторять Н.А. Вознесенский афоризм Лейбница. Вряд ли Николай Алексеевич предполагал, что его собственная судьба подтвердит этот афоризм столь трагическим образом…

Реабилитируют Н.А. Вознесенского 30 апреля 1954 года.

Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950).
Военная экономика СССР в период отечественной войны / М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1947. – 192 с. Тираж 250 000 экз. 20 x 13 см.

КРАСНАЯ НИВА-31
На всесоюзной конференции по борьбе с засухой.
Слева — Наркомзем СССР тов. Яковлев,
справа — академик Вавилов.

ТЕХНИКА-
МОЛОДЕЖИ
Орган ЦК ВЛКСМ
5
1937
Детиздат ЦК ВЛКСМ

Самуил Соболь.
История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке (1949)

В марте 1950 года Самуил Львович Соболь, заведующий Отделом истории микроскопии Института истории естествознания Академии наук СССР, запишет в своем дневнике: «В ночь с 3 на 4-ое по радио было объявлено постановление о Сталинских премиях за науку. Я – в числе 34-х – получил Стал. премию. Но вместо ожидавшейся второй – третью степень. Много телеграмм и поздравлений». Явные нотки обиды и разочарования, легко прочитывающиеся в этой записи, можно понять. Ведь книга «История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке», за которую С.Л. Соболь стал лауреатом Сталинской премии, была буквально делом всей его жизни. Он рассчитывал, конечно, на более высокую оценку своего уникального исследования. Ради этого смирился даже с тем, что первые два абзаца авторского предисловия книги… были написаны не им, а ярым адептом учения Т.Д. Лысенко – И.А. Поляковым:

«...Глубокая партийная критика раболепства и низкопоклонства перед реакционной буржуазной наукой вскрыла порочность космополитических концепций, принижающих историческую роль отечественной науки, которая якобы всегда оставалась только “робкой выученицей” зарубежной науки. Несомненно, такого рода утверждения, имея определенные политические корни, основываются и на крайне плохом знакомстве с историческими фактами и на недостаточной разработанности истории отечественной науки в целом и отдельных ее дисциплин».

На дворе был разгар кампании борьбы с космополитизмом. Приходилось идти на какие-то уступки…

«Следуя за жизненной канвой С.Л. Соболя, невольно можно поддаться мистическим настроениям и ощущениям, словно бы неотвратимый рок преследовал его раз за разом и настигал как раз в те моменты, когда все вроде бы стабилизировалось, интересное творческое дело начинало становиться успешным и вдруг... необратимый разрыв нормального течения времени, несущий реальную угрозу жизни, – отмечает российский историк науки Симон Илизаров. – На самом деле никакой мистики, если не принимать за таковую повседневность реального тоталитаризма, проходившего стадию глобального социального террора, повседневность, превосходившую своей обыденностью самые фантастические апокалиптические грезы».

Самуил Соболь родился в Одессе, в семье еврея-часовщика. И он стал восьмым ребенком. Бедная, но размеренная жизнь большой семьи была нарушена в октябре 1905 года, когда на юге России вспыхнули еврейские погромы – одесский был самым кровавым и продолжительным: за пять дней в городе были убиты сотни людей, в том числе и дети. Самуилу повезло – остался жив. Школу закончил с серебряной медалью. Затем – естественное отделение физико-математического факультета Одесского («Новороссийского») университета. Работа ассистентом по кафедре зоологии и сравнительной анатомии Одесского медицинского института; преподает биологию в Одесском фармацевтическом техникуме. И тут он опять попадает под погром, но уже санкционированный и проводимый самим государством – массовая высылка из Советской России интеллигенции («философский пароход»)…

В архивах сохранился список преподавателей вузов и общественных деятелей Украины, подлежащих ссылке внутри страны или высылке за границу, от 3 августа 1922 года. В списке – 77 фамилий. Под номером 17 в этом списке значится Соболь. Его характе-

ристика краткая: «Активный противник и участник апрельских брожений в Институте. Активно выступал. Как элемент вредный – отчислен». 1 февраля 1923 г., состоялось решение Комиссии по административным высылкам: С.Л. Соболь подлежал отправке в Туркестан. Спасло его только то, что к этому времени он перебрался в Москву.

С 1922 по 1924 годы работает редактором Научного отдела Государственного издательства РСФСР. Директором Госиздата в этот период был О.Ю. Шмидт. В марте 1924 года он приступает к подготовке издания Большой Советской Энциклопедии. Надо сказать, что в первой БСЭ естественные и точные науки занимали около 35% от общего числа статей. Причем биологические науки – 12,3%. Шмидт и приглашает Соболя редактором отдела биологических наук. (Почти половина из состава редколлегии и основных авторов первой БСЭ в 1930-е годы будут репрессированы и погибнут в годы террора.)

А пока, в 1929 году, С.Л. Соболь, параллельно с работой в БСЭ, становится старшим научным сотрудником Ассоциации естествознания Коммунистической академии при ЦИК СССР. Опять, его пригласил О.Ю. Шмидт. И Соболь сразу же предлагает создать при Комакадемии Музей истории науки и техники. Именно в 1929–1930 годах

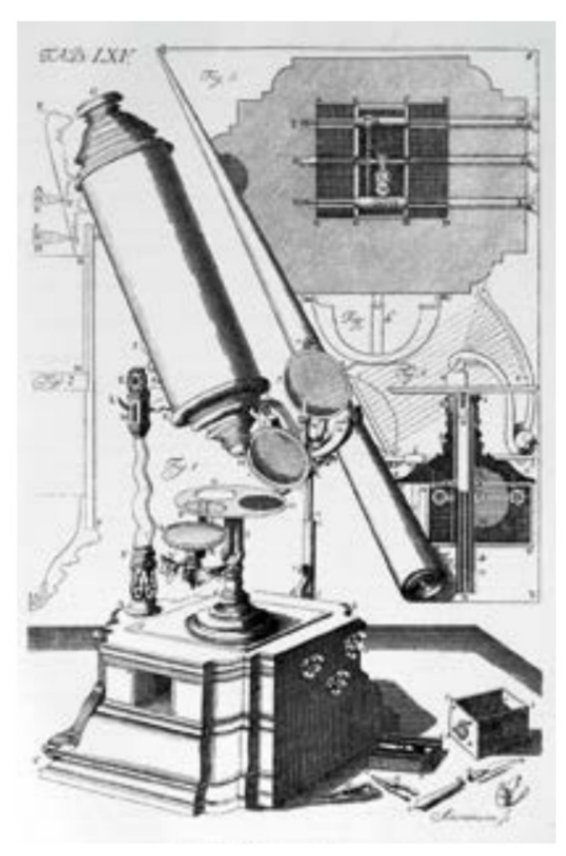

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
Серия „Итоги и проблемы современной науки"

С.Л. Соболь

ИСТОРИЯ МИКРОСКОПА
И МИКРОСКОПИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В РОССИИ
В XVIII ВЕКЕ

Издательство Академии Наук СССР
Москва 1949 Ленинград

Микроскоп Гертеля

Соболь и определился с темой, которая станет одной из основных в его научном творчестве. Он вспоминал: «Темой своей научной работы я выбрал историю микроскопа в связи с историей биологии, причем я решил не ограничиться чисто литературным изучением вопроса, а попытаться собрать реальные инструменты исторического значения и на этих подинных исторических "документах" изучить вопрос. Несмотря скептицизм многих товарищей, не веривших в возможность нахождения у нас такого рода исторических приборов (мол, русская логическая наука очень молода), мною была собрана грандиозная коллекция, которая, по общему признанию ряда наших выдающихся биологов, является собранием мирового значения (еще подобные коллекции имеются в Лондоне, Париже и Иене). Я приступил к научной обработке коллекции и написанию ряда отдельных глав истории микроскопа XVIII и начала XIX веков».

Еще более настойчиво С.Л. Соболь подчеркивает уникальность собранной им коллекции микроскопов в предисловии к «История микроскопа…»: «Следует отметить, что Коллекция эта, являющаяся одним из самых мощных и значительных собраний этого рода в Европе, образовалась путем передачи

Микроскоп Джона Маршала

Академии наук исторических инструментов их первоначальными владельцами – старинными отечественными научными институтами и университетами. Таким образом, в противоположность английским, голландским и французским коллекциям по истории микроскопа, созданным в основном путем частных покупок и пожертвований, наша коллекция отличается той своеобразной особенностью, что она не только демонстрирует общую историю микроскопа, но и является прежде всего непосредственным свидетелем истории микроскопии в нашей стране на протяжении более двухсот лет: почти все ее экспонаты – это инструменты, с которыми работали наши отечественные ученые, многие из них принадлежали корифеям отечественной науки. Наличие в нашей коллекции большого количества микроскопов и микропрепаратов XVIII и первой половины XIX веков, принадлежавших Кунсткамере, Академии Наук, Медико-хирургической академии и нашим старейшим университетам, в свою очередь с величайшей убедительностью свидетельствует, что микроскопия интенсивно развивалась в России начиная с XVIII века».

Однако как раз весной 1931 года начинается реформирование Комакадемии: ликвидируется Ассоциация институтов естествознания. (Полностью Комакадемия будет ликвидирована Постановлением ЦИК СССР от 8 февраля 1936 года; все ее институты и учреждения передавались в ведение Академии наук СССР.) С большим трудом Соболю удается спасти коллекцию микроскопов, передав ее в Политехнический музей. Но руководство музея не допускает его к работе с этой ценной исторической коллекцией. В одном из архивных текстов, датированных 15 января 1947 года, С.Л. Соболь писал о том, что коллекцию научных приборов и инструментов, переданную из Комакадемии, в Политехническом музее постигла печальная участь: «старинные электростатические машины XVIII в. были разобраны на части, сломаны и утеряны, то же произошло и с другими физическими приборами, пущенными в лом и утиль, глобусы безвозвратно исчезли, кроме двух огромных рисованных от руки глобусов начала XVIII в., которые были переданы Планетарию (сохранились ли они до наст. времени, неизвестно). В лучшем положении оказались микроскопы... <...> ...оказалось, что часть их – большинство новейших микроскопов и один микроскоп Либеркюна начала XVIII в. (весь из серебра) безвозвратно исчезла».

В 1933 году Соболь переходит на работу в Государственное издательство литературы по биологии и медицине (Биомедгиз). Здесь он отвечал за биологический отдел. Но… Летом 1937 года руководство Биомедгиза было признано «вредительским» и было снято. Соболь остался единственным, кого не тронули.

И все-таки Соболя не оставляет мысль о создании Музея истории микроскопа. Тем более это было актуально потому, что Политехнический музей принял решение ликвидировать коллекцию микроскопов. И тут Соболю помог президент АН СССР В.Л. Комаров: в 1938 году Президиум АН СССР принял постановление об организации при Бюро Отделения биологических наук Кабинета истории микроскопии и микротехники. Заведующим был назначен С.Л. Соболь. «Еще до Великой Отечественной войны, параллельно с собиранием, систематизацией и изучением старинных микроскопов, С.Л. Соболь занялся историей микроскопа и микроскопических исследований, – отмечает С.С. Илизаров книге «Соболь Самуил Львович» (2012). – Эта работа, продолженная

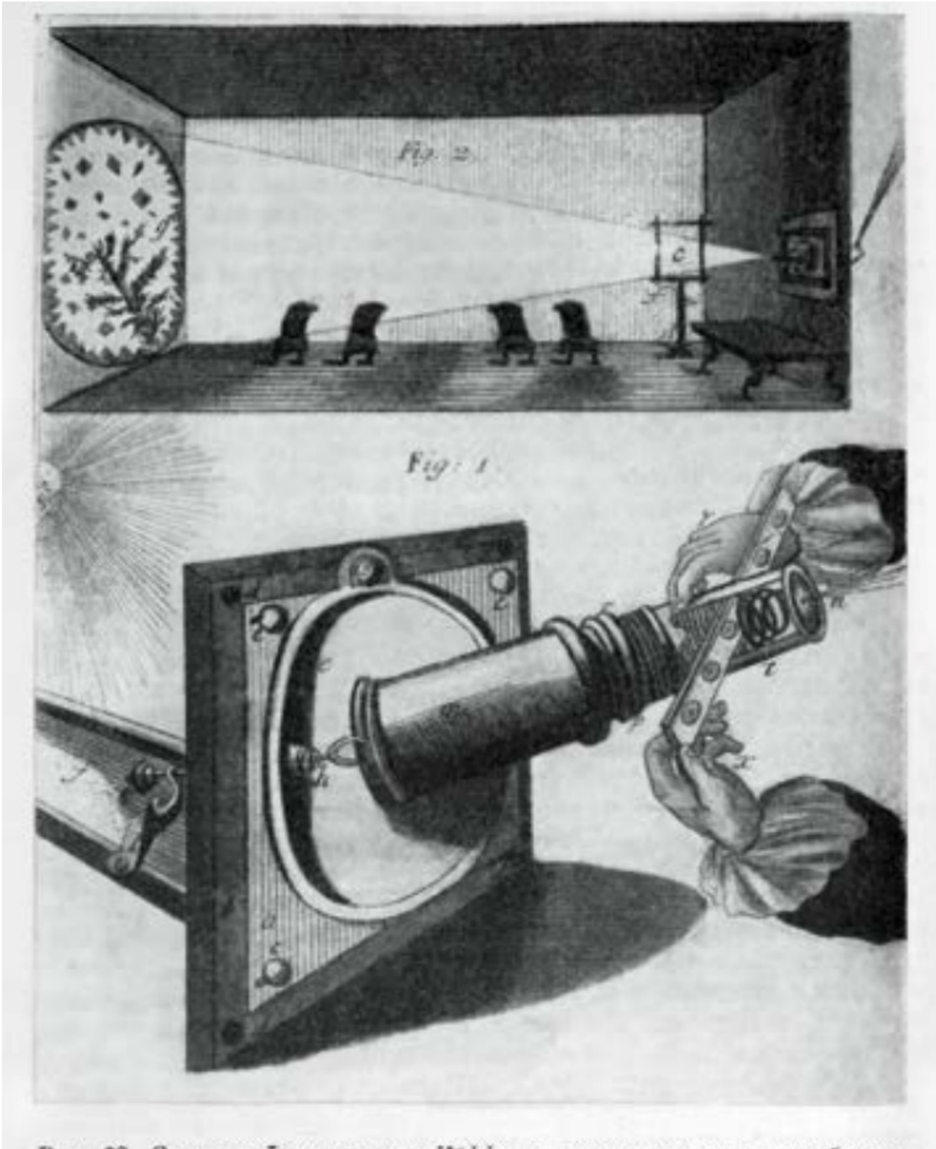
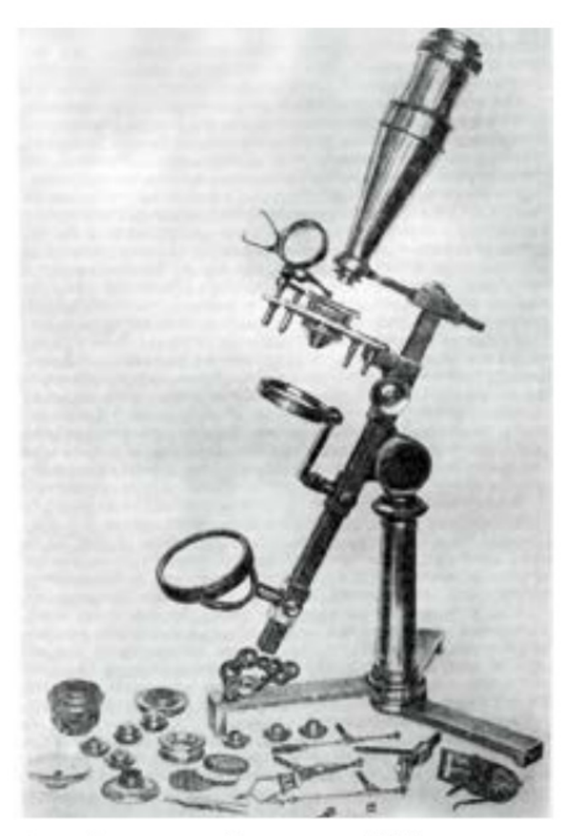

Рис. 68. Солнечный микроскоп Кёффа и демонстрация микрообъектов

в непростых условиях эвакуации, завершилась написанием и защитой в июне 1944 г. во Фрунзе докторской диссертации "Очерки по истории микроскопа". Этот фундаментальный труд (кстати, до настоящего времени не изданный в полном виде), дополненный исследованиями, проводившимися в 1940-е гг., лег в основу монографии "История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке", изданной в 1949 г.».

О качестве этого труда говорит такой факт. С 5 по 11 января 1949 года в Ленинграде проходила сессия Общего собрания Академии наук СССР. В своем выступлении на этой сессии Соболь настолько убедительно доказал новые датировки появления в России оптических приборов и начало микроскопических исследований, что президент АН СССР С.И. Вавилов распорядился о сдаче книги в печать без предварительного утверждения Редакционно-издательским советом. А 29 июля 1949 года книга уже была подписана к печати. Ураганный темп, особенно для академического книгоиздания! К тому же надо учесть, что это исследование было снабжено богатым иллюстративным материалом, большая часть которого публиковалась впервые.

«Тема этой книги может показаться на первый взгляд весьма специальной и узкой, – как бы предупреждает возможные обвинения в слишком узкой специализации С.Л. Соболь. – Необходимо, однако, признать, что история микроскопа, этого замечательного научного инструмента, и осуществленных с его помощью исследований имеет все основания на привлечение к себе общего внимания. <…> История микро-

Большой микроскоп Адамса конца XVIII в., принадлежавший в начале XIX в. кафедре зоологии Петербургского университета

скопии в России очень слабо изучена, но можно сказать, что история микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в. оставалась до настоящего времени совершенно не раскрытой, никем не прочитанной страницей истории русской науки. Почти всеобщим распространением пользуются представления, согласно которым микроскопия в России возникла лишь в 60-х годах прошлого века, с появлением на научной арене наших великих микроскопистов И. Мечникова, А. Ковалевского, Л. Ценковского, или, в лучшем случае, в 30-х годах, с возвращением на родину К.М. Бэра. Начав еще до войны работу по выявлению и изучению относящихся к этому вопросу архивных документов и забытых и полузабытых научных исследований, я очень скоро убедился в полной ошибочности подобного рода взглядов. У меня создалось впечатление о наличии глубокой органичности в историческом развитии микроскопии в России, начало которой восходит к Ломоносову. И это впечатление превратилось в твердую уверенность, когда после войны я получил возможность продолжить свою работу и осуществил систематическое обследование архивных материалов, хранящихся в московских и ленинградских архивах, и русской научной печати XVIII века».

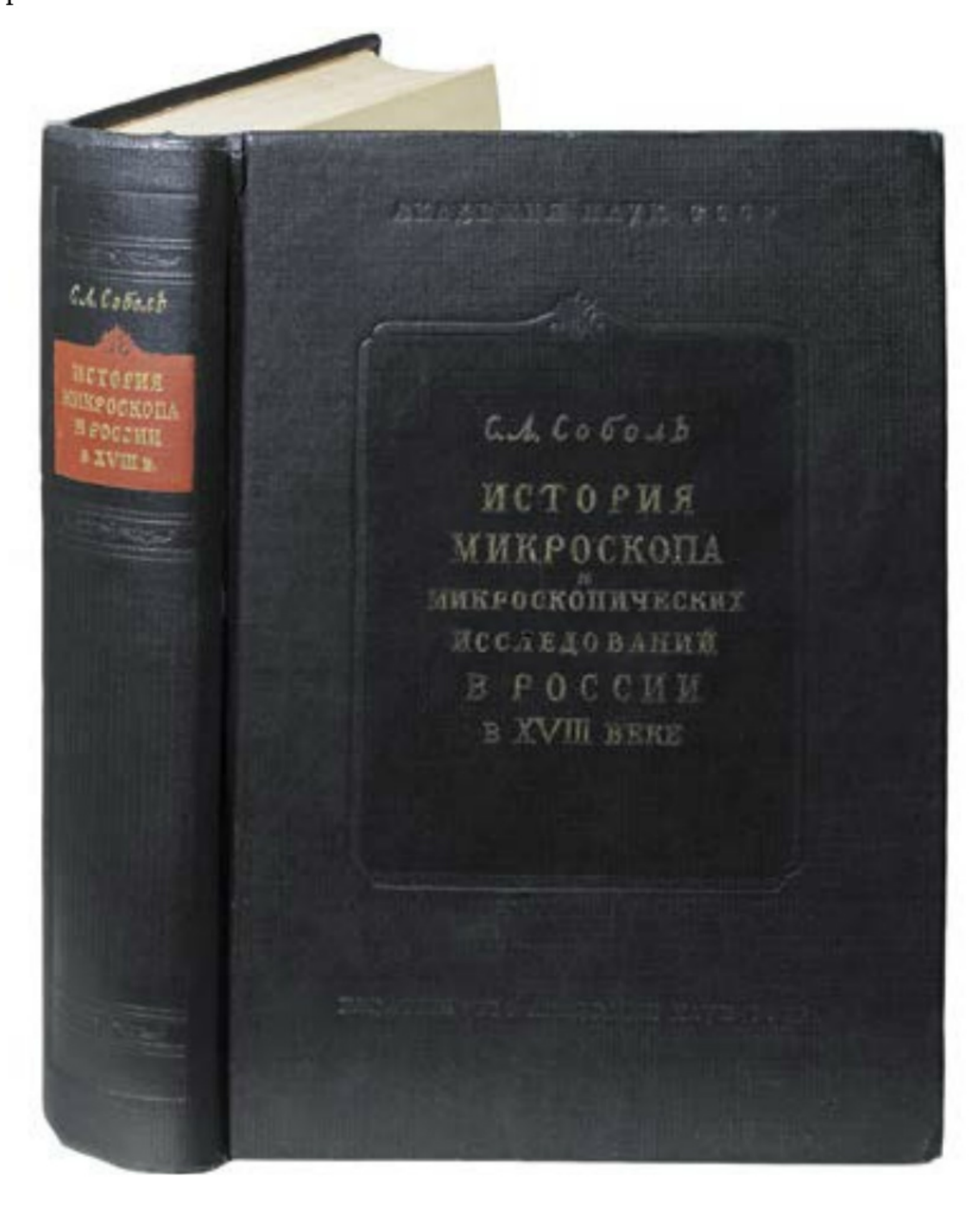
С.Л. Соболь действительно вернул в научный оборот имена и работы почти позабытых русских пионеров микроскопии: «Русская наука выдвигает ряд выдающихся микроскопистов: М. Тереховский, одновременно со Спалланцани и независимо от него, экспериментально обосновывает невозможность самопроизвольного зарождения “инфузорий”; А. Шумлянский – первый русский гистолог – впервые устанавливает вполне правильную и почти исчерпывающую картину микроскопического строения почки человека; А. Болотов и Т. Ловиц закладывают основание микрохимического анализа. Одновременно, и опять-таки начиная с Ломоносова, русские ученые и оптики-конструкторы занимают ведущее место в разработке теории и в создании новых типов микроскопов – солнечного (проекционного) и ахроматического, причем идеи русских ученых хищнически присваиваются и широко эксплоатируются английскими фабрикантами оптических инструментов».

Но материала, собранного и обработанного Соболем, было гораздо больше, чем мог вместить изданный 600-страничный том. «Я намерен был первоначально довести свое изложение истории русской микроскопии до середины XIX века, до великих русских микроскопистов 60-х годов, самая возможность появления которых, не говоря об общеисторических и общественно-философских предпосылках той эпохи, была обусловлена, по моему глубокому убеждению, всем предшествующим полуторастолетним историческим развитием отечественной биологии и, в частности, микроскопии, – пишет С.Л. Соболь. – Разросшийся объем книги вынудил меня, однако, отказаться от этого, но я надеюсь в дальнейшем опубликовать особую работу по истории микроскопа и микроскопических исследований в России в XIX и XX веках».

Увы… В 1954 году разросшийся аппарат Бюро Отделения биологических наук АН СССР потребовал освободить помещение, занимаемое Музеем истории микроскопии. Соболь не мог даже перевезти наиболее ценные экспонаты к себе домой – он жил с семьей в двух комнатах коммунальной квартиры, у него, по существу, никогда даже не было своего рабочего кабинета! Люди, поддерживавшие его и понимавшие значение истории науки, – академики и президенты АН СССР В.Л. Комаров и С.И. Вавилов, –

к тому времени уже умерли. Институт истории естествознания и техники Ан СССР согласился на временное хранение уникальной коллекции. Но в 1968 году, через восемь лет после смерти С.Л. Соболя, собранные им редчайшие артефакты истории науки были опять переданы на хранение… в Политехнический музей. Какие-то отдельные экспонаты редко, но появляются в музейных экспозициях. Хотя ценность коллекции Соболя в ее единстве, в возможности проследить эволюцию развития биологии через историю микроскопов.

«…Биография Соболя, как и множества других одаренных жителей Российской, а затем Советской империи, была трагически изломана и до абсурда мучительна», – заключает свой биографический очерк С.С. Илизаров. А известный отечественный биолог и историк науки Б.Е. Райков как бы подводит черту под этой «изломанной» жизнью своего коллеги и друга С.Л. Соболя: «Он был горд, ни перед кем не вилял и не лебезил, никому не угождал, и потому советская действительность обернулась к нему мачехой».

Самуил Львович Соболь (1893–1960)
История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке / М.–Л., Издательство Академии Наук СССР, 1949. – 606 с. – (Серия «Итоги и проблемы современной науки»). Тираж 5000 экз. 22,8 x 14,5 см. Ледериновый издательский переплет с тиснением золотом по корешку и верхней крышке. Переплет и титул художника С.П. Чахирьяна.

КРАСНАЯ НИВА
5

РАДИО
ФРОНТ
9
В НОМЕРЕ:
Как устроена металлическая лампа
Приемник 6НГ-1
Лампа 6А6
Простейший 1-V-0
РАДИОИЗДАТ
1938 г.

«Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей»
(«Известия», 13 января 1953 г.)
«Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф.»
(«Труд», 21 января 1953 г.)
«Почта Лидии Тимашук»
(«Правда», 20 февраля 1953 г.)
«Сообщение Министерства внутренних дел СССР (по делу врачей, обвинявшихся во вредительстве и шпионаже)»
(«Правда», 4 апреля 1953 г.)

В 1944 году было принято решение о создании Академии медицинских наук СССР (АМН СССР). В первый состав действительных членов новой академии не выбирали, а назначали по списку, согласованному со Сталиным. Среди пяти терапевтов, включенных в этот список, были В.Н. Виноградов (личный врач И. Сталина) и В.Ф. Зеленин (главный терапевт Наркомздрава СССР). Колоссальный опыт и уникальный фактический материал, накопленный отечественными медиками за годы Великой Отечественной войны, действительно нуждался в обобщении и строгом академическом анализе. Но вряд ли вновь назначенные академики могли предположить, что именно их повысившийся научный статус станет одним из пунктов страшных обвинений, которые будут выдвинуты против них уже в 1952 году…

Первое сообщение о «деле врачей» было опубликовано 13 января 1953 года в рубрике «Хроника» ТАСС под заголовком «Арест группы врачей-вредителей». В нем фигурировали девять имен известных московских врачей. В этот же день газета «Известия» на первой полосе печатает большую редакционную статью «Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей». Этот газетный «приговор» звучал ошеломляюще даже по тем, отнюдь не склонным к сентиментальности, временам.

«Сегодня публикуется хроника ТАСС о раскрытии и аресте органами государ-

ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР

№ 10 (11081) ВТОРНИК 13 ЯНВАРЯ 1953 г.

Цена 20 коп.

Владимир Филиппович Зеленин

Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей

ственной безопасности террористической группы врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза, – писала газета «Известия». – Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье. Используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, участники террористической группы преднамеренно злодейски подрывали их здоровье, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболевания, а затем неправильным лечением губили их.

В числе участников этой подлой банды убийц – профессора-врачи Вовси, Виноградов, Коган М., Коган Б., Егоров, Фельдман, Этингер, Гринштейн, врач Майоров.

От руки этих извергов, укрывшихся под личиной ученых-врачей, пали товарищи А.А. Жданов и А.С. Щербаков. Убийцы признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А. Жданова, поставили ему неправильный диагноз, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Преступники также сократили жизнь товарища А.С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильно действующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти

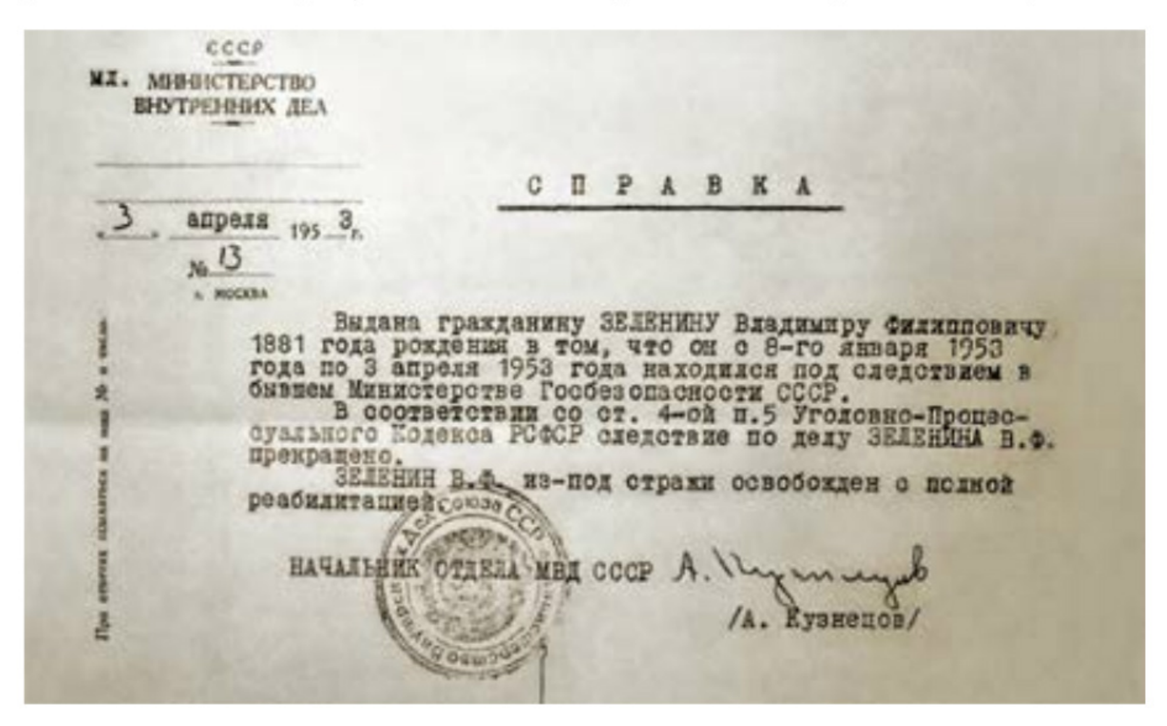
Злодеи и вредители старались в первую очередь подорвать здоровье руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Арест расстроил преступные планы изменников, помешал им осуществить свой чудовищный замысел».

Так страна узнала новое устойчивое словосочетание – «дело врачей». Но подготовка к нему началась еще за несколько лет до этого…

13 января 1949 года был арестован главный врач Боткинской больницы в Москве Б.А. Шимелиович (будет расстрелян 12 августа 1952 года).

18 ноября 1950 года был арестован известный профессор-кардиолог Я.Г. Этингер – первым непосредственно по «делу врачей». Следствие вел подполковник М.Д. Рюмин, который на первом же допросе 20 ноября 1950 года обвинил его в том, что он «вместе с другим известным кардиологом В.Н. Виноградовым умертвил А.С.Щербакова» – кандидата в члены президиума ЦК ВКП(б), секретаря НГК и НК партии, начальника Совинформбюро, начальника Главного политического управления Красной армии, генерал-полковника.

Не так давно выяснился и еще один мотив ареста Якова Гиляриевича Этингера. В 2006

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

«3» апреля 1953 г.
№ 13
г. Москва

СПРАВКА

Выдана гражданину ЗЕЛЕНИНУ Владимиру Филипповичу 1881 года рождения в том, что он с 8-го января 1953 года по 3 апреля 1953 года находился под следствием в бывшем Министерстве Госбезопасности СССР.

В соответствии со ст. 4-ой п.5 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР следствие по делу ЗЕЛЕНИНА В.Ф. прекращено.

ЗЕЛЕНИН В.Ф. из-под стражи освобожден с полной реабилитацией.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МВД СССР А. Кузнецов
/А. Кузнецов/

году его сын, доктор исторических наук Яков Яковлевич Этингер в статье в «Независимой газете» от 27 декабря отмечал: «В 1950 году обсуждался вопрос о возможности выдвижения отца на Нобелевскую премию по медицине за "исключительно оригинальные работы в области современной кардиологии". Документ об этом я обнаружил в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. <…> В течение почти двух лет руководство МГБ, генералы Абакумов и Питовранов, неоднократно обращались с предложением к Сталину дать им санкцию на арест отца. Тот несколько раз им отказывал. Но, очевидно, советским властям стало известно о возможном присуждении Нобелевской премии моему отцу, Я.Г. Этингеру, и в ноябре 1950 года Сталин дал указание немедленно его задержать. <…> Но поскольку в 1951 году уже готовился процесс над врачами, Сталин, очевидно, считал, что посадить на скамью подсудимых лауреата Нобелевской премии было бы слишком скандальным делом. Вот почему Я.Г. Этингер был арестован по "делу врачей" еще в 1950 году, а его "подельник" профессор Виноградов – лишь в ноябре 1952 года, вместе с остальными врачами».

В публикации «Известий» от 13 января 1953 года утверждалось:

«Большинство участников террористической группы – Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие запродали свою душу и тело филиалу американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организации "Джойнт". <…> Именно от этой международной еврейской буржуазно-националистической организации, созданной американской разведкой, получил изверг Вовси директиву "об истреблении руководящих кадров СССР" через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса.

Другие участники террористической группы (Виноградов, Коган М., Егоров) оказались давнишними агентами английской разведки».

О том, какая обстановка складывалась в обществе, пишет российский биохимик С.Э. Шноль в книге «Герои и злодеи российской науки» (1997). Молодой выпускник Московского государственного университета, он работал в то время на кафедре медицинской радиологии Центрального института усовершенствования врачей (ЦИУ). «В печати называлось несколько десятков имен, – вспоминает Шноль. – Арестованных было много больше. Аресты шли по всей стране. В газетах одна за другой появлялись статьи с описанием вредительского лечения, проводимого врачами евреями в разных городах страны. Поползли слухи, что евреи "прививают рак" своим пациентам. Даже зубные врачи ухитряются делать это при пломбировании зубов. В стране нарастал психоз. Можно было ожидать погромов.

До конца ноября арестовали всех евреев-профессоров ЦИУ. Почему-то оставили на свободе декана факультета терапии. Через день он, не выдержав ожидания ареста, покончил самоубийством. Декан в ЦИУ – значительное лицо. Все были подавлены страхом. Никто не решался идти на его похороны. Он не был арестован, но... почему покончил с собой?»

Возможно потому, что многие потенциальные жертвы очень хорошо представляли, что их ждет в случае ареста. Тот же С.Э. Шноль пишет: «Арестованных подвергали пыткам. Необязательно было бить престарелого профессора – иногда было достаточно не давать ему спать неделю и больше. Ночью – ужасные допросы. Днем не давали спать. Помогал палачам и карцер – ледяной, бетонный, с трубами охлаждения, куда заталкивали в одном нижнем белье без носков и морили голодом – две кружки воды и кусок хлеба в сутки. Дополнительным средством были неснимаемые много дней наручники. Их мучили почти два месяца до

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА ВРАЧА ТИМАШУК Л. Ф.

За помощь, оказанную Правительству, в деле разоблачения врачей-убийц наградить врача **Тимашук** Лидию Федосеевну орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 20 января 1953 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

СЕГОДНЯ

20 ФЕВРАЛЯ 1953 г., № 51 (12619)

Почта Лидии Тимашук

У постели больного стоит человек в белом халате. Что бы он ни делал — берет ли он шприц, смотрит ли мазок крови, выписывает ли рецепт, — за ним пристально и с надеждой следят глаза больного.

Врач! Какая бескрайняя человеческая вера вложена в это слово, вера в его знания и опыт, в его любовь к людям, любовь, граничащую подчас с подвигом. Белый халат — это символ чистоты, бескорыстия и высокой гуманности профессии врача. Нет преступления, кроме измены Родине, чудовищнее, чем обмануть эту веру больного, нет преступника омерзительнее, чем убийца, прикрывающийся белым халатом врача.

И вот у постели больного встретились два человека в белых халатах. Один — ученый, с большим именем и степенями, другая — без ученых степеней, но с большим опытом и знаниями, накопленными за двадцать с лишним лет работы врачом, полная высокого чувства ответственности за здоровье и жизнь советских людей. У обоих в руках одни и те же анализы, у

Позор вам, общества обломки,
За ваши черные дела,
А славной русской патриотке
На веки вечные — хвала!

В первый день после опубликования Указа о награждении Л. Ф. Тимашук, подойдя к телефону, услышала незнакомый взволнованный голос: «Спасибо вам, что вы вернули чистоту и честь нашему белому халату». Лидия Феодосьевна не знает имени этого человека, но, кто бы он ни был, он выразил чувства советских врачей, честно и преданно служащих своему народу.

Писем много. Одни большими стопками лежат на письменном столе Лидии Феодосьевны, другие приходят в редакции газет, в партийные организации. Из Иркутска и Риги, из Ленинграда и Симферополя, из Минска и Клайпеды... Пишут моряки-дальневосточники, шахтеры Донбасса, воины-пограничники, колхозники Украины, агроном из Читы и московские домохозяйки.

Больше всего в этих письмах говорится о бдительности. Где бы ни находился советский человек, он должен неусыпно

официального сообщения в газетах 13 января 1953 года…»

Ничего удивительного, что у профессора Мирона Семеновича Вовси – заведующего 1-й кафедрой терапии ЦИУ, во время войны – главного терапевта Красной армии – не хватило физических и психических сил противостоять издевательствам, и он подписал в итоге все следственные протоколы.

Еще более трагична в некотором смысле судьба Владимира Никитовича Виноградова, личного врача Сталина. В 1930-е годы он дал экспертное заключение о вредительской деятельности своего предшественника, профессора Дмитрия Дмитриевича Плетнева (расстрелян в 1941 году). Недаром в статье в «Известиях» от 13 января 1953 года есть и такой пассаж: «…в недавнем прошлом уже были случаи, когда под личиной врачей действовали враги народа, вроде "врачей" Левина, Плетнева, умертвивших путем умышленно неправильного лечения великого русского писателя А.М. Горького, выдающихся деятелей Советского государства В.В. Куйбышева и В.Р. Менжинского». В.Н. Виноградов после ареста подписывал любые протоколы, которые предъявляло ему следствие, без какого-либо сопротивления…

А вот как описывал в книге «Владимир Филиппович Зеленин. Время и судьба» (2012) Александр Владимирович Зеленин, сын знаменитого кардиолога Владимира Филипповича Зеленина (автора рецептуры знаменитых «капель Зеленина»), арест своего отца 8 января 1953 года: «…в квартиру решительно вошли несколько человек. Один из них, невысокий, энергично сказал, что они работники домоуправления и проверяют систему горячего водоснабжения, которая в связи с сильными морозами часто

4 АПРЕЛЯ 1953 г., № 94 (12662)

СООБЩЕНИЕ
Министерства внутренних дел СССР

Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор **Вовси М. С.**, профессор **Виноградов В. Н.**, профессор **Коган М. Б.**, профессор **Коган Б. Б.**, профессор **Егоров П. И.**, профессор **Фельдман А. И.**, профессор **Этингер Я. Г.**, профессор **Василенко В. Х.**, профессор **Гринштейн А. М.**, профессор **Зеленин В. Ф.**, профессор **Преображенский Б. С.**, профессор **Попова Н. А.**, профессор **Зусов В. В.**, профессор **Шерешевский Н. А.**, врач **Майоров Г. И.** были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные **Вовси М. С., Виноградов В. Н., Коган Б. Б., Егоров П. И., Фельдман А. И., Василенко В. Х., Гринштейн А. М., Зеленин В. Ф., Преображенский Б. С., Попова Н. А., Закусов В. В., Шерешевский Н. А., Майоров Г. И.** и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 5 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

выходит из строя. Я повел кого-то из пришедших в ванную комнату и даже ввязался в спор о системе горячего водоснабжения с сопровождавшим меня мужчиной (позднее оказалось, что это был присутствовавший при аресте в качестве понятого главный инженер домоуправления). Но тут резкий вскрик мамы: "Что вы делаете?" – заставил меня броситься в спальную. Невысокий, поднимавший с постели отца, который после перенесенного инфаркта обязательно отдыхал днем, повернулся со словами: "А это мы за ним пришли"». Заметим, что среди пациентов В.Ф. Зеленина в то время были многие высокопоставленные партийные и государственные деятели, в частности В.Ф. Зеленин лечил и был в дружеских отношениях с Н.С. Хрущевым. Ничего не помогло…

Формально как раз публичное обвинение, с которым выступила заведующая электрокардиографическим отделением Лечебно-санаторного управления Кремля Лидия Тимашук (сокрытие В.Н. Виноградовым, В.Ф. Зелениным и другими инфаркта миокарда у Жданова), и начало раскручивать «дело врачей». Л.Ф. Тимашук представляли как народную героиню. Своеобразным пиком этой «пиар-кампании» стал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф.». Этот документ был опубликован во многих газетах. В «Библиохронике» он представлен на страницах газеты «Труд» от 21 января 1953 года: «За помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц, наградить врача **Тимашук** Лидию Федосеевну орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 20 января 1953 года».

Общественный психоз вокруг фигуры Тимашук был беспрецедентный. Один из ярких примеров – статья журналистки Ольги Чечеткиной в газете «Правда» от 20 февраля 1953 года. Статья посвящена комментариям к письмам, приходящим Лидии Тимашук.

«Еще совсем недавно мы не знали этой женщины, а теперь имя врача Лидии Феодосьевны Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины, - пишет Чечеткина. – Она помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей». «Советские люди», о которых говорит О. Чечеткина, конечно, с энтузиазмом поддерживали эту точку зрения: «Работницы из Казани говорят в своем письме: "Вы, простая русская женщина, заставили англо-американцев еще раз подумать над тем, что не в нашей стране, где живут замечательные люди, строящие коммунизм и отстаивающие дело мира, искать им опоры для грязной работы их шпионов. Пора им понять, что наши люди бдительны и что, сколько бы они ни пытались подрывать мощь нашей страны, всех их ждет то же самое, что и пойманных убийц-злодеев"». <…> В письме коллектива швейной фабрики № 2 г. Бийска говорится: «"Мы еще теснее сплотимся вокруг партии и ее вождя товарища Сталина, еще бдительнее и зорче будем стоять на своем трудовом посту"».

Как выяснилось гораздо позже, 5–7 марта 1953 года планировался показательный процесс, открытые казни «профессоров-убийц». «Все бы так и получилось, – считает С.Э. Шноль. – Но... оставшись без медицинского патронажа, 73-летний тиран умер от инсульта – по официальному сообщению, как раз 5 марта 1952 года. Еще почти месяц арестованные оставались в тюрьмах (а некоторые и дольше). Они ощущали разительную перемену в поведении тюремщиков. Но причины не знали».

А 4 апреля 1953 года в газете «Правда» было напечатано небольшое официальное сообщение Министерства внутренних дел СССР:

«Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства. В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор **Вовси М.С.**, профессор **Виноградов В.Н.**, профессор **Коган М.Б.**, профессор **Коган Б.Б.**, профессор **Егоров П.И.**, профессор **Фельдман А.И.**, профессор **Этингер Я.Г.**, профессор **Василенко В.Х.**, профессор **Грнннштейн А.М.**, профессор **Зеленин В.Ф.**, профессор **Преображенский Б.С.**, профессор **Попова Н.А.**, профессор **Закусов В.В.**, профессор **Шерешевский Н.А.**, врач **Майоров Г.И.** были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

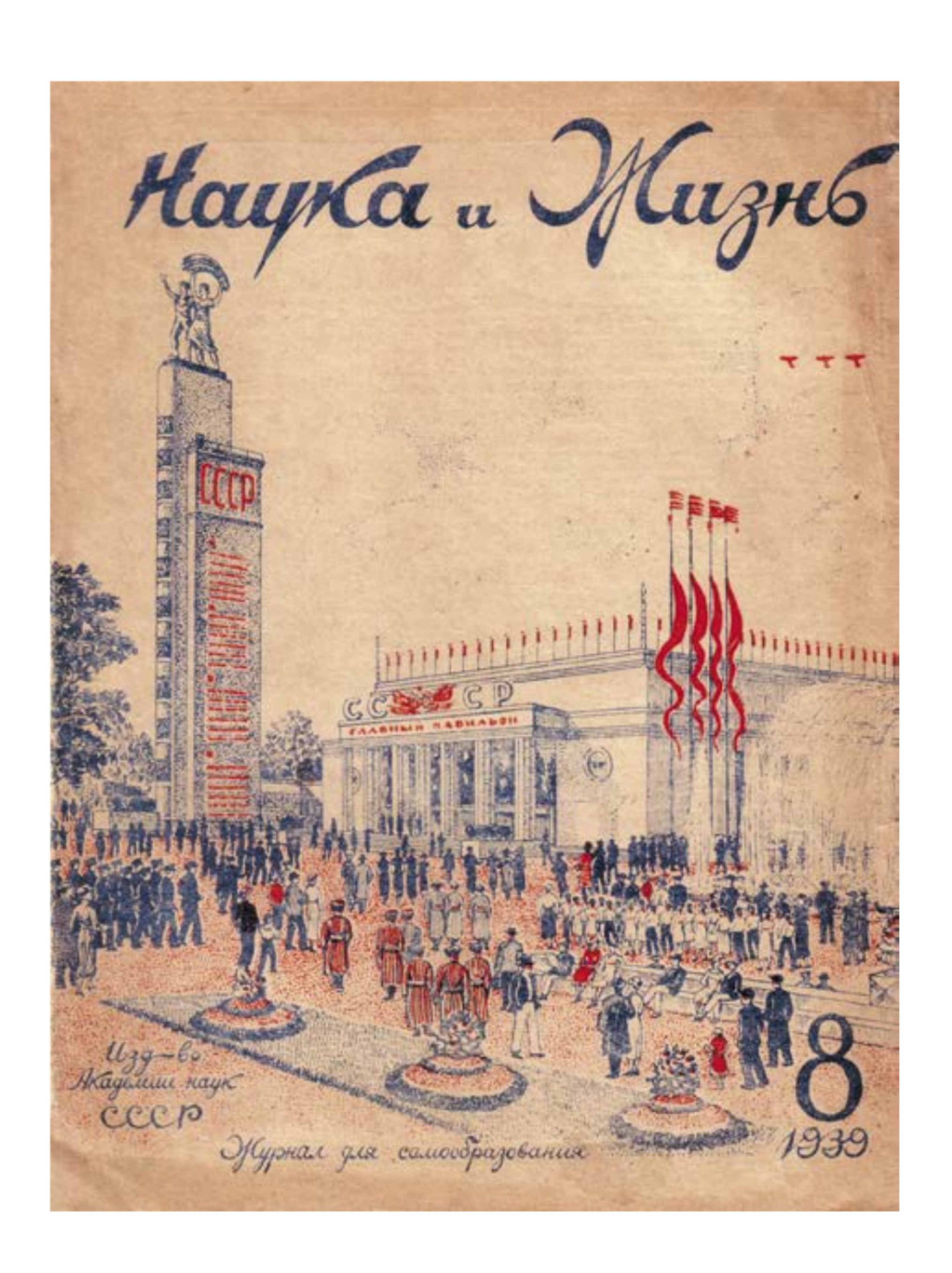
Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные **Вовси М.С., Виноградов В.Н., Коган Б.Б., Егоров П.И., Фельдман А.И., Василенко В.Х., Гринштейн А.М., Зеленин В.Ф., Преображенский Б.С., Попова Н.А., Закусов В.В., Шерешевский И.А., Майоров Г.И.** и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 5 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности».

«Дело врачей», подборка газет:
Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей / газета «Известия» №10, вторник, 13 января 1953 г., 4 с. Статья опубликована на с. 1;
Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф. / газета «Труд» №17, среда, 21 января 1953 г., 4 с. Статья опубликована на с. 1;
Почта Лидии Тимашук / газета «Правда» №51, пятница, 20 февраля 1953 г., 4 с. Статья опубликована на с. 2;
Сообщение Министерства внутренних дел СССР (по делу врачей, обвинявшихся во вредительстве и шпионаже) / газета «Правда» №94, суббота, 4 апреля 1953 г., 4 с. Статья опубликована на с. 4

ТЕХНИКА-
МОЛОДЕЖИ
ОРГАН ЦК ВЛКСМ
10
ИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1940

Наука и Жизнь
СССР
СССР
ГЛАВНЫЙ ПАВИЛЬОН
Изд-во Академии наук СССР
8
1939
Журнал для самообразования

Степан Тимошенко. Колебания в инженерном деле (1959)

Степан Прокофьевич Тимошенко – из того ряда ученых, имена которых становятся нарицательными. В естествознании и математике таких примеров весьма много – камера Вильсона, таблица Менделеева, чашка Петри, бином Ньютона, цикл Карно… В технических науках, в механике, этот перечень скромнее. Из тех, что на слуху, – карданный вал, параллелограмм Чебышева, дизель… В этом же ряду – «ферма Тимошенко». Все очень просто: вместо сплошной металлической балки – специально рассчитанный профиль. А в результате – все мосты, краны, опоры во всем мире – все это «фермы Тимошенко». Типично российская фамилия, но когда мы сегодня произносим его имя, приходится добавлять: «американский ученый». Российская наука снова не досчиталась…

Степан Прокофьевич Тимошенко, будущий ученый с мировым именем в области прикладной механики, сопротивления материалов и строительной механики, родился в 1879 году в местечке Шпотовка Конотопского уезда Черниговской губернии. Степан был старшим из трех братьев – Владимир (1883–1971), известный экономист и Сергей (1881–1950), инженер, архитектор.

Научная карьера Степана Прокофьевича начиналась мощно и, что называется, накатисто. В 1889–1896 гг. – обучение в роменском реальном училище. В 1901 г. Тимошенко заканчивает Институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге. В 1903–1905 гг. – лаборант Политехнического института в Санкт-Петербурге. Затем переезжает в Киев: в 1906–1911 гг. – адъюнкт, профессор, декан Киевского политехнического института. Блестящая университетская карьера, казалось, уже дело сделанное… Но в январе 1911 года С.П. Тимошенко вместе с другими профессорами Киевского политеха подписал протест против политики министра просвещения Л.А. Кассо. Реакция Министерства народного просвещения была мгновенной: в феврале 1911 года Тимошенко увольняют из института. Но это уже сформировавшийся профессионал, блестящий механик. Ход набран!

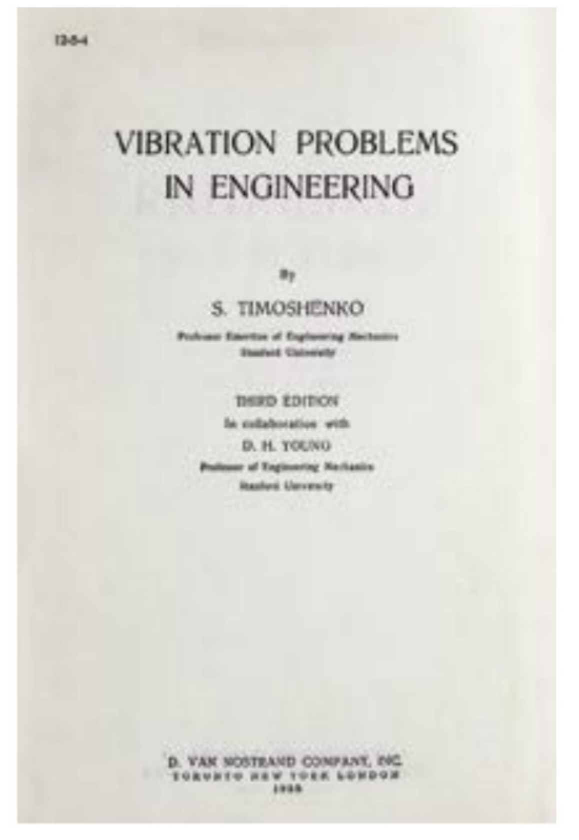
В августе 1911 года Степан Прокофьевич Тимошенко переезжает в город своей alma mater – в Санкт-Петербург. В русской части жизни Тимошенко это был, пожалуй, самый плодотворный в творческом плане период. Он становится профессором Института инженеров путей сообщения и Электро-

С. П. ТИМОШЕНКО

КОЛЕБАНИЯ
В ИНЖЕНЕРНОМ ДЕЛЕ

Перевод Я. Г. ПАНОВКО
с третьего американского издания,
переработанного
совместно с Д. Х. ЯНГОМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

VIBRATION PROBLEMS
IN ENGINEERING

By
S. TIMOSHENKO
Professor Emeritus of Engineering Mechanics
Stanford University

THIRD EDITION
In collaboration with
D. H. YOUNG
Professor of Engineering Mechanics
Stanford University

D. VAN NOSTRAND COMPANY, INC.
TORONTO NEW YORK LONDON

технического института (1913–1917). Как позже отмечал сам С.П. Тимошенко в первом американском издании своей книги «Колебания в инженерном деле» (1928), «…при создании этой книги автор следовал лекциям по колебаниям, читанным им в 1925 г. для инженеров-механиков компании Вестингауз (Westinghouse Electric and Manufacturing Company), а также некоторым главам ранее опубликованной книги по теории упругости». (Заметим все же, что Тимошенко работал не с чистого листа. Русская школа механиков как раз в то время была на подъеме. Еще в 1908 году, например, опубликован был классический труд «Вибрация судов» выдающегося русского механика, математика, корабела Алексея Николаевича Крылова.)

Но все это будет несколько позже. А пока, в 1917 году, Степан Прокофьевич вновь перебирается в Киев. С осени 1918 года – профессор в Киевском политехническом институте.

Между тем на Украине в это время начинает работать Комиссия по организации Всеукраинской Академии наук (Комиссия Академии). Ее возглавляет академик Владимир Иванович Вернадский. В своем дневнике от 19.VI.1918 года Вернадский записывает: «По делам Комиссии. Ужасная канитель и путаница в Министерстве народного просвещения.

Был С. Тимошенко. Он оказался совсем не украинцем по настроению, а человеком русской культуры. С ним о значении техники для науки. Я думаю, я найду в нем поддержку для развития технического отдела Академии наук».

Если проследить дневниковые записи Вернадского, то очень наглядно видно, как постепенно Тимошенко становится одним из главных действующих лиц в создании Академии наук на Украине. «Удивительно привлекательный своим обликом человек», – пишет о нем Вернадский. Для Владимира Ивановича фактически Тимошенко – правая рука в Комиссии Академии: «Сегодня не хотел говорить <об организационных вопросах> не повидавшись с Тимошенко». А 26.IX.1919 года Вернадский отметит: «Вчера с Ст. Пр. Тимошенко написали новый временный статут Академии в 14 параграфов. Сегодня исправили».

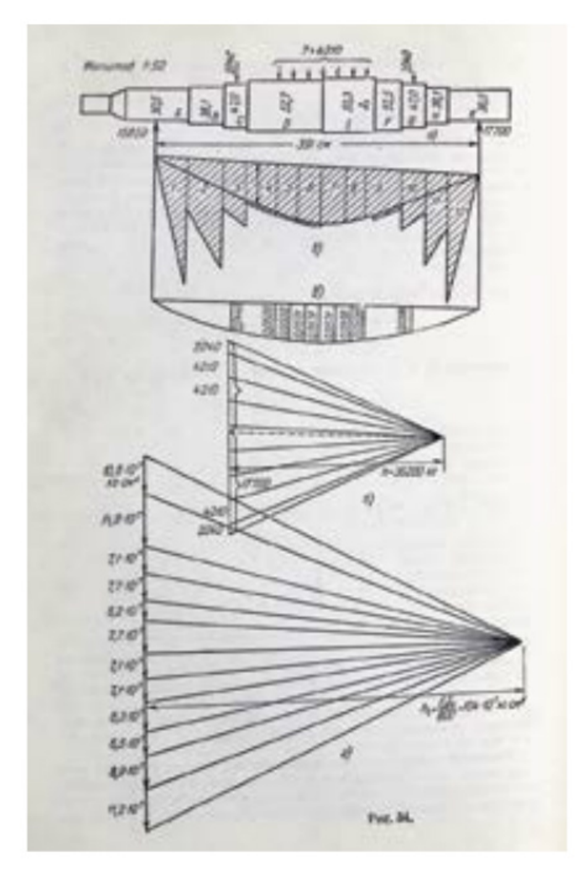
7 декабря 1919 года их усилия, наконец-то, получают какое-то логическое завершение. «Проведен законопроект об Академии, – пишет В.И. Вернадский, – довольно приемлемый, по-видимому. Можно идти дальше, основываясь на нем. Он стал законом – но никому не известен…»

Между тем ситуация становилась действительно, критической. Опять же из дневников В.И. Вернадского конца 1919 года: «Говорят о панике. Никто не понимает ее причины. Но весь Киев в паническом настроении в связи с возможностью прихода…»

По-видимому, именно в этот период социальной турбулентности в итоге у С.П. Тимошенко созревает решение уехать из страны. 22 декабря 1919 года Вернадский с явным сожалением оставит такую запись в дневнике: «У Тимошенко. С ним разговор о поездке за границу, в славянские земли – в Прагу. Мне как-то и хочется, и жаль, что он уедет. И без средств».

И в июле 1920 года Тимошенко уезжает в «славянские земли», правда не в Прагу, а в К.С.Х.С. – Королевство сербов, хорватов, словенцев. Три года он – ординарный профессор кафедры сопротивления материалов Высшей технической школы в Загребе. А в 1922 году эмигрирует в США.

В Америке карьера С.П. Тимошенко складывается сверхудачно. В 1923–1927 гг. – сотрудник исследовательской лаборатории компании «Вестингауз» в Питтсбурге. Осно-

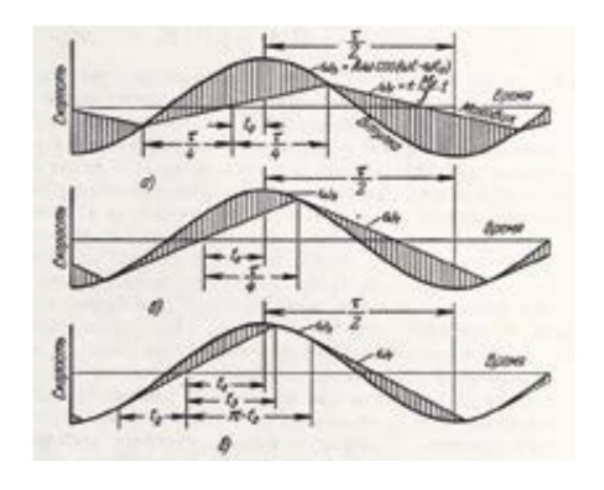
вал отдел прикладной механики в Американском обществе инженеров-механиков. Весной 1927 года становится заведующим кафедрой в Инженерной школе Мичиганского университета. Именно здесь он и подготовил к печати свой классический труд «Колебания в инженерном деле». Первое издание вышло в 1928 году. В предисловии к нему С.П. Тимошенко отмечал:

«С увеличением размеров и скоростей современных машин в инженерных расчетах становится все более и более важным решение задач колебаний. Хорошо известно, что только на основе теории колебаний могут быть полностью выяснены такие практически важные проблемы, как уравновешивание машин, крутильные колебания валов и зубчатых передач, колебания турбинных лопаток и турбинных дисков, прецессия вращающихся валов, колебания рельсового пути и мостов под действием движущихся грузов, колебания фундаментов. Лишь при помощи этой теории можно установить наиболее удачные пропорции конструкций, отодвигающие эксплуатационные условия работы машин возможно дальше от условий возникновения больших колебаний».

Очень быстро книга Тимошенко становится настольной для инженеров во всем мире. Ничего удивительного, ведь достаточно сильно развитый в ней математический аппарат теории колебаний используется автором для решения вполне конкретных инженерных вопросов. Скажем, рассматривая регулятор паровой машины, Тимошенко выводит условие, когда «колебания регулятора, вызванные изменением нагрузки на машину, не будут постепенно затухать и будет наблюдаться хорошо известное явление прыгания регулятора. Метод, использованный выше для анализа устойчивости регулятора, был успешно применен к некоторым другим практически важным задачам, как, например, флаттер самолета, “шимми” автомобильного колеса и осевые колебания паровых турбин».

Ничего удивительного, что перевод первого издания на русский язык был сделан так оперативно: С.П. Тимошенко, «Теория колебаний в инженерном деле», ОНТИ, М. – Л., 1931–1934). С 1928 года книга была дважды переиздана в США (в 1937 и в 1955 годах). Последнее, третье издание, существенно отличается от предыдущих. В предисловии к нему С.П. Тимошенко отмечал: «После появления в 1928 г. первого издания книги «Колебания в инженерном деле» ее предмет вошел почти во все учебные планы подготовки инженеров-механиков. Изучение колебаний становится все более и более важным для инженеров-строителей и получило значительное развитие, в частности, в области нелинейных колебаний. Главной целью настоящего переработанного издания является приспособление книги к задачам обучения и отражение в ней наиболее важных новых результатов».

Его-то и издают на русском языке уже в 1959 году. Переводчик Я.Г. Пановко подчеркивает: «Настоящий перевод сделан с третьего издания. Четкость языка оригинала сделала почти совершенно излишними

дополнительные подстрочные пояснения. В отдельных местах добавлены ссылки на отечественную литературу и исправлены мелкие погрешности оригинала».

К тому времени Степан Прокофьевич Тимошенко – профессор-эмеритус (1944) в Стэнфордском университете. Здесь он преподавал и вел исследования с 1936 года. В Америке он – доктор honoris causa четырех университетов и трех политехнических институтов. Член академий наук Польши, Англии, Италии и Национальной академии наук США. Член-корреспондент (1928), иностранный член Академии наук СССР (1964). Почетный член Лондонского королевского общества, Американского общества инженеров-механиков… Удостоен медали Дж. Уатта и Дж. Эвинга (Великобритания).

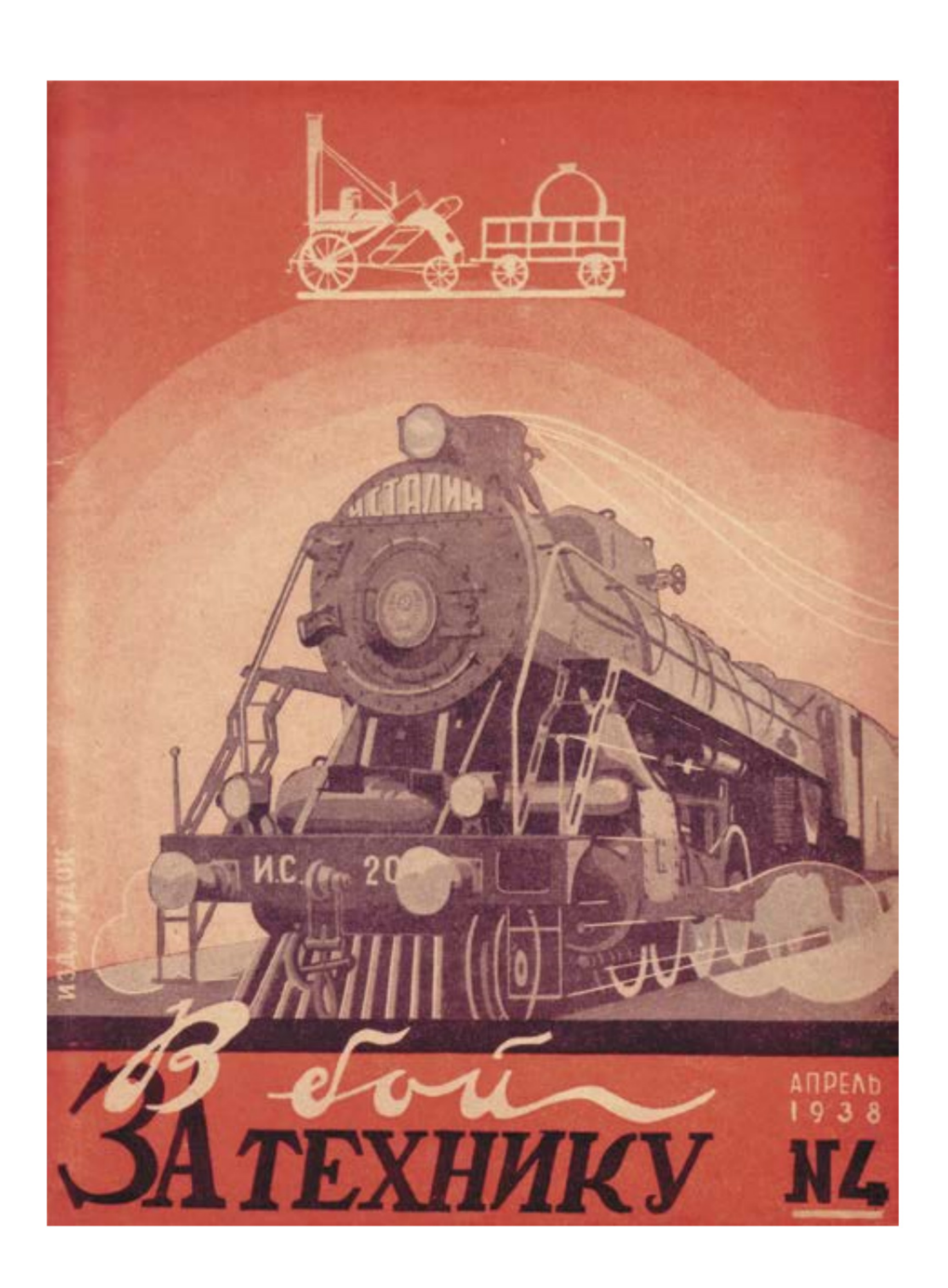
Надо сказать, что С.П. Тимошенко, как мог, оказывал помощь в спасении русских беженцев в Европе после окончания Второй мировой войны. В частности, он стал одним из членов так называемого «Профессорского фонда». В него входили, например, такие известные русские ученые, проживавшие в США, как социолог Питирим Сорокин, химик Владимир Ипатьев, авиаконструктор Игорь Сикорский… «Сотни людей науки, всемирно известные российские профессора в настоящее время находятся безо всяких средств к существованию в Европе, главным образом в лагерях УНРРА <Администрация ООН по восстановлению и помощи>, – отмечалось в обращении Профессорского фонда от 18 сентября 1946 года. – Известных ученых в лагерях так много, что просто совершенно невозможно перечислить все их имена, как и их вклад в области естествознания и техники. Наша цель – помочь им, дать молодежи шанс продолжить работу, а старшим – возможность выжить, если они уже не смогут применять свои профессиональные знания».

У него были и личные мотивы для этого. В своих воспоминаниях он так описывал ситуацию со своим родным братом, архитектором Сергеем: «По окончании войны мой брат оказался в одном из лагерей для пленных, организованных американцами. Положение его было очень опасным. Лагеря посещались советскими представителями, которые особенно интересовались людьми, известными своей антикоммунистической деятельностью. <…> Брату посчастливилось, он не был замечен большевиками и смог через год после окончания войны приехать ко мне в Калифорнию. <…> Брат был на два года моложе меня и в молододсти был физически здоровее меня, но тяжелые переживания войны сильно отразились на его здоровье. Он с трудом ходил. Сердце отказывалось служить. <…> Через четыре года, на семидесятом году жизни, он умер».

Сам С.П. Тимошенко последние годы провел в Германии, в Вуппертале с овдовевшей дочерью Анной Хетцельт. Но похоронить себя завещал в Пало-Альто (шт. Калифорния) рядом с могилой жены и вблизи могил братьев.

Степан Прокофьевич Тимошенко (1879–1972)
Колебания в инженерном деле / Перевод Я.Г. Пановко с третьего американского издания, переработанного совместно с Д.Х. Янгом. Государственное издательство физико-математической литературы, Москва, 1959. – 439 с. 22,5 х 14,5 см. Тираж 15 000 экз.

СТАЛИН
И.С.
20
ИЗД. ГУДОК
В бой
ЗА ТЕХНИКУ
АПРЕЛЬ
1938
№4

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
ИГ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».
№ 4
ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ
ЦЕНА 75 КОП.
НАРОД СПОКОН ВЕКОВ МЕЧТАЛ О САМОЛЕТЕ,
О СКАЗОЧНОМ КОВРЕ ЧУДЕСНОЙ БЫСТРОТЫ...
В МОГУЧЕМ СТАЛИНСКОМ ВОЗДУШНОМ КРАСНОМ ФЛОТЕ
ВОПЛОЩЕНЫ ТЕПЕРЬ НАРОДНЫЕ МЕЧТЫ.
РАСТУТ БОГАТЫРИ, И КРЕПНУТ НАШИ КРЫЛЬЯ,
ВСЕ ВЫШЕ МЫ ЛЕТИМ, ВСЕ ДАЛЬШЕ, ВСЕ БЫСТРЕЙ!
БЛЕДНЕЮТ СКАЗКИ ПЕРЕД НАШЕЙ ЯРКОЙ БЫЛЬЮ,
И НАС НЕ УСТРАШИТ ЛЮБОЙ ДРАКОН И ЗМЕЙ!
ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

67

«Философские вопросы кибернетики». Сборник (1961)

История кибернетики в СССР – странная история. «Статус кибернетики как дисциплины изменялся в Советском Союзе от одной крайности к другой, – отмечает профессор Массачусетского технологического института, специалист по истории советской науки Лорен Грэхэм. – До середины 50-х годов она оценивалась в некоторых идеологических статьях как “буржуазная наука”. В 60-х и начале 70-х годов кибернетика заняла в Советском Союзе намного более престижное положение, чем где-либо еще в мире. В конце 70-х и в 80-х годах ее статус значительно понизился, хотя она и продолжала сохранять определенную популярность».

И тут опять проявляется эффект, присущий практически всему периоду советской истории. «…Наука развивалась (если это можно назвать развитием) под давлением мысли об изначальной правильности одного направления и неправильности всех остальных, – подчеркивал в 1991 году академик Дмитрий Лихачев. – И это “правильное” направление, выбранное по чисто внешним признакам, объявлялось подлинно марксистским. Тогда не было и не могло быть предположения, что научная истина рождается где-то на перекрестке путей, где-то посередине или в совсем особой, другой области. Предопределенность истины считалась неоспоримой – особенно в общественных науках, но не только в них. “Вражеские вылазки”, “классовые враги в науке”, “вредители”, “буржуазная контрабанда в науке” и пр. – такими выражениями пестрели “научные труды” 30–50-х гг.». Все это в полной мере коснулось и кибернетики.

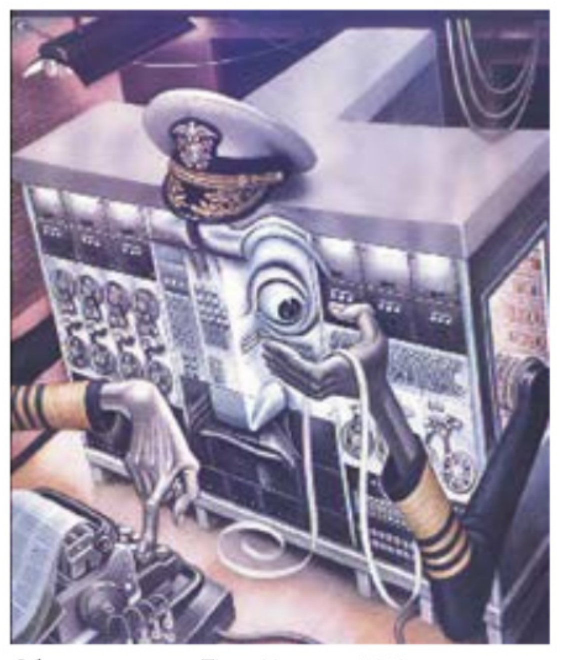
Достаточно сказать, что книга Норберта Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (американское издание – 1948 год, на русском языке – 1958 год) была переведена из общего фонда Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в спецхран. (Любопытная подробность: впервые курс русского языка в США был введен в Гарвардском университете в 1896 году по инициативе «выдающегося русского еврея», историка литературы, родившегося в Гродно, а в молодости эмигрировавшего в США, Льва (Лео) Винера, сын которого, Норберт Винер признан основоположником кибернетики.) Апофеоз этого идеологического натиска – статья «Кибернетика» в «Кратком философском словаре» (ред. М. Розенталь, П. Юдин. Издание 4-е, доп. и испр. 1954):

«КИБЕРНЕТИКА (от др. греч. слова, означающего рулевой, управляющий) – реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма. <…> Кибернетика ярко выражает одну из основных черт буржуазного мировоззрения – его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства и орудие войны. Вместе с тем для кибернетики характерна империалистическая утопия – заменить живого, мыслящего, борющегося за свои интересы человека машиной как в производстве, так и на войне. <…>. Кибернетика является, таким образом, не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления её агрессивных военных планов».

Как заметил писатель Анатолий Королев, «…брак людей с идеологией склеивает массы в лавину». Но, парадоксальным образом, в СССР эта «склеенная лавина» двинулась на самих же идеологов.

А парадоксально это потому, что уже в 1952 году, – т.е. в самый разгар антикибернетической кампании в СССР, – заработала Малая электронная счетная машина (МЭСМ). Ее создал инженер, директор Института энергетики Академии наук Украинской ССР Сергей Лебедев. И это была первая ЭВМ, в современном смысле слова, в континентальной Европе. Через год Лебедев, работая уже в Москве в лаборатории Института точной механики и вычислительной техники АН СССР, запускает БЭСМ – Большую электронно-счетную машину: 8000 операций в секунду – невероятная по тому времени скорость вычислений! В этом же году Лебедев стал первым в СССР академиком по специальности «счетные устройства». Мало того, и первая компьютерная сеть также была создана Сергеем Алексеевичем – в 1956 году на полигоне Сары-Шаган в Казахстане при испытаниях комплекса противоракетной обороны.

Институт автоматики и телемеханики АН СССР сосредоточил большую часть своих исследований на проблемах применения кибернетики. В Московском энергетическом институте, одном из крупнейших и старейших технических вузов страны, треть учебных программ и исследований относились по ведомству кибернетики. И, что уж совсем удивительно, Академия педагогических наук РСФСР основала интернат в Москве для подготовки будущих программистов с детского возраста.

Обложка журнала Time, 23 января 1950 г.

И это как раз в то время, когда в прессе и в научной периодике одна за другой появляются статьи с «говорящими» названиями:

Ярошевский М. «Кибернетика – “наука” мракобесов» («Литературная газета», 5 апреля 1952);

Быховский Б.Э. «Кибернетика – американская лженаука» («Природа», 1952. № 7);

Клеманов Ю. «“Кибернетика” мозга» («Медицинский работник», 25 июля 1952);

Гладков К. «Кибернетика или тоска по механическим солдатам» («Техника – молодежи», 1952. № 8);

Материалист (псевдоним). «Кому служит кибернетика?» («Вопросы философии», 1953. № 5);

Гладков Т.К. «Кибернетика – псевдонаука о машинах, животных, человеке и обществе» («Вестник Московского университета», 1955. № 1)…

Академик А.И. Берг в начале 1960-х годов заявил на Всесоюзном совещании по качеству в Перми: «Книгу Винера по кибернетике, вышедшую в 1948 г. в США, мы перевели через 10 лет. А за это время некоторые товарищи, которым делать было нечего, писали всякую галиматью про кибернетику, и эта галиматья публиковалась очень охотно нашими журналами».

Как итог, в 1961 году кибернетика была определена КПСС одним из основных средств созидания коммунистического общества. Именно к этому году относится и выход сборника «Философские вопросы кибернетики» – одного из первых в СССР официальных научных сборников, призванных снять с кибернетики ярлык «буржуазной лженауки». Редакторы этого сборника в предисловии пишут о предыстории его появления так:

«Наличие серьезных спорных вопросов побудило кафедру философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Институт автоматики и телемеханики АН СССР организовать обмен мнениями по философским вопросам кибернетики. В дискуссии приняли участие философы, математики, физики, инженеры, психологи, физиологи. К анализу поставленных проблем был привлечен также журнал “Вопросы философии”. С интервалами дискуссия проходила в 1958–1959 гг.

Выступления участников дискуссии отражают их общетеоретический и специальный подход к проблемам новой науки. В начале дискуссии расхождения между безого-

Э. КОЛЬМАН
доктор философских наук

О ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ КИБЕРНЕТИКИ

Когда возникает какая-нибудь новая научная дисциплина или новое научное направление, а тем более новая наука, то, как показывает история, она обычно сталкивается с двумя тенденциями: одна, консервативная, всячески сопротивляется ее возникновению, другая, напротив, необоснованно преувеличивает ее значение. Все новое должно пробивать себе дорогу, и чем оно необыкновеннее, тем больше сопротивление, оказываемое ему; вместе с тем вполне естественно, что ревнители этого нового увлекаются и склонны иногда к преувеличениям.

Обе эти тенденции мы обнаруживаем и при появлении новой науки — кибернетики. При этом они особо окрашены вследствие тех социальных условий, в которых кибернетика возникла: вторая мировая война, американский империализм, идеология, которая за рубежом обволакивает кибернетику. Вначале замечалась лишь одна из этих тенденций, а именно: высказывания тех сторонников кибернетики (а часто просто журналистов), которые желали нажить на ней капитал для идеологии империализма, для идеализма, метафизики и т. п.

В капиталистических странах противниками кибернетики выступали прежде всего представители католической церкви, к ним присоединились и некоторые протестантские богословы. Антикибернетическое течение объявило кибернетику нечестивой наукой, которая противопоставляет себя божественному предназначению человека. В этот лагерь входят и прямые наследники

86

ворочными сторонниками кибернетики и критически относящимися к ее методологическим позициям учеными были довольно значительными. В ходе дискуссии произошло сближение точек зрения и было достигнуто взаимопонимание между участниками дискуссии.

Редколлегия сборника сочла правильным сохранить статьи в основном в том виде, как они были представлены авторами, за исключением необходимых редакционных поправок».

Содержание сборника действительно очень разнопланово. Вот названия только некоторых статей: академик А.И. Берг «Проблемы управления и кибернетика»; профессор В.Н. Колбановский «О некоторых спорных вопросах кибернетики»; действительный член Академии медицинских наук СССР П.К. Анохин «Физиология и кибернетика»; кандидат философских наук «Кибернетика и труд»; доктор технических наук А.А. Фельдбаум «Роль аналогий в кибернетике»… Но особо надо отметить статью одного из редакторов сборника, математика, доктора философских наук Эрнста Кольмана (1892–1979). Судьба этого человека, претендовавшего на идеологическое лидерство в советской кибернетике, такая же парадоксальная, как и судьба самой кибернетики в СССР.

Эрнст (Арношт) Кольман, уроженец Праги, окончил математическое отделение философского факультета Карлова университет. Во время Первой мировой войны попал в плен к русским. После Октябрьской революции вступил в РКП (б). В 1929–1935 годах – научный сотрудник Коммунистической академии. Пожалуй, можно сказать, что в 20-х и 30-х годах Э. Кольман играл в методологии, истории и философии науки ту же роль, что и Трофим Лысенко в генетике.

Так, в журнале «Научное слово» 1931, №1, публикуется статья Кольмана «Ход задом философии Эйнштейна». Вот короткая выдержка из нее: «Физиков, чурающихся диалектического материализма, "сбила с толку профессорская философия". Суть кризиса современной физики, как гениально отметил Ленин, "…в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т.е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом", в "физическом идеализме" <…>. Все это попадает не в бровь, а в глаз Эйнштейну».

В этом же 1931 году, в журнале «Большевик» № 2, он публикует статью «Вредительство в науке». (К тому времени Кольман сам был главным редактором журнала «За марксистко-ленинское естествознание».) Это именно в этой статье автор настаивал, что «научно-теоретическое вредительство, не ограниченное какой-либо отраслью науки» – опасность не меньшая, чем взрывы и поджоги. Кольман «разоблачил» примеры «вредительства» в самых разных сферах знания – от психологии до политической экономии и финансового дела. Мало того, «вредительство» было обнаружено, по его мнению, в ряде статей издания Большой советской энциклопедии, таких как «Величина», «Вероятность», «Волны», «Гидромеханика» и даже в биографиях Галилея, Гарвея и Гаусса. Реакция последовала незамедлительно: редактор естественнонаучного отдела БСЭ, известный математик-геометр В.Ф. Каган, был снят с этой должности.

Но ни верноподданническая активность, ни поддержка позиции Лысенко в дискуссиях по генетике; ни то, что это именно Кольман был «мотором» политической травли выдающегося математика, академика Н.Н. Лузина – ничто не уберегло математика-марксиста от «профилактической» меры, которую так любил использовать его Хозяин… В 1948 году Кольмана арестовывают, и три с половиной года он провел в тюрьме, так и не дождавшись суда…

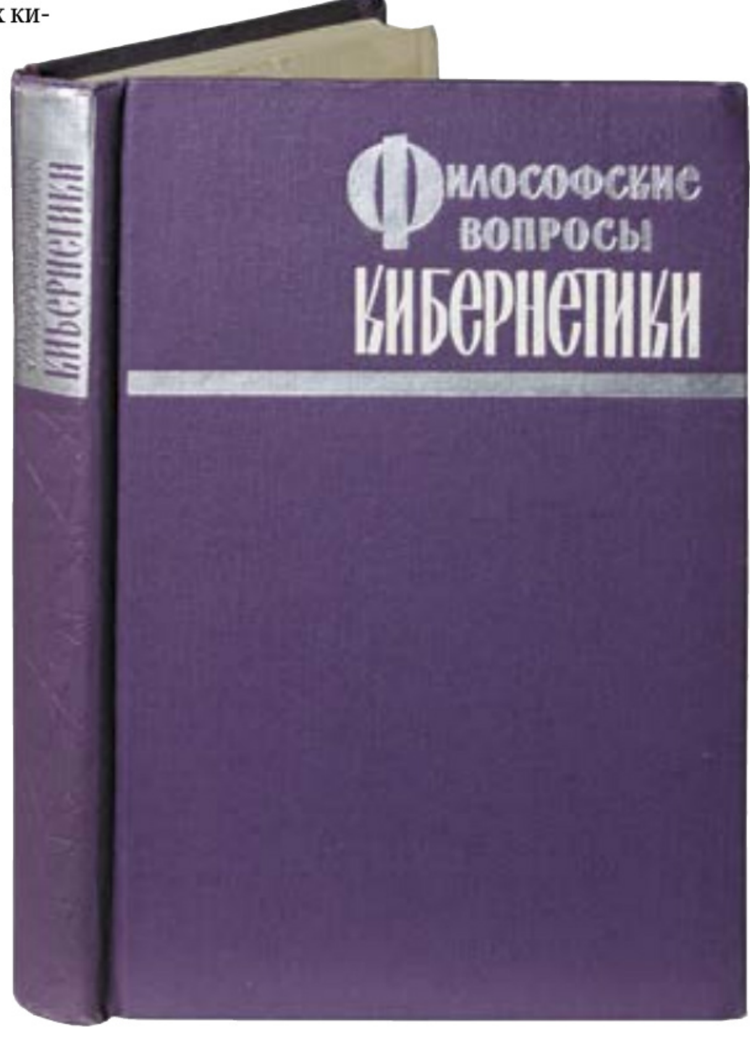
Трудно даже представить, какой же «ход задом» проделывает философия самого Кольмана, если свою статью в «Философских вопросах кибернетики» он начинает с такого заявления: «Когда возникает какая-нибудь новая научная дисциплина или новое научное направление, а тем более новая наука, то, как показывает история, она обычно сталкивается с двумя тенденциями: одна, консервативная, всячески сопротивляется ее возникновению, другая, напротив, необоснованно преувеличивает ее значение. Все новое должно пробивать себе дорогу, и чем оно необыкновеннее, тем больше сопротивление, оказываемое ему; вместе с тем вполне естественно, что ревнители этого нового увлекаются и склонны иногда к преувеличениям.

Обе эти тенденции мы обнаруживаем и при появлении новой науки – кибернетики. При этом они особо окрашены вследствие тех социальных условий, в которых кибернетика возникла: вторая мировая война, американский империализм, идеология, которая за рубежом обволакивает кибернетику. <…> К сожалению, многие, выступавшие против кибернетики как «сплошной мистификации», не имели о ней достаточного представления. Рецидивы подобного "отбрасывания с порога" наблюдаются и до сих пор. Как справедливо указывал президент АН СССР А.Н. Несмеянов, подобный подход наносит вред нашей науке и технике. К этому можно добавить, что такой подход дискредитирует и нашу философию».

А в 1965 году в журнале «Вопросы философии» №10 Кольман будет доказывать, что цель нашего развития – коммунистическое общество – сложная с точки зрения кибернетики открытая, динамическая система с идеальной авторегуляцией.

Философ-марксист из ГДР Георг Клаус в своей книге «Кибернетика и общество» (1967) довольно четко сформулирует ожидаемые результаты от развития кибернетического подхода: «Мы считаем, что совместная научная работа завтрашнего дня будет осуществляться на основе диалектического материализма, обогащенного кибернетическими принципами. Кроме того, кибернетика поможет нам также добиться более детального анализа многих отношений в обществе. <…> Кибернетический мир машин спаяет созидающее человечество в коллектив четко мыслящих естествоиспытателей и математиков».

Остается только добавить, что в 1970-е гг. Э. Кольман еще раз резко переменил свои политические и философские убеждения. Под конец жизни он уезжает к своей дочери в Стокгольм, получает там политическое убежище и выходит из рядов КПСС. В 1982 г., в США, выходит его посмертная книга – «Мы не должны были так жить».

Философские вопросы кибернетики. Сборник / Ред. коллегия: Ильин В.А., Колбановский В.Н., Кольман Э. – М.: Издательство Социально-экономической литературы, 1961. – 392 с. 20,8 x 13,3 см. Тираж 20 000 экз. Ледериновый издательский переплет.

ИГ
ГАЗЕТА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ВЫХОДИТ 3 РАЗА В МЕСЯЦ
1940
18 АВГУСТА – ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ АВИАЦИИ
ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИКИ, ГЕРОИЧЕСКИЕ СОКОЛЫ СТАЛИНСКОЙ АВИАЦИИ!

ИГ
ГАЗЕТА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО
ЦЕНА 75 коп.

Озеров Г.А. (А. Шарагин). Туполевская шарага (1973)

18 августа 1938 года в СССР отмечали Всесоюзный День авиации. В этот день в «Иллюстрированной газете» была напечатана статья Героя Советского Союза Валерия Чкалова – «Сталин и авиация». Знаменитый летчик, два года назад вместе с Георгием Байдуковым и штурманом Александром Беляковым совершивший рекордный беспосадочный перелет в 9374 километра из Москвы на Дальний Восток (56 часов 20 минут), буквально низвергал на читателя поток славословия. «У нас не было авиационной промышленности. Вооруженные сталинским гением мы создали самую передовую в мире авиацию. Мы стали великой авиационной державой, Создателем и творцом нашей авиации является товарищ Сталин – наш лучший друг, учитель и воспитатель бесстрашного племени советских летчиков…

Сталин – это олицетворение мудрости и прозорливости, это наша гордость и слава. Сталин – это животворящий источник героизма, новаторства, идей и творчества. Конструктор создает новый тип самолета – идею машины дал Сталин. Самолет в воздухе. Летчик преодолевает все препятствия, он летит, охваченный неукротимой волей к победе. И он побеждает, ибо трасса его полета была начертана сталинской рукой. Величественный и простой образ Сталина окрыляет летчиков, воспитывает в них смелость и отвагу, концентрированную волю, характер, умение идти на риск».

Может быть, выдающийся летчик действительно искренне верил в то, что говорил. Это нам уже никогда не узнать. Но вот другие факты.

В ночь на 12 июня 1937 года фигурантов дела о так называемом «заговоре военных» расстреляли через 40 минут после окончания суда. Среди них был, например, маршал Михаил Николаевич Тухачевский. Ничего удивительного, что во втором квартале 1937 года резко увеличилось число самоубийств в военных округах: в Ленинградском – на 27%, в Белорусском – на 40%, в Кавказском – на 50%, на Черноморском флоте – на 200%!

На этом фоне, конечно, совсем по-другому прочитываются слова Чкалова о том, что «большою любовью Сталин любит храбрых соколов нашей советской авиации». Один из таких «соколов нашей советской авиации», выдающийся авиаконструктор XX века, человек, по существу, создавший отечественную авиацию, Андрей Николаевич Туполев

Академик А.Н. Туполев

(1888–1972), уже ровно год как был арестован по обвинению в продаже на запад чертежей наших военных самолетов, осужден на 15 лет лагерей и стал заключенным ГУЛАГа. И это не было случайностью. После расстрела Тухачевского и его соратников были свернуты инициированные ими исследования по развитию военной техники и новых видов вооружений.

Впрочем, Чкалов был всего лишь ярким выразителем – как сегодня сказали бы, «медийной персоной», – психологического состояния советского общества. Сразу после ареста Туполева в советской прессе появились статьи с призывами: «На смену вредителю Туполеву встанут сто тысяч преданных Сталину конструкторов!» Увы, люди подобные Туполеву, – это единичные экземпляры. Природа не сумела наладить их массовое производство.

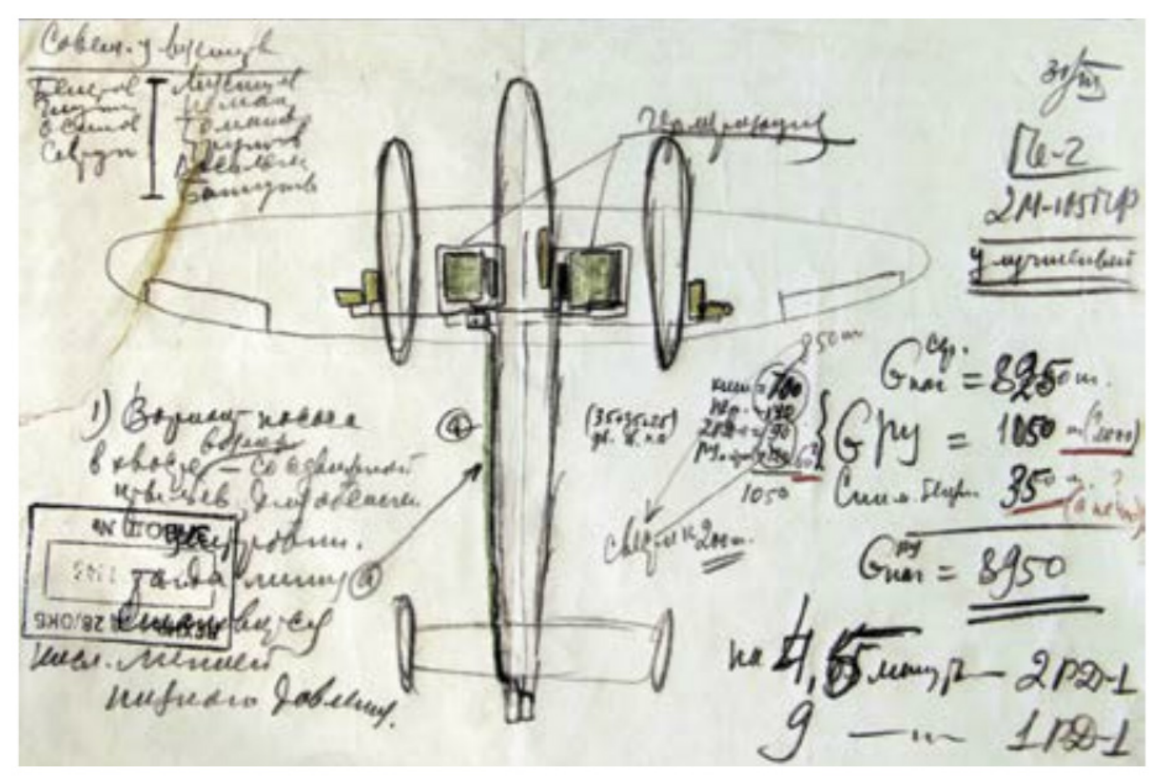
Это обстоятельство, а еще цинизм и инстинкт самосохранения, подсказали Сталину, Ворошилову, Буденному, что без ученых, конструкторов, инженеров в надвигавшейся войне с Германией им не выжить. Так была придумана особая, не имеющая аналогов в мире, форма использования труда и талантов заключенных – система особых, за-

крытых конструкторских бюро при Наркомате внутренних дел, в которых весь технический персонал – заключенные; они и окрестили очень быстро эти бюро «шарагами» («шарашками»). Жизни в одной из таких шараг и посвящена книга Г. Озерова. Шарага эта имела имя собственное – «Туполевская шарага».

Тут надо сказать несколько слов об авторе этой небольшой книжки. Г. Озеров – это псевдоним известного советского авиаконструктора, заместителя А.Н. Туполева по электрооборудованию, Леонида Львовича Кербера (1903–1993). В 1938 году он был также арестован и отправлен в «Туполевскую шарагу». «Мне пришлось прожить в "шараге", созданной Берия вокруг крупнейших русских авиационных специалистов, четыре года, – пишет Кербер. – Согнанных из всех лагерей СССР, их в 1938 году привезли в Болшево, в бывшую трудкоммуну ОГПУ, затем перебазировали в Москву в здание КОСОС ЦАГИ (Конструкторский отдел сектора опытного самолетостроения Центрального аэрогидродинамического института) на ул. Радио, а после начала войны отвезли в Омск на завод № 166 НКАП (Народного комиссариата авиационной промышленности). В изложенных ниже записях вымысла нет».

В СССР эти воспоминания Кербера распространялись в самиздате, чем и была вызвана необходимость использования псевдонима. Интересно, что в качестве автора первого издания этой книги, вышедшего в 1971 году в Белграде, было указано: «Озеров Г.А. (Шарагин, А.)». В этом же году в журнале «Грани» (№81), издававшемся во Франкфурте (ФРГ), была помещена рецензия на это издание.

«В отличие от романа "В круге первом" настоящая работа является не литературным произведением "...с фабулой, характерами героев, конфликтами между ними..." (стр. 7), а документальной хроникой жизни заключенных в одной из многочисленных "шараг" – ЦКБ № 29 (стр. 121: Центральное конструкторское бюро НКВД). В деловом тоне автор рисует условия быта и работы, дает характеристики находящихся в "шараге" специалистов, многие из которых имеют широкую известность в своей области техники – в авиастроении. Среди них на первом месте – А.Н. Туполев, арестованный по обвинению в продаже каких-то секретов за границу. В данном случае НКВД пыталось придать обвинениям против Туполева некоторую правдоподобность, используя то, что общие законы аэродинамики привели к некоторому сходству конструкций Туполева с германскими Мессершмидтами. Этим НКВД проявило особое внимание к авторитету Туполева как ведущего конструктора

Эскиз пикирующего бомбардировщика Пе-2, проект которого разрабатывался в "туполевской шараге".

в самолетостроении, что, как правило, не делалось в случаях других арестовываемых "вредителей", когда ни о каких правдоподобиях не беспокоились, – достаточно было голословного утверждения: "ГПУ (позже – НКВД) зря не арестовывает, раз арестован – значит, виноват!" Коротко и ясно».

Список авиаконструкторов и специалистов, которых встретил автор книги в столовой «Туполевской шараги» впечатляет: «Трудно описать эту встречу и чувства, нахлынувшие на нас… За разными столиками находим: А.Н. Туполева, В.М. Петлякова, В.М. Мясищева, И.Г. Немана, С.П. Королева, А.И. Путилова, В.А. Чижевского, А.М. Черемухина, Д.С. Макарова, Н.И. Вазенкова – одним словом, весь цвет русской национальной авиационной мысли.

Сотни дружеских глаз смотрят в нашу сторону, как бы успокаивая, теперь все будет хорошо. А меня берет оторопь – значит, это правда, значит, все они – арестованы, но ведь это – катастрофа!»

Еще раз вспомним слова из статьи Валерия Чкалова «Сталин и авиация»: «Конструктор создает новый тип самолета – идею машины дал Сталин». Свой рекордный полет по «сталинскому маршруту» Валерий Чкалов и его экипаж совершили как раз, на самолете для дальних перелетов АНТ-25, созданном в 1933 году под руководством Туполева... И вот Кербер приводит разговор с Туполевым. «Меня долго держали на Лубянке в одиночке, – рассказывает А.Н. Туполев. – Потом перевели в Бутырки, стало легче и труднее. Все-таки кругом люди… Но именно здесь (возможно, это было подстроено следствием) я через одного арестованного узнал, что Юлию Николаевну (жену А.Н. Туполева) арестовали. А где Ляля и Леша (дети Туполева)?.. Нет, меня не били, только подолгу держали на стойке, а ведь мне тяжело, я грузный. Стоишь, а следователь бубнит свое: "Пиши, блядь, кому ты продал чертежи?! Сколько тебе заплатили? Пиши, не стесняйся, твои дружки Архангельский, Сухой, Петляков, Мясищев давно раскололись и продали тебя. Один ты упорствуешь, колись, самому легче будет".

Знаешь, такой тупой, ограниченный маньяк, долдонит свое, а я стою, ноги болят, глаза закрываются, спать хочется, стою и думаю: кажется, всю жизнь только и делал, что строил для них самолеты, нет, не для них, для своей страны».

Люди, прошедшие через такое физическое и моральное унижение, тем не менее сумели создать самолеты мирового уровня. В ЦКБ-29 работало четыре самостоятельных бюро: В.М. Петляков проектировал высотный истребитель; В.М. Мясищев – дальний высотный бомбардировщик; Т.Л. Томашевич – фронтовой истребитель; А.Н. Туполев – пикирующий фронтовой бомбардировщик (проект 103).

Последняя машина станет известна как Ту-2 и будет признана лучшим фронтовым бомбардировщиком Второй мировой войны. Кербер описывает один из эпизодов работы Туполева над эскизом этой машины: «Мягким карандашом (твердые он презирал, когда такой попадался ему в руки, он сквозь сильные очки с интересом разглядывал его, а затем, сплюнув, бросал за спину) "старик" подправляет хвостовую часть профиля. Сидящий рядом аэродинамик А.Э. Стерлин явно не одобряет это кощунство. "Вот так, здесь мы немножко подожмем, – и обращаясь к Стерлину: – Ты, Аманулыч, не попердывай, машина у земли будет устойчивой, вот так, – жестом подбирает штурвал на себя, потом плавно отдает его, – мы спокойненько и сели"». Позже, во время первого полета машины, все так и происходило.

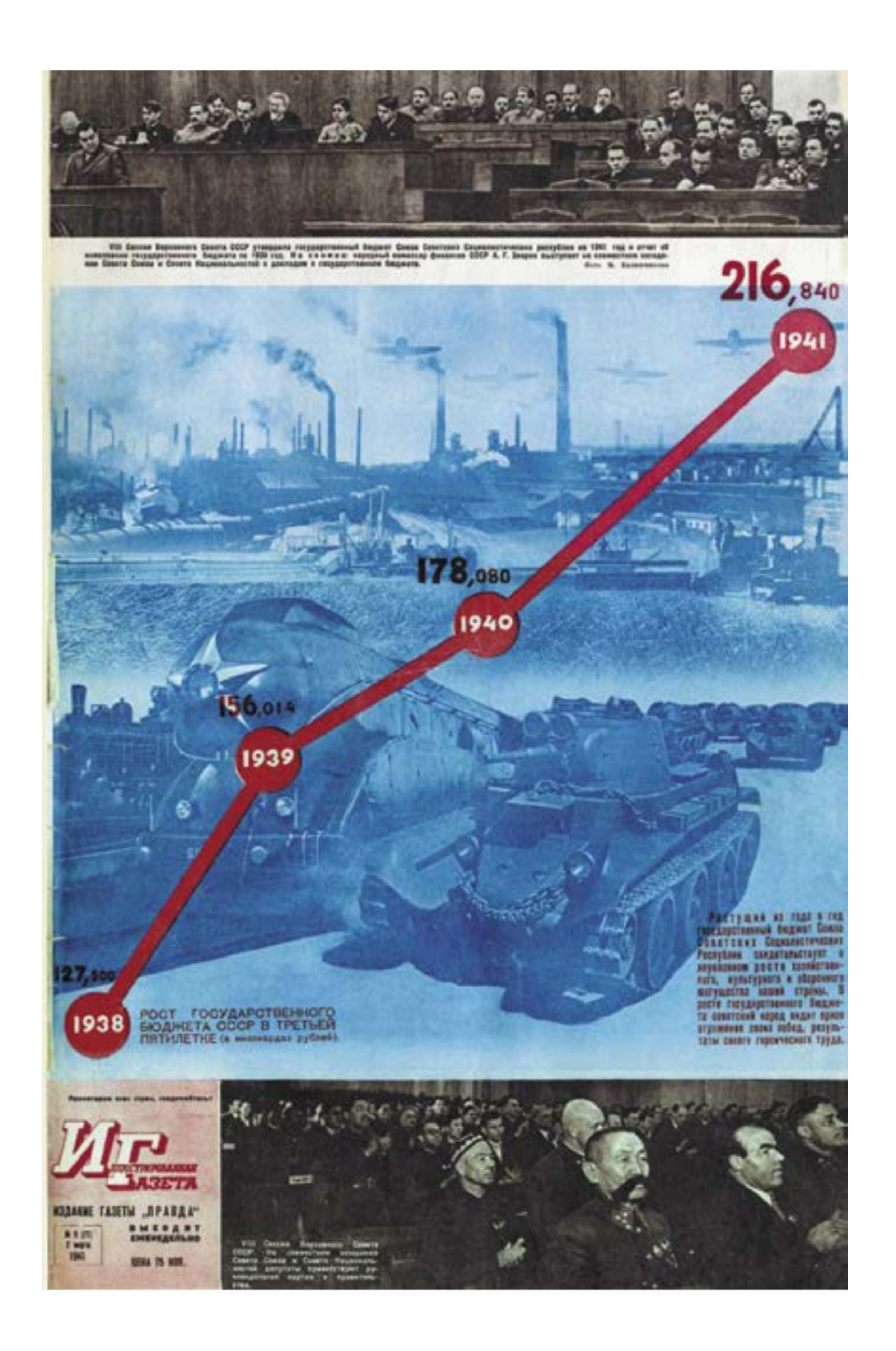
«Это – трагедия А.Н. Туполева и его коллег, оказавшихся в "шараге". Они не могли иначе работать над своим любимым делом, как вкладывая всего себя в это дело. Но давало ли это суммарную эффективность? – задается вопросом С. Кирсанов, автор предисловия к книге «Туполевская шарага». – Думаю, что ответ дает сам автор, когда он сообщает, что сотни конструкторов вообще не были разысканы в концентрационных лагерях и не поставлены на работу по специальности…»

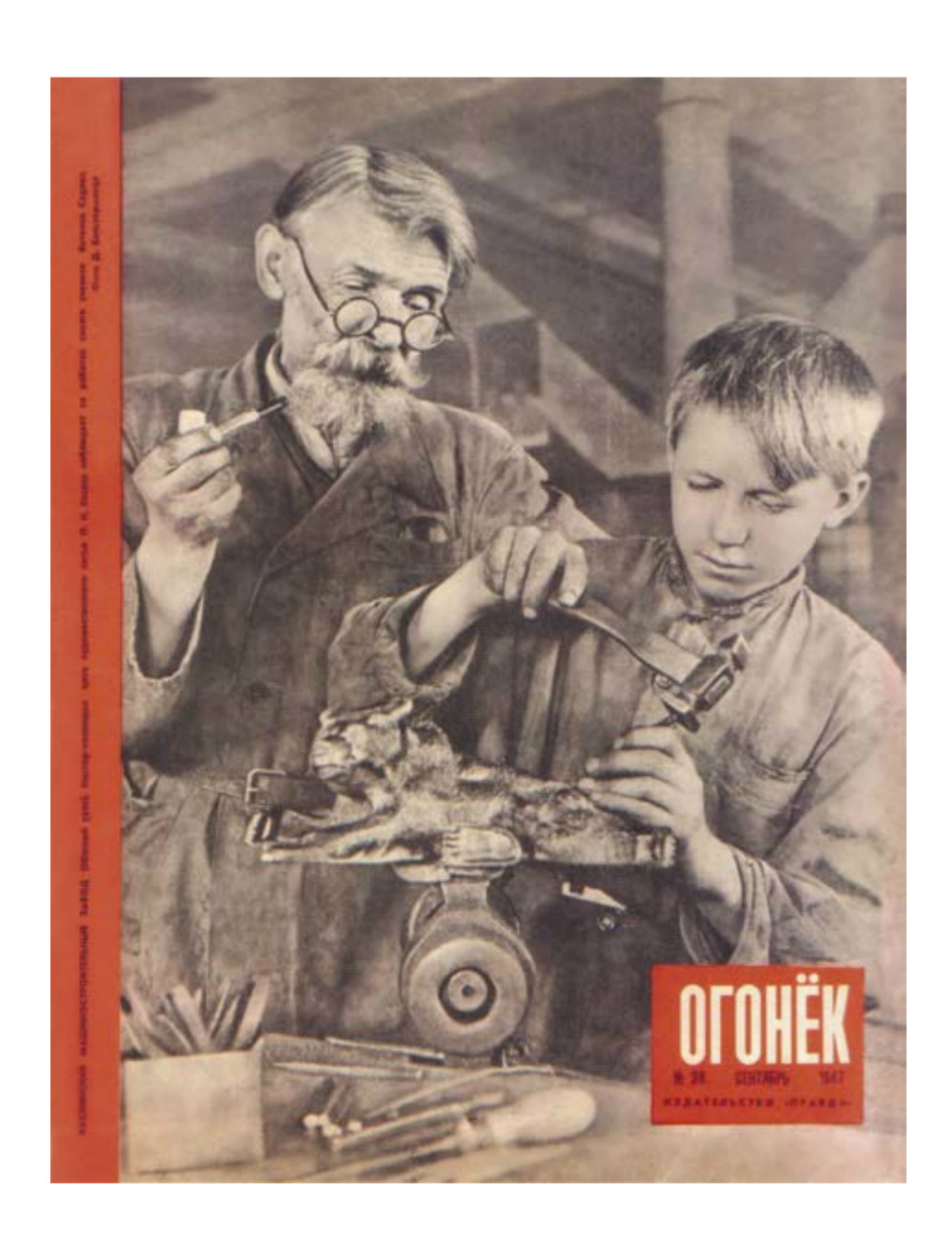
Надо сказать, что книгу «Туполевская шарага», несмотря на большой объем фактического материала – типы и модели проектируемых самолетов, огромное для такой небольшой книги количество упомянутых персоналий конструкторов, научных работников, инженеров, специалистов (более ста фамилий), – до сих пор некоторые историки авиации воспринимают, скорее, «сборником анекдотов», чем серьезным исследованием. И действительно, Л.Л. Кербер старается подчеркивать везде, где это уместно, бодрость и даже иронию (хотя и горькую) в своем повествовании. И все же, как отмечалось в рецензии из журнала «Грани», «книга "Туполевская шарага" несомненно полезна и интересна как документ времени».

После своего освобождения из «шараги» в июле 1941 года (полностью реабилитирован он будет только в 1958 году), А.Н. Туполев будет удостоен всех государственных званий и наград – академик, генерал-полковник-инженер, трижды Герой Социалистического Труда, восемь раз награжденный орденом Ленина… Но все это будет потом и выглядит это достаточно цинично на фоне впечатления от встречи с ним в ЦКБ-29 в 1938 году, которую описывает Л.Л. Кербер: «Было до слез жалко глядеть на удалявшуюся фигуру старика-конструктора, самолеты которого были основой военно-воздушных сил страны все предвоенные годы, старика, превращенного негодяями из НКВД в преступника, потерявшего все – семью, веру, друзей, – все».

Г. Озеров [псевд.] (Леонид Львович Кербер, 1903–1993)
Туполевская шарага / 2-е изд. Frankfurt am Main: «Посев», 1973. – 125 с., 1 л. портр.; Тираж не указан. 16,2 х 10,9 см. В цветной иллюстрированной издательской обложке работы художника Н. Николенко.

216,840
1941
178,080
1940
156,014
1939
1938
РОСТ ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТА СССР В ТРЕТЬЕЙ
ПЯТИЛЕТКЕ
ИГ
ГАЗЕТА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
ВЫХОДИТ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО
ЦЕНА 75 КОП.

ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1947
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Василий Парин. О вероятном... О невероятном (1973)

«Мне было четырнадцать лет, когда началась революция. Отец мой, хирург, много лет проработал в селе. В гражданскую войну он служил в госпиталях Красной Армии, после демобилизации вернулся в Казанский университет. В 1920 г. поступил в этот университет и я. Год спустя отец стал профессором Пермского университета. Семья переехала, и я, естественно, тоже перешел в Пермский университет. Там и потянуло меня в науку. В физиологию». Эти слова академика Василия Васильевича Парина – из его очерка «О вероятном… О невероятном», который и дал название всему сборнику научно-популярных эссе выдающегося ученого. Всю жизнь оставался он преданным однажды выбранному в молодости призванию – физиологии. Книга, представленная в «Библиохронике», стала первым посмертным сборником научно-популярных работ В.В. Парина.

Вообще, как отмечают составители сборника, – а среди них и жена Василия Васильевича, Нина Дмитриевна Парина, и его сын – Алексей Васильевич, – «список научно-популярных статей и брошюр В.В. Парина насчитывает более 200 названий. Для сборника были отобраны работы наиболее характерные и дающие возможно более полное представление о нем как о популяризаторе научных знаний. <…> Деление книги на разделы позволит читателю судить о многообразии интересов автора. Статьи, касающиеся биологических и медицинских аспектов освоения космического пространства, разбиты на две группы. Как видно из названий разделов, первый посвящен непосредственным откликам на тот или иной космический эксперимент и составлен главным образом из газетных статей; второй содержит работы, подводящие итог определенного этапа развития космической биологии».

Нина Дмитриевна и Василий Васильевич Парины

Названия этих разделов говорят сами за себя: «О науке, о творчестве», «Кое-что из истории», «В ногу с веком» (о кибернетике в медицине и физиологии), «Хроника космических полетов», «Человек обживает космос», «Движение и здоровье». Временной интервал этих работ – с 30-х по 60-е годы XX века.

Автор предисловия к этому сборнику, академик И.И. Артоболевский, подчеркивает: «Объединение всех этих работ, зачастую на первый взгляд совсем не связанных друг с другом, вовсе не случайно. Оно дает читателю представление об истории физиологии, в том числе физиологии космической, одним из основателей которой был Василий Васильевич Парин, о становлении и развитии таких новых научных направлений, как биологическая и медицинская кибернетика и электроника. Читатель найдет в книге интересные сведения об организации отечественной физиологической и медицинской

науки, получит полезные рекомендации, как сохранить и укрепить здоровье. <…> Человек с необыкновенным личным обаянием, редким даром поистине «легкого пера», Василий Васильевич сразу покорял любого, кто оказывался рядом с ним или встречался с его научно-популярной статьей или книгой, – будь то рабочий, студент, школьник, инженер или крупный ученый».

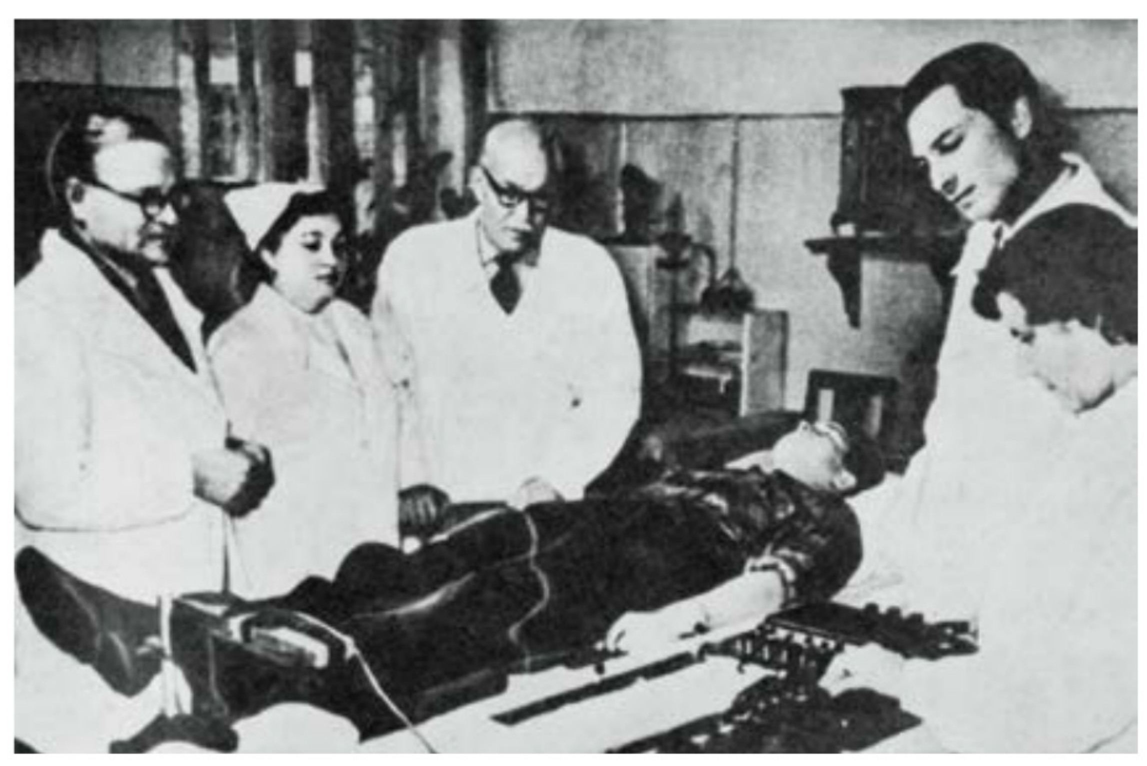
С именем академика В.В. Парина связана целая эпоха в развитии советской физиологии и медицины. Это результаты именно его исследований лежат в основе борьбы с гипертонией, атеросклерозом, инфарктом миокарда. Им было сделано фундаментальное открытие – рефлекс, регулирующий работу малого круга кровообращения, «рефлекс Парина». И, возможно, самое главное в научном наследии академика Парина – заложенные им основы космической биологии, физиологии и медицины. Именно Василий Васильевич давал «добро» на полет Юрия Гагарина и находился непосредственно рядом с ним до момента старта первого космонавта Земли.

В газете «Уральский рабочий» от 28 августа 1935 года публикуется статья В.В. Парина «Мои впечатления», посвященная Международному физиологическому конгрессу, проходившему в Москве. Вот отрывок из нее:

Летчик-космонавт СССР Анатолий Филипченко во время тренировки на велоэргометре в Звездном городке, 1974 г.

«XIV Международный физиологический конгресс, состоявшийся в Риме в 1932 г., считался до сего времени исключительно удачным в смысле организации. Однако в Советском Союзе, стране строящегося социализма, продемонстрирован такой размах подготовительной работы к встрече, такое уважение к науке и людям науки, столь блестящая и четкая организация деловой стороны конгресса и досуга, что по единодушному отзыву всех участников предыдущих конгрессов, как иностранных, так и советских, ничего подобного не было во всей предыдущей истории международных научных съездов.

Опыты по баллистокардиографии. 1957 г.

В Институте медико-биологических проблем. 1968 г.

В.В. Парин и Н.Г. Кроль. 1937 г.

Ученые Швейцарии – страны, которая по решению, принятому на заключительном заседании конгресса, будет в 1938 г. местом следующей встречи физиологов всего мира, заранее приносили извинения за то, что в Швейцарии создать такую обстановку для работы конгресса совершенно невозможно. Научные учреждения Швейцарии слишком бедны, слишком скромны по сравнению с огромными, прекрасно оборудованными институтами Ленинграда и Москвы. Шутя, швейцарские делегаты добавляли, что бюджет Швейцарии может позволить в крайнем случае предоставить каждому делегату бесплатно по кружке пива, но не больше. <…> У нас в СССР иностранцы могли убедиться (и с восторгом убедились) в блестящем расцвете науки и любовном внимании к ученым».

Энтузиазм молодого ученого, казалось, был совершенно оправданным. 30 июня 1944 года Совнарком принял постановление об организации Академии медицинских наук СССР. 14 ноября утвержден состав из 60 членов-учредителей новой академии. В их числе – В.В. Парин. На первой сессии АМН СССР, 20 декабря 1944 года, Парина избирают академиком-секретарем…

Приближается конец кровопролитнейшей войне. Сразу после Победы академик-секретарь АМН СССР В.В. Парин в составе делегаций Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) выезжает в составе делегаций в Румынию и Чехословакию, а летом 1946 г. возглавляет делегации в Венгрию и Австрию. У него завязывается обширная переписка с зарубежными коллегами (Василий Васильевич свободно владел несколькими иностранными языками). В 1946 г. В.В. Парин организовывает и проводит встречу с американской делегацией в Москве. С благодарностью он принимает подарок американской делегации – технологию производства нового мощного универсального антибиотика, стрептомицина. Сверхнеобходимое в то время Советскому Союзу лекарство.

Возглавить ответную делегацию советских медиков поручают академику В.В. Парину. В порядке взаимности, имея при этом необходимые документы и разрешения, он взял с собой вакцину «КР» (предложена профессорами Н.Г. Клюевой и Г.О. Роскиным) для лечения онкологических заболеваний и описание методики ее использования. По возвращении… В.В. Парина объявляют «американским шпионом», который продал тайну лечения рака. 17 февраля 1947 года в Кремле состоялось заседание по делу «вакцины КР». Сталин произносит роковые для Василия Васильевич слова: «Я Парину не доверяю». В ночь на 17 февраля 1947 г. он был арестован. Приговор – 25 лет Норильских лагерей. Вскоре, однако, В.В. Парин оказался в тюрьме Владимирский централ, где провел около шести лет. Кто знает, может быть, не раз в эти годы Василию Васильевичу вспоминались его же слова из статьи в «Уральском рабочем» о «…блестящем расцвете науки и любовном внимании к ученым» в СССР.

К моменту, когда выносился приговор Парину, была уже доказана научная несостоятельность «открытия» Клюевой и Роскина, и, следовательно, даже формально государственной тайны препарат «КР» не представлял…

А выдающийся ученый-физиолог, в самом плодотворном для ученого возрасте, оказался вычеркнут из нормальной жизни. Осенью 1953 г. В.В. Парин был отпущен на свободу по амнистии, реабилитирован – в апреле 1955 года. Но еще долго о черной полосе в жизни академика Парина было

принято «скромно» умалчивать. Так, в 1981 году в издательстве «Знание», в серии «Творцы науки и техники», выходит первая биографическая книга о В.В. Парине – «Лицом к человеку. Подступы к биографии В.В. Парина». Автор, член Союза писателей СССР Семен Резник, обошелся одним коротеньким абзацем, весьма характерным, впрочем: «…Много можно было бы рассказать об этом восьмилетии, но наша книга – о деятельности, а не о вынужденной бездеятельности Василия Васильевича…» И все…

В последние годы жизни В.В. Парин возглавлял Лабораторию проблем управления функциями организма человека и животных имени Н.И. Гращенкова. Тогда же Василий Васильевич добился организации и возглавил в Академии наук СССР Совет по комплексному изучению человека. Соавтор В.В. Парина по фундаментальной монографии «Космическая кардиология» Р.М. Баевский отмечал: «Можно не сомневаться, что если бы Парин прожил еще несколько лет, то на базе лаборатории имени Гращенкова им бы был создан Институт по комплексному изучению человека. Это было бы апофеозом и завершением всей его деятельности».

Академик Василий Васильевич Парин скончался в Москве 15 июля 1971 года в возрасте 68 лет. Сердце не выдержало…

Василий Васильевич Парин (1903–1971).
О вероятном… О невероятном / Москва: Издательство «Наука», 1973. – 294 с., илл. Тираж 50 000 экз. 20,5 х 13 см.

Огонёк
№ 27
1944 год

ТЕХНИКА
ВОЗДУШНОГО
ФЛОТА
1847-
-1947
1947
1

Вадим Рабинович. Алхимия как феномен средневековой культуры (1979)

В начале «нулевых», отвечая на вопрос одной литературной анкеты «Чем был XX век в истории России? Его социально-политические и нравственные итоги», В.Л. Рабинович ответил так: «Да, да. Не кукситесь и не обижайтесь. Главным событием XX века в истории России считаю выход в свет моей книги “Алхимия как феномен средневековой культуры” в 1979 году в издательстве “Наука”».

И действительно, чтобы строгое академическое издательство «Наука» в 1970-е годы выпустило книгу посвященную чуть ли не «мракобесию» и, уж по крайней мере, – «лженауке» алхимии… (В сталинской, «синей» Большой Советской Энциклопедии так и написано: «А. – лженаука…») Это кажется почти невероятным. Неслучайно, что даже и саму тему – «Алхимия как феномен средневековой культуры» – Рабиновичу, тогда сотруднику Института истории естествознания и техники, пришлось «пробивать» с 1971 года.

«Это ли не событие? А разве, так сказать, методологически обосновать алхимию советской власти (попутно с алхимией исторической), успешно взрастившей советского человека – гомункулуса из гомункулусов, на редкость живучего и жизнестойкого, – не есть ли дело, важнейшее из многих?! – пояснит позднее В.Л. Рабинович причины своего «неполиткорректного» заявления. – Понимаю: утверждение крайне субъективное. Но, доведенное до предела, оно становится предельно же объективным, сполна свидетельствуя о моем Я, о моем сознании: и тогда я (ты, он, она) есть весь XX век; но и весь XX век есть ты, он, она (Я). Объективно и навсегда <…>. Еще раз: суверенная личность в ее беззащитности, но и в ее всесилии. А это и есть итог XX века: нравственный, и потому социальный, и потому же и политический».

Эту книгу все-таки стоит прочитать. Даже если вам ни под каким соусом – а у Рабиновича в книге этих глав-«соусов» – семь, на выбор, – алхимия не нравится. Вадим Львович Рабинович, кандидат химических наук и доктор филологических, известный культуролог, философ, искрометный острослов и замечательный поэт, в стихотворении «Гермес» (считается, что именно этот античный персонаж является родоначальником алхимической традиции) так определил исходный пункт своего исследования:

Говорят, близ Хеброна
На могильной плите Трисмегиста Гермеса
Македонский А.Ф. повелел начертать
Тринадцать незыблемых правил
«Изумрудной скрижали» Гермеса.

Изречённое сим достославным,
Хитрованом и ловким умельцем,

Оказалось тем матерьялом,
Из которого столько веков
Формовало себя мироздание злато-
адептов –
Лунно-солнечных братьев, пришедших
Из верховий зелёного Нила.

Приблизительно так начал я мою книгу
О Большом королевском искусстве…

Слово за слово, букву за буквой
Стал перекладывать важные письмена
С латинского, ихнего – на русский, родной.

Начальные и граничные условия исследования таковы: «Западная алхимия в составе европейской средневековой культуры…», XII–XV вв.

Алхимия не столько предтеча химии, сколько семиологии – науки о знаках (именах). Понимали это, кажется, все и всегда. Так, Георгий Агрикола (XVI в.) пишет о мастерах-адептах Великого Делания (синоним алхимии): «Много имеется и других книг об этом, но все они темны, так как сии писатели называют вещи чужими, не собственными

именами, и притом одни пользуются для их обозначения, ими же придуманными названиями, другие – другими, между тем как сами-то вещи являются и теми же». «Темень, обман» – такими определениями награждает алхимию автор трактата «О горном деле…» Агрикола.

Или алхимия – начало теоретической химии? Так или иначе, алхимия, по Рабиновичу, вечно нарезает круги вокруг четырех сосен: «лженаука, предхимия, химия, сверххимия».

Известный феномен библиопсихологии: из одного и того же текста каждый вычитывает свой смысл. Один из возможных вариантов прочтения исследования Рабиновича такой: алхимия – это текст, в буквальном смысле, но не формула. Формула, в силу каких-то методологических особенностей, «работает»; алхимический же текст не работает, он не обладает никакой эвристикой. Химии, химическим формулам удалось за 100 лет сделать то, что алхимии не удалось за 10 веков. И не удастся еще за десять.

Можно сказать, Рабинович семь шкур спускает с алхимии, чтобы поставить свой гуманитарный эксперимент – реконструировать алхимию как исторически становящийся феномен. «Семь глав… Семь ракурсов, под которыми читается один и тот же текст, семь проекций, семь граней алхимического кристалла». Отсюда – структура книги. Задача-максимум – воссоздать алхимическое мышление.

«Алхимический рецепт: действие и священнодействие» – глава, в которой Рабинович настаивает, что алхимия пожертвовала собою, деформируя средневековый христианский рецепт. Так началось Возрождение: «…все умеющий, но еще стесненный рецептом позднесредневековый мастер… начинает интересоваться (уже без рецептов: их для этой цели еще не было) всем, что попадет под руку. Начинается Возрождение с его универсальным, нерегламентированным, нерецептурным умением».

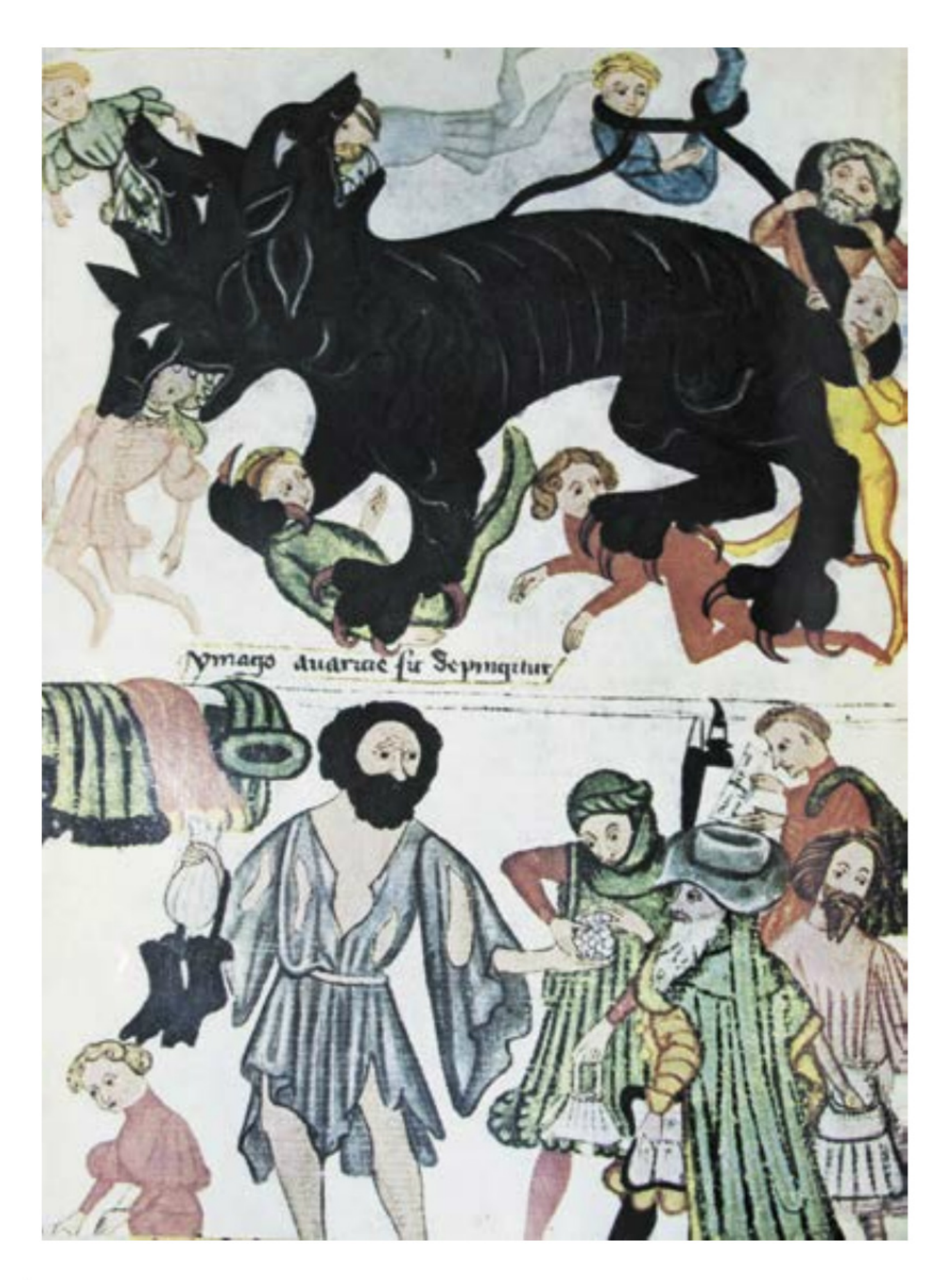
«Превращение черного дракона. Символические формы алхимического исследования» – возможно, самая «муторная» глава в книге. Семиотические тексты – то есть тексты о жизни и функциях знаков (а символы – одна из разновидностей знаков) – имеют прямо-таки неистребимое свойство выстраивать труднопреодолимые редуты на пути к пониманию смысла написанного («укутывают» смысл в сто одёжек хорошо завихренного текста).

Был ли в средневековье другой способ рассуждений, не алхимический? Притом такой же вещественно-ценный… Может быть, схоластика? Рабинович: «Алхимическая вещественность, выдающая себя за христианскую духовность» (через изощренное символостроение). Алхимия на месте Бога. И не только Бога: «Там, где символ станет лишь знаком предмета, появится подлинная предметность – путь к научной химии… Там, где символ выступит как эвристическое средство, начнется самосознание науки (Френсис Бэкон)».

Таким образом, алхимический рецепт – это система символов, ключ к коду которой утерян (или никогда не был изготовлен, не существовал).

«Турнир антитез. Оппозиции средневекового мышления» – глава, в которой Рабинович приходит к фундаментальному умозаключению: «И тогда алхимия – предыстория новой химии, но лишь при понимании алхимии как воспроизводящей – странно и своеобразно – всю средневековую культуру».

«Восток на западе или Запад на востоке. Алхимическое символотворчество в контексте авероизма» – глава, в которой Рабинович приводит новые доводы в пользу той своей концепции, что «алхимический символизм включается в работу, способствующую расшатыванию системы мышления европейского средневековья».

«Алхимия послеалхимических времен. Миф – легенда – роман» – глава, в которой Рабинович категоричен: «Алхимия, выведенная за пределы собственной культуры, – уже не алхимия… Только учет средневекового контекста предполагает алхимический текст…»

«Трансмутация алхимических начал: “теория” и “эксперимент”» – глава, в которой Рабинович, по ходу исследования, дает много смелых определений алхимии и ее адептам, мастерам Великого Делания. Например, такое: алхимик – это «гомункулус позднеэллинистической паракультуры, привитой к культурному древу европейского средневековья». Или такое: «…алхимия – особая естественнонаучная и, если хотите, художественная реальность вместе. В отличие от физики, науки “черно-белой”, алхимия – искусство, существующее все в спектрах цвета и запаха». Любопытный штрих: чтобы открыть фосфор алхимику-неофиту, купцу из Гамбурга Хеннингу Бранду понадобилось выпарить тонну (sic!) мочи…

«Scientia immutabilis, или Как развивалась алхимия» – глава, в которой Рабинович приходит к парадоксальному выводу: «…у алхимии нет собственной истории» именно потому, что алхимия – наука неразвивающаяся, scientia immutabilis. «Можно сказать и так: алхимия – “перводвигатель”, коим движимо все, сам же перводвигатель принципиально недвижим». Или так: «Строго говоря, нет истории ни официального средневековья, ни алхимии как таковых; но есть история их взаимодействий. Вот почему, чтобы рассказать историю алхимии – а значит, и официального средневековья, – нужно рассказать историю этого самого и».

В итоге, алхимия у Рабиновича – это некий лемовский Солярис, свойства которого в целом принципиально нельзя вывести индуктивно, из анализа «семи цветов алхимического спектра». Впрочем, и дедуктивному анализу феномен алхимии не очень-то поддается. Рабинович с легкостью находит АХ-матрицу (алхимическую матрицу) почти во всем, к чему прикасается, к чему прикладывает, действительно, очень разработанный им 7D-трафарет корневых свойств алхимии. Но это как раз и означает сверхтекучесть алхимии.

Как не было никакого мозгового центра у розенкрейцеровского движения, так и не было никакой АХ-концепции. Бесформенная, безматериальная масса, готовая влиться в любые, подготовленные, подставленные для нее меха. (Того самого гамбургского купчишку Хеннинга Брандта, начавшего продавать под видом «философского камня» открытый им фосфор дороже золота по весу, по протекции великого Лейбница берут на работу придворным алхимиком к герцогу – на зарплату 10 талеров в неделю и государ-

ственные харчи.) Как флогистон, как теплород, как мировой эфир… Эфира нет, а реликтовое излучение – реальность, экспериментально подтвержденный факт. Чернобелый физический факт.

Наш экземпляр «Алхимии» – с развернутым автографом-посвящением автора своим друзьям и коллегам: «Психологу без диплома, знатоку почти всего, прогнозисту без степени, методологу поневоле дорогой Ирочке Лапиной, а также её мужу Коле – тоже умному и дорогому, в надежде на неторопливое прочтение. Ваш навек по доброй воле Рабинович. 31.3.80.». Ирина Васильевна Лапина – сотрудница Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова; Николай Иванович Лапин – член-корреспондент Российской академии наук, советник РАН, руководитель Центра Института философии РАН.

Лишь ограниченное количество экземпляров книги было выпущено в суперобложке, и на сегодняшний день – это большая редкость. Кстати, и переплетные крышки были выполнены с оригинальным тиснением, отличным от остальной части тиража.

Вадим Львович Рабинович (1935–2013).
Алхимия как феномен средневековой культуры / Москва: Издательство «Наука», 1979. 391 с., цв. илл. 22,2x17,5 см. Тираж 10 000 экз. Суперобложка. Автограф автора на обороте титульного листа.

ТЕХНИКА–
МОЛОДЕЖИ
8
1952
ЖУРНАЛ ЦКВЛКСМ

Знание — сила
11
1953

Александр Баев. Геном человека (1990)

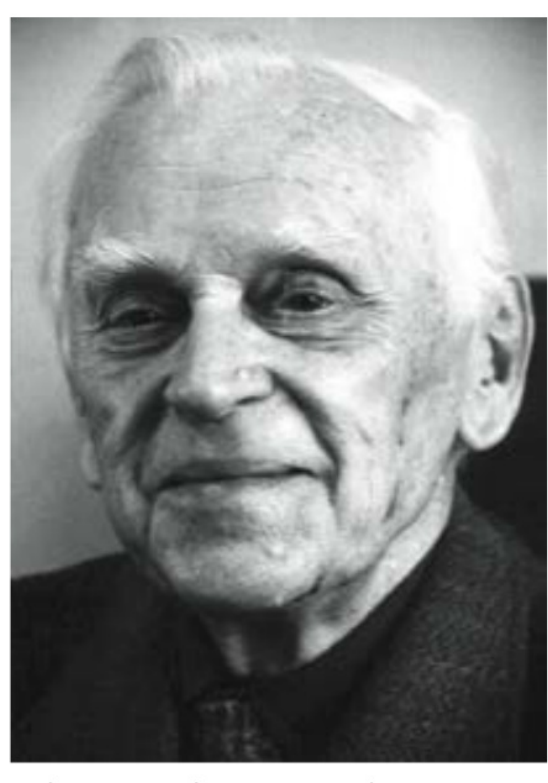
К академику Александру Александровичу Баеву, председателю Научно-технического совета национальной программы «Геном человека», как-то обратился один из сотрудников Института молекулярной биологии и пожаловался на то, что в результате интенсивной работы у него открылась язва. Баев ответил, что он знает один способ, как избавиться от язвы. «Только вряд ли вы решите им воспользоваться», – тут же заметил академик. Заинтригованный сотрудник стал настаивать все-таки открыть секрет. «Год тюрьмы излечивает от любой язвы за счет умеренного и регулярного питания», – последовал квалифицированный ответ. Сам Александр Александрович 17 лет провел в лагерях и ссылках по стандартному обвинению – «враг народа»…

Отец Александра Александровича Баева, тоже Александр Александрович, был адвокатом в Чите. Он умер в 1914 г., и семья переехала в Казань, к деду – владельцу небольшого судоремонтного и судостроительного завода.

«После окончания медицинского факультета Казанского университета в 1927 г. я стажировался в течение одного учебного года на кафедре госпитальной терапии у профессора Н.К. Горяева, а затем уехал в деревню – в Буинский кантон Татарской республики, где проработал врачом вплоть до 1930 г., – отмечал в 1989 г. академик Александр Баев в сборнике, посвященном памяти В.А. Энгельгардта. – В тот год в Казанском медицинском институте впервые был проведен большой набор аспирантов. Я подал заявление в биохимическую аспирантуру не столько потому, что меня привлекала биохимия, сколько из-за малого конкурса по этой специальности. Я был "классово чуждым элементом", и с этим обстоятельством мне приходилось считаться».

Научным руководителем Баева стал молодой еще тогда ученый, будущий выдающийся биохимик, академик Владимир Александрович Энгельгардт. Сегодня, оглядываясь назад, кажется, что именно это знакомство, возможно, и спасло жизнь молодому аспиранту с непролетарским происхождением.

В 1937 г., в самый разгар сталинских репрессий, Баев был арестован. Дальше – «нормальная» судьба советского политзаключенного: Бутырская тюрьма, Соловецкий лагерь особого назначения (печально знаменитый СЛОН), Норильский лагерь… «То, что произошло, имело отношение к Казани и даже к моей биохимической аспирантуре, – вспоминал А.А. Баев. – В 1930–1932 гг. я наряду с другими аспирантами-биологами Казани был участником семинара по методологии биологии профессора Казанского университета, очень талантливого ученого В.Н. Слепкова, брата А.Н. Слепкова-старшего, ученика Н.И. Бухарина. Когда в 1937 г. понадобилось доказать, что весь Советский Союз был покрыт сетью тайных организаций, и тем самым создать основу для готовящегося суда над Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и др., мановением пера безобидный семинар аспирантов превратился в подпольную террористическую организацию "молодых бухаринцев", ставивших себе целью вооруженное свержение советской власти, покушение на жизнь И.В. Сталина, реставрацию капитализма – не более и не менее».

Академик Александр Баев. Фото Андрея Никольского. Декабрь 1993 г.

Во время заключения в Соловецкой тюрьме Баеву разрешили переписку только с матерью, оставшейся в Москве. Однако она скоро умерла… Но даже в Норильском лагере, куда Баев был переведен из СЛОНа, он пишет несколько научных работ. Среди них – «О ресурсах солнечной радиации Норильска», «Справочник по диэтетике груд-

ных детей». В 1944 г., учитывая самоотверженный труд во время войны, Александр Александрович получает относительную свободу – без права покидать Норильск. Разрешена была и переписка. И первое письмо, которое он получает из «того мира», было от Энгельгардта: «К своему удивлению, я узнал, что у Владимира Александровича сохранился рукописный экземпляр моей кандидатской диссертации. Она была закончена во второй половине 1936 г. Разрешение на кратковременный выезд из Норильска, где я в то время жил, получить удалось, и я оказался в Москве на полулегальном положении. Поэтому мне было нельзя посещать библиотеки».

В итоге в 1946 г. «враг народа», тюремный врач из Норильска Александр Баев защищает кандидатскую диссертацию «Превращение аденозинтрифосфорной кислоты в ядерных эритроцитах птиц в связи с дыханием». Разрешение на поездку в Москву и Ленинград было получено от Министерства внутренних дел. Оно было подписано заместителем Берия, одним из главных организаторов репрессий Б.З. Кабуловым. По какой-то изощренной иронии истории, после смерти Сталина Кабулов был расстрелян 23 декабря 1953 г. по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Между тем в 1946 г. самому Баеву будущее рисовалось довольно безоблачным: «Я стал кандидатом наук и даже был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»… Но это еще не было концом. В 1949 г. спохватились и обнаружили, что контингент 1937 г. еще не весь истреблен и что он расползся по всему Советскому Союзу. В этот год я снова был арестован и сослан, теперь уже "навечно", как сказано в приговоре Особого совещания, на Енисей, хотя я лично жить вечно не рассчитывал… Но не прошло и года после смерти Сталина, как я был реабилитирован и в 1954 г. с семьей вернулся в Москву… В моей трудовой книжке появилась отметка, что 17 лет – с 1937 по 1954 г. – я никуда из института [молекулярной биологии] не отлучался и честно работал научным сотрудником».

В начале 1960-х Баев приступает к расшифровке первичной структуры нуклеиновых кислот. В 1968 г. его выбирают членом-корреспондентом АН СССР, а в 1970-м – академиком. Приходит и международное признание его работ: бывший тюремный врач становится членом академий Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, академии «Леопольдина», Европейской академии, доктором Грейфсвальдского университета, членом HUGO (Human Genome Organization – Организации по исследованию генома человека), Американского общества биохимиков и молекулярных биологов.

Проблема расшифровки святая святых природы – генетического кода волновала Александра Александровича Баева больше всего в последние годы жизни. С 1989 г. академик Баев – председатель Научного совета

по Государственной научной программе России «Геном человека». Собственно, это он и стал инициатором этой программы: в 1987 году Баев написал соответствующее письмо М.С. Горбачеву. Тогда же появилось постановление Совмина СССР о программе «Геном человека».

Опять Баеву будущее рисовалось довольно безоблачным. Но… «Первые шаги внушали оптимизм, – признавался Александр Баев в интервью «Независимой газете» 5 января 1994 г. – Под программу было выделено 25 миллионов рублей и 10 миллионов долларов на год. Но при наших темпах организационные вопросы растянулись на целый год. Фактически мы начали работать в 1989 году. И очень скоро наша роскошная жизнь прекратилась. Прекратилась в результате социально-государственного прогресса, носящего название "перестройка". Инфляция пожирала все наши ассигнования в рублях, а валютное обеспечение совсем прекратилось. Сейчас программа "Геном человека" переживает очень большие трудности и очень сильно сокращена».

Тоненькая брошюрка, представленная в «Библиохронике», – краткое введение в проблему расшифровки (секвенирования, от латинского «sequi» – следовать) последовательности тех трех миллиардов нуклеотидов, которые составляют геном человека. Насколько это нетривиальная задача, дает представление пример, который приводит Баев: «Физический объем записи генома можно представить в следующем виде. Допустим, мы вносим результаты секвенирования в книги объемом в 1000 страниц по 2500 печатных знаков на странице. Тогда для разных геномов понадобится следующее количество томов: человек – 1200, птицы – 320, дрозофила – 62, дождевой червь – 40, дрожжи – 6, бактерии – 2, микоплазма – 200 страниц». А вообще, полная запись последовательности генома человека, равна 13 комплектам «Британской энциклопедии».

В упомянутом интервью «Независимой газете» в ответ на вопрос: могут ли результаты программы «Геном человека» быть использованы для создания генетического оружия? – академик Александр Баев с юмором ответил так: «А как вы себе это представляете? Можно ли считать "генетическим оружием" такую ситуацию. Некий гражданин N обладает патологическим геном. И вот его в качестве "генетического оружия" отправляют в другую страну и заставляют вступать в половую связь с женщинами. Это – "генетическое оружие"?! В конце концов, та же радиация и есть генетическое оружие. Биологического генетического оружия, по-моему, не может быть. Во всяком случае, у меня тут фантазии не хватает. А вот портить геном – это мы можем уже сейчас, и портим с успехом».

Это интервью академика Александра Александровича Баева стало последним. Не дожив 10 дней до своего 91-го юбилея, 31 декабря 1994 года он скончался. Его официальный трудовой стаж – 80 лет.

Александр Александрович Баев (1904 –1994)
Геном человека. Информационный бюллетень №2 / Москва: ВИНИТИ, 1990. 38 с. Тираж 500 экз. 19,8х14,2 см.
Автограф автора на титульном листе: «А.Г. Ваганову / С добрыми пожеланиями. / На память о разговоре / по вопросам генетики. / Академик РАН А. Баев / 23.XII.1993 г.»

Как зачались
живые твари
на земле.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1925

Петр Капица. О науке и власти. Письма (1990)

Писатель Даниил Гранин свой очерк, посвященный Петру Капице, назвал «Человек не отсюда» (2014). «Поразительно, – пишет Гранин, – что существовала эта переписка одного из самых свободных людей России с ее деспотом. Она впечатляет. Отчаянно смелая, опасно-искренняя. Представить не мог, что Капица позволял себе и что позволяли себе сталинисты по отношению к великому ученому!»

Сталин на письма Капицы не отвечал, и однажды Петр Леонидович прекратил эту одностороннюю, как ему казалось, переписку. Мол, как об стенку горох, как в ватную стену, как вода в песок… Очень скоро Маленков позвонил Капице и сказал: «Почему вы не пишите Сталину, он ждет новых писем». «В огромном и чрезвычайно богатом эпистолярном наследии П.Л. Капицы руководители страны занимают особое положение, – отмечает в предисловии к брошюре «О науке и власти» ее составитель, личный секретарь академика Капицы, П.Е. Рубинин. – Меня поразило их количество – более трехсот писем самым высоким адресатам с 1934-го по 1983 год. Сталину, например, Капица написал 45 писем, Молотову – 71, Маленкову – 63, Хрущеву – 26…»

Но не менее поражает своей драматичностью и предыстория этого эпистолярия. О том, как она начиналась, в книге «Мои воспоминания» (2008) рассказывает старший сын Петра Леонидовича, профессор Сергей Петрович Капица: «Родился я в Кембридже, в Англии, где тогда жил и работал мой отец,

Патрик Блэкетт, Петр Капица, Поль Ланжевен и Эрнест Резерфорд в Кембридже, 1919 г.

Петр Леонидович Капица. Он приехал в Англию в 1921 году вместе с группой советских ученых, в которую входили Алексей Николаевич Крылов и Абрам Федорович Иоффе. Это были ученые с мировым именем, которые должны были восстанавливать разрушенные в результате революции и войн контакты, закупать научное оборудование и литературу. В Кембридже Петр Леонидович познакомился с Резерфордом, увидел его лабораторию и очень захотел там поработать. Но Резерфорд опасался иметь у себя сотрудника из Советской России, что было совершенно неудивительно, учитывая, что в то время не было даже дипломатических отношений между Англией и нашей страной. Все же Капице удалось уговорить Резерфорда дать ему возможность работать в Кавендишской лаборатории; в конечном счете, он прожил в Англии 13 лет.

Отец уехал из России вскоре после тяжелой утраты: во время эпидемии гриппа "испанки" он потеря свою первую семью – жену и двух детей, и хотя его работа в Кембридже была очень успешной, он страдал от одиночества и семейной неустроенности и часто писал об этом своей матери – Ольге Иеронимовне (урожденной Стебницкой) – в Петербург. Только через пять лет отец встретил в Париже Анну Крылову, которая жила там в эмиграции, вскоре они поженились, и я появился на свет».

На протяжении всех этих 13 лет Петр Капица почти каждый год приезжал в Россию – навестить маму, Ольгу Иеронимовну, встретиться с коллегами-учеными. И поначалу проблем не возникало. Но в конце 1920-х годов даже тесть Капицы, выдающийся механик, кораблестроитель, адмирал, академик Алексей Николаевич Крылов, осторожно предупреждал Капицу в своих

письмах, что в Советский Союз ездить становится опасно. По просьбе А.Н. Крылова математик Я.В. Успенский, отправлявшийся в заграничную командировку, уже будучи за рубежом, отправляет П.Л. Капице письмо (его приводит С.П. Капица в книге «Мои воспоминания»):

«9 апреля 1929 Берлин

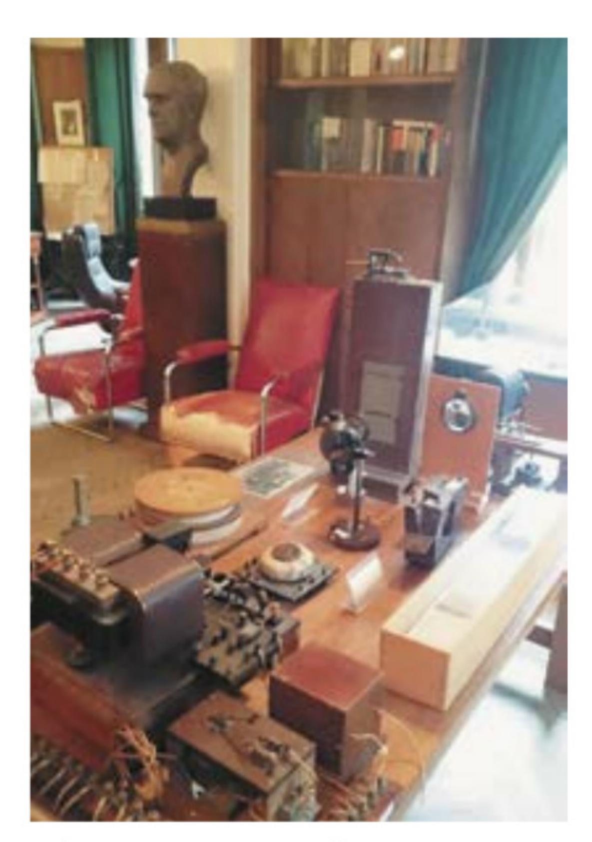
Многоуважаемый Петр Леонидович!

Пишу Вам по поручению Алексея Николаевича Крылова, который просил меня сообщить Вам о нижеследующем. А.Н., узнав, что Вы собираетесь приехать в СССР для временной работы, убедительно просит Вас не делать этого. Положение сейчас таково, что никаким гарантиям того, что Вас по истечении некоторого срока выпустят обратно, доверять нельзя. Приехав однажды в СССР, Вы рискуете остаться там навсегда. Но, допустив даже, что этого не случится, все-таки можно очень сомневаться, что Вам удастся вести работу при таких условиях, какие Вы имеете в Кембридже. Поэтому А.Н. просит Вас отменить Ваш приезд в СССР и известить об этом А.Ф. Иоффе под каким-либо благовидным предлогом или еще тянуть дело так, чтобы не сказать ни да, ни нет. Обо всем этом нужно писать осторожно и дипломатически, что Вы, вероятно, и сами понимаете.

С искренним уважением, Я. Успенский».

Само по себе это письмо многое говорит о той ситуации, идеологической и политической атмосфере, которые сложились в Советском Союзе. Кстати, Я.В. Успенский из своей зарубежной командировки не вернулся в СССР, стал «невозвращенцем» по советской терминологии. В тот год П.Л. Капица к этим предостережениям прислушался. Но потом несколько раз ездил в СССР и благополучно возвращался. Но потом все случилось так, как предсказывал академик А.Н. Крылов…

«Он приехал в Ленинград в начале сентября 1934 года вместе с женой, чтобы по примеру прошлых лет повидать родных и друзей, выступить с лекциями о своих работах и посетить Харьковский физико-технический институт, консультантом которого он был с 1929 года, – пишет П.Е. Рубинин. – Приехал ученый с европейским именем, как тогда говорили, член Лондонского Королевского общества, директор Мондовской лаборатории при Кембриджском университете... 25 сентября его срочно вызвали в Москву, и заместитель председателя СНК СССР В.И. Межлаук сообщил ему, что на этот раз вернуться в Англию ему не разрешено. Он должен работать

Кабинет Петра Капицы в его доме на территории Института физических проблем

в СССР. Это решение Политбюро... Так Капица столкнулся впервые вплотную с Государственной Властью.

Анна Алексеевна уехала одна в Кембридж к детям, а Петр Леонидович остался».

Фактически взятый в заложники советским государством, Петр Капица предлагает «нулевой» вариант: он едет в Кембридж, договаривается с Резерфордом и Кембриджским университетом о продаже научного оборудования его лаборатории в СССР и возвращается сюда работать… Отказ. Ему не разрешают даже позвонить Резерфорду по телефону

Судя по всему, и в академическом сообществе отношение к П.Л. Капице, мягко говоря, недоверчивое, люди боялись общаться с ним. После сессии Президиума Академии наук СССР он пишет письмо жене в Кембридж: «...Никто из академиков, кроме твоего отца и Коли Семенова <академик Николай Николаевич Семенов, близкий друг П.Л. Капицы, будущий Нобелевский лауреат по химии>, не зашел меня проведать. Иоффе, хотя живет в "Метрополе" <в этой московской гостинице жили академики, приехавшие на сессию>, но не зашел тоже. Это, конечно, пустяки, но все же свинство, хотя, конечно, инстинкт самосохранения у академиков так же

Петр Леонидович Капица в лаборатории

силен, как и у всех других животных. "Safety first"».

Но ясная, четкая, позиция П.Л. Капицы заставляет власть пойти на уступки. 23 декабря 1934 года В.М. Молотов подписывает постановление Совета народных комиссаров СССР о строительстве в Москве Института физических проблем. Несколько дней спустя газеты сообщают, что директором нового института назначен профессор П.Л. Капица. Ему обещано, что для нового института правительство купит научное оборудование его лаборатории в Кембридже.

Брошюра «О науке и власти» начинается с письма П.Л. Капицы И.В. Сталину от 1 декабря 1935 года (первая публикация):

«Товарищ Сталин!

Мне передали, что вчера Сенатом Кембриджского университета окончательно утверждена передача моей лаборатории Союзу, и отправка оборудования начнется в ближайшие дни. Теперь, когда мне предстоит продолжать мою научную работу в своей стране, мне очень хочется, чтобы моя работа здесь была наиболее производительной и не менее успешной, чем она была в Кембридже. Я Вам пишу это письмо, так как искренне боюсь, что при создавшихся условиях этого быть не может, и я уверен, что кроме Вас никто не может повлиять на создавшееся положение.

Когда более года тому назад меня неожиданно задержали и резко прервали в очень интересном месте мою научную работу, мне было очень тяжело, потом стали обращаться со мной очень скверно, и эти месяцы в Союзе были самыми тяжелыми в моей жизни. Если я вижу смысл в перенесении моей работы сюда, то я до сих пор не могу понять, для чего нужно было так жестоко обращаться со мной. <…>

На меня всевозможными путями давили, чтобы я заново восстанавливал работу здесь, запугивали, упрекали в отсутствии патриотизма, пытались купить и пр. и пр. Наконец требовали, чтобы я написал явную ложь, что я добровольно остался. Нелепая просьба, так как всякий, кто меня знает, все равно не поверил бы, что я мог бросить без предупреждения работу, лабораторию и учеников. Тоже пугали, наказывали и пр.

Все это время, часто совсем явно, за мной ходят агенты, даже раз послали обнюхивать меня собаку, видно боялись, что я сбегу».

Мало того, в концовке этого письма Капица позволяет себе небольшую лекцию, адресованную Сталину, о том, как должна была бы быть устроена наука в СССР:

«Второй вопрос, который меня очень волнует, – это организация моей научной работы.

Научная работа есть, конечно, наиболее квалифицированный труд и поэтому требует очень хорошую и дорогую хозяйственную основу. Это в особенности справедливо для такой сугубо опытной науки, как моя физика. Темпы работы должны быть исключительно высоки для успешного ведения научных изысканий. Надо без перебоев проделывать много различных опытов перед тем, чтобы докопаться до чего-нибудь значащего. Только тогда, когда исследования идут без задержки, можно работать с увлечением, весело, смело и, следовательно, успешно. Но я без оговорок должен сказать, что наше "научное хозяйство" из рук вон плохое, в сто раз хуже, чем его можно было бы организовать на почве нашей промышленности и при наших материальных возможностях».

Важно отметить, что со стороны П.Л. Капицы это был не разовый всплеск безрассудной откровенности. Это – осознанная, и даже выстраданная, жизненная позиция выдающегося ученого. Так, в очередном письме к Сталину от 14 марта 1945 года Капица фактически бросит в лицо Хозяину обвинение в «хамском» обращении с национальным интеллектуальным потенциалом:

«Товарищ Сталин!

<…> Вот прошло 27 лет после революции, мы много построили, много освоили, а как мало своего крупного мы внесли в технику! Лично я могу назвать только одно крупное наше достижение – это синтетический каучук. Это достижение действительно мирового масштаба, тут мы были вначале впереди, но, к сожалению, сегодня нас уже обогнали и Америка, и Германия. Но как мало

мы сами чувствовали и чувствуем значение этого крупнейшего достижения! Академик Лебедев, пионер и создатель, должен был бы быть национальным героем, а он после поездки в жестком вагоне схватил сыпной тиф и умер в 1934 г. Это позорнейший для нас случай. Нужно тут прямо сказать, что в капиталистической стране, если Лебедев погиб бы, то, вероятно, в своем салон-вагоне и при крушении своего поезда. Это не случайность, это показывает только то, что мы не чувствуем еще необходимости в людях, делающих новую технику. Их история у нас всегда одна – это Левша Лескова. Отчасти, может быть, это просто потому, что гения народного у нас уйма, поэтому мы так по-хамски с ним обращаемся.

За эти 27 лет капиталистические страны дали, по моему подсчету, около двадцати фундаментально новых направлений развития техники, по силе равных нашему синтетическому каучуку. Я отношу к ним, например, синтетическое горючее, пластмассы (плексиглас и пр.), турбину внутреннего горения, телевидение, сверхтвердые сплавы (карбид вольфрама), ракетные самолеты и пр. А мы дали всего одно».

Настойчивость и, казалось бы, безрассудство Капицы «зашкаливают». Очень скоро П.Л. Капица был включен в состав Особого комитета и Технического совета по разработке атомной бомбы. Сегодня многие люди, серьезные исследователи истории советского атомного проекта, подчеркивают, что он был реализован якобы только потому, что во главе его был поставлен Л.П. Берия. Но вот какую характеристику этому «эффективному менеджеру» дает П.Л. Капица в письме к Сталину от 25 ноября 1945 года:

«Товарищ Сталин!

Почти четыре месяца я заседаю и активно принимаю участие в работе Особого Комитета и Технического совета по атомной бомбе (А.Б.). <…>

Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо. ...Я ему прямо говорю: "Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах", на что он мне возражает, что я ничего в людях не понимаю. Вообще наши диалоги не особенно любезны. Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт. Ведь, например, не надо самому быть художником, чтобы понимать толк в картинах. <…>

P.P.S. Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему бы все это сказал, да увидеться с ним очень хлопотно».

Петр Леонидович Капица с сыном Сергеем

Вручение академику Петру Капице Нобелевской премии, Стокгольм, 1978 г.

По-видимому, Сталин в какой-то форме знакомил Берию с содержанием этих писем. Известно даже резюме, которое выдал Сталин, обращаясь к Берия: «Я тебе его сниму, но ты его не трогай». Значит, все знал, отчетливо представлял, чем закончится это противостояние мстительного Берии и высокомерного Капицы. В 1949 году П.Л. Капица был снят с заведования кафедры в Московском государственном университете (повод – отсутствие на торжественном заседании в честь 70-летия Сталина). По указанию из ЦК Капицу не выбирают в Президиум АН СССР. Но самое тяжелое – Капицу отстраняют от руководства созданного им Инсти-

тута физических проблем… «Трудно было иногда отвязаться от ощущения опасности, возможности роковой “случайности”, – отмечает С.П. Капица в своем очерке «Читая письма отца», помещенном в брошюре. – Напоминанием о такой случайности была страшная смерть Михоэлса в начале 1948 года. Незадолго до отъезда в Минск он пришел к отцу, пришел как бы попрощаться. Повидимому, предчувствовал свою гибель».

А сам П.Л. Капица 18 декабря 1946 года, после своего снятия с директорства, в очередной раз пишет Сталину:

«Товарищ Сталин!

Лишив меня моего института, меня отстранили от полноценной научной работы, и я это тяжело переживаю. <…>

Наши руководящие товарищи в своем правильном стремлении развивать советскую науку хотят ее взять под такой контроль и руководство, которые только мешают работать ученым. Я же считаю, что руководство, дав задание ученому, должно ему верить, организационно помогать и терпеливо ждать, когда у него выйдет его работа. Надо помнить, что передовая творческая работа всегда полна неудач. Руководить творческим процессом и делать его общественным достоянием для микроскопического контроля не только не помогает, но крайне вредно. Отсюда и вытекают встречающиеся у нас нелепости, как, например, с детальным планированием научной работы, ведущим почти к учету “мысль-часов” ученого. Это приводит к практике делать ненужный тарарам, укрывать неудачи, выдавать векселя и обещания, что в настоящей научной работе невозможно и является ложью, в здоровых условиях работы ученый не будет и не должен этого делать. <...> Ясно, что все это ненормально, а причина все та же – без доверия и уважения к ученым, основанного на мнении других ученых, процветание свободной и продуктивной творческой работы в науке и всего нового, связанного с ней, невозможно».

«Капица поучает Сталина, и тот терпит – вот что удивительно, - пишет Д. Гранин в эссе «Человек не отсюда». – У меня есть предположение – странное, но ничего другого я не мог найти. Возможно, Сталину хотелось побыть в среде совсем иной, чем его соратники, вся эта трусливая шваль, готовая пресмыкаться, поддакивать любому его слову. Устал от них. В сущности, он никогда не бывал в обществе русских воспитанных, порядочных людей. Переписка с Капицей давала общение с прямодушным человеком, с любопытной породой умников-донкихотов, тем более капиталистического изготовления».

Вот только никто не может даже приблизительно оценить, во что обошлось стране это стремление «корифея всех наук» повысить свой коэффициент интеллекта (IQ), чего, в очередной раз, недосчиталась российская наука. Неслучайно С.П. Капица заключает свой очерк в брошюре «О науке и власти» такими словами: «…ныне эта некогда секретная переписка, послания ученого тирану, как сказали бы в старину, могут и должны быть прочитаны народом, а не только теми, кто узурпировал некогда власть над нами. Быть может, здесь есть урок исторического оптимизма, который нам сегодня так нужен».

Петр Леонидович Капица (1894–1984)
О науке и власти. Письма. // Составитель П.Е. Рубинин. М.: Изд-во «Правда», 1990. – 48 с. – (Библиотека «Огонёк» № 32). Тираж 150 000 экз. 16,4 x 12,6 см.

SAPERE AUDE!
ЗА НАУКУ
ВЫХОДИТ С 1958 ГОДА
№3 (1931) 2014
Приём 2014 года
стр. 44
Нобелевские лауреаты в Долгопрудном
стр. 42
Истории ректоров Физтеха
стр. 50
Пётр Леонидович Капица:
К юбилею основателя МФТИ
стр. 60

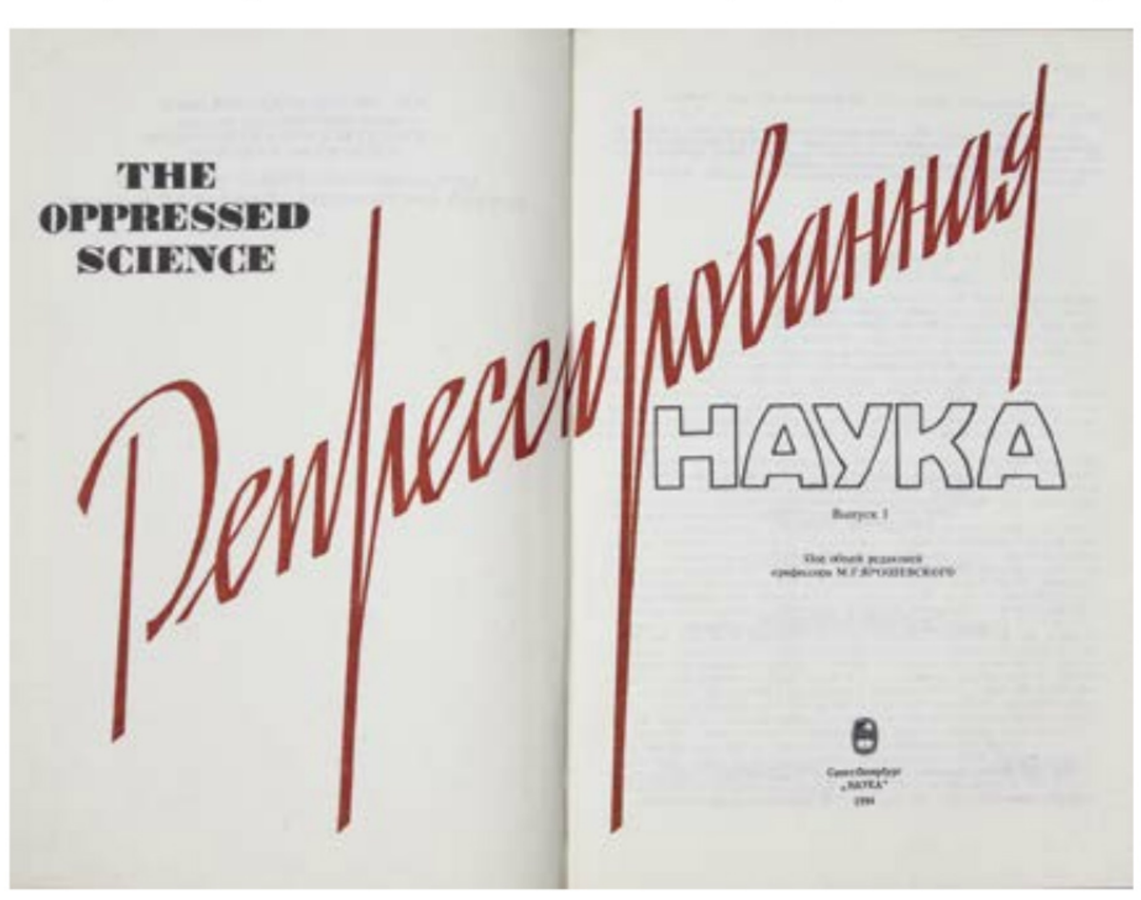
73

«Репрессированная наука» (1991) «Репрессированная наука. Выпуск II» (1994)

«Идеи могут сосуществовать, идеологии – непримиримы». Представленные в «Библиохронике» два выпуска сборника «Репрессированная наука» – первая и последняя до сегодняшнего дня в России попытка в систематизированной форме представить документальные доказательства этого эмпирического правила. Издательская аннотация к первому выпуску сборника предельно лапидарна: «В книге публикуются статьи и документы, рассказывающие о процессах в советской науке, происходивших в 30–60-е гг. под влиянием административно-командной системы управления государством. Освещаются судьбы отдельных ученых, репрессированных по идеологическим или политическим мотивам». Конечно, и составители, и весь авторский коллектив, работавший над первым выпуском (1991 г.), и не подозревали, насколько символичными могут оказаться эти слова. Первый выпуск сборника «Репрессированная наука» готовился и публиковался еще в Советском Союзе (сдан в набор 20.03.1990; подписан в печать 26.04.1991; на задней крышке еще даже указана цена – 6 руб.), а второй выпуск вышел уже после распада СССР, в Российской Федерации… Но сначала о структуре сборников.

Выпуск 1991 года состоит из трех глав: «Судьбы науки», «Судьбы ученых», «Документы». В выпуске II глава «Документы» уже отсутствует. Вообще надо сказать, что выпуск 1994 года по большому счету уже трудно назвать «академическим изданием». В нем, например, отсутствуют такие обязательные для научных изданий элементы, как именной указатель, указатель учреждений и организаций, указатель географических названий (весь этот научно-справочный аппарат имеется в первом выпуске «Репрессированной науки»). Недаром в выходных данных второго выпуска указано: «Рекомендовано как учебное пособие по специальности “История науки и техники”».

И все-таки не стоит винить в такой «деградации статуса» коллектив Санкт-Петербург ского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), силами которого в основном и готовились оба выпуска. Трудно обвинить в недобросовестности или некомпетентности специалистов – историков науки, составителей и ре-

дакторов сборников, если им пришлось делать свою работу в тот период современной российской истории, про который академик, будущий Президент Российской академии наук Владимир Фортов в сентябре 1993 года сказал: «…Сейчас ситуация в нашей науке вне всякого преувеличения является коматозной. Мы катастрофически резко теряем наши научные позиции, школы, падает уровень научных исследований, нет журналов, книг. Молодежь уходит из науки и техники в бизнес или за границу».

А то, что это был не просто эмоциональный «выброс», свидетельствует и социология. В 1994 году за поддержку науки из госбюджета высказались только 8% россиян (Зимин Э.П. «Факторы отката сферы науки России» / Вестник Российского гуманитарного научного фонда, №1, 1996, с. 235–247). Опрос, проведенный в 1990–1991 годах ИИЕТ РАН среди студентов технических вузов Санкт-Петербурга и Петрозаводского университета, показал: 56% опрошенных высказали мнение, что ученые больше думают о своих абстрактных проблемах, чем об интересах простых людей; 42,2% полагали, что ученые просто удовлетворяют свою любознательность за государственный счет.

Кажется, что это именно про ситуацию начала 1990-х годов пишет профессор Михаил Григорьевич Ярошевский: «В атмосфере нравственного падения рушились такие формы организации совместного исследовательского труда и воспитания талантов, как научные школы, взамен которых возникали кланы и мафии. Захватывая при поддержке партийного аппарата административную власть, они превращали "республикуученых"вфеодально-бюрократическое чудище. <…> Все это истощало кадровый потенциал науки, тормозило ее прогресс, растлевало молодые умы». Но нет, редактор сборников «Репрессированная наука» М.Г. Ярошевский этими словами заканчивает свою статью «Сталинизм и судьбы советской науки», открывающую первый выпуск. В России история как будто не движется; или, вернее, движется по замкнутому кольцевому маршруту, с повторением всех пройденных ранее остановок. Кстати, и судьба самого М.Г. Ярошевского весьма показательна в этом смысле.

Известный российский психолог, историк науки, основоположник отечественного науковедения, Михаил Григорьевич Ярошевский (1915–2002) высшее образование получил в Ленинградском педагогическом институте. Здесь ему повезло – его учителем был выдающийся учёный, психолог Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960). В 1937 году Михаил Григорьевич поступает в аспирантуру к Рубинштейну. А 9 февраля 1938 года Ярошевский был арестован и пробыл в тюрьме почти год. И тут ему повезло еще более крупно: смещают со своего поста народного комиссара внутренних дел Ежова. Сменивший его Л.П. Берия выпустил из тюрем небольшую часть заключенных, в число которых чудом попал и М.Г. Ярошевский…

В упомянутой выше статье «Сталинизм и судьбы советской науки» М.Г. Ярошевский пишет: «Репрессированными в определенном смысле оказывались также и те ученые, которые не попали в кровавую мясорубку. Большинство из них, подчиняясь партийно-бюрократическому диктату, с одной стороны, сохраняя восприимчивость к голосу научной совести – с другой, вынуждено было жить с расщепленным сознанием, двойной моралью». И эти строки тоже оказываются автобиографичными.

Дело в том, что 5 апреля 1952 года в «Литературной газете» была напечатана статья Ярошевского «Кибернетика – "наука" мракобесов». Вот отрывок из нее: «Буржуазная печать широко разрекламировала новую "науку" – кибернетику. <…> Эта модная лжетеория, выдвинутая группкой амери-

канских "учёных", претендует на решение всех стержневых научных проблем и на спасение человечества от всех социальных бедствий... По утверждению кибернетиков, поводом к созданию лженауки послужило сходство между мозгом человека и современными сложными машинами. Испытывая страх перед волей и разумом народов, кибернетики тешат себя мыслью о возможности передачи жизненных функций, свойственных человеку, автоматическим приборам». Считается, что именно с этой статьи началась в СССР идеологическая кампания против кибернетики.

Впоследствии М.Г. Ярошевский сожалел об авторстве этой статьи. В каком-то смысле и два выпуска сборников «Репрессированная наука» – это попытка раскаяния ученого, попытка зафиксировать исторические реалии и имена ученых, попавших под физический и моральный пресс «самой передовой в мире идеологии».

По преимуществу оба выпуска сборника «Репрессированная наука» делают акцент на естественных, общественных и гуманитарных науках (возможно, это объясняется тем, что Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН создал известную школу специалистов в области истории биологических и естественных наук). Среди основных персонажей – Н.И. Вавилов, Л.А. Орбели, И.С. Бериташвили, Д.Д. Плетнев, Н.А. Берштейн, В.Н. Ипатьев, Г.Н. Каминский, В.В. Леонтьев… В двух книгах представлены документальные исследования о таких сюжетах в истории отечественной науки, как «Запрет на комплексное исследование детства», «"Начало конца" поведенческой психологии в СССР», «"Великий перелом" и геохимия», «Судьба научной школы Н.Д. Кондратьева», «Сталинизм и политико-экономические науки», «Трагические страницы истории Института экспериментальной медицины (20–30-е годы)», «Марксизм в советской психологии», «Как предали Ивана Павлова», «"Красноярское дело" геологов»…

Впрочем, в сборниках «Репрессированная наука» есть и несколько интересных статей, посвященных истории точных наук. В первом выпуске, например, помещена статья известного российского историка математики Адольфа Павловича Юшкевича «"Дело" академика Н.Н.Лузина». На архивном материале Юшкевич рассказывает, как травили в 1930-е годы выдающегося отечественного математика Николая Николаевича Лузина (1883–1950).

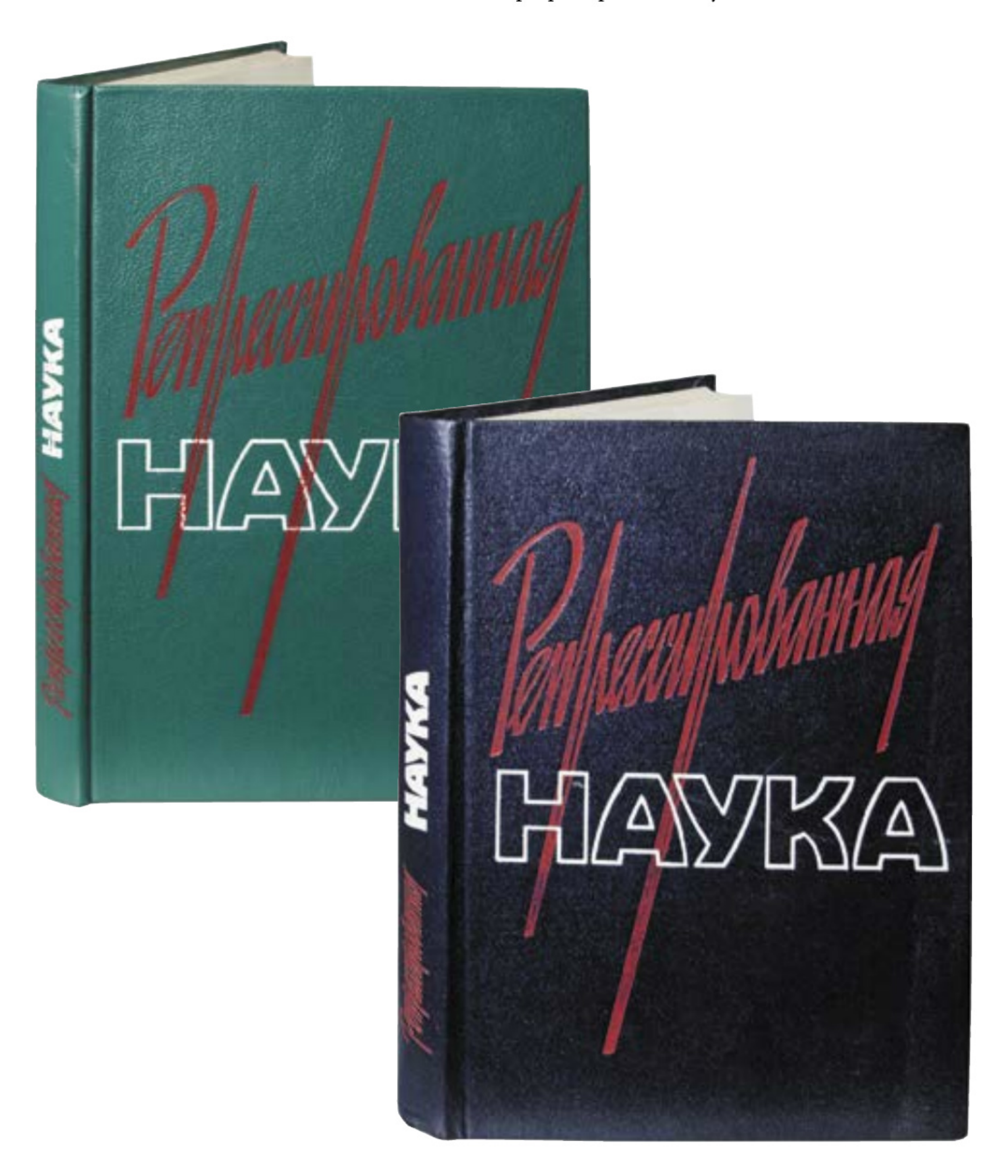
Во втором выпуске, из небиологических, – статья Н.И. Невской «Забытые страницы истории Пулковской обсерватории». Эта публикация основана на отчетах Пулковской обсерватории и переписке ее директора Б.П. Герасимовича. Невская приводит любопытный и, в некотором смысле, символичный факт. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в обсерватории стажировался гидрограф, бывший мичман «Авроры» Л.А. Демин, давший команду к сигнальному холостому выстрелу крейсера Октябрьской революции. В дальнейшем он станет высококвалифицированным специалистом, на основе работ которого было издано более 100 морских карт и лоций. В 1941–1964 гг. Л.А. Демин руководил составлением Морского атласа. С 1957 по 1973 год возглавлял Ленинградское отделение Всесоюзного астрономо-геодезического общества.

Но… «1936 год стал последним предвоенным взлетом работ Пулковской обсерватории, связанным особенно с широкомасштабными наблюдениями полного солнечного затмения, в которых активное участие приняли и американские ученые, – отмечает Н.И. Невская. – Затем волна необоснованных репрессий смела Б.П. Герасимовича, наиболее близких к нему сотрудников Пулковской обсерватории и других ленинградских астрономических учреждений, в первую очередь Б.В. Нумерова <расстрелян в 1941 году в Орловской тюрьме> и других сотрудников Астрономического института (ныне – Института теоретической астрономии), Ленинградского университета и Естественнонаучного университета им. Л.Ф. Лесгафта. Уцелел лишь директор этого института Н.А. Морозов. Его, знаменитого революционера и ученого, лично знавшего К. Маркса и Ф. Энгельса, проведшего одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости почти 30 лет, никак нельзя было заподозрить как "врага народа". Этому бы просто никто не поверил».

Как бы там ни было, по данным старшего научного сотрудника ИИЕТ РАН, редактора интернет-сайта «Социальная история отечественной науки» Константина Томилина, было репрессировано до 30% советских астрономов. Всего же современным историкам известно об арестах около 100 членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР. Из них 44 погибли: 23 расстреляны, 13 умерли в заключении, 8 – в ссылке. Некоторые пропали без вести в лагерях. И это

речь идет только об академической элите. Но вот, например, подсчитано, что репрессировано было около 900 ученых-востоковедов и 969 геологов!

И тут уже нельзя не согласиться с М.Г. Ярошевским: «Перед нами беспрецедентный в истории человеческой культуры феномен репрессированной науки».

Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский – Л.: Наука, 1991. – 559 с.; 24,9 х 17,7 см. Тираж 12 000 экз.
Репрессированная наука. Выпуск II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. – СПб.: Наука, 1994. – 319 с.; 24,9 х 16,7 см. Тираж 3000 экз.

ТЕХНИКА-
МОЛОДЕЖИ
8
1953
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ТЕХНИКА-
МОЛОДЕЖИ
10
1953
ЖУРНАЛ ЦКВЛКСМ

Виталий Гинзбург. О физике и астрофизике: Статьи и выступления (1995)

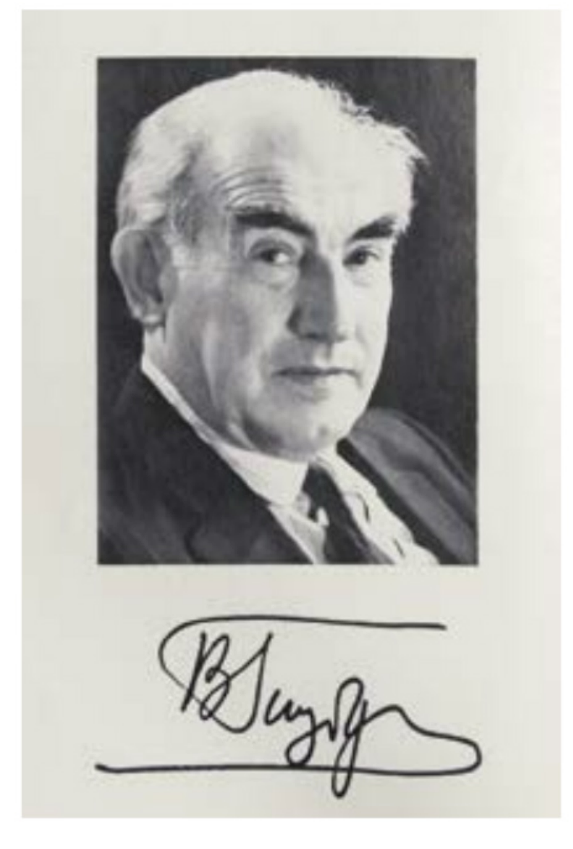
Сам про себя физик Виталий Лазаревич Гинзбург говорил: «Я довольно мрачный “товарищ”». Последний, на сегодняшний день, российский Нобелевский лауреат по физике (2003), да и вообще последний отечественный Нобелевский лауреат, явно сгущал краски.

Виталий Лазаревич был поздний ребенок – его отцу было 53 года, когда родился сын. (А сам Лазарь Гинзбург родился в 1863 году – через два года после отмены крепостного права!) Поздние дети зачастую бывают особенно одаренными. Вот и научную карьеру Виталия Гинзбурга с чисто формальной точки зрения можно было бы считать сверхстремительной, чуть ли не гениальной: за четыре года от студента – до доктора наук! В 1938 году оканчивает МГУ, с 1940 года – сотрудник Физического института имени П.Н. Лебедева Академии наук, в 1942 году становится доктором физико-математических наук, в 1953 – член-корреспондент, в 1966 – академик Академии наук СССР...

4 октября 1996 года В.Л. Гинзбургу исполнилось 80 лет. В интервью «Независимой газете» (8 октября 1996 г.), отвечая на вопрос, как он сам себя оценивает, вполне трезво и даже слегка иронично пояснил:

– Тут необходим дифференцированный подход. У нас жизнь, конечно, была ужасная. И материально, и морально. К физике, к математике, куда до времени политика не сильно вмешивалась, относились хорошо, была возможность работать. Это важно. Но когда начинают превозносить советскую систему взаимоотношений государства и науки – я с этим решительно не согласен. Целый ряд наук – биология, некоторые общественные науки – наоборот, были изничтожены и находились в отвратительном положении. Мне просто в каком-то смысле повезло. Поверьте, у меня не было никаких протекций, знакомств.

Мы были последним потоком, который университету удалось отстоять от армии. После окончания физфака МГУ получил распределение учителем в Верею. Но мне удалось поступить в аспирантуру. Я припоминаю, что на военном билете у меня уже было написано: "эспирант". Окончил аспирантуру МГУ в 1940 году, защитил кандидатскую диссертацию. Меня хотели оставить в университете. Но тут – еще одно стечение обстоятельств: мне повезло, что я попал в ФИАН (Физический институт Академии наук). В то время, когда мне уже присвоили

титул "эспирант", я стал думать, как объяснить эффектик, которым экспериментально занимался. Пришел к Тамму – он меня поддержал. Я начал читать литературу, напал на какую-то жилу. Начал работать, защитил диссертацию. Я не был на таком уж особенно высоком уровне.

Докторская диссертация тоже получилась немножко случайно. Я занимался действительно интересной проблемой, но у меня не было никакой брони от армии. Два раза сам подавал заявление добровольцем. И хотелось до того, как уйти на фронт, защитить докторскую. Если бы было мирное время, может быть, я еще бы годика два поработал. Но доктор наук – это не Бог весть что.<…>

В 1956 году в СССР на какую-то научную конференцию приехал известный физик из Принстонского университета Фримен Дайсон. После конференции он опубликовал на западе статью, в которой так объяснил действительно небывалый научный энтузиазм в СССР: у них же ничего другого нет! Это очень глубоко.

Но что было, то было. Я практически никогда не подрабатывал. Мог всю жизнь заниматься наукой. Это противоречие какое-то: такая ужасная система, но давали возможность работать. Жил себе и занимался физикой».

Вот и в одном из очерков («Заметки по поводу юбилея»), помещенном в сборнике «О физике и астрофизике», Гинзбург отмечает: «В прошлом я со скуки, во время болезни, в поездке, на лодке, играл в игру <…>; брал часы и старался за 25 – 30 минут придумать какой-либо эффект, какое-либо возможное явление. И выходило, придуманные эффекты (быть может, правильнее сказать – эффектики, ибо речь не идет о чем-то значительном) легли в дальнейшем в основу десятка работ».

И свой фундаментальный вклад в советский атомный проект (точнее – в создание термоядерного оружия) сам Гинзбург не считал «фундаментальной задачкой» – «плевый пустяк», говорил он. Академик Андрей Дмитриевич Сахаров пишет в своих воспоминаниях об этом эпизоде: «По истечении двух месяцев я сделал крутой поворот в работе: а именно, я предложил альтернативный проект термоядерного заряда совершенно отличный от рассматривавшегося группой Зельдовича… Я называю это предложение “Первой идеей”. Вскоре мое предложение существенно дополнил Виталий Лазаревич Гинзбург, выдвинув “Вторую идею”». Речь

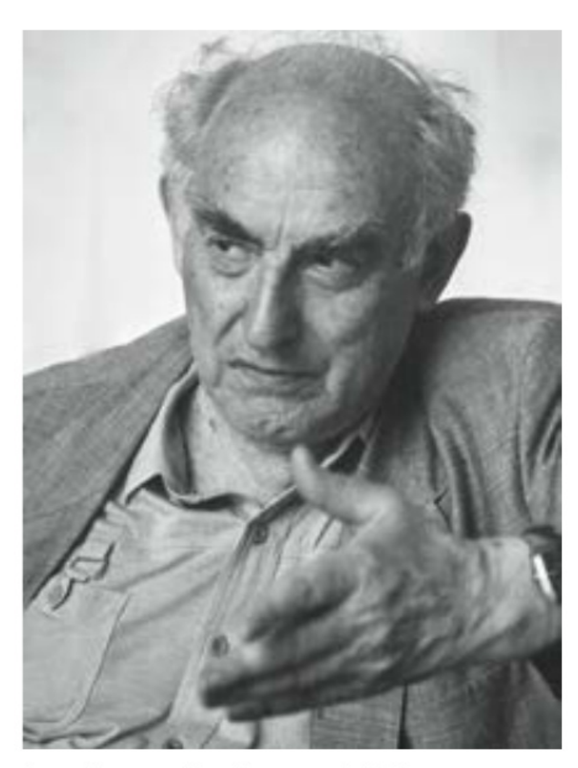

Фото Натальи Преображенской. 1999 г.

шла об изменении конструкции термоядерной бомбы – от цилиндрической «трубы» к сферической «слойке». В идею так называемой слойки Сахарова Гинзбург добавил идею того, какое вещество должно было быть у этой «слойки» – дейтерий трития. «Он сам удивился, какое значение имеет его “Вторая идея”, – замечает историк науки Геннадий Ефимович Горелик. – Идея Виталия Лазаревича оказалась даже более жизнеспособна, чем идея Сахарова».

Все эти события происходили в самом начале 1950-х годов (советское правительство приняло постановление об организации расчетно-конструкторских и экспериментальных работ по созданию водородной бомбы 26 февраля 1950 года). И в этом – весь Гинзбург: «задачка», «плёвый пустяк», «эффектики», «жил себе и занимался физикой»…

Между тем практически сразу после Великой Отечественной войны политическим руководством СССР была инициирована кампания «борьбы с космополитизмом» – против «преклонения перед западом». В 1946 году и ФИАН обсуждал «дело четырех космополитов», в том числе и В.Л. Гинзбурга. Правда, директор ФИАНа, академик Сергей Иванович Вавилов, который проводил этот Ученый совет, выстроил очень качественную линию поведения. «Лысенкования физики не произошло», –

Фото Андрея Ваганова. 1996 г.

говорил позже В.Л. Гинзбург. А ведь он, что называется, висел на волоске…

Дело в том, что как раз в 1946 году Виталий Лазаревич Гинзбург женился на Нине Ивановне Ермаковой. Автор интересного биографического очерка «Бриллиантовые нобелианты» («Независимая газета», 24 сентября 2008 г.) Валерий Каджая так описывает необычные обстоятельства их встречи. «Они познакомились в городе Горьком, где проживала Нина Ермакова после освобождения из лагеря. Точнее, она проживала в селе Бор, так как ей, бывшей политзаключенной, было запрещено жить в больших городах, а тем более в режимных, каковым и являлся на тот момент бывший Нижний Новгород. И она каждый день на пароме переправлялась на противоположный берег, где училась в Политехническом институте. Однажды даже чуть не утонула, когда паром перевернулся и она оказалась в ледяной воде – дело происходило поздней осенью. После этого случая сняла комнату в Горьком и жила там полулегально.

Гинзбург же приехал однажды читать лекции, и в честь столичного гостя устроили вечеринку, где они и познакомились. Молодой ученый влюбился с первого взгляда в красавицу и умницу студентку. Роман их, учитывая характеры обоих фигурантов, развивался бурно, и вскоре они поженились. Любовь, конечно, великое чувство, но время было далеко не простое. Со стороны молодого доктора наук это был дерзкий поступок, вызов властям – жениться на ссыльной, дочери врага народа, террористке, задумавшей убить самого товарища Сталина!»

Обвинение, что и говорить, равносильно почти смертному приговору в те времена. Якобы из окна квартиры Нины Ивановны на Арбате, по которому обычно проезжал Сталин на ближнюю дачу в Кунцево, в вождя должны были стрелять заговорщики. На следствии, правда, быстро выяснилось, что Нина с матерью проживала в комнате, выходящей окнами во двор, а две другие комнаты, которые у них отняли после ареста отца и которые действительно выходили окнами на Арбат, занимали… чекисты. Нина Ивановна отсидела почти год сначала в Лубянской, а затем в Бутырской тюрьмах и в итоге получила три года лагерей. Ее освободили досрочно по амнистии по случаю Победы над фашистской Германией.

Отца же Нины, Ивана Петровича Ермакова, посадили еще в 1938-м как английского шпиона. Он был известным инженером, специалистом по холодильной технике и часто бывал за границей в командировках для закупок оборудования. Ивана Петровича осудили на 15 лет лагерей и отправили в Воркуту. Там его назначили… главным инженером строительства ТЭЦ. В 1940 году Ермакова вернули в Москву для повторного следствия и поместили в Лубянскую тюрьму, но, когда началась война, Ивана Петровича, как и всех остальных сидельцев Лубянки и Бутырки, перевели в Саратовскую тюрьму. Там он оказался в одной камере с академиком Николаем Ивановичем Вавиловым, гениальным генетиком, ученым с мировым именем. С лета 1942-го заключенных практически перестали кормить, и поздней осенью Иван Петрович умер от голода, а в январе 1943-го от истощения умер и Николай Иванович Вавилов.

Так что Нине Ивановне, даже после женитьбе на физике, участвовавшем в советском атомном проекте, еще семь лет не давали разрешения на проживание в Москве. Виталий Лазаревич, работая в ФИАНе, подрядился в качестве нагрузки заведовать кафедрой в Горьковском университете и постоянно наезжал туда. Ему даже дали комнату в коммуналке, куда перебралась Нина Ивановна. Сохранилась их переписка тех времен. «Милая моя любимая девочка, – писал Виталий Лазаревич Гинзбург 6 апреля 1952 года жене. – Я вчера забыл письмо дома и сейчас утром дописываю его и пойду опустить. Надеюсь, ты простишь этот очень

редкий случай забывчивости (я отношусь к твоим письмам и моим к тебе не хуже, чем к самым секретным документам)…»

Упоминание о работе с секретными документами неслучайно. Он был женат на ссыльной, и его не допустили на объект, в Арзамас-16 – город в Нижегородской области, где расположен ВНИИ экспериментальной физики – разработчик и производитель ядерных боеприпасов. Кажется, В.Л. Гинзбург и не очень переживал по этому поводу – не попав в Арзамас-16, продолжал заниматься чистой наукой и в результате и сделал свою нобелевскую работу по сверхпроводникам.

В том же интервью, приуроченном к его 80-летию, В.Л. Гинзбург со свойственной ему иронией подчеркивал: «В теоретической физике впереди телеги идет все-таки лошадь – в первую очередь для физика важна физика, хотя и математику он должен знать. У меня хватало ума вовремя понять, что та или иная проблема мне не по зубам. Очень важно уметь понять, что эта задача не для тебя.

Один из источников счастья для человека, посвятившего себя науке, – возможность получать результат. А если ты взялся за задачу не по своим силам – можешь годами ею заниматься, но удовольствия никакого не получишь. Мне повезло, занимаясь многими физическими проблемами, я мог легко переходить от одной к другой».

В некотором смысле по этому же принципу построена и представленная в «Библиохронике» книга. «В сборниках типа предлагаемого вниманию читателей, – отмечал В.Л. Гинзбург в авторском предисловии, – представляется возможной публикация довольно разнородного материала. Автор этим воспользовался, в результате чего книга оказалась состоящей из трех частей.

Часть I представляет собой, по сути дела, новое, переработали издание статьи «Какие проблемы физики и астрофизики представляются сейчас особенно важными и интересными?». Подробнее о характере этой статьи здесь можно не писать, поскольку это сделано в предисловии к ч. I настоящей книги.

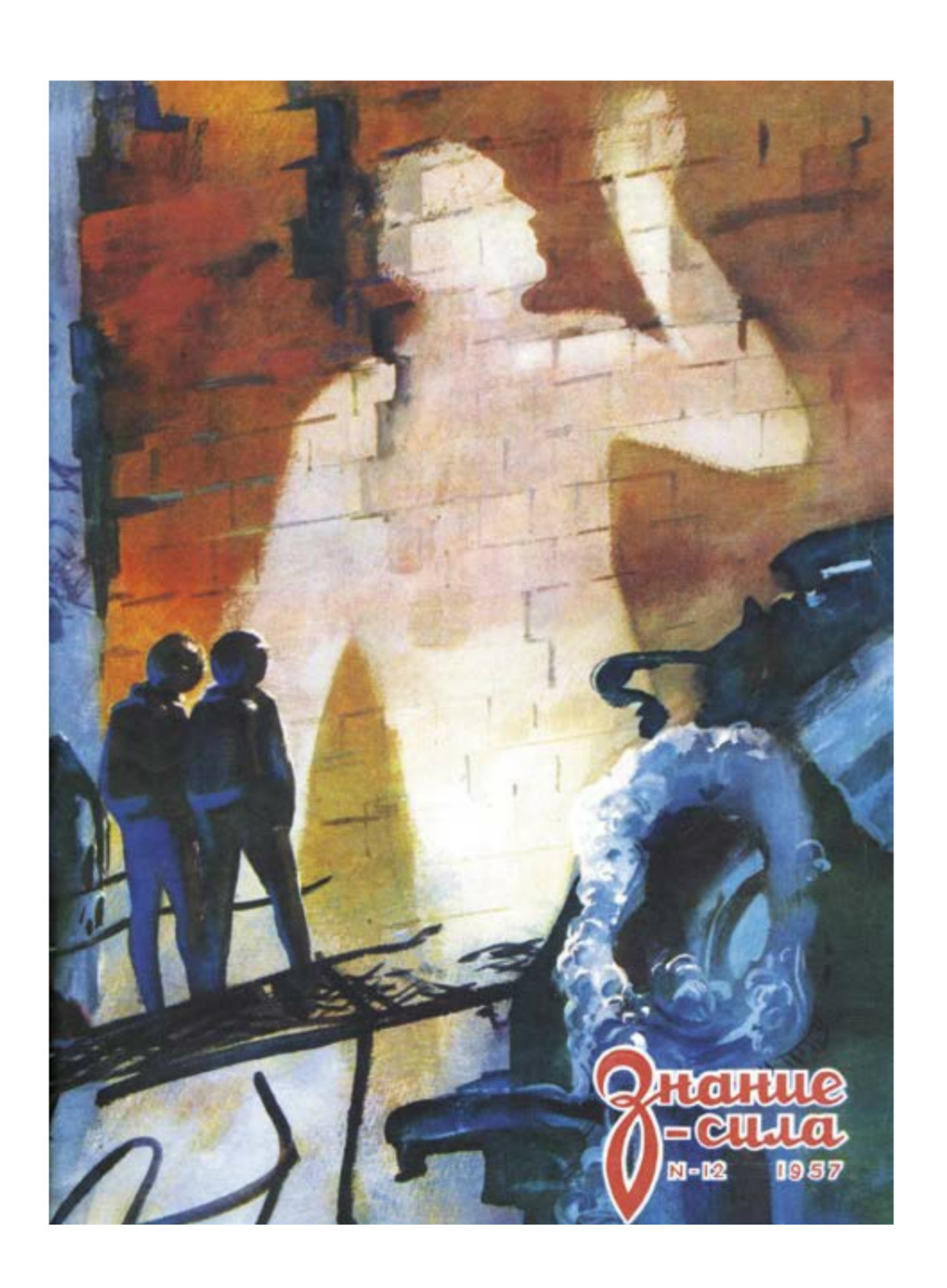
Часть II содержит статьи, относящиеся к истории и методологии науки. Там же помещен и некоторый материал родственного типа, также статьи «Заметки по поводу юбилея» и «Опыт научной автобиографии».

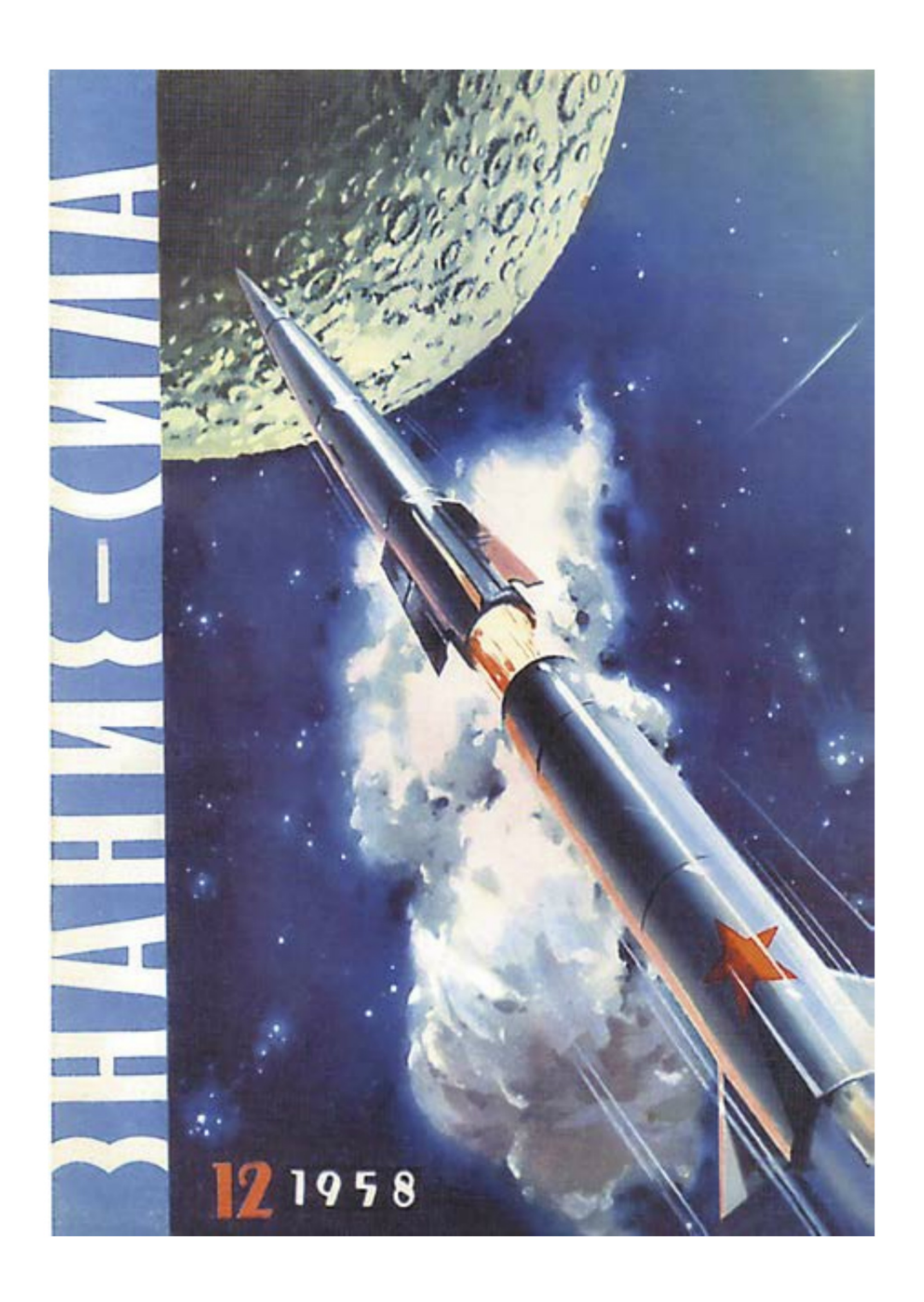
Часть III составляют статьи и заметки, посвященные памяти ряда выдающихся советских и иностранных физиков (И.Е. Тамма Л.И. Мандельштама, Н.Д. Папалекси, Л.Д. Ландау, Е.М. Лифшица А.А. Андронова, А.Л. Минца, С.И. Вавилова, И.М. Франка, Г.С. Ландсберга, Е.К. Завойского, М.С. Рабиновича, М.В. Келдыша, А.Д. Сахарова, А. Эйнштейна, Н. Бора, Р. Фейнмана и Дж. Бардина). Здесь же помещена статья, написанная по случаю 80-летия голландского астрофизика Я. Оорта».

В общем, «жил себе и занимался физикой».

Гинзбург Виталий Лазаревич (1916–2009)
О физике и астрофизике: Статьи и выступления. / 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Бюро Квантум, 1995. – 512 с.: 22,2 х 15 см. Тираж 5000 экз.
На форзаце дарственная надпись автора синими чернилами: «А.Н. Ваганову / С наилучшими / пожеланиями / В. Гинзбург / 11/IX 96»

Знание
-сила
N-12 1957

ЗНАНИЕ—СИЛА
12 1958

«Павел Аполлонович Велихов – ученый и человек». Сборник (1994)

В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже знаменитый французский инженер Гюстав Эйфель, увидев в русском павильоне фото моста через Енисей в Красноярске, воскликнул: «Боже мой, да это же чудо!» Автором проекта этого чуда был инженер Лавр Дмитриевич Проскуряков. А за год до этого заканчивает Петербургский институт инженеров путей сообщения один из любимых учеников профессора Проскурякова – Павел Велихов. «Мы с особым интересом отмечали успехи Л.Д. в области нашего мостостроения, – отметит в 1926 г. в статье, посвященной памяти своего учителя, П.А. Велихов, – мы знали, что он вносит в мостовое дело совершенно новые приемы и новые формы сооружений – приемы и формы, во много раз более целесообразные, чем применявшиеся до него…» Перейдя в 1901 г. на работу в Московское инженерное училище, Л.Д. Проскуряков пригласит туда и П.А. Велихова.

И Павел Аполлонович Велихов тоже создаст целую научную школу высококлассных инженеров-строителей. Вот только, как пишет составитель сборника Н.А. Зензинов, «его имя долгие годы считалось запретным и жило в сердцах близких – членов его семьи, его друзей, его многочисленных учеников, в его работах, которые хранились в фондах отдельных технических библиотек, практически недоступных для читателей. Судьба Павла Аполлоновича сложилась трагично – он стал жертвой репрессий и погиб в 1930 году, не дожив до 55 лет».

П.А. Велихов с сыновьями Павлом и Евгением (справа). 1915 г.

Небольшой документальный сборник, представленный в «Библиохронике», многое расставляет по своим местам. При подготовке его использованы материалы архива Евгения Павловича Велихова (внука П.А. Велихова), труды П.А. Велихова…

Один из учеников П.А. Велихова, академик Георгий Александрович Николаев в 1987 г. вспоминал: «Павел Аполлонович Велихов – кумир студенчества, один из наиболее ярких образов профессоров, ученых, воспитателей в моей молодости в период учебы в МИИТе (1921–1925 гг.). Это был вдохновенный лектор, прогрессивнейший деятель, инженер-философ, как он нередко себя сам называл. Человек, прокладывавший новые пути. Практика и теория были неразрывно связаны у него».

Главная область научных интересов Павла Аполлоновича – строительная механика. Её он считал одним из важнейших курсов во всем учебном плане и «во всяком случае важнейшим и серьезнейшим среди цикла научно-технических предметов, обязательных для будущих инженеров-строителей и для будущих инженеров-путейцев».

«Именно эта наука дает те основные вехи, по которым имеет пойти вся техническая

жизнь будущего инженера, – подчеркивал П.А. Велихов в одной из своих лекций в 1927 г. – Строительная механика увлекательна в своем беге вперед, увлекательна в своих обобщениях и соображениях, увлекательна и в своих деталях. Я думаю, что я не ошибся, когда недавно на одном из своих публичных выступлений назвал строительную механику “музыкой инженерно-строительных наук”. Но музыка нуждается в нотах, и таковыми должны быть труды и курсы, посвященные этой науке».

А разве это не музыка – в слегка грассирующей интонации Велихова: «Веревочно-стержневой многоугольник представляет собой модель мгновенно равновесного и идеально экономного сооружения в целом и частях. Момент инерции – коэрцитивный фактор, препятствующий вращению. В фокусных точках неразрезных балочных систем линия влияния моментов виляет хвостиком, так как меняет знак кривизны».

Труды его, отрывки из которых приводятся в сборнике, действительно посвящены в основном строительной механике: «К пятилетию возникновения научно-технических органов НКПС <Народного комиссариата путей сообщения>» (1923); введение к книге «Теория инженерных сооружений» (1924); статья «Влияние железных дорог на развитие инженерных наук» (1925); «Теория упругости» (Лекции, читанные на строительном факультете МИИТа, 1926); «Успехи строительной механики за последние годы и ее очередные задачи» (1927); «Краткий курс строительной механики» (1926/1927).

А помимо этого – еще целый букет ответственных должностей, которые занимает П.А. Велихов в качестве члена Научно-технического Комитета НКПС – возглавляет мостовую комиссию, железобетонную комиссию, постоянную комиссию по техническим условиям на материалы. Кроме того – член Коллегии научно-экспериментального института строительства при ВСНХ СССР и вице-председатель Общества испытания материалов Всесоюзной ассоциации инженеров. В 1927 г. Павел Аполлонович получил премию на конкурсе проектов мостов стратегического назначения по линии военного ведомства.

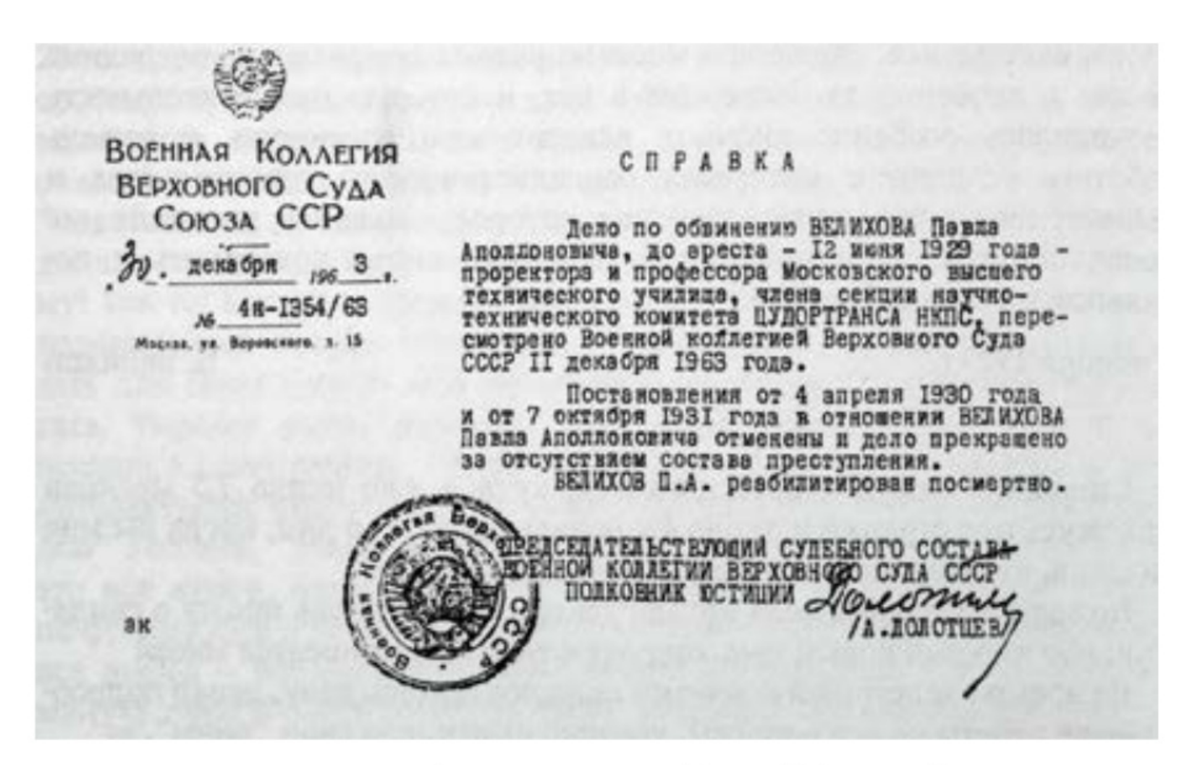
И в итоге… 12 июня 1929 г. П.А. Велихов арестован (ордер на арест № 7898 от 8.06.1929 г. подписал Г.Г. Ягода). В предъявленном обвинении говорилось: «Член секции научно-технического Комитета профессор Велихов П.А. изобличен в том, что состоял членом контрреволюционной организации, проводил <…> политику строительства, направленную к срыву дорожного хозяйства Союза ССР, путем оттягивания средств из госбюджета и вкладывания их в дорожное строительство без увязки с планом экономического развития страны и применения методов строительства, дающих отрицательные показатели, т.е. преступлениями, предусмотренными п. 7 ст. 58 УК».

Обложка книги П.А. Велихова

Свою автобиографию П.А. Велихов начнет так: «Родился 7(19) декабря 1875 г. в Петербурге в семье чиновника-юриста Аполлона Тимофеевича Велихова родом из г. Харькова. Отец, считавшийся талантливым юристом, служил юрист-консультом в ряде ведомств: в Морском министерстве, в Государственном контроле (довольно долгое время), а последние годы своей жизни в ведомстве священного Синода. Недвижимости не имел, семья жила на его жалованье.

Мать, Елизавета Андреевна, была дочерью художника Лушева, талантливого русского самородка, родом из крестьян Архангельской губернии. Биография его напоминает биографию Ломоносова – довольно известного одно время в Петербурге фотографа (открывшего одну из первых в России фотографий). Никакого имущества мать в дом не

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

30. декабря 1963 г.

№ 4н-1354/63

Москва, ул. Воровского, д. 15

СПРАВКА

Дело по обвинению ВЕЛИХОВА Павла Аполлоновича, до ареста – 12 июня 1929 года – проректора и профессора Московского высшего технического училища, члена секции научно-технического комитета ЦУДОРТРАНСА НКПС, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 11 декабря 1963 года.

Постановления от 4 апреля 1930 года и от 7 октября 1931 года в отношении ВЕЛИХОВА Павла Аполлоновича отменены и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ВЕЛИХОВ П.А. реабилитирован посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/А. ДОЛОТЦЕВ/

эк

принесла и до замужества зарабатывала на пропитание сама уроками музыки.

Отец умер в 1881 году. На руках у матери осталось четверо детей – две дочери и два сына, я – младший сын. Положение семьи было довольно тяжелое – пенсия небольшая».

Так могли бы, наверное, начинаться мемуары какого-нибудь успешного чиновника, желающего оставить пример юному поколению. Но в данном случае это пишет человек, находящийся в Бутырской тюрьме, 14 октября 1929 г. Пишет для следователя Б.П. Трофимова, ведущего его дело. Велихов, как будто ненавязчиво пытается дать понять следователю, что его арест – нелепая ошибка: «В 1905 г. принял активное участие в организации Академического союза и Союза инженеров, а осенью 1905 г. вступил в партию кадетов и работал в ней по Сущевскому району г. Москвы, участвовал в ряде просветительских организаций района совместно с социал-демократическими деятелями М.Н. Покровским и Д.И. Курским.

Это привело к тому, что осенью 1907 г. я был на короткое время арестован на своей квартире во время заседания Лиги образования, в то время уже закрытой распоряжением полиции. <…>. Тем не менее в результате Всероссийского конкурса в 1913 г. из большого числа претендентов был избран профессором МВТУ. <…>

Осенью 1922 г. был арестован и пробыл в тюрьме более полугода, а затем несколько месяцев в больнице в Кропоткинском переулке. Летом 1923 г. дело было прекращено. И я отошел от всяких политических увлечений и посвятил себя работе.

В МВТУ до 1928 г. был деканом инженерно-строительного факультета, а в 1928 г. уступил просьбе ректора Н.П. Горбунова и стал проректором по учебной работе, где и работал с предельно возможной для себя энергией, до ареста в 1929 г.

Мой труд "Теория инженерных сооружений" ч. I был признан специалистами "единственным оригинальным и с новыми мыслями трудом в этой области, из вышедших после революции"».

Но никакая «Теория инженерных сооружений» не могла помочь Велихову опровергнуть, например, такое обвинение во вредительстве, выдвинутое против него: устройство кюветов вдоль дорог, так как «кюветы будут препятствовать рассредоточению транспорта во время бомбежек в военное время».

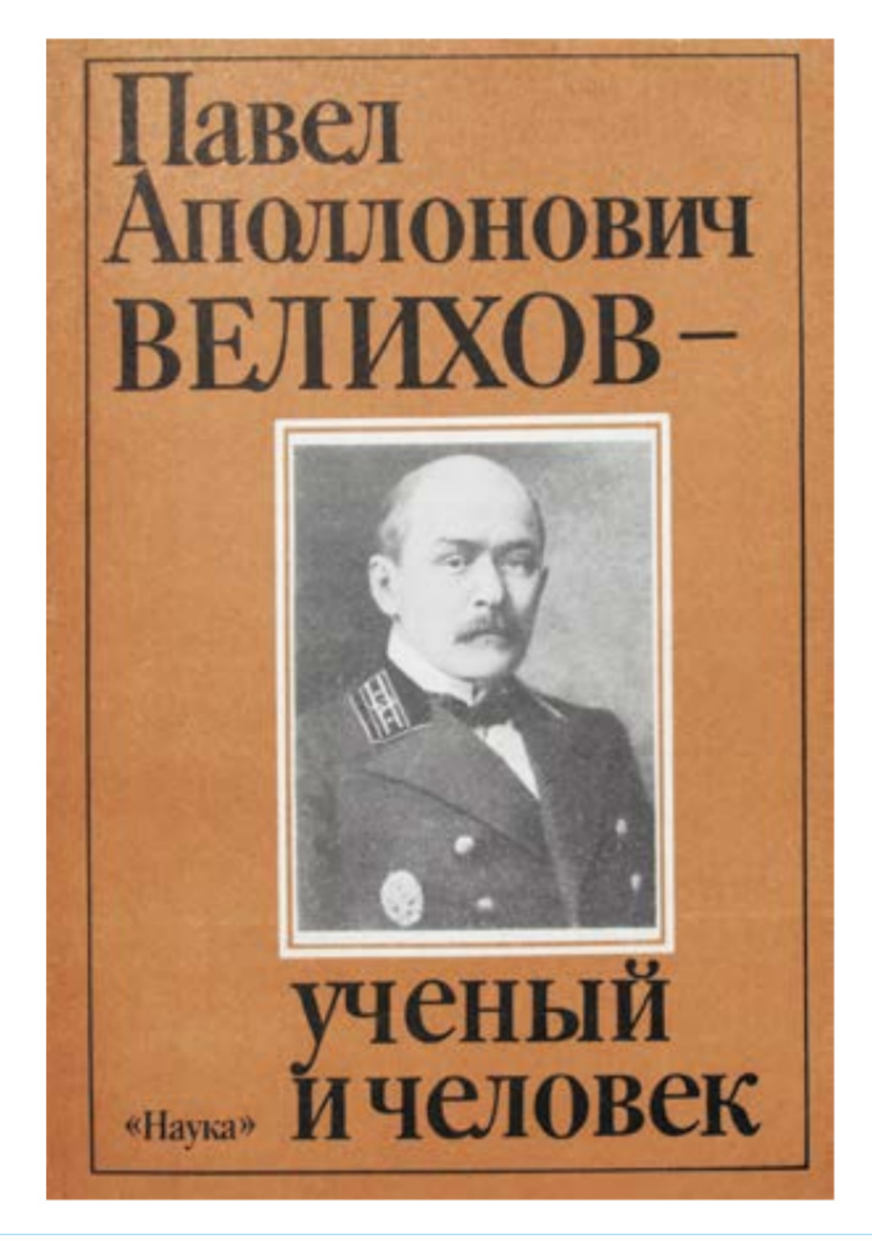
Велихов не оставляет попыток достучаться сквозь эту ватную стену до разума властей. «Я твердо верю, что Коллегия ОГПУ оценит мою работу в ее совокупности, взвесит все, сделанное мною на разных поприщах за последние 12 лет и особенно за последние 6 лет, в которые моя деятельность развивалась особенно широко, взвесит мою готовность и впредь работать усердно в интересах социалистического строительства и вынесет свое справедливое решение, которое, я надеюсь, позволит мне после полугода

мучительного бездействия вновь приступить к посильной и усердной работе», – обращается он 3 ноября 1929 г. к следователю Б.П. Трофимову.

Иногда это доводило до нервного срыва. Так, в одном из немногих писем семье, дошедших из тюрьмы, П.А. Велихов не выдерживает: «Вы – всесильные и всемогущие свободные люди! со мной приключился СОС, скорее же хлопочите обо мне – я ведь полезный для СССР труженик, хочу трудиться, хочу видеть Вас и работать для Вас, хочу общаться с Природой! А я – один, один, один! Ну – любите друг друга!! Крепко целую всех-всех…»

Постановлением Коллегии ОГПУ от 4 апреля 1930 г. Павел Аполлонович Велихов был приговорен к расстрелу. 27 мая 1930 г. приговор приведен в исполнение в Москве. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. По решению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 11 декабря 1963 г. постановление от 4 апреля 1930 г. в отношении П.А. Велихова отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления…

За четыре месяца до казни П.А. Велихов напишет, обращаясь к своим детям: «Работайте все честно и скромно в интересах СССР».

Павел Аполлонович Велихов – ученый и человек / Составитель Н.А. Зензинов, отв. ред. В.П. Велихов. Москва, «Наука», 1994. – 102 с. 21,2 x 13,8 см. Тираж 400 экз. На титульном листе – дарственная надпись синими чернилами Е.П. Велихова: «Ваганову Андрею / С большим уважением / Велихов». Академик Евгений Павлович Велихов, внук П.А. Велихова. Участвовал в сборе материалов и подготовке к изданию сборника.

НА СТРАЖЕ МИРНОГО ТРУДА
ТЕХНИКА-
МОЛОДЕЖИ
2
1962

ТЕХНИКА-
МОЛОДЕЖИ
8
1961
Красота необычайная!.. Гагарин

Андрей Сахаров. Научные труды (1995)

Историки науки и литературоведы любят приводить сюжет романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818) в качестве символического примера моральной ответственности ученого за проводимые им исследования. «Знаете, куда может привести вас ваше праздное любопытство? Неужели вы тоже хотите создать себе и всему миру дьявольски злобного врага?» – восклицает герой романа, доктор Виктор Франкенштейн. Но можно утверждать, что реальным, а не литературным воплощением носителя такой этической позиции был выдающийся советский физик-теоретик и общественный деятель Андрей Дмитриевич Сахаров.

Его легко и с полным основанием можно было бы назвать вундеркиндом. Отец Андрея Дмитриевича, Дмитрий Иванович Сахаров (1889–1961), – сын известного адвоката, профессор физики, автор популярных книг и задачников по физике. Мать, Екатерина Алексеевна (1893–1963), – дочь военного, из дворян. Первые пять лет Андрей Сахаров учился дома. В школу пошел сразу в 7-й класс. Отец лично занимался преподаванием сыну физики.

В 1938 году А.Д. Сахаров поступил на физический факультет Московского государственного университета. В 1941 году вместе со всем университетом эвакуирован в Ашхабад. Углубленно занимается изучением квантовой механики и теории относительности. В 1942 году защищает университетский диплом. Считался лучшим студентом, когда-либо (sic!) обучавшимся на физическом факультете. В 1945 году, после возвращения в Москву, поступает в аспирантуру Физического института им. П.Н. Лебедева (ФИАН) к известному физику-теоретику И.Е. Тамму. С руководителем Сахарову повезло…

Свои воспоминания об И.Е. Тамме Сахаров начнет такими словами: «Судьба свела меня с четырьмя крупными учеными-теоретиками – И.Е. Таммом, И.Я. Померанчуком, Н.Н. Боголюбовым, Я.Б. Зельдовичем. Они – в разной степени – оказали большое влияние на мои взгляды, на научную и изобретательскую работы. <…> Особенно велика в моей жизни роль Игоря Евгеньевича Тамма, а если говорить об общественных взглядах, вернее – принципах отношения к общественным явлениям, то из всех четырех – только его».

В 1947 году А.Д. Сахаров защищает диссертацию, получает степень кандидата физико-математических наук и… высказывает

Золотая медаль РАН имени Андрея Дмитриевича Сахарова за выдающиеся работы по физике ядра, физике элементарных частиц и космологии

первые блестящие идеи относительно использования термоядерной энергии, выделяемой при реакции слиянии ядер водорода.

Понятно, что, прежде всего, имелось в виду использование термоядерной энергии в военных целях. В 1948 году Сахаров включен в состав научно-исследовательской группы по разработке термоядерного оружия (сверхбомбы). И в этом же году сотрудники группы И.Е. Тамма А.Д. Сахаров и В.Л. Гинзбург выдвигают оригинальную идею конструкции такой сверхбомбы – так называемой слойки. Сам Сахаров в своих воспоминаниях, отрывки из которых включены в книгу, представленную в «Библиохронике», пишет: «По истечении двух месяцев я сделал крутой поворот в работе. А именно, я предложил альтернативный проект термоядерного заряда, совершенно отличный от рассматривавшегося группой Зельдовича по происходящим при взрыве физическим процессам и даже по основному источнику энерговыделения. Я… называю это предложение “1-й идеей”.

Вскоре мое предложение существенно дополнил Виталий Лазаревич Гинзбург, выдвинув “2-ю идею”».

Удивительно, но решающий теоретический и конструктивный прорыв в создании советского термоядерного оружия сделал молодой человек, только что защитивший кандидатскую диссертацию!

Испытание первой советской водородной бомбы, выполненной по предложенной Сахаровым схеме «слойка», успешно прошло 12 августа 1953 года. А за месяц до этого Сахаров защитил докторскую диссертацию. Примерно в это время И.Е. Тамм пишет короткий отзыв о научной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова: «А.Д. Сахаров является одним из самых крупных ведущих физиков нашей страны. Недостаточно было бы сказать, что он обладает широкой эрудицией – весь стиль его научного творчества свидетельствует, что физические закономерности и связи явлений для него непосредственно зримы и ощутимы во всей своей внутренней простоте.

Этот дар, в сочетании с редкой оригинальностью научной мысли и напряженностью научного творчества, позволил ему в течение последних 5 лет выдвинуть три научно-технические идеи первостепенного значения. Каждая из них основана на применении неожиданных сочетаний бесспорных физических положений, позволяющих указать принципиально новые и притом исключительно эффективные пути решений актуальных проблем новой техники.

Первостепенное государственное значение этих идей А.Д. Сахарова привело к тому, что в настоящее время для практического их осуществления затрачиваются очень большие человеческие и материальные ресурсы. При этом общее идейно-научное руководство всей этой обширной деятельностью чрезвычайно успешно осуществляется самим А.Д. Сахаровым.

Не может быть сомнений в том, что А.Д. Сахаров заслуживает не только ученой степени доктора физических наук, но и избрания в Академию наук СССР».

Сахарову присваивается звание Героя Социалистического Труда. В этом же году он был избран действительным членом Академии наук СССР и стал, таким образом, самым молодым ученым, когда-либо избиравшимся в Академию наук СССР. Впрочем, широкой публике такие подробности не сообщались. Супербомба превратила Сахарова в «засекреченного физика». Недаром в редакторской аннотации сборника его научных трудов отмечается: «Книга представляет практически полное собрание научных трудов А.Д. Сахарова. <…> Наряду с опубликованными статьями в нее вошли также некоторые рассекреченные отчеты и кандидатская диссертация А.Д. Сахарова».

В конце книги приведен практически полный библиографический список научных

и научно-популярных трудов академика Сахарова – он составляет всего 59 позиций. Сегодня, в эпоху почти параноидальной гонки за формальными библиометрическими показателями эффективности исследований, такая «низкая» производительность научного труда А.Д. Сахарова может обескуражить… Только 59?! Даже если добавить к этому списку до сих пор не рассекреченные специальные отчеты, которые готовил А.Д. Сахаров, принципиально картина не изменится.

Вот перечень глав сборника научных трудов А.Д. Сахарова:

«Бомба» (Из «Воспоминаний» А.Д. Сахарова). «Теория плазмы и управляемый термоядерный синтез», «Мюонный катализ», «Физика экстремальных состояний вещества», Теория атомного ядра и элементарных частиц», «Теория индуцированной гравитации», «Космология», «Радиоактивная опасность», «Ядерная энергетика, сейсмология, экология», «Научно-популярные и футурологические публикации», «Персоналии, письма»...

Как бы объясняя такую «скупость» на опубликованные результаты научных исследований А.Д. Сахарова, члены редколлегии этого сборника отмечают: «Эта книга – первое на русском языке издание научных трудов А.Д. Сахарова. Будучи подготовлена к печати Физическим институтом АН СССР, где Сахаров работал (с перерывами) с 1945 г. до конца жизни, эта публикация служит также выражением особых чувств, которые испытывают фиановцы к своему выдающемуся сотруднику.

Сахаров был одним из крупнейших ученых нашего времени, оставившим яркий след во многих областях физики и смежных научных и технических дисциплин. Им основан целый ряд направлений, испытавших бурное развитие и лежащих сегодня в центре внимания науки, таких, например, как пути мирного использования энергии ядерного синтеза или проблема барионной асимметрии Вселенной. Он стоял у истоков новой, находящейся на стыке физики микромира и космологии области науки – космомикрофизики. Поэтому работы Сахарова продолжают вызывать живой интерес, далеко выходящий за рамки истории физики и техники второй половины XX века.

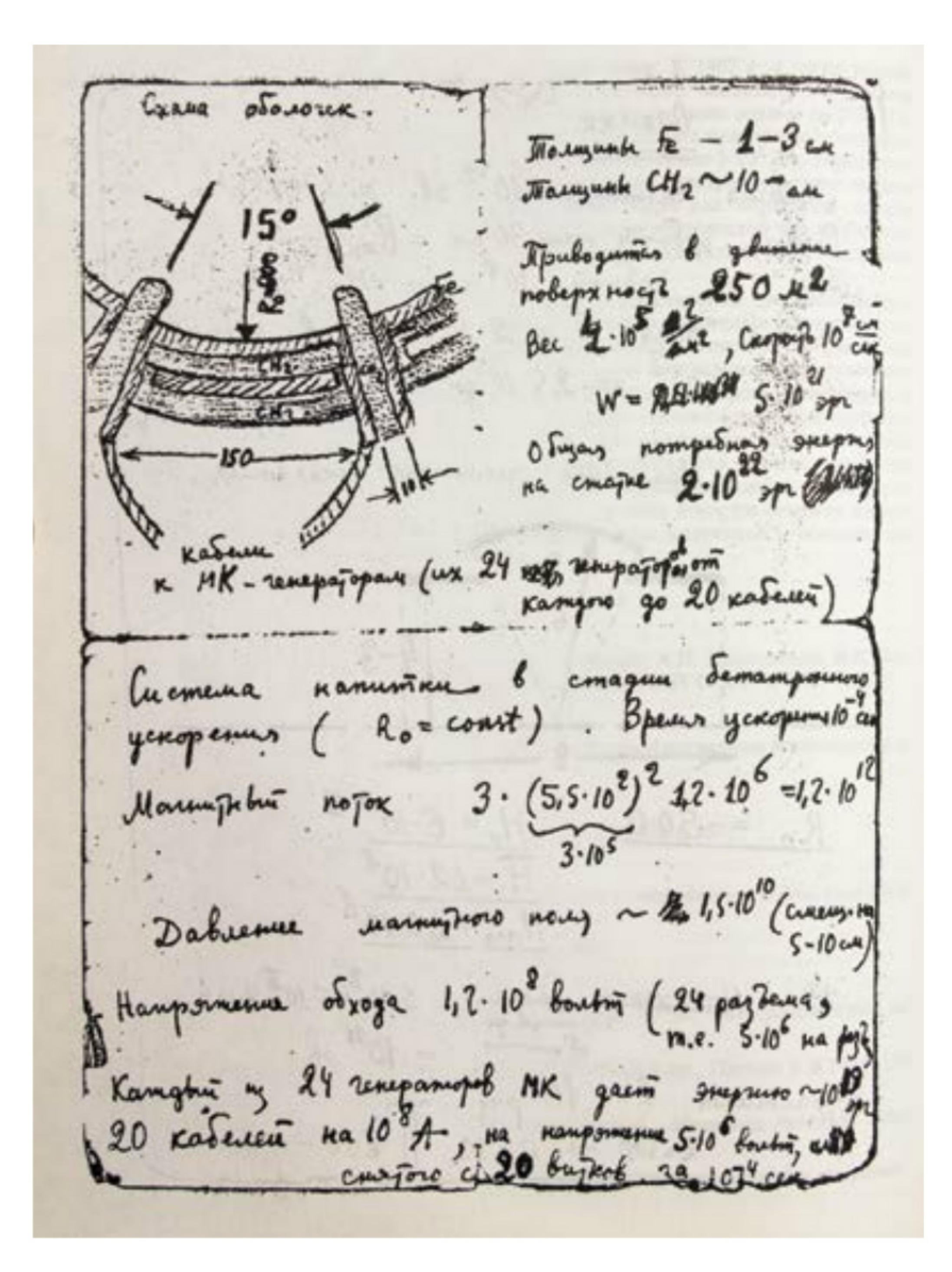
Между тем научная деятельность Сахарова относительно малоизвестна. Множество людей планеты воспринимает его преимущественно как общественного деятеля. И более близкие к науке люди мало что могут добавить к его официальному (академик) и неофициальному (отец советской водородной бомбы) научным титулам. Даже знакомство большинства физиков с трудами Андрея Дмитриевича оставляет желать много лучшего. Этому было немало причин: “закрытость” многих работ Сахарова, его многолетняя изоляция от научного сообщества, сознательное замалчивание его имени (вплоть до изъятия соответствующих ссылок в работах, развивающих сахаровские идеи) и, наконец, личная его скромность, несовместимая с понятием “самореклама” в самом невинном его смысле. Все это придает особую значимость настоящему изданию, которое сделает научное наследие Сахарова доступным достаточно широкому кругу людей».

И все-таки путь к общественной деятельности, сделавший А.Д. Сахарова символом ответственности ученого, пролегал для него через науку. Так, уже 24 мая 1958 года, в письме руководителю советского атомного проекта академику И.В. Курчатову по поводу опубликования их совместной статьи «О радиоактивной опасности ядерных испытаний», Сахаров, мягко, спокойно, но абсолютно ультимативно, заявляет: «Я, по зрелому рассмотрению, решил сделать ряд добавлений, которые делают статью менее уязвимой по отношению к обвинениям в “конъюнктурности”.

Я возражал бы против напечатания статьи без этих добавлений, так как легко разбиваемое вступление – не на пользу».

К середине 1960-х Сахаров все больше и все более открыто начинает расходиться с официальной позицией в общественных вопросах. И подтолкнула его к этому опять-таки работа над созданием супербомбы. «Я не мог не осознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались, – пишет он в «Воспоминаниях». – Но только что окончилась война – тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне – но чувствовал себя солдатом этой, научно-технической».

В 1966 году, совместно с двумя другими известными физиками П.Л. Капицей и

М.А. Леонтовичем, деятелями искусства и литературы (Майя Плисецкая и др.) А.Д. Сахаров обратился к XXIII съезду КПСС с письмом, направленным против попыток реабилитации И. Сталина. 5 декабря того же года принимает участие в демонстрации у памятника А.С. Пушкина в Москве – за права человека и против антиконституционных статей уголовного кодекса. В 1968 году появилась статья Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». В СССР она распространялась в самиздате…

Сахарова отстраняют от секретной работы, лишают привилегий советской номенклатуры. А он – жертвует на строительство онкологической больницы почти все наличные сбережения – 139 тысяч рублей, гигантская по тем временам сумма в СССР.

5 марта 1971 года Андрей Дмитриевич направил на имя Генерального секретаря ЦК КПССС Л.И. Брежнева «Памятную записку»

35. О РАДИОАКТИВНОЙ ОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ •

Глубокоуважаемый Игорь Васильевич!

Я, по зрелому рассмотрению, решил сделать ряд добавлений, которые делают статью менее уязвимой по отношению к обвинениям в «конъюнктурности».

Я возражал бы против напечатания статьи без этих добавлений, так как легко разбиваемое выступление – не на пользу. Я произвел также несколько изменений редакционного свойства. Статья получилась несколько длинной, но я не мог говорить только об одной стороне проблемы, не затронув других, более важных вопросов.

Посылаю исправленную статью с добавлениями и отдельно, для удобства сравнения, сами добавления.[1]

А Сахаров

с изложением программы демократических реформ и необходимых изменений в экономике. Развертывается самая настоящая травля Сахарова в советской прессе. На него коллективно и поодиночке обрушились писатели, композиторы, рабочие и, что возможно было для него наиболее обидно, – большая группа академиков.

10 октября 1975 года А.Д. Сахарову была присуждена Нобелевская премия мира. В поездке за рубеж для получения награды Сахарову отказано. Поэтому текст его Нобелевской лекции в Шведской академии наук 11 декабря 1975 года зачитала его жена – Е.Г. Боннэр.

Советское руководство на высшем уровне принимает решение всячески дискредитировать получение Нобелевской премии А.Д. Сахаровым. В Большой Советской Энциклопедии (1976 г.) краткая биографическая статья о Сахарове заканчивалась словами: «В последние годы отошел от научной деятельности». В справочнике «Физики», вышедшем двумя изданиями, в 1977 г. и в 1983 г., А.Д. Сахаров вообще не значится. В научно-популярных статьях ссылки на его научные работы не пропускались цензурой, в результате на свет появились загадочные фразы типа: «Как было показано в СССР...». Появляется известное «Письмо 72-х академиков». По поводу этого письма интересные подробности приводит историк физики Б.С. Горобец: «…Яков Борисович <Зельдович> категорически отказался подписать известное письмо 72 членов Академии наук, осуждавшее Сахарова за получение им Нобелевской премии мира. Его обычно называют "письмом академиков", но, строго говоря, там есть, по крайней мере, один членкор, правда, со звучным именем (это А.П. Капица, сын П.Л. Капицы: наверное, организаторам письма очень хотелось, чтобы это имя прозвучало, тогда как сам Петр Леонидович подписывать письмо отказался; как говорят, в числе еще шести человек)». Надо все же отметить, что Общее собрание Академии наук СССР отказалось лишать А.Д. Сахарова звания академика.

В январе 1980 года Сахаров дал интервью западным корреспондентам по поводу ввода советских войск в Афганистан. 22 января 1980 года А.Д. Сахарова задерживают на улице и доставляют в Генпрокуратуру СССР. Заместитель генерального прокурора А. Рекунков зачитал указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 января о лишении Сахарова правительственных наград и премий. После этого Рекунков объявил, что принято решение о высылке Сахарова из Москвы «в место, исключающее его контакты с иностранными гражданами». (Случай уникальный даже для видавшей виды советской системы правосудия: над Сахаровым не было, пусть хотя бы формального, судебного разбирательства!)

Местом ссылки был выбран «закрытый» город Горький (ныне – Нижний Новгород). А.Д. Сахаров проведет в горьковской ссылке

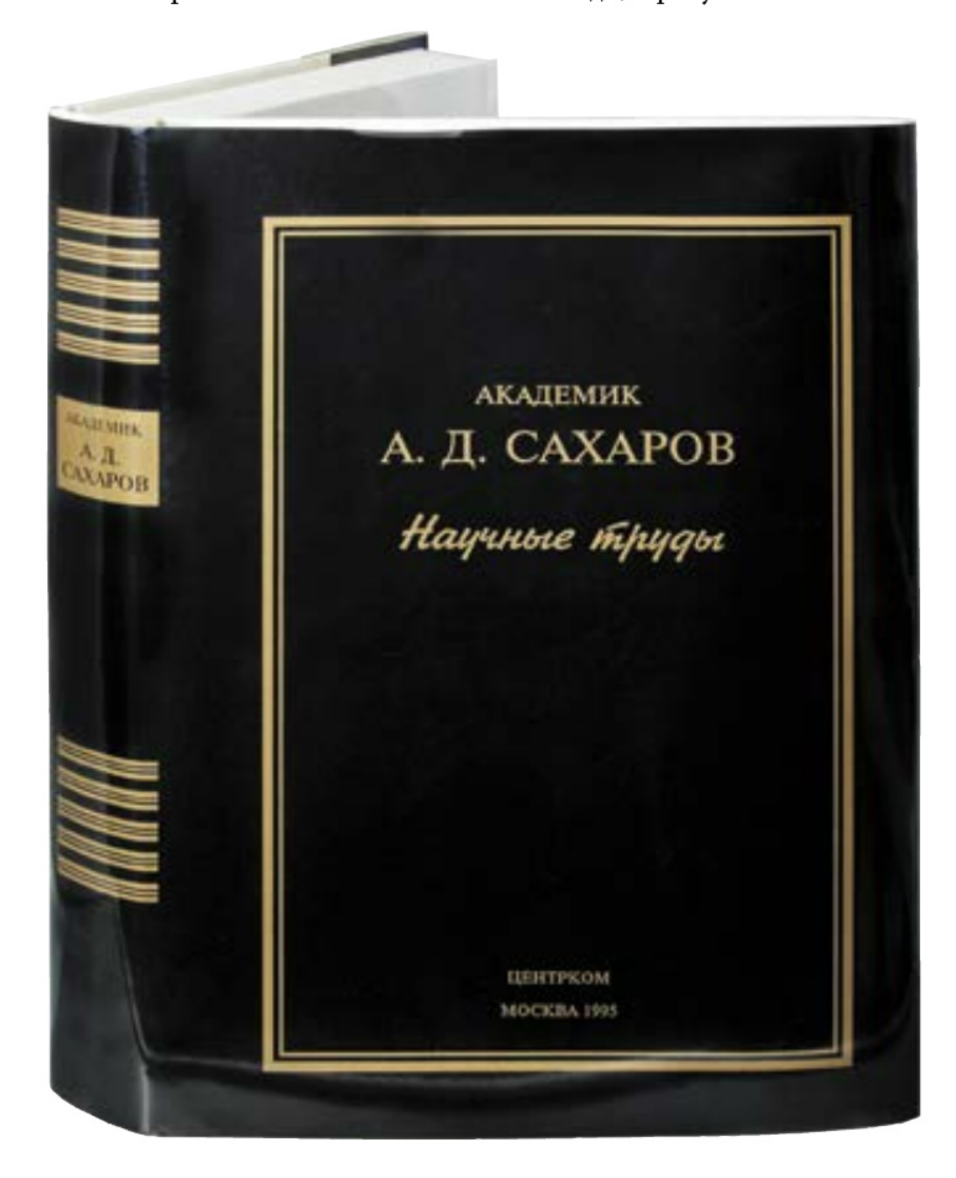
почти 7 лет. Трижды он будет объявлять жесткие голодовки, которые в итоге и подорвут его здоровье. Возвратится в Москву только 23 декабря 1986 года. В первый же день по возвращении пойдет на работу, в ФИАН.

В апреле 1989 года Сахаров избран народным депутатом СССР. Участвуя в работе I Съезда народных депутатов, он не раз подвергался обструкции. С видимым удовольствием народные избранники «захлопывали» его выступления с трибуны.

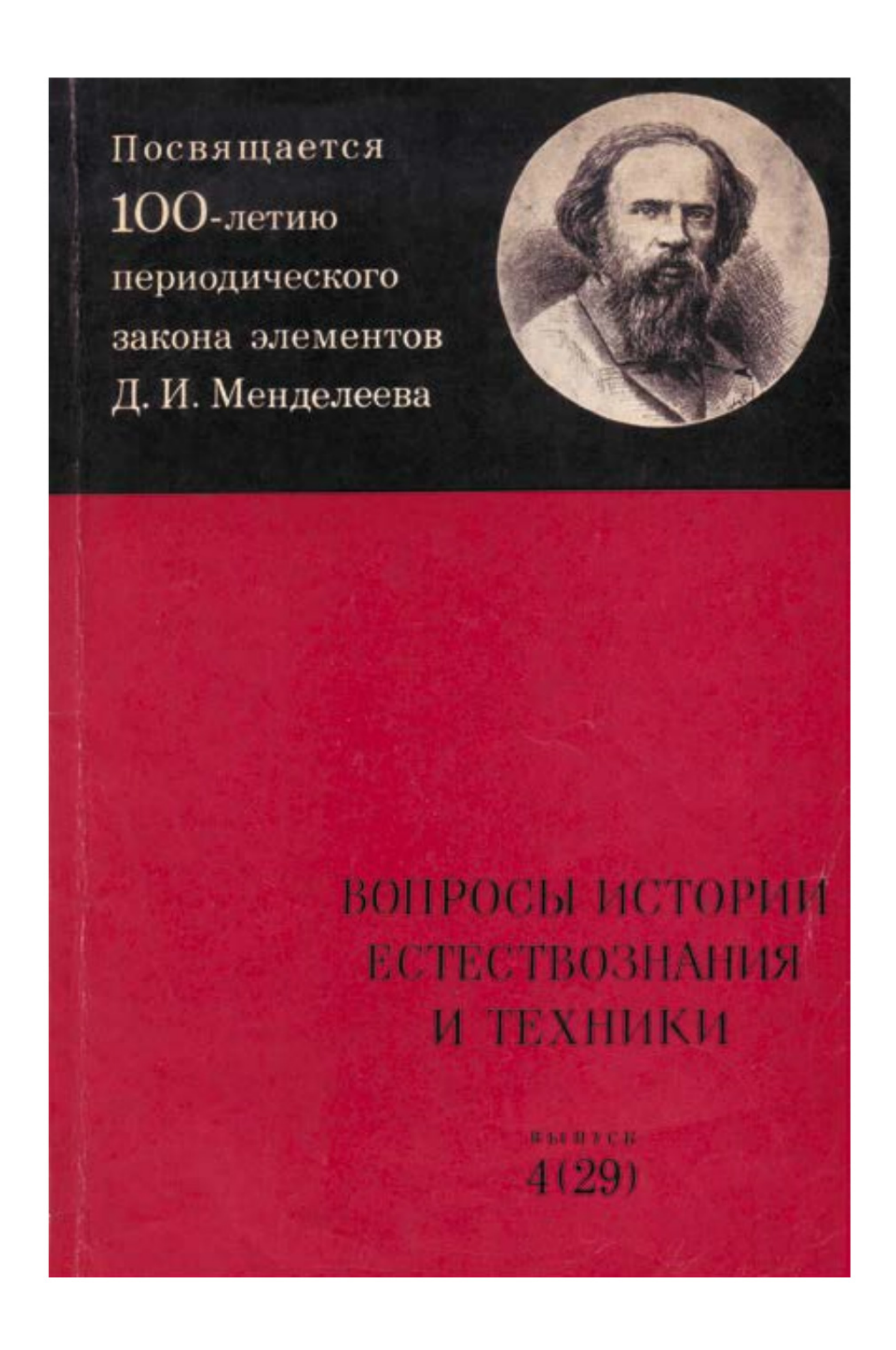
14 декабря 1989 года Сахаров выступил в Кремле на заседании Межрегиональной депутатской группы. По его мнению, МГД должна была стать организованной политической оппозицией по отношению к правящей партии… Вечером того же дня великий физик, «солдат научно-технической войны» Андрей Дмитриевич Сахаров скоропостижно скончался от инфаркта.

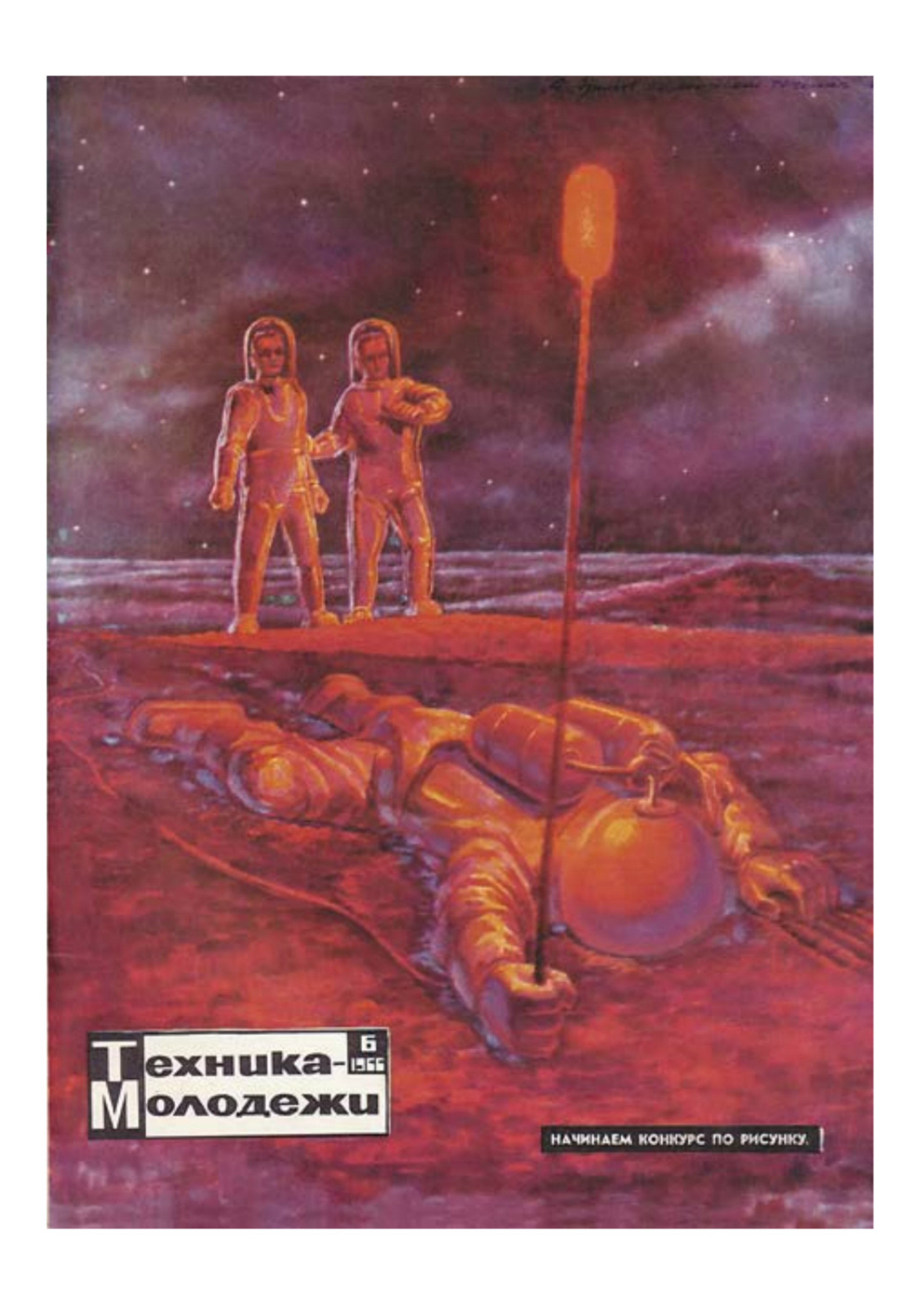
Его памяти Андрей Вознесенский посвятит стихи:

«Для всех – вне звёзд, вне митр, вне
званий –
Андреем Дмитриевичем был.
Мы потеряли Первозванного,
Что совестью страну святил.
Он первым произнёс всё заново.
Тёзка крестителя Руси.
Как мало избранных меж званых…
Господи, страну спаси!»

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989).
Научные труды. Сборник / Пред. ред. коллегии Л.В. Келдыш. Отделение теоретической физики Физического института им. П.Н. Лебедева. Москва: АОЗТ «Издательство ЦентрКом», 1995. – 528 с., илл. Тираж 1000 экз. 24,2 x 17,2 см. На передней крышке – тиснение золотом факсимиле подписи А. Сахарова. Суперобложка.

Посвящается
100-летию
периодического
закона элементов
Д. И. Менделеева
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ
ВЫПУСК
4(29)

Техника-
Молодежи
6
1966
НАЧИНАЕМ КОНКУРС ПО РИСУНКУ.

Кора Ландау-Дробанцева. Академик Ландау. Как мы жили. Воспоминания (1999)

Сразу после выхода эта книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. Такую закулисную, скрытую от постороннего взгляда жизнь советской академической элиты мы еще не видели и не знали. Впрочем, как отмечается в издательской аннотации, еще до выхода в печатном варианте объемная трехтомная рукопись ходила в самиздате в «среде ученых-физиков, но вскоре почти все экземпляры были уничтожены академиками и их женами, которые ханжески возмущались этим откровенным текстом, шокирующими подробностями личной жизни великих умов СССР и нелицеприятными оценками "неприкасаемых"».

Конкордия Терентьевна Ландау-Дробанцева (1908–1984), жена выдающегося физика XX века Льва Давидовича Ландау (1908–1968), начала записывать свои воспоминания после смерти мужа, в 1968 году. И работала над ними более десяти лет… «Вот и писала только самой себе, писала только правду, одну правду, не имея ни малейшей надежды на публикацию, – поясняет она в коротком авторском предисловии, помеченном 1983 годом. – Дау был солнечный человек, сейчас ему могло быть уже 75 лет. Уже десять лет я пишу и пишу о своей счастливой и драматической судьбе. Чтобы распутать сложнейший клубок моей жизни, пришлось залезть в непристойные мелочи быта, в интимные стороны человеческой жизни, сугубо скрытые от посторонних глаз, иногда таящие так много прелести, но и мерзости тоже».

Книга, собственно, вся и строится на припоминании как можно большего количества этих «непристойных мелочей быта». Вот, например, – о первом опыте интимной близости между Корой и Дау (Ландау): «Еще мгновение, и он весь уже гол! Я окаменела, старалась смотреть только в его глаза <…>. Это было сверхъестественно и удивительно! Он принялся раздевать меня. Это ему далось не так легко. Женщин ему явно раздевать не приходилось. Целовались самозабвенно, долго и… все. Больше ничего не получилось». И это, пожалуй, наименее пошлый эпизод в книге воспоминаний Коры Ландау.

Академик В.Л. Гинзбург в печати сравнил процесс чтения этой книги с «погружением в ванну с дерьмом». Тут важно отметить, что, судя по значку «копирайта», сохранил и разрешил к публикации эти записки красавицы жены гения их сын, тоже физик,

Игорь Львович Ландау. «Зачем это публиковать, зачем лезть в личную жизнь и знать, например, как Кора залезла в шкаф, когда Дау принимал свою любовницу? – искренне негодовал академик В.Л. Гинзбург в своих автобиографических заметках «Еще раз о Льве Давидовиче Ландау и еще кое о чем». – Не понимаю, не могу себе представить, чтобы я или кто-либо из моих друзей публиковал подробности личной жизни своих родителей».

Заметки эти, помеченные 3 мая 1999 года, Виталий Лазаревич Гинзбург не предназначал для печати, хотя и вполне отдавал себе отчет, что рано или поздно это может случиться. Тем ценнее его мнение: «Вначале книгу Коры мне было просто противно читать. Как-то особенно раздражало бесконечное "Даунька". Быть может, ошибаюсь, но такого обращения я не слышал, публично она называла его Дау. Зачем же все время писать в воспоминаниях "Даунька". Но это, конечно, мелочь. В книге я заметил массу неточностей и глупостей, но заниматься их разбором и обсуждением нет никакой охоты <…>. В книге Коры столько чепухи, вранья, безвкусицы, непонимания, что комментарии на этот счет могут занять целый том».

Понятно, почему книгу Коры Ландау-Дробанцевой ждал такой громоподобный успех у соскучившейся публики: публика хочет страстей, публика желает потрясти, испытать «на вшивость» свое естество. Но и в научном сообществе мнения о книге Коры Ландау-Дробанцевой разделились (хотя, может быть, и не в равных пропорциях). Приведем один пример из статьи «Красавица и чудовища» доктора физико-математических наук, профессора Новосибирского государственного университета Дмитрия Квона: «А что тут выяснять? Посмотрите на многочисленные фотографии Коры. Большие выразительные глаза. Чувственный рот. Ровный, белый ряд зубов. Красавица. Однажды в Харькове она встречает гения. Он увлекает ее, и она попадает в круг людей, для которых главным предметом обожания является физика. Поначалу ей кажется, что они – не слабые, подверженные всем человеческим грехам и порокам люди, а небожители. А Лев Ландау между ними – Бог физики, все видящий в ней, все знающий о ней, все предугадывающий в ней и поэтому выносящий всем, кто причастился к ней, окончательный и не подлежащий обжалованию вердикт.

Постепенно выясняется, что все они, и Бог, и его ученики, – не поэты, а настоящие физики из чудовищной советской сказки <…>. Поэтому они относятся к ней как к красивому уравнению, которым можно любоваться, можно использовать и можно держать ровно так же, как и другие красивые уравнения – или других красавиц. Но она заворожена Богом. Не может оторваться от него. И идет на все, самые немыслимые не только для женской, но для любой другой души, унижения, только бы Бог был счастлив и весел, и его научный гений делал все человечество, а значит, и ее, более совершенными <…>.

И все это, и подобное этому вылилось в большой том воспоминаний, столь же простодушных, сколь и откровенных, в которых женское сердце, жаждавшее обыкновенного семейного счастья и получившее вместо него любовь "свободных людей", излило вряд ли осознаваемую неудовлетворенность, накопленную десятками лет жизни рядом с Богом и небожителями. И получился классический дамский роман с сопутствующим всем таким романам заслуженным успехом и немалым тиражом. И слава богу. Одним, пусть и наивным и гре-

Вручение Нобелевской премии в больнице Академии наук, 10 декабря 1962 г.

шащим эксгибиционизмом документом эпохи стало больше».

Такая интерпретация ведь тоже возможна. Недаром и академик В.Л. Гинзбург в некотором отчаянии даже замечает: «В общем, вырисовывается какая-то страшная и трагическая картина. У меня ясности нет, и я не смогу все это проанализировать». Картина действительно страшная и трагическая. Но она становится и вовсе сюрреалистической, если учесть, что половину своей жизни Лев Давидович Ландау был под неусыпным контролем Комитета государственной безопасности. КГБ интересовали не только политические взгляды и профессиональные аспекты в работе великого физика (а Ландау был одним из главных, если не главным, теоретиком в советском атомном проекте с осени 1946 года). О том, насколько плотной была эта «опека», говорит всего лишь один документ.

В 1990-е годы были рассекречены ряд материалов партийных архивов. 20 декабря 1957 года, председатель КГБ генерал Иван Серов под грифом «Совершенно секретно» пишет в ЦК КПСС: «По вашей просьбе направляется справка по материалам на академика Ландау Л.Д.». На уровне ЦК КПСС решался вопрос – выпускать академика Ландау за границу для участия в международных конференциях или нет. Секретные агенты и «оперативная техника» фиксировали следующие высказывания Ландау:

«Разумный человек должен стараться держаться как можно дальше от практической деятельности такого рода. Надо употребить все силы, чтобы не войти в группу атомных дел.

Во дворе Института физических проблем. Слева направо: И.М. Халатников, Л.Д. Ландау, Е.М. Лифшиц, 1959 г.

...ЛАНДАУ считает, что целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное отстранение от задач, которые ставит перед собой государство, тем более советское государство, которое построено на угнетении.

Подобного рода рассуждения неоднократно фиксировались несколькими агентами. Они имели место и в январе 1953 года, когда ЛАНДАУ одному из своих близких людей, ученому, сказал:

"Если бы не 5-й пункт (национальность), я не занимался бы спецработой, а только наукой, от которой я сейчас отстою. Спецработа, которую я сейчас веду, дает мне в руки какую-то силу...<...> Мне все равно, на каком месте стоит советская физика: на первом или десятом. Я низведен до уровня "ученого раба", и это все определяет».

Справка коснулась и вопроса личной жизни академика Ландау:

«В личной жизни ЛАНДАУ нечистоплотен, проявляет себя как человек, чуждый советской морали и нормальным условиям жизни советской семьи. Имея семью, он сожительствует со многими женщинами, периодически меняя их. Одновременно он поощрительно относится к аналогичному поведению своей жены; читает ей письма от своих любовниц и обсуждает ее интимные связи, называет ей новых лиц, могущих быть ее любовниками».

Полжизни прожить в таких жестких «рентгеновских лучах», не оставляющих ни малейшего шанса на приватность, – это тяжелейшая психологическая нагрузка.

Родился Лев Ландау в 1908 году в Баку, в семье инженера-нефтяника. В 1920 году получил аттестат зрелости. В 12 лет самостоятельно освоил дифференцирование, в 13 лет – интегрирование. В 14 лет поступил в Бакинский университет сразу на два факультета – физико-математический и химический; затем перевелся в Ленинградский университет, в 19 лет окончил его. В возрасте 21 года для продолжения образования он на полтора года командируется в лучшие университеты и физические лаборатории Европы. В середине 30-х годов он еще раз командируется в Европу на научные конференции. Ему нет еще и 30 лет, а он уже знаком с Эйнштейном, Бором, Паули, Дираком, Гайзенбергом, Резерфордом, Вайскопфом. Всю жизнь жалеет, что так и не успел познакомиться с Энрико Ферми.

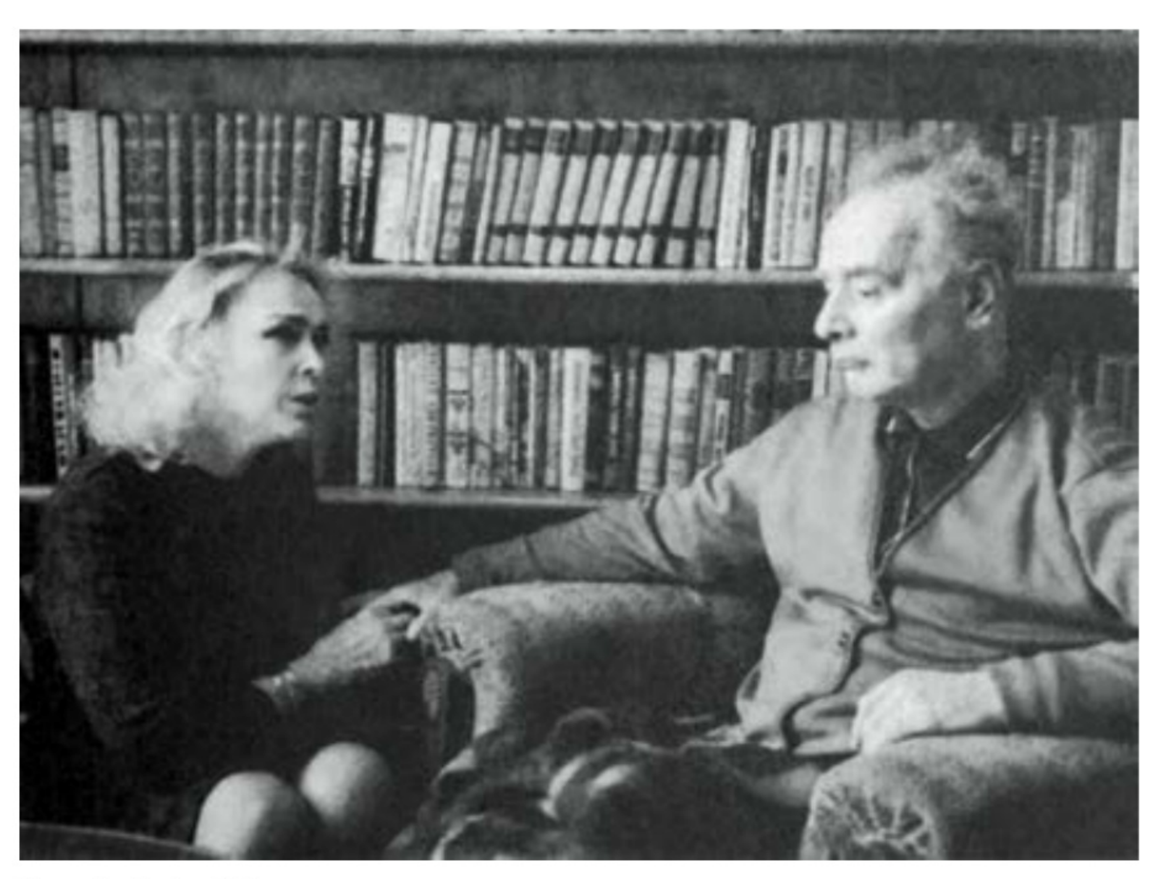
В Институте физпроблем на вечере, посвященном 60-летию Л.Д. Ландау, 5 марта 1968 г.

В 28 лет Ландау – профессор и заведующий кафедрой физики в Харьковском политехе. А в следующем, 1937 году, в Харькове были арестованы его друзья, среди которых был и выдающийся физик-экспериментатор Лев Васильевич Шубников (в 1937 г. он был расстрелян). Ландау никогда не отличался склонностью к конформизму и послушанию властям. Он понимает, что тучи над его головой сгущаются. Ландау принимает предложение академика Петра Леонидовича Капицы возглавить отдел теоретической физики Института физических проблем в Москве. Но переезд в Москву его не спасает: в апреле 1938 года он был арестован и помещен в тюрьму на Лубянке.

Ландау были предъявлены обвинения во «вредительских» действиях в Украинском физико-техническом институте. Абсурдность этих обвинений была очевидна. Но был и еще один пункт обвинения – участие, уже в Москве, в составлении листовки, содержащей резкую критику сталинского строя и Сталина. Текст листовки таков, что по тем временам вполне мог оказаться поводом для расстрела. И, судя по доступным сегодня архивным данным, Ландау действительно, по крайней мере, видел ее до ареста. Фактически это было смертным приговором. Спас Ландау П.Л. Капица, написавший в его защиту письма Сталину, Молотову и Берии. Письмо к правительству СССР с просьбой освободить талантливого физика, отправляет и Нильс Бор. В результате Ландау был освобожден «под личное поручительство» Капицы. Однако дело его «за отсутствием состава преступления» было прекращено лишь 23 июля1990 года.

Но и тут все очень непросто.

«Заслуги Капицы в спасении Ландау бесспорны и достойны самой высокой оценки, – пишет академик В.Л. Гинзбург в статье в журнале «Природа» (№2, 1993). – К сожалению, Капица не понимал, что сделанное не дает ему права обращаться с Ландау весьма грубо, чему я сам был свидетелем. На обращенный к Ландау вопрос, как же он может терпеть такую грубость, он отвечал: "Капица перевел меня из отрицательного состояния в положительное, и поэтому я бессилен ему возражать". Вообще Ландау часто заявлял, что после тюрьмы "стал христианином", т.е., насколько я понимаю, не склонен был бороться с начальством и т.п. К счастью, тюрьма не сломила его как физика. В тюрьме не давали бумаги и карандашей. Поэтому Ландау пытался заниматься теоретической физикой в уме. В частности, он преуспел в выводе некоторых гидродинамических соотношений».

Кора и Лев Ландау, 1968 г.

Вообще же, как физик-теоретик, Лев Ландау сделал первоклассные работы: квантовая теория жидкостей (в частности, теория сверхтекучести гелия), теория фазовых переходов, статистическая теория ядра… В 38 лет Ландау – академик. Казалось бы, в этот период он был обласкан советской властью. Лауреат Ленинской, трех Сталинских премий, Герой Социалистического Труда, обладатель двух орденов Ленина и ряда других правительственных наград… Но КГБ не дремлет, каждый шаг, каждое слово (буквально!) ученого фиксируется. В цитированной выше справке председателя КГБ Ивана Серова от 20 декабря 1957 года – свидетельства этого тотального контроля:

«Так, положение советской науки ЛАНДАУ в 1947 году определил следующим образом: "У нас наука окончательно проституирована, и в большей степени, чем за границей, там все-таки есть какая-то свобода у ученых". <...>

В другой беседе он говорил: "...Науку у нас не понимают и не любят, что, впрочем, и неудивительно, так как ею руководят слесари, плотники, столяры. Нет простора научной индивидуальности. Направления в работе диктуются сверху <... >"».

7 января 1962 года, в воскресенье, «Волга», которую вел один из аспирантов Ландау, по дороге в Дубну врезалась во встречный грузовик. В «Волге» была сумка с яйцами – ни одно яйцо не разбилось. А Лев Ландау получил страшнейшие травмы. Вот первая запись в истории болезни: «Множественные ушибы мозга, ушибленно-рваная рана в лобно-височной области, перелом свода и основания черепа. Сдавлена грудная клетка, повреждено легкое, сломано семь ребер, перелом таза. Шок». И все-таки, Ландау выжил. Ученые всего мира присылали самые редкие и дорогие лекарства, физики устроили круглосуточное дежурство в больнице, где лежал Ландау.

Осенью этого же года Льву Давидовичу Ландау была присуждена Нобелевская премия за создание теории квантовых жидкостей. Но, увы, к полноценной научной работе Дау уже не смог вернуться. Тяжелые боли изводили его еще шесть лет. Он умер 1 апреля 1968 года.

Газета «Правда» в некрологе писала:

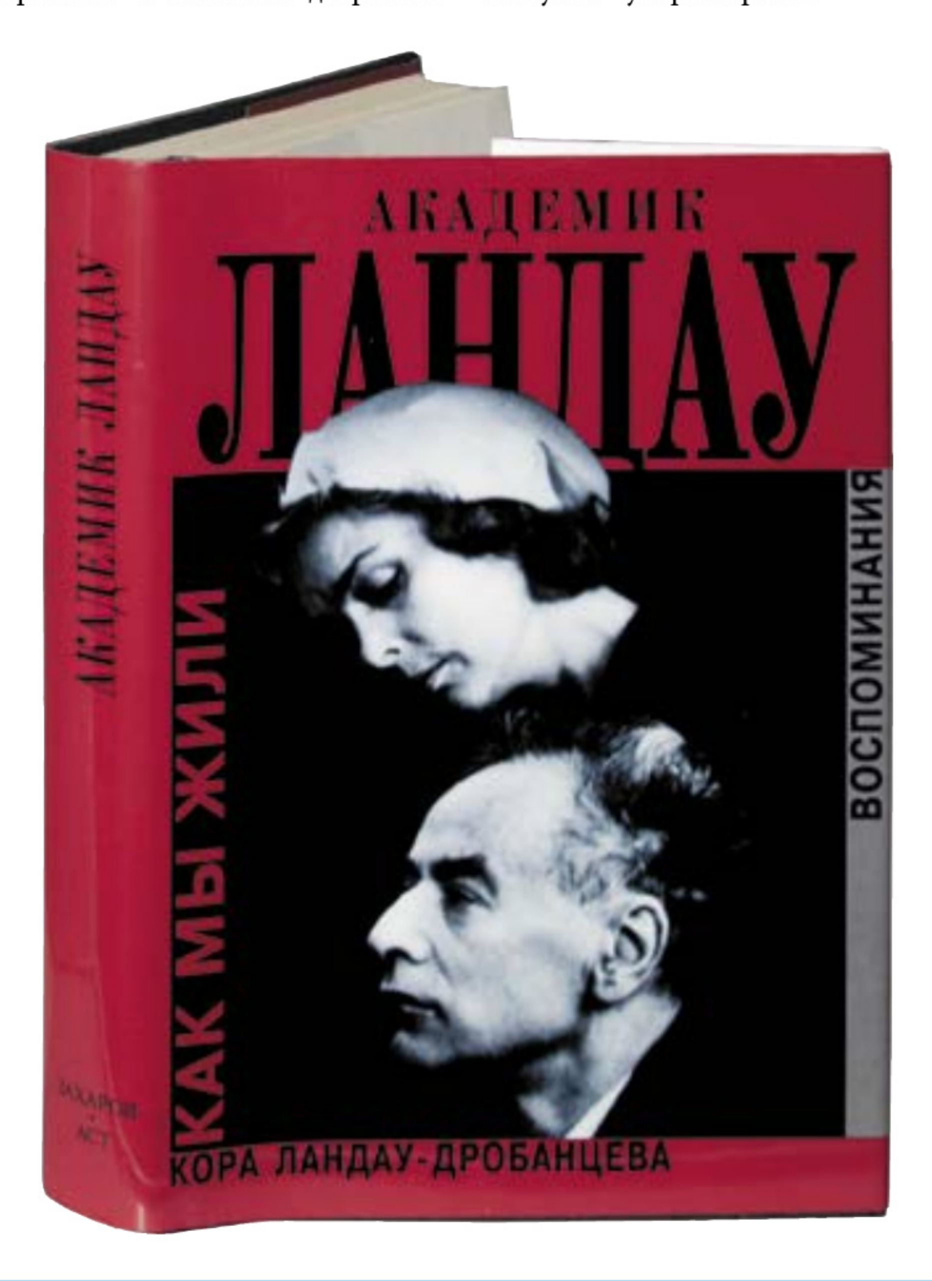
«Умер человек, составляющий гордость нашей науки, один из крупнейших физиков современности. <...> – Диапазон научной деятельности Льва Давидовича необычайно

широк и разнообразен – от специальных вопросов физики твердого тела до проблем квантовой теории поля. Особое место в научных достижениях Льва Давидовича занимает создание им новой области науки – теории квантовых жидкостей, роль которой для теоретической физики в целом с годами все возрастает. Но не менее важна роль, которую сыграл Лев Давидович в создании советской школы теоретической физики. <…> В научных дискуссиях Лев Давидович сочетал глубокую принципиальность и научную непримиримость с истинной доброжелательностью. Выдающийся ученый, он был также и отзывчивым человеком и горячим общественником. <...> Лев Давидович Ландау много сил отдавал решению практических задач, которые страна ставила перед физиками».

Некролог подписали все члены Политбюро ЦК КПСС во главе с Генсеком.

А Кора Ландау-Дробанцева заканчивает свои воспоминания словами, обращенными к их сыну, Игорю:

«– Гарик, папка так любил шутку. И словно пошутил – умер 1 апреля».

Кора (Конкордия) Терентьевна Ландау-Дробанцева (1908–1984)
Академик Ландау. Как мы жили. Воспоминания. – М.: ЗАХАРОВ-АСТ, 1999. – 494 с., илл.: 20,9 х 13 см. Тираж 11 000 экз.
Цветная суперобложка. На верхней крышке и по корешку тиснение красной краской.

ISSN 0044-3948
СССР
2 1980
ЗЕМЛЯ
И
ВСЕЛЕННАЯ
АСТРОНОМИЯ · ГЕОФИЗИКА
· ИССЛЕДОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ISSN 0044-3948
5 1980
ЗЕМЛЯ
И
ВСЕЛЕННАЯ
АСТРОНОМИЯ · ГЕОФИЗИКА ·
ИССЛЕДОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Лорен Р. Грэхэм. Призрак казненного инженера. Технология и падение Советского Союза (2000)

Лорен Грэхэм – один из ведущих в мире специалистов в области изучения истории советской и российской науки и технологий. Профессор истории науки, заслуженный профессор в отставке Массачусетского технологического института (MIT) и Гарвардского университета (США).

Профессор Грэхэм – автор нескольких десятков книг и монографий. До сих пор лучшей и незаменимой для специалистов остается его монография «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» (М.: Политиздат, 1991 г.; американское издание – 1987 г.). Не менее интересна и глубока относительно небольшая книга Грэхэма «Призрак казненного инженера: технология и падение Советского Союза». Материалы для нее профессор Грэхэм собирал около тридцати лет.

«Эта книга представляет собой попытку объяснить, почему Советский Союз не стал передовой индустриальной страной, – пишет Грэхэм. – Она открывается историей жизни замечательного русского инженера Петра Пальчинского, который ясно видел ошибки, сопровождавшие первые годы советской индустриализации, и пытался исправить их. Эта история служит параболой для второй части книги, посвященной анализу отношения к промышленности и технике в Советском Союзе в течение шестидесяти лет после гибели Пальчинского, чья критика дурного использования техники и разбазаривания человеческих сил оставалась злободневной все это время, как будто его призрак продолжал витать над страной вплоть до ее ликвидации в конце 1991 года».

Петр и Нина Пальчинские после своего возвращения в Россию из изгнания в Западной Европе, 1916 г.

Петр Пальчинский у экспоната, который он собрал для горнопромышленной торговой ярмарки в Турине. Италия, 1911 г.

Петр Акимович Пальчинский, родившийся 5 октября 1875 г., был старшим ребенком в большой (12 детей) семье землемера Акима Федоровича Пальчинского. Петр отлично учился, к 17 годам свободно владел французским и немецким языками.

В 1900 г. Петр Пальчинский с отличием оканчивает престижный Горный институт. В 1901 г. получает правительственное задание: в составе специальной исследовательской комиссии заняться изучением причин падения добычи угля в Донецком бассейне и на Украине. Пальчинскому поручают разобраться в «рабочем вопросе». То есть, говоря в современных терминах, оценить влияние человеческого фактора. Работа эта заняла более двух лет, Пальчинский собрал огромный статистический и фактический материал – вплоть до чертежей и фотографий рабочих бараков (на шахте «Макарьевская», например, одна комната такого барака служила ночлегом для 68 человек!),

карты плотности населения, густоты транспортной сети.

Такого рода данные были получены впервые. И поначалу министр финансов В.И. Ковалевский, которому был отослан весь материал без каких-либо политических комментариев, по достоинству оценил его важность. В 1906 г. Пальчинский публикует в «Горном журнале» большую статью по результатам своих исследований. В итоге… он был уволен из исследовательской комиссии и сослан в административном порядке в Сибирь.

В августе 1907 г. Петр Пальчинский бежит из сибирской ссылки – сначала на Украину, а в 1908 г. удается перебраться в Западную Европу. Уникальные знания и опыт Пальчинского оказались более чем востребованы: он работает промышленным консультантом в Германии, Франции, Англии, Нидерландах, Италии… «Он настаивал на том, что инженерные планы должны соотноситься с конкретными политическими, социальными и экономическими условиями, – отмечает Грэхэм. – Одно из крупнейших среди порученных ему в те годы заданий касалось функционирования морских портов мирового значения – таких, как Амстердам, Лондон и Гамбург. Впоследствии он написал четырехтомное о портах Европы, которое было опубликовано на нескольких языках».

Но не забывал в эти годы Петр Пальчинский и про свою родную страну. «Препятствия к успешному промышленному развитию России, считал он, лежит не в области техники, но в политической, социальной, правовой и образовательной сферах. Он был убежден, что наличие богатейших запасов полезных ископаемых на территории России предопределило ее судьбу в качестве великой промышленной державы, и дело лишь за тем, чтобы было создано такое правительство, которое будет поощрять социальные последствия модернизации, а не страшиться их». В 1911 г. Пальчинский организовал российский промышленный и горнозаводской павильон на международной выставке в Турине. Успех работы павильона был таким, что правительство Италии удостоила Петра Пальчинского специальной награды.

В 1913 г., когда восьмилетняя сибирская ссылка должна была бы закончиться, если бы Пальчинский оставался в России, он получил амнистию царского правительства по случаю празднования 300-летия династии Романовых и возвращается в Россию. Начинается Первая мировая война. Пальчинский становится советником по оборонным отраслям в должности заместителя председателя правительственного Комитета по военной промышленности. В 1916 г. организует Институт изучения поверхности и недр – для исследования вопросов «рационального использования природных ресурсов». Активно поддержав Временное правительство, созданное в феврале 1917 г., он занимает в нем пост заместителя министра торговли и промышленности. Был даже некоторое время помощником генерал-губернатора Петрограда. Эта его «эсеровская» наследственность сыграет значительную роль на последнем, коротком отрезке жизни Петра Акимовича Пальчинского после захвата 25 октября 1917 г. Зимнего дворца большевиками. Кстати, как отмечает Грэхэм, «в момент развязки, когда большевистские солдаты вошли в Малахитовую палату дворца, где сидели за столом министры, дожидаясь своих пленителей, он приказал нескольким сохранившим верность часовым не стрелять. Министры и прочие чиновники Временного правительства, включая Пальчинского, были взяты в плен».

Процесс Промпартии. Москва, 1930 год

Через четыре месяца Пальчинского освобождают, потом опять арестовывают. Жизнь его висит на волоске. По иронии судьбы от неминуемого расстрела его спасает… Ленин. В письме главе петроградского ЧК Григорию Зиновьеву лидер большевиков отмечал:

Молодой рабочий Магнитогорска. 1931 г.

«Тов. Карл Моор, швейцарец, прислал мне длинное письмо с просьбой освободить Пальчинского ибо он-де крупная техническая и организационная сила, автор многих трудов и т.п. Я слыхал и читал о Пальчинском как спекуляторе и пр. во времена Керенского.

Но я не знаю, есть ли теперь данные против Пальчинского? Какие? Серьезные? Почему не применен к нему закон об амнистии?

Если он ученый, писатель, нельзя ли ему – в случае наличности серьезных улик против него – предоставить условия особо льготные (например, домашний арест, лабораторию и т.п.».

«Данных против Пальчинского» оказалось недостаточно. Его освобождают, и через несколько недель он уже консультирует ряд советских учреждений. Впоследствии Петр Пальчинский становится профессором Горного института, консультирует проект строительства Днепрогэса, его привлекают к сотрудничеству с Государственной Плановой комиссией… «Я больше не сражаюсь с ними, так зачем же им уничтожать меня?» – заметит в 1923 г. Пальчинский в разговоре с одним из своих французских друзей, Морисом Лазерсоном. Последний в то время помогал в организации Государственного банка в России. Очень скоро оказалось, однако, что для советского руководства вопрос «зачем же им уничтожать меня?» – вообще не принципиален.

В 1920-х годах Пальчинский разрабатывает свой собственный вариант программы индустриализации СССР. Если политическая верхушка страны требовала создания гигантских промышленных предприятий, то независимый эксперт Пальчинский утверждал, что масштаб конкретного производства сам по себе достоинством или показателем эффективности в широком смысле не является. И такая независимость суждений профессионала никак не могла устроить советское руководство.

В апреле 1928 г. была арестована группа инженеров, обвинявшихся в организации диверсий на угольных шахтах в районе города Шахты на Северном Кавказе (так называемое Шахтинское дело). В мае того же года пятеро из них приговорены к смертной казни, шестеро – к пожизненному заключению, еще 38 человек получили тюремные сроки до 10 лет. Четверо, правда, были оправданы.

Спустя два с половиной года, с 25 ноября по 7 декабря 1930 г., состоялся так называемый процесс Промпартии – восемь ведущих отечественных инженеров обвинялись в том, что они участвовали в заговоре с целью свержения советского правительства. Руководителем заговора был назван Петр Пальчинский. Особое изуверство этого про-

Памятник у выхода Беломорского канала в Белое море

цесса состояло в том, что Пальчинский был арестован и казнен еще в апреле 1928 г. Он единственный среди всех обвиняемых по делу Промпартии, кто к суду не привлекался, а был тайно расстрелян. Все остальные обвиняемые публично признали, что были агентами капиталистических держав и действительно участвовали в заговоре с целью свержения советского правительства. Советская власть проявила по отношению к ним гуманность – все они избежали смертной казни и были отправлены в тюрьмы. «К тому моменту, о котором идет речь, – подчеркивает Лорен Грэхэм, – во всем Советском Союзе насчитывалось около десяти тысяч инженеров. В конечном счете примерно 30 процентов собратьев Пальчинского по профессии подверглись аресту – и большинство из них были брошены в исправительно-трудовые лагеря, оставлявшие им мало шансов на выживание».

Жена Пальчинского, Нина Александровна, пытаясь спастись, уехала в «глубинку», устроилась на самую неквалифицированную работу по уходу за больными. «Однажды вечером она пошла в местный кинотеатр, где показывали фильм о русской революции, – пишет Лорен Грэхэм. – К ее ужасу, среди персонажей картины оказался ее муж, Петр Пальчинский, фигурировавший в качестве врага революции. Какой-то едва знавший ее человек в зрительном зале крикнул: "А у нас тут есть Пальчинская" – и указал на Нину Александровну. Она была немедленно арестована и бесследно исчезла в лагерях».

Так как же связаны, по Грэхэму, технологии и падение Советского Союза? В интервью «Независимой газете» в декабре 2011 г. он отмечал: «Во время холодной войны, очень часто, американцы слышали, что русские думают, что они изобрели почти все. Русские, мол, изобрели пароход (Грэхэм называет «пароходом» то, что мы привычно называем «паровоз». Однако название «пароход» применительно к железнодорожным локомотивам действительно встречалось в России, чуть ли не весь XIX век. – *Ред.*), радио, электрическое освещение, граммофон, диоды и даже компьютеры и так далее. Американцы над этим посмеивались. А я решил исследовать все эти эпизоды.

И я сам удивился, когда я осознал, что вопрос изобретения – это не самый важный вопрос. Самый важный – кто получил пользу от этих изобретений. Я узнал, что действительно русские ученые и изобретатели были очень сильно активны во всех перечисленных выше случаях. Может быть, они не изобрели пароход, но они сделали пароход очень рано – Черепановы, отец и сын. Был Александр Попов – радио; был Сергей Лебедев – компьютеры; был Игорь Сикорский – самолеты; Прохоров и Басов – лазер. И в каждом из этих случаев, повторяю, русские были очень активны.

Но если они были такими талантливыми изобретателями, почему сейчас в России технологии не очень развиты?»

Ответ профессора Лорена Грэхэма на этот вопрос таков: «Я думаю, что русские лидеры делают сейчас ту же самую ошибку, которую сделали их предшественники. Они хотят создать в Сколково новую технику, новые технологии. Но проблема не в технике, – русские ученые и инженеры и сейчас блестящие, – проблема в обществе. Надо реформировать общество, это гораздо более важно, чем создать изолированную территорию, где процветает хай-тек».

Лорен Р. Грэхэм (р. 1933)
Призрак казненного инженера. Технология и падение Советского Союза / СПб.: «Европейский дом», 2000. – 184 с. Тираж 2000 экз. 16,5 x 11,7 см.

Что Нового
№1 СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ 2002
В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ
Молчание Дарвина:
Что пытался утаить английский ученый
Уроки 11 сентября:
Пентагон внедряет биометрические системы
Ядерный катамаран:
Русские «акулы» становятся неуязвимыми
Большой микромир:
Наночастицы убивают опухоль
Мода на гибриды:
Машины получат «второе сердце»
ЛОЖЬ
ВНИМАНИЕ! СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР
НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ!
Сканирование тайных мыслей

ноябрь-декабрь 2006

том 1, № 1, 2

Ростислав Ангельский, Владимир Коровин. «Отечественные управляемые ракеты класса "воздух-воздух"» (2005)

О них мало что пишут. Про многих из них вообще ничего никому не известно за пределами узкого круга специалистов. Историки науки перед ними в долгу. «…С начального этапа развития отечественных управляемых ракет класса “воздух-воздух” в их создании наряду с хорошо известными самолетостроительными КБ С.А. Лавочкина и А.И. Микояна участвовали и другие проектные организации, специализирующиеся только в области ракетной техники, в силу чего до 1990-х годов они практически не упоминались в открытой печати». Тем более ценен номер журнала «Техника и вооружение», представленный в «Библиохронике», полностью посвященный истории разработки и создания отечественных ракетных систем класса «воздух-воздух».

Главный конструктор ОКБ-4 (впоследствии МПО "Молния") М.Р. Бисноват

Фактически Р. Ангельский и В. Коровин подготовили энциклопедическую по содержанию статью. Исследование проделано кропотливое: «В настоящей работе предпринята попытка упорядоченно представить процесс создания и развития отечественных ракет класса “воздух–воздух”. При подготовке этой публикации использовались архивные материалы периода 1950–1960-х гг., а по более поздним образцам систематизировались сведения, в разрозненном виде опубликованные в ряде открытых источников, в частности, в изданном ограниченным тиражом юбилейном издании “ГосНИИ АС 1946–1996 гг.”, в фирменных проспектах, в справочниках “Оружие России”».

Ракета К-5 (РС-1У, «изделие ШМ»)

Особенностью советских ракет класса «воздух-воздух» было то, что они создавались индивидуально, фактически под каждый тип самолета-носителя (ракетоносца). Отсюда – такое разнообразие типов этих изделий, практически совпадающее с количеством типов самолетов. Авторы исследования предлагают тщательный – порой даже дотошный (в хорошем смысле!) – анализ эволюции организационных структур, занимавшихся созданием ракет класса «воздух–воздух» для самолетов и весьма подробное описание конструктивных и тактико-технических особенностей этих изделий.

«Известно, что в первые послевоенные годы развитие ряда направлений ракетной техники в нашей стране осуществлялось не без заимствования трофейных немецких образцов. При отсутствии у немцев удачных управляемых ракет класса “воздух-воздух” копировать было нечего, и до конца 1950-х гг. создание этого вида оружия в Советском Союзе велось вполне самостоятельно, если не учитывать использование информации об аналогичных зарубежных разработках, поступавшей в основном из открытых источников».

А такие разработки, естественно, активно велись прежде всего, конечно, в США: «В ходе боев над Тайваньским проливом и прибрежными районами материкового Китая 24 сентября 1958 г. чанкайшисты впервые в мире применили управляемые ракеты класса “воздух–воздух”. Истребители “Сейбр” американского производства несли уже достаточно массовые в авиации США и их союзников ракеты ближней дальности “Сайдуиндер” (Sidewinder) AIM-9B. По данным американцев, за один день этими ракетами было сбито 14 МиГов».

К началу 1960-х было произведено уже около 100 тысяч ракет «Сайдуиндер».

В большом количестве применялись они и во вьетнамской войне.

Так что советским конструкторам ракетной техники пришлось работать в цейтноте. Задача перед ними стояла нетривиальная: «Бурное развитие управляемых ракет "воздух-воздух" в конце 1940 – начале 1950-х гг. определялось в первую очередь угрозой прорыва носителей ядерного оружия к жизненно важным объектам. Одной атомной бомбы хватало практически на любую цель, и бомбардировщики могли действовать поодиночке. Так и были проведены атаки на Хиросиму и Нагасаки. Кроме того, война в Корее выявила высокую живучесть цельнометаллических самолетов, рассчитанных на большие нагрузки на околозвуковых скоростях». Обычное самолетное вооружение – пулеметы, пушки – в этих условиях оказывалось неэффективным. Требовалась ракета ближнего боя.

Первый главный конструктор ГосМКБ "Вымпел" И.И. Торопов

Самое поразительное, что в начале 1950-х годов… мы обгоняли американцев в создании ракет класса «воздух-воздух»!

Краткая предыстория этих разработок такова: «С учетом принятия на вооружение американской авиации первых управляемых ракет "воздух-воздух" и необходимости оснащения аналогичным оружием создаваемых в середине 1950-х гг. отечественных сверхзвуковых истребителей правительственным постановлением от 30 декабря 1954 г. ряду проектно-конструкторских организаций поручалась разработка нескольких типов ракет класса "воздух-воздух", а именно:

– ОКБ-2 (главный конструктор П.Д. Грушин) – ракеты К-6 для самолета И-3 ОКБ А.И. Микояна;

– заводу N134 (И.И. Торопов) – ракеты К-7 для самолета Т-3 (ОКБ П.О. Сухого);

– ОКБ-4 (М.Р. Бисноват) – ракеты К-8 для самолета Як-25 ОКБ А.С. Яковлева;

– ОКБ-301 (С.А. Лавочкин) – ракеты К-15 для самолета Ла-250 того же ОКБ». Все эти образцы были доведены до стадии летных испытаний. Но только одну ракету, К-8, впоследствии приняли на вооружение.

Итак, первая советская управляемая ракета класса «воздух-воздух» была спроектирована в ОКБ-4 под руководством Матуса Рувимовича Бисновата. Известный научный журналист Ярослав Голованов в одной из своих публикаций, посвященных истории советской авиации, о нем сказал так: «Матус Рувимович Бисноват был человеком талантливым, но не пробивным, в сравнении с таким "хищником", как, скажем, Яковлев, абсолютно "травоядным"». Наверное, доля правды в этих словах имелась. Но мальчику, родившемуся в 1905 году в Никополе, Ма-

Один из первых МиГ-29 с ракетами Р-27 и Р-60

тусу Бисновату, трудно было быть «пробивным», зато довелось создавать невиданные раньше образцы авиационной техники.

До Великой Отечественной войны под его руководством разработаны экспериментальные скоростные самолеты СК-1 и СК-2. В первые военные годы Матус Рувимович занимался ракетным перехватчиком «302» в руководимом А.Г. Костиковым НИИ реактивной техники (НИИРТ). Однако, как это часто бывало, руководство страны сочло, что срыв сроков создания перехватчика «302» – вина руководства НИИРТ и расформировало институт. (Как потом выяснилось, срыв сроков определялся неудачами в части создания двигателей, а не самолета.)

С 1948 года коллектив конструкторов ОКБ-293 во главе с М.Р. Бисноватом создает первую советскую ракету класса «воздух–воздух» СНАРС-250 (самонаводящийся авиационный реактивный снаряд) и ракету берегового противокорабельного комплекса «Шторм». Обе разработки были доведены до летных испытаний. Однако в начале 1953 года ОКБ-293… тоже расформировали. Цитируем статью: «В качестве истинной причины этого правительственного решения, - отмечают авторы, - называют не вызывающую сомнений и явно неугодную в разгар "борьбы с космополитизмом" и "дела врачей" национальность Бисновата и ряда его ведущих сотрудников. Судя по архивным документам, возникли также подозрения в присутствии в США уехавших еще в 1914 г. двоюродных братьев Матуса Рувимовича. <…> …свертывание работ по СНАРС-250 по крайней мере на два года задержало поступление на вооружение первой отечественной самонаводящейся ракеты "воздух-воздух"». Причем по своим тактико-техническим данным (дальность «захвата» цели, дальность пуска, устойчивость в полете, мощность заряда, точность попадания) эти «изделия» намного превосходили все имевшиеся тогда современные зарубежные образцы.

Кто знает: не будь потеряны эти два года, может быть, и не было бы тех сбитых в Корейской войне советских МиГов… Тем не менее, накопленный Бисноватом опыт оценивался весьма высоко, и в декабре 1954 года ему поручили вновь приступить к разработке ракет "воздух-воздух", возглавив ОКБ-4 Минавиапрома. Бисноват и его ОКБ-4 (с 1975 года – КБ «Молния») работали очень продуктивно: там созданы первая отечественная оригинальная самонаводящаяся ракета класса «воздух–воздух» К-8М (принята на вооружение в 1962 году), ее модернизированные варианты К-98 и К-98М, ракеты большой дальности К-80 и К-40 для перехватчиков войск ПВО страны, а также первая в мире ракета ближнего воздушного боя К-60.

За заслуги в области ракетной техники М.Р. Бисноват был удостоен званий Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий. Умер Матус Рувимович в 1977 году.

Одному из авторов-составителей «Библиохроники» посчастливилось много лет трудиться в ОКБ-4 под непосредственным началом Матуса Рувимовича, контактировать с ним по служебным и бытовым вопросам. Вот «осколки» его непосредственных воспоминаний:

«Самое яркое. Мужской туалет… Кабинки, писсуары, курилка. (Простите за неделикатность!). Пять-шесть особей мужского пола делятся текущими впечатлениями: последние новости, итоги летнего турпохода, проблемы

с карбюратором у “Москвича–402” и т.д. У каждого из перекуривающих подмышкой – рулон свернутого “толстого” (и не очень) журнала – “Новый мир”, “Октябрь”, “Иностранная литература”, “Юность”, “Наука и жизнь”. Постоянный вопрос, обращенный к собеседнику: “А ты читал?”.

Годы работы (более 20-ти) в ОКБ-4 вызывают у меня только восторженные воспоминания: деловитость, конструктивность, благожелательность, объективность оценки творческих достижений, чувство локтя, отсутствие сплетен – главные признаки той производственно-личной атмосферы.

Не могу также не сказать, что в этом коллективе в те годы трудилось много, без малейшего преувеличения, “инженеров от Бога”. В чем это “божественное” заключалось точно сказать не могу. Но вот – “срез”. В те годы в научно-техническую работу активно внедрялись ЭВМ, электронно-вычислительные машины. Те самые компьютеры, без которых сегодня не мыслится ни одно “телодвижение”, будь то робот на грани искусственного интеллекта, космический аппарат или мобильный телефон.

Тогда ЭВМ представляли собой огромные шкафы, с множеством мигающих лампочек, перфолентами, перфокартами (не уверен, что сегодняшний читатель знает, что это за “звери”) и прочими атрибутами “первобытного” состояния. Так вот, эти люди, то есть “инженеры от Бога”, принимали на моих глазах технические решения – зачастую принципиальные, – оказывавшиеся в дальнейшем, после проведения подтверждающих расчетов, абсолютно верными! И это не могло не изумлять окружающих, в числе которых находился и автор этих воспоминаний.

Среди этих “небожителей” не могу не выделить двух заместителей Главного Конструктора – Владимира Николаевича Елагина и Георгия Ивановича Хохлова.

А рядом сними – целая плеяда талантов: Р. Сахарова, Б. Шапиро, Г. Смольский, Д. Жолковский, И. Карабанов, А. Кегелес, Е. Чернышов, Л. Хейфец, Б. Ерохин, Б. Петровский, С. Каган и множество-множество других, беззаветно служивших своему делу!

К великому сожалению, практически все они уже не с нами. Попытаемся вместе с Читателем сохранить о них добрую память, хотя бы таким, заведомо слабым, способом. Именно благодаря их головам, рукам, усилиям, талантам – мы с Вами (по большому счету) все эти годы спали спокойно… Забывать об этом негоже, не следует, некрасиво…»

Еще один конструктор, упомянутый в постановлении от 30 декабря 1954 года, – И.И. Торопов. «Деятельность Ивана Ивановича Торопова не получила достойного отражения даже в специальной литературе, – пишут Ростислав Ангельский и Владимир Коровин. – Закончив МВТУ им. Баумана в 1930 г., он более тридцати лет работал в области авиационного вооружения. В 1934 г. он возглавил КБ завода №32. В 1944 г. <…> Торопов стал главным конструктором объединенной организации, получившей наименование ОКБ-43. Основной тематикой коллектива Торопова до перевода на завод №134 было создание прицелов для подвижных стрелковых пулеметных и пушечных

установок самолетов Пе-2, Ту-2, Ил-2, Ил-4, Ер-2, а также системы оборонительного пушечного вооружения ПВ-20 для Ту-4.

Предвидя будущее авиации, И.И. Торопов озаботился переходом на новую тематику и сформировал конструкторский коллектив, способный наряду с разработкой “классического” вооружения создавать авиационные и зенитные управляемые ракеты». Ну, а дальше его судьба в чем-то схожа с судьбой М.Р. Бисновата.

Конструкторский коллектив, которым руководил И.И. Торопов, параллельно с разработкой ракет «воздух-воздух» К-13 занимался ракетой для подвижного зенитного комплекса сухопутных войск «Куб». Создание зенитной ракеты ЗМ9 с твердотопливным двигателем оказалось исключительно сложной задачей, заданные правительством сроки не были выдержаны. «Оргвыводы» последовали стандартные: в конце 1961 года И.И. Торопов был снят с должности. Вплоть до своей кончины в 1977 году Иван Иванович Торопов работал в Московском авиационном институте.

«Жизнь подтвердила необоснованность “расправы” над Тороповым, – отмечают авторы журнала. – Комплекс “Куб” успешно “довели”, он на редкость эффективно применялся в локальных войнах и до сих пор состоит на вооружении армий многих стран. Ракета ЗМ9 семь раз проходила модернизацию.

Не менее массовым и еще более распространенным оружием стала К-13, а также ее многочисленные модификации. В настоящее время государственное МКБ “Вымпел” носит имя И.И. Торопова. За выдающиеся успехи И.И. Торопова удостоили звания лауреата Сталинской премии, наградили двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды».

Не менее типична в этом смысле, судьба Дмитрия Людвиговича Томашевича – выдающегося авиаконструктора, под чьим руководством была спроектирована первая се-

рийная управляемая ракета «воздух–воздух» К-5.

С 1931 по 1938 год Томашевич работал в конструкторском бюро, которое возглавлял известный авиаконструктор Н.Н. Поликарпов. КБ Поликарпова занималось тогда разработкой истребителя И-15. Об атмосфере, царившей в конструкторском бюро, Дмитрий Людвигович писал в своих воспоминаниях: «Здесь я... не ощущал никакого давления. Просто говорил Николаю Николаевичу: “На таком-то самолете сделано так-то и, мне кажется, лучше, чем на таком-то”, и обычно получал согласие или слушал сомнения в добротности конструкции, обоснованные технологически. Это заставляло и самого подумать еще раз, прежде чем принимать решение. <…> И всегда получал немногословное и ненапыщенное одобрение. Свои предложения Николай Николаевич излагал в виде желания посоветоваться... Работу выполняли весело и напористо... На И-15 было реализовано несколько моих изобретений и рацпредложений. Они были приняты Николаем Николаевичем как-то естественно, без грохота и без препон, как теперь часто бывает».

В 1937 году под благовидным предлогом (отсутствие правого глаза, который он потерял в 21 год, когда работал слесарем на заводе) Томашевича убрали из резерва инженеров Красной Армии. Вызвали на Лубянку и, сославшись на статью в газете «Правда» о бдительности и нарастании классовой борьбы, намекнули о подозрительности фамилии и отчества Дмитрия Людвиговича. Предложили подробно описать биографию. Через два дня, сдавая автобиографию, Томашевич спросил следователя: «Может быть, мне покинуть авиапромышленность?». И в ответ услышал, что в этом сейчас нужды нет.

«Нужда» появится в декабре 1938 года, когда при испытаниях самолета И-180 погибнет любимый летчик страны Валерий Павлович Чкалов. Об испытаниях этого истребителя, – кстати, самого передового по тому времени, созданного с учетом всех мировых тенденций, – Д.Л. Томашевич напишет в своих воспоминаниях так: «15 декабря на аэродром приехало много начальства – смотреть на первый вылет. Был мороз около минус 25°, механик от аэродромной установки долго разогревал мотор.

В ангаре вокруг В.П. Чкалова стояла толпа начальства и Поликарпов. К ним подойти нельзя было, так что не знаю, о чем они говорили. Недавно бывший работник КБ т. Сарычев сказал, что Поликарпов будто бы отговаривал Чкалова вылетать, но тот не согласился.

Позже, в 1944 г., когда я возвратился в Москву, бывший шофер директора завода № 156 сказал мне, что В.П. Чкалов с утра 15/12-38 г. был неизвестно где 1,5 часа. Ранее он дружил с Ежовым <наркомом внутренних дел>, может, был у него – этого не знаю».

Когда самолет уже шел на посадку, отказал двигатель… Дальнейшие события нетрудно было предвидеть. Один из свидетелей тех событий В.Г. Сигаев вспоминал: «Когда Н.Н. Поликарпов появился в ОКБ, то стал приводить в порядок содержимое своего письменного стола. Он явно готовился к тому, что его привлекут к ответственности. Но арестовали за случившееся директора завода Усачева, заместителя главного конструктора Томашевича, начальника Главного управления Беляйкина и начальника летной станции Порая. Все арестованные были осуждены».

Медаль «Памяти советского авиаконструктора В.К. Таирова»

Еще несколько строк из воспоминаний Томашевича: «19 декабря ко мне домой приехал Николай Николаевич, поцеловал меня и сказал, что ЦК не позволил меня арестовать. Однако в ночь с 19 на 20 декабря я был арестован. Так закончилась совместная работа с Поликарповым.

По окончании следствия я познакомился со своим делом. Из него узнал, что 19 декабря с завода на меня поступил донос, в котором я обрисован как бывший дворянин, по происхождению латыш, веду замкнутый образ жизни – не бываю в гостях и сам не принимаю таковых... что мой зять – муж сестры, арестован как враг народа...

Нарком внутренних дел на этом доносе дал разрешение на арест».

Пятилетний срок заключения, к которому приговорили Томашевича, он отбывал в ЦКБ-29 – знаменитой «Туполевской шараге», в которой «мотала» свои срока чуть ли не вся элита советских авиаконструкторов: А.Н. Туполев, Б.С. Стечкин, С.П. Королев, Р.Л. Бартини, В.М. Мясищев, В.М. Петляков, В.А. Чижевский… Как это ни противоестественно звучит, но свободу многие из них получили благодаря начавшейся войне. В июле 1941 года Дмитрий Людвигович был досрочно освобожден из заключения. (Реабилитировали его только в 1956 году.)

«…В начале 1950-х гг. он <Томашевич> работал в КБ-1 (ныне ОАО ЦКБ “Алмаз”), головной организации по тематике зенитных и авиационных комплексов, одним из руководителей которой был Сергей Лаврентьевич Берия, – пишут Ангельский и Коровин. – Постановлением от 9 августа 1950 г. СБ-1 было преобразовано в КБ-1, при этом ему поручалась роль головной организации при разработке зенитной системы “Беркут”.

Под руководством Томашевича в КБ-1 – организации в основном радиоэлектронного профиля – наряду с К-5 была создана также зенитная ракета ШБ, в силу ряда совсем не технических обстоятельств не доведенная до принятия на вооружение и запуска в серию. После ареста Л.П. Берии и устранения его сына из КБ-1 подразделение, занимавшееся разработкой ракет К-5 и ШБ, было выделено в самостоятельную организацию – ОКБ-2. Но ОКБ-2 возглавил П.Д. Грушин, перешедший из КБ Лавочкина, а Томашевич стал его заместителем. Лишившись ведущей роли в разработке ракет, он <…> ушел на преподавательскую работу в МАИ».

Профессор И. Голубев вспоминал: «В институте Томашевич вывел на новый, более высокий уровень, вопросы проектирования. Можно сказать, что он создал философию системного проектирования. Ракету он рассматривал не саму по себе, а как часть ракетного комплекса, а комплекс – как часть системы ПВО. В те годы это было внове для нас».

И опять, как и в случаях и с Бисноватом и с Тороповым, – через несколько лет Томашевича вновь приглашают вернуться к практическому конструированию. В 1956 году по указанию ЦК КПСС он по совместительству работал в КБ-1 научным консультантом. Занимался модернизацией своей бывшей авиационной системы К-5. Проектировал и новую ракету такого же класса, но с улучшенными характеристиками. Однако в 1959 году и эту тему закрыли.

В 1960 году вышла из печати книга Д.Л. Томашевича «Конструкция и экономика самолета». В ней впервые введены в обиход такие понятия, как «стоимость веса», «стоимость аэродинамического сопротивления». Томашевич один из первых в стране начал изучать проблемы функционально-стоимостного анализа, но многим его оппонентам в то время эти понятия казались ненужными.

В 1961 году Д.Л. Томашевичу по совокупности работ присвоили степень доктора технических наук, а в 1962 году он стал профессором МАИ по кафедре «Проектирование летательных аппаратов». В 1964 году – новая книга «Основы устройства беспилотных летательных аппаратов».

В 1969 году Д.Л. Томашевич стал лауреатом Государственной премии СССР, награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Скончался Дмитрий Людвигович в 1974 году в возрасте 75 лет.

Удивительно, как похожи были жизненные траектории советских конструкторов ракетного вооружения: стремительный взлет профессиональной карьеры в 1920-30-е годы; репрессии конца 1930-х; возвращение в профессию в 1940-е; в 1950-е – начале 1960-х – вновь санкции за «сорванные» задания; и, наконец, уже в 1970-е, – признание на государственном уровне их заслуг… Последнее, по сравнению с явно аномальной психологической обстановкой в 1930-е – 1940-е годы (ее коротко описал один из сотрудников «Туполевской шараги» Сергей Павлович Королев: «Хлопнут без некролога»), можно считать прогрессом.

Ростислав Ангельский, Владимир Коровин.
«Отечественные управляемые ракеты класса “воздух-воздух”. Часть 1. Ракеты малой дальности» // «Техника и вооружение. Вчера, сегодня, завтра», научно-популярный журнал, № 9, 2005. – 40 с. илл. Издательская иллюстрированная обложка. 29 х 21 см. Тираж не указан.

мир будущего прекрасен!

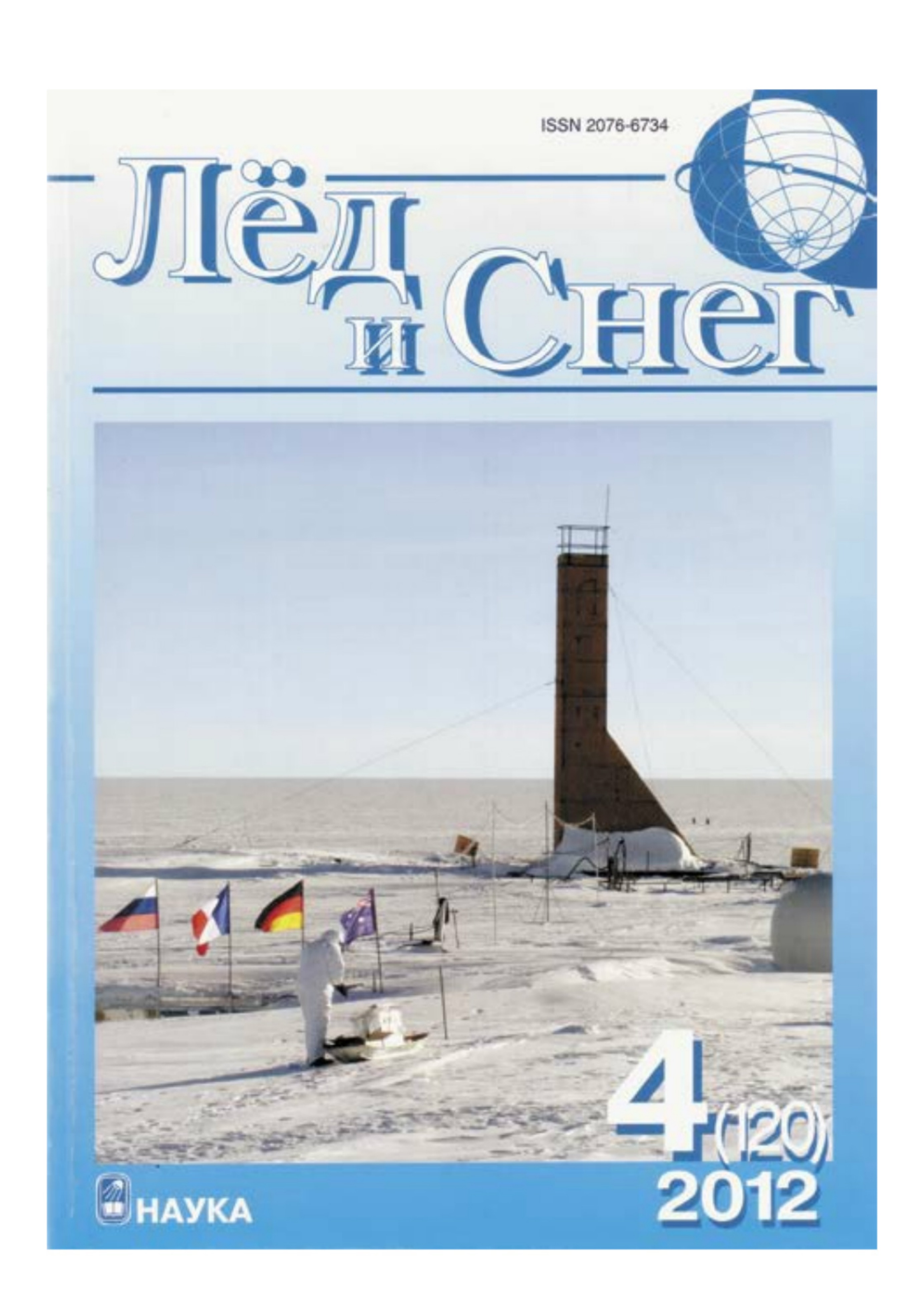
СВЕРХНОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

#2 2007

ПОРА ОТБРОСИТЬ КОМПЛЕКС ПОБЕЖДЁННЫХ

ЭКСПЕРТЫ ПРЕДРЕКЛИ РОССИИ БУДУЩЕЕ. В XXI веке наша страна вступает в период устойчивого роста и готова к новому витку развития. Россия является великой державой с несбалансированной мощью. Дальнейшую судьбу страны определят политические решения, принятые в 2007-8 году. В зависимости от их характера, Россия в ближайшие десять лет или станет мощной сверхдержавой – или останется в ряду развивающихся стран. Русскому обществу пора избавиться от «комплекса побеждённых». Сознательное развитие должно происходить не через государство, а через само общество. Интересы людей – приоритет любого вектора будущего развития России.

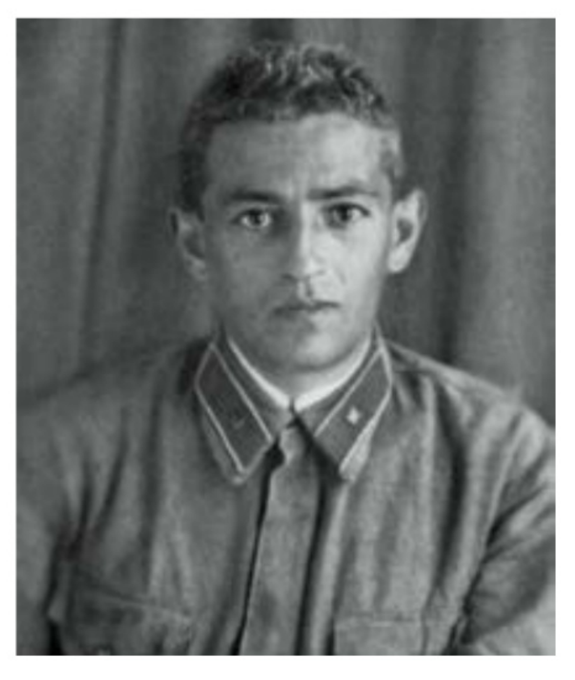
новая модель оценки экономики / цивилизация победы / воспоминание о будущем / великие проекты для великой России / моносета
состояние нашей робототехники / электромагнитная бомба / жажда разума / за северным ветром / мы – люди новой реальности
как оформить патент / НАСП / плавучие АЭС / путь на Амальтею / плазменные генераторы в авиации / дерзкий проект великанов!

ISSN 2076-6734
Лёд и Снег
4 (120)
2012
НАУКА

79

Ольга Строева. Иосиф Абрамович Рапопорт, 1912–1990 (2009)

8 мая 1945 года три немецких танка «Тигр», двигавшиеся в боевом порядке по шоссе к городу Мельк, внезапно встали как вкопанные. Ошалевшие немцы были поражены не столько даже тем, что встретились с передовым отрядом Красной Армии, сколько «наглостью» командира этого отряда. Одноглазый майор, с пиратской повязкой на лице, с пистолетом в руке, в полный рост шел на танки в лоб. Этим майором был Иосиф Абрамович Рапопорт, начальник оперативного отдела штаба 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

«Я соскочил на землю, подбежал к главному немецкому танку, постучал рукояткой пистолета по броне, по-немецки приказал открывшему башенный люк немецкому танкисту разрядить орудия в воздух и очистить дорогу для прохождения отряда, – вспоминал Рапопорт. – После некоторого колебания немецкие танки подчинились моему приказу, отойдя назад, и после нашего прохождения вновь встали на место в том же порядке, а наш передовой отряд устремился к Мельку».

В итоге отряд под командованием И.А. Рапопорта первым соединился с передовым отрядом разведывательного дивизиона 11-й бронетанковой дивизии Армии США в районе города Амштеттен на берегу Дуная. Американцы были приятно удивлены, что советский офицер может общаться с ними на чистейшем английском. «Место на Дунае в Австрии, где 8 мая 1945 г. передовой отряд, возглавляемый гвардии майором Рапопортом, прорвался через вооруженную отступающую немецкую армию и соединился с передовым отрядом американской армии, отмечено памятным сооружением с надпи-

Встреча передового отряда 7-й воздушно-десантной дивизии, возглавляемого гвардии майором И.А. Рапопортом. 8 мая 1945 г.

сью: «Здесь закончилась Вторая мировая война»…

Иосиф Рапопорт родился в Чернигове в семье врача. Окончил среднюю школу в 1927 г., учился в Агрозоотехническом техникуме (1927–1930), поработал лето в качестве зоотехника и осенью поступил в Ленинградский государственный университет (1930–1935). Он специализировался по кафедре генетики и экспериментальной зоологии – первой генетической кафедре в нашей стране, основанной в 1918 профессором, одним из пионеров генетики в России Юрием Филипченко.

Отличная память, явная склонность к языкам (студентом он уже с первого курса свободно читал книги на немецком, французском и английском) – все это обратило внимание на талантливого юношу. А уже на втором курсе он выбрал свою научную специализацию. Тогда, в 1932 г. в Ленинград с лекцией о работах Института экспериментальной биологии, основанного в 1916 г., приехал его основатель Николай Константинович Кольцов. Он произвёл на Рапопорта сильнейшее впечатление. Когда после 5-го курса подойдёт время распределения, Рапопорт попросит рекомендовать его лаборантом в ИЭБ, но принят будет к Н.К. Кольцову в аспирантуру (1935–1938).

«В программу Кольцова входила проблема экспериментального видообразования. По его мнению, наиболее надежный путь для решения этой задачи намечался мутационной теорией. Отсюда исходил его особый интерес к мутагенным факторам. Радиационный мутагенез был открыт американским генетиком Германом Мёллером в 1927 г. и отмечен Нобелевской премией в 1946 г. Честь же открытия химического мутагенеза, как новой области знания, принадлежит Кольцовской школе – в работах В.В. Сахарова и И.А. Рапопорта», – отмечает биограф Рапопорта, доктор биологических наук, профессор Ольга Георгиевна Строева.

Владимиру Владимировичу Сахарову (1932) принадлежит приоритет доказательства того, что химический мутагенез вообще возможен. С помощью 10-процентного йода и ряда других неорганических соединений он получил у мушки дрозофилы несколько новых мутаций. А Рапопорт открыл сильные химические мутагены, особые органические молекулы, способные проникать в организм и вызывать наследственные изменения, мутации. Эти супермутагены не уступали радиационному воздействию. Сегодня это кажется вполне очевидным даже для домохозяек. Но до работ Рапопорта все попытки получить мутации с помощью химических агентов, в отличие от успеха с проникающей радиацией, были неудачны – биологическая материя надёжно отгородила свой наследственный аппарат от химического вторжения.

Академик Ю.Б. Харитон и И.А. Рапопорт, 1980 г.

И.А. Рапопорт и академик Д.К.Беляев на XIV Международном генетическом конгрессе. Москва, 1978 г.

«Первая, приоритетная, статья, посвященная открытию сильных химических мутагенов, вышла в 1946 г. в Докладах Академии наук СССР под названием «Карбонильные соединения и химический механизм мутаций» и была замечена на Западе – до 1949 г. этот журнал в нашей стране выходил кроме русского ещё на двух европейских языках, – пишет Строева. – В 1947 г. и начале 1948 г. из печати в отечественных научных журналах вышло восемь статей Рапопорта, посвященных открытию новых химических мутагенов <…>. Попытки практического применения химических мутагенов на бактериях и некоторых сельскохозяйственных растениях были осу-

Встреча с однополчанами. Москва, 1988 г.

ществлены И.А. Рапопортом уже в 1946 г. Помимо цикла работ по химическому мутагенезу в печати появились ещё три статьи Рапопорта: «Полиплоидия у животных, вызванная воздействием на зачаток гонады», «Оптически активные вещества и симметрия организма» и «Феногенетический анализ независимой и зависимой дифференцировки».

Тут нельзя не упомянуть об одном эпизоде, очень характерном для стиля работы И.А. Рапопорта. Дело в том, что статья «Феногенетический анализ независимой и зависимой дифференцировки» была основой его докторской диссертации. Защита должна была состояться 27 июня 1941 г. Но 22 июня началась война, и Рапопорт уже ушел добровольцем в армию. Однако неугомонный Рапопорт защитил свою диссертацию 5 мая 1943 г., когда в промежутке между боями проходил ускоренный курс обучения в военной Академии им. Фрунзе в Москве. После защиты докторской вице-президент Академии наук предложил ему вернуться к научной работе, а военная Академия – остаться преподавателем военной истории в её стенах. Но Рапопорт отказался от обоих предложений и вернулся на фронт.

Эта же статья в составе «Трудов Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР» после сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) в августе 1948 г. была уничтожена. Формально она считалась опубликованной благодаря единственному обязательному экземпляру, попавшему на депонирование.

Вообще, эта ВАСХНИЛовская сессия 1948 г. имела роковые последствия для всей отечественной науки. После нее грянула так называемая лысенковщина – генетика и ряд смежных с нею наук были «упразднены» волевым решением полуграмотных партийных функционеров. Рапопорт оказался единственным ученым, кто сумел буквально прорваться к трибуне и выступить на этой сессии ВАСХНИЛ в защиту генетики. «Он защищал честь и достоинство учёного против самодовольства и глупости, – пишет историк Владимир Дмитриевич Есаков. – А если исходить, как мы теперь знаем, из того, что теория ламаркизма не только разделялась, но и навязывалась советской науке "вождём", "корифеем науки" и руководителем страны, то речь И.А. Рапопорта, произнесённая на вечернем заседании сессии ВАСХНИЛ 2 августа 1948 г., – это не только выступление учёного, защищающего дело своей жизни и чистоту научных принципов, но и политическое заявление. Именно так его выступление было воспринято современниками, таковым

О.Г. Строева

Иосиф Абрамович РАПОПОРТ

1912 - 1990

МОСКВА
НАУКА

И.А. Рапопорт с женой О.Г. Строевой на отдыхе в Крыму под Гаспрой. 1988 г.

оно вошло в историю нашей и мировой науки».

На последнем пленарном заседании сессии ВАСХНИЛ, 7 августа 1948 г., многие из ученых начали каяться: академик П.М. Жуковский, С.И. Алиханян, И.М. Поляков… Было принято приветственное письмо тов. И.В. Сталину, и «историческая» сессия ВАСХНИЛ закончила свою работу. На этом же заседании снова выступил И.А. Рапопорт. Ему дали слово в расчете и на его покаяние. Но он снова стал защищать генетику. Ему не дали кончить и, ослепляя прожекторами (в зале шла киносъёмка), согнали с трибуны.

А уже 26 августа 1948 г., на основании постановления Президиума АН СССР, И.А. Рапопорт среди других генетиков был уволен из Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР с 1 сентября того же года с выдачей двухнедельного выходного пособия и без права поступления на работу. По его просьбе ему разрешили в течение некоторого времени оставаться в лаборатории для завершения некоторых опытов. Его ценнейшие мутантные линии дрозофил были выброшены в мусор. Параллельно шел процесс исключения Рапопорта из партии. В расцвете творческих сил, – ему было 36 лет, – будучи автором выдающихся научных открытий, он был выброшен из науки и на целое десятилетие стал фактически безработным, перебивался случайными заработками.

Ольга Строева приводит интересный эпизод из этого периода жизни И.А. Рапопорта: «…С мая 1951 г. по август 1957 г. он имел работу только по краткосрочным договорам, то как геолог, то как палеонтолог, в разных геологических и нефтяных организациях, занимаясь определением геологического возраста образцов. И.А. Рапопорт обнаружил в них наличие фораминифер – чёткий индикатор нефти. Ему предложили защитить диссертацию на степень кандидата геологических наук, но, когда начальство узнало, что он тот самый генетик, который выступил против Лысенко, его в очередной раз уволили. Рапопорт прирабатывал внештатно под чужим именем в Институте научной и технической информации до самого конца 1957 г.».

Целое десятилетие выдающийся ученый-генетик жил, что называется, с волчьим билетом. Лишь в конце 1957 г. академик, Нобелевский лауреат Николай Николаевич Семенов смог пригласить Рапопорта в свой институт Химической физики АН СССР.

По злой иронии судьбы человека, которого десять лет государство подвергало остракизму, сразу же подключили к решению государственной Продовольственной программы. Без управляемого воздействия на генетический аппарат живой клетки решить эту задачу не представляется возможным. Направленные полезные мутации интенсифицировали процесс селекции. Срок создания новых сортов сокращался с 20 до 6–7 лет. И химические мутагены оказались ключом к решению этой задачи. Академик Николай Петрович Дубинин отмечал: «Рапопорт доказал, что ряд химических факторов способны вызвать изменчивость генов, не уступая по силе жестким дозам лучистой энергии. Принципиально важным в этих работах является новый подход к химии гена, поскольку Рапопорт дал серьезные свидетельства, что при вызывании мутации происходит химическая реакция между реактивом и геном».

В России любят повторять поговорку – «Нет пророка в своем отечестве». Но почему-то именно в России таких непризнанных, а часто и умерщвленных, пророков особенно много…

В 1962 г. Нобелевская комиссия выдвинула Иосифа Абрамовича Рапопорта на Нобелевскую премию за работы по химическому мутагенезу. Но политическое руководство СССР резко воспротивилось этому и сочло невозможным поддержать выдвижение. Это вообще характерно было для советской политической и государственной номенклатуры. Чиновники почему-то считали, – и зачастую считают до сих пор, – что именно они обладают истиной в последней инстанции, даже если речь идет о научной истине. В 1965 г. И.А. Рапопорт подготовил фундаментальный труд «Микрогенетика». Фактически в этой работе были представлены теоретические основы химического мутагенеза. Отпечатанный и поступивший в магазины тираж книги был изъят из продажи в первый же день. В сборнике «Иосиф Абрамович Рапопорт – ученый, воин, гражданин» (М., 2003) Ольга Георгиевна Строева отмечала: «Когда-нибудь историки науки найдут документы, объясняющие эту акцию. Одно известно, что без распоряжения ЦК КПСС уничтожить тираж уже выпущенной книги было нельзя <…> История уничтожения научной книги в середине 60-х годов XX в. весьма таинственная. Это было сделано с согласия некоторых ученых, между прочим защитников генетики. Решение было принято за спиной автора до ознакомления с ней широкого круга читателей. Хотя эта акция была закрытой, какие-то силы пытались дискредитировать И.А. Рапопорта как ученого, и в ряде случаев небезуспешно».

Опять же, как всегда героически и как всегда с опозданием, мы начинаем наверстывать упущенное. В 1975 г. И.А. Рапопорт был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а в 1979 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1984 г. ему дали Ленинскую премию за цикл работ «Явление химического мутагенеза и его генетическое изучение». В 1990 г. И.А. Рапопорт стал Героем Социалистического Труда за особый

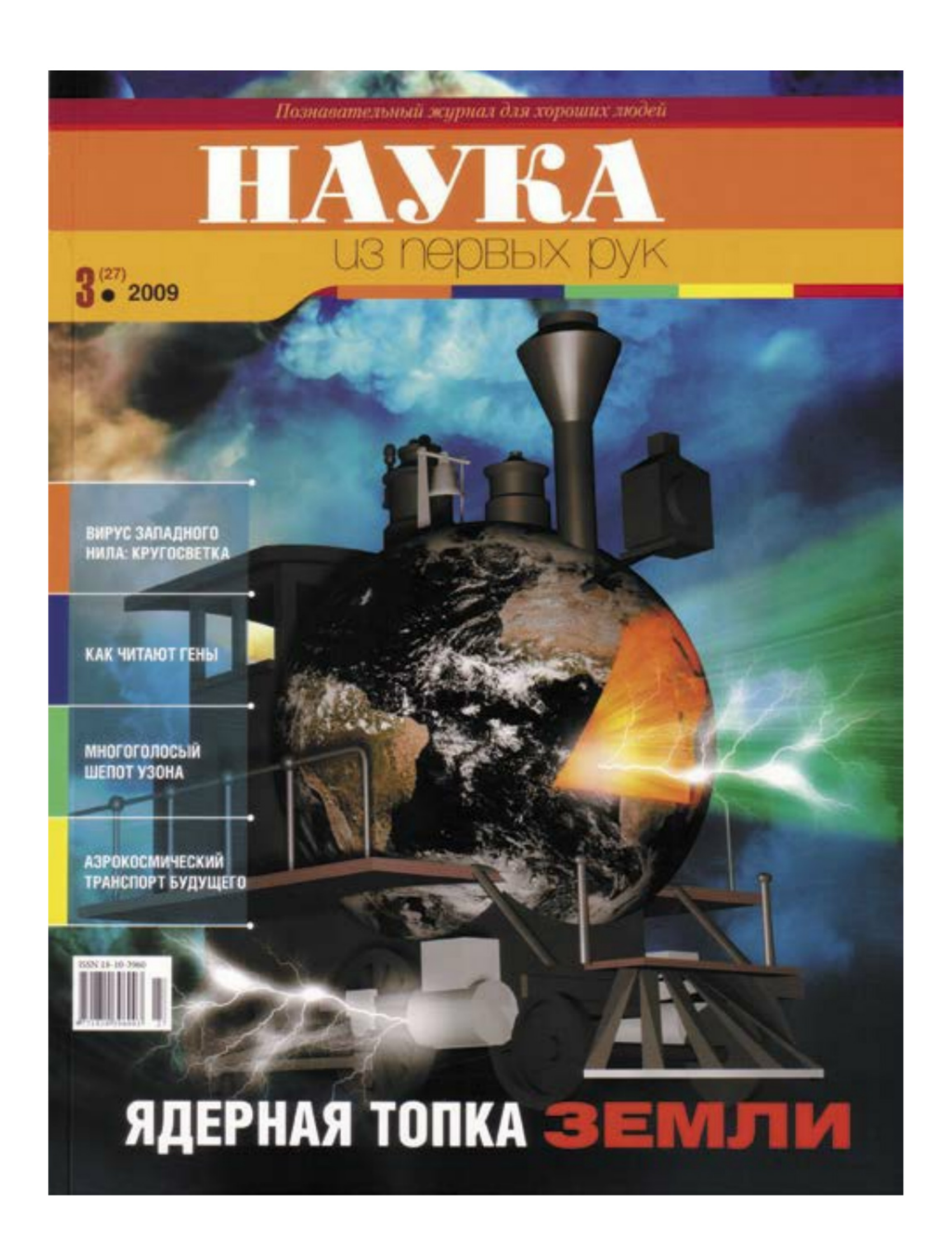
вклад в сохранение и развитие генетики и селекции и подготовку высококвалифицированных кадров.

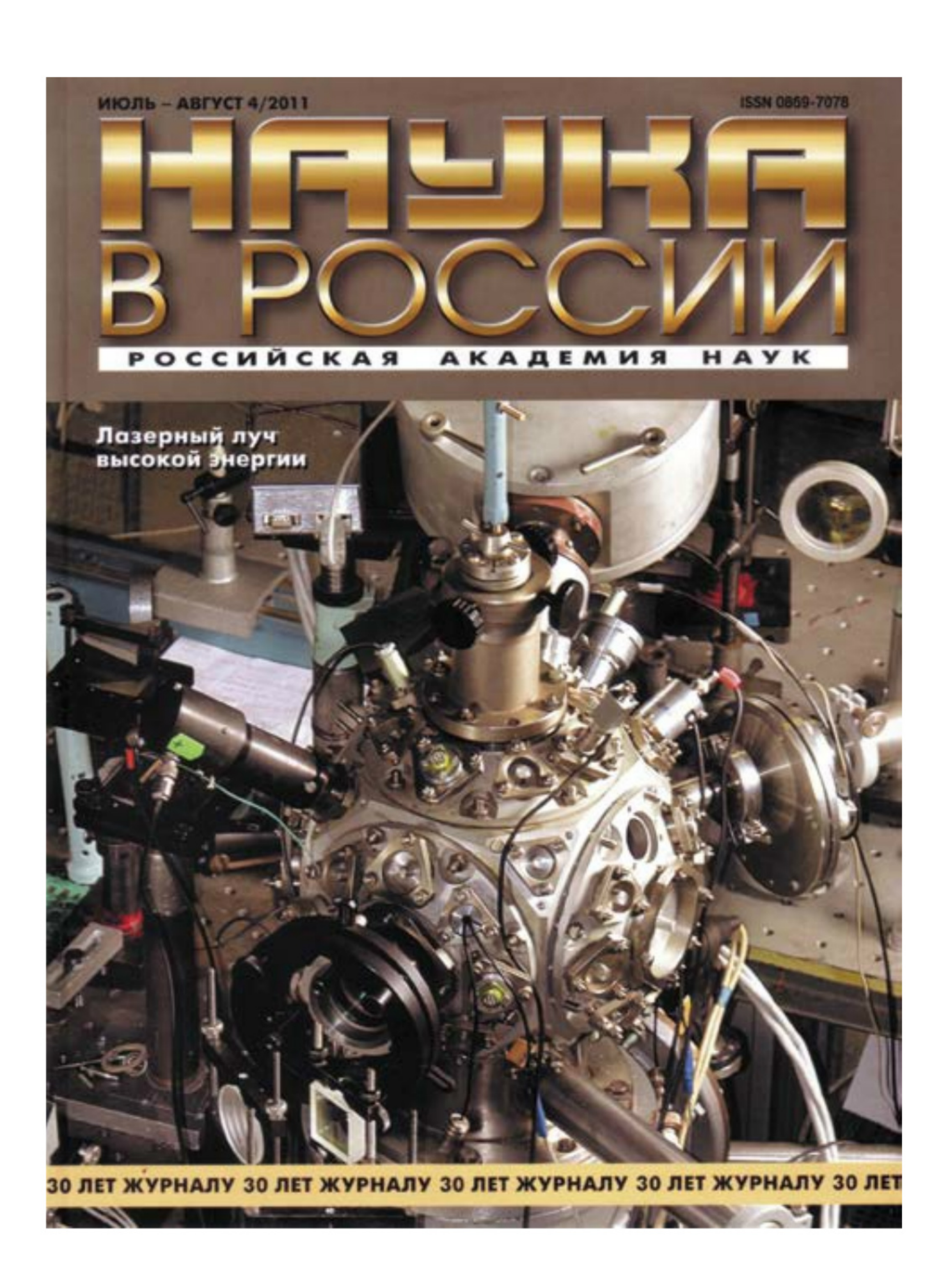
«Ровно через месяц после вручения наград, – пишет О.Г. Строева, – 26 декабря 1990 г. вечером, когда Иосиф Абрамович возвращался с работы домой, его сбил грузовик. Он получил ужасные травмы, но сознания не терял. Его страдания продолжались неделю. В отделении реанимации московской 1-й Градской больницы он ушел из жизни в 8 часов утра последнего дня 1990 г. <...> Он был похоронен на Троекуровском кладбище. Ему были отданы последние воинские почести…»

Академик Гарри Абелев (1928–2013), сам выдающийся отечественный биолог, так отзывался о своем коллеге: «Имя Иосифа Абрамовича Рапопорта в нашей науке, и не только биологической, пользуется особым уважением. Учёный нобелевского ранга, герой Отечественной войны, гражданин, в одиночку выступивший против мракобесия, вопреки всеобщему безумию и прямого указания Сталина, – другой такой судьбы в нашей науке нет».

Ольга Георгиевна Строева
Иосиф Абрамович Рапопорт, 1912-1990 / отв. ред. В.Г. Митрофанов. – М.: Наука, 2009. – 213 с., 12 с. вкл. – (Серия «Научно-биографическая литература»). 22,2 x 14,7 см. Тираж 830 экз. Издательский переплет.

Познавательный журнал для хороших людей
НАУКА
из первых рук
3 (27) • 2009
ВИРУС ЗАПАДНОГО НИЛА: КРУГОСВЕТКА
КАК ЧИТАЮТ ГЕНЫ
МНОГОГОЛОСЫЙ ШЕПОТ УЗОНА
АЭРОКОСМИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТ БУДУЩЕГО
ЯДЕРНАЯ ТОПКА ЗЕМЛИ

ИЮЛЬ – АВГУСТ 4/2011
ISSN 0869-7078
НАУКА
В РОССИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Лазерный луч
высокой энергии
30 ЛЕТ ЖУРНАЛУ 30 ЛЕТ ЖУРНАЛУ 30 ЛЕТ ЖУРНАЛУ 30 ЛЕТ ЖУРНАЛУ 30 ЛЕТ

Георгий Демидов. Оранжевый абажур (2009)

конце 1920-х годов одно за другим, инспирированные Наркоматом внутренних дел (НКВД), в СССР прошли громкие политические процессы над представителями научно-технической интеллигенции и учеными.

В 1928 году – «Шахтинское дело» (группа инженеров была обвинена в организации диверсий на угольных шахтах; пятеро из них приговорены к смертной казни, шестеро – к пожизненному заключению, еще 38 человек получили тюремные сроки до 10 лет). В 1929 году началось так называемое Академическое дело (под предлогом того, что сотрудники Академии наук забаллотировали принятие в академию коммунистов, проведена чистка академии и ее «коммунизация»; только академиков и членов-корреспондентов АН СССР было арестовано около 100, из них 44 – расстреляны). В конце 1930 года начался процесс Промпартии – восемь ведущих отечественных инженеров обвинялись в том, что они участвовали в заговоре с целью свержения советского правительства. По подсчетам историков, в СССР в то время было примерно десять тысяч дипломированных инженеров; 30% из них были подвергнуты репрессиям – арестованы и отправлены исправительно-трудовые лагеря.

Игарка. Памятник узникам ГУЛАГа – строителям железной дороги в Заполярье.
Фото Владимира Захарина

И все это – только прелюдия перед 1937 годом.

Именно о том, как власть, следуя вымороченной идеологии параноика, превращала в тюремное месиво научно-техническую элиту страны, и рассказывает Георгий Георгиевич Демидов в трех своих повестях. О методах такого превращения дает представление второстепенная деталь, брошенная Демидовым как бы «по касательной»: «Недавно в камере было сделано удивительное открытие. Оказалось, что грязь и пот, скопившиеся на теле и одежде до невероятной, почти неправдоподобной степени, обладают и одним положительным свойством – способностью убивать насекомых. Вши исчезли начисто. Все до единой они были убиты выделениями человеческой кожи, оказавшимися в такой концентрации смертельными даже для них».

Фабула повестей проста и, формально говоря, однотипна: доблестные стражи революции, сотрудники НКВД, разоблачают и обезвреживают контрреволюционеров, врагов народа. «Численность кадров внутренней контрреволюции, – рассказывает своим сокамерникам один из героев повести «Фонэ квас», сам бывший прокурор, – определяется, приблизительно, исходя из сталинского тезиса, что эти кадры вербуются из числа обиженных властью людей. <…> Подчеркивалось при этом, что необходимо помнить о главном свойстве наиболее злобных врагов. Являясь как бы бомбой замедленного действия, они до поры не только не выявляют себя какими-либо враждебными высказываниями или действиями, но, наоборот, стараясь заручиться наибольшим доверием советских людей, нередко работают очень хорошо. Нужен был орлиный взгляд вождя и учителя, чтобы усмотреть в этом главный опознавательный признак врага, особенно когда он сочетается с сомнительным социальным происхождением. Гениальное сталинское откровение должно быть принято на вооружение как специальными органами НКВД, так и всеми бдительными советскими гражданами... <…> Критерием умения и усердия органов НКВД на местах является отныне только конечный результат их деятельности, то есть количество выявленных и обезвреженных врагов народа. Контрольные цифры по республи-

кам и областям намечены самим Ежовым, хотя отнюдь не в форме официального документа…»

«Демидов взялся с толстовской дотошностью описывать трех героев “повестей о тридцать седьмом”: высококвалифицированного и талантливого, с незаурядным светлым умом и рефлекторным чувством собственного достоинства инженера Трубникова, эмигранта из старинного дворянского рода, вернувшегося из Германии на родину – в Ленинград; сына нэпмана и выдающегося инженера-энергетика (почти самоучкой освоившего физику, математику и электротехнику) в южном городе Рафаила Львовича, не склонного, в отличие от Трубникова, размышлять над общими вопросами; выпускника Юридического института, молодого прокурора Корнева, назначенного в 1937 году прямо со студенческой скамьи осуществлять прокурорский надзор», – отмечает автор предисловия к книге филолог Мариэтта Чудакова.

Мемориальная доска на доме в Ухте, где жил Г.Г. Демидов

Думается, в сравнении прозы Демидова с толстовской нет никакой натяжки. «Новое литературное качество, принесенное Демидовым в отечественную словесность, придает особую силу сообщаемому в его повестях знанию об истории России XX века», – пишет Чудакова. Читать повести Демидова эмоционально тяжело. Все рассказанное в них – противно нормальной природе человека. И, тем не менее, все это – правда.

Георгий Георгиевич Демидов родился в многодетной семье рабочего из Петербурга в 1908 году. Одаренность его к физико-математическим наукам проявилась рано. Поступает в Харьковский университет на физико-химический факультет. Уже в 21 год он получил свой первый патент на изобретение. С третьего курса его забирает к себе в лабораторию заведующий теоретическим отделом Украинского физико-технического института (УФТИ), будущий нобелевский лауреат Лев Ландау. В итоге вместо диплома Демидов сразу защищает кандидатскую диссертацию.

Историк физики Б.С. Горобец в книге «Ядерный реванш Советского Союза» (Москва, 2014) так описывает события, происходившие в то время в физико-техническом институте. «В 1936 году в УФТИ разгорается горячая борьба между сторонниками сохранения открытости института и свободной гражданской тематики исследований, за что ратовали Ландау и его сторонники, с одной стороны, и сторонниками выполнения правительственных заданий, связанных с засекречиванием тематики (радиолокация, авиаматериалы и пр.) и ужесточением режима, с другой стороны, что отстаивала дирекция института и часть сотрудников. В УФТИ в 1937 г. происходят аресты нескольких ведущих научных работников. Ландау принимает решение покинуть Харьков и устроиться на работу в ИФП <Институт физических проблем> к Капице. Год спустя, в апреле 1938 г. Ландау арестовывают по доносу за участие в изготовлении антисталинской листовки. Но еще год спустя академик П.Л. Капица добивается через Молотова и нового наркома НКВД Берия освобождения Ландау под его личное поручительство».

Именно эти события находят свое отражение в повести «Оранжевый абажур», хотя Демидов и не называет город, в котором происходит действие: «В физико-техническом происходило теперь то же, что и всюду, – арестовывали людей. Если человек не являлся утром на работу, сотрудники молча переглядывались, кто-нибудь спускался в вестибюль и украдкой смотрел на табельную доску. Если жетон был на месте – не исключалась болезнь и другие житейские причины неявки. Но если исчезал и жетон, никаких разговоров и расспросов об этом человеке быть не могло.

Последняя волна арестов прокатилась по институту месяц назад. Тогда в одну ночь исчезли все ученые-немцы, бежавшие в СССР из гитлеровской Германии. Года три как эти ученые приняли советское подданство. В институте тогда устраивались торжественные вечера, им подносили подарки, адреса и цветы. Все иммигранты получили хорошие квартиры и условия для научной

работы. А теперь арестовали даже их жен. Даже ту, русскую, которая вышла замуж за одного из немцев уже здесь года два назад».

В феврале 1938 года арестовывают и Демидова. Осуждают на восемь лет колымских лагерей. Думается, во многом автобиографичны и размышления главного героя повести «Оранжевый абажур», физика Алексея Трубникова: «Ведь хватают, как правило, самых ценных и нужных стране людей. Вот и в их институте почти все арестованные – талантливые и эрудированные ученые и инженеры. Напрашивается нелепый, но несомненный пока вывод – деловая ценность и есть тот главный признак, по которому отбираются жертвы НКВД. <…>

Алексей Дмитриевич не строил никаких теорий. Точнее, его ум ученого, привыкший оперировать логическими категориями и точными данными, оказывался бессильным разобраться в хаосе противоречивых фактов и их бессмысленности. Но если он и раньше угадывал в политике репрессий чью-то твердую злую волю и чей-то последовательный, хотя и низкий, ум, то сейчас в их существовании Трубников более не сомневался. Вакханалия беззакония, несомненно, имеет своего разумного дирижера. И все его действия направлены на достижение какой-то темной и определенной цели.

Главный практический вывод из этого положения состоял в том, что всякая надежда на обратный ход событий является иллюзорной. Дирижер, несомненно, обладает громадной властью. Нет ни малейших оснований думать, что существуют силы, способные заставить его изменить проводимую в стране политику.

Значит, не должно быть места и для надежды, которая есть не что иное, как ощущение возможности, что желаемое совершится. Если же это ощущение заведомо ложно, то надежда не более как самообман слабых духом, извечная мать дураков. Прежняя догадка сменилась теперь положительным знанием, что выйти отсюда, спасти себя, даже ценой любых уступок ежовскому следствию, – невозможно. Но можно думать, что при правильном поведении дело ограничится потерей нескольких лет жизни, после которых все опять войдет в какую-то приемлемую колею».

В лагере на Колыме Демидов познакомился с Варламом Шаламовым и впоследствии стал прообразом героя шаламовского рассказа «Житие инженера Кипреева». Вместе им довелось провести два года. Инженерно-физическое образование Демидова проявилось и здесь: невероятно, но он сумел организовать мастерскую по восстановлению перегоревших осветительных ламп! Шаламов позднее писал: «Что же касается моих многих наблюдений, то самым умным и самым достойным человеком, встреченным мной в жизни, был некто Демидов, харьковский физик». Сам Георгий Демидов говорил, что еще в лагере поклялся выжить во что бы то ни стало, чтобы описать этот ад. Без нарочитого пафоса, сильным, ясным русским языком. Например, так, как он это делает в повести «Два прокурора», рассказывая о короткой судьбе молодого прокурора Михаила Алексеевича Корнева, попавшего сразу в мясорубку НКВД.

«Заключенный Корнев оказался более живучим, чем казался на вид, и более работоспособным физически, чем большинство интеллигентов, осужденных на каторгу. Он погиб только на пятом году своего заключения, угодив под очередное обрушение на колымском руднике "Оловянный". Свое название этот рудник получил от высокой угрюмой сопки, в недрах и на поверхности которой расположились его бесчисленные ходы, траншеи, шахты и "добычные" забои. <…> Невозможно было бы указать хотя бы приблизительно и место захоронения заключенного, погребенного в распадке, носившем некогда неофициальное название Труба. Общая длина траншей, в которых хоронили здесь умерших, измеряется не одним десятком километров, а лагерные архивы, в которых хранился план этого кладбища, давно уже уничтожены. Да и кому это нужно, если говорить о каком-то начинающем юристе, наивно воображавшем по молодости, что закон в "государстве Сталина" является Законом, а не средством прикрытия беззакония. Близких у этого человека не было, на память же потомства он и подавно претендовать не может, так как не совершил в своей короткой жизни ничего выдающегося».

Мариэтта Чудакова очень точно формулирует это состояние человека, попавшего в 1937 году в лагерь по сфабрикованному обвинению во вредительстве или измене родине: «…жизнь длится, но биография окончена». А сам Демидов весь жестокий абсурд этих обвинений передает в повести «Фонэ квас» через мучительные размышления в тюремной камере главного энергетика крупной энергосистемы Рафаила Белокриницкого: «Вредительство… Неужели и в самом деле есть люди, способные выполнять

свое дело не наилучшим образом и даже не как-нибудь, а именно наихудшим? Психология подобных людей казалась Рафаилу Львовичу противоестественной, недоступной пониманию человека с нормальной психикой». (Кстати, название повести, некий местный жаргонизм, можно перевести как наивный «лопух».)

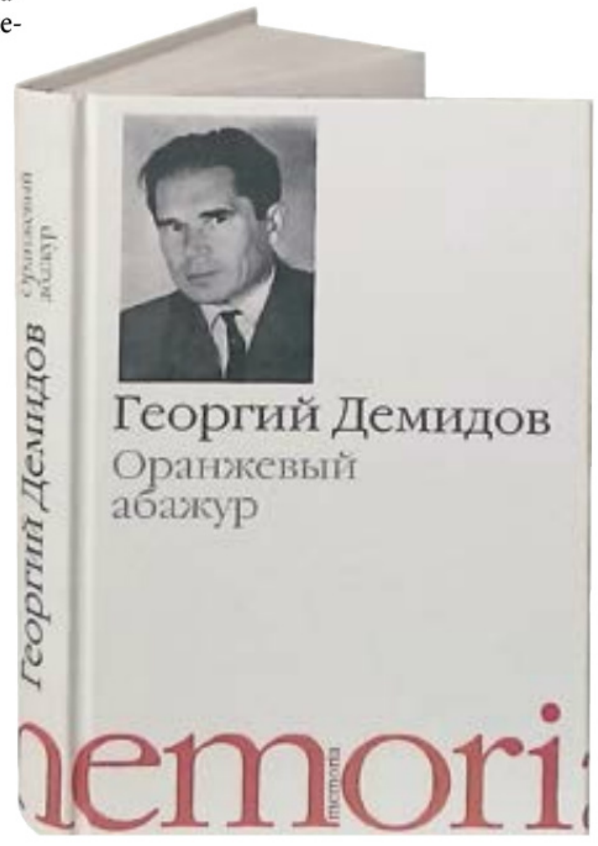
В 1946 году Демидова должны были освободить. Но вместо этого он получает второй срок, десять лет, – за то, что назвал Колыму «Освенцимом без печей». В 1951 году вышел из лагеря на положение ссыльного. Реабилитирован в 1958 году. После реабилитации жил в Ухте, а выйдя на пенсию – переселился в Калугу.

В одном из писем жене и дочери Демидов напишет: «Я хочу внести свою лепту в дело заколачивания осинового кола в душу и память сталинского режима…» А в авторском предисловии к сборнику «Оранжевый абажур» Георгий Демидов совершенно четко определит, в чем должна выражаться эта лепта:

«Почвой, на которой возникают режимы наподобие сталинского в СССР или маоцзедуновского в Китае с их единоличной диктатурой, опричниной и полнейшим пренебрежением к правовым и этическим нормам, является гражданская незрелость народа. На определенных стадиях его развития она неизбежна и закономерна. Но продлеваемая и выпестовываемая искусственно, такая незрелость переходит уже в гражданский инфантилизм, а пораженный ею народ превращается в коллективного политического недоросля, не способного отличить Право от Бесправия. Среди способов консервации этого состояния ограждение народа от исторической Правды занимает одно из первых мест. Так, наверное, будет не всегда. Всего вероятнее, что ко времени, когда запрет с этой темы будет снят или просто изживет себя, уже не останется ни одного из ее свидетелей. Их поколение быстро исчезает. Но оно может и должно оставить о своем времени письменные свидетельства, в том числе и облеченные в форму литературных произведений». Под этим предисловием стоит дата создания – «1960–1964».

Георгий Георгиевич, конечно, понимал, что находится под постоянным вниманием КГБ, даже после реабилитации. И все-таки продолжает методично литературный труд. Пять экземпляров своих сочинений, перепечатанных на машинке, он передает друзьям в разных городах на хранение. Однако в 1980-м по всем этим адресам были произведены обыски, и все рукописи (пять томов) изъяты и засекречены в архивах КГБ. А тут случается еще одно несчастье: во время пожара на даче под Калугой сгорели все черновики рукописей. В 1987 году Георгий Демидов скончался, не увидев напечатанной ни одной своей строчки.

В начале 1988 года дочери Георгия Демидова все-таки удается добиться возвращения изъятых в 1980 году рукописей отца. На авантитул книги, представленной в «Библиохронике», вынесены слова: «Семья Демидова и Московское историко-литературное общество "Возвращение" посвящают эту книгу светлой памяти Александра Николаевича Яковлева, благодаря которому изъятый писательский архив Георгия Демидова был возвращен его дочери».

Георгий Георгиевич Демидов (1908–1987)
Оранжевый абажур. Три повести о тридцать седьмом / публикация В. Демидовой. Москва: Возвращение, 2009. – 376 с. 21,2 х 14 см. Тираж 3000 экз. Издательский картонажный переплет.

КОМПЬЮТЕРРА

компьютерный еженедельник

11.12.07

#46 (714)

НАУКА КАК ШОУ

ПИАР НАУКИ И ХАЙТЕКА

СПЕЦВЫПУСК 100 ЛЕТ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
В мире науки
SCIENTIFIC AMERICAN
12+
Ежемесячный научно-информационный журнал
www.sci-ru.org
11 2015
ЭЙНШТЕЙН
ЕГО ЖИЗНЬ, ЕГО КРИЗИСЫ, ЕГО МЕЧТЫ
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ ВО ВРЕМЕНИ
КАК ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ИЗМЕНИЛА ПРАВИЛА НАШЕЙ РЕАЛЬНОСТИ
ЧТО ОН СДЕЛАЛ НЕПРАВИЛЬНО
НОВАЯ ПОПЫТКА СОЗДАТЬ ТЕОРИЮ ВСЕГО

Сергей Вавилов. Дневники 1920, 1935–1951 (2012)

Дневники Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951), физика-оптика, президента Академии наук СССР (1945–1951), организатора и историка науки, хранились в семейном архиве. Никогда не предназначались для печати, да и не могли еще лет тридцать назад быть опубликованными. Слишком другая история, слишком другие портреты известных людей, с которыми сталкивала жизнь Вавилова, в этих записях. Только в конце прошлого века по решению сына С.И. Вавилова – Виктора Сергеевича, его супруга Валерия Васильевна Вавилова начала подготовку к изданию этих дневников. Эту работу активно и профессионально поддержал Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Пожалуй, это лучшая книга на русском языке в жанре (жанрах) научно-документальном, художественно-научном, научной автобиографии и проч., и проч. Добавьте к этому высококлассную академическую подготовку издания (совсем уж чудо для современных книг – вклеенный листочек с замеченной опечаткой, вернее – с уточнением). Выверенный, вычитанный, «вылизанный» до звездочки в примечании текст. Работа составителя и редактора – колоссальная.

С.И. Вавилов в лаборатории ГОИ с Б.Я. Свешниковым. 1946 г.

С.И. Вавилов в лаборатории ГОИ с З.М. Свердловым

Функция примечаний – компенсировать вольные или невольные «мутации» текста, аберрации памяти… Таким образом, в примечаниях упакована чистая история. Тонкая настройка, ультравыверенная версия истории – примечания к примечаниям. Так движется история. В шестисотстраничном томе увеличенного формата все это присутствует в полной мере. И это впечатляет.

Но еще больше впечатляет смысл текста. Думается, неслучайно составители начали издание дневников С.И. Вавилова, которые в целом охватывают период с 1909 по 1951 год, именно со 2-го тома, включающего записи за 1920-й и 1935–1951 годы. (1-й том, дневниковые записи до 1920-го года, вышел весной 2016 года.) Если попытаться в двух словах передать впечатление от книги, то это – мизантропия и тоска естествоиспытателя в высокой степени концентрации.

И это никак не сочетается с официальным образом С.И. Вавилова. Даже с его каноническими фотопортретами: спокойный взгляд слегка утомленного мудреца; прическа – «купеческий» пробор посередине; забавные чарличаплиновские усики… И вдруг – неимоверной плотности эмоциональный посыл.

С.И. умер по собственному желанию, накликал, приговорил сам себя, сам себе внушил, что мертвым быть лучше: «…Скорее хочется в могилу, на вечный покой». И так – постоянно, начиная, примерно, с 1940 года. Именно 6 августа 1940 года арестован любимый старший брат – выдающийся генетик, академик Николай Иванович Вавилов.

В дневнике С.И Вавилова 13 августа 1940 года будет сделана запись:

«За эти дни столько перемен и самое жестокое несчастье. У брата Николая 7-го на квартире был обыск. Сам он сейчас во Львове. Значит, грозит арест, значит, рушится большая нужная жизнь его близких! За что? Всю жизнь неустанная бешеная работа для родной страны, для народа. Пламень работы, вся жизнь в работе, никаких других увлечений. Неужели это было не видно и не ясно всем! Да что же ещё нужно и можно требовать от людей! это жестокая ошибка и несправедливость. Тем более жестокая, что она хуже смерти. Конец научной работы, ошельмование, разрушение жизни

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 35

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

ДНЕВНИКИ 1909–1951

В двух книгах

Книга 2

1920. 1935–1951

МОСКВА НАУКА

2012

Сергей Иванович ВАВИЛОВ

близких. Всё это грозит… <…> Хорошо, что мать умерла до этого, и как жаль, что сам я не успел умереть. Мучительно всё это, невыносимо».

Три года Сергей Иванович, обладавший к тому времени уже немалым академическим (директор двух академических институтов – Государственного оптического и Физического института АН СССР), да и государственным весом (уполномоченный Государственного Комитета обороны по оптической промышленности), несмотря на все попытки, так и не смог получить достоверной информации о судьбе брата Николая. Только в 1943 году стало известно, что академик Николай Вавилов умер от истощения в тюрьме в Саратове…

Профессор Сергей Павлович Капица в 1990 году очень верно описывает состояние С.И. Вавилова в то время:

«Трагична судьба Н.И. Вавилова, четко предвидевшего результат правления Шариковых и Швондеров разного рода, однако и жизнь его брата С.И. Вавилова была также сложной. Назначенный через три года после гибели брата Президентом Академии наук, Сергей Иванович неизбежно стал свидетелем, если не инструментом разрушения науки, преследования ученых, которому он, как мог, противостоял, связанный в то же время своим положением. Мне памятен рассказ об ужине, на который в дом Вавиловых в районе Арбата неожиданно были приглашены мои родители. Отца поразила абсолютная откровенность, с которой Сергей Иванович говорил о судьбах науки и культуры, о том, что происходит в стране, откровенность тем более удивительная для сдержанного, даже замкнутого человека. Все знали, что большая столовая, где они вчетвером ужинали, прослушивалась. Через несколько дней Сергея Ивановича не стало. Он умер в 1951 году 60 лет от роду, не дожив до Нобелевской премии, которую он получил бы в 1957 году вместе со своим учеником П.А. Черенковым. Открытие и истолкование излучения, которое нам известно как излучение Вавилова – Черенкова».

Тут надо пояснить, что отец С.П. Капицы, академик Петр Леонидович Капица, хотя и хорошо был знаком с С.И. Вавиловым, но взаимной симпатии друг к другу, судя по всему, они не испытывали. Чего стоит, например, одна только запись в дневнике Вавилова от 7 декабря 1941 года: «Ставший придворным академиком Капица рассказывает почтительнейшим голосом о благоволении к Академии в Куйбышеве <В Куйбышеве (ныне – Самара) с 15 октября 1941 года находилось советское правительство>. Странная mixtum compositum. С одной стороны, несомненно остроумный конструк-

С.И. Вавилов. Узкое, 1947 г.

тор-физик, оригинально и здорово до конца решающий самые трудные вещи, а с другой – аморальность, бестактность, глупость и наивность. Противоречия-то тут нет, но все же сочетание маловероятное».

Но все это будет немного позже. А пока…

В 1935 году (С.И. Вавилову – 44 года), в командировке в Европе по оптическим делам и в связи с подготовкой 7-томного собрания сочинений Исаака Ньютона в СССР (так и не было осуществлено). Вот некоторые записи.

Про столицу Франции: «Париж совершенно некрасив. Все эти Palais, начиная с Лувра, огромны, роскошны, но ужасно не талантливы. Куда же в архитектурном отношении Парижу до Ленинграда! Но в этой некрасоте – естественность и страшная ловкость. Завидно!»

Про Рим: «Думаю, что здесь легче умирать, чем где-либо, непрерывная вековая линия так ясна».

Про Брюгге: «Здесь можно красиво умереть».

В 48 лет запишет: «Хотелось бы прожить последние годы медленно и мудро».

Особая «статья» – академический быт во время войны в Казани, Йошкар-Оле, Свердловске, куда были эвакуированы академические институты физического и естественно-научного профиля. В Казани же и в Свердловске – президиум и президент Академии наук СССР… Такой войну мы еще не знали (нам никто про нее так не рассказывал): «…безысходная трагедия живого вещества». Непередаваемо щемящее чувство. И все-таки С.И. удается его выразить. Наверное, потому, что специально к этому не стремится. «Состояние уставшей статуи» – типичная его дневниковая строчка того времени.

Все записи – «Вернулся из Казани» (в Йошкар-Олу, куда был эвакуирован из Ленинграда Государственный оптический институт, в котором директорствовал С.И.); «Собираюсь в Казань, как на танковую битву». Никогда – «Приехал в Казань». По-видимому, академическая обстановка в Казани не располагала к утонченной рефлексии: «Ни одного “философа”, все одни зверьки, интриганы, готовые на что угодно из-за подачек, супов с гусем или премий».

Не щадит никого. Вот, о Горьком, например: «…вековечное толчение воды в ступе». О певце Иване Козловском: «…самый моветонный тенор». О философии вообще: «Одна эстетика».

К своим коллегам-ученым – еще более жесткое отношение. Об академике Отто Шмидте: «“Борода” – самый чувствительный и безинерционный флюгер и термометр…». Об академике Абраме Иоффе: «…старая лиса», «“Христосик” – Иоффе». Опять – о П.Л. Капице: «Стычка с глупым и наглым Капицей в “ньютоновской” комиссии. Человек без всякого чувства истории, зверь-изобретатель»; «Сессия физико-математического отделения прошла шиворот-навыворот. Доклад “Принципы спектрального преобразования света”, к которому я долго готовился, вышел как об стену горох, безо всякой реакции. Жирный каплун Капица – спал, и другие в том же роде». Не щадит, впрочем, и себя: «Оцениваю себя в науке. Совсем мало и слабо. <…> убеждаюсь в собственной бездарности». (Это пишет человек, который не дожил буквально семь лет до своей заслуженной Нобелевской премии).

«Густота» мизантропии зашкаливает: «…соединение меди и всякой дряни в радиоприемнике…». Метеорология и медицина, по Вавилову, – «цыганские науки… Там, где статистика, такие псевдонауки возможны». Про своего любимого героя – наравне с Ньютоном – Леонардо да Винчи: «…осуществленная связь искусства и науки, погубившая то и другое». Такое, кстати, мог ска-

зать (и подметить) только ученый, физик. Недаром, по мнению С.И., естествознание следует рассматривать как «приобретенную способность владеть “космической” системой координат». Наука – биологическое приспособление наряду с глазами, ушами и прочим.

Но… «Натурфилософ в четырех стенах – чепуха, в лучшем случае одна математика». И при этом абсолютно точно отмеченное качественное изменение состояния мировой науки после Второй мировой войны: «В теперешнем состоянии наука совсем не то, что искусство и футбол. Ее роль такая же, как армии. Жутко».

16 декабре 1945 года – характерная запись: «Дома выжимаю из себя статью для агитационной брошюры о науке. Подумать и стать собою некогда. Боюсь каждого звонка, визитера, гостя. Из субъекта стал объектом». Учтите, это пишет человек, который вот уже пять месяцев – президент Академии наук СССР.

Что остается? Память, архивы, книги – «тонкая нить ничтожной вероятности людей сделаться богами. <…> Вот это попадание в архив и есть псевдобессмертие». И, как итог, – «испарение памяти»…

Больше всего почему-то поражает одна строчка из дневников С.И. Вавилова. Дата – воскресенье, 9 сентября 1945 года: «Осень. Холодно. Грибы. Читал Лукреция – тоже страшно холодно – это 2000 лет тому назад. Застарелая болезнь».

Вавилов Сергей Иванович (1891–1951)
Дневники, Кн. 2; 1920, 1935–1951 / (Серия Научное наследство; Т. 35: в 2 кн.). Сост. В.В. Вавилова; ред.-сост. Ю.И. Кривоносов; отв. ред. В.М. Орёл. – Москва: «Наука», 2012. 605 с., илл. 24х17 см. Тираж 500 экз.

12
VOKRUGSVETA.RU
ВОКРУГ СВЕТА
КАК ПОЯВИЛИСЬ УНИВЕРМАГИ
ЧЕМ ВОЮЕТ ПОЛИЦИЯ
ЖАННА Д'АРК: ЕРЕТИЧКА ИЛИ ВЕДЬМА
ЖУРНАЛ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
СТР. 154
ЦЕННОСТИ АРКТИКИ
12+

Я знаю, что я ничего не знаю
№9 (21) | сентябрь 2013
дилетант
исторический журнал для всех
Формула Шумахера
1660
Из России – с камуфляжем
Робеспьер: да или нет?
Academia. Жизнь после смерти
ISSN 2226-6887

82

25 лет полету многоразовой космической системы «Энергия-Буран»: Сборник архивных документов. (2014)

«Мы неудачников вялое племя
Болтаем о бабах, хоккее, вине.
Рисуем бумажки, а в это время
Американцы летят к Луне».

Этот юмористический стишок, появившийся в новогодней стенгазете в самом начале 1970-х, принадлежал коллективному авторству сотрудников 11-го отделения головного ракетно-космического центра ЦНИИМАШ Министерства общего машиностроения СССР. Время было такое. Американцы триумфально завершили свою лунную программу и начали проектировать многоразовый космический «челнок» – ракетно-космическую систему Space Shuttle с многоразовым орбитальным кораблем, возвращающимся на Землю, как самолет. А в СССР к тому времени стало ясно, что отечественная лунная программа зашла в тупик после серии неудачных пусков 3000-тонной ракеты «Н1». Отсюда – эта тоска по высоким технологиям у отечественных ученых и инженеров:

«Что-то случилось в нашей системе.
Газеты кричат о вьетнамской войне.
Ругается Зорин, а в это время
Империалисты сидят на Луне».

Стенгазету положили на стол к Дмитрию Федоровичу Устинову, отвечавшему в то время в Политбюро ЦК КПСС за так называемую «девятку» – оборонные отрасли промышленности. Сохранились свидетельства, что произошло это в половине двенадцатого ночи. (По сталинской привычке Устинов работал по ночам.) На вопрос Устинова: «Какие меры приняты?» – был ответ: исключили из партии, сняли с должностей, с очереди на жилье, уволили... Сообщили Устинову и о подготовке по приказу И.И. Сербина, отвечавшего за идеологию в оборонных отраслях, показательного судебного процесса.

Последовали два распоряжения Устинова. Первое: «Нам не нужны процессы в оборонке, как в 37-м году. Давайте, сворачивайте репрессии». Второе: «Уж если эти мальчишки понимают, как плохо дело, то следует принимать меры. В четверг жду предложений от двух министерств с рекомендациями об объединении тематики с авиастроением, о создании целевых объединений и подготовке постановления ЦК и Совмина».

Последовавшая цепочка событий завершилась 15 ноября 1988 г., в разгар перестройки. Авторы-составители представленного в «Библиохронике» уникального сбор-

В.Г. Титов на тренировке в условиях невесомости. Апрель 1982 г.

ника документов пишут об этом сухо и сжато: «Ракета-носитель “Энергия” с Орбитальным кораблем “Буран” стартовала с космодрома Байконур. Общее время полета ОК “Буран” составило 206 минут. Орбитальный корабль совершил почти два витка вокруг Земли. Вход в атмосферу прошел штатно. В ходе полета в атмосфере датчики в носовой части фюзеляжа зарегистрировали максимальную температуру 907°С. Орбитальный корабль “Буран” коснулся посадочной полосы в расчетной точке при скорости 260 км/час и остановился, пробежав всего 1620 м. Впервые в мировой практике орбитальный корабль произвел полностью автоматическую посадку по-самолетному, причем в неблагоприятных условиях, когда порывы ветра у земли достигали 17 м/с.

Многоразовая космическая система (МКС) “Энергия-Буран” совместно с создаваемой многоразовой авиационно-космической системой (МАКС) предназначалась для проведения в космосе многоплановых операций, в том числе в военных целях. ОК “Буран” обеспечивал доставку на околоземную орбиту до 30 тонн и возвращение на Землю до 20 тонн полезного груза. По аэродинамической схеме ОК “Буран” представлял собой моноплан с низкорасположенным крылом, выполненный по схеме “бесхвостка”. Корпус корабля в целом был негерметичным, но в носовой части находилась герметичная кабина объемом 70 м3, в которой мог располагаться экипаж в количестве 6-ти человек.

Двенадцатилетняя программа создания МКС “Энергия-Буран” была одной из самых масштабных и триумфальных в истории советской пилотируемой космонавтики».

Документальному сопровождению всей этой 12-летней программы и посвящен сборник: «…конечным критерием доказательности исторического факта всегда является публикация документа. Документ – основа истории, ее фундамент. Конечно, в документах иногда встречаются ненамеренные ошибки, намеренные утаивания фактов или, что хуже, обнаруживаются случаи фальсификации документов с теми или иными корыстными целями, что еще более усиливает уровень «шума» <…>. Но, к счастью, космическая отрасль, в которой любая ошибка или неточность могли привести к катастрофе, была образцом четкости и точности. Поэтому первая публикация документов дает вполне адекватную информацию.

Лозино-Лозинский Глеб Евгеньевич – многоразовая ТКС МАКС. 7 декабря1994 г.

Исследователям, занимающимся историей программы «Энергия-Буран», Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина делает щедрый подарок – россыпь ранее неизвестных, рассекреченных документов, на которых не просто текст, номера, даты, имена, а факсимильное их воспроизведение со всеми пометками, резолюциями, печатями, придающими документальным свидетельствам аромат времени, а читателю – чуть ли не физическое ощущение прикосновения к ним людей, уже принадлежащих Истории <…>. В сборнике представлена в основном организационно-распорядительная документация и служебная переписка. Эта группа документов является обычно наиболее информативным источником для объективной оценки в истории науки и техники. При отборе документов для публикации составители руководствовались принципами информационной полноты документа и его новизны в качестве исторического источника. Отбирались оригиналы документов, в первую очередь, содержащие наиболее обобщенную информацию о процессе подготовки космонавтов к полету – планы, программы обучения и тренировок, отчеты и заключения по результатам их проведения, а также автографы космонавтов и конструкторов».

И.П. Волк, Л.Д. Кизим, В.А. Соловьев у тренажера КК «Союз», 1983 г.

Работы по созданию тяжелой транспортной космической системы начались в 1974 г. после назначения В.П. Глушко на должность главного конструктора Научно-производственного объединения «Энергия». Глушко предлагал разработку средств выведения для развертывания и обеспечения лунной базы. Однако Министерство обороны СССР интересовал проект, аналогичный американскому Space Shuttle. И тут надо сказать, что отечественные специалисты начинали не с чистого листа.

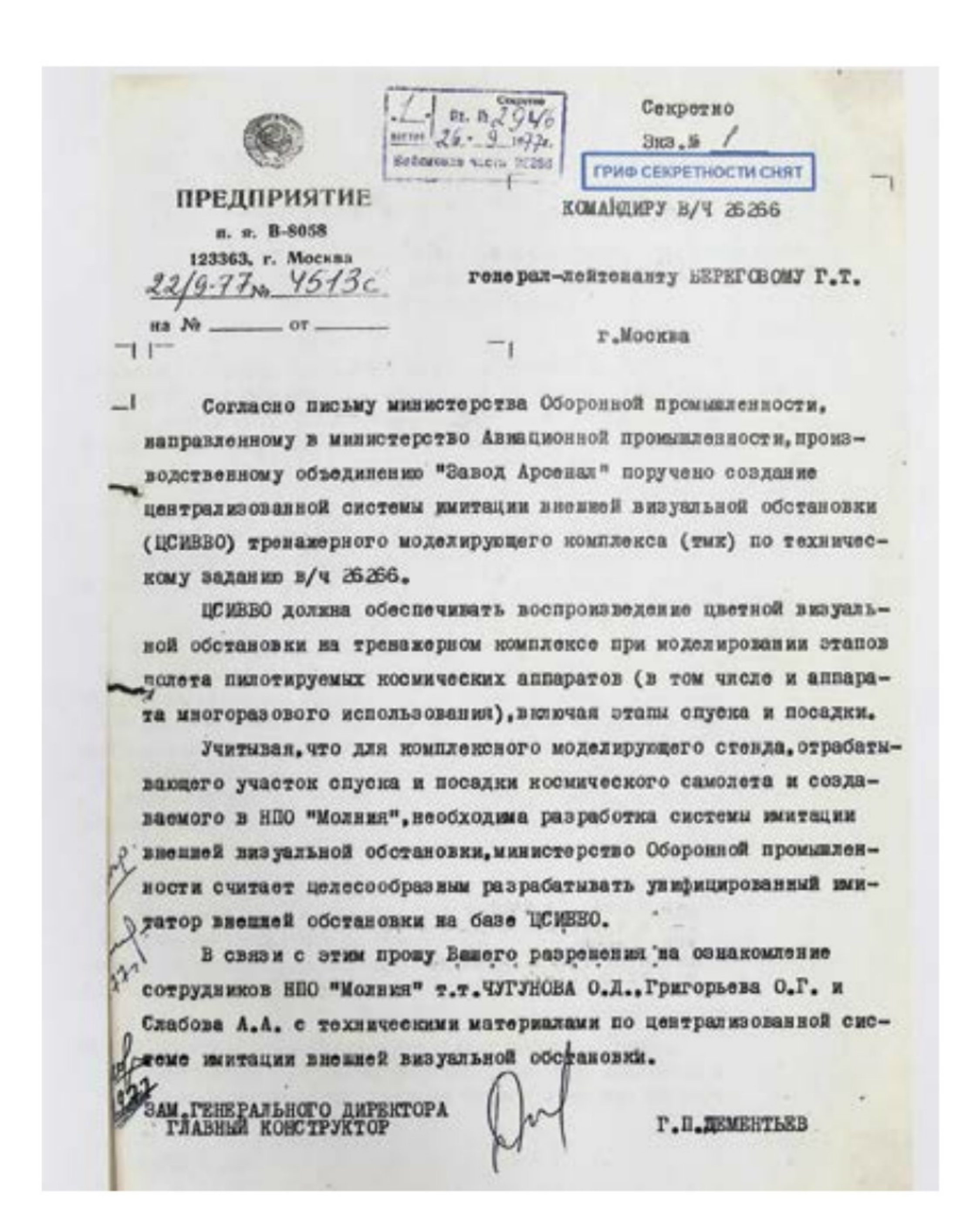
Академик Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского Юрий Константинович Казаров в своей статье «Детская смертность "Бурана"» («Независимая газета», 12 ноября 2003 г.) рассказал интересные и малоизвестные подробности о предыстории проекта «Энергия-Буран». Вот что он пишет. «В середине 1961 г. по инициативе генерального конструктора А.И. Микояна в ОКБ-155 Госкомитета по авиационной технике совместно с Военно-воздушной инженерной академией им. Н.Е. Жуковского и НИИ Минобороны СССР начались поисковые исследования в области противоракетной обороны (ПРО). Основу этой системы должен был составлять самолет-перехватчик Е-155 (МиГ-25) с подвесной ракетой класса "воздух-космос". Исследования проводились в строжайшей секретности из-за большой степени неопределенности ожидаемых результатов и поэтому регулярно докладывались лично А.И. Микояну.

Эти исследования закончились подтверждением принципиальной возможности выводить полезный груз с самолета типа МиГ-25 в заданную область и заданное время околоземного пространства с большой степенью вероятности, что еще не имело аналогов в мире. Этот способ выведения полезного груза в заданную область околоземного пространства был защищен авторским свидетельством СССР № 26293 с приоритетом от 17 июля 1962 г. (авторы: Н.Н. Завидонов, И.Е. Казаков, Ю.К. Казаров, В.С. Пугачев, В.И. Соколов, О.А. Чембровский).

Тогда-то и родилась идея: если увеличить энергетику такого летательного аппарата, то можно доставить космонавта на орбиту. В 1965 г. разработку аванпроекта ЛА под кодовым наименованием "Спираль" возглавил заместитель главного конструктора ОКБ-155 Министерства авиационной промышленности Глеб Лозино-Лозинский <…>.

В середине 1967 г. в Министерство общего машиностроения СССР поступил от ОКБ А.И. Микояна головной том аванпроекта "Спираль" с просьбой дать по нему заключение. Том содержал общие виды гиперзвукового самолета-разгонщика с закрепленным на нем сверху ракетопланом в пилотируемом варианте. Но проект "Спираль" не встретил поддержки со стороны ведущих специалистов отрасли и со стороны главного заказчика. Министр обороны СССР Маршал А.А. Гречко наложил резолюцию: "Это – фантастика. Нужно заниматься реальным делом". Это был vere dictum».

Между тем подготовка космонавтов по программе «Спираль» продолжалась с 1966 по 1973 год. А в 1968 г. космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов защитили дипломные проекты по воздушно-космическому самолету в Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского. Вообще, большинство документов в архивном сборнике, в том числе фотографий, касаются как раз подготовки экипажа «Бурана». Всего через эту систему подготовки к полету на орбитальном самолете «Буран» прошли 52 человека. О тщательности, и даже, если можно так сказать, изощренности методов этой подготовки говорит такой факт: «С целью оценки управляющих реакций летчиков после воздействия невесомости И.П. Волк, а затем и А.С. Левченко выполнили краткосрочные полеты на орбитальную станцию "Мир". Непосредственно после приземления на корабле "Союз" они садились за штурвал самолета Ту-154 и выполняли полет на аэродром базирования. По их оценкам невесомость незначительно влияла на операторские навыки».

Секретно
Экз.№ 1

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

Вх. № 2946
26.9.1977 г.
Войсковая часть 26266

ПРЕДПРИЯТИЕ
п. я. В-8058
123363, г. Москва
22/9-77 № 4513с
на № ______ от ______

КОМАНДИРУ В/Ч 26266

генерал-лейтенанту БЕРЕГОВОМУ Г.Т.

г.Москва

Согласно письму министерства Оборонной промышленности, направленному в министерство Авиационной промышленности, производственному объединению "Завод Арсенал" поручено создание централизованной системы имитации внешней визуальной обстановки (ЦСИВВО) тренажерного моделирующего комплекса (тмк) по техническому заданию в/ч 26266.

ЦСИВВО должна обеспечивать воспроизведение цветной визуальной обстановки на тренажерном комплексе при моделировании этапов полета пилотируемых космических аппаратов (в том числе и аппарата многоразового использования), включая этапы спуска и посадки.

Учитывая, что для комплексного моделирующего стенда, отрабатывающего участок спуска и посадки космического самолета и создаваемого в НПО "Молния", необходима разработка системы имитации внешней визуальной обстановки, министерство Оборонной промышленности считает целесообразным разрабатывать унифицированный имитатор внешней обстановки на базе ЦСИВВО.

В связи с этим прошу Вашего разрешения на ознакомление сотрудников НПО "Молния" т.т.ЧУГУНОВА О.Д., Григорьева О.Г. и Слабова А.А. с техническими материалами по централизованной системе имитации внешней визуальной обстановки.

ЗАМ.ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА
ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР Г.П.ДЕМЕНТЬЕВ

Как бы там ни было, 12 февраля 1976 г. выходит Постановление Правительства № 132-51 «О создании многоразовой космической системы в составе разгонной ступени, орбитального самолета, межорбитального буксира-корабля, комплекса управления системой, стартового, посадочного и ремонтно-восстановительного комплексов и других наземных средств, обеспечивающих выведение на северо-восточные орбиты высотой 200 км полезных грузов массой до 30 т и возвращения с орбиты грузов массой до 20 т».

«Ракета-носитель "Энергия" создавалась в НПО "Энергия", а на Министерство авиационной промышленности (МАП) была возложена задача создания планера орбитального корабля "Буран". Для выполнения этой задачи 26 февраля 1976 года было образовано специализированное предприятие – НПО "Молния", ставшее головным разработчиком планера ОК "Буран". В качестве основной производственной базы был выбран Тушинский машиностроительный завод. НПО "Молния" возглавил опытнейший конструктор Глеб Евгеньевич Лозино-Лозинский», – пишут авторы-составители сборника. По-видимому, был учтен уже имевшийся опыт работы Лозино-Лозинского по данной тематике.

В.Г. Корзун на тренировке по выживанию в пустыне. Мары, август 1989 г.

«Практически все, кто работал над проектом "Буран", считают, что им сказочно повезло быть рядом, говорить, обсуждать, иногда ругаться с этим незаурядным главным конструктором, – вспоминали сотрудники НПО «Молния», работавшие над проектом «Энергия-Буран», Михаил Иванович Осин и Николай Михайлович Светлов. – Внешне не впечатляющий, сутулый, худощавый пожилой человек держал нас такой хваткой, что мы ходили по струнке и напрягались перед каждой встречей. Мы с суеверием наблюдали, как он быстро погружался в твою проблему, вылавливал оплошности и давал правильный совет-приказ. В этом было что-то мистическое. Он использовал феноменальную память, энциклопедические знания, удивительную интуицию, неожиданные повороты мышления.

Хорошо зная людей, ловил нас на уводе взгляда, на неуверенности в голосе и безошибочно через минуту в разговоре ухватывался за тонкое и мало проработанное место. Главным его качеством было, пожалуй, необъяснимое свойство притягивать к себе умных и очень умных трудоголиков» («Независимая газета», 11 апреля 2012 г.).

В итоге коллективу, руководимому Лозино-Лозинским, удалось сделать то, что до сих пор не может повторить никто в мире. Система автоматической посадки, созданная для «Бурана», смогла посадить летательный аппарат, сходящий с орбиты со скоростью 7,5 км/с, не оснащенный двигателями, и еще сделать у земли никем не ожидаемый маневр, частично скомпенсировавший мощный боковой ветер скоростью 17 м/с.

27 декабря 1994 г. в «Независимой газете» было опубликовано интервью Глеба Евгеньевича Лозино-Лозинского. Вот отрывок из этой беседы.

«– *Успешный, первый и последний на сегодня, полет «Бурана» в автоматическом режиме состоялся 15 ноября 1988 года… Все ждали, что вот-вот последует пилотируемый полет. Но постепенно все как-то тихо сошло на нет…*

– Странного ничего в этом нет. И это все не вдруг. Казалось бы, что такой эффектный беспилотный полет и посадка орбитального самолета не могли не найти соответствующий отклик у руководства страны. В это время Михаил Сергеевич Горбачев был то ли в Курской, то ли в Орловской области – точно не помню. И когда ему сообщили об этом событии, он только и сказал: ну, что ж, хорошо. Никакого понимания, что это выдающееся достижение. Отсюда – и отношение к дальнейшей судьбе проекта».

Один из авторов сборника «25 лет полету многоразовой космической системы "Энергия-Буран"», член-корреспондент РАН, летчик-космонавт России Юрий Батурин пишет об этом в «сухом» документальном стиле. Но даже и эта нарочитая лапидарность не может скрыть горечь от произошедшего:

«После выполнения на ОК "Буран" ремонтно-восстановительных работ и работ по подготовке к транспортировке корабля на самолете-носителе Ан-225 "Мрия" он был представлен на Парижском авиашоу в 1991 году. Одновременно с этим были замедлены, а затем и заморожены работы, как на изделии 1.02 на Байконуре, так и на изделии 2.01 в цехах Тушинского механического завода.

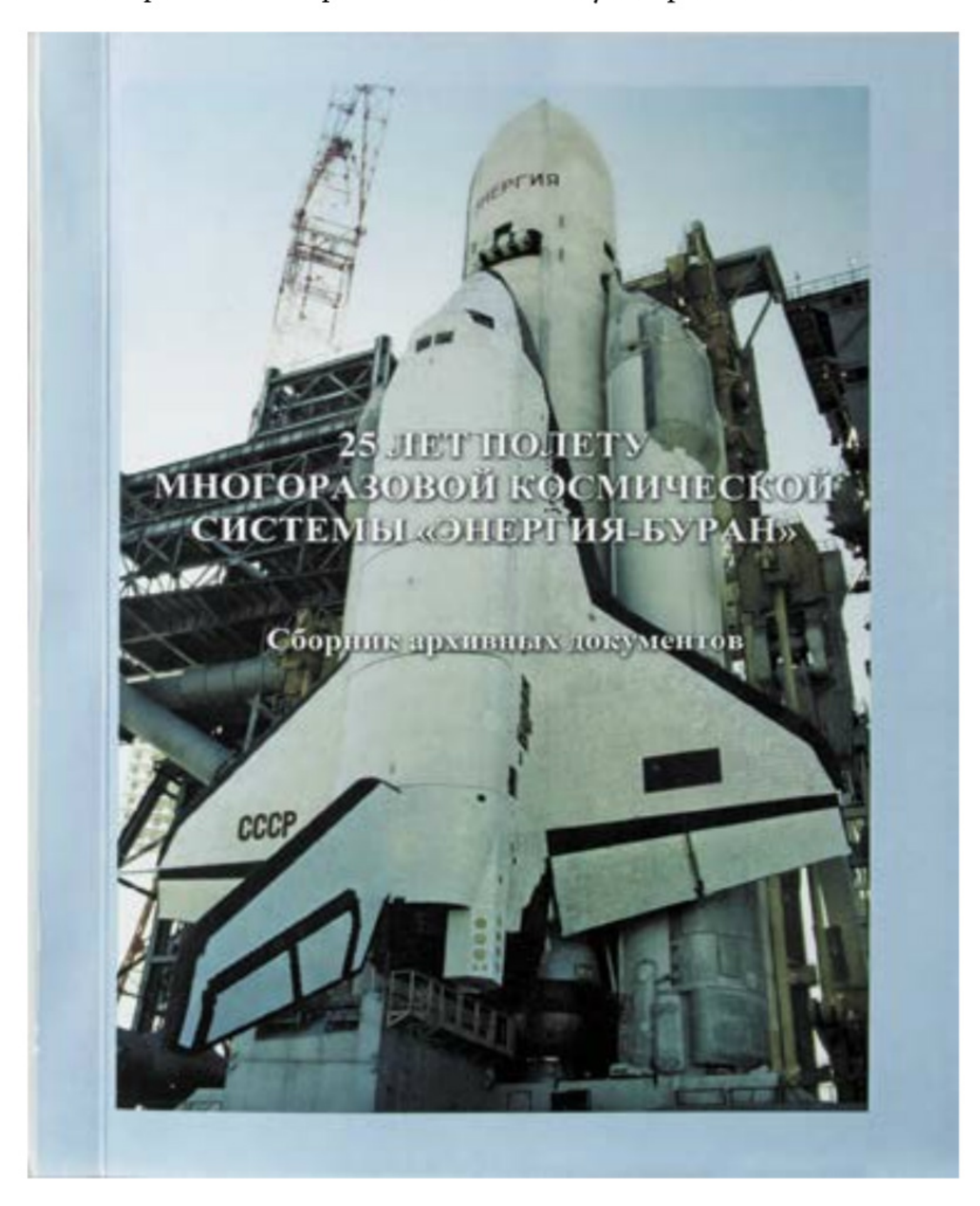
Сокращение ассигнований на развитие космонавтики, потеря интереса к орбитальным самолетам в связи с выработкой Министерством обороны новой военной доктрины, общее экономическое положение страны – все это заставило отказаться от намеченных планов. Работы по программе "Энергия-Буран" были приостановлены в 1990 году. После распада СССР было принято решение о прекращении работ по МКС "Энергия-Буран" и консервации объектов инфраструктуры. В 1993 году программа была окончательно остановлена. Один из аналогов ОК "Буран" (БТС-001), использовавшийся для наземных прочностных ис-

пытаний, стал аттракционом в Центральном парке культуры и отдыха имени А.М. Горького в Москве. Другой аналог ОК "Буран" (БТС-002), участвовавший в горизонтальных летных испытаниях, находится в частном Музее техники г. Шпайер (Германия). Летные экземпляры были законсервированы. В упадок пришел стартовый комплекс многоразовой космической системы на Байконуре. В 1995 году закончились все регламентные ресурсы на системы и оборудование ОК "Буран". Единственный летавший в космос орбитальный корабль многоразового использования "Буран" был разрушен в 2002 году рухнувшей крышей ангара монтажно-испытательного корпуса на Байконуре».

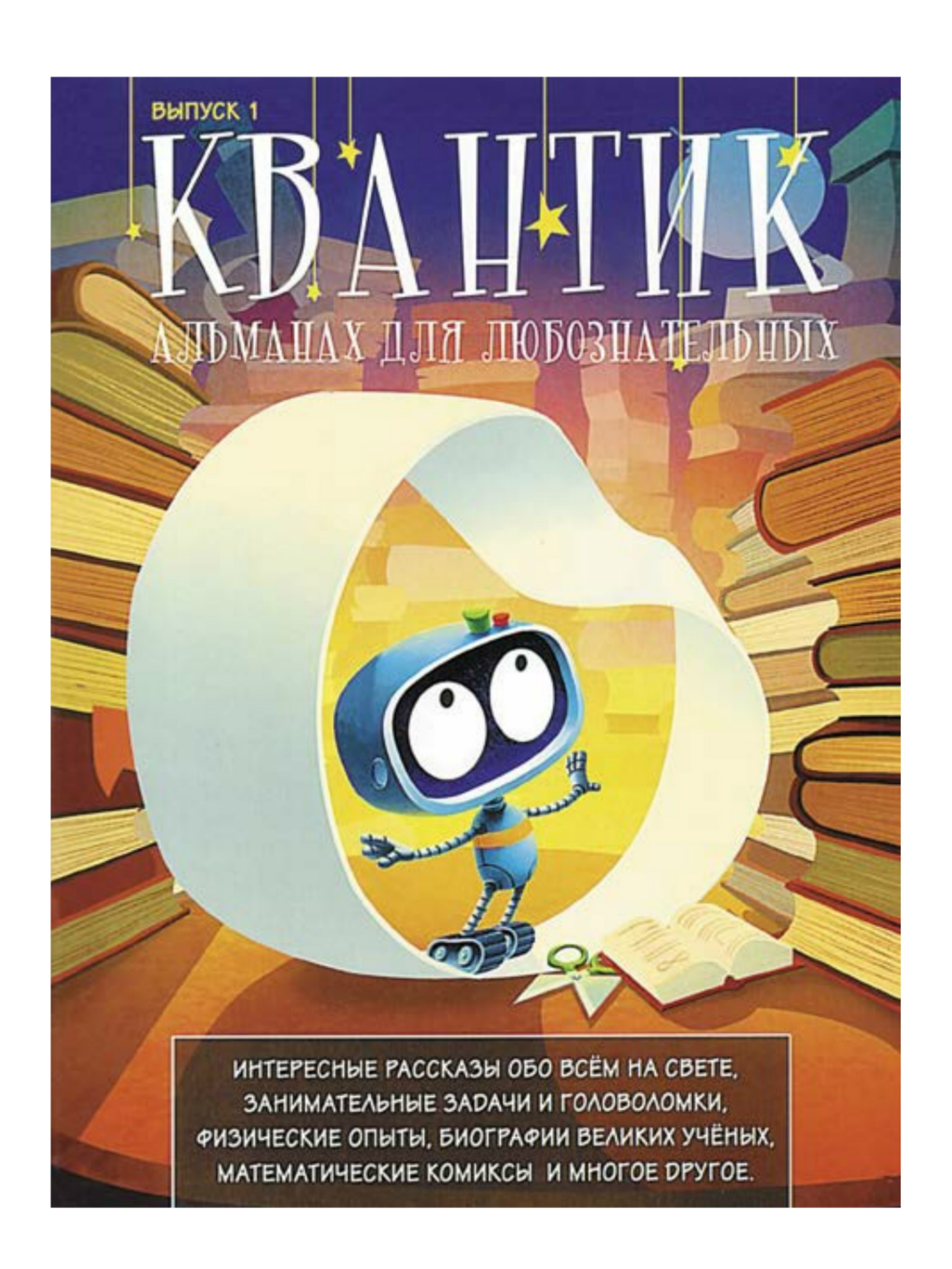
Остается только привести еще один отрывок из интервью Г.Е. Лозинского 1994 года:

«– *Вы имеете возможность сравнить отношение власти к науке, к развитию высоких технологий во времена застоя и сейчас. В чью пользу сравнение?*

– О каком сравнении можно говорить, если сегодня объективно идет разрушение науки, промышленности!»

25 лет полету многоразовой космической системы «Энергия-Буран»: Сборник архивных документов / Под ред. Ю.В. Лончакова. Авторы-составители: Ю.М. Батурин, О.Ф. Бондаренко, С.К. Крикалёв, Б.И. Крючков, А.А. Курицын, В.В. Самарин, М.М. Харламов. – Звёздный городок: ФГБУ «НИИ ЦПК имени Ю.А. Гагарина, 2014. – 308 с. 24,4 х 19 см. Тираж 35 экз. Издательская обложка.

ВЫПУСК 1
КВАНТИК
АЛЬМАНАХ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ
ИНТЕРЕСНЫЕ РАССКАЗЫ ОБО ВСЁМ НА СВЕТЕ,
ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ И ГОЛОВОЛОМКИ,
ФИЗИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ, БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ УЧЁНЫХ,
МАТЕМАТИЧЕСКИЕ КОМИКСЫ И МНОГОЕ ДРУГОЕ.

» ЖИВОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФЕСТИВАЛЯ НАУКИ «
№ 1
ОКТЯБРЬ 2014
КОТ
ШРЁДИНГЕРА
НАУКА ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС
СДЕЛАЙ САМ: ВЫДЕЛИТЬ СВОЮ ДНК ПРЯМО НА КУХНЕ
За что девушки любят программистов
КАК ПРИРУЧИТЬ ЛИСУ И КРЕВЕТКУ
12 лауреатов Нобелевской премии дали нам свои комментарии и интервью
Инопланетяне: когда и зачем они напишут нам письмо
Русские ученые изо всех щелей: где наука в вашей квартире
NICA –
12+
7 ГЛАВНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
НОВЫЙ СЕЗОН DR WHO
ИЛОН МАСК: ЧЕЛОВЕК-ПРОГРЕССОР
2500 ГОД ЧЕГО ЖДАТЬ
Археология как зеркало. Чем жил древний Новгород и почему мы такие, как есть
Как вживить ложные воспоминания
ЖИВ!
Спутанные фотоны нарушают принципы теории относительности
»
ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ ВНУТРИ

83

Татьяна Алексеева, Ольга Наумова
От замысла – к воплощению… Эскизы, рисунки, чертежи Ростислава Алексеева
(2015)

Крестный отец «каспийского монстра» – так можно было бы сказать про героя альбома «От замысла – к воплощению…». Выдающийся советский конструктор XX века Ростислав Евгеньевич Алексеев (1916–1980), создатель речных и морских судов на подводных крыльях и не превзойденного до сих пор технического шедевра – экранопланов (одна из модификаций которого и получила говорящее название «каспийский монстр»), характером обладал непростым. Да и откуда ему быть простым…

Родился Ростислав Евгеньевич 18 декабря 1916 года в городе Новозыбкове Черниговской губернии (ныне Брянская область) в семье учительницы и агронома. В 1929 году его отец был арестован по ложному доносу и как враг народа сослан в Сибирь. Ростислава отправляют к родственникам в Нижний Тагил. Там же, еще подростком, начинает работать на заводе. В 1933 году отец Ростислава освобожден из ссылки. Из списка городов, где ему разрешалось жить, выбрал Горький. Вся семья там и собралась. 1935 год: Ростислав Алексеев поступает в Горьковский Индустриальный институт им. А.А. Жданова (ныне Технический университет им. Р.Е. Алексеева) на кораблестроительный факультет. Но еще до этого Алексеев самостоятельно работает над эскизами яхты собственной конструкции.

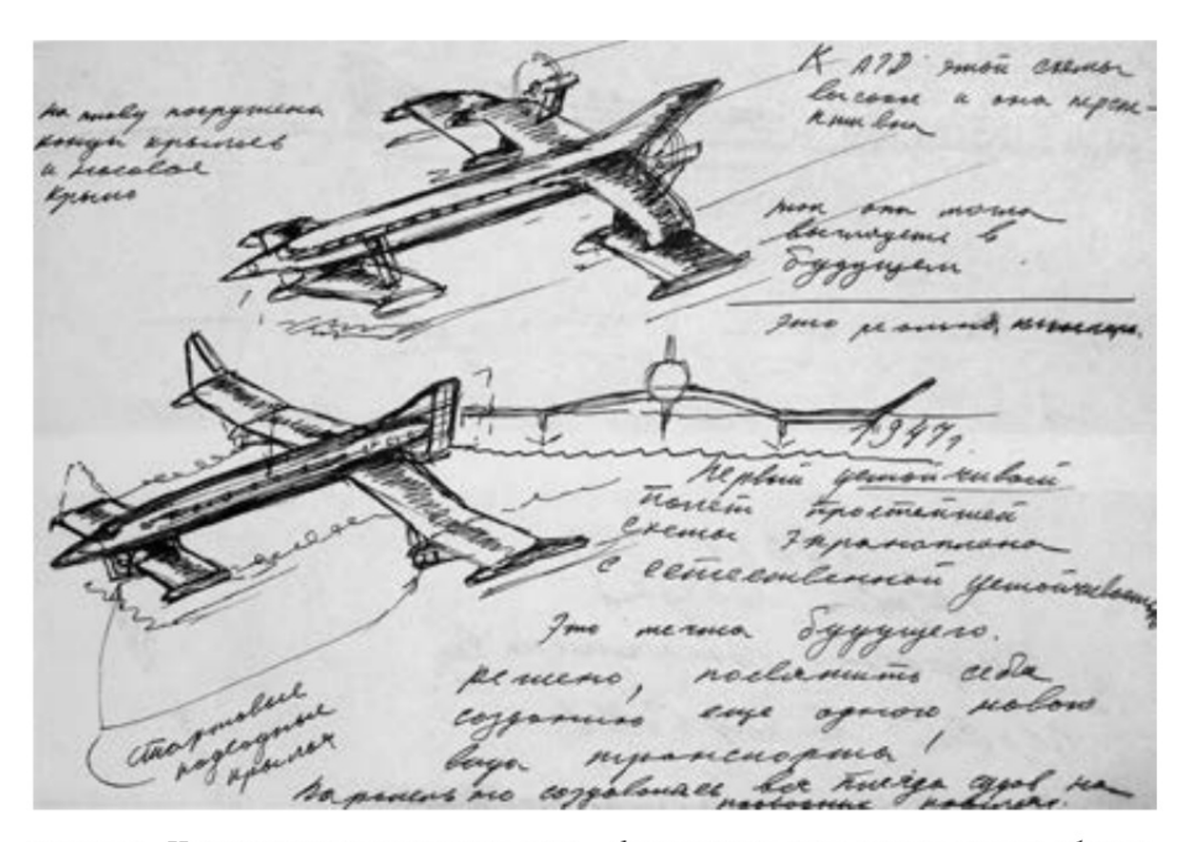

В 1937 году студент второго курса Ростислав АлексееЕ заявляется на гонки яхт. Организаторы регаты отказываются его допускать. Причина серьезная: название яхты, сконструированной и сделанной собственноручно Алексеевым, – «Черный пират». В СССР никаких «черных пиратов» быть не могло, по мнению организаторов. Их не устраивает объяснение, что черный цвет паруса выбран лишь для того, чтобы немножко скрыть швы между кусками подручного полотна, из которых сшит парус. Но Алексеев все же пробивается на старт и… побеждает. «“Черный пират” получился ладной яхточкой, – вспоминал Алексеев. – В ряды горьковских яхтсменов я вошел не как новичок, а полноправным яхтсменом. Он дал мне прекрасную школу по проектированию и выступлениям на спортивной арене». Ростислав Евгеньевич станет знатоком мировой истории яхт и позже даже подготовит специальную работу, посвященную аэродинамике парусов.

В 1940–1941 годах Ростислав Алексеев учится в Военно-морской академии им. К.Е. Ворошилова в Ленинграде, из которой был отчислен. Официальная причина – не сдал экзамен по математике; неофициальная – сложности во взаимоотношениях с преподавателем. Что там было на самом деле – сегодня уже не установить. Но как-то не верится, что человек с явным конструкторским талантом и склонностью к этой работе мог «завалить» математику.

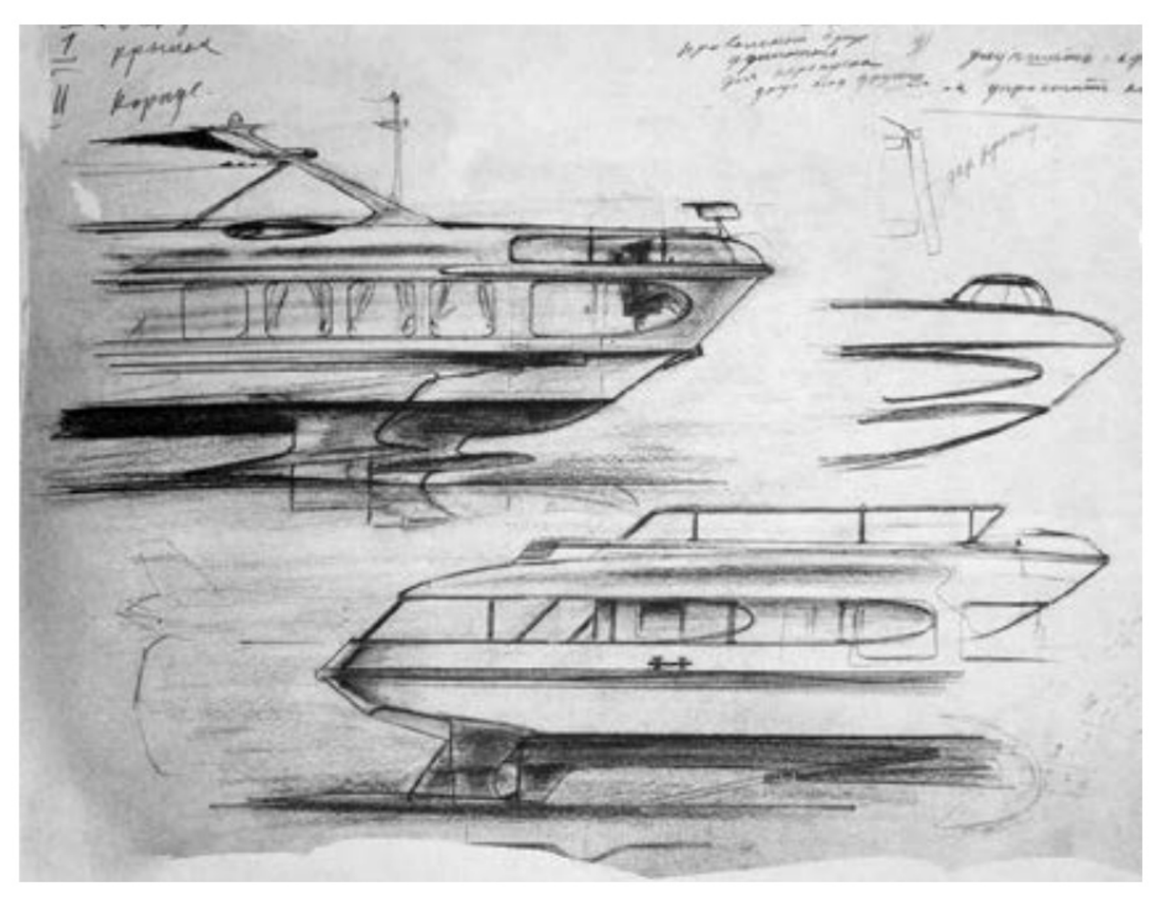
Из авторского предисловия к альбому: «Эта книга не похожа на другие… Читатель не найдет в ней технических подробностей, объясняющих то или иное конструкторское

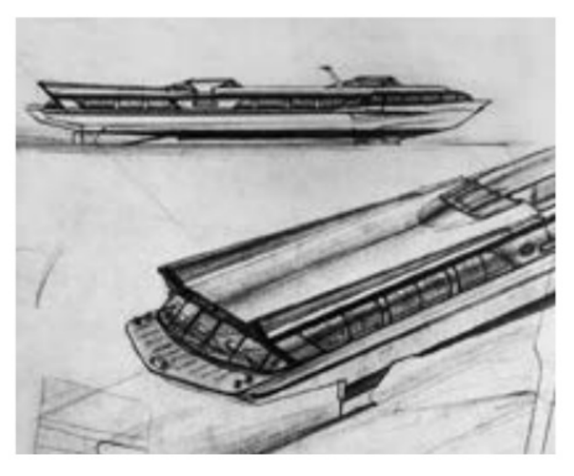

решение… Но зато читатель увидит на этих страницах само зарождение великих замыслов – наброски, рисунки, фрагменты планов, чертежей, писем, схем, карандашных заметок, из которых складывается удивительная картина творческой лаборатории этого незаурядного человека».

Великолепному рисовальщику Ростиславу Алексееву, кажется, всегда было проще зафиксировать свои мысли в виде образов, а не слов. И надо сказать, образы эти впечатляют. Даже самые, казалось бы, прикладные, технические или бытовые зарисовки еще со студенческих времен. Дипломный проект Алексеева, защищенный в октябре 1941 года, – «Глиссер на подводных крыльях». Эти чертежи и технические рисунки тоже приведены в альбоме. Приведены и зарисовки

«Орленок»

с черновиками расчетов оптимального парусного вооружения различного типа яхт. Тут надо сказать «спасибо» дочери Ростислава Алексеева, Татьяне Ростиславовне, одному из соавторов книги, – она сохранила архив отца.

А в том же октябре 1941 года, взяв за основу дипломный проект, Ростислав Алексеев в кратчайшие сроки создал торпедный катер на подводных крыльях. Как будто со страниц научно-фантастических романов сошли проработки этих судов... Чуть позже Ростислав Евгеньевич запишет на оборотной стороне одного из эскизов нового, совершенно необычного по тем временам скоростного судна: «Наперекор здравому смыслу. На двух ногах, на двух крыльях. 1943».

Но работать-то ему пришлось на заводе «Красное Сормово» – сначала контролером ОТК на танковом производстве, а потом и испытателем танков. Руководство завода, видя явную склонность молодого инженера к конструированию кораблей, предложило ему дополнительно к ежедневной нагрузке по приемке и испытанию танков официально работать три часа в день над проектом будущих судов на подводных крыльях. «Думать в свободные минуты о будущем скоростных кораблей, рисовать эскизы было отдыхом после шестнадцати и больше часов работы на производстве танков», – записывает Алексеев в дневнике. На западе, уже в 1980-е, открытый им эффект назовут «эффектом Алексеева».

Неслучайно авторы альбома отмечают: «Рисовать, зарисовывать, помечать, а точнее, думать посредством рисунка, когда рука ведет линию параллельно зарождающейся мысли, – это было для Алексеева абсолютно естественно с самого детства... Всю жизнь он не выпускал из рук карандаш (ручку) и блокнот с рисунками. Так ему было удобнее

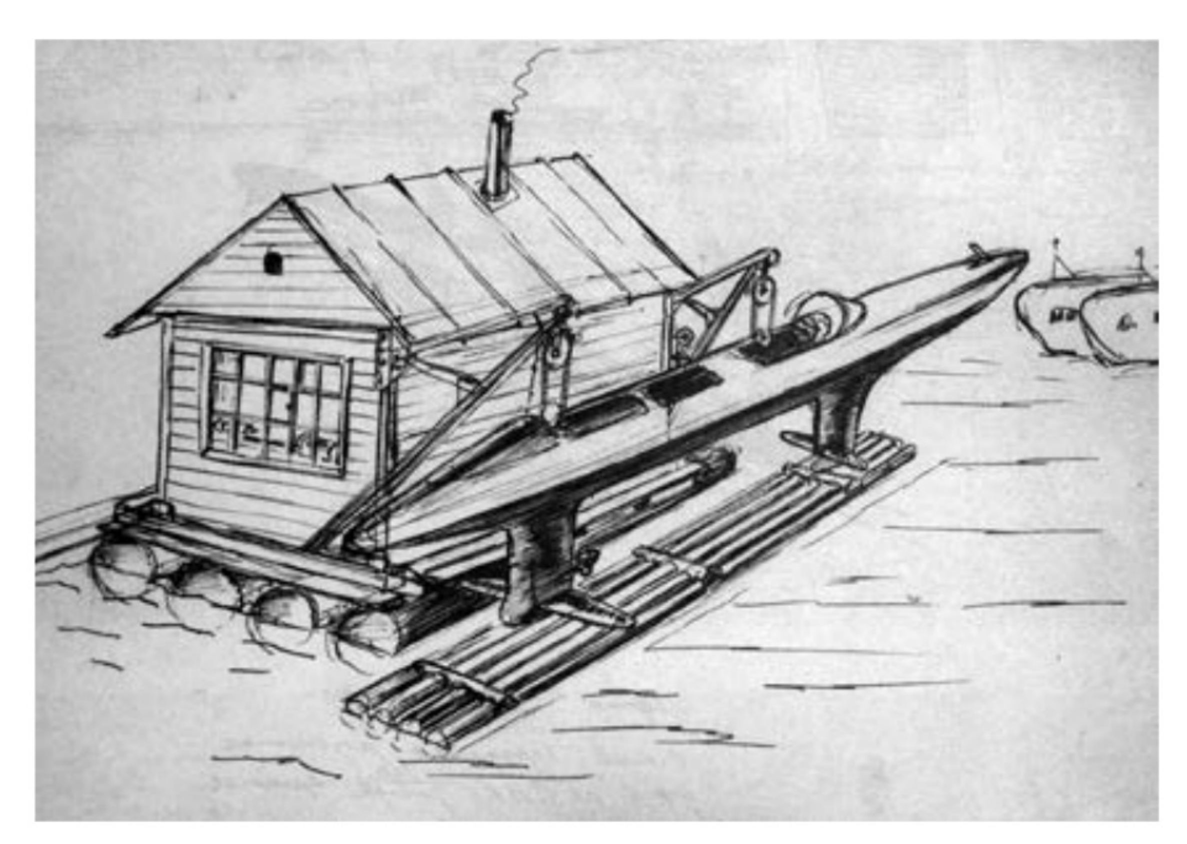
работать, так ему было легче объяснить что-то своим коллегам... Само это графическое наследие не поддается учету: много "почеркушек" на бланках, письмах и разных документах осталось на руках людей, работавших вместе с Алексеевым, некоторые документы до сих пор не рассекречены, а некоторые умышленно уничтожены».

В 1947 году, при испытаниях очередного катера собственной конструкции, был обнаружен «экранный эффект». Рукой Алексеева уже гораздо позже именно на одном из эскизов 1947 года написано: «Экраноплан с подводными крыльями на 55 человек. Остановлен военными в 1948 году». Опять, образно говоря, Алексеева не допускают к гонке. Вернее – пытаются не допустить. «Действительно, работы над этим аппаратом были заморожены, но невозможно было заморозить саму идею создания совершенно нового вида транспорта, который способен превышать скорость движения всех надводных судов, двигаясь над любой относительно ровной поверхностью (вода, суша, снег, битый лед, болото и т.п.), – пишут авторы альбома. – Экранопланы создавались в невероятно секретных условиях. Поэтому до сих пор многие рабочие записи, зарисовки Алексеева, связанные с этой темой, недоступны, часть из них утеряна, часть разошлась по рукам, часть уничтожена».

А идея была богатая! «Экранный эффект» – возникновение динамической воздушной подушки при движении над водной или другой поверхностью на очень малой высоте между крылом и поверхностью – позволяет развивать скорость до 500 километров в час! Такое не под силу даже самым скоростным судам на воздушной подушке и подводных крыльях (знаменитые алексеевские «Ракеты», «Метеоры», «Спутники»). В 1971 году, в интервью «Литературной газете», известный авиаконструктор Роберт Бартини, предсказал, что в будущем трансокеанские перевозки будут осуществляться

«Комета»

не только самолетами, но и крупными (грузоподъемностью в тысячи тонн) экранопланами.

В итоге, к началу 1960-х, военные все-таки одумались. Конструкторское бюро по судам на подводных крыльях, которое к тому времени возглавлял Алексеев, приступило к созданию совершенно нового типа транспорта – экранопланов. («Экраноплан» – термин, придуманный Алексеевым уже в начале 1960-х.) И начал Алексеев не мелочась: первый же опытный КМ – «корабль-макет» – имел длину 92 метра; высота его составляла 22 м, размах крыльев – 37 м, взлетная масса – 544 тонны! Самый тяжелый летательный аппарат на Земле!

18 октября 1966 года – первый наладочный выход КМ в районе о. Чечень на Каспийском море. Американцы, обнаружившие это испытание со спутника, и дали поразившему их воображение, невероятному аппарату свое название – «Каспийский монстр». 15 августа 1967 года первый в мире экраноплан КМ, управляемый Алексеевым и Логиновым, выполнил первый полет. В альбоме представлены варианты компоновки КМ гражданского назначения.

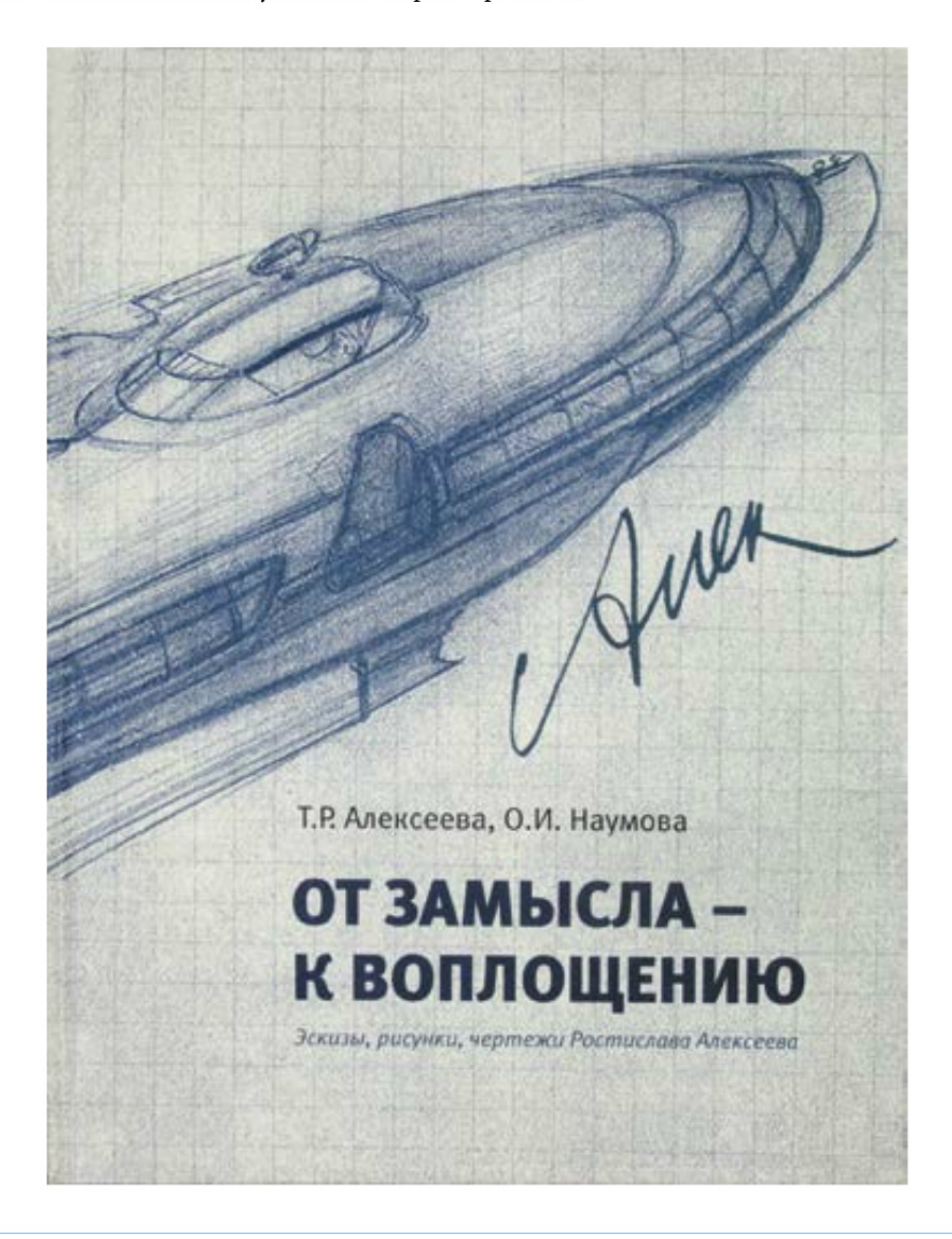
За «каспийским монстром» последовали десантно-транспортный аппарат А-90 «Орленок» вместимостью до 150 человек, который стал первым и единственным в мире принятым на вооружение серийным тяжелым экранопланом, и ударный «Лунь». 280-тонный «Лунь» имел в длину 74 метра и оснащался мощнейшими противокорабельными ракетами «Москит». Неслучайно его прозвали «убийца авианосцев».

Однако в 1976 году, после аварии при испытаниях экраноплана «Орленок», Алексеева отстраняют от руководства конструкторским бюро. Минобороны, единственный в СССР заказчик работ по экранопланам,

утратило к ним интерес, программа строительства этих «то ли самолетов, то ли судов» постепенно была свернута, финансирование работ в 80-х годах прекратилось. В итоге сейчас «Лунь» ржавеет на берегу Каспия, а уцелевший экземпляр «Орленка» выставлен на Химкинском водохранилище под Москвой...

По какой-то злой иронии судьбы военные опять спохватились. Увы, уже после смерти Ростислава Евгеньевича Алексеева (он умер 9 февраля 1980 года). В августе 2015 года в ходе Международного авиакосмического салона МАКС-2015 руководство Минобороны России объявило, что ставит перед разработчиками цель создать экранопланы грузоподъемностью до 240–300 тонн к 2020 году. Использоваться они будут в качестве ударных боевых комплексов с крылатыми ракетами.

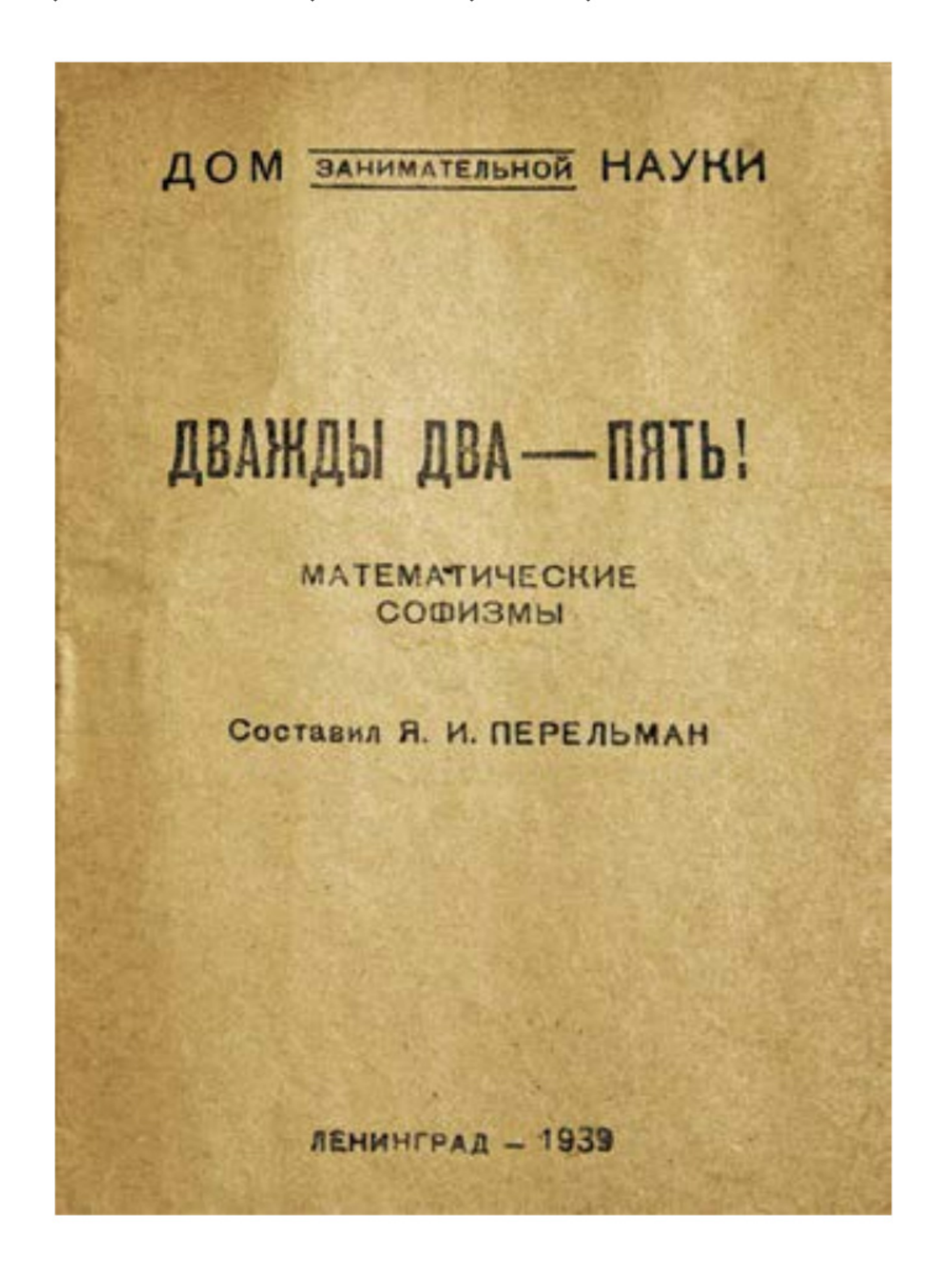
Алексеева Т.Р., Наумова О.И. От замысла – к воплощению... Эскизы, рисунки, чертежи Ростислава Алексеева. – Нижний Новгород: Кварц, 2015. – 144 с. 30 x 22 см. Тираж 400 экз.

Приложение

Яков Перельман.
Дважды два – пять!
(1939)

Как, наверное, помнит уважаемый Читатель, том «Библиохроники», который он сейчас держит в руках, начинался с цитаты из академика Петра Капицы, взятой в качестве эпиграфа: «Наука – это то, чего не может быть». Нам, составителям тома, показалось, что будет логично – и символично! – завершить его неким материальным подтверждением интригующего афоризма Капицы. И тут сработало известное эмпирическое правило: «Человеку, который чего-либо очень сильно хочет, обычно всегда на помощь приходит случай». В коллекции одного из авторов «Библиохроники» обнаружилась маленькая книжечка выдающегося отечественного популяризатора науки Якова Исидоровича Перельмана, прекрасно иллюстрирующая эпиграф. Её мы и воспроизводим факсимильно в «Приложении». Как говорят литературоведы – сюжет закольцевался. Кстати, и русская история, – в том числе и история науки в России, – кажется, предпочитает именно эту геометрическую фигуру – кольцо, замкнутый круг…

Итак, получите несколько минут интеллектуального удовольствия!

ДОМ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ НАУКИ

ДВАЖДЫ ДВА — ПЯТЬ!

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ СОФИЗМЫ

Составил Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

ЛЕНИНГРАД – 1939

Яков Исидорович Перельман (1882–1942).
Дважды два – пять! Математические софизмы / Ленинград, Дом занимательной науки, 1939. 16 с. Тираж 100 000 экз. 11,5 x 8,5 см.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отв. редактор *В. А. Каменский* Техн. редактор *А. Г. Жуков*

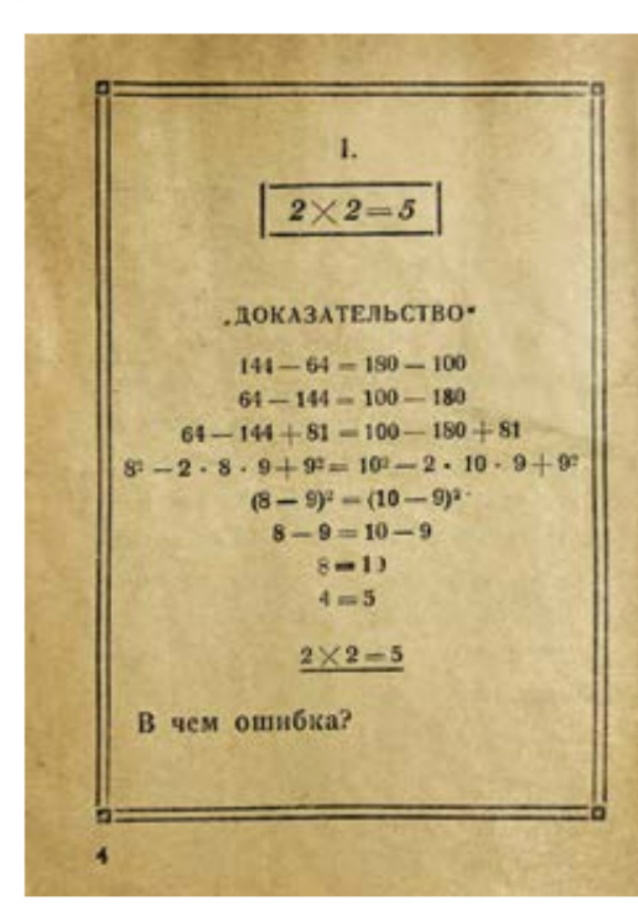
Ленгорлит № 1477 ¾ п. л. Тир. 100 000

Сдано в набор 23/XI-38 г. Подписано к печ. 19/XII-38 г.

Тип. „Нов. печ.", Ленинград, Лештуков, 4. Заказ 600

Эта книжечка предназначена, главным образом, для тех, кто уже знаком с начатками алгебры. Цель ее — приучить к осторожности при выполнении алгебраических вычислений и предостеречь от ошибок, довольно распространенных среди начинающих изучать математику. Книжечка может быть полезна для школьников, для обучающихся на рабфаках и в техникумах, а также для лиц, занимающихся самообразованием.

3

I.

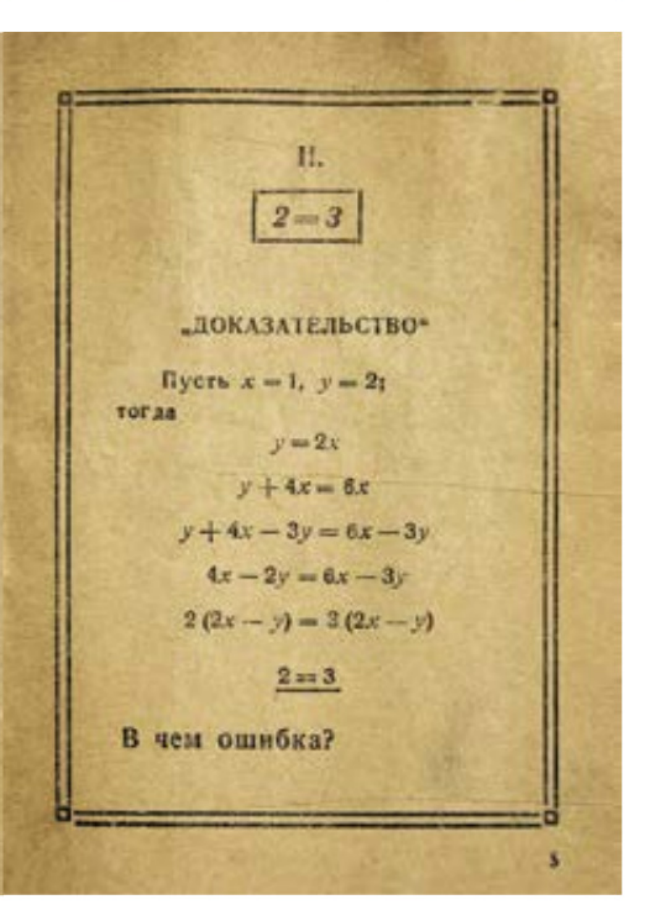
$2 \times 2 = 5$

„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО"

$$144 - 64 = 180 - 100$$
$$64 - 144 = 100 - 180$$
$$64 - 144 + 81 = 100 - 180 + 81$$
$$8^2 - 2 \cdot 8 \cdot 9 + 9^2 = 10^2 - 2 \cdot 10 \cdot 9 + 9^2$$
$$(8 - 9)^2 = (10 - 9)^2$$
$$8 - 9 = 10 - 9$$
$$8 = 10$$
$$4 = 5$$
$$2 \times 2 = 5$$

В чем ошибка?

4

II.

$2 = 3$

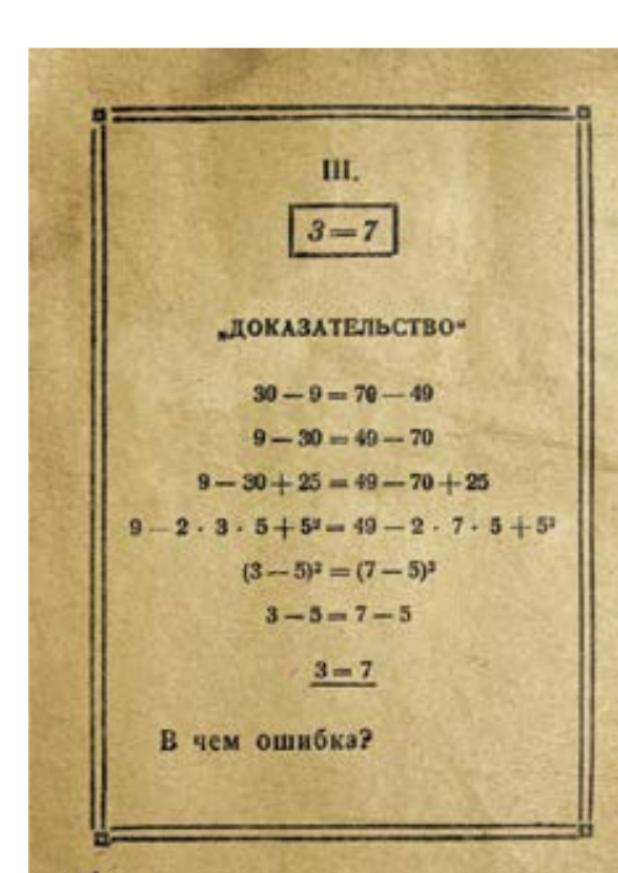
„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО"

Пусть $x = 1$, $y = 2$; тогда

$$y = 2x$$
$$y + 4x = 6x$$
$$y + 4x - 3y = 6x - 3y$$
$$4x - 2y = 6x - 3y$$
$$2(2x - y) = 3(2x - y)$$
$$2 = 3$$

В чем ошибка?

5

III.

$3 = 7$

„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО"

$$30 - 9 = 70 - 49$$

$$9 - 30 = 49 - 70$$

$$9 - 30 + 25 = 49 - 70 + 25$$

$$9 - 2 \cdot 3 \cdot 5 + 5^2 = 49 - 2 \cdot 7 \cdot 5 + 5^2$$

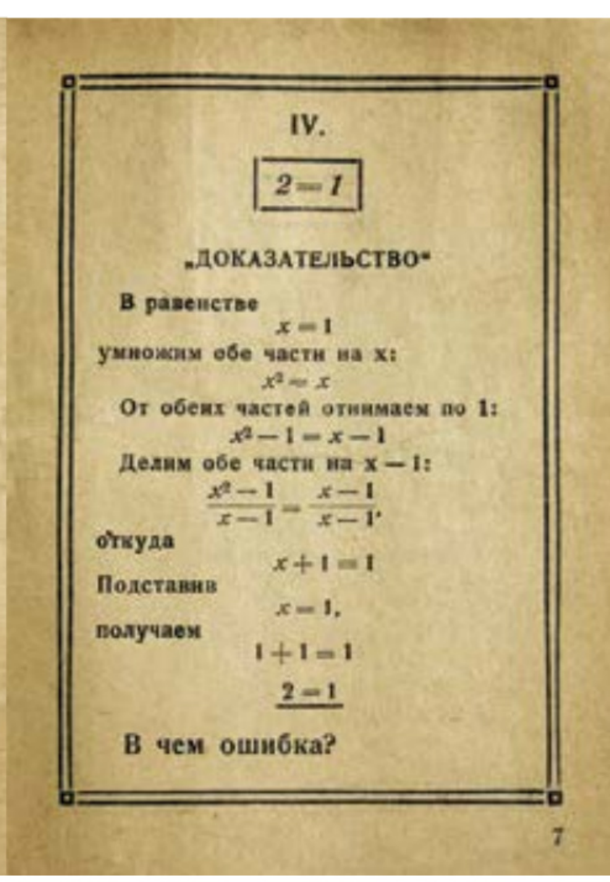
$$(3 - 5)^2 = (7 - 5)^2$$

$$3 - 5 = 7 - 5$$

$$\underline{3 = 7}$$

В чем ошибка?

6

IV.

$2 = 1$

„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО"

В равенстве

$$x = 1$$

умножим обе части на x:

$$x^2 = x$$

От обеих частей отнимаем по 1:

$$x^2 - 1 = x - 1$$

Делим обе части на x − 1:

$$\frac{x^2 - 1}{x - 1} = \frac{x - 1}{x - 1},$$

откуда

$$x + 1 = 1$$

Подставив

$$x = 1,$$

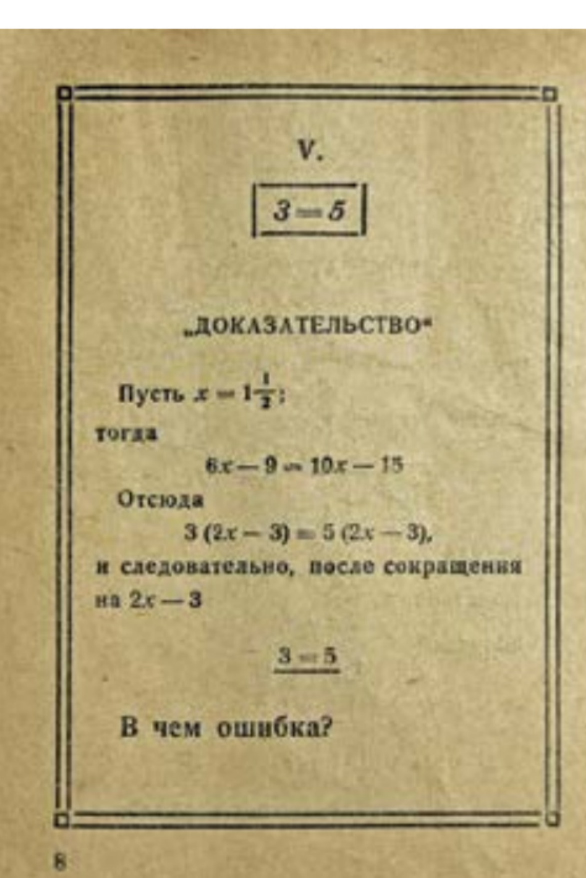
получаем

$$1 + 1 = 1$$

$$\underline{2 = 1}$$

В чем ошибка?

7

V.

$3 = 5$

„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО"

Пусть $x = 1\frac{1}{2}$;

тогда

$$6x - 9 = 10x - 15$$

Отсюда

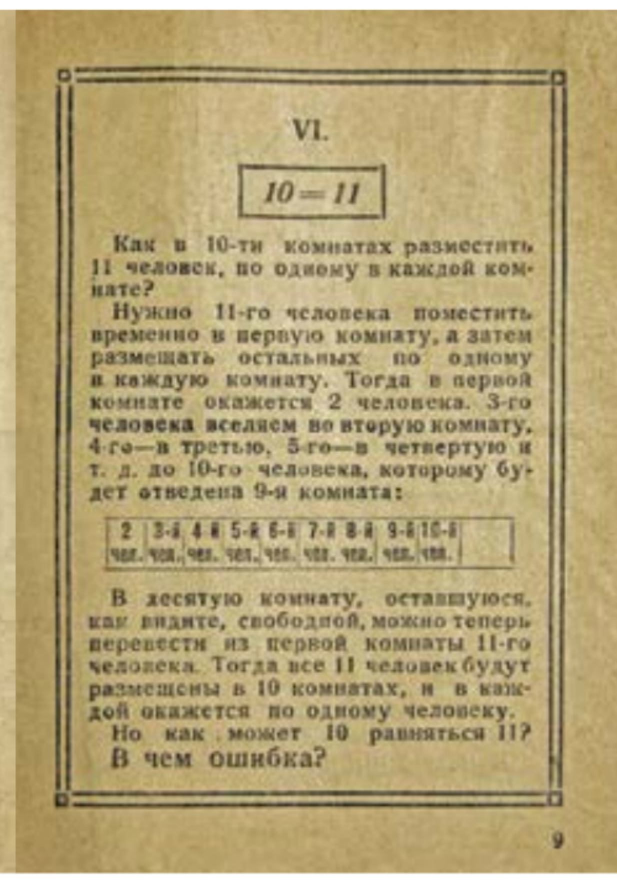
$$3(2x - 3) = 5(2x - 3),$$

и следовательно, после сокращения на $2x - 3$

$$\underline{3 = 5}$$

В чем ошибка?

8

VI.

$10 = 11$

Как в 10-ти комнатах разместить 11 человек, по одному в каждой комнате?

Нужно 11-го человека поместить временно в первую комнату, а затем размещать остальных по одному в каждую комнату. Тогда в первой комнате окажется 2 человека. 3-го человека вселяем во вторую комнату, 4-го—в третью, 5-го—в четвертую и т. д. до 10-го человека, которому будет отведена 9-я комната:

2 чел.	3-й чел.	4-й чел.	5-й чел.	6-й чел.	7-й чел.	8-й чел.	9-й чел.	10-й чел.	

В десятую комнату, оставшуюся, как видите, свободной, можно теперь перевести из первой комнаты 11-го человека. Тогда все 11 человек будут размещены в 10 комнатах, и в каждой окажется по одному человеку.

Но как может 10 равняться 11?

В чем ошибка?

9

VII.

$8 \times 8 = 65$

Квадрат, разграфленный на 8×8 клеток, разрежем как здесь показано:

Из полученных четырех частей составим прямоугольник:

В нем, как видим, 5×13, т. е. 65 клеток. Значит,

$$\underline{8 \times 8 = 65}$$

Как мог появиться лишний квадратик?

В чем ошибка?

10

VIII.

$1 = \frac{1}{2} = 0$

„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО“

Безконечный ряд

$$1 - 1 + 1 - 1 + 1 - 1 + \ldots$$

обозначим через x. Тогда

$$x = 1 - 1 + 1 - 1 + 1 - 1 + \ldots$$
$$x = 1 - (1 - 1 + 1 - 1 + \ldots)$$
$$x = 1 - x$$
$$2x = 1$$
$$x = \frac{1}{2}$$

Итак, $1 - 1 + 1 - 1 + 1 - 1 + \ldots = \frac{1}{2}$

Мы получим, однако, другой результат, если сгруппируем члены ряда так:

$$x = (1 - 1) + (1 - 1) + (1 - 1) + \ldots$$
$$= 0 + 0 + 0 + \ldots = 0$$

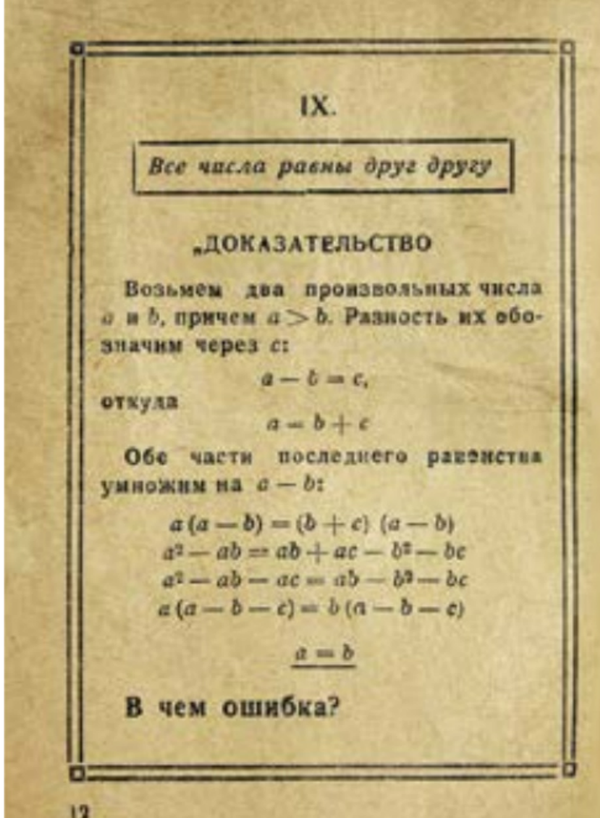
При иной группировке будем иметь

$$x = 1 - (1 - 1) - (1 - 1) - (1 - 1) - \ldots =$$
$$= 1 - 0 - 0 - 0 - \ldots = 1$$

Итак, $\underline{\frac{1}{2} = 0 = 1}$

В чем ошибка?

11

IX.

Все числа равны друг другу

„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Возьмем два произвольных числа a и b, причем $a > b$. Разность их обозначим через c:

$$a - b = c,$$

откуда

$$a = b + c$$

Обе части последнего равенства умножим на $a - b$:

$$a(a - b) = (b + c)(a - b)$$
$$a^2 - ab = ab + ac - b^2 - bc$$
$$a^2 - ab - ac = ab - b^2 - bc$$
$$a(a - b - c) = b(a - b - c)$$

$$\underline{a = b}$$

В чем ошибка?

12

X.

Положительное число меньше нуля

„ДОКАЗАТЕЛЬСТВО“

Возьмем два положительных числа a и b, причем

$$a > b$$

Обе части неравенства умножим на $b - a$

$$a(b - a) > b(b - a)$$
$$ab - a^2 > b^2 - ab$$
$$0 > a^2 - 2ab + b^2$$
$$0 > (a - b)^2$$

Но $(a - b)^2$, т. е. квадрат вещественного числа, есть число положительное. Следовательно, ноль больше положительного числа.

В чем ошибка?

13

ОТВЕТЫ

Каждое из предложенных „доказательств" заключает только **одну** ошибку.

I. Ошибка в том месте „доказательства", где из равенства

$$(8-9)^2=(10-9)^2$$

делается вывод, будто

$$8-9=10-9$$

Такое заключение незаконно:

$1^2=(-1)^2$, но 1 не равна минус 1

II. Так как $2x-y=0$, то в ходе „доказательства" обе части равенства были разделены на ноль, чего делать нельзя.

III. Ошибка такого же рода, как и в софизме I.

IV. Та же ошибка, что в софизме II.

V. Ошибка та же, что и в предыдущем случае.

VI. Второй человек остался без комнаты: он был при распределении комнат пропущен.

VII. Части разрезанного квадрата при составлении из них прямоугольника прилегают одна к другой не вплотную: остается непокрытым небольшой участок. В этом нетрудно убедиться практически, аккуратно вырезав фигуры в большом масштабе. Теоретически же доказывается это средствами тригонометрии.

VIII. Заключение в скобки нельзя безоговорочно применять к бесконечному числу слагаемых: прием этот безусловно приложим лишь к конечному числу слагаемых. Кроме того, нельзя вообще производить над x какие либо математические действия, не удостоверившись предварительно в том, что x есть определенное конечное число. Предложенный ряд предела не имеет.

IX. Так как $a-b-c=0$, то из равенства $a(a-b-c)=b(a-b-c)$ нельзя делать вывод, будто $a=b$: мы незаконно делим здесь обе части равенства на ноль.

X. Если $a>b$, то $b-a$ число отрицательное. При умножении же неравенства на отрицательное число необходимо менять знак неравенства на обратный, чего в предложенном „доказательстве" сделано не было.

ЧТО ЧИТАТЬ О МАТЕМАТИЧЕСКИХ СОФИЗМАХ

1. *Брадис и Харчева.* Ошибки в математических рассуждениях. 1938.

2. *Лацман и Трир.* Где ошибка? 1920 и 1923.

3. *Лямин.* Математические парадоксы и интересные задачи. 1911.

4. *Больцано.* Парадоксы бесконечного. 1911.

5. *Горячев и Воронец.* Задачи, вопросы и софизмы для любителей математики. 1903.

6. *Обреимов.* Математические софизмы. 1884 и 1889.

На подступах к «Библиохронике»

«Old Russian Books. Das alte russische Buch. Старая русская книга. Каталог», Нюрнберг (Nьrnberger Rathaus), 15.3. – 2.4.1991 / Составители Алексей и Сергей Венгеровы. СП «Вся Москва», 1991. – 135 с.

Венгеров А.А., Венгеров С.А. Житье-бытье московское. Век XVII. «Дела давно минувших дней…» / М., Издательство «ИНТО», 1994. – 399 с.

«XX век. Мы – в обложке». Каталог выставки в Государственном Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Отдел личных коллекций. Москва, Волхонка, апрель – май 2000 г. / Идея: Алексей и Сергей Венгеровы. Авторы проекта: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Савинов, Наталия Сиповская, Олег Лукашин, Павел Хорошилов, Мария Чапкина. М., 2000. – 255 с.

Первая часть «Библиохроники» – «В некотором царстве…»

Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1550–1975 гг. Книга первая. – М., Русский раритет, 2004. – 412 с.

Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1647–1977 гг. Книга вторая. – М., Русский раритет, 2006. – 450 с.

Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. В некотором царстве… Библиохроника. 1725–1980 гг. Книга третья. – М., Русский раритет, 2010. – 494 с.

Приложения к первой части «Библиохроники», выпущенные отдельными изданиями

Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская, Эдуард Козлов, Александр Никишин, Мария Чапкина. За Ваше (и наше) здоровье! Приложение к книге «В некотором царстве… Библиохроника». – М., Русский раритет, 2008. – 101 с.

Да здравствует мыло душистое!.. Приложение к книге «В некотором царстве… Библиохроника» / Авторский коллектив: Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская, Эдуард Козлов, Мария Чапкина. – М., Русский раритет, 2008. – 67 с.

Вторая часть «Библиохроники» – «Здесь, под небом своим…»

Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Алексей Невский, Вера Невская. Здесь, под небом своим… Выпуск первый: Отечественная война 1812 года. Библиохроника. 1789–1985 гг. – М., Русский раритет, 2012. – 698 с.

Елена Горская, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. Здесь, под небом своим… Выпуск второй: Города и веси. Библиохроника. 1718–2004 гг. – М., Русский раритет, 2013. – 436 с.

Мария Богданович, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Ирина Насонова, Мария Чапкина. Здесь, под небом своим… Выпуск третий: Прекрасная пора. Библиохроника. 1737–1998 гг. – М., Русский раритет, 2013. – 536 с.

Мария Богданович, Андрей Ваганов, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. Здесь, под небом своим… Выпуск четвертый: Непредсказуемая память. («Памятные книжки»). Библиохроника. 1828–1917 гг. – М., Русский раритет, 2015. – 423 с.

Сергей Венгеров, Артемий Ключников, Владимир Меркулов. Здесь, под небом своим… Специальный выпуск: Достоинства печать. Библиохроника. 1770–1918 гг. – М., Издание авторов, 2015. – 236 с.

Мария Богданович, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. Здесь, под небом своим… Выпуск пятый: Несменяемая власть. Библиохроника. 1730–2014 гг. – М., Русский раритет, 2016. – 503 с.

Андрей Ваганов, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. Здесь, под небом своим… Выпуск шестой: Унесенные в бессмертие. Наука в России и ее окрестностях. Библиохроника. 1564–2014 гг. – М., Русский раритет, 2017. – 544 с.

Третья часть «Библиохроники» – «Между нами… Entre nous…»
(тома-билингвы)

Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Вера Невская, Алексей Невский. Между нами… Entre nous… Выпуск первый: франко-русский. Библиохроника. 1700–1985 гг. – М., Русский раритет, 2014. – 447 с.

Мария Богданович, Андрей Ваганов, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Елена Горская, Ирина Насонова, Алексей Невский, Вера Невская, Мария Чапкина. Между нами… Entre nous… Выпуск второй: немецко-русский. Библиохроника. 1550–1977 гг. – М., Русский раритет, 2015. – 511 с.

Мария Богданович, Андрей Ваганов, Алексей Венгеров, Сергей Венгеров, Елена Горская, Алексей Невский, Вера Невская, Мария Чапкина. Между нами… Entre nous… Выпуск третий: англо-русский. Библиохроника. 1647–1900 гг. – М., Русский раритет, 2015. – 543 с.

Переводы «Библиохроники»

Alexej A. Wengerow, Sergej A. Wengerow. Es war einmal ein Zarenreich… Bibliochronik 1550–1975 / Redaktion, Satz und Register der deutschen Ausgabe –Bernd E. Scholz, Weimar (Lahn), 2016. – 419 ñ. (на нем. языке)

Указатели

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗАГЛАВИЙ

(с обозначением номеров сюжетов)

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

СОДЕРЖАНИЕ

Фото из личных архивов и архива ТАСС

Отпечатано в ООО «УП Принт»
Россия, Москва, 3-я Мытищинская ул., 16

